

В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов

ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ: ОТ ПОРАЖЕНИЯ К ПОБЕДЕ

К 110-летию окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг.
и к 70-летию окончания Советско-японской войны 1945 г.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

Российская академия наук
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Международное содружество общественных объединений —
обществ дружбы с народами зарубежных стран
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под редакцией
действительного государственного советника
Российской Федерации I класса *В.А. Золотарева*

В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов

ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ: ОТ ПОРАЖЕНИЯ К ПОБЕДЕ

*К 110-летию окончания Русско-
японской войны 1904–1905 гг.
и к 70-летию окончания Советско-
японской войны 1945 г.*

Москва
2015

УДК 355/359(520)
ББК 63.3(2)622.13:63.3(2)521
3802

Серия основана в 2009 г.

Издание реализуется в рамках программы Клуба православных предпринимателей, одобренной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в декабре 2009 г.

Исследовательско-издательский проект «Военная история Российского государства» реализуется в рамках программы Клуба православных предпринимателей

РПП ИНЭС Р1506
ISBN 978-5-93618-232-7

© Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф., 2015
© Зимонин В.П., глава 7, 2015
© Главная редакционная коллегия, 2015
© Институт экономических стратегий, 2015
© Русский биографический институт, 2015

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПРОЕКТА
«ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

*В.А. Золотарев (председатель), А.И. Агеев, Л.А. Буланов,
Г.И. Загорский, В.П. Зимонин, Н.В. Илиевский, В.В. Ионов,
А.Е. Карпов, А.В. Кирилин, М.Н. Кожевников, Г.Э. Кучков,
Марк — архиепископ Егорьевский, Н.М. Москаленко,
А.И. Миренков, А.К. Никонов, Н.А. Петухов, Б.Г. Путилин,
О.А. Ржешевский, А.А. Саркисов, А.М. Соколов,
В.Г. Тыминский, С.А. Тюшкевич, В.С. Христофоров,
Е.П. Чельшев, В.Е. Чуров, П.А. Шашкин*

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СОВЕТ

Председатель В.А. Золотарев

*А.И. Агеев, Н.В. Абросимов, В.П. Баранов, Л.А. Буланов,
М.М. Журавлев Ю.Ф. Зарудин, В.П. Зимонин, Г.И. Загорский,
Н.В. Илиевский, А.В. Кирилин, М.Н. Кожевников, Г.А. Куманев,
А.А. Крылов, К.А. Кочетов, А.А. Логинов, В.И. Марченков,
А.И. Миренков, В.М. Михалкин, Н.М. Москаленко,
В.В. Попов, Н.А. Петухов, Б.Г. Путилин, О.А. Ржешевский,
А.А. Саркисов, А.И. Сорокин, А.М. Соколов (заместитель
председателя), П.В. Стегний, В.Г. Стрекозов,
А.А. Трубецкой, С.Л. Тихвинский, С.С. Турунов,
С.А. Тюшкевич, Б.П. Уткин, Е.П. Чельшев, А.А. Чурилин,
П.А. Шашкин, В.В. Шикерин, И.А. Шеремет, Д.Т. Язов*

Главный военно-исторический совет, Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства» и Клуб православных предпринимателей выражают искреннюю благодарность за неоценимую помощь в подготовке и издании книги

Бабанину Павлу Юрьевичу, Буркову Анатолию Николаевичу, Гладких Василию Ивановичу, Донченко Сергею Ивановичу, Каджояну Юрию Степановичу, Козицыну Андрею Анатольевичу, Коновалову Алексею Анатольевичу, Королеву Александру Вячеславовичу, Коротченко Игорю Юрьевичу, Ленскому Виктору Федоровичу, Лещенко Виктору Викторовичу, Махаеву Владимиру Александровичу, Муртазину Рифу Римовичу, Назарову Андрею Владимировичу, Николаеву Анатолию Леонидовичу, Спяровой Татьяне Викторовне, Туркину Федору Олеговичу, Федорову Андрею Николаевичу, Фоменко Алексею Николаевичу, Черниковой Анне Викторовне, Чумаковой Татьяне Арсентьевне, Шабардину Владимиру Николаевичу,

а также руководству и сотрудникам компаний, при участии и поддержке которых было выпущено данное издание:

НП «ИНЭС», АО «ЭЦМ-Сервис», НП «Экологический центр Сахалинской области», Группа Компаний «Стройпромет», ООО «АМС — Мед», ООО «Компонент-Реактив», Некоммерческая организация Благотворительный фонд «Северное Приморье», ООО «НТЦ «Нефтегаздиагностика», ООО «ПФ «Ак-

сиос», ЗАО «НТЦ «Рокад», ЗАО «Заводъ «Метеорит-Н», ФГУП «ВНИИФТРИ», ООО «НПО «Диагностические системы», АО «ЦКБ «Коралл», ООО «Машук», ЗАО «РосСтройИнвест», АО «Вагонная ремонтная компания – 1», ООО «Север-строй».

Особая признательность за совместную работу — ООО «Трансстройинвест», ООО «УГМК-Холдинг», ООО «Фишеринг Сервис», ООО «ИД «Национальная оборона» и Российскому военно-историческому обществу.

Кроме того, благодарность тем лицам и организациям, которые по тем или иным причинам предпочли оказать нам поддержку анонимно.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	17
ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ, РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.	23
«Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю...»: начало японской агрессии	23
«Мое правило... продолжайте ваше нападение, пока не уничтожите неприятеля»: боевые действия русских кораблей у Порт-Артура	50
«...притянуть на себя японскую армию»: первые сражения на суше	74
ГЛАВА 2. ГЕРОИЧЕСКИЕ 329 ДНЕЙ: ОБОРОНА ПОРТ-АРТУРА.	91
«Русские... сумели нанести огромные потери японским войскам»: бои на подступах к крепости	91
«...если бой сделается неизбежным, то принимайте его с полной уверенностью в успехе»: боевые действия в Желтом море и Корейском проливе.	113
«Сегодня пошел одиннадцатый месяц осады... держимся исключительно каким-то чудом»: Порт-Артурская страда и последние дни обороны ...	121
ГЛАВА 3. ЗАБЫТЫЕ СРАЖЕНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ..	155
«Важность сбережения сил... для решительного боя»: Ляоянская операция	155
«Проникнитесь все сознанием важности победы для России»: сражение на реке Шахэ	169
«Необходимость всяческой осторожности»: Мукденская операция.	175

ГЛАВА 4. ЗАВЕРШЕНИЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НА МОРЕ	193
Неудачное блокирование Японии: действия русского флота на морских и океанских коммуникациях	193
Попытка реванша: подготовка 2-й Тихоокеанской эскадры	208
Цусимская боль	217
ГЛАВА 5. УКРЕПЛЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ	235
Мероприятия по обороне Приморья	235
Оборона Сахалина	239
Защита Камчатки	241
ГЛАВА 6. «СТРАШНЫЕ ВЫ ВЕЩИ ГОВОРЯТ... НО ВЫ ПРАВЫ! НУЖНЫ КОРЕННЫЕ РЕФОРМЫ»	245
Окончание войны и ее уроки	245
Уроки войны и ее влияние на развитие военного искусства	254
Последствия войны для Японии	273
ГЛАВА 7. ВТОРАЯ, СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1945 г. (<i>В.П. Зимонин</i>)	291
Стратегическая обстановка в регионе к началу боевых действий	298
Последняя точка во Второй мировой войне	308
Примечания	318
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Обмен нотами между российским и японским правительствами касательно возвращения полуострова Фын-Гянь (Ляодун) и мореплавания в Формозском проливе. Сентябрь — октябрь 1895 г.	333

Конвенция о возвращении Ляодунского полуострова, заключенная Китаем и Японией в Пекине 8 ноября (27 октября) 1895 г.	334
Меморандум между Россией и Японией, заключенный и подписанный в Сеуле 2(14) мая 1896 г.	335
Договор о союзе, заключенный Россией и Китаем 22 мая 1896 г. в Москве	337
Соглашение между Россией и Японией о Корее. Москва, 28 мая (9 июня) 1896 г.	339
Протокол по Корейским делам, подписанный в Москве 28 мая (9 июня) 1896 г. между Русским и Японским правительствами	340
Правительственное сообщение (касательно Кореи)	342
Контракт на постройку и эксплуатацию Китайской Восточной железной дороги	344
Правительственное сообщение по поводу уступки Китаем России в арендное содержание Порт-Артура и Та-лянь-ваня. 17(29) марта 1898 г.	349
Правительственное сообщение о независимости Кореи. 29 апреля (11 мая) 1898 г.	350
Соглашение между Россией и Великобританией о сферах железнодорожных интересов в Китае. С.-Петербург, 16(28) апреля 1899 г.	352
Соглашение между Великобританией и Японией. 17(30) января 1902 г.	354
Официальное сообщение. С.-Петербург, 7(20) марта 1902 г.	357
Тождественная декларация от 3(16) марта 1902 г., одновременно врученная представителями России и Франции правительствам Австро-Венгерскому, Бельгийскому, Великобританскому, Германскому, Испанскому, Итальянскому, Китайскому, Нидерландскому, Северо-Американскому и Японскому	358
Всеподданейший доклад Е.И.В. Великого князя генерал-адмирала. 25 февраля 1898 г.	359

Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину (1900–1901 гг.)	361
Письма И. Балашева Николаю II. 12 марта 1902 г.	374
Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу. 7 мая 1903 г.	377
Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу. 8 мая 1903 г.	377
Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу. 8 мая 1903 г.	378
Письмо А. Безобразова Николаю II. 11 мая 1903 г.	379
Письмо А. Безобразова Николаю II. 23 мая 1903 г.	381
Записка А. Безобразова Николаю II. 23 мая 1903 г.	383
Письмо А. Безобразова Николаю II. 29 мая 1903 г.	385
Письмо А. Безобразова Николаю II. 29 мая 1903 г.	386
Письмо А. Безобразова Николаю II. 2 июня 1903 г.	387
Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II. 14 июня 1903 г.	389
Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II. 16 июня 1903 г.	392
Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II. 16 июня 1903 г.	394
Докладные записки А. Безобразова Николаю II	395
Протест, подписанный командирами английского, итальянского и французского судов и отправленный японскому адмиралу Уриу. Рейд Чемульпо, 9 февраля 1904 г.	404
Капитан 1-го ранга Руднев — Николаю II. Донесение 5(18) февраля 1904 г.	405
Рапорт командира крейсера 1-го ранга «Варяг» управляющему морским Министерством 5 марта 1905 года.	405
А.Н. Куропаткин — Е.И. Алексею. Отношение. С.-Петербург, 27 января (9 февраля) 1904 г.	418
Е.И. Алексеев — Николаю II. Донесение. Порт-Артур, 28 января (10 февраля) 1904 г.	419
Ген. Флуг — ген. Попову. Донесение. Порт-Артур, 2(15) февраля 1904 г.	419
Приказ № 8 Маньчжурской армии. Ляоян, 10(23) февраля 1904 г.	420

Ген. Куропаткин — ген. Алексееву. Отношение. С.-Петербург, 12(25) февраля 1904 г.	420
Ген. Алексеев — ген. Линевичу. Предписание. Мукден, 12(25) февраля 1904 г.	421
Ген. Викт. Викт. Сахаров — ген. Алексееву. Предписание. С.-Петербург, 15(28) февраля 1904 г.	422
Ген. Линевичу — ген. Кашталинскому. Предписание. Ляоян, 15(28) февраля 1904 г.	423
Ген. Алексеев — ген. Куропаткину. Отношение. 16(29) февраля 1904 г.	424
Ген. Кашталинский — ген. Линевичу. Донесение. 18 февраля (2 марта) 1904 г.	425
Ген. Алексеев — ген. Викт. Викт. Сахарову. Отношение. 27 февраля (11 марта) 1904 г.	426
Разведывательная сводка штаба Маньчжурской армии. 14(27) марта 1904 г.	428
Ген. Алексеев — Николаю II. Донесение. 15(28) марта 1904 г.	431
Телеграмма С.О. Макарова — управляющему морским министерством Авелану. 18 марта 1904 г.	434
Телеграмма заместителя Е.И.В. Алексеева — управляющему морским министерством Авелану. 21 марта 1904 г.	434
Телеграмма временно исполняющего делами командующего флотом Тихого океана — заместителю Е.И.В. 31 марта 1904 г.	435
Справка о предполагаемых причинах гибели эскадренного броненосца «Петропавловск».	436
Из «Отчета о деятельности управления Генерал- квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 годов» (СПб, 1907)	438
Описание военных действий 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии 18 апреля (1 мая) 1904 г.	490
Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II. Из отчета № 16. 15(28) мая — 22 мая (4 июня) 1904 г.	500

Описание подвига фейерверкера 3-й батареи 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в бою 17 августа под Ляояном	504
Ген. Куропаткин — Николаю II. Донесение. Ляоян, 19 августа (1 сентября) 1904 г., 12 ч. 15 мин.	505
Донесение ген. Куроки японскому Главному штабу	508
Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II. Отчет № 30. 20–27 августа (2–9 сентября) 1904 г.	511
Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II. Доклад об операциях Маньчжурской армии. 22 сентября (5 октября) — 3(16) октября 1904 г.	515
Приказ № 54 17-му армейскому корпусу. 24 ноября (7 декабря) 1904 г.	523
Ген. Стессель — ген. Алексееву. Доклад. 1(14) декабря 1903 г.	526
Из журнала № 4 заседания Совета обороны крепости Порт-Артур. 9(22) августа 1904 г.	531
Разведывательная сводка штаба крепости Порт-Артур. 24 августа (6 сентября) 1904 г.	535
Мичман Романов — ген. Стесселю. Донесение. Форт № 5, 10(23) сентября 1904 г., 5 час.	535
Ген. Стессель — Николаю II. Донесение. 10(23) сентября 1904 г.	536
Разведывательная сводка штаба крепости Порт-Артур. 23 ноября (6 декабря) 1904 г.	536
Журнал военного совета крепости Порт-Артур. 16(29) декабря 1904 г.	537
Приказ войскам Квантунского укрепленного района Порт-Артур. 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)	546
Адм. Вирен, адм. Григорович, адм. Лошинский — Вел. князю Алексею Александровичу Романову (генерал-адмиралу). Донесение. Порт-Артур, 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)	548
Приказ войскам Квантунского укрепленного района Порт-Артур. 21 декабря 1904 г. (3 января 1905 г.)	548

Ген. Куропаткин — ген. Викт. Викт. Сахарову. Донесение. Д. Сахетунь, 18(31) января 1905 г.	549
Официальные донесения японских главнокомандующих.	550
Ген. Куропаткин — Николаю II. Донесение. Д. Сахетунь, 18(31) января 1905 г., 15 ч. 35 мин.	552
Ген. Гриппенберг — Николаю II. Донесение. Д. Матурань, 18(31) января 1905 г., 18 ч. 35 м.	552
Ген. Куропаткин — ген. Бильдерлингу. Циркулярное письмо № 1723. 7(20) февраля 1905 г.	552
Сводка мнений командующих 1-й, 2-й и 3-й армиями, присланных ими в ответ на циркулярное письмо ген. Куропаткина № 1723. 13(26) февраля 1905 г.	556
Описание военных действий частей 2-го Сибирского армейского корпуса. 31 января — 27 февраля (13 февраля — 12 марта) 1905 г.	558
Ген. Соболев — ген. Сахарову. Из письма. 29 марта (11 апреля) 1905 г.	561
Официальные донесения японских главнокомандующих.	562
Положение на Шахэ. С 31-го января по 2-е февраля (с 18-го по 20-е января).	567
Потери японцев.	570
В районе Хсинкинга.	570
Преследование после Мукденского сражения 11 марта (26 февраля).	571
Положение в районе Хайлуна 28 марта (15 марта).	572
Сражение в Японском море 27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая). Общие донесения (Донесения адмирала Того).	572
Отношение графа Ламздорфа В.Н. Коковцову.	597
Журнал военного совещания под личным председательством его императорского величества 24 мая 1905 г. в Царском Селе.	597

Письмо Нижегородского губернатора П. Унтербергера при докладной записке министру финансов. 27 мая 1905 г.	616
Записка о предполагаемых условиях мира с Японией. . .	617
Письмо В.Н. Коковцова графу Ламздорфу. 20 июня 1905 г.	621
Донесение агента министерства финансов в Вашингтоне Г. Виленкина В.Н. Коковцову	627
Телеграмма С.Ю. Витте В.Н. Коковцову. 28 июля 1905 г.	629
Телеграмма С.Ю. Витте В.Н. Коковцову. 30 июля 1905 г.	630
Журнал совещания 21 сентября 1905 г. для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключенного в Портсмуте. 23 августа (5 сентября) 1905 г.	630

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия и Япония — две соседних страны и два совершенно различных мира. В XX в. им довелось дважды столкнуться на полях сражений, и итоги этих боевых действий имели диаметрально противоположные последствия. В первый раз, в годы Русско-японской войны, императорская Япония, бурно развивавшаяся с начала эпохи Мейдзи, попробовала скрестить мечи с Россией, также переживавшей активное, но весьма противоречивое развитие после великих реформ Александра II. В той войне нашли отражение самые разные стороны менталитета двух народов, полководческого таланта военачальников и политической воли двух государей. Одного нельзя отнять: героизма и находчивости русских солдат, которые отмечались даже в японских донесениях.

Как сказал Г. Гегель, «история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы». Однако в 1945 г. советское руководство выучилось на примере тяжелого поражения сорокалетней давности. Японский агрессор, сосредоточивший почти миллионную армию фанатично преданных микадо солдат, был разгромлен. Вместе с этим ушли в небытие бесчеловечные опыты Сиро Исии, грозившие началом бактериологической войны. Блицкриг Красной армии на Дальнем Востоке до сих пор поражает военных исследователей и ставится в пример качества организации, продуманности ударов и мастерского их исполнения в весьма сложных географических условиях.

Зачем же авторы данной монографии снова обратились к теме двух войн? Знание объективной истории русско-японского конфликта важно не только с академической точки зрения. Оно позволяет более полно разобраться в истории противостояния двух стран. Незнание же истории этого конфликта может привести к укреплению точки зрения, порой слышимой в российской печати («отдать эти острова — и всё!»), что нанесет России не только серьезный геополитический, экономический и военный ущерб, но и сильно ослабит ее международный авторитет.

Новые историко-документальные исследования по истории русско-японских конфликтов необходимы для разоблачения мифотворческих концепций, в которых царские армия и флот предстают обреченными на поражение силами во главе с бездарными командующими, а японские войска — отлаженной военной машиной, состоящей из профессионалов. В данном случае авторам, кропотливо изучившим большой массив архивных документов и воспоминаний современников, удалось воссоздать подлинную картину описываемых войн, положения воюющих держав и изменения их военных и экономических потенциалов.

Не менее важен и рассматриваемый ниже международный аспект проблемы: какие силы стояли за противниками, какая оказывалась поддержка, как разворачивалась и велась информационная война на фронте и в тылу. Это все играет особую роль сегодня, когда против России развернута новая пропагандистская война, в которой история стала своеобразным оружием против памяти народов и целых стран. Крепить память не только о боевом братстве, но и о последствиях милитаристско-экспансионистской внешней политики, не раз бросавшей вызов нашей стране с Запада и с Востока, — цель потомков победителей.

В то же время именно сегодня открываются широчайшие перспективы для сотрудничества историков. Новые документы, открываемые архивами России, Китая, Монголии, Японии, позволяют наладить диалог различных исторических

школ и изучить войны со всех сторон. Авторы получают возможность выйти на новый уровень исторического анализа и обобщения. Поэтому исследования русско-японских войн не должны ограничиваться только юбилейными трудами. Лишь длительный целенаправленный труд многих научных коллективов позволит создать новую, комплексную историю противостояния России и Японии.

* * *

Но у истории российско-японских отношений есть и другие, менее радужные реалии. 2 сентября 1945 г. японское командование подписало Акт о безоговорочной капитуляции. Однако напряженность в отношениях между двумя странами так и не была снята, а вскоре только усилилась. Незадолго до этого, испытав на миллионах мирных горожан Хиросимы и Нагасаки действие атомной бомбы, Соединенные Штаты включили Страну восходящего солнца в восточноазиатскую дугу нестабильности. Дух милитаризма и «северная ориентация» сохранились при активном попустительстве Вашингтона. Опираясь на американские военные базы, эта дуга с момента своего появления несла японцам только унижение перед победителем, укрывшимся по ту сторону Тихого океана. Скованная цепями военных пактов и иностранных военных баз, Япония является не чем иным, как передовым фортом чужеродной агрессии. Причем агрессор не скрывает своего неуважения и даже презрения к тем странам, куда ступил его кованый башмак. Ведь цель его — не мир, но меч. А посему, как отмечает целый ряд современных исследователей, «в настоящее время ситуация вдоль восточноазиатской дуги нестабильности стабильно нестабильна»¹. И Япония здесь выполняет чужую волю.

Не это волнует современную японскую элиту. До сих пор будоражат японскую общественность последствия войн с Рос-

¹ Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности и геополитическое измерение территориальных споров в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21, с. 27.

сией, и каждый новый премьер-министр Страны восходящего солнца начинает свою внешнеполитическую программу с решения вопроса так называемых «северных территорий». В то же время Россия, имея на то полное право, каждый раз твердо заявляет о своем суверенитете над Курилами.

Рассмотрим основные вехи «курильской проблемы». В 1855 г., заключив Симондский трактат, Россия и Япония установили дипломатические отношения. Согласно документу, острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи отошли к Японии, а остальные острова Курильской гряды — к России. Сахалин был объявлен территорией, находящейся в совместном ведении. В 1875 г. обе стороны подписали Петербургский договор, по которому все Курилы отошли к Японии, а последняя, в свою очередь, признала Сахалин частью России. В 1905 г. по Портсмутскому мирному договору Япония также получила и Сахалин (до 50-го градуса северной широты). В 1945 г. к СССР отошел весь Сахалин и Курильские острова (включая четыре южных острова). По Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., в подписании которого СССР не участвовал, Япония официально заявила, что отказывается от Курильских островов. Однако вскоре Токио заявил, что в термин «Курильские острова» не входят Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, которые якобы «являются исконными японскими территориями». В 1956 г. СССР и Япония выступили с совместной декларацией, официально положившей конец военным действиям между двумя государствами. Но заключить мирный договор тогда не удалось.

Таковы сложные перипетии «курильского вопроса», который регулярно поднимается японской стороной в связи с подписанием мирного договора с Россией. Есть ли мирное решение этой проблемы, сказать трудно, но уже сегодня мы можем наблюдать апатию к нему со стороны японского общества.

Однако политические лидеры в Токио продолжают строить концепции относительно российских дальневосточных рубежей, которые теперь входят в «Дугу свободы и процвета-

ния». Как созвучно это название с другим геополитическим построением 1930-х гг., «Великой восточноазиатской сферой взаимного процветания», и как далеко от чаяний рядовых японцев! Но политики из Кантэй, пребывающие в плену собственных грез, мыслят масштабами евразийского континента: от Северной Европы и Прибалтики через Центральную и Юго-Восточную Европу, Кавказ, Центральную Азию, Ближний Восток, Индию и Юго-Восточную Азию — вплоть до Северо-Восточной Азии. О такой экспансии не мечтал даже автор «меморандума Танаки»! Отказываясь от решения насущных проблем, современные японские политики не хотят учитывать ни изменившийся баланс сил в регионе, ни интересы своих сограждан. Между тем рядовые японцы в последнее время все чаще выступают против милитаризации внешней политики Токио и за строительство мирных отношений с соседями. Будет ли их голос услышан официальным Токио, покажет время.

Почетный председатель
Национального комитета
историков России *С.Л. Тихвинский*

ГЛАВА 1

Первая, Русско-японская война

«Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю...»: начало японской агрессии

Япония, завершив подготовку своих вооруженных сил, в 1904 г. искала удобного момента для открытия военных действий против России. Имелось в виду внезапным нападением на Тихоокеанскую эскадру русских в Порт-Артуре ослабить ее и тем самым обеспечить себе господствующее положение на море. Затем намечалось высадить сухопутные войска на континенте и развернуть операции в Южной Маньчжурии.

Подготовка к внезапному нападению шла в Японии быстрыми темпами. На острове Цусима, в непосредственной близости от Кореи, в которой уже находилось около 16 тыс. японских резервистов, начались сборы призывников. В западных портах Японии производилось сосредоточение транспортов. В корейские порты Чемульпо и Гензан шел поток военных грузов. Туда спешно доставлялись уголь и продовольствие. Флот из порта Фукуока выходил в море и отрабатывал боевые задачи, производил стрельбы.

Для ведения войны были выделены крупные финансовые средства, проведен внутренний заем.

17(30) января 1904 г. в Порт-Артуре стало известно, что в Сасебо японцы сосредоточили 60 транспортов для перевозки своих войск. По расчетам русского командования, за двое суток эти суда могли перебросить и высадить в Корею до 6 дивизий. Русский военно-морской атташе в Японии капитан 2-го ранга А.Н. Русин сообщал, что в стране прекращены все пароходные рейсы, что большая часть частных пароходов зафрахтована для перевозки войск. Столь решительные меры говорили не о политической демонстрации, а о серьезном намерении Японии в ближайшее время начать войну против России.

Обеспокоенный такими сведениями, Алексеев вновь обратился к Николаю II с просьбой разрешить начать мобилизацию на Дальнем Востоке, а также вывести русский флот в море. Царь ответил телеграммой: «Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия. Поэтому если они не начнут действия против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в Южную Корею или на восточном берегу до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без одного перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны».

Под давлением неоспоримых доказательств о подготовке войны Японией русское командование на Дальнем Востоке вынуждено было пойти на ряд мер, повышавших боевую готовность войск и флота. Так, учитывая возможность внезапного нападения врага на русскую эскадру, перед заходом солнца сообщение с берегом прекращалось. На ночь заряжались орудия и торпедные аппараты, гасилась часть корабельных огней. Для отражения возможной атаки противника одна смена дежурила у орудий и торпедных аппаратов. Чтобы оповестить эскадру о приближении японских кораблей, каждые сутки назначались два дежурных миноносца. С наступлением темноты они выходили в море, имея задачу «осветить» 20-мильную морскую зону перед Порт-Артуром, а дежурная канонерская лодка с этой же целью высылалась в море, но она контролировала лишь 10-мильное пространство перед рей-

дом. О замеченном неприятеле миноносцы и лодка должны были докладывать флагману по возвращении в Порт-Артур. Кроме того, для экстренного выхода в море под парами находились два дежурных крейсера. Двум кораблям ставилась задача прожекторами освещать подходы к рейду, чтобы неприятель не мог приблизиться незамеченным.

19 января (1 февраля) приказом начальника Тихоокеанской эскадры были введены в действие инструкции по дежурству крейсеров, стоявших на внешнем рейде судов и эскадренных миноносцев. Хотя некоторые меры по обеспечению безопасности русских кораблей были приняты, они носили половинчатый характер. Так, для кораблей, выходящих в море из Порт-Артура, в инструкции было написано: «Без особых приказаний боевого вооружения к бою не готовить и крейсировать с открытыми отличительными огнями»¹.

Вице-адмирал С.О. Макаров, хорошо знакомый с политической обстановкой на Дальнем Востоке, зная характер японцев по своим прежним плаваниям в Тихом океане, не раз предупреждал руководителей Морского министерства о том, что японский флот может внезапно напасть на русскую эскадру в Порт-Артуре и нанести ей тяжелые потери. Накануне нападения японцев на Порт-Артур вице-адмирал Макаров, занимавший в то время должность главного командира Кронштадтского порта, представил на имя управляющего Морским министерством доклад, в котором писал: «...Пребывание судов на открытом рейде дает неприятелю возможность производить ночные атаки. Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев и даже паровых катеров. Результат такой атаки будет для нас очень тяжел... Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку»². Это письмо Макарова оказалось в буквальном смысле пророческим. Развернувшиеся в ночь с 26 (8 февраля) на 27 января (9 февраля) события на Дальнем Востоке полностью подтвер-

дили его предвидение. Таким образом, вице-адмирал Макаров, находясь в Кронштадте, оценивал обстановку на Дальнем Востоке гораздо лучше, чем адмиралы Алексеев и Старк, находившиеся в Порт-Артуре.

Морское министерство, неправильно оценивавшее обстановку на Дальнем Востоке, не пожелало прислушаться к разумному совету С.О. Макарова. Положив на его письмо резолюцию: «Хранить весьма секретно, копий не снимать»³, руководители Морского министерства во главе с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем оставили его без всякого внимания и положили под сукно.

Несмотря на опасность стоянки кораблей на внешнем рейде, адмиралы Алексеев и Старк, непосредственно отвечавшие за безопасность Тихоокеанской эскадры, не только не перевели ее на внутренний рейд Порт-Артура, но, оставив эскадру на внешнем рейде, установили для нее совершенно неудовлетворительную диспозицию, по которой наиболее ценные броненосцы были поставлены мористее всех кораблей. В случае внезапной атаки противника они подвергались наибольшей опасности.

Оставив эскадру на внешнем рейде, русское командование приняло некоторые меры предосторожности на случай нападения противника. На всех кораблях вводилось затемнение и ряд других мер. Однако все это не всегда выполнялось. Так, корабли, производившие погрузку угля в ночное время, ярко освещались, чем нарушалась светомаскировка, выставленный на подходах к Порт-Артуру корабельный дозор не обеспечивал обнаружения подхода противника с моря. Разведка на театре не велась. Использование береговых батарей для отражения внезапной атаки противника не предусматривалось. Между эскадрой и береговой артиллерией даже не было установлено связи, равно как и общего сигнала тревоги. Поэтому принятые меры по охране якорной стоянки больше создавали атмосферу самоуспокоенности и понижали бдительность личного состава эскадры, чем обеспечивали безопасность ее стоянки на внешнем рейде.

В военно-морской исторической литературе по Русско-японской войне, и в частности в труде военно-исторической комиссии при Морском генеральном штабе, пишется о том, что русское правительство запретило принимать какие-либо меры, которые могли быть расценены японцами как подготовка к войне и послужить поводом для ее начала. Однако указания правительства, носившие общий характер, не снимали ответственности с командования эскадрой за обеспечение надежной обороны кораблей на внешнем рейде Порт-Артура и состояние боевой готовности эскадры. Бытовала и другая версия: при нападении на порт-артурскую эскадру в ночь на 27 января японцы якобы застали ее врасплох, и весь офицерский состав эскадры в это время находился на берегу, на балу у жены начальника эскадры адмирала Старка. Это утверждение опровергается как общим ходом событий по отражению атаки японских миноносцев, так и заявлениями многих участников этих событий. М.И. Костенко в своих воспоминаниях, посвященных Русско-японской войне, пишет: «По примеру прежних лет, 26 января у начальника эскадры Старка был раут по случаю именин его жены. Одни говорят, что раут был днем, а вечером все были на своих местах; другие же утверждают, что ночью, в момент нападения, некоторые из офицеров задержались на рауте и не могли попасть на свои суда. Многие высказывали и такое мнение, что японцы, зная по примеру прежних лет, как весело праздновался моряками этот день у Старка, именно и выбрали его днем нападения. Тем не менее, мною положительно было установлено, что раут окончился около 4-х часов дня (16), а в 6 часов вечера (18) состоялся совет на «Петропавловске» из старших морских начальников, для обсуждения мер к охране флота и его действия на случай войны»⁴.

Другой участник этих событий, начальник дипломатической канцелярии заместителя на Дальнем Востоке Е.А. Плансон, в своем дневнике пишет: «У нас вся эскадра вышла на рейд — более двадцати вымпелов, не считая миноносцев. После спуска флага никого не отпускают на берег. Адмирал Старк

встретился в сумерки. Идет домой обедать (жена именинница), говорит мне, что «контрабандой», т.е. особо доверительно, спрашивает: «Ну, что, господа дипломаты, как дела?» Я отвечаю: «Наше дело кончено, теперь начинается Ваша роль»⁵. Заявление М.И. Костенко и Е.А. Плансона о том, что в ночь с 26 на 27 января офицеры эскадры были на своих кораблях, а не на балу у жены адмирала Старка, а последний вечером 26 января проводил совещание на броненосце «Петропавловск» с начальником штаба временного морского штаба заместника и командиром Порт-Артура, которое закончилось за полчаса до начала атаки японских миноносцев, подтверждается и официальными материалами по Русско-японской войне⁶.

Утром 25 января (7 февраля) Алексеев получил телеграмму о разрыве дипломатических отношений с Японией. Редактор газеты «Новый край» просил разрешения опубликовать эту телеграмму, но получил отказ, «чтобы не волновать общество».

26 января (8 февраля) 1904 г., за несколько часов до нападения японских миноносцев на русскую эскадру, начальник штаба Тихоокеанской эскадры контр-адмирал В.К. Витгефт подписал и разослал циркуляр «Об изготовлении минных аппаратов и мин к действию».

Однако, когда возник вопрос о необходимости поставить боновые и сетевые заграждения, в тот же день начальник эскадры вице-адмирал О.В. Старк писал заместнику: «Полагаю отказаться от употребления сетевого заграждения, имеемого лишь на шести броненосцах и четырех крейсерах, как могущего задержать движение эскадры при необходимости экстренной съёмки с якоря, а также... повести к более опасным случаям — наматыванию сетей на винты».

Исключая возможность серьезных потерь при нападении вражеских миноносцев, начальник эскадры опасался лишь потерять время при съёмке с якоря да того, что сети могут намотаться на винты.

К вечеру 22 января (4 февраля) в Токио стало известно, что русская эскадра находится на внешнем рейде. Япон-

ское командование решило воспользоваться благоприятными обстоятельствами. На совещании у императора, где присутствовали высшие чиновники империи, было принято решение начать военные действия против России. Вице-адмирал Х. Того получил приказ о нападении на русские корабли и о высадке войск в Корее. В стране была объявлена мобилизация.

Утром 24 января (6 февраля) вице-адмирал Х. Того собрал командиров кораблей на флагманском броненосце в военно-морской базе Сасебо. Вот как в своем дневнике описывает это совещание командир японского миноносца «Акацуки»: «Перед адмиралом лежала карта Желтого моря и специальная карта Порт-Артура. Мы все сели вокруг стола, и штабной офицер дал каждому из нас план рейда и гавани Порт-Артур, на котором было подробно указано все положение русской эскадры и место каждого корабля»⁷.

На этом совещании Того отдал следующий приказ: «Я предполагаю теперь же со всем флотом направиться в Желтое море и атаковать суда неприятеля, стоящие в Порт-Артуре и Чемульпо. Начальнику 4-го боевого отряда контр-адмиралу Уриу со своим отрядом (с присоединением крейсера «Асама») и 9-му и 14-му отрядам миноносцев предписываю идти в Чемульпо и атаковать там неприятеля, а также охранять высадку войск в этой местности. 1, 2, 3-й боевые отряды вместе с отрядами истребителей пойдут прямо к Порт-Артуру. Отряды истребителей ночью атакуют неприятельские суда, стоящие на рейде. Эскадра же предполагает атаковать неприятеля на другой день»⁸.

Сразу по получении приказа командующего Соединенным флотом японские корабли в составе 6 броненосцев, 14 крейсеров и более 35 миноносцев вышли в море. Во главе Соединенного флота шел отряд быстроходных крейсеров и миноносцев, вслед за ним двигались основные силы — броненосные крейсера и эскадренные броненосцы. 25 января (7 февраля) 4-й боевой отряд контр-адмирала С. Уриу, состоявший из 1 броненосца и 5 крейсеров, 8 миноносцев и 3 транспор-

тов с десантом в 3000 человек, отделился от главных сил и направился в Чемульпо.

После полудня 26 января (8 февраля), находясь всего в 44 милях от базы русского флота, главные силы адмирала Того подошли к острову Раунд. В 18 часов на флагманском корабле был поднят сигнал о начале операции. Имевшиеся в распоряжении миноносцы командующий Соединенным флотом разделил на два отряда. Первый, состоявший из 10 единиц, он отправил к Порт-Артуру, второй, в количестве 8 миноносцев, — к Дальнему. Главные силы двинулись к островам Эллиот.

Принято считать, что Русско-японская война началась в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. нападением миноносцев на русскую эскадру у Порт-Артура. Фактически боевые действия против русских кораблей японский флот начал на несколько часов раньше — около 16 часов 26 января (8 февраля). Произошло это при следующих обстоятельствах.

Для защиты иностранных посольств в Сеуле в корейском порту Чемульпо в качестве стационаров находились военные корабли ряда стран, в том числе России и Японии. В январе 1904 г. в связи с нарастающей угрозой войны в корейскую столицу со всех стационаров были свезены войска для охраны миссий и иностранных подданных.

Из трех русских кораблей, находившихся в этом районе, крейсер «Боярин» и канонерская лодка «Гиляк» были отозваны в Порт-Артур. К оставшемуся на рейде крейсеру «Варяг» 5(18) января присоединилась канонерская лодка «Кореец», посланная для восстановления прерванной связи между русской миссией в Сеуле и Порт-Артуром. Там же находился и русский пароход «Сунгари».

Японский стационар крейсер «Чиода», получив 23 января (5 февраля) по телеграфу извещение о разрыве дипломатических отношений с Россией, переменял якорное место, став поближе к выходу с рейда, а в ночь на 26 января (8 февраля) скрытно вышел в море. Он встретился с подходившим к Чемульпо отрядом контр-адмирала Уриу и подробно доложил

ему обстановку. Убедившись, что два русских корабля не смогут помешать ему произвести высадку войск, Уриу распорядился немедленно начать ее.

Не имея связи с Порт-Артуром и получив секретные пакеты от русского посланника в Сеуле, командир крейсера «Варяг» капитан 1-го ранга В.Ф. Руднев решил направить канонерскую лодку «Кореец» с почтой в Порт-Артур. 26 января (8 февраля) в 15 часов 40 минут «Кореец» снялся с якоря и двинулся через шхеры к морю. Через 15 минут на русском корабле заметили приближающуюся японскую эскадру. Она преградила путь «Корейцу». Командир канонерской лодки капитан 2-го ранга Г.П. Беляев вынужден был повернуть обратно. Японские миноносцы пытались атаковать русский корабль минами, но все они прошли за кормой. Атака обнаружила неподготовленность японских миноносцев к выполнению торпедных атак даже в благоприятных условиях. Подвергшаяся нападению канонерская лодка открыла артиллерийский огонь по противнику.

Вернувшись на рейд, командир «Корейца» доложил Рудневу о начале боевых действий. Около 17 часов на рейд вошли четыре японских миноносца и стали на якорь близ русских кораблей. Всю ночь на «Варяге» и «Корейце» ожидали нападения неприятеля. Пока русские корабли находились в блокаде, японцы успешно провели высадку своих войск. Утром 27 января (9 февраля) Уриу потребовал от командиров русских кораблей до полудня покинуть рейд, иначе в 16 часов он угрожал атаковать их на рейде, где в то время находились английский, французский и итальянский крейсера, американская канонерская лодка и корейский военный пароход. Силы для боя были неравными. Один крейсер «Асама» по мощи огня превосходил «Варяг» и «Кореец», вместе взятые.

Капитан 1-го ранга Руднев собрал на крейсере офицеров, чтобы обсудить создавшееся положение и принять решение. Было высказано единое мнение — прорываться. В случае если прорыв не удастся, команды свезти на берег, а корабли взорвать.

Перед боем командир крейсера построил личный состав и, объявив о начале войны, сказал: «Мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была... будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови». С твердой решимостью выполнить приказ моряки готовились к выходу в море.

За полчаса до указанного японцами срока русские корабли снялись с якоря. За островом Иодольми они увидели японскую эскадру в составе 6 крейсеров и 8 миноносцев. Узкий фарватер не позволял обойти противника. Оставался один выход — прорываться с боем. Японцы потребовали сдать корабли. Крейсер «Асама» в 11 часов 45 минут открыл огонь. Ему ответили орудия «Варяга» и «Корейца».

Меткими залпами комендоры «Варяга» сбили мачту на флагманском крейсере противника, разрушили мостик, повредили кормовую башню. Большие повреждения были нанесены двум крейсерам. В ходе боя от полученных повреждений затонул японский миноносец. За час сражения «Варяг» выпустил 1105 снарядов.

Русские корабли маневрировали, стремясь избежать попаданий, и все же несколько снарядов попали в крейсер, поразив шрапнелью многих моряков на верхней палубе. В разгар боя стали передавать весть, что убит Руднев. В действительности он был ранен в голову. Чтобы поднять дух личного состава, командир в окровавленном мундире, без фуражки поднялся на мостик. Обращаясь к морякам, он крикнул: «Братцы, я жив! Целься вернее!»

Несмотря на начавшийся на крейсере пожар, матросы продолжали четко выполнять свои обязанности. Во время боя на крейсере погиб 31 человек. Более 190 моряков, в том числе и капитан 1-го ранга Руднев, получили ранения. Около 100 раненых не уходили с боевых постов и сообщили о ранении лишь после окончания боя.

Убедившись, что с такими серьезными повреждениями крейсер не может вести бой, что устранить их своими силами нет никакой возможности, офицеры единодушно ре-

шили личный состав свезти на берег, а корабль взорвать. По просьбе командира английского крейсера, опасавшегося, что взрыв «Варяга» сможет повредить иностранные корабли на рейде, Руднев согласился затопить крейсер. Командир и старший боцман в последний раз обошли корабль. На «Варяге» были открыты кингстоны. В 18 часов 10 минут не спустивший флага в неравном бою русский крейсер погрузился в воду. Два взрыва почти одновременно прозвучали на канонерской лодке «Кореец». Переломившись, она тоже скрылась в волнах. Чтобы пароход «Сунгари» не стал добычей противника, команда подожгла его, а затем затопила.

Экипаж героического крейсера «Варяг» вписал замечательную страницу в историю отечественной морской славы. Русские моряки, верные лучшим традициям отечественного флота, оказавшись в безвыходном положении, уничтожили свои корабли, но не сдали их врагу. В нашей Отчизне высоко оценят воинскую доблесть и храбрость экипажа крейсера «Варяг». А в день 50-летия этого выдающегося подвига русских моряков все оставшиеся в живых члены экипажа крейсера Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены медалью «За отвагу», а на могиле командира В.Ф. Руднева был воздвигнут памятник...

Ночь на 27 января (9 февраля) была темной и тихой. На внешнем рейде Порт-Артура по диспозиции мирного времени находилось 16 вымпелов Тихоокеанской эскадры. Это были эскадренные броненосцы «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Цесаревич», крейсера 1-го ранга «Баян», «Паллада», «Диана», «Аскольд», крейсера 2-го ранга «Новик», «Боярин», «Джигит», канонерская лодка «Забияка» и транспорт «Ангара». Корабли стояли в четыре линии на расстоянии двух кабельтовых один от другого.

Эскадренные миноносцы «Бесстрашный» и «Расторопный» находились в море. Канонерская лодка «Гиляк», ожидая сменявшую ее лодку «Бобр», стояла на якоре. Под парами были дежурные крейсера «Аскольд» и «Диана», а освещали

рейд прожекторами броненосец «Ретвизан» и крейсер «Паллада».

На флагманском броненосце «Петропавловск», где держал свой флаг начальник эскадры вице-адмирал О.В. Старк, около 23 часов закончилось совещание флагманов и командиров кораблей. На нем обсуждались меры по отражению возможного нападения врага. Прощаясь с офицерами, контр-адмирал В.К. Витгефт был уверен, что японцы не посмеют напасть на русские корабли, и даже сказал, что войны не будет.

«Выходило так, — писал в своих воспоминаниях капитан 1-го ранга М.В. Бубнов, — что, с одной стороны, принимают меры предосторожности, с другой — нет. С судов, например, свезли все деревянные изделия, но не привязывают сетей против мин. На «Полтаве» адмирал Старк приказал отвязать сети и при этом сказал: «Не возбуждайте тревоги»⁹.

Такие распоряжения вызывались общей установкой командира, который даже принятое на совещании запоздалое решение выставить у кораблей сети назвал «несвоевременным и неполитичным». Не веря в серьезность опасности, угрожавшей флоту, Старк разрешил по изготовлении судов к отражению минной атаки «иметь штаговые и кормовые огни открытыми, миноносцам и лодкам, крейсировавшим в море, — ходить с отличительными огнями». Более, чем японского нападения, командующий эскадрой опасался, что могут произойти повреждения от столкновения судов в темноте. А то обстоятельство, что корабельные огни (кроме якорных огней на «Диане», «Полтаве» и «Победе», на которые грузили уголь, были включены сильные электрические фонари — «люстры») могут послужить хорошим ориентиром для японских миноносцев, в расчет не принималось.

В связи с тревожным положением весь личный состав эскадры оставался на кораблях. Для отражения возможной минной атаки часть корабельных орудий, помимо башенных, была заряжена. Артиллеристы и минеры находились на своих боевых постах.

Меры безопасности, принятые для охраны кораблей на внешнем рейде, явно не соответствовали сложившейся обстановке. Поведение самого командования, в первую очередь адмиралов Старка и Витгефта, вынуждало личный состав сомневаться в необходимости проведения мероприятий по повышению боеготовности, не верить в возможность вооруженного столкновения. Получив известие о разрыве дипломатических отношений с Японией, наместник не сделал никаких выводов. Он даже не предупредил об этом эскадру.

Дозорная служба была организована формально. Отсутствовала связь эскадры с береговой обороной крепости. Даже об обнаружении противника дозорные корабли должны были доносить не сигналом с моря, а лишь по прибытии в Порт-Артур. Так терялось драгоценное время.

Около 22 часов дежурные миноносцы «Бесстрашный» и «Расторопный», находясь в 20 милях восточнее Порт-Артура, осветили боевым фонарем горизонт, обозначив тем самым свое местонахождение. Это помогло японским миноносцам уклониться от встречи с русскими кораблями.

Определив скорость хода и курс русских миноносцев, противник увеличил ход и беспрепятственно достиг внешнего рейда раньше, чем к нему подошли «Бесстрашный» и «Расторопный». Ориентируясь по огню маяка и огням кораблей, японские миноносцы приблизились к русской эскадре и с небольшой дистанции выпустили по кораблям 16 торпед; 3 из них достигли цели.

В 23 часа 35 минут на броненосце «Ретвизан» раздался первый взрыв. Всеми орудиями левого борта по японским миноносцам немедленно был открыт огонь.

На личный состав некоторых русских кораблей противоречивые указания командования подействовали так, что, даже увидев атакующие их японские миноносцы, русские артиллеристы и минеры, чтобы не допустить ошибки, не открывали огня до тех пор, пока не увидели идущие на них торпеды или не услышали взрыва. Как позднее докладывал наместнику адмирал Старк, даже на его флагманском броненосце пер-

вое время «господствовало убеждение, что первый взрыв был случайным». Подумали даже, что это взорвалась мина с нашего миноносца, на котором именно в этот день мины были подготовлены к боевому выстрелу. Сигнал с броненосца «Цесаревич» рассеял все сомнения.

Атака японских миноносцев началась в 23 часа 30 минут и продолжалась свыше часа. Миноносцы действовали в составе трех групп (отрядов). В первом и втором отрядах было по 4 миноносца и в третьем — 2. Каждый отряд выполнял атаку самостоятельно и с довольно большими интервалами по времени. Внутри тактических групп также не было согласованности ни в маневрировании, ни в производстве ими торпедной стрельбы, что не могло не сказаться на результатах атаки. Миноносцы, ориентируясь по лучам прожекторов, светивших с некоторых кораблей и берега, выбирали себе цель и поодиночке выходили в атаку. При подходе к рейду и выходе в атаку имел место ряд столкновений между своими кораблями. Миноносцы стреляли одиночными торпедами с дистанции 1–2 кабельтовых.

Русские корабли, обнаружив японские миноносцы, открыли по ним артиллерийский огонь, который, по заявлению японцев, велся с большой интенсивностью, и некоторым миноносцам противника приходилось выходить в атаку буквально под градом русских снарядов¹⁰. Но т.к. общего сигнала об отражении атаки не было сделано, то стрельба в целом носила довольно беспорядочный характер и была недостаточно эффективной.

Открытие огня с русских кораблей сразу же, как только были обнаружены японские миноносцы, и та интенсивность, с которой он велся, показывают, что они были готовы к отражению нападения противника, и если бы русские дозорные миноносцы обнаружили подход противника к Порт-Артуру и вовремя предупредили об этом свою эскадру, то все могло сложиться иначе.

Всего, по японским данным, их миноносцы выпустили 15 торпед. Некоторые из них, как потом выяснилось, были

выпущены с не вынутой чекой. В цель попали три торпеды. Ими были повреждены эскадренные броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада», т.е. те корабли, которые при отражении атаки включали прожектора, что, по заявлению японцев, облегчало им выход на цель.

В результате ночной атаки японских миноносцев были повреждены и выведены от строя сроком на 6 месяцев три корабля, из которых «Ретвизан» и «Цесаревич» являлись самыми сильными броненосцами в составе русской эскадры на Дальнем Востоке. Это серьезно ослабило русский флот на Тихом океане, тем более что ремонт кораблей, получивших подводные пробоины, осложнялся отсутствием в Порт-Артуре доков для кораблей такого класса.

Несмотря на ряд серьезных недостатков в организации и проведении ночной атаки японских миноносцев, они добились определенного успеха, что объясняется не столько искусством, проявленным японскими миноносцами при атаке, сколько ошибками, допущенными русским командованием в организации обороны якорной стоянки. К наиболее важным из них следует отнести отсутствие бонового и минного заграждений, слабо организованную дозорную службу и отсутствие разведки на театре, неправильную диспозицию кораблей на внешнем рейде, отсутствие связи эскадры с береговыми батареями, которые узнали о ночной атаке японских миноносцев только утром следующего дня, отражение атаки миноносцев мелкокалиберной артиллерией, не дававшей должного эффекта.

Все это во многом облегчило действия японских миноносцев, которые в этих исключительно благоприятных условиях могли бы добиться гораздо больших результатов, если бы они проявили более высокое тактическое искусство.

Атаку вражеских миноносцев русская эскадра отразила. Высланные в море крейсера и миноносцы пытались преследовать миноносцы врага, но обнаружить их ночью не смогли.

Утром 27 января (9 февраля) русская эскадра в составе 5 эскадренных броненосцев и 5 крейсеров стояла под пара-

ми на внешнем рейде Порт-Артура, готовая к бою с кораблями противника. Командование справедливо полагало, что, ослабив ночным ударом русскую эскадру, адмирал Того с главными силами должен подойти к Порт-Артуру, чтобы развить успех. В 8 часов из Ляодунского залива показались японские крейсера «Читосе», «Такасаго», «Кассаги» и «Йосино». Это был 3-й боевой отряд японского флота под командованием адмирала С. Дева. По радио он сообщил главным силам, что русские корабли стоят на рейде и что ночной атакой, по-видимому, повреждены лишь три из них.

В 11 часов 07 минут японская эскадра подошла на дистанцию 46,5 кабельтовых и открыла огонь по русским кораблям, стоявшим на якоре¹¹. По прибытии адмирала Старка на эскадру корабли снялись с якоря и, построившись в строй кильватера, пошли на сближение с противником, ведя огонь из носовых орудий. Открыли огонь по японцам и поврежденные корабли «Ретвизан», «Цесаревич» и «Паллада», стоявшие на мели. Около 11 часов 23 минут русская эскадра легла на контркурс с японскими кораблями и открыла по ним огонь всем правым бортом. Т.к. бой происходил на внешнем Порт-Артурском рейде, то в нем могли принять участие и русские береговые батареи приморского фронта, но они открыли огонь с большим опозданием (в 11 часов 30 минут). Это объясняется отсутствием взаимодействия между флотом и крепостью, которая была подчинена армейскому командованию и в условиях мирного времени не была подготовлена к совместным действиям с флотом, что являлось серьезным недостатком организации базирования кораблей, при которой военно-морская база подчинялась не морскому, а армейскому командованию. Тем не менее, несмотря на то что русским артиллеристам пришлось вести огонь против солнца, огонь их был точен.

Действия береговых батарей в этом бою сыграли важную роль. Адмирал Того, видимо не желая рисковать своими кораблями в бою с русскими береговыми батареями, отказался от решения намеченной задачи. В 11 часов 45 минут япон-

ские корабли поворотом все вдруг легли на юг — курс «зюйд». Стало заметно, что один из японских броненосцев сильно накренился, а на концевом крейсере в результате взрыва возник пожар. Из-за увеличивавшейся дистанции русская эскадра стрельбу прекратила и около 14 часов вернулась на рейд Порт-Артура.

Японская официальная история войны не дает каких-либо определенных объяснений причин, побудивших адмирала Того отказаться от продолжения боя, на который он возлагал столь большие надежды. Правда, в первом томе «Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи», составленном японским Морским Генеральным штабом, имеется на этот счет следующее указание: «Адмирал Того, опасаясь атаки неприятельских миноносцев, приказал... отступить на юг с большой скоростью и затем направиться к мысу Шантунг»¹².

Действительно, в этом бою русские миноносцы дважды высылались в атаку, но оба раза, не дойдя до дистанции торпедного выстрела, возвращались назад. В условиях дневного боя при большой видимости и возможности стрелять торпедами с дистанции не более 7–8 кабельтовых вряд ли можно было рассчитывать на успешную торпедную атаку русских миноносцев. Повторение атаки ночью, ввиду того что бой закончился за много часов до наступления темноты, вообще исключалось. Поэтому указание в японских источниках на то, что адмирал Того поспешил выйти из боя из-за опасения атак русских миноносцев, вряд ли соответствует действительности. Более вероятно предположить следующее: адмирал Того, полагая, что ночная атака миноносцев прошла с большим успехом, чем это было в действительности, подошел к Порт-Артуру с полной уверенностью застать жалкие остатки русской эскадры и без особых усилий и риска добить их артиллерийским огнем своих эскадренных броненосцев и крейсеров. Но когда он встретился с достаточно организованной силой и получил должный отпор со стороны русской эскадры и береговых батарей, побоялся продолжать

бой в зоне действия русской крепостной артиллерии и, чтобы не рисковать своими кораблями, поспешил выйти из боя. Не исключена возможность, что своим маневром на юг адмирал Того рассчитывал увлечь за собой русскую эскадру в открытое море и там навязать бой в выгодных для себя условиях. Но т.к. русские корабли не последовали за противником, то японцы ушли к побережью Кореи, где для них был установлен пункт сбора.

Так закончился первый эскадренный бой, в котором встретились главные силы флотов. И, хотя по времени этот бой был сравнительно непродолжительным (около 40 минут) и не носил решительного характера, он позволил сделать важный вывод о дистанциях современного артиллерийского боя. Японцы открыли огонь с дистанции 46,5 кабельтовых, но затем она была уменьшена до 36 кабельтовых, и на этой дистанции эскадры в основном и вели бой. И только отдельные русские корабли сближались с противником до 17–19 кабельтовых, а крейсер «Новик» под командованием капитана 2-го ранга Н.О. Эссена, особенно отличившегося в этом бою, подходил к японцам на расстояние 15 кабельтовых¹³.

За время боя русские корабли выпустили по противнику 2207 снарядов, а береговые батареи 151 снаряд — всего 2358 снарядов, преимущественно 75-миллиметровые (1122) и 6-дюймовые (762), и добились 11 попаданий, что составляет 2,14%¹⁴. Сколько снарядов израсходовали японцы — неизвестно, но они добились 38 попаданий в русские корабли. Из них 14 — в броненосцы, 21 — в крейсера и 3 — в минный заградитель и канонерскую лодку, стоявшую в порту¹⁵. Приведенные данные показывают, что русские корабли на дистанции свыше 30 кабельтовых стреляли хуже, чем японские. Это объясняется неправильными установками в боевой подготовке русского флота в предвоенный период, когда считалось, что в будущей войне дистанция морского боя не будет превышать 15–25 кабельтовых, а поэтому артиллеристы русских кораблей обучались стрельбе на этих дистанциях и не были подготовлены к стрельбе на больших дистанциях.

Первый день войны выявил серьезные ошибки и просчеты, допущенные русским командованием на Дальнем Востоке. Недостаточная подготовленность к войне, отсутствие четкого руководства флотом, беспечность командования эскадры, нерешительные действия адмирала Старка — все это привело к значительному ослаблению Тихоокеанской эскадры, позволило японцам беспрепятственно проводить высадку войск в Корею.

В то же время японское командование переоценило значение внезапности. Несмотря на исключительно благоприятные условия (русские корабли стояли на открытом и слабо охраняемом рейде), решающего успеха японскому флоту добиться не удалось, хотя в японской прессе появились очень многообещающие сообщения.

Вот как о первом дне войны писала, например, одна из газет, выходивших в Иокогаме: «Японский военный флот... лишил боеспособности три русских корабля. В полдень 9 февраля последовало нападение японских кораблей на стоявший под защитой береговых фортов русский флот. Снова три русских судна были тяжело повреждены, а после полудня того же дня японская крейсерская эскадра уничтожила два русских военных судна близ Чемульпо. Три победы на протяжении пятнадцати часов»¹⁶.

Однако русская эскадра не потеряла своей боеспособности. Ее ослабление заставило наместника и флотское командование срочно принять меры по выработке общего взгляда на действия флота, чтобы в создавшихся условиях выполнять боевые задачи.

30 января (12 февраля) на совещании, которое проводил адмирал Алексеев, поднимались вопросы о необходимости защищать порт Дальний, об обороне входа в Порт-Артур, о дальнейших боевых действиях эскадры, об ускорении ремонта поврежденных кораблей. В основном решения этого совещания сводились к следующему: оборону Дальнего ограничить выставлением оборонительных минных заграждений; сохраняя броненосцы, выпускать в море только

крейсера и миноносцы. Словом, и здесь проявилась нерешительность, порожденная боязнью новых потерь при использовании кораблей эскадры. Чтобы не допустить японские корабли к Порт-Артуру, русские корабли начали минные постановки в районе Талиенванского залива, в одной из бухт которого находится порт Дальний, что было предусмотрено планом войны. Но внезапное нападение Японии не дало возможности своевременно поставить это заграждение. Опасаясь, что японцы могут попытаться высадить в этом районе десант, русское командование решило минировать его. Для этой цели 27 января (9 февраля) в Талиенванский залив был послан минный заградитель «Енисей» под охраной крейсера «Боярин». Заградитель должен был выставить мины заграждения в северном и южном проходах и после этого организовать вывод пароходов из порта Дальний. При прибытии к месту назначения «Енисей» приступил к постановке мин, а крейсер «Боярин» вернулся в Порт-Артур. Таким образом, заградитель на все время ответственной минной постановки был оставлен без всякого прикрытия и в любой момент мог подвергнуться нападению японских кораблей. Учитывая, что в данном районе не было других сил флота, а в городе Дальнем — береговых батарей, под защиту которых «Енисей» в случае необходимости мог отойти, надо признать, что эта постановка никак и ничем не была обеспечена.

В течение двух дней «Енисей» выставил на подходах к порту Дальний 320 мин. «За время этой лихорадочной напряженной работы команды, отлично сознавая опасное положение свое, старались перегнать друг друга в рвении и усердии, офицерам оставалось только следить за правильностью приемов и соблюдением мер предосторожности», — доносил в своем рапорте старший офицер «Енисея»¹⁷.

После вывода из порта Дальний пароходов 29 января «Енисей» выставил последние 22 мины у острова Саншантао. Во время этой постановки две мины всплыли. Командир заградителя капитан 2-го ранга Степанов решил расстрелять их, для чего дал задний ход, чтобы приблизиться к заграж-

дению. Этот маневр был чрезвычайно опасным, т.к. «Енисей» в любой момент сильным ветром мог быть снесен на свое заграждение, подорваться и погибнуть. В действительности так и случилось. Расстреляв мины, «Енисей» дал передний ход, чтобы выйти на свободную воду, но в этот момент раздался взрыв, и заградитель начал тонуть. Неожиданный взрыв ошеломил всех, но, несмотря на это, команда заградителя работала быстро и в полном порядке. Шлюпки были спущены и через 15 минут отошли от борта тонущего корабля, подобранных и находившихся в воде людей. Командир «Енисея», капитан 2-го ранга Степанов, до последнего момента находился на мостике и, распоряжаясь спасением людей, погиб вместе с кораблем.

Как только в Порт-Артуре было получено донесение о подрыве «Енисея», в Талиенванский залив был послан крейсер «Боярин» с 4 миноносцами. Перед выходом командир крейсера, капитан 2-го ранга Сарычев, был предупрежден о том, что залив минирован, но точно место поставленных «Енисеем» мин ему не было сообщено, т.к. командование само не знало этого. 29 января крейсер «Боярин» при подходе к острову Саншантао около 16 часов наскочил на мину, подорвался и стал медленно погружаться в воду. Командир крейсера, капитан 2-го ранга Сарычев, считая положение крейсера безнадежным, решил оставить корабль. Подозвав к борту миноносцы, он приказал экипажу оставить крейсер и перейти на миноносцы.

Через час команда оставила корабль, и командир, не дождавшись, когда он затонет, ушел в Порт-Артур. А подорвавшийся крейсер еще два дня после этого продолжал находиться на плаву и только на третий день в результате разыгравшегося шторма был снесен на минное поле, где вторично подорвался и только после этого затонул. Так по вине командира корабля погиб крейсер «Боярин».

Приведенные факты с гибелью минного заградителя «Енисей» и крейсера «Боярин» показывают, что команды этих кораблей как при постановке «Енисеем» минного заграждения,

так и при подрыве обоих кораблей на минах вели себя во всех отношениях безукоризненно, проявляя высокую дисциплинированность, организованность, спокойствие и порядок, и показали себя в этой трудной и опасной обстановке с самой лучшей стороны, чего нельзя сказать о высшем командовании и командире крейсера «Боярин», по вине которых были потеряны оба корабля.

Гибель «Енисея» и «Боярина» наглядно показали слабую тактическую подготовку офицерского состава русского флота и непонимание высшим командованием обстановки, сложившейся в районе боевых действий в первые дни войны. Посылая заградитель «Енисей» с полным запасом мин (свыше 400) на выполнение ответственного задания, командование эскадры и начальник временного морского штаба заместника контр-адмирал Витгефт, отдавший приказание о минировании Талиенванского залива, даже и не подумали о том, чтобы как-то обеспечить минную постановку «Енисея», чем поставили заградитель в чрезвычайно опасное положение. Ведь японские корабли могли в любой момент появиться в этом районе и уничтожить заградитель со всем запасом мин, которых и без того было недостаточно. Направляя «Енисей» для заграждения проходов из порта Дальний, командование не дало командиру точных указаний о месте постановки мин, в результате чего подорвался на минах и погиб крейсер «Боярин», посланный в этот же район без знания и учета минной обстановки. Тактически неправильно действовал и командир заградителя «Енисей», который в целях уничтожения двух всплывших мин стал маневрировать в миноопасном районе и погубил корабль. Еще хуже поступил командир крейсера «Боярин» который нарушил важнейшее требование устава. Он оставил корабль, не приняв всех мер к его спасению, а затем уничтожению крейсера, что могло привести к захвату корабля противником. Таким образом, оба корабля, представлявших большую ценность для русского флота, погибли на своих минах в результате тактически неграмотных действий командования флотом и командиров кораблей.

Японское командование тоже искало наиболее эффективное средство борьбы с русской эскадрой. Она по-прежнему представляла серьезную угрозу японским транспортам, питающим высаженные на материке японские войска. Командующий Соединенным флотом выделил значительные силы, чтобы блокировать русские корабли в районе Порт-Артура. Как сообщал адмирал Старк, число сил блокады достигало 17 вымпелов. Вместе с тем нахождение многих русских кораблей во внутреннем бассейне, единственный выход из которого для эскадренных броненосцев и крейсеров был возможен лишь во время прилива (два раза в сутки), подсказало адмиралу Того новую идею.

Ночью скрытно приблизившийся к Порт-Артуру отряд японских миноносцев, отвлекая внимание дозорных кораблей и береговой обороны, должен был атаковать находящиеся на внешнем рейде русские корабли и выманить их в море. Одновременно специально подготовленный отряд из 5 брандеров водоизмещением от 1200 и 4300 т, конвоируемый другим отрядом миноносцев, проникает во вход на внутренний рейд и затапливает на фарватере пароходы-брандеры. Поскольку в проходе все еще находился поврежденный броненосец «Ретвизан», второй отряд миноносцев имел также задачу окончательно уничтожить русский корабль, а при отходе снять команды японских брандеров.

Этой операции японцы придавали огромное значение, т.к., заперев большую часть русских кораблей во внутреннем бассейне, они одновременно высвобождали значительные силы своего флота и на какое-то время уменьшали угрозу своим морским коммуникациям. Личный состав пароходов-брандеров набирался исключительно из моряков-добровольцев.

В ночь на 11(24) февраля противник предпринял первую попытку заградить вход на внутренний рейд. Для лучшего ориентирования перед брандерами был выслан миноносец «Акацуки», который в условной точке, к югу от полуострова Ляотешань, зажег белый огонь. Появившиеся на рейде япон-

ские миноносцы сделали попытку атаковать «Ретвизан». Но их атака была отбита.

Огонь береговых батарей и эскадры, ослепление прожекторами сорвали японский план закупорки входа во внутренний бассейн Порт-Артура.

Адмирал Старк расценил попытку заградить вход во внутренний бассейн как желание японцев высадить десант непосредственно в Порт-Артуре.

После первой неудачной попытки закупорки входа русское командование для разведки действия японского флота выслало в море два миноносца — «Бесстрашный» (командир капитан 2-го ранга А.А. Ливен) и «Внушительный» (командир лейтенант М.С. Подушкин). Утром 12(25) февраля при возвращении в Порт-Артур они были встречены отрядом японских крейсеров в составе «Читосе», «Такасаго», «Кассаги» и «Иосино». Пытаясь отрезать путь русским кораблям, японцы открыли по ним огонь. «Бесстрашному» удалось прорваться в базу. «Внушительный» вынужден был уходить в Голубиную бухту, где его обстреляли вражеские крейсера. Убедившись, что корабль получил серьезные повреждения и противник может его захватить, командир принял решение команду свезти на берег, а миноносец затопить.

Так неудачно для русской эскадры начались первые дни войны.

Анализ материалов и документов по действиям русского и японского флотов в первые дни войны позволяет сделать следующие выводы и заключения.

Начиная боевые действия против России без объявления войны с внезапного нападения на русский флот, японское командование ставило своей целью уничтожить порт-артурскую эскадру или ослабить ее до такой степени, чтобы она не могла противодействовать высадке японских войск на материк. Несмотря на исключительно благоприятные условия, обусловленные неподготовленностью России к войне, низкой боеготовностью русского флота, отсутствием надежной обороны кораблей на внешнем порт-артурском

рейде и преимуществами внезапности нападения, японцам не удалось уничтожить русскую эскадру и добиться решающей победы. Это объясняется следующими основными причинами:

- Делая ставку на внезапность нападения в ночное время, японское командование далеко не полно использовало преимущества этого способа действий, что объясняется неподготовленностью японского флота к ведению боевых действий в ночных условиях.

- Судя по всему, адмирал Того делал ставку на внезапную торпедную атаку эскадренных миноносцев, но выделил для этого крайне недостаточные силы, которые даже при самых благоприятных условиях не могли добиться большого успеха.

- Эскадренные миноносцы, выделенные для нанесения торпедного удара по русской порт-артурской эскадре, из-за неточного знания местонахождения русских кораблей были разделены между Порт-Артуром и портом Дальний, что привело к еще большему ослаблению группировки торпедных сил на главном порт-артурском направлении.

- Адмирал Того неудачно выбрал время атаки. Большой разрыв между торпедной атакой и артиллерийским ударом (около 12 часов) давал возможность русским кораблям после ночной атаки миноносцев подготовиться к отражению нападения главных сил японского флота.

- Атака японских миноносцев была слишком растянута по времени, и без того недостаточные силы оказались расплывенными, а их удары носили неорганизованный и разрозненный характер.

- Адмирал Того крайне нерешительно использовал главные силы своего флота в дневном бою у Порт-Артура 27 января (9 февраля) 1904 г.

Серьезное ослабление русской эскадры после ночной атаки японских миноносцев создавало благоприятные условия для решительной атаки ее главными силами японского флота, однако адмирал Того не воспользовался этим благоприятным моментом и действовал крайне нерешительно.

Все это говорит о том, что японское командование, во-первых, переоценило элемент внезапности, положив его в основу своего плана войны, во-вторых, японский флот оказался недостаточно подготовленным к выполнению намеченного способа действий и, в-третьих, адмирал Того как командующий флотом допустил ряд существенных ошибок, которые намного снизили эффективность использования японского флота при выполнении им поставленных задач.

Боевые действия японцев на порт-артурском направлении вместе с тем вскрыли ряд крупных недостатков в обороне главной базы русского флота и его подготовке к войне. К их числу относятся:

- Стоянка русских кораблей на внешнем рейде не была обеспечена от внезапных действий противника.
- Боевая готовность кораблей далеко не соответствовала требованиям обстановки на театре.
- Дозорная служба неслась неудовлетворительно.
- Затемнение кораблей, стоявших на внешнем рейде, не соблюдалось.
- Использование береговой артиллерии для отражения внезапной атаки противника не предусматривалось.

Внезапная ночная атака японских миноносцев показала необходимость выделения в составе базы специальных сил для охраны рейда, а также для организации надежной охраны якорной стоянки эскадры.

Логическим завершением действий японского флота на главном порт-артурском направлении явился дневной бой 27 января. Это был первый в эту войну бой между главными силами броненосных флотов, который показал, что дистанция современного артиллерийского боя значительно выше, чем это считалось в русском флоте перед войной. В результате этого боя выявилась полная неподготовленность русских артиллерийских офицеров и комендоров к стрельбе на дистанциях свыше 25–30 кабельтовых, и потребовалось срочное переучивание их в соответствии с требованиями опыта, полученного в первые дни войны.

Но самое главное, что показал опыт первых дней войны, — это чрезвычайно низкая тактическая подготовка офицерского состава русского флота, особенно высшего звена, начиная от командования эскадрой и кончая главнокомандующим адмиралом Алексеевым, по вине которых были потеряны и повреждены почти все наши корабли в начале войны.

Вполне естественно возникают вопросы: каких же результатов добился японский флот в первые дни войны и какое влияние они оказали на начальный период войны, с точки зрения выполнения главной задачи — высадки японских войск на материк и наступления их на ляоян-мукденском и порт-артурском направлениях?

В военно-морской исторической литературе, в том числе в научной и учебной, существует не совсем правильная точка зрения, которая сводится к тому, что японцы в начале войны якобы добились сравнительно небольших результатов. Они ослабили русскую эскадру, но не настолько, чтобы она не могла решать поставленные перед ней задачи. Посмотрим, насколько это соответствует действительности.

Главные силы русской Тихоокеанской эскадры, предназначенные для действий в Желтом море, т.е. на главном морском театре, состояли из 7 эскадренных броненосцев, 7 крейсеров (из них один броненосный «Баян»), 2 минных заградителей и 27 эскадренных миноносцев и миноносцев. Поскольку главным оружием являлась артиллерия, то основными силами флота считались броненосцы и крейсера, предназначенные для ведения эскадренного артиллерийского боя.

В составе русской порт-артурской эскадры имелось 14 броненосцев и крейсеров, из них в первые дни войны были выведены из строя 5 (2 погибли), что составляет 35,7%, т.е. свыше одной трети боевого ядра эскадры. Теперь посмотрим, что представляли собой выведенные из строя корабли. Эскадренные броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» являлись сильнейшими кораблями этого класса в составе Тихоокеанской эскадры, а крейсер «Варяг» — одним из лучших крейсеров. Таким образом, эскадра лишилась не каких-то

второстепенных кораблей, а первоклассных, что нанесло ей серьезный ущерб. А если учесть, что Тихоокеанская эскадра по своему составу и до этого уступала японскому флоту, то станет ясно, насколько серьезно был ослаблен флот России на Дальнем Востоке и как в связи с этим еще больше изменилось соотношение морских сил на театре в пользу Японии. Именно этот фактор и оказал решающее влияние на начальный период войны. Т.к. ремонт поврежденных кораблей затянулся в связи с отсутствием в Порт-Артуре соответствующих доков до лета 1904 г., то японцы получили достаточное время и необходимые условия для перевозки своих войск на материк²¹.

**«Мое правило... продолжайте ваше нападение,
пока не уничтожите неприятеля»: боевые
действия русских кораблей у Порт-Артура**

Новой страницей в боевой деятельности Тихоокеанской эскадры явилось то непродолжительное время, когда в командование флотом на Тихом океане вступил вице-адмирал С.О. Макаров. Один из лучших адмиралов русского флота, деятельный и инициативный человек, он удачно сочетал в себе крупного ученого-теоретика и блестящего практика. Мужество и находчивость его были неоднократно проверены во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но Макарова за прямооту, бескомпромиссность, «беспокойный характер» не очень жаловали Николай II и его приближенные.

Дав впервые наиболее полное научное определение тактики флота, адмирал Макаров вместе с тем правильно определил ее содержание и взаимосвязь с другими отраслями военной науки. Все это свидетельствует о том, что С.О. Макаров прекрасно понимал весь комплекс вопросов, относящихся к развитию военно-морского флота и способов его использования в боевых действиях на море, и глубоко по-научному подошел к разработке новой тактики броненосного флота.

Большой вклад адмирал Макаров внес также и в разработку тактики использования минно-торпедного оружия, которое он ставил на второе место после артиллерии. Во многих флотах минно-торпедное оружие, так же как артиллерия, недооценивалось. На торпеду долгое время смотрели как на своего рода придаток тарана. Макаров же еще в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. убедительно доказал, что торпеда и мина являются вполне самостоятельным оружием флота, способным эффективно решать самые разнообразные задачи в морском бою. Правильно оценивая возможности торпедного оружия, Макаров первым высказал мысль о целесообразности торпедной стрельбы с больших дистанций (до 13 кабельтовых). «Мы склоняемся к тому, — писал Макаров, — чтобы начинать стрельбу (имеется в виду торпедную. — Авт.) с дальнего расстояния»¹⁹. Им же впервые был поставлен вопрос о залповой стрельбе торпедами, что повышало вероятность попадания хотя бы одной из них в цель и производстве групповых атак миноносцев²⁰.

Особо важную роль С.О. Макаров сыграл в разработке теории непотопляемости, под которой он понимал «способность корабля оставаться на воде и продолжать бой, имея подводные пробоины»²¹. Из трех основных средств, обеспечивающих непотопляемость корабля — заделка пробоин, помпы и непроницаемые переборки, — С.О. Макаров главнейшим средством считал переборки²² и на основании разработанной им теории внес ряд ценных предложений о принципах деления корабля на отсеки, сформулировал требования, предъявляемые к переборкам и содержанию люков и горловин на корабле, являющихся основой непотопляемости современного корабля.

Важнейшим условием достижения победы в бою С.О. Макаров считал сосредоточение превосходящих сил против части эскадры противника. По мнению адмирала, это могло быть достигнуто путем применения широкого маневра силами в бою. К наиболее выгодным маневрам он относил охват головы или хвоста кильватерной колонны противника, а так-

Адмирал Макаров

же другие маневры, как, например, охват флангов при строе фронта или отрезание и окружение части сил противника. Обращает на себя внимание многообразие тактических приемов ведения эскадренного боя, разработанных Макаровым.

Большим вкладом в тактику ведения эскадренного сражения броненосного флота явилась разработка Макаровым основ взаимодействия артиллерийских и минных кораблей в бою. Разработав основы ведения эскадренного боя броненосного флота, адмирал Макаров вместе с тем предупреждал, что изложенные им тактические приемы ни в коем случае не могут рассматриваться в качестве рецепта на все случаи боевой обстановки.

Для достижения полной и решительной победы адмирал Макаров в качестве обязательного требования выдвигал принцип сосредоточения превосходящих сил флота против части неприятельской эскадры и настойчивое преследование врага до полного его уничтожения. Данное требование полностью соответствовало лучшим традициям русского военно-морского флота.

Адмирал Макаров, так же как и Ф.Ф. Ушаков, был сторонником активных наступательных форм борьбы на море. «Мое правило, — писал он, — если вы встретите слабейшее судно, — нападайте, если равное себе, — нападайте и, если сильнее себя, — тоже нападайте... продолжайте ваше нападение, пока не уничтожите неприятеля»²³. Однако Макаров вместе с тем уделял должное внимание и разработке оборонительных мероприятий по обеспечению перехода кораблей морем и стоянки их в базе.

Макаров рассматривал вопросы тактики флота в неразрывной связи с моральным фактором, которому он всегда придавал важное значение. Он считал, что «дело духовной жизни корабля есть дело самой первостепенной важности, и каждый из служащих, начиная от адмирала и кончая матросом, имеет в нем долю участия». «...Мы готовим офицеров и матросов для войны, — писал Макаров, — и надо, чтобы они знали главнейшим образом то, что для войны нужно»,

т.е. учить офицеров и матросов тому, что нужно на войне. Вышеизложенные принципы боевой подготовки флота адмирал Макаров образно выразил в своих двух знаменитых девизах: «Помни войну» и «В море — значит дома». Система боевой подготовки флота, выработанная Макаровым, отличалась продуманностью и последовательностью.

Однако официальные круги царского флота относились к труду Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики» более чем сдержанно и почти ничего не сделали для ее пропаганды и широкого распространения в качестве руководства для тактической подготовки офицерского состава отечественного военно-морского флота. И тем не менее складывающаяся обстановка и неутешительное начало войны вынудили руководство страны искать человека, который способен исправить явные просчеты как политиков, так и высшего военного руководства.

В Петербурге на должность командующего флотом выдвигались две кандидатуры: вице-адмирала З.П. Рожественского и вице-адмирала С.О. Макарова. Первый пользовался доверием царя и его приближенных, был «своим» в придворных кругах. Пожертвовать им было жалко. Да и для исправления положения энергичный Макаров подходил больше. Поэтому его кандидатура оказалась предпочтительней.

1(14) февраля Николай II через управляющего Морским министерством уведомил Макарова о назначении его командующим флотом на Тихом океане. В тот же день Макаров добился, чтобы Морское министерство собрало экстренное совещание для решения наиболее неотложных вопросов. На нем обсуждались вопросы о снабжении эскадры всем необходимым, об улучшении разведки, об открытии чрезвычайного кредита, о снабжении Порт-Артура местным углем, об организации почты и т.п. Для организации взаимодействия с армией к штабу Макарова был прикомандирован офицер генерального штаба.

Можно было предположить, что Главный морской штаб ознакомит нового командующего с планом войны на море.

Но, как оказалось, никакого плана ведения вооруженной борьбы на море на Дальнем Востоке не было. В 1896, 1900 и 1902 гг. в Морской академии проводились стратегические игры, на которых рассматривались возможные варианты войны с Японией. Ни Макаров, ни офицеры его штаба даже не были ознакомлены с выводами по этим играм²⁴. Перед отъездом на театр военных действий в качестве командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров поставил перед Морским министерством ряд важных вопросов, от которых, по его мнению, во многом будет зависеть ход и исход борьбы на море. В числе этих вопросов на первый план он выдвинул необходимость усиления флота на Дальнем Востоке, для чего настаивал на дальнейшем движении отряда кораблей контр-адмирала Вирениуса на восток, считая возможным обеспечение его прохода действиями порт-артурской эскадры и владивостокских крейсеров. И когда ему возразили, указывая, что это немыслимо, то С.О. Макаров ответил: «Если этот отряд в составе трех судов (1 эскадренный броненосец и 2 крейсера. — *Авт.*) и семи миноносцев не может появиться в водах театра войны, то, следовательно, в таком составе мне никогда нельзя будет выслать отряд для каких-либо операций»²⁵. Однако руководители Морского министерства не поддержали С.О. Макарова в этом вопросе. 5(18) февраля 1904 г. отряд по приказу из Петербурга направился от берегов Аравии в обратный путь — в Кронштадт.

Сформировав штаб, Макаров, после приема у царя 4(17) февраля, не дожидаясь официального приказа о назначении, выехал из Петербурга в Порт-Артур.

С адмиралом и его штабом на Дальний Восток отправлялись несколько высококвалифицированных корабельных инженеров и группа специально подобранных опытных рабочих с Обуховского и Балтийского заводов. Вместе с ними шло несколько вагонов с дефицитными материалами, предназначенными для ускорения ремонта поврежденных в Порт-Артуре кораблей.

Все помыслы нового командующего флотом были направлены на то, чтобы по возможности исправить допущенные ошибки, в короткий срок усилить мощь русского флота на Тихом океане, от пассивных, выжидательных действий перейти к активным, наступательным, ведя борьбу за господство на море. Почти три недели потребовалось на дорогу от Петербурга до берегов Тихого океана.

Свою творческую работу новый командующий начал в пути. Адмирал в поезде планировал те первоочередные меры, которые он надеялся воплотить в жизнь.

Очень большое значение новый командующий придавал улучшению разведки на театре. А для этого в первую очередь требовались новые миноносцы. Поэтому перед Морским министерством Макаров ставит вопрос о необходимости построить и направить на Тихий океан миноносцы (малые миноносцы водоизмещением 20 т), машины которых были бы надежнее и не выходили так часто из строя, как на старых миноносцах. Макаров писал: «Назначение этих миноносцев — обслуживать порты в ночное время. За два часа до темноты они могут выходить из своего порта, и к 11 часам вечера, идя по 16 узлов, они будут находиться в 100 милях... В ночное время они будут хозяевами моря на заданном им районе».

Кроме того, командующий просил разобрать в Кронштадте миноносцы типа «Циклон» и по железной дороге доставить их в Порт-Артур. По прибытии новых миноносцев старые предполагалось направить на север, в устье Амура, для защиты торгового судоходства и рыбных промыслов.

Из Петербурга Макарову сообщили, что миноносцы типа «Циклон» необходимы на Балтийском море. Вдобавок они не помещались на железнодорожные платформы. Напрасно ссылался адмирал на успешный опыт транспортировки миноносца «Статный», который уже был доставлен на Тихий океан. «Без миноносцев мы будем как без рук и без глаз», — подчеркивал Макаров. Доводы командующего были весомыми, но к ним опять никто не пожелал прислушиваться. Верх снова взяло Морское министерство.

Как видно по письмам с дороги, Макарова беспокоили многие вопросы, начиная с наличия в Порт-Артуре сигнальных книг и кончая изобретенными им наконечниками для бронебойных снарядов. Макаров требовал отказаться от двух самостоятельных начальников в Порт-Артуре. Он считал, что комендант крепости должен быть подчинен командующему флотом. Уже в пути новый командующий пришел к выводу, что рассчитывать на помощь из европейской части России ему особенно не приходится и надо полагаться только на силы, которые имелись на Дальнем Востоке.

Макарову было известно о широкой сети японской агентуры, сумевшей проникнуть на Квантун и в Маньчжурию. Поэтому первые же приказы нового командующего говорили о сохранении военной тайны. По приезде в Порт-Артур адмирал занимался приемом дел, знакомился с местными условиями и обстановкой на море, провел ряд совещаний с флагманами и командирами кораблей. При своей загруженности он все-таки выкраивал время, чтобы побывать на кораблях, осмотреть их, побеседовать с офицерами и матросами.

Макаров отлично сознавал, что использование имевшихся сил в максимальной степени возможно в первую очередь при хорошей боевой подготовке всего личного состава. Поэтому много внимания он уделял разработке единых для всей эскадры инструкций. 4(17) марта Макаров познакомил подчиненных с инструкцией для похода и боя. Она предусматривала во время боя движение эскадренных броненосцев в кильватерной колонне. Крейсера должны были держаться на четырех основных румбах в пределах действия беспроволочного телеграфа. О появлении неприятеля с крейсеров докладывали командующему. После этого крейсера пристраивались к колонне броненосцев, чтобы принять участие в бою. Позднее им же надлежало обойти ту часть неприятельского строя, которая подвергалась нападению, и поставить ее «в два огня», т.е. обстрелять сразу с двух направлений.

В инструкции разбирались случаи ведения боя на контркурсах, использование минного оружия, вопросы общей ата-

ки. Нацеливая моряков на решительные действия, инструкция говорила: «Победой можно назвать лишь уничтожение неприятеля, а потому подбитые суда надо добивать, топя их или заставляя сдаться... Побеждает тот, кто хорошо дерется, не обращая внимания на свои потери и памятуя, что у неприятеля этих потерь еще больше»²⁶.

27 февраля (11 марта), через 3 дня после вступления в должность, новый командующий флотом доложил наместнику о состоянии морских сил. Макаров излагал свои мысли по поводу предполагаемого плана боевых действий и писал о несоответствии имевшихся средств поставленным задачам. Макаров отмечал невысокий технический уровень материальной части русских кораблей. Особенно беспокоили адмирала частые поломки на миноносцах, из-за чего в длительный ночной поход высылать их становилось рискованно. Огромным был расход угля, запасы которого в Порт-Артуре были невелики. Макаров обращал внимание адмирала на то, что на некоторых судах расход топлива достигал 20 т в сутки даже во время стоянки во внутреннем бассейне.

По наблюдению нового командующего, у командиров кораблей не было единого взгляда на ведение боя. Несмотря на большие затруднения и многие неотложные нужды, при очевидной слабости сил и средств флота, с которыми пришлось встретиться Макарову, он все же считал, что при полном напряжении всех имевшихся сил флота можно отказаться от пассивных действий и перейти к активным, наступательным. Его рапорт заканчивался оптимистически: «Несмотря на всякие несовершенства и недостатки... я нахожу, что мы могли бы рискнуть теперь же попробовать взять море в свои руки и... постепенно увеличивать район действий эскадры; я предусматриваю генеральное сражение, хотя благоразумие подсказывает, что теперь еще рано ставить все на карту»²⁷. Наместник согласился с мнением Макарова о невозможности теперь же перейти к наступательным действиям.

Сознавая всю опасность высадки врага на Квантунский полуостров до тех пор, пока прибудут достаточные силы русских

войск в Маньчжурию, Макаров решил наличными силами противодействовать неприятелю, если он направит к полуострову свои транспорты под прикрытием Соединенного флота. По агентурным данным, японцы уже готовились к высадке десанта у города Инкоу. Поэтому командующий флотом решил приступить к минным постановкам, а в случае появления японской эскадры с транспортом у Ляодуна — вывести русские корабли в море и принудить противника отказаться от высадки.

Мероприятия командующего флотом, направленные на быстрейшее повышение боеготовности, шли по следующим направлениям: на повышение морального духа защитников Порт-Артура, совершенствование обороны рейда со стороны моря, улучшение сухопутной обороны базы, ускорение работ по ремонту поврежденных кораблей, общее повышение боеготовности эскадры.

Зная, что боевой успех во многом зависит от командиров кораблей, командующий флотом познакомился с каждым из них и заменил тех, кто по различным причинам не справлялся со своими обязанностями. Шаг был решительный. Он вызвал недовольство как у наместника, так и в Петербурге. Тем не менее Макаров достиг своей цели. Новые командиры действовали смело, а старые стремились от них не отставать.

План Макарова заключался в следующем.

До вступления в строй поврежденных кораблей главной задачей флота является противодействие высадкам противника на Квантунском полуострове посредством постановки минных заграждений на подступах к нему, защиты этих заграждений наличными средствами флота.

По мере усиления оборонительных средств постепенно расширять район деятельности флота, сперва операциями миноносцев и крейсеров, а с исправлением броненосцев — и главными силами, с целью принудить противника к решительному сражению.

При наличии у неприятеля значительного тактического превосходства и преимущества в силах флот должен стремиться к удержанию за собой господства в ближайших к Кван-

туну водах, угрожая коммуникационной линии противника и стараясь частыми и внезапными нападениями ослабить его силы с целью задержать высадку армии на материк.

Организовать с отрядом владивостокских крейсеров ряд крейсерств в Корейском проливе против транспортных перевозок японских войск и побережья Японии для отвлечения части сил неприятельского флота.

Анализ основных положений плана боевых действий русского флота, разработанного Макаровым, показывает, что он был составлен с учетом состояния своего флота, ослабленного в первые дни, но в то же время он учитывал и перспективы его усиления, и прежде всего за счет введения в строй поврежденных кораблей. Поэтому вначале Макаров ставил перед флотом оборонительные задачи, а затем, по мере усиления, планировал активные наступательные действия, имея конечной целью принуждение противника к генеральному сражению и завоевание господства в Желтом море. Таким образом, в основу составленного Макаровым плана использования Тихоокеанского флота была положена идея активных наступательных действий, что целиком соответствовало духу макаровской тактики²⁸.

Стремление вице-адмирала Макарова к активным действиям нашли свое отражение не только в разработанном им плане, но и во всей его деятельности на посту командующего Тихоокеанским флотом. Однако эти стремления Макарова не встречали одобрения и поддержки со стороны главнокомандующего. Категорически требуя сохранения флота, и особенно броненосцев, он стремился не допускать действий, которые хотя бы в какой-то степени были связаны с риском, «...так как результат боя со значительно превосходящими силами неприятеля грозит большими и крайне чувствительными потерями»²⁹, — писал он Макарову. Вполне естественно, что при таком отношении к Макарову главнокомандующего все его прогрессивные начинания, как правило, встречали противодействие со стороны адмирала Алексева и затрудняли его деятельность на посту командующего флотом.

В целях усиления обороны крепости с моря и защиты внешнего рейда по указанию С.О. Макарова была произведена постановка мин, оборудовано боновое заграждение, усилен корабельный дозор, расширена сеть береговых наблюдательных постов, установлены дополнительные станции для освещения рейда, усилена и реорганизована береговая оборона приморского фронта. Кроме того, было организовано взаимодействие эскадры с береговыми батареями при совместном отражении атак противника с моря, приняты срочные меры к быстрейшему вводу в строй поврежденных кораблей и осуществлен ряд других мероприятий, которые во многом повысили обороноспособность Порт-Артура с моря. Одновременно с этим была начата планомерная боевая подготовка эскадры, целеустремленная на решение поставленных перед ней задач.

Особое внимание было обращено на повышение боевой готовности эскадры. С этой точки зрения первостепенное значение имел быстрый выход кораблей на внешний рейд в случае внезапного появления японского флота у Порт-Артура. Раньше для этого требовалось две полные воды, что не позволяло в короткий срок сосредотачивать на внешнем рейде всю эскадру. Благодаря хорошо продуманной последовательности выхода кораблей с внутреннего рейда на внешний, с учетом осадки их и постепенности повышения уровня воды с приливом, Макарову удалось добиться осуществления этого маневра за одну полную воду, что значительно повысило готовность эскадры к выходу в море.

Все мероприятия, производившиеся по указанию Макарова в целях усиления обороны Порт-Артура с моря, повышения готовности эскадры и улучшения организации боевой подготовки кораблей, отличались глубокой продуманностью, целеустремленностью и последовательностью и, несомненно, должны были дать положительные результаты. И надо сказать, что личный состав кораблей верил в это и надеялся, что вице-адмирал Макаров выправит положение дел на Тихоокеанской эскадре.

Принимая меры по подготовке эскадры к активным действиям, Макаров вместе с тем не забывал и об изучении обстановки на театре, и об организации обороны своего побережья на случай высадки неприятельских десантов. С этой целью он организовал систематическую разведку вдоль побережья Ляодунского полуострова эскадренными миноносцами. При выполнении разведки русским миноносцам нередко приходилось вступать в бой с превосходящими силами противника³⁰. Весь март шли усиленные тренировки эскадры. Пользуясь каждым удобным случаем, командующий флотом выводил корабли в море, чтобы выработать и закрепить навыки совместного плавания. Ежедневно на разведку от Порт-Артура высылались миноносцы (парами и даже отрядами). На рейде была организована сторожевая служба. Все это позволило в считанные дни значительно повысить боеготовность эскадры.

Ни Морское министерство, ни император не разделяли взглядов Макарова. Вместо помощи к нему направляли подчиненных, которые только мешали адмиралу. Так, в качестве начальника одного из отделов штаба командующего флотом был назначен двоюродный брат Николая II великий князь Кирилл Владимирович, не обладавший ни необходимыми знаниями, ни организаторскими способностями.

Недоброжелатели критиковали Макарова за излишнюю, по их мнению, смелость, чрезмерную инициативу. Однако теперь, когда от событий тех дней нас отделяет много десятилетий, можно уверенно сказать, что внимание адмирала было направлено на главное — повышение боеготовности флота. Он разработал правила входа и выхода больших кораблей и миноносцев из внутреннего бассейна Порт-Артура. Под его руководством была создана новая диспозиция для стоянки на внешнем рейде. На кораблях вводились специальные наблюдатели за падением снарядов. Для корректировки стрельбы боевые посты рекомендовалось оборудовать переговорными трубами.

В отличие от адмирала Старка новый командующий хорошо понимал, что японское командование будет и впредь пы-

таться заградить вход во внутренний бассейн Порт-Артура. Поэтому необходимы были срочные меры, чтобы воспрепятствовать новой вражеской операции. Штаб флота под руководством командующего разработал план активных действий. Мероприятия адмирала Макарова и его энергия вселили уверенность в личный состав. Уже первые боевые действия после его приезда становятся более решительными.

26 февраля (10 марта) под командованием капитана 1-го ранга Н.Н. Матусевича и капитана 2-го ранга Ф.Э. Боссе два отряда миноносцев в составе миноносцев «Выносливый», «Властный», «Внимательный» и «Бесстрашный» вышли в море на разведку. Первый отряд направился в Ляодунский залив, второй — к островам Эллиот.

«Выносливый» и «Властный» в районе своего действия первыми заметили 4 японских корабля и открыли по ним огонь. Это был отряд кораблей в составе «Сиракумо», «Асасиво», «Касуми» и «Акацуки» под командованием капитана 1-го ранга С. Асая. Около 1,5 часа у полуострова Ляотешань шел артиллерийский бой. Воспользовавшись темнотой, получившие значительные повреждения японские корабли ушли в море. По свидетельству самих японцев, миноносец «Асасиво» в этом бою имел 8 прямых попаданий, а «Касуми» — более 10. На «Акацуки» была выведена из строя машина, в результате этого он потерял способность двигаться и вынужден был просить помощи на соседних кораблях³¹.

В этом бою «Выносливый» получил 8 попаданий, а на «Властном» вышло из строя рулевое управление.

Эскадренные миноносцы, составившие другой отряд, выходили для осмотра побережья Квантуна и островов Эллиот в поисках временной базы японских миноносцев. Встретив вражеские корабли, «Решительный» и «Стерегущий» уклонились от них. Базу они не обнаружили, но при возвращении встретили 4 японских эскадренных миноносца и приняли бой.

Капитан 2-го ранга Боссе направил свои корабли на сближение с врагом. Головным шел «Решительный», а за ним в 2–3 кабельтовых — «Стерегущий». Русские корабли нача-

ли бой с дистанции 7 кабельтовых и приблизились к противнику на 4 кабельтовых. Бой шел на параллельных курсах. Ф.Э. Боссе в этом бою был контужен, «Решительный» получил повреждения, но смог прорваться в Порт-Артур. В более трудном положении оказался «Стерегущий». Японский снаряд разорвался в машинном отделении. Корабли противника окружили его.

В первые минуты боя командир «Стерегущего» лейтенант А.С. Сергеев был тяжело ранен. Наскоро перевязанный, с перебитыми ногами, он тем не менее продолжал поддерживать в бою своих подчиненных. Когда артиллерийский снаряд, разорвавшись в кочегарке, разбил котлы и перебил паропроводы, «Стерегущий» остановился, окутанный облаком пара.

Надежды на прорыв больше не было. Но бой продолжался. 4 орудия остановившегося миноносца наносили противнику значительные потери. Погибшего в бою командира корабля заменил лейтенант Н.С. Головизнин, но и он вскоре был убит. Когда разорвавшийся снаряд вывел из строя артиллеристов носовых орудий, их места заняли матросы машинной команды.

Более часа длился неравный бой. Немало попаданий получил и противник. Так, в эскадренный миноносец «Сазанами» попало 8 снарядов, а в «Акебоно» было 27 попаданий³².

Поврежденный «Стерегущий» чудом держался на воде. В 8 часов 40 минут к его борту подошла японская шлюпка. Противник пытался завести на миноносец буксиры. Как докладывал позднее японский офицер, на «Стерегущем» он увидел страшную картину. Фок-мачта была сбита, мостик снесен прямым попаданием снаряда. На верхней палубе лежало около 20 убитых моряков. Японцы завели буксир, но двум оставшимся в живых русским матросам, укрывшимся в трюме, удалось открыть кингстоны. Японцы во избежание гибели срочно покинули корабль, и «Стерегущий» затонул.

Когда от командира «Решительного» адмирал Макаров узнал о бое с японскими кораблями, он решил сам немедленно выйти на помощь «Стерегущему».

Как писал свидетель тех событий В.И. Семенов, с возвращением «Решительного» в море направились быстроходные крейсера «Новик» и «Баян». «Новик» шел под флагом командующего флотом. Но к этому времени «Стерегающий» уже затонул, а японские миноносцы поспешили присоединиться к показавшимся на горизонте кораблям Соединенного флота. «Выход С.О. Макарова на «Новике» под своим флагом на встречу японским крейсерам (неточность: японским эскадренным миноносцам. — *Авт.*), расстреливавшим «Стерегающего», конечно, был риском, но каково было впечатление от этого выхода!»³³ — писал В.И. Семенов. Не громкими словами, а личным примером воспитывал командующий флотом своих подчиненных.

Позднее капитана 2-го ранга Боссе упрекали в том, что он ушел, не оказав помощи «Стерегающему». Однако адмирал Макаров в рапорте заместителю следующим образом оценил действия командира миноносцев: «Повернуть ему («Решительному». — *Авт.*) на выручку — значило погубить вместо одного миноносца два. Считаю, что Боссе не следовало брать курса на японские миноносцы, а уклониться в сторону, хотя курс его уводил от своего порта... Решение это отважное, хотя, может быть, и не совсем благоразумное. Если даже «Решительный» повернул на помощь «Стерегающему», он не смог бы его выручить, ибо неприятельский отряд... был в четыре раза сильнее двух миноносцев. В этих условиях выручить «Стерегающий» было невозможно».

Высоко оценивая героизм русских моряков в этом бою, командующий флотом 2(15) марта издал специальный приказ, в котором сообщалось о награждении личного состава эскадренного миноносца «Решительный». Этот приказ был объявлен на всех кораблях. Отмечая героизм личного состава «Стерегающего», нельзя не указать и на ошибку, допущенную Макаровым при посылке миноносцев в разведку. Зная о том, что японские корабли постоянно держатся недалеко от Порт-Артура, Макарову не следовало посылать в разведку два миноносца, не обеспечив их соответствующей поддержкой. Из

гибели «Стережущего» Макаров сделал правильные для себя выводы и в дальнейшем, посылая миноносцы в разведку, обеспечивал их соответствующим прикрытием.

Поскольку большая часть русских кораблей укрывалась во внутреннем бассейне и в малую воду не могла оттуда выйти, 26 февраля (10 марта) японцы выделили отряд броненосцев в составе эскадренных броненосцев «Хацусэ», «Сикисима» и «Ясима» и легкого крейсера «Акаси» под командованием контр-адмирала Т. Насибы для обстрела русских кораблей. Чтобы избежать потерь от огня береговых батарей, противник решил вести перекидной огонь из-за Ляотешаня, на котором русские батареи не были установлены. Этот японский отряд безнаказанно производил обстрел внутренней гавани и порта в течение 2 часов 30 минут, а потом его сменил новый отряд в составе эскадренных броненосцев «Микаса», «Асахи», «Фудзи», которые вели огонь еще 45 минут.

Корректировку огня осуществлял легкий крейсер, державшийся в 8–10 милях от входа в гавань. Всего было выпущено 154 12-дюймовых снаряда, но результаты обстрела оказались незначительными. На крейсере «Аскольд» имелись небольшие повреждения в носовой части, осколки вражеских снарядов пробили кессон, подведенный к пробоине на броненосце «Ретвизан». 2 снаряда попали в русские броненосцы, но брони на них не пробиты.

Командующий флотом принял немедленные меры, чтобы организовать ответную перекидную стрельбу по противнику из гавани. Для этой цели было выведено 3 русских эскадренных броненосца, а на горе организована специальная станция для корректировки стрельбы. Связь с кораблями осуществлялась по телефону. На станции находились офицеры-артиллеристы.

На следующий день русская эскадра в составе 5 эскадренных броненосцев, 4 крейсеров, 2 минных крейсеров и 7 эскадренных миноносцев вышла в море для осмотра ближайших к Порт-Артуру островов. Во время перехода отрабатывались вопросы боевого маневрирования. Кроме того, выход из вну-

треннего бассейна Макаров использовал как доказательство того, что корабли могут выходить из него на рейд за одну полную воду.

Не встретив серьезного противодействия при первом обстреле и надеясь добиться большего успеха, японские эскадренные броненосцы из 2-го боевого отряда 9(22) марта снова появились у полуострова Ляотешань. Это были броненосцы «Фудзи» и «Ясима», которые открыли огонь по гавани и по проходу. По нему как раз на рейд выходили русские корабли. Ответная перекидная стрельба эскадренных броненосцев «Ретвизан» и «Победа» заставила противника стрелять на ходу. А когда на рейде стали появляться русские броненосцы, адмирал Того приказал 2-му боевому отряду полным ходом идти на соединение с главными силами. Около 12 часов 30 минут русская эскадра вышла на рейд.

Японский флот, увидев русские корабли, не принял боя и поспешил удалиться.

13(26) марта Тихоокеанская эскадра в составе 22 вымпелов снова вышла в море, осмотрела район островов Маяодао, потопив японский пароход «Ханиемару» и пленив его команду.

Активные действия русской эскадры торопили японское командование предпринять новую попытку закрыть вход во внутренний бассейн Порт-Артура. В ночь на 14(27) марта адмирал Того приказал 1-му и 3-му боевым отрядам Соединенного флота и отряду миноносцев с 4 выделенными транспортами водоизмещением от 3,7 тыс. до 4 тыс. т выйти к Порт-Артуру для выполнения боевого задания. В связи со штормовой погодой в охранение брандеров выделили крейсер «Тацута» и отряд миноносцев. Японцы стремились подготовку новой операции проводить скрытно, однако Макаров через лазутчиков получил о ней соответствующие сведения. В ожидании нового нападения командующий флотом принял ряд мер для его успешного отражения. Была тщательно продумана и разработана организация охраны рейда и входа во внутренний бассейн.

Отражением вражеского нападения руководил сам командующий флотом, перешедший, чтобы быть ближе к району боевых действий, с флагманского броненосца «Петропавловск» на канонерскую лодку «Бобр».

Хотя ночь и была темной, береговые прожекторы осветили японские корабли еще при подходе. В 3 часа 30 минут дежурные корабли и береговые батареи открыли по ним огонь.

После первых залпов загорелся и взорвался головной брандер. Торпедой с русского миноносца «Сильный» (командир лейтенант Е.И. Криницкий) был поражен второй. Миноносец «Решительный» атаковал и потопил третий брандер. А четвертый под обстрелом выбросился на камни.

С некоторых японских судов русские моряки сняли пушки и пулеметы. В дальнейшем они были использованы для обороны Порт-Артура. С наступлением прилива русские корабли вновь покинули внутренний бассейн, доказав японскому флоту, подошедшему к Порт-Артуру, что новая попытка закупорить вход закончилась безрезультатно. Флот противника опять уклонился от боя и ушел на юго-восток.

Хорошо понимая, что противник на этом не успокоится, командующий и его штаб еще тщательней стали готовиться к очередной встрече с японскими брандерами.

Макаров попытался использовать для обороны и затопленные японские брандеры. Все корабли дежурили со спущенными противоминными (противоторпедными) сетями. Вводились единые сигналы для флота. Предупреждением о появлении противника служила сигнальная ракета.

Активность русского флота была замечена противником. В те дни командир одного из японских миноносцев писал: «С приездом адмирала Макарова в русской эскадре началось небывалое до сих пор оживление, особенно заметное в обороне гавани». Далее автор делал вывод: «Он, должно быть, дельный человек, и я надеюсь, что в скором времени японская граната заставит его прекратить свою деятельность против нас»³⁴.

Опасаясь, что русские корабли из Порт-Артура смогут прорваться во Владивосток, адмирал Того решил выставить на под-

ходах к русской базе мины. Для этого были выделены корабли и вспомогательное судно «Кориумару». 30 марта (12 апреля) около 23 часов 40 минут японские корабли приблизились к Ляодуну. Но при виде русских миноносцев под командованием капитана 2-го ранга М.В. Бубнова противник уклонился от боя и поспешил присоединиться к своим главным силам.

Чтобы обезопасить проведение высадки 2-й японской армии на Квантунский полуостров у Бицзыво, адмирал Того предпринял новую попытку закупорить вход во внутренний бассейн Порт-Артура. Для этого было выделено 12 транспортов водоизмещением от 1650 до 4200 т с командами от 18 до 25 человек.

Операция была тщательно разработана и подготовлена. В море вышло 10 пароходов. На переходе брандеры сопровождали 2 боевых отряда Соединенного флота. О том, какое значение придавало японское командование этой операции, можно судить по числу участвовавших в ней кораблей. К Квантуну направлялось 50 вымпелов.

На переходе усилился ветер. Опасаясь, что в штормовых условиях трудно будет снять команды брандеров со шлюпок, начальник отряда решил отменить проведение операции. Но в ночных условиях он смог предупредить об этом командиров лишь 2 брандеров, которые повернули обратно. 8 пароходов, потеряв в темноте связь с охранявшими их кораблями, самостоятельно продолжали движение к Порт-Артуру.

Первым приблизился к русскому рейду пароход «Микавамару». Он был обстрелян с берега. На брандере возник пожар. Поэтому команда поспешила взорвать свой пароход. Подобная участь постигла все остальные брандеры. Огнем эскадренных миноносцев, канонерских лодок и береговых батарей они были потоплены на рейде или выбросились на берег, так и не заградив фарватера. 2 офицера и 30 матросов с брандеров были захвачены в плен. Как признавали сами японцы, им удалось спасти менее половины личного состава (67 человек из 158), привлеченного к участию в операции.

После гибели адмирала С.О. Макарова флотом командовал наместник, а когда в связи с угрозой блокады Порт-Артура он выехал в Мукден, в командование флотом с 22 апреля (5 мая) вступил контр-адмирал В.К. Витгефт. Новому командующему были даны указания в прежнем духе: «Ввиду значительного ослабления наших морских сил активных действий не предпринимать, ограничиваясь лишь производством рекогносцировок крейсерами и отрядами миноносцев для атаки неприятельских судов. При этом посылку тех или других обставить такими условиями, чтобы не подвергать их без нужды особому риску»³⁵.

Докладывая о своем командовании эскадрой, наместник писал: «Представлялось неотложно необходимым, придерживаясь строго оборонительного образа действия, напрячь все силы и всю энергию для возможно скорого исправления судов». Чтобы как-то оправдать пассивность флота после гибели Макарова, был сделан выпад по адресу погибшего командующего флотом. «Характеру покойного адмирала Макарова были присущи порывы увлечения боевой обстановкой, что облегчало неприятелю применение своих тактических приемов... Поспешному выходу 31 марта броненосцев в море с маневрированием на рейде без... мер предосторожности нельзя найти ни основания, ни объяснения»³⁶.

После занятия Кореи японское командование в апреле начало подготовку к высадке 2-й армии на Ляодунский полуостров. Близость места высадки к Порт-Артуру и наличие реальной угрозы со стороны русской эскадры заставили японское командование усилить действия своего флота против Порт-Артура. В целях обеспечения высадки 2-й армии на Ляодунский полуостров, японский флот в конце апреля приступил к осуществлению ближней блокады Порт-Артура. В качестве временной базы для блокадных сил своего флота японское командование использовало острова Личаншаньледао (Эллиот), расположенные недалеко от Порт-Артура. Метод блокады японского флота заключался в следующем. Блокадный дозор, состоявший из миноносцев, находился в не-

посредственной близости от Порт-Артура. В 10–20 милях от крепости постоянно держался отряд поддержки блокадного дозора, состоявший из крейсеров. Основные силы японского флота, включавшие в себя эскадренные броненосцы и броненосные крейсера, обычно находились возле островов Личаншаньледао или в шхерах северо-западной Кореи. Днем крейсера держались в видимости Порт-Артура, а на ночь удалялись в море, оставляя на внешнем рейде дозор из миноносцев. Связь между блокадным отрядом и основными силами флота, находящимися в расстоянии нескольких десятков миль, осуществлялась по радио, что давало возможность японскому командованию своевременно разворачивать основные силы своего флота в случае выхода в море русских кораблей. Чтобы затруднить выход блокируемых кораблей, японцы усилили постановку мин заграждения на внешнем рейде. Всего за время блокады Порт-Артура японский флот выставил около 1300 мин³⁷.

Для борьбы с минной опасностью русские моряки, учтя первоначальный опыт, в мае 1904 г. организовали систематическое траление. Для этой цели был создан специальный отряд траления, состоявший из 7 самоходных шаланд, 6 катеров и 2 пароходов. Отряду траления придавалось 4 миноносца, в задачу которых входило обеспечение тралящих кораблей от возможных атак противника. С момента создания специального отряда траления корабли перестали выходить в море без предварительного траления выходного фарватера. Это дало возможность русской эскадре, несмотря на серьезную минную опасность, вплоть до конца войны действовать за пределами своей базы. Таким образом, русскому флоту принадлежит первенство как в создании средств борьбы с минными заграждениями, так и в разработке способов и приемов траления, положивших начало новому виду боевой деятельности флота.

В борьбе с блокирующим флотом противника русские моряки умело использовали минное оружие. За время войны для обороны Порт-Артура русский флот выставил 1442 мины.

Поскольку инициатива на море вновь перешла к японскому флоту, часто появлявшемуся у Порт-Артура, русское командование решило выставить минные заграждения на вероятных курсах движения противника. Инициатором этой постановки был командир минного заградителя (по терминологии того времени — минного транспорта) «Амур» капитан 2-го ранга Ф.Н. Иванов.

Для успешного выполнения задачи нужны были туман или дымка. Такая погода наступила 1(14) мая. В 14 часов 25 минут «Амур» вышел в море для минной постановки. Его сопровождали 4 миноносца. 2 из них проводили траление по курсу «Амура», а 2 находились в охране.

Над морем стояла дымка, что позволяло ставить мины не в ночное время, а днем, когда место постановки минного заграждения можно было определить более точно. Пройдя по входному створу, «Амур» выставил 50 мин в 100–110 кабельтовых от Золотой горы, где, как отмечал командир заградителя, чаще всего находились блокирующие корабли противника. Мины были выставлены перпендикулярно курсам, которыми обычно двигались в этот район японские корабли, в одну линию длиной 12,5 кабельтовых на глубине 11 футов ниже уровня малой воды. Минная постановка прошла успешно.

Противник ничего подозрительного не заметил. В 17 часов 25 минут русские корабли благополучно вернулись в Порт-Артур. На следующий день, 2(15) мая, неприятельские корабли в составе эскадренных броненосцев «Хацусэ», «Ясима» и «Сикисима» и трех крейсеров появились у Порт-Артура. Русские береговые посты внимательно наблюдали за действиями отряда. Вскоре под концевым эскадренным броненосцем «Хацусэ» произошел взрыв. Корабль сильно накренился. Для спасения команды были посланы шлюпки. Рискнувший приблизиться к поврежденному кораблю броненосец «Ясима» вскоре тоже подорвался на двух минах. Оба японских броненосца затонули. Только на «Хацусэ» противник потерял 36 офицеров и старшин и 457 рядовых.

Этот день был назван черным днем японского флота. Кроме двух эскадренных броненосцев японцы в районе островов Эллиот потеряли крейсер «Иосино». На нем погибло 335 человек. Через два дня на русских минах у Порт-Артура подорвался миноносец «Акацуки», а канонерская лодка «Осима» затонула, протараненная другой японской лодкой при постановке на якорь.

Соотношение сил на море изменилось в пользу русского флота, создавались условия для активных действий Тихоокеанской эскадры. Но контр-адмирал Витгефт, получивший указание наместника беречь корабли и сам не веривший в успех, не воспользовался этими благоприятными обстоятельствами. Продолжая минные постановки, оказывая артиллерийскую поддержку сухопутным частям, передав часть орудий и личного состава для обороны Порт-Артура с суши, русский флот вел борьбу с блокадными силами противника, ожидая ввода в строй поврежденных кораблей и прибытия новых сил из России.

За время обороны Порт-Артура японский флот потерял на русских минах 12 боевых кораблей, что является наиболее убедительным доказательством силы русского минного оружия и высокого мастерства русских минеров. В то же время эти потери служили показателем неумения японского командования успешно организовать противоминную оборону блокирующих сил флота. С точки зрения общего опыта войны на море широкое использование мин заграждения у Порт-Артура со всей очевидностью свидетельствовало, что применение минного оружия в системе блокадных действий флота в корне изменило как характер блокады, так и способы борьбы с ней по сравнению с временами парусного флота. Использование мин заграждения позволило усилить блокирующему флоту свои действия, но в то же время минное оружие расширило возможности блокируемого в его борьбе с противником. Борьба блокируемых сил с блокирующим флотом противника у Порт-Артура показала также, что эти действия приобрели для обеих сторон характер систематиче-

ской боевой деятельности, потребовавшей от каждой из них большого напряжения сил.

«...притянуть на себя японскую армию»: первые сражения на суше

Почти одновременно с боевыми действиями на море начались первые сухопутные сражения. Они велись ограниченными силами. Обе стороны ставили своей задачей сорвать или хотя бы нарушить развертывание главной массы войск, предназначенных для осуществления намеченных стратегических планов.

Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке являлся наместник царя адмирал Е.А. Алексеев. Командующим сухопутными войсками в Маньчжурии с началом войны был назначен военный министр генерал А.Н. Куропаткин с правом самостоятельно сноситься с царем и правительством. До его прибытия 15(28) марта 1904 г. должность командующего Маньчжурской армией исполнял генерал Н.П. Линевиц.

На 13-й день войны Алексеев отдал следующий приказ генералу Линевицу: «...притянуть на себя японскую армию, дабы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур, и задержать ее наступление через реку Ялу и далее к линии Китайской Восточной железной дороги с целью выиграть время для сосредоточения наших резервов, подходящих из Западной Сибири и Европейской России. сверх того, надлежит принять меры к воспрепятствованию противнику производить высадки в устье рек Ляохэ и Ялу и на ближайших побережьях. В случае, если бы противник высадился в больших силах на Ляодуне для операции против Артура... выставив заслон в стороне от Кореи, несмотря по обстоятельствам, действовать... на тылы и сообщения противника, оперирующего против Артура»³⁸.

Таким образом, выдвижением отрядов к устью рек Ляохэ и Ялу предполагалось задержать наступление противни-

ка и выиграть время для переброски войск, направляемых на Маньчжурский театр военных действий из Западной Сибири и Европейской России. Удаленность этого театра и низкая пропускная способность Транссибирской магистрали не позволили в короткий срок сосредоточить на Дальнем Востоке необходимое количество войск. Поэтому мобилизация и развертывание русской армии осуществлялись крайне медленно. За первые 1,5 месяца среднесуточный прирост русской армии на Дальнем Востоке составил около батальона, полусотни конницы и 3 орудия.

К 15(28) марта развертывание Маньчжурской армии было завершено. Она состояла из двух авангардов — Восточного и Южного — и общего резерва, который располагался в районе Ляояна на кратчайшем направлении из Кореи, откуда ожидалось наступление главных сил противника.

Южный авангард в составе 18 батальонов пехоты, 6 эскадронов и 54 орудий (22 тыс. человек) под командованием генерала Г.К. Штакельберга располагался в районе Инкоу, Гайчжоу, Сеньючен и имел задачу помешать высадке японцев на побережье Ляодунского полуострова.

Восточный авангард, объединявший 8 батальонов пехоты, 38 орудий и пулеметную роту, под командованием генерала Н.А. Кашталинского был выдвинут к реке Ялу. Ему надлежало укрепить свою позицию в подходящих местах для наилучшей обороны и не дать возможности противнику перейти на правый берег.

В Северной Корее действовал передовой конный отряд под командованием генерала П.И. Мищенко (22 сотни конницы и казачья батарея) с задачей вести разведку, выдвинувшись до 100 км южнее реки Ялу.

Для наблюдения за противником на флангах были образованы: на левом фланге — конный отряд под командованием подполковника А.С. Мадритова в составе 2 сотен и 2 конноохотничьих команд, на правом — 2 батальона пехоты, 2 сотни и 4 орудия. Кроме того, побережье в районе устья Ялу охранялось 5 сотнями.

В составе общего резерва находилось на станции Айсян-цзянь 7 батальонов пехоты, 32 орудия; в Ляояне — 18,5 батальона, 9,5 сотни, 24 орудия; в Мукдене — 3 батальона, полсотни и 4 орудия. Всего общий резерв насчитывал 28,5 батальона пехоты, 10 сотен, 60 орудий.

Развертывание японской армии в 1904 г. почти полностью соответствовало ее развертыванию в Японо-китайской войне 1894–1895 гг.

В феврале авангард 1-й японской армии Куроки (12-я дивизия) начал высадку в Корее. Во второй половине марта 12-я дивизия заняла Пхеньян. Остальные силы армии — гвардия и 2-я дивизия — были высажены в Цинампо.

Разбросанность русских войск и незначительность их состава на театре военных действий позволили японскому командованию в Корее и на Ляодунском полуострове осуществить развертывание своих сил по заранее намеченному плану. Несмотря на это, высадка и сосредоточение 1-й японской армии происходили медленно. Только 22 марта (4 апреля) 1-я армия Куроки сосредоточилась за рекой Ченчёнган в намеченном для нее районе, в 125 км от Ялу, и приступила к устройству промежуточной базы.

Согласно плану стратегического развертывания, намечалось выставить еще 3 армии. Мобилизация 2-й и 3-й армий началась 9(22) февраля и завершилась 3(16) марта. Формирование 4-й армии, предназначавшейся для операций против Порт-Артура, было отложено до апреля.

К 10(23) апреля 45-тысячная армия Куроки закончила сосредоточение на левом берегу реки Ялу. Конные части генерала Мищенко после нескольких стычек с дозорами противника отошли за реку Ялу. На корейском берегу не осталось ни одного русского солдата. Русское командование, ожидая прибытия новых контингентов войск из России, отказалось от активной обороны на реке Ялу и приняло решение о проведении демонстративной обороны силами Восточного отряда генерала М.И. Засулича. Этот отряд был создан 28 февраля (12 марта) 1904 г. из Восточного авангарда, усиленно-

го 6-й Восточно-Сибирской дивизией и несколькими батареями Восточно-Сибирской артиллерийской бригады³⁹. Отряд состоял из 21 батальона пехоты, 24 сотен, 6 батарей пешей артиллерии, одной горной и батареи Забайкальского казачьего войска (62 орудия). К Восточному отряду был присоединен и конный отряд Мищенко.

Восточный отряд имел задачу: 1) пользуясь местными условиями, затруднить противнику переход через реку Ялу и дальнейшее наступление через Феншуйлинский горный хребет; 2) выяснить силы, состав и направление движения наступающей японской армии.

Кроме того, подчеркивалось, что отряд должен «всеми мерами стремиться избегать решительного боя с превосходящим в силах противником и не допустить подвергнуть себя поражению до отхода на главные силы нашей армии», но в то же время надлежало «дать противнику отпор с должной твердостью, но и с благоразумием».

Восточному отряду ставились пассивные оборонительные задачи. Его войска должны были нанести противнику ружейным и артиллерийским огнем большие потери во время переправы японцев через Ялу, но затем отступить раньше, чем он успеет перебросить на правый берег крупные силы.

Ялу и ее приток Эйхо (Айхэ) представляли серьезные препятствия для переправы. Бродов на Ялу не было. Река дробилась на несколько многоводных рукавов. На Эйхо имелись глубокие броды, доступные лишь для конницы.

Оборона Восточного отряда на реке Ялу делилась на два участка: саходзынский и тюренченский. Саходзынский участок протяженностью до 17 км обороняли 4,5 батальона пехоты, 16 орудий 3-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и 8 пулеметов пулеметной роты. 4-километровый тюренченский участок защищали 6 пехотных батальонов с 2 батареями (16 орудий) 6-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады.

На правом фланге района обороны на фронте протяженностью до 75 км действовал отряд генерала П.И. Мищенко в составе 3 батальонов пехоты, 11 сотен конницы с 1-й бата-

реей 6-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и батареей Забайкальского казачьего войска. Эти силы имели задачу наблюдать и по мере своих возможностей задерживать высадку японцев на линии Няньчань, устье реки Ялу и на побережье Корейского залива до Бицзыво.

Левый фланг от Эйхо и далее вверх по реке Ялу на фронте протяженностью до 80 км обеспечивался тремя отрядами: полковников П.А. Лечицкого и И.Е. Трухина и подполковника А.С. Мадритова. В общей сложности они имели более батальона пехоты, 13 сотен конницы и 8 горных орудий.

Общий резерв отряда (до 5,5 батальона и батарея 3-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады) находился у деревни Тензы.

Начальником передовой линии обоих участков был генерал Н.А. Кашталинский.

Однако разведка противника не была организована должным образом. Генерал Засулич не знал планов и намерений противника и до конца тюренченского боя ошибочно считал, что главный удар японцы будут наносить по саходзынскому участку. Но главной ареной боевых действий стал тюренченский участок. Войска, защищавшие этот участок, располагались на берегу реки по обеим сторонам селения Тюренчен — от саходзынской позиции до Тигрового холма включительно. Тигровый холм, представлявший собой скалу на левом берегу Эйхо, затруднял оборону на этом участке, т.к. закрывал обзор от Тюренчена вверх по Ялу. Бездорожье и гористая местность на северном берегу нижнего течения реки Ялу также затрудняли маневр к пункту, избранному японцами для переправы.

Ялу и ее приток Эйхо предоставляли широкие возможности для организации прочной обороны на этом водном рубеже. Высоты правого берега обеих рек господствовали над высотами левого берега, что обеспечивало значительные выгоды русской артиллерии.

Позиция русских на Ялу была сильной лишь по своим природным данным. Русские войска, как отмечалось, распола-

гались на холмах с крутыми, обрывистыми скатами и могли вести обстрел островов, образованных рукавами Ялу и Эйхо. В инженерном отношении позиции были укреплены слабо. Блиндажей, навесов и других искусственных сооружений для укрытия пехоты, артиллерийской прислуги и боевых припасов не было. Имелись только окопы неполного профиля на 9 рот, почти не замаскированные, без скрытых ходов сообщения.

Артиллерийские батареи располагались на открытых позициях на одной линии с пехотой, что позволило японской артиллерии поражать одновременно пехоту и артиллерию. Наблюдательных пунктов батареи не имели, стрельба из орудий готовилась только по открытым целям. Артиллерийская разведка, как и разведка расположения войск противника, отсутствовала. Русские войска не были обучены маскировке. Японцы смогли без труда узнать по толпившимся у своих окопов русским солдатам расположение оборонительных позиций противника.

Неудачно была организована связь между частями. Установленная по телеграфной линии, проложенной по берегу реки Ялу, а частью и по островам, она была прервана в самом начале боя.

Таким образом, позиция русских на Ялу по вине командования не была подготовлена к обороне. Начальник штаба Тюренченского участка подполковник К.П. Линда заявил: «...зачем было укреплять береговые позиции? Неужели мог кто-либо думать, что японцы предпримут переправу против укрепленной позиции? Очевидно, нет, и изнушать напрасно людей... было бы ошибкой начальника отряда»⁴⁰.

После того как отряд генерала Мищенко отошел из Кореи, японцы получили возможность беспрепятственно развернуть свою 1-ю армию на левом берегу нижнего течения Ялу. Против примерно 16 батальонов пехоты и 5 батарей русских, находившихся на саходзынской и тюренченской позициях, а также в общем резерве, японцы развернули 48 батальонов пехоты, 24 батареи дивизионной и 5 батарей армейской гаубичной артиллерии (174 орудия).

Посредством наблюдения и агентурной разведки японцы установили, что выше устья Эйхо русские осуществляют обход лишь конными разездами. Следовательно, этот участок являлся более благоприятным для переправы. Поэтому Куроки решил переправиться всеми 3 дивизиями на своем правом фланге. Намечалось перебросить вначале 12-ю дивизию в окрестностях Амбихе, а затем и 2-ю гвардейскую дивизию.

После переправы 12-я дивизия должна была направиться на Чингоу и далее на юго-запад с задачей разгромить находившиеся там русские войска и оседлать дорогу Тюренчен — Фынхуанчен.

Гвардейской дивизии надлежало разбить русские войска в районе Потэтынза и в дальнейшем выйти на дорогу Тюренчен — Фынхуанчен.

2-й дивизии ставилась задача овладеть Тюренченом, а затем, повернув в направлении Саходзы, сковать саходзйскую группировку русских, пока 12-я дивизия окончательно не овладеет путями отхода русских войск.

Таким образом, японская армия, развернувшись на нижнем течении Эйхо, должна была атаковать тюренченскую позицию русских с охватом ее левого фланга.

Создав под Тюренченом пятикратное превосходство в живой силе и трехкратное превосходство в артиллерии, армия Куроки 13(26) апреля перешла в наступление. Ночью японцы захватили острова Самалинду и Киури и сразу же приступили к возведению на них окопов и замаскированных позиций для артиллерии. Захват островов позволил японцам приблизить артиллерию на дальность действительного огня, что оказало впоследствии свое влияние на ход боя. После того как японцы овладели островом Киури, была потеряна связь между тюренченским участком и отрядом полковника Лечицкого у Амбихе.

Утром 17(30) апреля японцы приступили к наводке моста через реку Ялу. Русские батареи пытались помешать этому. Они открыли огонь по японским шлюпкам, но оказались

быстро подавлены огнем гаубичных и полевых батарей, развернутых японцами на острове Самалинду. Там находилось 5 батарей армейского артиллерийского полка, 3 батареи 2-й и 6 батарей гвардейской дивизии. Батареи были замаскированы, для прислуги оборудованы надежные блиндажи. Управление батареями объединялось в руках старших артиллерийских начальников, установивших с батареями техническую связь. На батареях и наблюдательных пунктах, с которых хорошо просматривалась тюренченская позиция, имелись карты с нанесенными на них русскими позициями.

К началу переправы японские дивизии занимали следующие позиции: 12-я дивизия за Хучаном, на левом берегу Эйхо, на участке Салангоу, Лизавень, 2-я дивизия на острове Эйходзян, от его южной оконечности до дороги из Тюренчена в Хусан, гвардейская дивизия, продвигавшаяся вслед за 2-й дивизией, развернулась правее ее, до северной оконечности острова Эйходзян. Резерв находился на острове Киури.

В 7 часов 18 апреля (1 мая) 20 осадных и 72 полевых орудия японской артиллерии открыли огонь по всей позиции тюренченского участка, а вслед за этим началось наступление пехоты густыми цепями одновременно на Тюренчен, Потэтынза, Чингоу.

К этому моменту на тюренченском участке у русских находилось 4 батальона, 7 орудий, 8 пулеметов. Всего на 12-километровом участке русских от устья реки Хантуходзы, Тюренчен, Потэтынза до Чингоу имелось около 5 тыс. штыков.

Русские части и батареи, ведшие бой у Тюренчена, не были поддержаны ни резервами, ни частями и батареями, находившимися в районе Саходзы. Генерал Засулич по-прежнему считал, что главный удар противник будет наносить в районе Саходзы, и поэтому не принимал никаких действенных мер к усилению тюренченского участка.

Японская пехота, переправившись вброд через Эйхо, к 8 часам захватила тюренченские позиции. Часом позже, после того как японская гвардия обошла их правый фланг, рус-

ские оставили свои позиции у Потэтынза. Начальник тюренченского участка генерал Кашталинский, чтобы задержать японцев, срочно направил на дорогу Чингоу — Тензы прибывшие из общего резерва 11-й полк и 3-ю батарею Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, которые прикрыли отход 12-го полка. Однако 11-й полк и 3-я батарея вместе с 2-й батареей 6-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады оказались в окружении. Правда, с боем они сумели прорваться из окружения и уйти в горы, приведя в негодность оставляемые орудия.

23 апреля (6 мая) японцы заняли Фынхуанчен и вышли во фланг русской Маньчжурской армии, развернутой на линии Ляоян, Хайчен. Восточный отряд отошел на перевалы Феншуйлинского хребта.

В бою на реке Ялу русские потеряли около 3 тыс. человек, 21 орудие и 8 пулеметов. Потери японцев составили 1036 человек⁴¹.

Японские войска в этом бою действовали весьма медленно и осторожно. Поэтому японское командование не смогло осуществить свой замысел — обходным движением перерезать главный путь отступления русского отряда и окружить его.

Японские войска, как и русские, не учитывали возросшей силы пехотного огня обороняющихся. Японская пехота наступала плотными боевыми порядками без учета условий местности. В 300–400 м за густыми цепями следовали роты в колоннах или развернутым фронтом. Приблизившись к русским окопам на дистанцию для броска в атаку, японские роты и ротные колонны также развертывались и вливались в идущие впереди цепи. Вследствие этого они несли большие потери от винтовочного и пулеметного огня русских.

Бой у реки Ялу показал, что предвоенные взгляды, выражавшиеся в недооценке возросшей мощи огня, в тяготении к сомкнутым строям, в пренебрежении к инженерному оборудованию позиции, самоокапыванию и маскировке артиллерии, отрицательно сказались на результатах военных действий.

В бою на реке Ялу русская армия потерпела первое поражение. Обнаружилась неспособность ее генералов ориентироваться в быстро меняющейся боевой обстановке, их неумение управлять войсками.

Поражение на реке Ялу произвело тяжелое впечатление на русские войска и оказало существенное влияние на дальнейший ход боевых действий русской армии. Оно подорвало веру солдат в своих военачальников и создало ошибочное мнение о силе и возможностях противника.

Куропаткин решил всеми мерами избегать решительного сражения до прибытия подкреплений, а царю доложил, что бой у реки Ялу оказался случайным как для военачальников, так и для войск.

Победа на Ялу подняла боевой и моральный дух японской армии. В донесении генерала Куроки от 1 мая указывалось: «Принцы крови и другие офицеры сильно воодушевлены, а воинский дух в частях значительно поднялся»⁴².

Овладев инициативой, японцы 22 апреля (5 мая) начали высадку 2-й армии в районе Бицзыво на Квантунском полуострове. Вслед за 2-й армией должна была высадиться 3-я армия генерала М. Ноги, предназначавшаяся для осады Порт-Артура. С севера ее развертывание, а затем и действия предстояло обеспечить 2-й армии.

В это же время в районе Дагушаня велась подготовка к высадке 4-й армии М. Нодзу. Последняя имела задачу вместе с 1-й и 2-й армиями действовать против главных сил русской Маньчжурской армии и этим в последующем обеспечить успех 3-й армии в борьбе за Порт-Артур.

К концу апреля русская Маньчжурская армия была усилена войсками Приамурского военного округа и Забайкальской области.

Ожидалось прибытие из Сибири 4-го Сибирского и из европейской части России 10-го и 17-го армейских корпусов. Войска по-прежнему были разбросаны на огромном пространстве. В результате во всех решающих пунктах русские располагали более слабыми силами, чем японцы.

Группировка Маньчжурской армии к 1 (14) мая делилась на Южный и Восточный отряды и общий резерв. Южный отряд (1-й Сибирский армейский корпус) занимал побережье Ляодунского залива. Его войска находились в Инкоу, Гайчжоу, Хайчене и на перевалах Далин и Пхалин.

Восточный отряд (3-й Сибирский армейский корпус) после неудачного сражения под Тюренченом занимал Феншуйлинский и Модулинский перевалы, прикрывая район сосредоточения главных сил от действий 1-й японской армии. В его составе насчитывалось 18,5 батальона пехоты, 14,5 сотни и 32 орудия.

В общем резерве Маньчжурской армии числилось 28,5 батальона, 2 сотни и 84 орудия.

Правый фланг Восточного отряда на направлении Дагушань, Сюянь, Хайчен прикрывался отрядом генерала П.И. Мищенко (11 сотен, 6 орудий), левый фланг — отрядом генерала П.К. Ренненкампа (3 батальона, 22 сотни, 16 орудий).

Правый фланг Маньчжурской армии обеспечивал Ляохейский отряд (1,5 батальона, 9 сотен, 6 орудий), крайний левый фланг на путях в Мукден — отряд подполковника Кушелевского (2 пехотных роты, 2 казачьи сотни, 2 орудия).

13 (26) мая 2-я армия Я. Оку овладела Цзиньчжоу и тем самым перерезала связь Порт-Артура с Маньчжурской армией.

Неудачи у Цзиньчжоу и угроза обложения Порт-Артура 3-й японской армией обеспокоили правящие круги России. Военный министр В.В. Сахаров писал А.Н. Куропаткину, что потеря Порт-Артура «будет новым и наиболее тяжелым ударом, который подорвет и политический и военный престиж России не только на Дальнем Востоке, но и на Ближнем Востоке, и в Средней Азии, и в Европе, и, несомненно, наши недруги воспользуются этим, чтобы затруднить нас елико возможно, и друзья отвернутся от России как от бессильной союзницы».

Однако Куропаткин считал, что положение Порт-Артура не столь критическое, чтобы предпринимать какие-либо действия для оказания помощи Порт-Артуру до окончания со-

средоточения армии. Напротив, Е.И. Алексеев и его штаб не ожидали, что Порт-Артур удержится более 2–3 месяцев, и находили, что «исключительно важное значение Порт-Артура обязывает содействовать его деблокаде, несмотря на незаконченное еще сосредоточение армии и на то, что операция эта связана с известным риском».

Штаб главкома написал Куропаткину о необходимости наступления Маньчжурской армии. Однако считавший эти действия рискованными Куропаткин созвал военный совет, по итогам которого повторил телеграмму с доводами против наступления. Спор между главкомом и командующим Маньчжурской армией удалось решить только после привлечения царя, одобрявшего активные действия.

Таким образом, Алексеев на все свои планы получал одобрение царя. Куропаткин шел против штаба главнокомандующего, прикрываясь авторитетом военного министра, который всегда стремился поддержать своего брата — начальника штаба Маньчжурской армии. Трения и взаимное подсиживание отрицательно влияли на деятельность русского командования в Маньчжурии.

Маньчжурская полевая армия к концу мая по численности была почти равной японской. Расположение ее было выгодным. Она могла действовать по внутренним операционным линиям против разбросанных и разобщенных группировок противника. Однако русское командование продолжало придерживаться пассивных действий. Куропаткин свою задачу видел в том, чтобы удерживать занимаемые позиции и продолжать усиливаться за счет резервов, прибывающих из Европейской России.

Сознавая, что падение крепости чревато тяжелыми последствиями, царское правительство потребовало от дальневосточного командования направить войска на выручку Порт-Артуру.

23 мая (5 июня) Алексеев отдал официальное предписание командующему Маньчжурской армией выделить для Порт-Артура 4 дивизии (48 батальонов), придав им необходимую

артиллерию и кавалерию. Вопреки своим планам и намерениям Куропаткин вынужден был послать из района Ташицзяо 1-й Сибирский корпус.

Вопреки предписанию Е.И. Алексеева к Порт-Артуру было послано не 48, а 32 батальона. Против 1-го Сибирского корпуса, располагавшего 32 батальонами и 98 орудиями, японцы выставили целую армию, состоявшую из 48 батальонов пехоты, 3 полков дивизионной и 3 полков армейской артиллерии (216 орудий). Таким образом, соотношение сил складывалось в пользу японской стороны.

При этом оборона русских делилась на три участка. Правый участок (к западу от деревни Санцзыир) заняли 3 батальона 36-го, батальон и рота 33-го Восточно-Сибирского полка и батарея 9-й артбригады под общим командованием Н.Ф. Крузе. На среднем участке (от железной дороги до деревни Санцзыир) находились 3 роты 33-го Восточно-Сибирского полка, 2 батареи 9-й и батарея 35-й артиллерийской бригады под командованием генерала А.А. Лучковского. Левый участок, к востоку от железнодорожной линии, защищали 12 батальонов 1-й Восточно-Сибирской дивизии, 4 сотни казаков под общим командованием генерала А.А. Гернгросса.

Артиллерия располагалась на открытых позициях. Это было сделано по приказу старших начальников, которые понятия не имели об угломере и поэтому категорически запрещали командирам батарей устанавливать орудия на закрытых огневых позициях, а Штакельберг, обнаруживая закрытые позиции, делал подчиненным незаслуженные упреки и лично указывал позиции для батарей на вершинах сопок⁴³. В результате огневые позиции русских батарей легко обнаруживались противником. Взаимная поддержка батарей огнем не была предусмотрена. Наблюдательных пунктов командиры батарей не имели.

Японцы 1(14) июня перешли в наступление. План японского командования заключался в том, чтобы атаковать вначале корпус Штакельберга с фронта только 3-й пехотной дивизией, а после того, как резервы русских будут переброше-

ны на левый фланг, атаковать 5-й дивизией правый фланг русской 9-й дивизии. На 4-ю дивизию возлагалась задача совершить глубокий (на 25 км) обход правого фланга корпуса и к полудню 2(15) июня отрезать путь отхода русским войскам.

В первый день боя генерал Оку не рассчитывал добиться полного успеха. Этот бой должен был стать только пробой сил, нащупыванием слабого места и подготовкой к решительному сражению.

Наступление японцев было поддержано ураганным огнем артиллерии. Русские войска, не участвовавшие еще в боях, не имевшие окопов и укрытий, сразу же стали нести большие потери. Справа наступали 3-я дивизия и 1-я кавалерийская бригада. В центре действовала 5-я дивизия, за ней двигалась отдельная артбригада; слева вводилась 4-я дивизия, которая имела задачу обойти правый фланг русских.

Конец дня прошел в усиленной перестрелке с обеих сторон. Бой 1(14) июня, несмотря на некоторое продвижение 3-й японской дивизии, не определил ни победителя, ни побежденного.

На рассвете 2(15) июня вся артиллерия 2-й японской армии начала подготовку атаки. Основной огонь артиллерии был сосредоточен на 1-й дивизии Гернгросса. Это было сделано с целью отвлечь внимание русских от правого фланга, который обходила 4-я дивизия.

Несогласованность в действиях русских войск позволила 4-й японской дивизии обойти с фланга 33-й и 36-й полки 9-й дивизии и вынудить их отступить к станции Вафангоу. В результате 2-дневных боев у Вафангоу русские потеряли около 3,5 тыс. человек, японцы — 1163.

Сравнительно благополучный выход из боя под Вафангоу корпуса Штакельберга объясняется, с одной стороны, медлительностью обходного движения 4-й японской дивизии, преждевременным израсходованием генералом Оку своего резерва для расширения охватывающего маневра, с другой — упорством русских войск. Измотанная в двухдневных

кровавых боях армия Оку не решилась на преследование отходивших частей 1-го Сибирского корпуса.

Неблагоприятный для русских исход боя у Вафангоу был предопределен посылкой одного корпуса против целой армии противника. При этом выдвижение усиленного 1-го Сибирского корпуса к Вафангоу производилось по директиве главнокомандующего Алексеева, вопреки желанию командующего Маньчжурской армией генерала Куропаткина, который выделил на выручку Порт-Артуру меньше сил, чем это планировалось главкомом, и операцию начал тогда, когда японцы значительно усилились в результате высадки новых войск в Китае и Корее.

В бою у Вафангоу, как и под Тюренченом, русское командование оказалось не на высоте. Царские генералы, за малым исключением, проявили нерешительность, неумение использовать свои резервы. «Сражение под Вафангоу, писал А.А. Игнатъев, — вскрыло один из главных пороков в воспитании высшего командного состава: отсутствие чувства взаимной поддержки и узкое понимание старшинства в чинах».

В бою у Вафангоу русская артиллерия была введена в действие лишь наполовину и вела огонь с открытых позиций, что позволило японской артиллерии быстро подавить ее.

Японская артиллерия располагалась на позициях группами по 2–3 батареи. Каждая группа имела свой наблюдательный пункт, единое управление и, как правило, вела огонь сосредоточенно.

Более активной в этом бою была и японская конница. Охват левого фланга русских позиций создал у русского командования впечатление сосредоточения здесь крупных японских сил. Русская кавалерия бездействовала. Она не смогла своевременно обнаружить движение целой дивизии в обход Вафангоу.

Бой у Вафангоу не был заранее спланирован. Он носил случайный характер. Посланный на выручку Порт-Артуру корпус не получил четкой и ясной задачи по его деблокаде.

* * *

События, происшедшие с момента внезапного нападения Японии до конца июня, составляют начальный период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Основным содержанием его было стратегическое развертывание вооруженных сил.

Решение этой задачи для русских войск затруднялось большой удаленностью театра военных действий и низкой пропускной способностью Транссибирской магистрали. Сосредоточение войск в Маньчжурии производилось медленно. Лишь в июне удалось образовать там достаточно сильную стратегическую группировку.

Военные действия в этот период носили ограниченный характер. Японское командование, выиграв первые сражения на море и на суше, обеспечило себе благоприятные условия для стратегического развертывания. Выполнив эту задачу на месяц раньше русских, оно перешло к осуществлению дальнейших планов. Очередной его целью являлось овладение крепостью Порт-Артур.

ГЛАВА 2

Героические 329 дней: оборона Порт-Артура

«Русские... сумели нанести огромные потери японским войскам»: бои на подступах к крепости

Высадившаяся в Бицзыво 2-я японская армия под командованием генерала Я. Оку 2(15) мая двинулась по направлению к Порт-Артуру. Она имела своей первоочередной задачей овладеть Цзиньчжоуским перешейком и портом Дальний.

Для установления соприкосновения с противником на подступах к Цзиньчжоу начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор А.В. Фок по указанию командующего русскими войсками на Квантунском полуострове генерал-лейтенанта А.М. Стесселя выслал два небольших отряда. Первый отряд под командованием полковника А. Дунина, состоявший из 8 рот, конно-охотничьей команды 5-го полка и команды пограничной стражи, при поддержке 10 орудий занял выгодные позиции на высоте западнее деревни Шисалитеза. Второй отряд подполковника В.И. Сейфулина, 2 роты и 2 отдельные команды, был выдвинут к деревне Чафантань.

Столь малая численность войск, выделенных для обороны подступов к Цзиньчжоуской позиции, объяснялась тем, что первоочередной задачей этих отрядов считалось лишь про-

ведение рекогносцировки, а отнюдь не ведение активных боевых действий. В инструкции Стесселя от 2(15) мая прямо указывалось: «При превосходных силах противника не увлекаться, а постепенно отходить за Киньчжоускую (далее Цзиньчжоускую. — *Авт.*) позицию¹. Каких-либо конкретных указаний обоим отрядам на случай столкновения с передовыми японскими частями со стороны Стесселя и Фока не последовало.

3(16) мая в 8 часов 30 минут на высотах перед позицией отряда Дунина показалась японская пехота. Несмотря на свое численное превосходство, японцы вследствие огня русской артиллерии были вынуждены скрыться в оврагах и прекратить фронтальные атаки. Через 2 часа атаки возобновились. Теперь они были направлены против правого фланга русского отряда, командование которым принял генерал-майор М.А. Надеин.

Японскую пехоту поддерживали 24 орудия. Однако русские артиллеристы под командованием подполковника Н.А. Романовского, имевшие всего 10 орудий, смело вступили в этот неравный поединок. Несмотря на большие потери, достигавшие 2/3 всего личного состава, батарея Романовского вела такой интенсивный и меткий огонь, что японская артиллерия была подавлена. Около 13 часов атака неприятеля на деревню Шисалитеза была остановлена.

Развертывание 8 японских батальонов и артиллерии для атаки на правофланговую передовую позицию русских войск у деревни Чафантань началось в 7 часов утра. Все передвижения противника происходили открыто на расстоянии 3–4 км, вне сферы ружейного огня русского отряда.

Командир отряда подполковник Сейфулин доносил, что наличие хотя бы двух орудий при вверенном ему отряде могло бы нанести громадный вред противнику. Но артиллерии не было, и 2 русские роты вынуждены были в 9 часов 30 минут вступить в неравный бой.

Неудачный для русских войск исход боя на передовых позициях у деревень Шисалитеза и Чафантань был обусловлен

преступной бездеятельностью генерала Фока. По его вине силы, выделенные в состав передовых отрядов, оказались незначительными и во время боя не были поддержаны резервами. Оба отряда не имели единого командования, вследствие чего оказалась невозможной организация их взаимодействия. И тем не менее русские пехотинцы и артиллеристы показали в бою с превосходящими силами противника образцы стойкости и героизма. Потери русских войск в бою 3(16) мая составили 24 человека убитыми и без вести пропавшими и 169 ранеными. Противник потерял убитыми и ранеными 146 солдат и офицеров.

Цзиньчжоуская позиция, на которую отошли русские войска, располагалась на высотах узкого перешейка (шириной около 4 км), соединявшего Ляодунский и Квантунский полуострова. Находившаяся в 62 км от Порт-Артура цзиньчжоуская позиция, или, как ее называли, «ворота к Артуру», была неразрывно связана с городом. Укрепления на Цзиньчжоуском перешейке состояли из 13 артиллерийских батарей, 5 редутов и 3 люнетов, а также пехотных траншей, вырытых в два, а местами в три яруса и соединенных между собой ходами сообщений.

Восточный и северный фасы позиций были оборудованы искусственными препятствиями, состоявшими из проволочных заграждений и 84 фугасов с электрическими запалами. Кроме того, на позиции было устроено 66 блиндажей, вырыто 8 колодцев, проведена телефонная линия и установлено два прожектора. К обороне был приспособлен и город Цзиньчжоу, находившийся к северу от левого фланга цзиньчжоуской позиции².

Для обороны Цзиньчжоуского перешейка был выделен отряд 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии численностью 17 760 человек, усиленный 54 полевыми и 77 крепостными орудиями, а также 10 пулеметами. Для непосредственной обороны позиции и города Цзиньчжоу было назначено всего около 3800 человек, 65 орудий и 10 пулеметов под командованием полковника Н.А. Третьякова.

Серьезным недостатком являлось то, что почти все русские батареи располагались на открытых позициях, на гребнях высот и весьма скученно, были плохо обеспечены боеприпасами. На каждое орудие приходилось по 60 снарядов. Такого количества едва могло хватить на один день напряженного боя. Несмотря на то что все батареи имели между собой телефонную связь, системы единого управления огнем организовано не было.

Тем не менее цзиньчжоуская позиция являлась серьезным препятствием для 2-й японской армии. Выгодные условия местности в сочетании с инженерными сооружениями и поддержка флангов позиции силами флота были важнейшей предпосылкой прочной и устойчивой обороны этого рубежа. Французский военный историк полковник К. Грандпре писал по этому поводу: «Перешеек Цзиньчжоу — место, предназначенное для возведения форта-заставы. Если бы русские имели время построить такой форт и хорошо снабдить его всеми средствами современной техники, они могли бы с небольшим гарнизоном задержать японские войска на целые месяцы. Японцы должны были бы или приступить к осаде форта, или высаживаться в каком-либо пункте Квантунского полуострова, более, чем Бицзыво, подверженном опасности со стороны гарнизона Порт-Артура и русско-го флота»³.

Однако командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин не понимал важности цзиньчжоуской позиции, являвшейся практически единственным укрепленным рубежом на подступах к Порт-Артуру, и не придавал должного значения ее удержанию. 12(25) мая, накануне атаки японцами Цзиньчжоуского перешейка, Стессель получил от Куропаткина следующую телеграмму: «Самое главное — это своевременно отвести войска генерала Фока в состав гарнизона Порт-Артура. Мне предоставляется желательным вовремя снять и увезти с Цзиньчжоуской позиции на поезде орудия. Иначе (у японцев. — *Авт.*) будут новые трофеи... Впечатление произведет это крайне тяжелое»⁴.

Для атаки цзиньчжоуской позиции генерал Оку сосредоточил около 35 тыс. человек (1-я, 3-я и 4-я дивизии — всего 36 батальонов пехоты, 3 саперных батальона, 9 эскадронов кавалерии), 216 полевых орудий и 48 пулеметов.

Подразделения 5-го стрелкового полка, оборонявшие перешеек, уступали, таким образом, противнику в живой силе в 9 раз, а по количеству артиллерийских орудий и пулеметов — в 4–5 раз.

В ночь на 13(26) мая японцы начали теснить русские сторожевые посты и вскоре заняли город Цзиньчжоу, гарнизон которого под огнем артиллерии противника отступил на позицию. Часть русских орудий была подбита, другие прекратили огонь из-за отсутствия снарядов. 44 орудия полевой артиллерии дивизии Фока, находившиеся на значительном удалении на Тафаншинских высотах, не могли оказать никакой поддержки батареям Цзиньчжоуской позиции. Лишь 3-я батарея капитана Л.Н. Гобято, расположенная на закрытой позиции у деревни Лиудятунь, вела сосредоточенный огонь по батарее противника на горе Самсон. Результаты обстрела оказались весьма эффективными. Батарея противника была подавлена и прекратила огонь. При этом 3-я батарея потерь не имела. Неоднократные попытки японской артиллерии подавить ее огонь оказались безуспешными. Но так или иначе батарея капитана Гобято не смогла оказать существенного влияния на исход боя.

В официальном донесении командующего 2-й японской армии о цзиньчжоуском бое говорится: «Благодаря упорному сопротивлению неприятельской пехоты положение дела не изменялось до 5 часов дня. До этого времени мы не могли найти бреши для наступления нашей пехоты, а 3-я дивизия, наш левый фланг, была тем временем в опасности быть окруженной, так как противник усилил свою пехоту против ее левого фланга, а обе батареи в Нанкванлинге помогали атаке противника. Это все больше и больше угрожало левому флангу дивизии, в то же время полевой запас артиллерийских снарядов у нас почти совсем иссяк: становилось ясно, что продолжать бой весьма опасно. Ввиду этого я был вынужден при-

казать нашей пехоте предпринять штурм позиции и овладеть ею даже тяжелой ценой; а нашей артиллерии было приказано пустить в ход оставшиеся снаряды с целью энергично обстрелять противника. Пехота нашей 1-й дивизии бросилась вперед на позицию неприятеля храбро и отважно, но благодаря жесткому фланговому огню неприятеля большое количество наших людей было убито или ранено. Положение стало критическим, так как дальнейшее наступление казалось немислимым»⁵.

Японские военные историки впоследствии отметили умелое применение русскими войсками пулеметов. Русские поставили пулеметы на флангах, в то время как японские пулеметчики находились в первой линии атакующих. При продвижении вперед японские цепи оказались без поддержки пулеметов, в то время как фланговый огонь русских пулеметчиков косил японских солдат. «Русские... сумели нанести огромные потери японским войскам. Они понесли за один день сражения такие жертвы, которые превысили потери за все годы японо-китайской войны».

Оказалось, необходимо было не только обладать передовой техникой, но и научиться ее применять. Впервые русская армия по-настоящему рационально использовала пулеметный огонь в современной войне. Учитывая этот опыт русской армии, японское командование решило усилить вооружение своей армии пулеметами и усовершенствовать тактику их применения. Такой правомерный вывод сделали военные японские историки, отмечая решение командования.

Однако именно в тот момент, когда японскому командующему положение казалось безнадежным, части 4-й дивизии при поддержке корабельной артиллерии заняли почти полностью разрушенные и вследствие этого оставленные стрелками 5-го Восточно-Сибирского полка левофланговые траншеи цзиньчжоуской позиции. Через образовавшуюся брешь японская пехота стала проникать на позицию.

Прорыв противником левого русского фланга практически решил исход боя за перешеек. После 18 часов подразделе-

ния 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, оставшиеся без поддержки главных сил дивизии Фока, начали общее отступление с цзиньчжоуской позиции к Порт-Артуру.

Причинами неуспеха являлись подавляющее превосходство противника и неправильные действия русского командования. Считая ненужным оборонять перешеек, Фок даже не отдал приказа на оборону. В результате действия отдельных подразделений 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка не были должным образом организованы и протекали стихийно. Фок фактически устранился от управления боем, а основные силы его отряда не поддерживали обороняющихся и оказались в роли пассивных зрителей.

Потери русских войск в цзиньчжоуском бою составляли 1375 солдат (31,5% общего числа участвовавших) и 28 офицеров (46%). Японцы, по их официальным данным, потеряли 4071 солдата (11,6%) и 133 офицера (22,1%) и захватили все тяжелые орудия, многие из которых были разбиты.

Захват цзиньчжоуской позиции открыл японским войскам путь к Порт-Артуру. На подступах к крепости Квантунская группа русских войск не имела больше рубежей, должным образом подготовленных для обороны. По свидетельству участника обороны Порт-Артура С.А. Рашевского, известие об оставлении цзиньчжоуской позиции произвело в гарнизоне крепости удручающее впечатление. «Та позиция, — писал он, — про которую все кричали, что ее взять невозможно, что там надо положить целую армию, — сдается после второго натиска. Неужели же нам так трудно было отстоять эту позицию или хотя бы подольше задержаться на ней?»⁶

Рано утром 17(30) мая без боя был оставлен порт Дальний. Весьма характерным при этом было то обстоятельство, что, отводя свои войска на подступы к Порт-Артуру, русское командование в лице генералов Стесселя и Фока не позаботилось даже о разрушении прекрасно оборудованных портовых сооружений Дальнего. Когда здесь было получено известие об отступлении с цзиньчжоуской позиции, то военный инженер порта капитан Зедгенидзе и лейтенант Сухомлин начали

взрывать и уничтожать все, что было возможно. Но из-за недостатка времени и рабочих рук сделать что-либо в этом отношении практически не удалось. Молы, дамба, док и набережные остались почти неповрежденными. В руки противника попало более 100 складов и барачков, электростанция, железнодорожные мастерские, большое количество рельсов, вагонеток для узкоколейной железной дороги, более 400 вагонов, 50 грузовых судов, а также большие запасы угля.

Потеря цзиньчжоуской позиции и порта Дальний отрицательно сказалась на положении Квантунской группы русских войск. Связь Порт-Артура с Маньчжурской армией по суше была прервана. Противник стал немедленно использовать порт Дальний. Через него в японские армии, действовавшие в Маньчжурии и на Квантунском полуострове, в течение всей войны поступали пополнение в личном составе, вооружение, боеприпасы, продовольствие. На Дальний базировались японские миноносцы. Противник получил наконец хорошую позицию для наблюдения и обстрела всего восточного побережья Квантунского полуострова.

Между тем отступление отряда Фока к Порт-Артуру продолжалось. Опасаясь перехода противника в наступление, Стессель утром 15(28) мая направил Фоку телеграмму следующего содержания: «Отступайте к Волчьим горам, не задерживаясь без надобности на остальных позициях». В 17 часов 30 минут он повторил: «Отходить, не задерживаясь». К исходу дня головные части отряда Фока подошли к Волчьим горам.

Лишь с большим трудом начальнику 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генералу Р.И. Кондратенко удалось настоять на том, чтобы не отводить русские войска сразу к Порт-Артуру, а занять передовые позиции на высотах восточнее перевала Шининцзы по линии Суанцайгоу — Лунвантан с целью встретить наступающих японцев и, прежде чем отойти на Волчьи горы, дать бой на пересекающей Квантунский полуостров узкой равнине, по которой проходит Мандаринская дорога.

На эту передовую позицию помимо частей дивизии Фока были выдвинуты части 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Настаивая на занятии этой позиции, Кондратенко исходил из опыта цзиньчжоуского боя. Вновь избранный рубеж обороны имел то преимущество, что пересекал полуостров от моря до моря. Противник не мог его обойти с флангов и неизбежно вынужден был вести фронтальное наступление. На этой позиции протяжением около 23 км были размещены 4 полка 4-й и полк 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Приказ для обороны передовой позиции был отдан Стесселем только 1(14) июня. Сосредоточивая большую часть сил и резерв на левом фланге и ослабляя центр и правый фланг, Стессель исходил из ничем не обоснованного предположения, что наступление противника непременно будет осуществляться вдоль Мандаринской дороги. В конце мая — начале июня части, занявшие передовые позиции, приступили к их усилению и подготовке к отражению неприятельского наступления. При этом особое внимание обращалось на левый фланг. Здесь спешно возводились окопы и траншеи, обмуровались батареи, блиндажи, проволочные заграждения, местами устанавливались фугасы.

Разведка противника была поставлена плохо. Во второй половине мая — начале июня в штаб 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии неоднократно поступали донесения о передвижениях японских войск в направлении к Порт-Артуру. Однако эти сведения в большинстве своем были неверными.

После овладения цзиньчжоуской позицией и занятия порта Дальний японское командование приостановило наступление на Порт-Артур и даже не организовало преследования отходящих русских войск. Одной из причин этого были большие потери, понесенные в бою за перешеек. Но прежде всего главная японская ставка в Токио была намерена обеспечить свои операции на Квантунском полуострове прикрытием против южного авангарда Маньчжурской армии.

Захват противником цзиньчжоуской позиции, а также перерыв сообщения между Порт-Артуром и Маньчжурской ар-

мией побудили русское командование предпринять решительные действия, которые смогли бы кардинально изменить обстановку на Квантунском полуострове. Падение Порт-Артура могло нанести серьезный урон престижу России, тем более что с потерей такой крупной военно-морской базы неминуемо обрекались на гибель боевые корабли Тихоокеанской эскадры.

Критическая обстановка, создавшаяся после неудачного боя под Вафангоу, вынудила русское правительство проявить особое беспокойство за судьбу эскадры. Адмирал Алексеев считал необходимым прорыв кораблей во Владивосток. К тому же в начале июня ремонт поврежденных броненосцев «Цесаревич», «Ретвизан» и «Победа» закончился. А после гибели на русских минах кораблей «Хацусэ» и «Ясима» в составе японского флота осталось 4 броненосца. Правда, эти потери были в определенной мере восполнены покупкой у Аргентины новых броненосных крейсеров «Ниссин» и «Кассуга». Таким образом, обе стороны имели по 6 крупных броненосных кораблей.

Однако командующий эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт, опираясь на мнение большинства командиров кораблей, полагал, что без боя такой переход осуществить невозможно, бой же с японским флотом, по его мнению, неизбежно должен был кончиться поражением русской эскадры. В создавшейся обстановке он видел только одну возможность — кораблям принять самое активное участие в обороне базы, и только в том случае, когда все возможности в этом отношении будут исчерпаны, выйти в море и вступить в бой с флотом противника. Однако Алексеев вновь настоятельно потребовал перевести эскадру во Владивосток, и только после этого командующий эскадрой наконец решил вывести корабли из базы.

По оценке современников, личная храбрость Витгефта не вызывала сомнения. Этого было мало. Он был хорошим штабным работником, но не имел практического опыта командования эскадрой. Оставшись после отъезда Алексеева во главе

эскадры, Витгефт на первом же собрании флагманов и капитанов откровенно признался: «Жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я — не флотоводец»⁷.

Выход в море был назначен на 10(23) июня. Витгефт надеялся, что японский флот окажется разобщенным и русским кораблям удастся благополучно прорваться во Владивосток. Контр-адмирал Витгефт приказал эскадре готовиться к выходу в следующем составе: броненосцы «Цесаревич» (флагманский, командир капитан 1-го ранга Н.М. Иванов), «Ретвизан» (командир капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович), «Полтава» (командир капитан 1-го ранга И.Н. Успенский), «Севастополь» (командир капитан 2-го ранга Н.О. Эссен), «Пересвет» (командир капитан 1-го ранга В.А. Бойсман; здесь же находился второй флагман эскадры контр-адмирал П.П. Ухтомский), «Победа» (командир капитан 1-го ранга В.М. Зацаренный), крейсера «Баян» (командир капитан 1-го ранга Н.К. Рейценштейн), «Аскольд» (командир капитан 1-го ранга К.А. Грамматчиков), «Диана» (командир капитан 2-го ранга А.А. Ливен), «Паллада» (командир капитан 1-го ранга В.М. Сарнавский), «Новик» (командир капитан 2-го ранга М.В. Шульц); минные крейсера «Всадник» (командир капитан 2-го ранга Л.П. Опацкий), «Гайдамак» (командир капитан 2-го ранга В.В. Колюбакин) и 6 минных миноносцев («Бойкий», «Бурный», «Лейтенант Бураков», «Выносливый», «Грозовой», «Бесстрашный»).

Выход эскадры из внутреннего бассейна на внешний рейд начался с 4 часов и закончился около 11 часов. О выходе русских кораблей японские дозорные корабли сообщили вице-адмиралу К. Того, который тотчас же поспешил с главными силами к Порт-Артуру. Около 17 часов на русских кораблях увидели противника, идущего на пересечку курса. Японский флот состоял из 4 эскадренных броненосцев («Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима»), 4 броненосных крейсеров («Ниссин», «Кассуга», «Якумо», «Асама») и 4 легких крейсеров («Кассаги», «Читосе», «Такасаго», «Ниитака»). За ними следовали 6 крейсеров, сопровождаемые 18 миноносцами. Кроме

того, еще одна группа японских кораблей в составе броненосца «Чин-Иен», 4 крейсеров и 12 миноносцев двигалась между русской эскадрой и берегом Квантунского полуострова.

Первоначально Витгефт намеревался принять бой, но затем, решив, что противник значительно превосходит русскую эскадру по числу миноносцев (30 против 6), повернул в Порт-Артур. К 22 часам русская эскадра вернулась на внешний рейд и стала на якорь. При этом эскадренный броненосец «Севастополь» подорвался на японской мине и получил подводную пробоину.

Хотя русская эскадра не достигла поставленных целей, выход ее в море оказал определенное влияние на японские планы войны в Маньчжурии. В день намеченного японцами наступления под Ляояном 11(24) июня командующие японскими армиями получили из Токио приказ перенести начало наступления на период после окончания дождей, т.к. вследствие повышения активности русского флота «перевозка морем продовольствия, потребного для соединенных маньчжурских армий, подвергнута опасности»⁸.

Между тем русское командование не сумело своевременно оценить тактическое значение горы Куинсан для предстоящих боевых действий за передовые позиции Квантунского полуострова. Для обороны этого важного опорного пункта были оставлены незначительные силы — всего одна рота, имевшая в своем распоряжении два устаревших артиллерийских орудия системы Барановского. В период затишья гора Куинсан практически не была укреплена, если не считать завала из камней, едва прикрытых землей. Никаких укрытий от артиллерийского огня противника построено не было. На вершину горы вела крутая тропинка.

Подготовка контратаки на гору Куинсан осуществлялась медленно, а противник тем временем продолжал интенсивно укреплять ее. На вершине и скатах горы японцы устроили несколько рядов окопов, а также редут с бруствером. Окопы были возведены, кроме того, и на прилегающих к горе высотах. Таким образом, за неделю японцы превратили господ-

ствующую на окружающей местности гору Куинсан в хорошо укрепленную полевую позицию, которую занимало 7 пехотных батальонов.

Контратака на эту позицию должна была начаться в ночь с 20 на 21 июня (с 3 на 4 июля). 20 июня (3 июля) у противника были отбиты Большой перевал и гора Семафорная, а к исходу дня русские части заняли прежние позиции на восточном берегу бухты Лунвантан, за исключением горы Куинсан. Для непосредственной атаки на Куинсан были назначены сводная конно-охотничья команда 13-го полка и 5 рот 14-го полка численностью до 1300 человек под общим командованием полковника В. Савицкого. Наступление на гору Куинсан предполагалось вести одновременно в трех направлениях: с фронта и с обоих флангов. Соответственно этой диспозиции полковник Савицкий разделил подчиненные ему подразделения на три части. Штурм начался в полночь, но закончился безрезультатно. Между наступавшими колоннами отряда Савицкого не было никакой связи, войска вводились в бой по частям и разновременно.

Утром 21 июня (4 июля) штурм возобновился, но к полудню со всей определенностью выяснилось, что и эта атака не увенчалась успехом. Штурмующие колонны подошли к вершине горы Куинсан на 1000–1200, а местами даже на 400 шагов, охватив ее с севера, запада и юго-запада. Однако каждая попытка русских стрелков приблизиться к редуту на вершине встречалась сильным огнем противника.

Вследствие такого положения генерал Фок решил предварительно обстрелять вершину горы артиллерией, а затем начать третий штурм. Артиллерийская подготовка атаки, в которой участвовало 30 орудий, началась в 13 часов. К 15 часам в бухту Тахэ для поддержки атакующих с правого фланга из Порт-Артура прибыли крейсер «Новик», 3 канонерские лодки и несколько миноносцев и открыли огонь по левому флангу противника.

Однако артобстрел горы Куинсан и ближайших к ней позиций не принес желаемого результата, ибо основные укреп-

пленя противника остались неразрушенными и получили лишь незначительные повреждения. Японские стрелки укрылись в блиндажах, и, как только русская артиллерия замолчала, они вновь встретили цепи атакующих прицельным огнем. Все попытки захватить японский редут оказались безуспешными. К 18 часам начался ливень, а вместе с ним прекратились атаки и артиллерийский обстрел японских позиций. Русские войска в боях 20–21 июня (3–4 июля) потеряли убитыми и пленными 15 офицеров и 621 солдата. Потери противника, по различным данным, составили от 300 до 450 человек.

Неудачный исход боев за гору Куинсан объяснялся тем, что командование русских войск на Квантунском полуострове, и прежде всего генералы Стессель и Фок, не поняло важного значения этого опорного пункта в борьбе за подступы к Порт-Артуру и не укрепило его должным образом. Но и после потери горы Куинсан мероприятия по подготовке контратаки проводились медленно, что дало противнику возможность закрепиться.

Контратака, предпринятая в ночь на 21 июня (4 июля), проводилась без четкого плана и предварительной разведки. К тому же в ходе ее нарушилось взаимодействие наступающих колонн. Эти причины, а также несогласованность действий пехоты с артиллерией и силами флота обусловили неудачу последующих контратак, предпринятых утром и днем 21 июня (4 июля).

13(26) июля в 6 часов 30 минут японская артиллерия открыла огонь по всей передовой позиции русских войск и тотчас же под прикрытием артиллерийского огня пехота противника перешла в наступление. Потеснив русские сторожевые посты и направив главный удар против слабо укрепленного Большого перевала, японцы к полудню частично заняли его.

Потеря Большого перевала существенно ослабляла позиции русских войск, ибо противник выходил во фланг оборонительной линии на Зеленых горах и легко мог вынудить русское командование очистить эту позицию. Учитывая это об-

стоятельство, начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал Р.И. Кондратенко отдал распоряжение о проведении контратак. К 19 часам 30 минутам противник был выбит с перевала, однако в 7 часов перевал снова был захвачен японцами.

Одновременно около 15 часов 13(26) июля японские части предприняли попытку овладеть левым флангом Зеленых гор, но все их атаки были отбиты и к 20 часам прекратились. В центре и на левом фланге атаки японцев оказались безуспешными. Им удалось приблизиться к передовым позициям русских войск всего на 500–600 шагов. Но исход боя решался на правом фланге, а боевая обстановка там складывалась не в пользу русского командования.

14(27) июля около 5 часов японская артиллерия вновь открыла массированный огонь, сосредоточив его главным образом против правого фланга русских передовых позиций. Положение там стало очень тяжелым, и в 24 часа Фок отдал распоряжение об оставлении передовых позиций и отступлении на Волчьи горы.

Потери русских войск за время двухдневных боев и отступления на Волчьи горы составили около 1500 человек. Противник потерял убитыми и ранеными до 6 тыс. человек.

Волчьи горы представляли собой ряд невысоких сопок, отстоящих от Порт-Артура на 7–8 км и огибающих крепость дугой общим протяжением до 18 км. Это была довольно сильная позиция, имевшая крутые склоны в сторону противника и позволявшая вести по всему фронту прицельный ружейный и артиллерийский огонь. Однако по вине Стесселя и Фока Волчьи горы не были должным образом укреплены, несмотря на неоднократные настоятельные напоминания генерала Кондратенко. В результате около 10 часов все части 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии отступили с Волчьих гор и вошли в район крепости.

За время боев на передовых позициях русские войска показали высокую боевую выучку и сумели нанести противнику значительные потери. С 12(25) мая по 17(30) июля японцы

потеряли убитыми и ранеными до 12 тыс. человек. Потери русских войск составили за это время около 5,3 тыс. человек. Такое соотношение свидетельствовало о том, что при активной обороне русские войска могли бы обескровить и надолго задержать противника на подступах к Порт-Артуру.

Весьма существенные недостатки, а зачастую полная тактическая безграмотность русского командования вскрылись в области военно-инженерного искусства. Английский военный обозреватель Б.В. Норригаард, находившийся в течение всего времени боев за Порт-Артур при штабе японской осадной армии, с недоумением писал по этому поводу: «Со времен осады Севастополя русские саперы считались наиболее искусными в мире, но кажется, что после Тотлебена фортификация была ими заброшена. Вполне сознавая важность полевых укреплений и пользуясь ими при каждом удобном случае, русские оказались, однако, не в курсе современного развития фортификационного искусства... Благодаря этому защитники имели мало шансов на успех против неприятеля, вооруженного новейшими меткими дальнобойными орудиями. Большинство своих окопов русские устраивали на гребне высот, где их ясно можно было различить на фоне неба и видеть отовсюду. Даже там, где окопы были на склонах гор или у подножия высот, их не старались скрыть... от неприятельского огня»⁹.

Подобным же образом обстояло дело и с крепостной артиллерией. Орудия устанавливались на открытых и необорудованных позициях, благодаря чему противник быстро подавлял русскую артиллерию. Отрицательно сказывалось на действиях крепостной артиллерии и отсутствие системы единого управления огнем. Лучше действовали батареи полевой артиллерии, которые начали осуществлять переход к более эффективному методу стрельбы с закрытых огневых позиций; при этом они наносили значительные потери не только пехоте, но и артиллерии противника.

С отходом русских войск с Волчьих гор закончились боевые действия на дальних подступах к Порт-Артуру, началась непосредственно оборона крепости.

За полгода, прошедшие с начала войны до обложения Порт-Артура японцами, в крепости были проведены большие оборонительные работы. Общая протяженность фронта обороны Порт-Артура составляла 29 км. Из них 9 км занимал Приморский фронт, на котором к 17(30) июля 1904 г. имелось 22 долговременные батареи. Они должны были прикрывать стоявшую на внутреннем рейде эскадру, крепость и город от бомбардировок флота противника. В промежутках между долговременными оборонительными сооружениями были устроены стрелковые окопы, прикрытые проволочными заграждениями, «волчьими ямами», а на отдельных, наиболее опасных участках зарытыми в землю фугасами. Впереди главной линии фортов находились передовые позиции, располагавшиеся по высотам Дагушань, Сяогушань, Панлуншань, Высокая, Длинная и Угловая, на которых были вырыты окопы и устроены полевые редуты. Центр обороны в районе деревни Шуйшиин прикрывали редуты Кумирненский, Водопроводный и Скалистый.

В тылу главной линии обороны наряду с Центральной оградой было оборудовано несколько десятков промежуточных батарей крепостной артиллерии и отдельных орудий с круговым обстрелом. На всех фортах, укреплениях и некоторых батареях были установлены прожекторы.

Сухопутный фронт обороны, в свою очередь, делился на три фронта, наиболее сильным из которых являлся 8-километровый Восточный (начальник генерал-майор В.Н. Горбатовский). Располагавшийся от горы Крестовой до долины реки Лунхэ, он включал в себя передовые позиции на горах Дагушань и Сяогушань, 3 долговременных форта (№ I, II, III), укрепление № 3 и две батареи (литеры «А» и «Б»), несколько временных укреплений и промежуточных батарей. В тылу Восточного фронта находилась так называемая Китайская стенка, или Центральная ограда. Для ликвидации мертвых пространств, имевшихся между фортами и впереди них, были сооружены полевые укрепления и окопы, с которых фланкировались ближайшие подступы к фортам.

Северный фронт (начальник полковник В.Г. Семенов) протяженностью 5,3 км от реки Лунхэ до горы Голубиная состоял из передовых позиций у Кумирненских холмов и Панлуншаня, форта № IV, укрепления № 4, двух долговременных батарей (литеры «В» и «Г») и нескольких временных укреплений. Укрепления Северного фронта располагались на труднодоступных высотах, с которых хорошо просматривалась впередилежащая местность. Наиболее слабым звеном сухопутной обороны Порт-Артура был Западный фронт (начальник полковник В.А. Ирман), имевший протяженность 6,7 км от горы Голубиная до горы Белый Волк. Передовые позиции находились на горах Высокая, Длинная, Угловая, Дивизионная и у Голубиной бухты. В этом секторе имелось всего два долговременных укрепления (№ 5 и батарея литера «Д»). Было запланировано сооружение форта № VI, но к 17(30) июля оно так и не было начато. Западный фронт прикрывали в основном лишь временные полевые укрепления.

Существенным недостатком в строительстве инженерных сооружений сухопутной обороны было то, что форты и укрепления зачастую не были применены к местности. Они располагались всего в нескольких километрах от города и гавани, а это не могло гарантировать жизненные центры крепости, штабы, склады и корабли эскадры от артиллерийского огня противника. Артиллерия ряда фортов и укреплений не могла обстреливать ближние подступы к крепости, а оборона флангов могла осуществляться лишь ружейно-пулеметным огнем. Кроме того, было мало дорог, чтобы маневрировать войсками и артиллерией.

На вооружении крепости к 17(30) июля находилось 646 орудий и 62 пулемета. В долговременных укреплениях и на полевых позициях было установлено 514 орудий различных калибров (в том числе 283 крепостных, 168 морских и 63 полевых орудия) и 47 пулеметов. На Приморском фронте располагалось 123 орудия и 5 пулеметов, в резерве — 9 орудий и 10 пулеметов¹⁰.

Однако недостаточно было тяжелых орудий. К тому же в подавляющем большинстве тяжелые орудия сухопутного фронта были устаревших конструкций, имели малую дальность стрельбы и не были пригодны для этой цели. Из 124 тяжелых орудий лишь 39 могли поражать дальнобойную осадную артиллерию противника. Артиллерия сухопутного фронта на 3/4 состояла из легких орудий, которые были эффективны лишь как противостурмовые средства для поражения пехоты и полевой артиллерии противника, но были почти непригодны в борьбе с осадной артиллерией крупных калибров.

К 17(30) июля в крепости находилось 274 558 гранат, шрапнелей и бомб, что в среднем на одно орудие составляло всего 425 снарядов. Но этого количества было недостаточно для длительной обороны в условиях большой напряженности и интенсивности боевых действий. Положение усугублялось еще и тем, что с выходом японских войск на Квантунский полуостров подвоз боеприпасов в Порт-Артур прекратился.

Подобным же образом обстояло дело и с другими видами довольствия. Запасов муки в крепости было на 168 дней, чумизы, пшеницы и кукурузы — на 127, сахара — на 169, сухарей — на 27, соли — на 200, мяса — на 20, овса, ячменя и бобов — на 155, сухих овощей — на 173 дня. Уже в июле вместо мяса войскам стали выдавать конину. Не было принято своевременных мер по организации рыбной ловли и посадке овощей.

В крепости не хватало погребов, что вызывало скорую порчу продуктов. Из-за отсутствия достаточного количества колодцев большие затруднения возникали в снабжении передовых позиций, фортов и укреплений водой.

Гарнизон крепости насчитывал 41 780 человек и состоял из 9 стрелковых полков 4-й и 7-й Восточно-Сибирских стрелковых дивизий, 3 запасных батальонов, 2 рот пограничной стражи, Квантунского флотского экипажа, сводной команды 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и других отдельных рот и команд.

На Порт-Артур базировалась Тихоокеанская эскадра под флагом контр-адмирала В.К. Витгефта в составе 6 броненос-

цев, 5 крейсеров, 4 канонерских лодок, 2 минных крейсеров и 19 эсминцев, общая численность команд которых составляла около 12 тыс. человек¹¹.

Опасное положение крепости усугублялось крупными недостатками в управлении войсками.

Общее руководство обороной Порт-Артура должно было осуществляться комендантом крепости генерал-майором К.Н. Смирновым. Однако фактически старшим начальником в крепости продолжал оставаться А.М. Стессель, хотя Квантунского укрепленного района, начальником которого он был назначен в марте 1904 г., в июле, после отхода русских войск в Порт-Артур, уже не существовало.

Функции Стесселя, естественно, были исчерпаны. Еще в июне он получил от А.Н. Куропаткина приказ сдать командование коменданту крепости, а самому отправиться в Маньчжурию. Однако Стессель не выполнил этого указания, а случайно попавшую к нему копию приказа Куропаткина, адресованную Смирнову, утаил.

В результате этих преступных действий Стесселя в управлении крепостью и ее гарнизоном с самого начала обороны имелись существенные недостатки. В ходе обороны Порт-Артура часто оказывалось, что войска одновременно получали указания и от Стесселя, и от Смирнова. Иногда такие указания взаимно исключали друг друга. Комендант крепости Смирнов был фактически отстранен от исполнения своих прямых обязанностей.

В Порт-Артуре оказалось также два начальника артиллерии — генералы А.Ф. Белый и В.Н. Никитин — и два начальника санитарной части. Руководство общим резервом было возложено на начальника 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала А.В. Фока.

Выдающуюся роль в организации обороны Порт-Артура сыграл начальник сухопутной обороны генерал-майор Р.И. Кондратенко.

В начале войны положение на сухопутном фронте крепости было критическим. Строительство многих фортификаци-

онных сооружений еще не было окончено, а некоторые из них существовали только в проектах. Глубокие и разносторонние знания командира и военного инженера, неиссякаемая энергия и инициатива, исключительный авторитет в войсках позволили Кондратенко фактически заново и в чрезвычайно сжатые сроки создать систему обороны крепости. За несколько месяцев для укрепления сухопутного фронта было сделано больше, чем за период с 1898 г.

Под руководством Кондратенко велись работы по усовершенствованию старых укреплений и возведению новых. Некоторые из вновь построенных долговременных и полевых фортификационных сооружений не были предусмотрены в свое время проектом К.И. Величко.

Вместе с тем Кондратенко понимал, что оборона Порт-Артура может быть успешной лишь при высоком моральном духе и инициативе солдат и офицеров. Он не упускал ни одного случая, чтобы отметить их героизм. Так, в приказе, объявленном 22 июля (4 августа), Кондратенко писал следующее: «17(30) июля части войск 4-й и 7-й дивизий выдержали славный, но неравный бой с противником на передовых позициях. Нас было только 17 000, а противник втрое сильнее — у него было 50 000; мы имели только полевую артиллерию, противник же имел кроме полевой еще осадную. Теперь, с отходом к крепости положение наше изменилось неизмеримо к лучшему, силы наши более чем удвоились; противник же, ослабленный предыдущими боями, едва ли мог значительно усилиться. Вместо скороспелых окопов, как то было на передовых позициях, мы имеем здесь преимущественно долговременные сооружения, обеспеченные со всех сторон от атаки; вместо тонких шрапнельных укрытий имеем во многих местах безопасные казематы и надежные блиндажи; кроме полевой артиллерии имеем здесь сильную крепостную артиллерию, увеличенную многочисленными орудиями флота. Поэтому если с передовых позиций мы еще могли податься к крепости, то теперь мы имеем полную возможность отразить и уничтожить врага. Никакой штурм нам

не может быть страшным, если мы решимся до конца выполнить данную нами присягу. Во время ночного штурма ни при каком положении не надо теряться: если случится где-либо частный прорыв противника между укреплений, то таковой равно ничего не значит, так как соседние форты обеспечены от атаки со всех сторон; против же прорыва у нас имеются всегда сильные резервы, которые успеют вовремя опрокинуть врага и закрыть прорыв. Необходимо во что бы то ни стало держаться на всех местах до дневного света. С рассветом же наш страшный ружейный и пушечный огонь отгонит не только шестидесятитысячную, но хотя бы и стотысячную вражью силу, после чего войска крепости перейдут в наступление и добьют дерзкого врага»¹².

По общему признанию, Р.И. Кондратенко пользовался огромным авторитетом среди личного состава гарнизона и был подлинной душой обороны Порт-Артура. Участник обороны Я.У. Шишко писал о Кондратенко: «В Артуре не было места, куда бы он ни заглянул, не было высоты, куда бы он ни поднялся, чтобы указать, где немедленно должны явиться форты, укрепления, батареи... Генерал Кондратенко для Артура был все: и сила, и душа, и мысль, и дух героизма»¹³.

Усилиями Кондратенко, солдат и офицеров гарнизона Порт-Артура город превратился в крепость, способную выдержать как ожесточенные штурмы неприятеля, так и долговременную осаду. Для организации обороны Порт-Артура можно было бы сделать и больше, если бы Стессель и Фок, познания которых в военном деле в целом и в военно-инженерном искусстве особенно едва ли находились на уровне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не оказывали весьма сильного противодействия. Вот почему, несмотря на огромную работу, проведенную личным составом гарнизона Порт-Артура по организации обороны и приведению крепости в боевую готовность, здесь все же имели место большие упущения.

Отсутствовали укрытые от огня японской артиллерии пути сообщения, не было телеграфной связи с фортами и укрепле-

ниями, телефонные линии прокладывались по поверхности, что не могло гарантировать их сохранность и устойчивость в боевой обстановке. Крупным недостатком в организации связи являлось включение артиллерийских телефонных линий в общую сеть связи, что вызывало серьезные затруднения в управлении стрельбой. И только после начала боев за укрепления Порт-Артура генералу В.Ф. Белому удалось устранить этот недостаток.

Стессель и его окружение рассматривали оборону Порт-Артура вне связи с боевыми действиями Маньчжурской армии. Связь с ней была утрачена. Беспроволочный телеграф бездействовал, а аэростатов для того, чтобы наладить связь по воздуху, не было. Командование эскадрой со своей стороны также не принимало никаких мер для того, чтобы установить связь блокированной японскими войсками крепости с армией А.Н. Куропаткина.

Существенным упущением являлось то, что к 17(30) июля не было разработано плана обороны крепости, что неизбежно обрекало ее гарнизон на пассивность и ставило его деятельность в зависимость от намерений противника.

«...если бой делается неизбежным, то принимайте его с полной уверенностью в успехе»: боевые действия в Желтом море и Корейском проливе

После неудачной попытки прорваться во Владивосток 10(23) июня, окончившейся возвращением эскадры в Порт-Артур, адмирал В.К. Витгефт докладывал, что не считает более возможным без надежды на успех вступать в бой с превосходящими силами неприятельского флота. О своих дальнейших намерениях он сообщал командованию следующее: «Осмотревшись и выждав дальнейшего хода событий, действовать сообразно обстоятельствам».

Однако в ответ на эти туманные рассуждения он получил прямое указание наместника: тотчас же по исправлении по-

вредений на броненосце «Севастополь» вновь предпринять попытку прорваться во Владивосток. Но Витгефт не верил в успех прорыва. Он медлил до тех пор, пока не получил приказа прорываться во Владивосток. «Гибель эскадры в гавани в случае падения крепости... — сообщили Витгефту из штаба заместника, — ляжет неизгладимым пятном на Андреевский флаг и на честь родного флота». Но ничего другого не оставалось делать, как подчиниться приказу и начать прорыв, в успех которого ни сам Витгефт, ни большинство командиров кораблей не верили.

Неудачная попытка прорыва 10(23) июня и продолжительное пребывание кораблей в базе почти без выхода в море отрицательно сказались на боеготовности русской эскадры. За это время в значительной мере был подорван моральный дух личного состава. Этому в первую очередь способствовал сам Витгефт, который не верил в силу эскадры и считал, что она при любых условиях непременно потерпит поражение. Поэтому при подготовке к прорыву он отказался от составления плана. Он не понимал, что при сложившейся обстановке прорыв кораблей без боя невозможен, что перед эскадрой надо было поставить конкретную задачу, указав, что бой — единственный способ ее решения. На вопросы командиров кораблей он отвечал общими фразами, обещая руководствоваться рекомендациями С.О. Макарова.

Первая Тихоокеанская эскадра, выведенная для прорыва, состояла из 6 эскадренных броненосцев, 4 крейсеров и 8 миноносцев. Выйти в море вместе с эскадрой не мог крейсер «Баян», двумя неделями раньше подорвавшийся на mine. Пришлось оставить в базе также канонерские лодки и большую часть миноносцев, которые не могли совершить такой длительный переход.

Японский флот имел в это время 4 эскадренных броненосца, 8 броненосных крейсеров, около 15 легких крейсеров и до 50 миноносцев. При этом японские броненосные крейсера не уступали в силе русским эскадренным броненосцам и могли вести с ними бой. Таким образом, адмирал Того имел пре-

восходство в броненосных кораблях. Перевес этот был еще большим, если учесть легкие крейсера и миноносцы и то обстоятельство, что русская эскадра не могла развить скорость более 14 узлов. Последнее обуславливалось тем, что машины «Севастополя» не могли дать больший ход, а корпуса броненосцев «Цесаревич», «Ретвизан» и «Победа» после подрыва на минах были не очень надежными.

Ослабила эскадру и помощь Порт-Артуру, куда посылали не только часть личного состава, но и артиллерию. Значительная часть корабельной артиллерии, приданная крепости, к моменту прорыва на корабли не была возвращена, что в известной мере отразилось на мощности артиллерийского огня эскадры.

28 июля (10 августа) с 4 часов 30 минут начался выход русской эскадры. Он продолжался в течение 4 часов. На внешний рейд вышли броненосцы «Цесаревич» под флагом контр-адмирала В.К. Витгефта (командир капитан 1-го ранга Н.М. Иванов), «Ретвизан» (командир капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович), «Победа» (командир капитан 1-го ранга В.М. Зацарённый), «Пересвет», на котором находился второй флагман эскадры контр-адмирал П.П. Ухтомский (командир капитан 1-го ранга В.А. Бойсман), «Севастополь» (командир капитан 1-го ранга Н.О. Эссен), «Полтава» (командир капитан 1-го ранга И.Н. Успенский); крейсера «Аскольд» под флагом контр-адмирала Н.К. Рейценштейна (командир капитан 1-го ранга К.А. Грамматчиков), «Паллада» (командир капитан 1-го ранга В.М. Сарнавский), «Диана» (командир капитан 2-го ранга А.А. Ливен), «Новик» (командир капитан 2-го ранга М.В. Шульц); эскадренные миноносцы «Выносливый» (брейд-вымпел капитана 2-го ранга Е.П. Елисеева), «Властный» (командир лейтенант А.А. Ковалевский), «Грозовой» (командир лейтенант А.А. Бровцын), «Бойкий» (командир лейтенант И.И. Подъяпольский), «Бесшумный» (командир лейтенант Д.Н. Максимов), «Бесстрашный» (командир лейтенант П.Л. Трухачев), «Беспощадный» (командир лейтенант Д.С. Михайлов), «Бурный» (командир лейтенант Н.И. Тыр-

ков). Вместе с боевыми кораблями из Порт-Артура вышло госпитальное судно «Монголия».

Стояло тихое, ясное утро. Ветер достигал 1 балла. На горизонте виднелись японские миноносцы. В 8 часов 15 минут русская эскадра в кильватерной колонне двинулась в направлении на мыс Ляотешань. В голове колонны шли эскадренные броненосцы, за ними — крейсера. На траверзе броненосцев держались эскадренные миноносцы. Через 30 минут Витгефт передал по эскадре приказ «приготовиться к бою», а затем было объявлено: «Флот извещается, что государь император повелел идти во Владивосток». В 10 часов 30 минут Витгефт отпустил тральщики и направил эскадру в море, положив курс 135 градусов.

Адмирал Того после 6 часов утра стал получать известия о выходе русских кораблей. Замысел Того состоял в том, чтобы охватить голову русской эскадры и сосредоточенным огнем по флагманским кораблям лишить ее управления. В 12 часов 20 минут японцы с дистанции 80 кабельтовых открыли огонь.

Когда дистанция уменьшилась до 65 кабельтовых, русские корабли открыли ответный огонь. Однако, вместо того чтобы решительно атаковать противника и тем самым обеспечить успех прорыва, русский командующий маневрировал, чтобы избежать боевых столкновений. При этом он жертвовал столь важными элементами, как выгодная позиция и курсовой угол.

Не лучше маневрировал и адмирал Того. Пытаясь охватить голову русской эскадры, он настолько неудачно рассчитал свой маневр, что вместо охвата головы русской эскадры оказался за кормой у нее. Неумело японцы использовали и свои крейсера, которые хотя и окружили русскую эскадру, но, не имея определенной задачи, даже и не пытались сковать ее боем и тем самым обеспечить удар главных сил своего флота. Русским кораблям удалось оторваться от противника. В 14 часов 30 минут сражение временно прекратилось. Через два часа японцы, имевшие преимущество в ско-

рости хода, догнали русскую эскадру и снова вступили в бой, во время которого осколком был убит Витгефт.

С гибелью Витгефта управление эскадрой было потеряно. Строй русских кораблей нарушился, каждое судно начало действовать самостоятельно. Подошла ночь. С наступлением темноты корабли противника прекратили огонь. В атаку против отходившей русской эскадры адмирал Того направил миноносцы, а сам с броненосными кораблями пошел в Корейский пролив. Атаки японских миноносцев из-за их слабой подготовки к ночным действиям носили нерешительный характер и не достигли своей цели.

10 из 18 вымпелов русской эскадры в составе 5 броненосцев, 1 крейсера и 4 эскадренных миноносцев вернулись в Порт-Артур. Остальные корабли, за исключением крейсера «Новик», имея повреждения, зашли в нейтральные порты, где были интернированы.

Русской эскадре не удалось решить поставленную задачу и прорваться во Владивосток. Одной из важнейших причин было отсутствие плана морского сражения. Перед командирами кораблей не было поставлено конкретных боевых задач. На случай выхода из строя флагмана не было предусмотрено передачи командования. Адмирал Витгефт не стремился к занятию выгодной для ведения боя позиции. Он делал все возможное, чтобы корабли эскадры уклонялись от боевых действий.

Витгефт тратил силы на отражение ударов противника, а не на выполнение главной задачи — выиграть бой. В итоге он не смог обеспечить прорыв и решить основную задачу флота, вытекавшую из общего стратегического плана войны с Японией, — разбить японский флот в морском сражении и завоевать господство на море.

В бою с русской стороны действовали главным образом эскадренные броненосцы. Крейсера и миноносцы не были использованы в полной мере. Личный состав русской эскадры проявил высокое мужество и стойкость. И только неумелые действия командующего эскадрой и его ближайших помощников не позволили решить поставленную задачу.

Тем временем для нарушения коммуникаций Японии на театре военных действий мог быть использован отряд крейсеров, базировавшийся во Владивостоке. Этот отряд состоял из трех броненосных крейсеров («Россия», «Рюрик» и «Громобой») и одного крейсера («Богатырь»)¹⁴.

В соответствии с планом войны перед Владивостокским отрядом крейсеров ставилась задача — действиями в Японском море отвлекать неприятельский флот с главного театра — Желтого моря¹⁵. Поставленная задача могла быть решена двумя способами: действиями против воинских перевозок противника или же созданием реальной угрозы торговым путям сообщения Японии. Однако действия как против воинских, так и против коммерческих перевозок противника были связаны с большими трудностями. В первом случае русские корабли должны были проникать в Корейский пролив, т.е. зону, которую неприятельский флот усиленно охранял; во втором случае — удаляться от Владивостока не менее чем на 1000–1500 миль. В обоих случаях крейсера подвергались серьезному риску быть отрезанными превосходящими силами противника от Владивостока и вести бой в крайне невыгодных для себя условиях. В связи с этим русское командование специальной инструкцией первоначально ограничило район действий крейсеров пределами Японского моря.

Боевая деятельность Владивостокского отряда крейсеров и миноносцев на морских сообщениях противника началась с первых же дней войны и продолжалась до августа 1904 г. За это время русские крейсера и миноносцы совершили семь выходов. Каждый поход крейсеров продолжался от пяти до семи суток, и только в одном случае они провели в море 16 дней.

Первое время крейсера действовали в пределах Японского моря, главным образом у восточного побережья Кореи и вдоль западного побережья Японии. Но т.к. действия русских кораблей в указанных районах не привели к положительным результатам, то русское командование летом 1904 г. перенесло действия крейсеров в район Корейского пролива

и в Тихий океан, где они добились более существенных результатов.

Из всех походов, совершенных в Японском море, наиболее успешным был набег крейсеров на коммуникации противника в районе Корейского пролива. Во время этого похода, продолжавшегося с 30 мая (12 июня) по 6(19) июня, русские крейсера в районе острова Цусима атаковали и уничтожили два японских транспорта с войсками и вооружением, один транспорт вынудили выброситься на камни и захватили английский пароход с военной контрабандой¹⁶. На одном из потопленных транспортов находилась осадная артиллерия (280-миллиметровые гаубицы), предназначенная для действий против Порт-Артура, что задержало обстрел японцами внутреннего порт-артурского рейда более чем на месяц¹⁷.

Когда войска противника блокировали Порт-Артур и объем японских морских перевозок в Корею и Маньчжурию значительно увеличился, создались благоприятные условия для продолжения боевых действий Владивостокского отряда.

Успешные действия Владивостокского отряда заставили японцев использовать для отправки грузов в Корею и Маньчжурию восточные порты страны, из которых транспорты шли в порты назначения более безопасным, но более длинным путем — через Желтое море. Русское командование учло это обстоятельство. Адмирал Иессен получил указание начать борьбу на тихоокеанских коммуникациях противника. 17(30) июля 3 русских крейсера, «Россия», «Громобой» и «Рюрик», через Сангарский пролив вышли в океан. Спустившись до 34-й параллели, отряд повернул обратно. За время крейсерства было потоплено 8 вражеских судов, а германский пароход «Арабия» и английский пароход «Калхас» с контрабандными грузами были направлены во Владивосток.

1(14) августа русские крейсера вернулись на базу, пройдя за 16 суток более 3 тыс. миль. Хотя ни один вражеский боевой корабль или крупный транспорт за это время не был уничтожен, сам факт появления русских крейсеров в Тихом океане близ японских берегов вызвал панику как в Японии, так

и в странах, поддерживавших ее. Дело дошло до того, что ряд судоходных иностранных компаний, опасаясь понести потери, прекратили рейсы в Японию.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Владивостокский отряд кораблей, имея против себя более сильного противника, все же смог нанести торговому судоходству Японии некоторые потери и отвлек часть сил японского военно-морского флота от Порт-Артура. Однако отряд не имел четко разработанного плана боевых действий, высылался в море не систематически, а эпизодически. При более эффективном использовании действия Владивостокского отряда на морских коммуникациях Японии могли бы нанести противнику большие потери.

Бой в Желтом море явился первым крупным сражением броненосных эскадр в открытом море во время Русско-японской войны. В нем проверялись тактика ведения боя броненосными кораблями, использование артиллерийского оружия, средства защиты корабля, средства связи и способы управления силами в бою.

С точки зрения развития военно-морского искусства этот бой показал:

- значительное увеличение начальной боевой дистанции — с 30 до 80 кабельтовых и дистанции решительной артиллерийской атаки — с 15 до 45 кабельтовых;
- решающую роль крупнокалиберной артиллерии в бою броненосных кораблей на больших дистанциях;
- большое значение толстой брони (броненосец «Микаса» получил 22 попадания снарядов крупного калибра, но не потерял боеспособности);
- важность преимущества в эскадренной скорости. Именно это позволило японцам догнать русские корабли, когда они временно оторвались и ушли вперед, и снова навязать им бой;
- решающее значение управления силами в бою и надежной связи; отсутствие того и другого в русской эскадре послужило одной из причин неуспеха в бою; назрела необходи-

мость создания штаба как органа управления силами при командующем соединением кораблей¹⁸.

После боя в Желтом море русская эскадра, по существу, распалась и уже не могла решать задачи активной борьбы с неприятельским флотом. Корабли, вернувшиеся в Порт-Артур, стали придатком крепости и были использованы для усиления обороны базы. Японский флот полностью завладел морем и мог совершенно беспрепятственно перевозить свои войска и все виды снабжения для них на материк.

**«Сегодня пошел одиннадцатый месяц осады...
держимся исключительно каким-то чудом»:
Порт-Артурская страда и последние дни обороны**

К 17(30) июля в состав 3-й японской армии, обложившей Порт-Артур, входили 3 пехотные (1-я, 9-я, 11-я) дивизии, 2 резервные пехотные (1-я и 4-я) бригады и 2-я полевая артиллерийская бригада. Общая численность армии достигала 48 тыс. человек при 386 орудиях, в том числе 198 орудий среднего и крупного калибров. Части японской армии располагались следующим образом: 11-я дивизия занимала полосу от бухты Тахэ до железной дороги; 9-я дивизия — от железной дороги и далее вдоль по южным склонам Волчьих гор до Мандаринской дороги; 1-я дивизия — от Мандаринской дороги до бухты Луизы; 4-я и 1-я резервные пехотные бригады находились во второй линии.

Заняв Волчьи горы, японские войска тотчас же приступили к инженерным работам по укреплению своих позиций и обеспечению путей сообщения. По требованию главной ставки в Токио, нуждавшейся в скорейшем овладении Порт-Артуром для усиления японских армий, действовавших в Маньчжурии, генерал Ноги решил, подобно тому как это было в 1894 г., во время японо-китайской войны, овладеть крепостью в результате ускоренной атаки, для которой был избран участок обороны русских войск от форта № III до батареи литеры «Б».

Этот участок Восточного фронта был несколько выдвинут вперед, что позволяло охватить его с фронта и флангов осадными батареями и вести прицельный огонь. Перед укреплениями, избранными для атаки, находилось немало облегчавших доступ к ним мертвых пространств в виде рытвин, промоин и водостоков.

С целью прорыва русской обороны на Восточном фронте японцы провели ряд наступательных операций с 25 июля (7 августа) по 27 июля (9 августа) и захватили горы Сяогушань и Дагушань. Потери японцев в боях составили 1280 человек убитыми и ранеными, русские войска потеряли 450 человек.

Захват японцами гор Дагушань и Сяогушань лишал Порт-Артур важнейших передовых позиций и давал возможность установить свои осадные батареи для обстрела Восточного фронта сухопутной обороны крепости. Генерал Смирнов хорошо понимал это. Он намеревался контратаковать противника и вернуть утраченные позиции. Но несколько контратак, предпринятых в последующие дни незначительными силами, были легко отбиты.

Овладев горами Дагушань и Сяогушань, японские войска получили хорошие подступы к Восточному фронту и начали устанавливать на занятых позициях осадную артиллерию для обстрела правого фланга сухопутной обороны Порт-Артура.

31 июля (13 августа) в 20 часов 30 минут превосходящие силы японцев начали наступление на передовые позиции Западного фронта. Несмотря на упорную оборону и острые контратаки, русские пехотинцы понесли большие потери и вынуждены были отступить. Тем не менее дальнейшее продвижение противника на левом фланге сухопутной обороны Порт-Артура было временно приостановлено, что дало Р.И. Кондратенко возможность усилить линию обороны к югу от сопки Трехголовая²⁵.

Упорная оборона русскими войсками передовых позиций Порт-Артура, как и вся борьба за Квантунский полуостров, в ходе которой 3-я японская армия понесла довольно ощутимые потери, весьма озадачила японское командование.

В штабе армии Ноги и в Токио не без основания предполагали, что дальнейшие бои за Порт-Артур будут стоить еще больших жертв и существенно отразятся на моральном состоянии японских войск. В этой связи, прежде чем начать общий штурм, командующий 3-й японской армией генерал М. Ноги и командующий японским флотом адмирал Х. Того направили в 10 часов утра 3(16) августа в распоряжение Порт-Артура парламентаря с письменным предложением сдать крепость без боя и выпустить из нее всех жителей города.

На состоявшемся в тот же день заседании Совета обороны было принято решение отклонить ультиматум, а утром следующего дня японскому командованию был передан ответ следующего содержания: «Предложение сдать крепость, как несовместимое с честью и достоинством русской армии и не оправдываемое настоящим положением крепости, не может быть предметом обсуждения».

4(17) же августа Ноги отдал приказ относительно общего штурма, начало которого было назначено на 5(18) августа. Однако после прошедшего сильного дождя почва стала вязкой и затрудняла движение, поэтому начало штурма было отложено на следующий день.

Общий план атаки укреплений Порт-Артура, разработанный японским командованием, сводился к следующему: 6(19) августа начать бомбардировку всего сухопутного фронта, затем под прикрытием бомбардировки предпринять демонстративное наступление на передовые позиции Западного фронта, а немного позднее начать вспомогательную атаку передовых позиций и, наконец, на рассвете 8(21) августа нанести главный удар по Восточному фронту. Для осуществления штурма выделялись все войска осадной армии, за исключением 4-й резервной бригады, являвшейся резервом командующего.

Около 4 часов 30 минут в центре японских позиций раздался одиночный пушечный выстрел, явившийся сигналом к началу ожесточенного обстрела всего сухопутного фронта русской обороны. Вскоре под прикрытием огня артиллерии первые колонны японцев двинулись против горы Угло-

вая и центра Западного фронта. Укрепления Угловой состояли из простых стрелковых окопов, опоясывавших ее вершину. Здесь оборонялись 6 стрелковых рот при поддержке огня 7 батарей, вооруженных 16 орудиями. Движение противника было своевременно обнаружено и его атака отражена.

Около 7 часов, когда огонь русских батарей ослаб, японцы снова начали наступление и, несмотря на сильный ружейный огонь русских, к 8 часам заняли часть окопов перед левой вершиной горы, обороняемой 10-й ротой 5-го полка. Затем японцы пытались захватить другие участки окопов, но потерпели неудачу. «5-й полк стоит, как скала», — доносил коменданту крепости генерал Кондратенко, прибывший в 9 часов на Угловую и непосредственно возглавивший ее оборону.

Уже в первый день бомбардировки укрепления Восточного фронта были сильно разрушены, часть орудий разбита, нарушилась телефонная связь между укреплениями и батареями. Артиллерийский обстрел, хотя и не такой интенсивный, как днем, продолжался и ночью. Несмотря на это, защитники Восточного фронта исправляли повреждения в своих укреплениях.

Тем временем японцы, тщательно укрываясь в многочисленных оврагах, рывтинах и зарослях гаоляна, продвигались к линии фортов. Их передовые части старались уничтожить находившиеся под током проволочные заграждения, разрезая их клещами и набрасывая на проволоку специальные крючки, отводившие ток в землю.

На рассвете 7(20) августа огонь вновь усилился. Особенно ожесточенному обстрелу подверглись редуты № 1 и 2 с прилежавшими к ним батареями, а также форты № II и III. Несколько позже японская артиллерия сосредоточила свой огонь на Китайской стенке, стараясь пробить в ней брешь. Бомбардировка снова продолжалась весь день, но к ночи стрельба начала утихать.

Разрушения, произведенные на укреплениях Восточного фронта в результате нового обстрела, были еще более существенными, чем накануне. Так, гарнизону форта № II были

нанесены тяжелые потери в личном составе и в материальной части: сильно повреждены казармы, подбито два противотанковых орудия из имевшихся четырех, почти полностью разрушен только что восстановленный левый фас бруствера, а на правом фесе сбиты все противотанковые прикрития. Сильно пострадало укрепление № 2, а редут № 1 был совершенно разрушен.

Стойкость защитников редута вызвала изумление противника. Японская официальная история следующим образом оценила действия русских, оборонявших укрепления Восточного фронта: «Неприятель не только упорно оборонялся, но, внезапно окружив нас с фронта, с флангов и с тылу, осыпал снарядами и пулями. Наша штурмовая колонна едва не была целиком уничтожена; обе дивизии снова во второй и третий раз пытались посылать на штурм оставшиеся войска и резерв, но решившийся защищать свои укрепления до последней капли крови неприятель сражался изо всех сил; все доблестные атаки наших войск не только не достигали своей цели, но вскоре обе дивизии потеряли между собою связь, и бой постепенно становился все труднее».

В то время, когда солдаты и офицеры гарнизона отражали ожесточенные атаки японцев, А.М. Стессель 9(22) августа в 19 часов созвал заседание Совета обороны, на котором были рассмотрены «вопросы о недостатках крепости Порт-Артур, затрудняющих ее оборону». Начальник сухопутной обороны Р.И. Кондратенко, непосредственно руководивший всеми боевыми действиями, не был даже приглашен на это заседание. О содержании заседания Совета обороны, констатировавшего серьезные проблемы в обороне крепости, было немедленно сообщено по телеграфу в Мукден (в штаб заместителя адмирала Е.И. Алексеева), а оттуда — военному министру генерал-адъютанту В.В. Сахарову. Последний, прочитав это сообщение, наложил следующую резолюцию: «Читал. К чему это?» Начальник главного штаба генерал-лейтенант П.А. Фролов тут же заметил: «Это, к величайшему горю, оправдательный акт, быть может, предстоящей сдачи крепости и поучение для

будущих поколений и времен, как тщательно надо изучать местность, чтобы проектировать укрепления»¹⁹.

Днем 11(24) августа японское командование после нескольких дней ожесточенных боев убедилось в невозможности взять русскую твердыню ускоренной атакой. В 16 часов генерал Ноги отдал приказ частям 3-й армии прекратить штурм и закрепиться на занятых позициях.

В результате августовского штурма японцам удалось лишь в отдельных местах вклиниться в главную линию обвода крепости и захватить гору Угловая, редуты Панлуншаньский, № 1 и 2, являвшиеся важными опорными пунктами в промежутке между фортами № II и III. Их войска только при атаках Восточного фронта потеряли около 15 тыс. человек, а всего — до 20 тыс. Потери русских войск составили более 6 тыс.

Отражение ускоренной атаки было первым успехом русского оружия на всем театре военных действий, ошеломившим противника, упоенного предыдущими победами. Надежды японского командования на скорейшее освобождение армии Ноги и ее переброску в Маньчжурию в целях разгрома основных сил русской армии разбились о героизм защитников Порт-Артура. Это обстоятельство имело большое моральное значение. Солдаты и офицеры гарнизона убедились в том, что силы и энергия японцев далеко не беспредельны и что упорной, стойкой обороной крепости можно остановить даже превосходящие силы осадной армии противника.

В то же время неудача первого штурма и большие потери существенно отразились на боеспособности японской армии. В дни ожесточенных августовских боев имели место отдельные случаи отказов японских солдат идти в наступление, неповиновения и даже убийства офицеров, а в ночь на 11(24) августа в 8-м резервном полку произошел открытый бунт, вызвавший большую тревогу японского командования²⁰.

Важнейшей причиной неудачи ускоренного штурма явилась переоценка японским командованием сил своей армии и недооценка боевых возможностей гарнизона Порт-Артура. Английский военный обозреватель Б.В. Норригаард, нахо-

дившийся в те дни в штабе армии Ноги, уже после окончания Русско-японской войны отмечал: «Теперь, ознакомившись с данными о могуществе крепости, можно прийти к заключению, что овладеть ею в такой короткий срок не было надежды и всякая попытка в этом смысле кажется невероятной. Приходится удивляться, каким образом обыкновенно отлично осведомленный японский разведочный отдел не сумел оценить неизмеримо сильные ресурсы крепости и не предупредил такой рискованный шаг... Японцы сделали ошибочный расчет крепости и твердости материала, который они собирались раздавить»²¹.

Японское командование не сумело организовать одновременную атаку на широком фронте, с тем чтобы распылить силы войск, оборонявших крепость. Вместе с тем активные действия японцев в центре и на левом фланге вскоре прекратились, и в кульминационный момент штурма все их усилия оказались сосредоточенными против небольшого участка Восточного фронта протяженностью около 1 км.

Августовский штурм Порт-Артура свидетельствовал об исключительно возросшей роли тяжелой артиллерии и пулеметов. Тяжелая артиллерия подавляла огонь обороны и наносила разрушения фортам и укреплениям. Так, японцам удалось захватить гору Угловая, редуты Панлуншаньский, № 1 и 2 лишь после их полного разрушения. При отражении японских атак защитники крепости использовали скорострельные малокалиберные пушки, винтовки и пулеметы. Особенно велика была роль пулеметов, огонь которых наносил противнику значительные потери, а иногда и вовсе останавливал его продвижение.

Многие бои за те или иные укрепления заканчивались рукопашными схватками. При атаках и контратаках подразделения обеих сторон, используя складки местности, укрывались от огня, перебежками накапливались в мертвых пространствах на склонах гор и в оврагах. Сильно пересеченная местность и заросли гаоляна, не уничтоженные своевременно на участках обороны, способствовали скрытному передвиже-

нию и сосредоточению японских войск. При отражении ночных контратак русские войска применяли прожекторы, ослеплявшие солдат противника и способствовавшие точности артиллерийского и ружейно-пулеметного огня. В ночных боях японцы применяли светящиеся ракеты, а в ближнем бою — ручные бомбочки.

Значительную роль в отражении первого штурма сыграли личный состав и артиллерия эскадры, возвратившейся в базу после неудачной попытки прорыва во Владивосток. Именно накануне и в начале штурма особенно остро встал вопрос о максимальном использовании сил эскадры для дальнейшей обороны крепости. В это время командир броненосца «Ретвизан» капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович представил временно исполнявшему обязанности командующего эскадрой контр-адмиралу П.П. Ухтомскому докладную записку, в которой говорилось о невозможности прорыва эскадры в полном составе. Автор записки полагал целесообразным организовать прорыв отдельных кораблей. В случае отказа от дальнейших попыток прорыва Щенснович предлагал блиндировать корабли и примкнуть их к мелям, оставив на них минимальные команды для организации перекидной стрельбы, а остальными силами оказать помощь сухопутным войскам.

Совещание флагманов и командиров кораблей 1-го ранга, состоявшееся 6(19) августа, единогласно признало, что эскадра не сможет прорваться во Владивосток. Большинство участников совещания отрицательно отнеслись и к возможности прорыва отдельных кораблей. Совещание приняло решение использовать личный состав эскадры, ее артиллерию и боеприпасы на сухопутном фронте, а сами корабли подготовить для ведения боя на якоре.

Исходя из этого, перед кораблями были поставлены задачи по обстрелу сухопутных позиций противника перекидным огнем непосредственно из гавани и с моря (для чего планировались выходы отдельных кораблей), по постановке мин в районе действия блокирующих кораблей противника, посылке миноносцев для разведки и атак японских кораблей³⁰.

В последующие дни с кораблей и из порта было передано на фронты сухопутной обороны крепости 120 орудий различных калибров, включая 6-дюймовые, и значительное количество боеприпасов. Для обслуживания переданных орудий были выделены команды из состава экипажей кораблей.

На кораблях началось формирование десантных рот, которые направлялись на усиление различных участков сухопутной обороны. Во время первого штурма крепости 8(21) августа с эскадры было свезено на берег и направлено на передовые позиции 7 десантных рот общей численностью 2267 человек.

Корабли приняли также непосредственное участие в отражении японских атак, обстреливая позиции и штурмовые колонны. Перекидной огонь с броненосцев, стоявших в гавани, корректировался с берега и наносил противнику большие потери. Артиллеристы броненосца «Ретвизан», например, своим огнем взорвали японский пороховой погреб и подавили несколько батарей. Весьма эффективным был огонь и с других кораблей.

Оказывая помощь гарнизону Порт-Артура, командование эскадры принимало меры и по борьбе с блокирующими кораблями противника. Так, 6(19) августа миноносец «Скорый» поставил 14 мин в районе острова Кэп, который часто посещался японскими кораблями³¹.

С 12(25) августа в районе Порт-Артура наступило относительное затишье. Обе стороны прекратили атаки. Японская артиллерия вела лишь методический обстрел русских оборонительных позиций, города и порта. Провал первого штурма вынудил японское командование перейти к длительным осадным работам на всем протяжении сухопутного фронта обороны.

В качестве главного направления постепенной атаки был избран участок Восточного фронта от батареи литеры «Б» до укрепления № 3. В деревне Тюйдатунь сосредоточивались большие запасы различных строительных материалов и шанцевого инструмента. Уже 12(25) августа японцы зало-

жили первую параллель против промежутка между фортами № II и III.

Во всех деревнях в тылу армии и непосредственной близости от передовых позиций были устроены склады боеприпасов, продовольствия и другого военного имущества. Телефонное сообщение связывало все батареи, штабы и наблюдательные пункты между собой и со штабом армии. В начале сентября в 3-ю японскую армию прибыло около 15 тыс. новобранцев и резервные батальоны. Таким образом, потери, понесенные во время августовских боев, были восполнены. Пополнился также и парк японской осадной артиллерии.

Гарнизон Порт-Артура в это время проводил усиленные работы по восстановлению и укреплению своих позиций и усилению крепости артиллерией. Генерал Кондратенко лично осмотрел наиболее пострадавшие от огня вражеской артиллерии укрепления Восточного фронта и наметил ряд мероприятий по их исправлению и улучшению. Защитники крепости, используя временно наступившее затишье, заделывали бреши в Китайской стенке, утолщали бруствера, устраивали проволочные заграждения, сооружали новые траншеи, окопы и укрытия для личного состава. Перед укреплениями, где имелись мертвые пространства, закладывались фугасы. Кроме того, начались инженерные работы впереди Китайской стенки с целью задержать продвижение подкопов противника в этом направлении.

Широкое распространение среди гарнизона крепости получило в это время изобретательство. Оборонявшиеся приступили к изготовлению ручных гранат, в эффективности которых гарнизон крепости убедился на собственном опыте во время первого штурма. В артиллерийской мастерской Порт-Артура в августе были сконструированы первые образцы минных мортир. Для их изготовления использовались метательные минные аппараты, состоявшие на вооружении паровых катеров и метавшие с помощью пороховых зарядов мины калибром 225 мм и весом 75 кг, а также гладкостволь-

ные медные гаубицы, стволы которых укорачивались и устанавливались на деревянных стойках. Для этих мортир применялись мины весом около 8 кг, также выпускаемые артиллерийской мастерской.

Наряду с минными мортирами рабочие, инженеры и техники той же мастерской сконструировали аппараты для метания шестовых мин. Создание и эффективное применение минных мортир защитниками Порт-Артура для разрушения полевых укреплений противника и поражения его живой силы в укрытиях свидетельствует о зарождении нового вида оружия — минометов.

Совершенствовались также и управление огнем артиллерии. Для каждого фронта сухопутной обороны были назначены начальники артиллерии и при них созданы штабы. Начальниками артиллерии фронтов стали наиболее опытные артиллеристы: Восточного — полковник Б. Мехмандаров, Северного — капитан В.К. Журавский, Западного — подполковник Н.А. Романовский. Управление огнем батарей Приморского фронта осуществлялось непосредственно начальником артиллерии крепости генералом В.Ф. Белым и его штабом. Эти мероприятия способствовали централизации управления огнем и позволяли вести более эффективную борьбу с артиллерией противника и наносить его пехоте большие потери.

В целом к концу августа — началу сентября крепость, получив подкрепления с кораблей эскадры и исправив разрушенные укрепления, смогла полностью восстановить свою боеспособность и была не менее сильна, чем накануне первого штурма.

Восполнив свои потери, командующий 3-й японской армией генерал Ноги 18(31) августа принял решение возобновить активные действия против крепости. Новый штурм предполагалось направить не против главной линии укреплений Порт-Артура, а против передовых позиций Северного и Западного фронтов, расположенных на горах Высокая и Длинная, у Кумирненского и Водопроводного редутов, овладение которыми было крайне необходимо японцам для

того, чтобы приблизить свои осадные работы к линии фортов. Таким образом, второй штурм планировалось осуществить в виде двух одновременных атак на пункты, далеко отстоящие один от другого. Японские войска на направлениях планируемых ударов имели примерно трехкратное превосходство над оборонявшимися, а на отдельных участках — десятикратный перевес.

Новый штурм был назначен на 6(19) сентября. В 12 часов 40 осадных орудий и 48 полевых горных орудий начали бомбардировку Водопроводного и Кумирненского редутов и других укреплений Северного фронта. Особенно интенсивному обстрелу подвергся Водопроводный редут, по которому было выпущено около 1 тыс. снарядов. В 18 часов бомбардировка Водопроводного редута прекратилась, и японская пехота тотчас же пошла в атаку, буквально забрасывая оборонявшихся ручными бомбочками. Солдаты 11-й роты 26-го полка во главе с поручиком Длусским мужественно защищались. Уже через час ожесточенного боя в гарнизоне редута насчитывалось не более 30 человек.

В течение вечера и ночи на редут прибыли четыре стрелковые роты и рота пограничной стражи. Бой не прекращался всю ночь. Противник все время бросал в атаку свежие резервы. Положение защитников Водопроводного редута становилось критическим: иссякли запасы гранат и патронов, на развалинах редута оборонялись всего 11 измотанных солдат во главе с начальником пограничной стражи подполковником П.Д. Бутусовым. Стало совершенно очевидным, что далее удерживать редут невозможно. В 5 часов 7(20) сентября генерал Кондратенко приказал оставить его.

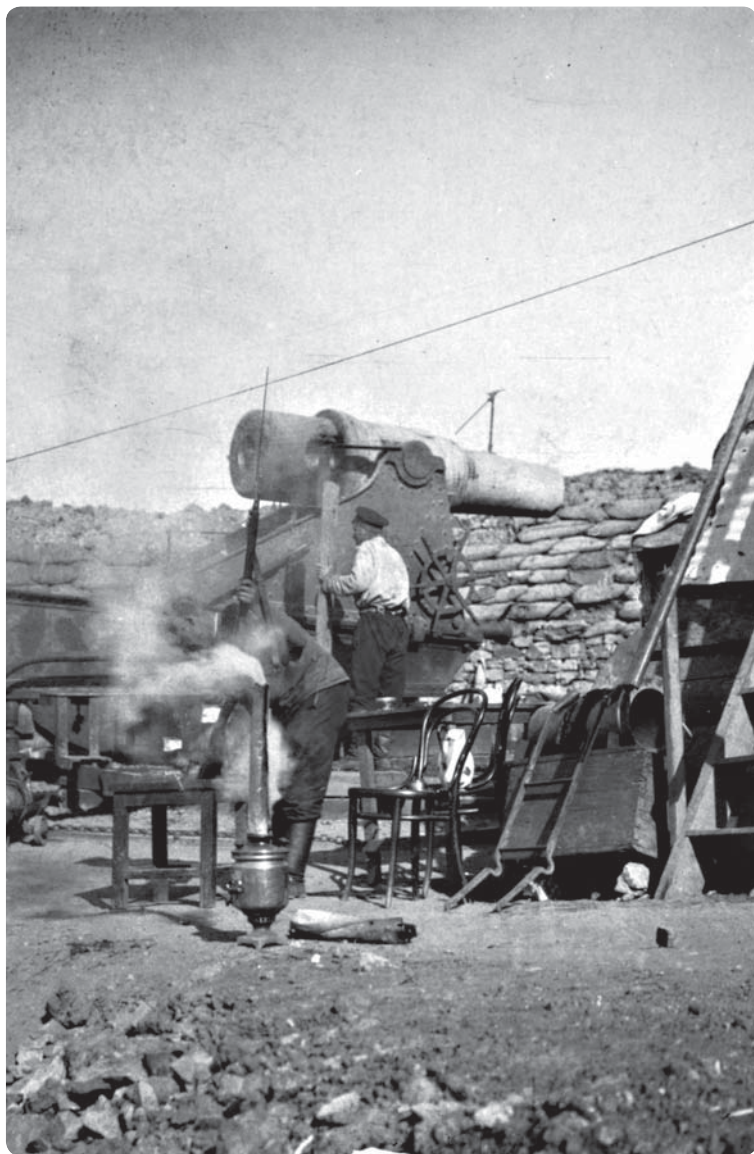
Ожесточенный бой за Кумирненский редут начался в 16 часов 6(19) сентября. На рассвете следующего дня артиллерийский обстрел редута возобновился. Бомбардировка продолжалась два часа. Более двух батальонов наступали одновременно с фронта и с обоих флангов, стараясь окружить редут. Вскоре японские солдаты, наступавшие с фронта, ворвались в наружный ров редута и забросали его защитников ручными бом-

бочками. Другой отряд японцев обошел редут с правого фланга. Попытка выбить противника из редута не увенчалась успехом. Около 10 часов 7(20) сентября Кумирненский редут и соседние с ним окопы были оставлены русскими войсками.

Одновременно со штурмом Водопроводного и Кумирненского редутов упорные бои разгорелись за горы Длинная и Высокая. Ранним утром 6(19) сентября в этом районе наблюдалось передвижение японских войск. 7(20) сентября после сильнейших артобстрелов и тяжелых боев с противником русские войска оставили позиции на горе Длинная. Последними оставили свои позиции 46 моряков во главе с подпоручиком Седльницким²². Вместе с тем все атаки противника на гору Высокая и второй штурм Порт-Артура 10(23) сентября были отбиты окончательно. При этом японцы потеряли около 7,5 тыс. человек, захватив лишь Кумирненский и Водопроводный редуты и гору Длинная. Главный объект атак, гора Высокая, устоял. Потери русских войск не превысили 1,5 тыс. человек.

Вместе с тем переход горы Длинная в руки японцев имел весьма серьезные последствия. Прежде всего они приобрели удобный и близкий исходный пункт для постепенной атаки на горы Высокая и Плоская. С вершины Длинной открывался вид на значительную часть внутреннего рейда. Установив на вершине наблюдательный пост, японцы тотчас же стали обстреливать корабли эскадры. При этом огонь был гораздо эффективнее, чем раньше. Правда, после того как русские приблизили корабли к берегу, попадания стали реже.

Неудача второго штурма не поколебала уверенности японского командования в успехе, подогревавшемся многочисленными милитаристскими демонстрациями, проходившими в те дни в японской столице. Английский военный агент Д. Джемс сообщал: «Уличная толпа не переставала кричать, что надо сделать так, чтобы Порт-Артур пал; как это исполнить точно, не указывалось, но он должен был пасть, и немало триумфальных арок из зелени пожелтели и засохли, пока он все падал»²³.

Раннее утро на русской батарее во время осады

Осадные работы, не прекращавшиеся в дни сентябрьского штурма, продолжались после его окончания с еще большей настойчивостью. Командующий М. Ноги, не желая более расплющить свои силы, избрал для следующей атаки один Восточный фронт. Главными объектами нового штурма были намечены форт № III и укрепление № 3, к которым спешно прокладывались передовые японские параллели. Уже 10(23) октября они находились на расстоянии до 50–100 м.

Одновременно с усиленными инженерными работами японцы вели интенсивный артиллерийский обстрел крепости. Артиллерия должна была пробить в укреплениях бреши для штурмовых колонн и уничтожить средства защиты.

Продвижение японцев вперед с помощью параллелей и апрошей сопровождалось частыми атаками с их стороны. Японскому командованию казалось, что теперь путь для дальнейшей успешной атаки на главную линию фортов Восточного фронта был проложен. 12(25) октября была отдана диспозиция для штурма. С утра 13(26) октября началась усиленная бомбардировка укреплений Восточного фронта, города и порта. В бомбардировке участвовали все осадные орудия 3-й японской армии и 18 11-дюймовых гаубиц. Сосредоточенный огонь 11-дюймовых гаубиц, 6-дюймовых мортир, пушек и метательных мин нанес значительные повреждения оборонительным сооружениям. Были разрушены многие стрелковые окопы, бруствера фортов и укреплений, повреждены многие орудия.

Всего через три часа после начала штурма все атаки японцев на главных направлениях были отражены. Им удалось закрепиться лишь в открытом капонире № 2. Огонь японской артиллерии постепенно стал стихать, а в 15 часов 35 минут совершенно прекратился. Остатки штурмовых колонн отступали разрозненными группами к своим исходным позициям, поражаемые огнем с укреплений Восточного фронта. Убедившись в полном провале штурма, Ноги отказался от введения в дело двух резервных колонн и остальных сил осадной армии.

В последующие дни гарнизон Порт-Артура ожидал возобновления штурма, но противник ограничился лишь артиллерийской бомбардировкой. Подарка ко дню рождения микадо так и не получилось.

Неудача октябрьского штурма вынудила японское командование в более широких масштабах прибегнуть к подземным работам для сближения с русскими фортами и укреплениями с целью подготовить таким образом выгодные исходные позиции для очередного штурма крепости. Начался новый период в битве за Порт-Артур — период так называемой минной войны.

Действия японцев сводились к двум основным целям. Они стремились подвести под основные форты минные галереи и взорвать их, расчистив тем самым своей пехоте путь для прорыва вглубь обороны русских войск. Одновременно японская артиллерия должна была сильным и систематическим огнем разрушить крепостные укрепления и нанести возможные большие потери личному составу их гарнизонов. Только после этого японское командование намеревалось предпринять новый штурм.

Положение гарнизона Порт-Артура, особенно с продовольствием, к исходу третьего штурма значительно ухудшилось. Уже с сентября в городе не было мяса; защитники питались кониной, да и та выдавалась два раза в неделю. Время для заготовки продовольствия было упущено.

Непрекращающиеся боевые действия и артиллерийские обстрелы, интенсивные работы по восстановлению разрушенных противником оборонительных сооружений, а также плохое качество пищи изнуряли солдат и офицеров, среди которых было много больных. Госпитали и больницы были переполнены ранеными и больными, медицинское обслуживание которых из-за нехватки врачей, санитаров, медицинского оборудования, перевязочных средств и лекарств оставляло желать лучшего.

Укрепления Порт-Артура имели серьезные повреждения, значительная часть батарей и орудий была выведена из

строю. Весьма тяжелым было и положение боевых кораблей, фактически запертых на внутреннем рейде и находившихся под постоянным обстрелом японской артиллерии. Несмотря на тяжелые условия, солдаты, матросы и офицеры проявляли исключительное мужество и героизм и были полны решимости отстоять крепость.

В ответ на подземно-минные работы, проводимые неприятелем, защитники Порт-Артура развернули активную контрминную борьбу, зачастую сводя таким образом на нет многие попытки японцев, стремившихся овладеть фортами и укреплениями. В это время противники находились на расстоянии около 30 шагов, отделенные один от другого лишь шириной рвов и толщиной брустверов.

В целях более эффективного противодействия осадным работам русские солдаты совершали многочисленные вылазки, забрасывая неприятельских саперов ручными гранатами, небольшими зажигательными снарядами, наполненными предназначенными для зажигания мешков с землей взрывчатыми веществами, и пироксилиновыми шашками. Противник вынужден был сформировать специальные команды, которые занимались тушением загоревшихся мешков и фитилей ручных гранат. Защитники крепости для перехвата гранат, забрасываемых японцами, применяли густые сети из проволоки²⁴.

Действия русской артиллерии в тот период сводились к разрушению траншей противника, борьбе с его артиллерией, и особенно с 11-дюймовыми гаубицами, поддержке вылазок защитников крепости и к поражению живой силы неприятеля. Каждой батарее была указана определенная цель, по которой она должна была вести огонь.

Противоштурмовая и полевая артиллерия предназначалась преимущественно для борьбы с живой силой и для разрушения траншей. Крепостная артиллерия, состоявшая из орудий крупных калибров, должна была подавлять батареи противника. Подавление огня японских дальнобойных орудий возлагалось на артиллерию Приморского фронта и корабли

эскадры. Артиллерия крепости сыграла важную роль в разрушении осадных объектов, возведенных противником.

Существенную помощь гарнизонам фортов и укреплений в ходе минной войны оказали моряки. Используя свою технику, они приспособили минные аппараты кораблей для стрельбы морскими минами по наземным позициям противника. Иногда шаровые мины заграждения, вес которых превышал 150 кг, скатывались по склонам сопок в расположение японцев, нанося им значительные потери.

Активное противодействие гарнизона крепости и моряков эскадры подземно-минным работам противника в значительной мере препятствовало их ведению, а в ряде случаев сводило на нет все усилия осаждающей стороны.

В начале ноября в главную японскую ставку поступили сведения о том, что Вторая Тихоокеанская эскадра уже находится в Индийском океане. Эти известия чрезвычайно обеспокоили адмирала Х. Того и маршала И. Ойяму, убедив их в необходимости как можно скорее приступить к ремонту кораблей Соединенного флота и к подготовке их к генеральному сражению с эскадрой З.П. Рожественского.

В штаб 3-й японской армии были направлены генералы Фукушима и Кодама с поручением маршала Ойямы поторопить Ноги с началом четвертого штурма. Учитывая сложившуюся обстановку и настоятельные требования ставки, Ноги решил произвести новый штурм, не дожидаясь окончания минных работ.

Штурм был назначен на 13(26) ноября. Объекты, намеченные для атаки, были те же, что и во время предыдущего штурма: батарея литера «Б», Куропаткинский люнет, форт № II, Китайская стенка, форт № III и укрепление № 3. Для штурма названных объектов выделялись 11-я, 9-я, 1-я дивизии и 26-й полк 7-й дивизии. Атаке должна была предшествовать сильная артиллерийская бомбардировка укреплений, предназначенных для штурма, а также тех батарей и укреплений, которые могли бы во время штурма поддержать атакуемые укрепления.

Численность японских войск, привлеченных к четвертому штурму Порт-Артура, составляла около 50 тыс. человек. К началу штурма на всем Сухопутном фронте обороны и в общем резерве насчитывалось 17 919 человек. На участке, намеченном для штурма, оборонялась 61 рота ослабленного состава. Их численность достигала 5717 человек.

Уже 7(20) ноября начались мелкие столкновения передовых частей, носившие со стороны японцев характер разведки боем. Одновременно в тылу противника перед укреплениями Восточного фронта наблюдались перегруппировки войск, что указывало на приближение очередного штурма и позволяло русскому командованию сделать выводы относительно основных направлений и объектов японских атак.

С 8 часов 13(26) ноября артиллерия противника начала интенсивный обстрел укреплений Восточного фронта от Курганной батареи до батареи литеры «А». Особенно сильной бомбардировке подверглись Курганная и Заредутная батареи, укрепление № 3, форт № III и Китайская стенка. В течение дня японцы произвели целый ряд атак против укреплений Восточного фронта. Все эти атаки производились однотипно. Солдаты противника собирались во рвах и захваченных ранее капонирах и оттуда пытались овладеть брустверами. Но гарнизоны фортов встречали их дружным ружейным огнем, ручными гранатами и стремительными штыковыми контратаками. В результате противник нес весьма ощутимые потери.

Ночью японцы попытались еще раз нанести решительный удар. С этой целью они сформировали особый отряд добровольцев численностью 2600 человек во главе с генералом Накамурой. Добровольцам предстояло прорваться внутрь крепости и пробить брешь в обороне Восточного фронта. Перед выступлением Накамура отдал следующий приказ: «Из нас никто назад не вернется... Каждый из офицеров, в каком бы он чине ни был, должен заблаговременно назначить себе заместителя. Удар противнику будет нанесен штыками. Какой бы силы ни был огонь противника, никто не смеет стрелять

до тех пор, пока мы не утвердимся на позиции противника. Приказываю офицерам немедленно расстреливать того, кто без причины позволил бы себе лечь, оставить свое место или отойти назад»²⁵.

Японцы не заметили, что моряки вышли им во фланг и тыл и с ходу ударили в штыки. Уже через несколько минут после начала этой стремительной атаки русских японцы были отброшены в ближайший овраг.

Так закончился первый этап четвертого штурма Порт-Артура. На рассвете только перед Курганной батареей было обнаружено убитыми 780 солдат и офицеров противника. Всего за 13(26) ноября японцы потеряли около 4500 человек. Русские также понесли большие потери. Только убитых было не менее 1500 человек. Некоторые роты практически перестали существовать²⁶.

Потерпев неудачу при штурме позиций Восточного фронта, японское командование решило сосредоточить основные усилия на Западном фронте против гор Высокая и Плоская, вершины которых могли служить идеальными наблюдательными пунктами. Оттуда ясно были видны корабли эскадры, стоявшие в гавани.

Укрепления на горе Высокая, усиленные после сентябрьского штурма, состояли из глубокого блиндированного кольцевого окопа, охватывавшего обе вершины, сомкнутого укрепления на левой вершине с глубоким внутренним рвом и батареей 6-дюймовых орудий на правой вершине горы. Эта батарея также была превращена в укрепление и соединялась окопом с батареей полевых орудий и далее с редутом на левой вершине. На тыловом склоне горы были устроены блиндажи для резервов. Все укрепления были усилены искусственными препятствиями в виде проволочной сети перед нижним кольцевым окопом и проволочной сети, соединенной с засекой, расположенной между левым редутом и нижним кольцевым окопом.

После сентябрьского штурма работы по укреплению горы шли безостановочно. Помимо названных укреплений и реду-

тов при помощи взрывов в складах были устроены обширные пещеры. О том, насколько большое значение придавало русское командование горе Высокая, говорит тот факт, что здесь для подачи воды была устроена паровая водокачка, чего не было на других позициях.

К началу четвертого штурма гарнизон горы Высокая состоял из 5 рот 5-го, 14-го и 15-го Восточно-Сибирских стрелковых полков. Большое значение для удержания горы Высокая имела оборона соседних с ней гор Фальшивая, Плоская и Дивизионная.

К 14(27) ноября противнику удалось приблизить свои параллели к нижнему окопу горы Высокая на расстояние до 150–200 шагов. Несмотря на огромный численный перевес врага, гарнизоны Высокой и Плоской все атаки к 21 часу успешно отразили и приступили к исправлению поврежденных на укреплениях.

15(28) ноября в 5 часов утра ожесточенная бомбардировка обеих гор повторилась. Уже к 8 часам исправленные в течение ночи укрепления вновь были разрушены. Но по проравшемуся противнику открыл огонь взвод полевой артиллерии, располагавшийся близ Голубиной бухты. К полудню японцы отступили на исходные позиции. Одновременно другой отряд штурмовал северный участок укреплений горы Высокая, но также потерпел неудачу и отступил. Все атаки как 16(29) ноября, так и в последующие дни, вплоть до 19 ноября (2 декабря), успеха не имели.

Обе стороны сознавали важность горы Высокая для дальнейшего хода и исход борьбы за Порт-Артур. Поэтому боевые действия на этом участке приняли особенно напряженный характер. Наступившее уже с 18 ноября (1 декабря) на всем Западном фронте затишье не коснулось горы Высокая.

Положение защитников было исключительно тяжелым. Окопы были разбиты. Из 43 блиндажей уцелело 2. Личный состав гарнизона, лишенный практически каких-либо укрытий и отбивавший натиск неприятеля в основном штыковыми контратаками и ручными гранатами, нес большие потери.

Только через перевязочные пункты к исходу дня 18 ноября (1 декабря) прошло 1600 человек. Всего за 5 дней боев за гору Высокая русские потеряли убитыми и ранеными до 2500 человек²⁷. Полковник Н.А. Третьяков был тяжело ранен. Р.И. Кондратенко непрерывно направлял сюда подкрепление. Вскоре общий резерв крепости был исчерпан, и подкрепления на Высокую стали посылать с других участков сухопутной обороны и с кораблей эскадры.

Положение на горе Плоская также было тяжелым. Окопы и укрытия были разбиты, гарнизон нес большие потери.

22 ноября (5 декабря) в 7 часов 55 минут неприятель снова начал усиленно обстреливать Высокую. Наступление началось в 8 часов 15 минут. Вскоре на горе закипел горячий бой. Японцы, несмотря на потери от огня оборонявшихся, шаг за шагом продвигались вперед. В 17 часов 30 минут остатки ее защитников, израненные и утомленные почти непрерывными 9-дневными боями и артиллерийскими бомбардировками, отступили в расположение крепости. Вечером того же дня было отдано распоряжение оставить горы Плоская, Дивизионная и Фальшивая и отвести их гарнизоны за линию фортов Западного фронта.

Бои за гору Высокая явились кульминацией четвертого штурма. В боевые действия за Высокую и Плоскую со стороны гарнизона Порт-Артура было втянуто более 80 рот, отдельных команд и отрядов, многие из которых понесли настолько большие потери, что после отвода в тыл были расформированы. В одном только 5-м полку из 23 офицеров, 26 заурядпрапорщиков и 1805 нижних чинов выбыло из строя соответственно 14, 17 и 1251 человек.

Общие потери русских войск на этом участке обороны составили около 5 тыс. человек. Противнику был нанесен вдвое больший урон: его потери превысили 10 тыс. человек.

Корабли Первой Тихоокеанской эскадры, практически запертые на внутреннем рейде, уже с сентября подвергались почти непрерывному обстрелу со стороны неприятельских сухопутных батарей. Многие корабли к моменту окончания четвертого

штурма крепости имели тяжелые повреждения, исправлять которые становилось все труднее и труднее. Наконец в последние дни октября на одном из совещаний флагманов было принято следующее решение: «В случае крайности, т.е. близости сдачи крепости, суда, которые смогут пройти до прохода (выхода из внутреннего рейда. — *Авт.*), идут туда и затопляются у брандеров, а также топятя там все суда, которые можно туда дотащить». Это решение, по существу, явилось приговором русским кораблям. К исходу первой половины ноября на кораблях было оставлено минимальное количество снарядов. Почти все боеприпасы были переданы на сухопутные фронты обороны. Фактически эскадра как боевая сила перестала существовать. Четвертый штурм был отражен защитниками крепости без какого бы то ни было участия русских кораблей.

С занятием японцами горы Высокая, господствовавшей над Новым городом, Западным бассейном и южной частью Восточного бассейна, участь эскадры была решена. Получив возможность точно корректировать огонь своих 11-дюймовых гаубиц, японцы немедленно начали расстреливать русские корабли.

Падение горы Высокая и вызванное этим обстоятельством оставление русскими войсками передовых позиций Северного и Западного фронтов открыли противнику доступ непосредственно к линии фортов крепости. Генерал Ноги решил больше не предпринимать штурма, а взять Порт-Артур измором, минной войной и систематическими артиллерийскими бомбардировками.

С падением горы Высокая начались непрерывные обстрелы крепостных сооружений и городских кварталов. При этом многие снаряды попадали в здания, где размещались госпитали и больницы. Угнетающе на моральный дух гарнизона действовало отсутствие каких бы то ни было известий с главного театра военных действий, продолжавшееся ухудшение продовольственного положения в крепости и в городе. Вследствие плохого питания среди личного состава было много больных тифом, цингой и куриной слепотой.

Все то, что переживали и чувствовали в те дни солдаты, матросы и офицеры, выражено в нескольких строках в дневнике подполковника С.А. Рашевского. 26 ноября (9 декабря) он записал: «Неопределенность нашего настоящего положения и отсутствие каких бы то ни было точных сведений создают целый ряд разнообразных заманчивых слухов, вроде того, что со стороны Кинчжоу (Цзиньчжоу. — *Авт.*) и Самсона слышны пушечные выстрелы. Все хватаются за всякий слух — все изнервничались, устали, извелись бесконечной осадой и томительным, безнадежным ожиданием выручки». А вот запись от 1(14) декабря: «Сегодня пошел одиннадцатый месяц осады, и мы все еще в полной неизвестности, на что нам рассчитывать. До сих пор держимся исключительно каким-то чудом, но уже скоро иссякнут наши запасы, и сопротивление крепости будет сломлено».

С утра 2(15) декабря японцы начали обстреливать форт, куда прибыл генерал Кондратенко, 11-дюймовыми снарядами. Так на боевом посту погиб замечательный русский патриот, неутомимый организатор и вдохновитель героической обороны Порт-Артура генерал Роман Исидорович Кондратенко. Гибель Кондратенко произвела крайне удручающее впечатление на гарнизон крепости. Это была невосполнимая утрата, как и гибель адмирала С.О. Макарова в самом начале войны.

3(16) декабря было объявлено о назначении А.Ф. Фока начальником сухопутной обороны. В должность начальника 7-й дивизии вступил генерал М.А. Надеин. Назначение Фока, не пользовавшегося после боев на цзиньчжоуской позиции, на Зеленых и Волчьих горах, доверием гарнизона Порт-Артура, было воспринято многими как дурное предзнаменование, с затаенным опасением за благополучный исход обороны. Комендант крепости генерал К.Н. Смирнов прямо сказал об этом генералу М.И. Костенко: «В скором времени вы будете свидетелем быстрой сдачи фортов генералом Фоком»²⁸. Эти прогнозы, как показал дальнейший ход событий, не замедлили подтвердиться.

Вторым долговременным укреплением, взятым японцами, был форт № III. 14(27) декабря саперы закончили прокладку минных галерей под бруствер форта. Во время взрыва на форте находилось 240 человек. Некоторые из них были придавлены обломками, многие отравлены газами. Часть гарнизона погибла. Оставшиеся в живых не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления японцам, атаковавшим сразу после взрыва.

Падение форта № III создало для крепости критическое положение. На участке сухопутной обороны, атакованном неприятелем во время четвертого штурма, осталось лишь одно долговременное оборонительное сооружение — укрепление № 3. На овладении им японское командование сосредоточило основное внимание. С падением этого укрепления подразделения, оборонявшие Восточный фронт, вынуждены были бы отойти на еще не подготовленную вторую линию обороны. 11-дюймовые японские батареи получили бы в этом случае возможность беспрепятственно разрушать Китайскую стенку.

16(29) декабря состоялось заседание Совета обороны крепости. Из 22 участников этого заседания 19 высказались за безусловное продолжение активной обороны, за сковывание возможно больших сил противника на еще имеющихся в распоряжении русского командования долговременных и полевых укреплениях. Это было мнение всего гарнизона осажденной крепости. Лишь начальник штаба укрепленного района полковник В.А. Рейс заявил о том, что дальнейшая борьба бессмысленна, а поэтому необходимо как можно скорее начать переговоры с японским командованием о сдаче крепости на почетных условиях. Начальник сухопутной обороны А.В. Фок прямо не поддержал В.А. Рейса. Он уклончиво заявил, что возможность дальнейшей обороны зависит от того, насколько долго удастся удержать Китайскую стенку. Он также допускал возможность ведения обороны на второй и третьей линиях, а при дальнейшем сокращении гарнизона — в Старом городе. Сдача крепости, считал Фок, может быть вы-

звана только истощением запасов продовольствия. Председательствовавший на заседании А.М. Стессель, подводя итоги обсуждения, присоединился к мнению большинства офицеров о необходимости продолжать оборону⁴⁴.

Таким образом, заседание Совета обороны продемонстрировало полную решимость гарнизона крепости продолжать борьбу. Стессель и Фок не могли этому открыто воспрепятствовать, хотя они сами, так же как и Рейс, были настроены на капитуляцию. Об этом свидетельствует тот факт, что еще накануне заседания Совета обороны, поздно вечером 15(28) декабря, Стессель подготовил на имя Николая II телеграмму, в которой говорилось: «Сегодня, в 10-м часу утра японцы произвели взрыв бруствера форта № III... По занятии этого форта японцы делаются хозяевами всего Северо-Восточного фронта, и крепость продержится лишь несколько дней. Приму меры, чтобы не допустить резни на улицах. Цинга очень валит гарнизон. У меня под ружьем 10–11 тысяч, и они нездоровые...»⁵⁰ Это было открытое выступление за сдачу Порт-Артура. Факты, сообщаемые в телеграмме, далеко не отвечали истинному положению дел. Так, начальник артиллерии крепости генерал В.Ф. Белый говорил на Совете обороны, что, хотя материальная часть артиллерии сильно изношена, «снарядов еще хватает для обороны». Не соответствовали действительности и данные, приводимые Стесселем относительно численного состава гарнизона, поскольку после сдачи крепости на сборный пункт военнопленных явилось более 23 тыс. солдат, матросов и офицеров.

Между тем боевые действия и обстрел Порт-Артура японской осадной артиллерией продолжались. В 6 часов утра 19 декабря (1 января) два японских полка заняли Китайскую стенку и сосредоточились за Заредутной батареей. Под прикрытием артиллерийского огня японская пехота пошла на штурм Большого Орлиного Гнезда. Вскоре после падения Большого Орлиного Гнезда, в 15 часов 50 минут 19 декабря (1 января), Фок направил Стесселю доклад о том, что он считает невозможным дальнейшее удержание Восточного фронта. Стес-

сель согласился с этим и приказал полковнику Рейсу составить на английском языке на имя командующего японской осадной армией генерала Ноги письмо с предложением начать переговоры о сдаче крепости. В начале 17-го часа офицер штаба укрепленного района прапорщик Малченко был отправлен с этим письмом на японские аванпосты³¹.

После отправки парламентаря Стессель отдал распоряжение контрадмиралу Р.Н. Вирену взорвать в течение ночи уже затопленные броненосцы и крейсера. В 21 час 30 минут на миноносце «Статный» из Порт-Артура в Чифу были отправлены знамена, архивы и другие наиболее важные документы. Позднее, благополучно миновав японскую блокаду, ушли из Порт-Артура и прорвались в Киао-Чао (Циндао) миноносцы «Смелый» и «Бойкий», а в Чифу — «Сердитый», «Скорый» и «Властный». Успешный выход в море оставшихся в строю миноносцев и их прорыв в нейтральные порты свидетельствовал о том, что русское командование не сумело использовать возможность прорыва из Порт-Артура отдельных кораблей.

В течение ночи моряки подрывали свои корабли. Стессель не отдал никакого распоряжения об уничтожении оставшихся крепостных сооружений, о приведении в негодность орудий, боеприпасов и другого военного имущества. Но как только до личного состава гарнизона дошли сведения о предстоящей сдаче крепости, солдаты, матросы и офицеры по собственной инициативе начали сжигать постройки, уничтожать укрепления, портить орудия, приводить в негодность боеприпасы. Это было реакцией возмущенных солдат и матросов на предательство Стесселя и его окружение. Взрывы и пожары продолжались всю ночь и прекратились только днем 20 декабря (2 января) после неоднократных и настойчивых требований японского командования уже во время обсуждения условий капитуляции.

Рано утром 20 декабря (2 января) Стессель получил согласие Ноги на ведение переговоров о капитуляции Порт-Артура. Ночью и утром на отдельных участках еще шла перестрелка, но к полудню, когда в деревне Шуйшиин начались

переговоры об условиях капитуляции, огонь с обеих сторон прекратился.

Уполномоченными на ведение переговоров с русской стороны были назначены начальник штаба укрепленного района полковник В.А. Рейс, начальник штаба крепости подполковник А.М. Хвостов, уполномоченный от военно-морских сил капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович, начальник штаба 4-й дивизии подполковник П. Дмитриевский, исполняющий должность начальника штаба 7-й дивизии капитан Голован, офицер штаба укрепленного района прапорщик Малченко, уполномоченный Красного Креста Балашов и переводчик Лебедев. Рейс был уполномочен требовать, чтобы победители выпустили весь гарнизон с оружием в руках, если же японцы не согласятся, то принять условия менее выгодные, если они не будут унижительны⁵².

Японский уполномоченный, начальник штаба осадной армии генерал Идитти, вручил Рейсу подготовленные условия капитуляции и дал 50 минут на их обсуждение. Рассмотрев эти условия, русские представители передали японцам свои контрпредложения, в первую очередь требование выпустить из крепости весь гарнизон с оружием в руках. Но Идитти категорически заявил, что условия, предложенные им, получены из Токио и отступить от них он не имеет права. Тогда Рейс согласился принять условия японцев. В 19 часов акт о капитуляции был подписан обеими сторонами.

Согласно условиям капитуляции, весь гарнизон крепости попадал в плен. Все форты, укрепления, корабли, оружие, боеприпасы, деньги и другое военное имущество передавались в распоряжение японской армии в том виде, в каком они находились к моменту подписания капитуляции. Генералам, адмиралам и офицерам оставались их личное оружие и необходимые личные вещи. Обезоруженные солдаты, матросы и унтер-офицеры русской армии под командованием своих офицеров должны были явиться на сборный пункт, указанный японским командованием. Капитуляция вступала в силу сразу же после ее подписания.

Ко дню капитуляции в составе гарнизона Порт-Артура числилось 32 400 человек (в том числе 5809 раненых и больных), около 3 тыс. лошадей, 610 исправных орудий, 9 пулеметов, 207 855 снарядов различных калибров. Еще не были исчерпаны запасы продовольствия. По данным ведомости состояния гарнизона и снабжения крепости Порт-Артур, к 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) муки имелось в наличии на 27, крупы на 23, чая на 196, сахара на 40, сухарей на 21, сухих овощей на 88, соли на 175, овса, ячменя и бобов — на 34 дня³⁵.

Многие укрепления еще держали оборону. Обороняться можно было также на второй и третьей линиях. Однако Стессель, Фок, Рейс и им подобные предали гарнизон Порт-Артура, солдаты и офицеры которого были полны решимости продолжать борьбу.

Стратегическое значение героической обороны Порт-Артура в общем ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. велико. Защитники крепости длительное время сковывали крупные силы противника (около 200 тыс. человек) и практически весь японский флот.

Японцы потеряли в борьбе за Порт-Артур в общей сложности более 110 тыс. человек и 15 боевых кораблей. 16 кораблей получили серьезные повреждения.

Оборона Порт-Артура, несмотря на ее неудачный исход для русских войск, сыграла важную роль в развитии военного искусства. Прежде всего она показала, что приморская крепость может вести успешную борьбу только при условии организации тесного взаимодействия ее гарнизона с военно-морским флотом и полевой армией.

В ходе обороны Порт-Артура в полной мере выявилось значение долговременных оборонительных сооружений (форты, укрепления, батареи), способных противостоять обстрелу тяжелой артиллерии противника. Именно эти сооружения стали основой обороны. После их падения участь крепости была фактически решена.

В боях на передовых позициях Квантунского полуострова, а также в ходе борьбы непосредственно за укреп-

пления Порт-Артура получили развитие элементы позиционной войны, выразившиеся в методическом продвижении японцев от одной русской оборонительной позиции к другой, в систематическом проведении артиллерийской и инженерной подготовки атак и штурмов этих позиций. Начала намечаться тенденция превосходства обороны над наступлением. Все атаки и штурмы стоили противнику огромных потерь при относительно небольшом уроне оборонявшейся стороны.

Бои за Порт-Артур показали резко возросшую роль артиллерии крупных калибров, способной разрушать долговременные бетонные оборонительные сооружения. Этим требованиям отвечали японские 11-дюймовые гаубицы, пробивавшие бетонные своды русских фортов, не рассчитанные на такой калибр снарядов. Что касается русской артиллерии, то она в значительной мере была устаревшей. Орудия многих систем, которые находились на вооружении сухопутных фронтов обороны, не могли вести успешную борьбу с полевой и осадной артиллерией противника, а были пригодны лишь как противостурмовые средства. Лучше в артиллерийском отношении был оснащен Приморский фронт, имевший много орудий новейших конструкций. И все же крупным упущением в конструкциях орудий Приморского фронта было то, что они не предусматривали возможности кругового обстрела и, за редким исключением, не могли оказывать поддержку артиллерии сухопутных фронтов.

Что касается действий японских войск, то, несмотря на многократное превосходство в силах, им не удалось овладеть крепостью в открытом бою. Иностранцы военные корреспонденты, находившиеся при штабе армии Ноги, говорили, что «история осады Порт-Артура — это от начала до конца трагедия японского оружия». Японские офицеры гнали солдат в многочисленные атаки и штурмы, не считаясь с потерями. Сам командующий осадной армией признавался впоследствии: «Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю, — это стыд и страдание, что мне пришлось

потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие»⁴⁹.

Падение Порт-Артура оказало решающее влияние на дальнейший ход и исход войны. Главный и коренной вопрос войны — господство на море — был решен, по существу, окончательно в пользу Японии⁵⁰. Россия потеряла флот и военно-морскую базу на Тихом океане. Японские войска, освободившиеся после захвата Порт-Артура, были использованы противником против русской армии в Маньчжурии. Японцы получили возможность беспрепятственно перевозить свои войска на материк, а их флот — необходимое время для перевооружения своих кораблей.

Решающим фактором длительной обороны Порт-Артура являлась стойкость и храбрость русских солдат, матросов и офицеров, которые, не в пример своим бездарным руководителям, не хотели мириться с позорным поражением русских войск в этой войне.

Важную роль в длительной и успешной обороне крепости играло русское прогрессивное военное и военно-морское искусство, главными выразителями которого в эту войну были генерал Кондратенко и адмирал Макаров и шедшие за ними офицеры, матросы и солдаты. Предложенная Макаровым организация обороны крепости с моря, основанная на принципе тесного взаимодействия корабельных сил и позиционных средств флота, явилась весьма эффективной формой обороны базы с моря. Разработанная же генералом Кондратенко организация сухопутной обороны крепости в виде взаимно связанных между собой оборонительных секторов и специально созданного резерва вполне отвечала требованиям ведения успешной активной позиционной обороны базы с суши. А вместе взятые, они обеспечивали круговую оборону главной базы флота.

Оборона Порт-Артура подтвердила важное значение приморских крепостей как базы флота. Опыт этой обороны показал, что база, осажденная с суши и блокируемая противником с моря, при наличии в ней крепостных войск может вести длительную оборону собственными силами, но без по-

мощи и взаимодействия с полевой армией в конечном итоге обречена на падение.

В обороне Порт-Артура получили дальнейшее развитие методы содействия флота сухопутным войскам при обороне морских крепостей. Русский флот применял два метода: систематическое артиллерийское содействие флангу войск и постановку активных минных заграждений на путях движения блокирующего флота противника.

Удар с суши в сочетании с тесной блокадой с моря оказался наиболее эффективной формой борьбы против базы флота, что подтвердило необходимость создания достаточно сильной обороны базы флота как с моря, так и с суши.

Появление крупнокалиберной дальнобойной артиллерии по-новому поставило вопрос об организации сухопутной обороны базы. Это потребовало создания мощных укреплений; вынесения переднего рубежа сухопутной обороны базы на расстояние, исключающее возможность обстрела порта дальнобойной артиллерией противника; установки батарей в башнях; увеличения глубины сухопутной обороны путем создания нескольких оборонительных рубежей, включающих в себя артиллерийские позиции и пулеметные точки; создания надежных укрытий для войск против артиллерийского обстрела.

Опыт обороны Порт-Артура с моря также поставил ряд новых вопросов, из которых важнейшими являлись:

- необходимость надежной обороны и охраны внешнего рейда базы, при которой исключалась бы возможность внезапной атаки неприятельского флота;
- выделение из состава флота специальных сил и средств, предназначенных для обороны базы;
- организация обороны базы с моря путем использования маневренных сил и позиционных средств флота (береговые батареи и минные заграждения) в виде создания минно-артиллерийских позиций;
- необходимость установки береговых батарей с круговым обстрелом, которые можно было бы использовать для борьбы как с морским противником, так и с сухопутным;

- необходимость заблаговременного создания прочной круговой обороны базы.

Новым в блокаде базы с моря явилось широкое использование мин. Минное оружие, с одной стороны, увеличило возможности блокирующего флота, с другой — облегчило борьбу с ним и поставило вопрос об организации противоминной обороны на театре.

При обороне базы флота выявилась необходимость подчинения всех находящихся в ней сил, и сухопутных, и морских, одному начальнику, организующему их взаимодействие, чего при обороне Порт-Артура не было.

ГЛАВА 3

Забывтые сражения в Маньчжурии

«Важность сбережения сил... для решительного боя»: Ляоянская операция

В начале июля японские войска действовали тремя группами. 1-я армия Куроки (40 тыс. человек и 120 орудий) была развернута на широком фронте Фанцзяпуцзы — Таканцзы. Дагушаньская группа под командованием генерала Кавамуры в составе 16 тыс. человек и 36 орудий находилась на пути к населенному пункту Симучен. 2-я армия Оку (50 тыс. человек и 258 орудий) расположилась в районе Гайчжоу. Там же со своим штабом разместился главком И. Ойяма.

К тому времени Маньчжурская армия, усиленная 10-м армейским корпусом, располагала 155 батальонами с 483 орудиями против 106 неприятельских батальонов с 414 орудиями. Таким образом, русские войска в Маньчжурии имели уже превосходство в силах и средствах, однако главнокомандующий Маньчжурской армией по-прежнему придерживался пассивно-выжидательного плана. Он преувеличивал силы противника почти в два раза и на этом основании считал неизбежным дальнейший отход своих войск.

В начале июля командующий разделил Маньчжурскую армию на две группы: Южную и Восточную. Главные силы Юж-

ной группы состояли из 1-го и 4-го Восточно-Сибирских корпусов общей численностью 42 тыс. человек (43 батальона) и 106 орудий. Командовал ими командир 4-го корпуса генерал Н.П. Зарубаев¹. Они располагались на правом фланге, на позиции южнее Дашичао, на пути наступления 2-й японской армии. Правый фланг группы прикрывался тремя батальонами, развернутыми в районе Инкоу, и Ляохейским отрядом, а левый — конным отрядом генерала П.И. Мищенко, действовавшим в направлении Чипанлинского перевала.

Восточная группа противостояла 1-й японской армии. За рекой Ланхэ располагался Восточный отряд в составе 26 тыс. человек (32 батальона) со 100 орудиями под командованием генерала Ф.Э. Келлера. За левым флангом Восточного отряда в направлении Саймацзы — Ляоян действовал отряд генерала Ф.К. Гершельмана (54 тыс. человек). Пути на Мукден охранял отряд генерала П.К. Ренненкампа (2 тыс. человек), и далее, северо-восточнее Цзянчан, находился отряд подполковника А.С. Мадритова (1,5 тыс. человек). Все эти отряды, составлявшие Восточную группу и занимавшие позиции на главных горных дорогах к городу Ляоян, первое время не имели общего командования и подчинялись каждый непосредственно штабу армии.

В районе Ляояна сосредоточивался 10-й армейский корпус. Сюда же начали прибывать передовые части 17-го армейского корпуса.

На всех операционных направлениях войскам ставились оборонительные задачи. Переоценив силы японцев и опасаясь обхода левого фланга Южной группы, А.Н. Куропаткин решил в случае перехода армии Оку в наступление очистить Инкоу и Ташицзяо и отвести Южную группу к Хайчену, чтобы выиграть время для сосредоточения прибывавшего в Ляоян 17-го корпуса.

С этим планом не был согласен главком Е.И. Алексеев. Он потребовал решительных действий Южной группы в общем направлении на Порт-Артур. Однако этому наступлению, по его мнению, должно было предшествовать наступление Вос-

точного отряда с целью отбросить 1-ю японскую армию и тем самым устранить угрозу ее выхода на глубокие тылы Маньчжурской армии.

Для осуществления плана Алексеева началась переброска войск из Южной группы в Восточную. Из резервов, сосредоточенных у Ташицзяо, было взято 12 батальонов и 96 орудий как раз в то время, когда армия Оку предприняла наступление на Ташицзяо.

Оку начал наступление 10(23) июля 4 дивизионными колоннами на 25-километровом фронте. Наступление велось фронтально: болотистая местность затрудняла охват русских позиций с флангов. Японское командование было уверено в успехе, т.к. оценивало русские силы в Ташицзяо всего в две дивизии.

Учитывая силу оборонительных позиций русских у Ташицзяо, Оку решил поддержать наступление пехоты мощным артиллерийским огнем. Артиллерийская дуэль закончилась победой русских артиллеристов, которые, учтя опыт боев у Тюренчена и Вафангоу, отказались от открытых позиций. 15 часов длилась напряженная артиллерийская дуэль. Действуя на этот раз с закрытых, невидимых противнику огневых позиций, непрерывным метким огнем русские нанесли огромный урон вражеской артиллерии.

В бою под Ташицзяо русские артиллеристы, впервые применив стрельбу с закрытых позиций, положили начало новым методам артиллерийской стрельбы. В результате умелого использования артиллерии выявились высокие тактико-технические и боевые качества 76-миллиметровой скорострельной пушки образца 1902 г.

Не добившись уничтожения русских позиций артиллерийским огнем, японское командование к вечеру 10(23) июля бросило в атаку главные силы 2-й армии. Первый штурм японцы начали против позиции Барнаульского полка. Подпустив врага на 500–600 м, сибиряки открыли залповый огонь в упор, а охотничьи команды вышли на фланги и обстреляли неприятеля с тыла. Вторая атака на Барнаульский полк была

отражена решительной штыковой контратакой русских солдат. Безуспешными оказались и третья атака, и четвертая.

На следующий день японцы снова пытались фронтальной атакой прорвать центр русских позиций, но успеха не имели. Они начали отходить из-под Ташицзяо за гребень ближайших гор. Потери сторон были почти равные: у русских 1050, у японцев 1189 человек.

Для русских этот бой, несмотря на несомненный успех артиллеристов 1-го Сибирского и стойкость пехотинцев 4-го Сибирского корпусов, обернулся новым поражением. Командир Южной группы генерал Зарубаев в ночь на 12(25) июля отдал приказ покинуть позиции под Ташицзяо и отойти на север к Хайчену, хотя в резерве группы в это время оставалось шесть батальонов, а 1-й Сибирский корпус представлял собой вполне свежую часть.

Генерал Зарубаев из-за плохой организации разведки не был осведомлен о силах противника. Полагая, что против него помимо армии Оку действует еще Дагушанская группа, он решил, руководствуясь директивой Куропаткина, отойти без боя к Хайчену. В результате отхода русских войск к Хайчену в руки японцев перешел порт Инкоу, через который морем, хотя и с перебоями, осуществлялась связь с Порт-Артуром. Переход Инкоу к японцам позволил улучшить снабжение их армий. Отход русских еще выше поднял дух японских войск.

К 17(30) июля 1-й и 4-й Сибирские корпуса сосредоточились по обе стороны железной дороги близ Хайчена. К левому флангу 4-го корпуса примыкал 2-й корпус, занимая позицию у Симучена. В то время 2-я армия Оку располагалась в районе Ташицзяо. К Симучену продвинулась 4-я армия М. Нодзу, в состав которой вошли Дагушаньская группа и 5-я дивизия из 2-й армии. В 4-й армии имелось 26 тыс. человек, в армии Оку — 42 тыс., а объединенные силы Южной группы Зарубаева насчитывали 48 тыс. человек и 200 орудий.

15(28) июля командующий 4-й армией получил от главнокомандующего приказ овладеть Симученом. Имея достаточно точные сведения о силах и группировке русских войск под

Симученом, генерал Нодзу решил нанести основной удар в стык между 4-м и 2-м корпусами.

2-й и 4-й Сибирские корпуса разделялись промежутком в 18 км. Для его прикрытия на сильно пересеченной местности заняли оборону 3 отдельных отряда в составе 9 батальонов, 16 эскадронов и 4 орудий. Наступление 4-й японской армии началось 17(30) и продолжалось 18(31) июля. Разрозненные действия отдельных русских отрядов, прикрывавших промежуток, не смогли остановить наступавшие войска противника, что повлекло отступление войск 2-го корпуса. Последние с наступлением темноты отошли к Хайчену. Слабость русских сил на этом участке позволила Нодзу одержать победу без особой затраты сил и средств. Под Симученом русские потеряли 1671, а японцы — 857 человек.

В этом бою снова оказалось укоренившееся среди царских генералов стремление к пассивной обороне. Куропаткин ориентировал корпусных командиров, что японцев надлежит задерживать только арьергардами, а бой должен носить демонстративный характер. Русским войскам предписывалось в полном порядке отступить к Ляояну, где предполагалось дать решительное сражение.

На рассвете 18(31) июля Куроки, введя в бой всю пехоту и всю артиллерию, начал наступление на позиции Восточной группы. На правом фланге Восточного отряда японская гвардия столкнулась с упорным сопротивлением русских войск. Создавалась благоприятная обстановка для нанесения контр-удара по наступающим войскам противника. Однако командование Восточной группы отказалось ввести в бой резервные части. В результате бой был проигран. Русские войска отступили в ночь на 19 июля (1 августа) на Ляньдясаньскую позицию.

Бои на дальних подступах к Ляояну закончились для русских отступлением их Восточной группы к Ляньдясаню, а Южной — к Айсянцзяню. Отступление было предопределено стремлением командования Маньчжурской армии избежать активных действий, чтобы с наименьшими потерями

отойти к Ляояну, где намечалось дать японцам решительное сражение. По этому поводу генерал Бильдерлинг писал Куропаткину: «Убедительно прошу, если только по общему ходу дел на театре войны представляется возможность, разрешить мне снять, утомленные войска с позиций и без боя, в виде обыкновенного марш-маневра, отвести их на указанные нам позиции под Ляояном. Поведу войска с музыкой, с песнями, весело, не торопясь и надеюсь привести их бодрыми, сильными духом для решительного боя»².

Пассивная оборона выработала у русских военачальников боязнь за фланги и тыл. Однако осторожность японцев и медленное развитие операций давали русским войскам достаточно времени для устройства позиционных укреплений, которые не всегда ими использовались. Тем не менее есть все основания утверждать, что уже в ходе первых боев на суше возникают признаки перехода к позиционной обороне, которые в дальнейшем приобретают все более широкий размах.

Японская армия с первых дней войны проявляла больше гибкости и быстрее, чем русская, приспосабливалась к требованиям боя. Плотные боевые порядки заменялись редкими цепями, передвигавшимися скрытно и перебежками. Горький опыт первых боев заставил перестроиться и русскую армию. Войска все чаще стали прибегать к более расчлененным боевым порядкам, заботиться о возведении фортификационных сооружений.

Преобразовывались, хотя и медленно, русская конница и артиллерия. Первая лучше приспосабливалась к действиям в пешем строю, вторая перешла к стрельбе с закрытых позиций.

В ходе первых боев на суше японцы расширили охватывающую базу, обеспечив свой тыл посредством блокады русского флота, осады Порт-Артура и захвата Инкоу. Обстановка для японской армии становилась все более благоприятной: 1-я армия выходила из неудобного для маневрирования горного района и сближалась с остальными японскими войсками, создавая угрозу захвата Маньчжурской армии. Намерение русского командования с самого начала войны дать ге-

неральное сражение под Ляояном лишь облегчало японскому командованию выполнение разработанного им плана окружения и разгрома Маньчжурской армии.

Отступление русской армии к Ляояну не под давлением превосходящих сил неприятеля, а в силу предвзятого решения командования дать генеральное сражение под Ляояном надломило у русских войск веру в победу. Они подошли к Ляояну измотанные морально и физически. По словам участника боев А.А. Игнатьева, «...с глухим сознанием какой-то несправедливости отступали по приказанию начальства даже там, где противник был успешно отбит стройными залпами и могучим штыком наших сибиряков»³.

Японцы, одержав победу над войсками более сильного государства, прониклись уверенностью в дальнейшем успехе. Русское командование, решив дать генеральное сражение под Ляояном, заблаговременно подготовило в этом районе три оборонительные позиции.

В 4–6 км от передовой позиции находилась главная 15-километровая позиция. Она состояла из 3 линий, эшелонированных на глубину до 4 км.

Наиболее прочно была укреплена первая линия. Она имела 8 фортов, расположенных полукругом, примерно в 2–3 км один от другого. Между фортами находились участки окопов длиной до 200 м каждый.

Форты всех без исключения ляоянских позиций представляли собой сомкнутые земляные укрепления, подготовленные для круговой обороны. Укрепления состояли из 4–5 фазов с бруствером высотой более 1 м, усиленных мешками с землей, с заграждениями на подступах («волчьи ямы», рвы, фугасы, проволочные сети и другие препятствия). Гарнизон каждого форта насчитывал обычно до 2 рот, вооруженных винтовками, пулеметами и пушками.

Окопы представляли собой широкие рвы с бруствером и ступенькой для стрельбы.

Рубеж располагался в 2–3 км к западу и югу от Ляояна. Он был более других подготовлен к обороне, но не имел глубины.

Общая глубина трех позиций составляла 21–26 км. Недостаток всех оборонительных рубежей заключался в том, что оба фланга обороны не были обеспечены надежной защитой и противник мог свободно обходить их. Район железнодорожного узла и город Ляоян с располагавшимся в нем резервом русской армии находились под обстрелом японской артиллерии.

К 10(23) августа русская Маньчжурская армия сосредоточилась на арьергардной позиции. Армия состояла из Восточной и Южной групп войск, армейского резерва и отрядов по охране флангов.

Численное превосходство было на стороне русских (см. *табл. 1*), однако много сил и средств было сосредоточено в резерве, а не в боевой части. Например, в 10-м корпусе из 32 батальонов, 110 орудий и 12 эскадронов и сотен в боевой части насчитывалось 19 батальонов, 28 орудий, 10 сотен и эскадронов, тогда как в резерве — 13 батальонов 31-й пехотной дивизии и 82 орудия.

Подобное распределение сил и средств между боевой частью и резервом было вызвано тем, что войскам не ставились решительные наступательные задачи. А.Н. Куропаткин писал А.А. Бильдерлингу: «...Наши действия в 10-м корпусе и Восточном отряде должны ограничиться только арьергардными боями, и характер наши действия по отношению к противнику будут носить только демонстративный»⁶. Имелись даже специальные наставления корпусам, в которых указывалось, что войска должны быть готовы к отступлению. При этом указывались маршруты для отхода.

План русского командования заключался в том, чтобы, обороняясь сначала на арьергардной позиции, затем на передовой и, наконец, на главной, выиграть время для подхода подкреплений из глубины страны. Словом, русский план преследовал исключительно оборонительные цели, отдавая тем самым инициативу противнику.

Японский план носил наступательный характер. Он предусматривал обход русской армии с обоих флангов и окруже-

Таблица 1. Состав и численность русской и японской армий в Манжурии на 10(23) августа 1904 г.

Группа	Батальоны	Эскадроны и сотни	Штыки и сабли	Орудия					
				пешей артиллерии	конные	горные	мортиры (гаубицы)	осадные	всего
Русская армия									
Южная	59	50	45 800	152	–	–	–	–	152
Восточная	64	32,5	48 300	174	–	8	–	–	182
Охрана флангов	16,5	44	8 300	52	–	8	–	–	60
Резервы	62	26,5	46 500	204	–	11	36	28	279
Всего	201,5	153	148 900	582	–	27	36	28	673
Японская армия									
Восточная	44	10	47 000	84	–	36	–	–	120
Западная	71	23	61 900	236	6	72	40	10	364
Всего	115	33	108 900	320	6	108	40	10	484
Соотношение	1,75:1	4,6:1	1,37:1	1,82:1	1:6	1:4	1:1,1	2,8:1	1,4:1

ние ее. Для обхода левого фланга русской армии предназначалась 1-я армия, для обхода правого фланга — 2-я; 4-я армия должна была наступать в центре, взаимодействуя с 1-й и 2-й армиями. Резервов японцы не создавали.

В целом японское командование ставило задачу окружить и уничтожить русскую армию, несмотря на ее численное превосходство. План был нереален. Но японцы не могли поступить иначе. Осенью к русским должны были подойти значительные подкрепления, что еще более изменило бы невыгодное для японцев соотношение сил.

Накопление японских сил на Маньчжурском театре военных действий протекало медленно. Убедившись, что

Порт-Артур удержится, главнокомандующий маршал Ойяма 10(23) августа отдал приказ о наступлении 1-й, 2-й и 4-й армий в общем направлении на Ляоян.

Главные силы армии Куроки были брошены против 10-го корпуса генерала К.К. Случевского, занимавшего анпилинский участок. На направлении главного удара японцы сумели создать превосходство в пехоте и артиллерии в 2 раза, на вспомогательном — соответственно в 1,5 и 1,1 раза.

Нажим японцев на левом фланге 10-го корпуса и начавшийся под давлением 2-й дивизии отход правого крыла корпуса заставили русские войска к 16 часам очистить анпилинский участок и отойти в долину реки Танхэ, что повлияло на принятие генералом Куропаткиным решения об отводе войск на передовую позицию.

Несмотря на устойчивое положение обеих групп и наличие нетронутых резервов, Куропаткин, постоянно боявшийся окружения, приказал отвести Восточную группу на передовую позицию, мотивируя это решение угрозой со стороны небольшого японского отряда, обошедшего левый фланг 10-го корпуса.

На фронте Южной группы, прикрывавшей кратчайшие пути к Ляояну, японские войска вплотную подошли к русским позициям, пытаясь обойти фланги. И здесь, не используя всех возможностей обороны на первом рубеже, русские войска по приказу Куропаткина без боя оставили айсянцзяньский участок.

Войска Восточной и Южной групп отходили к Ляояну по размытым двухдневными дождями дорогам и к вечеру 15(28) августа достигли передовой позиции. Район боевых действий переместился из горной местности в равнинную, что давало японцам возможность начать крупные наступательные операции. К тому же отход русских войск к Ляояну сокращал промежутки между японскими армиями и позволял им сомкнуть фланги.

Передовая позиция, на которую к 15(28) августа была отведена Маньчжурская армия, находилась в 7–9 км от города.

По характеру местности она делилась на три участка, получивших название маेतуньской, цофантуньской и кавлицуньской позиций. Предложения по строительству инженерных сооружений на передовой позиции были высказаны в марте 1904 г., однако лишь 27 июля (9 августа) начались работы по созданию укреплений, окопов, препятствий, вырубке зарослей гаоляна. Поэтому войскам, отходившим на эти позиции, пришлось немедленно приступить к инженерным работам, иногда даже и под огнем неприятеля.

По плану командующего Маньчжурской армией в боевой части находились 1-й и 3-й Сибирские и 10-й армейский корпуса, имевшие в своем составе 90 батальонов пехоты, 19 сотен конницы и 266 орудий. В общем резерве армии для наблюдения за флангами использовались 2-й и 4-й Сибирские, 17-й армейский и прибывавшие части 10-го армейского корпуса.

Командиры корпусов, в свою очередь, выделяли в резерв значительную часть сил и средств. В 1-м Сибирском корпусе из 24 батальонов и 62 орудий в резерве находилось 16 батальонов (66%) и 14 орудий (23%); в 3-м Сибирском корпусе из 28 батальонов и 52 орудий соответственно 13 (46%) и 4 (8%); в 10-м армейском корпусе из 32 батальонов и 124 орудий — 15 батальонов (46%) и 24 орудия (19%). Выделение таких крупных сил в резерв значительно ослабляло боевую часть, т.е. они, как показал опыт, в боях обычно не использовались.

Накануне второго этапа Ляоянской операции численность боевых частей Маньчжурской армии достигала 180 тыс. человек при 644 орудиях против 130 тыс. человек при 484 орудиях японцев⁵. Соотношение сил было в пользу русских по пехоте 1,4:1, по артиллерии 1,3:1. Правда, русское командование располагало преувеличенными данными о противнике. Так, по сведениям разведывательного отдела армии на 16(29) августа, японцы могли противопоставить войскам неприятеля 153 тыс. человек, 568 орудий и 2900 сабель⁶.

Имея превосходство в силах и средствах, Куропаткин предполагал дать решительный бой японской армии на пе-

редовых позициях, а затем перейти в наступление правым флангом.

Японский план заключался в том, чтобы ударами с обоих флангов окружить Маньчжурскую армию или по крайней мере заставить ее отойти на главную позицию. С целью обхода правого фланга русских главный удар планировалось нанести по 1-му Сибирскому корпусу в общем направлении станция Шахэ, Ляоян и вспомогательный — по цофантуньской и кавлицуньской позициям, т.е. по 3-му Сибирскому и 10-му армейскому корпусам в общем направлении Мындяфан — Сычаню — Ляоян.

На направлении главного удара предстояло действовать 2-й армии и 5-й дивизии 4-й армии в общем составе 53 батальонов, 14 эскадронов и 884 орудий. Вспомогательный удар наносили 1-я армия, а также 10-я дивизия с 10-й резервной бригадой и 15 артполком 4-й армии в общем составе 38 батальонов, 9 эскадронов и 128 орудий. Они должны были обойти левый фланг русских и создать угрозу их коммуникациям.

Расчет японского командования строился на предположении, что русские не окажут упорного сопротивления в силу пассивности и нерешительности русского командования и отойдут на главную позицию. Поэтому было решено предпринять двухсторонний охват русских позиций всеми силами, не выделяя резерва.

Японцы для атаки развернули 91 батальон, 29 эскадронов и 402 орудия без учета сил 1-й армии. Японское командование на главном направлении имело четырехкратное превосходство в артиллерии. На вспомогательных направлениях соотношение в батареях было 1:1, а в орудиях 1,3:1 в пользу русских войск.

На рассвете 17(30) августа японцы перешли в наступление на передовые позиции русских. Удар по правому крылу 3-го Сибирского корпуса в направлении Уйдягоу — Цофантунь был настолько стремительным и сильным, что 2-й батальон 23-го полка, находившийся в боевом охранении, в течение 20 минут потерял 380 человек из 500⁷. В результате этой атаки японцы

захватили высоты, расположенные южнее и юго-западнее Цофантуня. Внезапности японской атаки способствовали густые заросли гаоляна перед позициями русских войск.

Кроме энергичной атаки правого крыла 3-го Сибирского корпуса японская бригада (3-й гвардейский и 29-й резервный полки) в 11 часов предприняли атаку в стык между 3-м Сибирским и 10-м армейским корпусами. Однако сибирские полки залповым огнем отражали японцев, пытавшихся сблизиться для атаки. Артиллеристы выбирали наиболее важные цели, последовательно сосредоточивали на них огонь и быстро подавляли эти цели.

Глубокий маневр огнем скорострельных орудий был важным новшеством в исполнении артиллерии. Особенно успешно действовал дивизион полковника В.А. Слюсаренко. Расположив свои 32 орудия на закрытых позициях, Слюсаренко умело организовал огонь, что позволило ему подавить неприятельскую артиллерию перед левым флангом 3-го Сибирского корпуса.

В ходе боев 17–18(30–31) августа русские войска отразили все атаки японцев и отстояли свои позиции на всем фронте. В результате этих боев создалась благоприятная обстановка для нанесения поражения японским войскам. Крупные резервы русских, сосредоточенные за правым флангом, могли нанести мощный контрудар по слабому левому флангу японских войск и опрокинуть малочисленные части 1-й японской армии, переправившиеся на правый берег реки Тайцзыхэ.

Однако еще до получения штабом известия о переправе японцев через Тайцзыхэ Куропаткин издал директиву № 3, в которой говорилось, что, «...если выяснится переправа значительных сил противника на правый берег Тайцзыхэ для обхода нашего левого фланга, я решил для сокращения фронта обороны на левом берегу Тайцзыхэ отвести войска на вторую укрепленную позицию... и, собрав резерв, атаковать неприятеля на правом берегу Тайцзыхэ»⁸.

Куропаткин остался верен себе. Отказавшись от решительного сражения, он во второй половине дня 18(31) августа при-

казал командующим корпусами выполнить директиву № 3. Так, под предлогом сокращения линии фронта на главном направлении и сосредоточения более крупных сил на правом берегу Тайцзыхэ, которые отразили бы обход, предпринятый частями 1-й японской армии, началось очередное отступление русских войск. Русская Маньчжурская армия, прочно оборонявшаяся на всем фронте, из-за неумелого командования должна была оставить свои позиции лишь потому, что ее флангу угрожали незначительные силы японцев.

С наступлением сумерек русские войска, прикрываясь арьергардами, отошли с передовой позиции, которую они успешно защищали в двухдневном бою. Русские потеряли в боях за передовые позиции 6540 человек, японцы — 11900.

19–21 августа (1–3 сентября) разыгрались решающие бои на главной позиции. В ночь на 19 августа (1 сентября) японцы атаковали позиции неприятеля на правом фланге и в центре. В ночь на 21 августа (3 сентября) А.Н. Куропаткину от командующих частями стали поступать донесения, описывавшие обстановку на поле боя в крайне пессимистических тонах. В действительности положение не было таким, как оно рисовалось царским генералам. Даже в пассивной обороне русские войска нанесли тяжелые потери всем японским армиям. Японское командование ввело в бой все наличные силы. В то же время резервы Маньчжурской армии израсходованы не были и каждую минуту могли быть использованы для нанесения контрударов по флангу наступавших японских войск.

Японское командование, учитывая создавшееся положение, с утра 21 августа (3 сентября) решило отвести свою 1-ю армию за реку Тайцзыхэ. Однако приказ Куропаткина о дальнейшем отходе русских войск на 2 часа опередил намеченное отступление японских войск.

24 августа русская армия, отойдя на 50–60 км, заняла новые позиции под Мукденом.

С уходом русских из Ляояна в руки японцев перешла весьма важная база русских войск в Маньчжурии с большими запасами вооружения, снаряжения и продовольствия.

В ходе боев под Ляояном русские потеряли 541 офицера и 16 493 рядовых, японцы — 600 офицеров и 23 243 рядовых. Русский генералитет в Ляоянской операции не смог использовать превосходство сил и средств и стойкость своих солдат. Военный корреспондент, находившийся среди русских солдат в сражении под Ляодуном, описал отступление следующим образом: «Стыд и злоба душили их, но они повиновались, отходили с мест, купленных ценою стольких жертв и напряжением всех сил души и тела...»⁹

Как отмечал в своем докладе В.Е. Флуг, генерал-квартирмейстер штаба Е.И. Алексеева, «...неудачи Маньчжурской армии, приведшие к отступлению ее от Гайчжоу до Мукдена... коренились исключительно в том действии, которое производили на воображение начальства армии смелые маневры неприятеля, вызывавшие с нашей стороны только пассивное уклонение от ударов вместо того, чтобы отвечать на маневр контрманевром, на удар — ударом. К сожалению, такое настроение высшего командования Маньчжурской армии отразилось на некоторых старших войсковых начальниках, что, в свою очередь, еще более ослабляло решимость высшего командования доводить дело до боевой разведки. Это особенно рельефно выразилось в действиях на правом берегу реки Тайцзыхэ».

«Проникнитесь все сознанием важности победы для России»: сражение на реке Шахэ

Для помощи осажденному Порт-Артуру, спасения чести империи и поднятия падавшего престижа самодержавия правительство требовало от А.Н. Куропаткина, подготавливавшего благоприятные условия для дальнейшего отступления к северу, наступательных действий.

Генерал Куропаткин, уступая этим требованиям, решил перейти в наступление и овладеть правым берегом реки Тайцзыхэ. К тому времени русская армия в Маньчжурии имела в своих рядах 194 427 человек пехоты, 18 868 человек кавалерии,

758 орудий и 32 пулемета. Маньчжурская армия была разделена на две группы, получившие названия Восточного (левое крыло армии) и Западного (правое крыло армии) отрядов. Японское командование определяло силы русской армии в 200 тыс. штыков, 26 тыс. сабель и 950 орудий. По сообщению русской разведки, японские силы насчитывали 144 тыс. человек пехоты, 6360 человек кавалерии и 648 орудий¹⁰. Однако на самом деле японцы имели в своих рядах 170 тыс. человек (8 пехотных дивизий, 9 резервных и 2 кавалерийские бригады) помимо пополнений, которые вливались в войска в ходе операции.

Подготовка русской армии к наступлению велась вяло и путано. На основе поспешно проведенной рекогносцировки были составлены карты маршрутов, отличавшиеся неточностью, а горный район предстоявшего наступления не был обследован, что ставило русские войска в трудные условия. План наступления, разработанный офицерами штаба Маньчжурской армии с привлечением командующих Восточным и Западным отрядами, не имел ясно выраженной цели, в связи с чем Куропаткин предписывал командирам частей и соединений действовать с большой осторожностью.

Планом предусматривалось охватить правый фланг японских войск, нанести им решительный удар и вытеснить за реку Тайцзыхэ. Таким образом, железная дорога Дальний — Ляоян и водные коммуникации, питавшие японские войска, оставались вне зоны главного удара. Тыл японской армии не нарушался.

Главный удар русским войскам приходилось наносить в условиях гористой местности, что осложняло действия наступающей стороны. Это направление Куропаткин выбрал на том основании, что именно на востоке были сосредоточены «...наиболее закаленные и опытные в боевом отношении войска. С ними можно отважиться на многое, что не под силу войскам, незнакомым с местной обстановкой и с нашим противником...»¹¹.

Однако созданная группировка русских сил не отвечала требованиям наступательной идеи. Восточный отряд генерал-

лейтенанта Г.К. Штакельберга состоял из 1-го, 2-го и 3-го Сибирских корпусов и отряда П.К. Ренненкампа (всего 86 батальонов, 50 сотен, 198 орудий и 32 пулемета). Он предназначался для нанесения противнику главного удара с фронта и правого фланга и наступал в районе Патядза — Хышинпу — Тайдямяуза. Первоначальной задачей отряда являлось овладение позициями противника у деревни Баньяпуза с дальнейшим продвижением к Бэньсиху.

Западный отряд генерал-лейтенанта А.А. Бильдерлинга, состоявший из 10-го и 17-го армейских корпусов и отряда генерала Л.М. Дембовского (всего 77 батальонов, 56 эскадронов и сотен, 222 орудия), выдвигался на линию реки Шахэ с целью осуществлять наступление вдоль железной дороги Ляоян — Мукден. По предписанию А.Н. Куропаткина в первые дни войска этого отряда должны были действовать лишь демонстративно.

Общий резерв русских войск состоял из 4-го Сибирского, 1-го армейского корпусов и отряда генерала П.И. Мищенко (всего 56 батальонов, 20 сотен и 228 орудий). Он располагался уступом в 12-километровой промежутке между Восточным и Западным отрядами. Фланги отрядов охраняла конница А.С. Мадритова у Хуайженсяна и В.А. Коссаговского у Куалитуня. Кроме того, на правом фланге Западного отряда находился 6-й Сибирский корпус, насчитывавший 24 батальона, 6 сотен и 96 орудий; 2 полка корпуса были оставлены для охраны укреплений Мукдена и Телина.

По решению Куропаткина наступление должны были поддерживать только 350 орудий, более 400 орудий оставались в резерве и обрекались на бездействие.

Таким образом, силы и средства русских войск были распределены не лучшим образом. Для нанесения главного удара выделялась всего четвертая часть имеющихся войск, примерно такое же количество сосредоточивалось на вспомогательном направлении. Половина всех войск находилась в резерве на охране тыла и флангов наступавшей группировки.

Японские силы к началу операции распределялись следующим образом. В центре между железной дорогой Ляоян —

Мукден и Яньтайскими копиями развернулась 4-я армия М. Нодзу (2 дивизии и 3 резервные бригады). На правом фланге, восточнее копей, находилась 1-я армия Куроки (3 дивизии и резервный полк). Левый фланг занимала 2-я армия Я. Оку (3 дивизии). Общий резерв — около 3 дивизий и тяжелая артиллерия — находился в Ляояне. Перед левым флангом 2-й армии к реке Хуньхэ выдвинулась 1-я кавалерийская бригада Акиямы, перед правым флангом к Баньяпузе разместились 2-я кавалерийская бригада Канина. Гвардейская резервная бригада Умесавы (6 батальонов, 6 орудий) стояла у Баньяпузы.

Японское командование также постаралось обеспечить снабжение войск: железная дорога Дальний — Ляоян была перешита на узкую колею, благодаря чему улучшилась связь с незамерзающим портом.

Маршал И. Ойяма не ожидал наступления русских войск. С его началом главнокомандующий японскими войсками решил: изматывая русских огневыми боями с укрепленных позиций, перейти в контрнаступление.

22 сентября (5 октября) Маньчжурская армия пришла в движение на фронте Мукден — Фушун. Началось сражение у реки Шахэ.

23 сентября (6 октября) Западный отряд вышел на линию реки Шахэ и укрепился. В тот же день Восточный отряд начал охватывать правый фланг бригады Умесавы у Баньяпузы. На следующий день Восточный отряд производил разведку расположения противника у Баньяпузы, и его главные силы оставались в бездействии, хотя могли атаковать и рассеять бригаду Умесавы.

Против Восточного отряда японцы смогли выставить только 19 батальонов, 12 эскадронов и 48 орудий. Эти подразделения прибывали в район боевых действий в разное время. Русские войска могли без особых затруднений разгромить их. Однако генерал Г.К. Штакельберг, командовавший Восточным отрядом, действуя в соответствии с указаниями А.Н. Куропаткина, удерживал вверенные ему войска на месте.

Главнокомандующий японскими армиями маршал И. Ойяма еще 26 сентября (9 октября) выяснил, что русские войска появились перед всем фронтом японских армий. У него оставалась одна возможность — вырвать у русских инициативу. Для этого следовало перейти в наступление на левом фланге своих войск, оставив правый фланг без поддержки. Более того, не зная, что на правом фланге русских войск находятся 6-й Сибирский корпус и отряд Л.М. Дембовского, маршал Ойяма рассчитывал охватить его только войсками Оку. При этом маршал исходил из того, что русские ослабили свой правый фланг выделением больших сил на восток. Одновременно Ойяма собирался нанести мощный удар и в центре.

27 сентября (10 октября) по приказу Ойямы 4-я и 2-я японские армии выдвинулись вперед. 1-я армия осталась на месте: общий фронт японских армий зашел левым крылом несколько вперед. Дальнейшие события у Шахэ развивались при возрастающей активности японских войск.

На восточном направлении действия 3-го Сибирского корпуса и отряда Ренненкампаффа нисколько не изменили обстановки. Новая атака скалы Лаутхалаза, предпринятая 28 сентября (11 октября), из-за неудачной организации была отбита японскими войсками. Русские войска в этом направлении поддерживали всего 38 орудий из 198, имевшихся при Восточном отряде. Японские войска с трудом удерживали свои позиции, их части перемешались, потери в личном составе также были весьма ощутимы. Но русское командование отказалось от дальнейших активных действий на восточном направлении и перешло к обороне.

В дальнейшем боевые действия на реке Шахэ протекали с переменным успехом, а 3(16) октября произошел упорный бой за Новгородскую и Путиловскую сопки. Обе сопки расположены на возвышенной местности, спускающейся к реке Шахэ у Сихэяна крутым обрывом. Шахэ при ее незначительной ширине и глубине можно было легко перейти вброд. Сопки были захвачены сборным японским отрядом в составе пяти батальонов и 30 орудий под командованием генерала Ямады.

Атака сопки стоила русским около 3 тыс. человек убитыми и ранеными. Отряд Ямады был почти уничтожен. Русские взяли 14 (9 полевых и 5 горных) орудий и пулемет¹². Но частный успех русских войск в последнем бою за сопки не изменил общего итога Шахэйской операции. Противники остановились на занимаемых рубежах и приступили к укреплению своих позиций, находясь в состоянии позиционных действий до начала Мукденской операции.

Японское командование, не достигнув в операции на реке Шахэ решительных результатов и понеся значительные потери (по некоторым японским источникам, до 20 тыс. человек, из них убитыми 3951), отказалось от активных действий на ближайшее время.

Русская армия, потеряв 41 473 (из них убитыми 4870) человек, также не достигла решающего успеха. Однако даже слабо подготовленное и плохо продуманное наступление русской армии, руководимой весьма нерешительно, сковывало противника и выводило японское командование из равновесия, расстраивало его планы, вынуждая разбрасываться на широком фронте.

Несмотря на опыт предыдущих боев, построения боевого порядка русской пехоты во встречных боях на реке Шахэ продолжали оставаться слишком плотными; русские не могли успешно действовать против быстро рассыпавшихся в цепи японцев. Русские батальоны выстраивались в сомкнутые колонны поротно, в результате в стрельбе могла участвовать незначительная часть бойцов. Такое построение пехоты вследствие мощного по тому времени неприятельского огня обрекало ее на огромные потери и не позволяло добиться успеха.

Операция на реке Шахэ показала, какую важную роль в дальнем бою играет артиллерия, а в ближнем — пулеметы.

Применение крупных войсковых соединений при силе достаточно мощного по тому времени огня и нехватке подготовленных позиций привело к развертыванию войск на фронте большой протяженности (60 км). Увеличилась и продолжительность боевых действий: они велись в течение 14 суток.

В этом отношении Шахэйская операция может быть отмечена как этап в истории военного искусства, связанный с дальнейшим развитием основ оперативного искусства.

«Необходимость всяческой осторожности»: Мукденская операция

После Шахэйской операции обе армии до середины января 1905 г. не вели активных боевых действий.

В период «зимнего сиденья» на позициях у реки Шахэ моральный дух русской армии и ее командного состава продолжал падать. Солдаты в Маньчжурии терпели всевозможные лишения.

Интендантство проявляло мало заботы о своевременном снабжении армии продуктами питания и обмундированием. Например, сотни тысяч полушубков и валеных сапог, высланных из центральной части России в сентябре — октябре 1904 г., прибыли в Маньчжурию тогда, когда военные действия уже прекратились и был заключен мир. На поставку продуктов в Маньчжурскую армию сделки заключались по заведомо завышенным ценам. Разницу прикарманивали подрядчики и интендантское начальство. Бесследно исчезали целые поезда с интендантским грузом. Всего за время войны пропало 6 тыс. вагонов с грузами. Вагоны загонялись в тупики, на них ставились другие номера, а содержимое их разворовывалось. Такая же участь постигала средства, собранные разными общественными организациями.

Деморализованная следовавшими одно за другим поражениями, русская армия в Маньчжурии все более разлагалась. Корреспондент газеты «Русское слово» Ладыженский, находившийся в Мукдене, писал: «Нет энергии в войсках. Дух понизился у солдат и офицеров, окончательно утрачена вера в генералов. В армии прогрессивно растут уныние и безнадежность, в войсках апатия, в штабах и тылах разврат и кутежи... Прогнила насквозь чиновничья Россия... Революцион-

Русский солдат у пулемета «максим»

ные настроения проникают в народные массы... Ужасное, позорное и бесстыдное переживаем время»¹³.

Чтобы улучшить военно-политическое положение государства, правительство решило предпринять наступление в Маньчжурии. Разработка плана наступления и его осуществление были поручены генералу А.Н. Куропаткину, ставшему после отъезда в октябре 1904 г. в Петербург адмирала Е.И. Алексеева главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. Новый главнокомандующий упорядочил управление русскими войсками в Маньчжурии. Вместо отрядов войска были разделены на три армии: 1-й армией командовал генерал Н.П. Линевиц, 2-й армией — генерал О.К. Гриппенберг и 3-й армией — генерал А.В. Каульбарс. Никто из командующих армиями, кроме Линевица, не знал театра военных действий.

Подготовка перехода русских войск в наступление осуществлялась крайне медленно и свелась в основном к выяснению взглядов командующих армиями и критике их планов. По свидетельству А.А. Игнатьева, на совещаниях у главнокомандующего велись бесплодные споры, «...кому, как и когда переходить в наступление... Как и в Шахэйском сражении... высокие руководители приковали все внимание к одной укрепленной деревне — Сандепу».

До начала наступления было решено организовать набег конного отряда генерала Л.И. Мищенко на Инкоу. Отряду ставилась задача захватить порт Инкоу и, углубившись в тыл противника, вывести на длительное время из строя железную дорогу на участке Ляоян — Ташичао — Дальний, по которому перебрасывалась из-под Порт-Артура к Шахэ 3-я японская армия генерала М. Ноги. Успешным рейдом на Инкоу Куропаткин, как он сам выразился, хотел «порадовать батюшку-царя»¹⁴ и поднять настроение русской армии.

Отряд Мищенко был сформирован из состава всех трех армий и насчитывал около 75 эскадронов и сотен с 22 орудиями. 27 декабря (9 января) тремя колоннами в обход левого фланга японского расположения он двинулся в тыл против-

ника в направлении на Ньючжуан и Инкоу. 30 декабря 1904 г. (12 января 1905 г.) отряд Мищенко подошел к станции Инкоу. Для атаки, назначенной на вечер, было выделено 15 эскадронов и сотен. 42 эскадрона и сотни остались в резерве.

За 8 дней отряд прошел около 270 км. Во время рейда было рассеяно несколько японских тыловых команд, 19 человек захвачено в плен, уничтожено до 600 арб с запасами, сожжено несколько небольших продовольственных складов и прервано сообщение по телеграфным и телефонным линиям, два поезда пущено под откос. Однако железнодорожному полотну были причинены незначительные повреждения. Разрушенные участки железной дороги японцы восстановили за 6 часов. Таким образом, главная цель рейда (разрушить железную дорогу на участке Ляоян — Ташицзяо — Дальний и тем самым затруднить переброску 3-й японской армии) не была достигнута.

В сочетании с активными действиями Маньчжурской армии рейд русской конницы по тылам противника мог бы оказаться весьма эффективным, но русские войска по-прежнему бездействовали на шахэйских позициях.

В начале января после долгих и бесплодных споров Куропаткина с командующими армиями был принят план перехода Маньчжурской армии в наступление.

Замысел операции состоял в том, чтобы силами 2-й армии при содействии артиллерии 1-й и 3-й армий нанести главный удар на левом фланге противника в направлении на Сандепу, овладеть позициями между реками Хуньхэ и Шахэ, а затем поочередным вводом в сражение остальных армий отбросить противника за реку Тайцзыхэ.

Для действий на главном направлении в состав 2-й армии вошли 1-й Сибирский, 8-й и 10-й армейские корпуса, сводно-стрелковый корпус, отряд генерала В.А. Коссаговского, конный отряд генерала П.И. Мищенко и Сибирская казачья дивизия. Общая численность 2-й армии составила 96 218 штыков и 8882 сабли.

Артиллерия армии состояла из шести артиллерийских бригад, мортирного полка, пяти отдельных артиллерийских

дивизионов, шести батарей конной артиллерии и полевой батареи, а также из горной и осадной артиллерии, на вооружении которых в общей сложности насчитывалось 364 легких, 52 тяжелых и осадных орудия.

Лежавшая в основе плана идея нанесения разновременных ударов с целью вытеснения противника из определенных районов не позволяла добиться решительной победы.

К моменту перехода Маньчжурской армии в наступление в ней насчитывалось 336 батальонов, 152 эскадрона и 1080 орудий. Численность личного состава достигала 285 тыс. человек. Японцы к тому времени имели 13 пехотных дивизий и 13 резервных бригад — всего 200 тыс. человек. Куропаткин, собственно, и не намеревался наступлением на Сандепу добиться разгрома японской армии. Он готов был удовлетвориться самым незначительным успехом.

За день до наступления Куропаткин предупредил генерала Гриппенберга: «...Дабы операция не приняла с самого начала нежелательного и чрезвычайного развития до выяснения численности и нумерации частей противника, без крайней необходимости не переходить линии Хэгоутай, так как признаю излишним удаляться больше чем на 3–4 км». Это указание главнокомандующего 2-й армией.

Наступлению предшествовал артиллерийский обстрел опорных пунктов противника перед фронтом всех корпусов 2-й армии. Артиллерийская подготовка началась с большим опозданием. К тому же массированного удара по вражеской обороне не получилось. Из-за плохой организации управления артиллерийским огнем в дивизиях и корпусах артиллерийская подготовка оказалась малоэффективной, что отрицательно сказалось на ходе сражения. Огневые точки неприятеля на главном пункте атаки — Сандепу — не были повреждены, т.к. обстрел велся в основном легкими скорострельными пушками. Из 1761 выстрела, произведенного по району Сандепу, 1448 приходилось на легкие орудия. К стрельбе было привлечено только 60% орудий, имевшихся во 2-й армии, остальные находились в резерве и на охране тыла.

Первым перешел в наступление 1-й Сибирский корпус генерала Г.К. Штакельберга. В ночь с 11(24) на 12(25) января войска корпуса неожиданной быстрой атакой захватили на западном берегу реки Хуньхэ деревню Хуанлотоцзы. Побросав оружие, противник бежал. К 6 часам утра 1-й Сибирский корпус овладел всей линией реки.

12(25) января в 8 часов 1-й Сибирский корпус перешел в наступление на Хэгоутай. Атака велась медленно и без должной артиллерийской поддержки. К вечеру для подавления огневых средств противника были выдвинуты из резерва две батареи 9-й артбригады. После сильного артиллерийского обстрела Сумапу 1-я Восточно-Сибирская дивизия овладела этим опорным пунктом, а к 22 часам выбила японцев из селения Хэгоутай. Этим была выполнена основная задача, поставленная перед корпусом.

Вся 2-я армия получила возможность наступать на деревню Сандепу, не опасаясь за свой правый фланг. Для взятия Сандепу была выделена 14-я дивизия 8-го корпуса. К вечеру полки 14-й дивизии подошли к Сандепу.

Совершенно ровная местность перед Сандепу в тот день была покрыта тонкой коркой льда. Сильный туман затруднял движение наступавших войск. Из-за тумана полки перемешались и вместо восточного взяли юго-восточное направление. В 700 м от противника войска залегли и в течение 6 часов, до самой атаки, находились под убийственным ружейным огнем японцев. Ночью 13(26) января два полка 14-й дивизии ворвались на окраину какой-то деревни. Вскоре выяснилось, что 14-я дивизия захватила не Сандепу, а деревню Баотайцзы, которая в течение 2 дней подвергалась артиллерийскому обстрелу и была совершенно разрушена, тогда как Сандепу, находившаяся в 400 м южнее, не была затронута артиллерийским огнем.

Дальнейшие попытки русских войск захватить Сандепу успеха не имели. 14-я дивизия, потеряв в боях за Сандепу 1122 человека убитыми и замерзшими, отошла на позиции, с которых она утром 13(26) января начала наступление.

На 15(28) января по 2-й армии был отдан приказ во что бы то ни стало овладеть Сандепу. Но атака не состоялась, т.к. трехдневное бездействие русского командования дало возможность японцам сосредоточить на своем левом фланге крупные силы и утром 15(28) января перейти в энергичное наступление, особенно против 1-го Сибирского корпуса, находившегося к утру в районе Гуцзяцзы.

15(28) января в 15 часов полки 10-го корпуса перешли в наступление против 5-й и 3-й японских пехотных дивизий. Атака была столь сильной, что противник начал отступать на юго-восток. Но, как отмечала потом Военно-историческая комиссия, «...едва лишь войска 10-го корпуса успели сделать первые шаги своего наступления, как уже было получено новое приказание генерал-адъютанта Гриппенберга, которое предостерегало от энергичных наступательных действий»¹⁵.

Российское командование преувеличивало силы противника и боялось его обходов. А.Н. Куропаткин «...склонялся к мысли о необходимости всяческой осторожности ввиду близкого наступления японцев значительными силами»¹⁶. Достаточно было японцам предпринять в тылу небольшое передвижение, как Куропаткин и другие генералы отказывались от активных наступательных действий, отдавали инициативу врагу.

Несмотря на предупреждение не увлекаться наступлением, войска 10-го корпуса продолжали преследовать врага и к 19 часам овладели деревнями Лабатай и Сяотайцзы. Войска корпуса, выйдя в тыл противнику, получили возможность атаковать Сандепу с востока. Но командующий 10-м корпусом получил указание, подтвердившее первое, — не увлекаться наступлением.

В то время части 1-го Сибирского корпуса отразили все атаки японской пехоты, а конный отряд П.И. Мищенко начал успешно продвигаться в тыл противника.

Японцы напрягали все силы, чтобы сдержать натиск русских, но безуспешно. Японский главнокомандующий И. Ойяма доносил в Токио: «15 января русские обстреляли наш тыл. Сраже-

ние продолжалось в течение всего дня и ночи, 15 января наши повсюду были придавлены численностью русских. В этот день наши войска были готовы к тому, что будут уничтожены»¹⁷.

Хотя японцы были в критическом положении, русские отступили. Куропаткин боялся активных наступательных действий. Телеграммой 16(29) января он сообщил в Петербург: «Вчера в 17 часов произведено наступление на деревни Сяотайцзы и Лабатай (10-й корпус). Войска вели себя отлично. С наступлением темноты... части, выполнив возложенную задачу, были отведены назад, не преследуемые противником»¹⁸. Так, без всякой видимой причины командование отказалось закрепить успех своих войск.

Вечером 15(28) января Куропаткин отдал распоряжение о прекращении наступления. Отходом 2-й армии О.К. Гриппенберга за реку Хуньхэ закончилось четырехдневное сражение при Сандепу. Русские войска потеряли 368 офицеров и 11 364 солдата. Потери противника составили 8901 человек. Наступление на Сандепу обернулось новым поражением Маньчжурской армии. Ее войска отошли на позиции, с которых они начали наступление утром 12(25) января.

Провал январского наступления еще более ухудшил моральное состояние солдат Маньчжурской армии. Длительное, однообразное сидение в окопах, тяжелые работы по устройству позиций действовали на армию деморализующе. Дисциплина заметно падала, участились случаи дезертирства. Командование создало специальные отряды для задержки и возвращения дезертиров в свои части.

Солдаты проявляли повышенный интерес к происходившим на родине событиям, а между тем почта и телеграф не справлялись со своей работой настолько, что на фронте месяцами ожидали корреспонденцию.

Пропагандистская деятельность революционеров в полной мере использовала неудачи России на полях Маньчжурии с целью расшатать самодержавие, представляя его главным виновником поражений российских войск. И эта пропаганда находила широкий отклик в солдатской массе.

Лозунги «Долой войну!», «Долой самодержавие!» доходили до Маньчжурии вместе с прибывшими пополнениями. При последующих мобилизациях огромное количество подлежащих призыву уклонялись от воинской повинности. Участились случаи волнений в войсках.

Подавленный систематическими неудачами на фронте, Куропаткин все более склонялся к тому, чтобы вообще отказаться от активных действий. Однако правительство настаивало на быстрейшем переходе Маньчжурской армии в наступление, по-прежнему рассчитывая с помощью победоносной войны на Дальнем Востоке подавить революционные выступления в стране. С этой целью были сделаны новые иностранные займы. В Маньчжурию непрерывно шли эшелоны с пополнением, артиллерийским вооружением и боеприпасами.

Обе стороны готовились к решающему сражению. Оно разыгралось под Мукденом на фронте протяженностью 155 км, глубиной более 80 км и продолжалось 17 дней. Мукденская операция завершила боевые действия на сухопутном театре войны.

К началу февраля 1905 г. с прибытием 16-го армейского корпуса в Маньчжурской армии насчитывалось более 300 тыс. человек, в том числе 276,6 тыс. штыков, 15,7 тыс. сабель, 7,7 тыс. инженерных войск. В составе Маньчжурской армии (25 дивизий) действовали 22 артиллерийские бригады, в которых числилось 1386 орудий (из них 1070 полевых пехотных, 132 осадных, 76 горных), 48 конных пушек, 60 полевых мортир и 56 пулеметов. Запасы снарядов были пополнены и составляли в среднем 700 снарядов на орудие.

Силы японцев после прибытия 3-й армии М. Ноги и формирования из резервных пополнений новой 5-й армии Кавамуры составляли 10 дивизий, 12 резервных бригад и 2 кавалерийские бригады, в которых насчитывалось более 270 тыс. человек, 1062 орудия и 200 пулеметов, т.е. японская армия в Маньчжурии была почти такой же по численности, как и русская, но имела почти в 4 раза больше пулеметов.

К началу Мукденской операции расположение войск обеих сторон не претерпело больших изменений. Войска занимали в основном те же позиции, что и во время январских боев за Сандепу.

Русские армии вместе с охранными отрядами были развернуты на 155-километровом фронте. Глубина оперативного построения армии составляла 15 км.

На правом фланге находилась 2-я армия. Командовал армией генерал А.В. Каульбарс, сменивший генерала О.К. Гриппенберга. 3-я армия А.А. Бильдерлинга (60,7 тыс. штыков и сабель при 266 орудиях) находилась в центре и занимала укрепленные позиции на рубеже Халентай — Шаланцза протяженностью 20 км. В ее состав входили 5-й, 6-й Сибирские и 17-й армейский корпус.

1-я армия генерала Н.П. Линевича, состоявшая из 2-го, 3-го, 4-го Сибирских и 17-го армейского корпусов общей численностью 106,5 тыс. штыков и сабель при 370 орудиях, разместилась на левом фланге и занимала рубеж протяженностью 50 км от Шаланцза до Гаотулинского перевала.

За правым флангом располагался кавалерийский отряд генерала П.И. Мищенко (до 7 тыс. сабель), за левым флангом — отряд М. Маслова (стрелковая бригада в составе до 8 тыс. штыков). Резерв (16-й армейский корпус) был сосредоточен южнее Мукдена.

Армии были растянуты на 100-километровом фронте в одну линию, что в случае необходимости затрудняло осуществление быстрых перегруппировок: страх перед возможностью обхода противником достиг у Куропаткина к этому времени предела. Поэтому, чем больше прибывало из России подкреплений, тем длиннее становился фронт.

Линейным было и расположение артиллерийских средств. В первой линии обороны находились в основном легкие батареи, состоявшие из скорострельных пушек. Тяжелых батарей в первую линию выделялось мало, причем они размещались от переднего края противника на таком расстоянии, что при стрельбе даже на предельной дальности не могли пора-

жать японскую артиллерию и разрушать прочные сооружения в первой линии вражеской обороны.

Российские войска имели подготовленную оборону, состоявшую из шахэйской, мукденской и телинской позиций. Их общая глубина достигала примерно 85 км. Войска же занимали только шахэйскую позицию, включавшую в себя передовую и главную полосы обороны. Укрепления обеих полос состояли из редутов, люнетов и фортов, соединенных между собой траншеями.

С фронта шахэйская позиция имела линию искусственных препятствий в виде проволочных заграждений, прикрываемых системой ружейно-пулеметного и артиллерийского огня.

Мукденская и телинская позиции не были заняты войсками и не были подготовлены к боевым действиям. Русское командование готовилось не к оборонительным, а к наступательным боям. Тем не менее план наступления, составленный Куропаткиным, не учитывал сил и намерений противника и отличался нерешительностью.

Правительство, обеспокоенное ростом революционного движения в стране, требовало от Куропаткина скорейшего перехода Маньчжурской армии в наступление. Однако японцы упредили ее наступление, намеченное на 12(25) февраля.

Японское правительство, встревоженное тяжелым финансовым положением в стране и продолжавшейся переброской новых русских войск в Маньчжурию, настаивало на решительных действиях. Ради победы оно готово было поставить на карту все.

Японцы энергично готовились к наступлению. На правом фланге японского фронта у Цинхэчэна была скрытно сосредоточена 5-я армия генерала Кавамуры, насчитывавшая 30 тыс. человек и 84 орудия. На фронте от Линшинпу до реки Хуньхэ располагалась 2-я армия Оку численностью 57 тыс. человек при 132 орудиях и 3-я армия Ноги, имевшая в своем составе 50 тыс. человек и 270 орудий. В резерве командования в рай-

оне станции Яньтай находились две дивизии общей численностью около 30 тыс. человек.

План японского командования заключался в том, чтобы нанести сильные удары по флангам русских войск, окружить их в районе Мукдена и уничтожить. Первоначальные действия японцы направили против левого русского фланга. В ночь на 5(18) февраля две дивизии 5-й японской армии атаковали Цинхэченский отряд П.К. Ренненкампа (8,7 тыс. штыков и сабель при 24 орудиях).

15(28) февраля основные силы 5-й японской армии снова перешли в наступление на позиции отрядов П.К. Ренненкампа и В.Н. Данилова. Против 20 тыс. русских при 50 орудиях японское командование сосредоточило 26 тыс. штыков и сабель при 84 орудиях.

16 февраля (1 марта) отряд Данилова отразил четыре атаки японской пехоты. Через два дня он был усилен двумя батальонами Выборгского полка и 6-й батареей 7-й артиллерийской бригады. Это позволило отбить еще ряд атак противника.

Упорные бои шли и на участке отряда Ренненкампа. Попытки японцев выбить русских с этих позиций и прорваться в долину реки Хуньэ не увенчались успехом. В середине февраля атаки японцев на левом фланге 1-й армии были приостановлены. Однако японскому командованию удалось выполнить основную задачу — отвлечь резервы русской армии от направления главного удара своих войск, который был нанесен по правому русскому флангу.

Не разобравшись в обстановке, Куропаткин принял наступление японцев на фронте 1-й армии за главный удар и направил туда из резерва 2-й армии 1-й Сибирский корпус и свой последний резерв — 16-й армейский корпус.

После того как резервы Куропаткина были переброшены к левому флангу³⁷, 3-я армия М. Ноги 14(27) февраля перешла в наступление с целью захватить правый фланг русских при содействии 2-й армии Я. Оку.

Ожидая, что главный удар японцы нанесут на левом фланге, Куропаткин сосредоточил там 178 батальонов, что более

чем вдвое превосходило силы Куроки и Кавамуры. Дальнейшие действия Куропаткина были ошибочны и невольно способствовали осуществлению замысла японского командования. Куропаткину следовало бы не перебрасывать войска обратно на правый фланг, а нанести удар на своем левом фланге, что, очевидно, заставило бы Ноги снизить темп выдвигания своих войск вперед. Однако Куропаткин поспешил отказаться от предполагаемого наступления для того, чтобы провести систему оборонительных мероприятий на правом фланге, где противник достиг значительного успеха.

24 февраля (9 марта) 1-я японская армия прорвала фронт 1-й русской армии восточнее Мукдена. Наиболее слабым местом в обороне 1-й русской армии был 7-километровый участок Тидяфын, Киузань, Таинтун, где находилось только 9 рот. Это направление в достаточной степени разведано не было, а между тем японцы сосредоточили там крупные силы — более двух дивизий.

Не видя перспективы дальнейшей борьбы под Мукденом, Куропаткин, еще не знавший о прорыве в районе Киузань, отдал приказ начать отход к Телину в ночь на 25 февраля (10 марта).

Утром 26 февраля (11 марта) 3-я и 1-я японские армии сомкнулись у Пухэ, отрезав некоторые части русских войск и обозы, которые не успели пройти. Однако основная масса русских армий была вне опасности.

Отступление 2-й и 3-й армий происходило в тяжелых условиях. Прорыв японцев в районе Киузань вынуждал армии менять пути отхода, предусмотренные общим приказом командования. Отступавшие русские обозы загромождали дороги и перемешивались кое-где с отступающей пехотой.

Японцы не воспользовались благоприятной для них ситуацией. Организованное соединившимися армиями Ноги и Куроки преследование не было доведено до конца. Сказались усталость японских войск и недостаток сил, а также сдерживающие бои отдельных частей русских войск. Вечером 26 февраля (11 марта) отступавшие русские колонны нача-

ли подходить к Телину. К 28 февраля (13 марта) 2-я и 1-я армии расположились на позициях вдоль реки Чайхэ, 3-я армия была отведена в резерв.

В то время, пока русские войска двигались к Сыпингаю, А.Н. Куропаткин был смещен с должности. На его место назначили Н.П. Линевица. Куропаткин остался на фронте в качестве командующего 1-й армией.

Нисколько не снимая ответственности с Куропаткина за поражение русских войск, следует отметить, что он сам хорошо видел неподготовленность вооруженных сил России на Дальнем Востоке к боевым действиям крупного масштаба.

В разговоре с А.А. Игнатьевым он следующим образом оценивал боевые качества войск: «Эта война велась впервые нашей армией, укомплектованной на основании закона о воинской повинности, и вина наша, конечно, заключалась в том, что мы не обратили в свое время достаточного внимания на боевую подготовку запасных и второочередных формирований.

А не находите ли Вы, что одной из причин является наша культурная отсталость? — дерзнул я спросить.

Страшные Вы вещи говорите, Игнатьев, но Вы правы! Нужны коренные реформы»¹⁹.

Верховная власть не смогла обеспечить отвечающую требованиям времени организацию военного дела. Под Мукденом общие потери российских войск убитыми, ранеными и пленными составили около 90 тыс., в то время как японцы потеряли 71 тыс. человек. При этом убитых и раненых в русской армии насчитывалось 59 тыс., тогда как у японцев — 70 059.

Если Ойяма проводил определенный, хотя и не удавшийся план окружения русских под Мукденом, то в действиях русского командования отсутствуют признаки какого бы то ни было плана. Опасаясь охватывающего маневра, Куропаткин в тот период уже не обнаруживал стремления к сосредоточению своих войск, как, например, в Ляоянской операции. Все его действия сводились лишь к пассивному отражению япон-

ских атак, а попытки контрнаступления носили нерешительный характер.

Сказалась неподготовленность русского командования к ведению операций крупного масштаба. В боях под Мукденом существенно снизилась боеспособность армии. Временные отряды, созданные Куропаткиным для противодействия обходному движению Ноги, оказались малоспособными к боевой деятельности, поскольку они решали только частные задачи, не объединенные общей целью. Пассивность русского командования позволила армии Ноги продвинуть свои войска в тыл русским.

Мукденская операция не явилась решающей. Несмотря на крупный успех японцев, разгром русской армии не был осуществлен. Отсутствие у японцев свежих сил, главным образом конницы, позволило русским войскам, остановившимся на сыпингайских позициях, не только восстановить боеспособность, но и значительно пополнить силы.

Успешно проведенная японцами Мукденская операция тем не менее ярко обнаружила непонимание японским командованием новых тенденций в военном искусстве. Пересеченная местность на правом фланге японского фронта исключала возможность достижения здесь крупного успеха. Двухсторонний охват широкого фронта русской армии без наличия превосходства в силах не давал обнадеживающих перспектив. Как и в операции на реке Шахэ, даже незначительное сопротивление русских войск вело к остановке боевых действий со стороны японского командования.

Операция фронтового масштаба оказалась не по силам обеим сторонам.

Общим итогом Аоянской, Шахэйской и Мукденской операций явилось вытеснение русских армий из Южной Маньчжурии. Война для Японии на сухопутном театре, в сущности, была закончена. Никаких шагов к дальнейшему наступлению японская ставка не предпринимала: велись обширные оборонительные работы, и укреплялось расположение войск на случай, если русские перейдут в наступление.

Русские армии, оставаясь на сыпингайских позициях, продолжали усиливаться за счет прибывавших резервов. В общей сложности их численность на Маньчжурском театре к концу августа 1905 г. составляла 788 тыс. человек, 150 тыс. человек находились в Приморье и в тылу. Точная численность японских армий к тому времени не была установлена. По предположениям русского командования, она достигала 750 тыс. человек, из них 150 тыс. размещались в тылу и в Северной Корее.

После Мукденской операции, в так называемый сыпингайский период войны, крупных столкновений не происходило. Основное внимание уделялось подготовке войск к обороне. На случай отступления русские войска строили еще несколько промежуточных позиций, которые эшелонировались почти до реки Сунгари — на глубину примерно в 300 км.

Только 4(17) мая 1905 г. русское командование организовало набег конницы П.И. Мищенко в район деревни Факумынь. Он преследовал ограниченные цели. Предполагалось нарушить одну из главных коммуникаций японцев: Инкоу — Синминтин — Факумынь. В набеге участвовало 54 сотни при 18 орудиях. Отряд Мищенко в течение 5 дней сжег всего несколько японских складов. Серьезного значения этот набег не имел, но все же он несколько поднял моральное состояние русской армии.

Операции в Маньчжурии привнесли изменения в стратегию и ведение операций. Бой уже не был скоротечным, а выливался в многодневные сражения, которые происходили на фронте протяженностью 150 км и глубиной до 60 км. Это потребовало новых приемов и средств управления. Однако командование обеих сторон не могло обеспечить непрерывность управления войсками ни в ходе боев, ни в ходе сражений. Из-за отсутствия непрерывности управления войсками и плохо поставленной разведки результаты боевых действий оказывались точно не известными, что приводило к принятию неверных решений.

Способ действий воюющих сторон во многом был предопределен пересеченным характером местности, что способ-

ствовало развитию позиционных форм борьбы. Оборонительные тенденции русского командования оказали большое влияние на развитие фортификационных работ.

ГЛАВА 4

Завершение вооруженной борьбы на море

Неудачное блокирование Японии: действия русского флота на морских и океанских коммуникациях

Для Японии, расположенной на островах и не имеющей многих видов собственного сырья, морские коммуникации имели большое значение. С началом войны их роль неизмеримо возросла. Помимо обычных перевозок сырья и продовольствия, объем которых с войной также увеличился, значительное место стали занимать чисто воинские перевозки. Для Японии море являлось единственным путем, по которому она могла перевозить свои войска на материк и снабжать их всем необходимым.

Морские коммуникации Японии в период Русско-японской войны подразделялись на две группы. К первой группе относились сообщения, по которым японцы перевозили свои войска и боевую технику на материк, а также все виды снабжения. Ко второй — океанские коммуникации; по ним доставлялось в Японию довольно большое количество различных видов стратегического сырья, продовольствия и боевой техники из других стран.

Морские коммуникации, связывающие Японию с театром военных действий, проходили от портов Внутреннего Япон-

ского моря, через Симоносекский пролив, южнее острова Цусима и далее через Желтое море к портам Кореи и Ляодунского полуострова. Выгодное географическое положение Японии на театре и близость ее баз и портов от побережья Кореи (100–300 миль) и Ляодунского полуострова (650 миль) создавали благоприятные условия для перевозки войск на материк по кратчайшим морским путям.

Перед войной наиболее широко Япония вела торговлю с Англией и США. Во время войны торговые связи Японии с этими странами значительно расширились. Англо-американские монополии, заинтересованные в победе Японии, усиленно снабжали ее не только сырьем, промышленным оборудованием и продовольствием, но и различными видами вооружения и боеприпасов, в которых японцы испытывали большую потребность. Перевозки из этих стран, а также других европейских государств, осуществлялись по следующим направлениям. Из Европы по Средиземному морю, через Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, через Зондские проливы и далее к южным портам Японии — это был наиболее короткий путь. Другой, более длинный путь проходил вокруг мыса Доброй Надежды и далее через Индийский океан к южным портам Японии. Из Соединенных Штатов Америки перевозки осуществлялись через Тихий океан в восточные порты Японии. Таким образом, важнейшие коммуникации, соединявшие Японию с другими странами, подходили к Японским островам с востока или с юга через проливы Зондского архипелага.

Перевозка войск и военного снаряжения производилась на японских судах, мобилизованных и специально оборудованных для этой цели. Коммерческие грузы и военные поставки из других стран осуществлялись преимущественно на иностранных судах, главным образом английских и американских, что затрудняло ведение борьбы русского флота с военной контрабандой.

Понимая важность морских коммуникаций для функционирования экономики и ведения войны против России, япон-

ское командование принимало меры для их защиты. Однако эти меры ограничивались главным образом защитой коммуникаций, проходивших непосредственно по морскому театру военных действий, по которым осуществлялись перевозки войск в Корею и на Ляодунский полуостров. Что касается океанских коммуникаций, проходивших за пределами театра военных действий, то они не защищались.

Защита воинских перевозок для действующей на материке японской армии осуществлялась следующим образом. Транспорты конвоировались военными кораблями, для чего использовались устаревшие корабли различных классов и типов, специально выделенные для этой цели. Учитывая возможность противодействия воинским перевозкам со стороны русских кораблей, базировавшихся на Порт-Артур и Владивосток, японцы после ослабления русской эскадры установили блокаду Порт-Артура и выставили минные заграждения на подходах к Владивостоку. Наиболее опасным участком морских коммуникаций являлся Корейский пролив. Поэтому в целях усиления защиты транспортов с войсками японцы постоянно держали в этом районе отряд своих крейсеров, которые предназначались для борьбы главным образом с Владивостокским отрядом крейсеров.

Несмотря на огромное значение коммуникаций для Японии, Россия при подготовке к войне не уделяла должного внимания вопросу борьбы с морскими перевозками противника. Это тем более странно, если учесть, что во второй половине XIX в. в русском флоте довольно широко пропагандировалась идея «крейсерской войны», были построены специальные типы кораблей, предназначенные для этой цели, и созданы крейсерские силы. Более того, руководители русского флота имели возможность неоднократно убедиться в целесообразности ведения боевых действий с широким использованием крейсеров, в том числе вспомогательных, как это было, например, в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Тогда русские моряки впервые для этой цели использовали вооруженные пароходы. И тем не менее при подготовке к войне с Япо-

нией правительство и руководители военно-морского флота практически ничего не успели сделать, чтобы подготовиться к борьбе на коммуникациях противника. И только после начала войны в Морском министерстве были предприняты запоздалые меры к исправлению допущенных ошибок.

К началу войны с Японией в составе флота России не оказалось крейсеров, которые можно было бы использовать для действий на океанских коммуникациях противника. Это объясняется отсутствием должного внимания со стороны руководителей Морского министерства к подготовке флота к крейсерским действиям в конце XIX — начале XX в. Об этом вспомнили уже после того, как началась война и возникла необходимость нарушить подвоз в Японию военных грузов из Англии, США, Германии и других стран.

В конце февраля 1904 г. в Морском министерстве состоялось специальное совещание, на котором были рассмотрены вопросы борьбы на океанских коммуникациях противника и принято решение о создании в составе флота крейсерских сил, предназначенных для этой цели¹. Имея положительный опыт использования вспомогательных крейсеров для нарушения морских коммуникаций противника во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., высшее морское командование решило применить вооруженные пароходы для борьбы на океанских сообщениях Японии. Для этой цели было намечено использовать суда Добровольного флота, созданного в России в 1878 г. Однако из довольно большого количества судов этого флота только два парохода — «Санкт-Петербург» и «Смоленск» — оказались пригодными для переоборудования во вспомогательные крейсера². В связи с этим было принято решение закупить несколько больших быстроходных пароходов за границей и вооружить их артиллерией.

Купленные пароходы были названы: «Кубань», «Дон», «Урал» и «Терек»³. Они имели водоизмещение от 10 000 до 12 000 т, скорость хода 18,5–19,5 узлов и дальность плавания около 9500 миль⁴. Эти суда как по скорости хода, так и по дальности плавания (до 9500 миль) вполне подходили для ис-

пользования их в качестве вспомогательных крейсеров. Однако по своему техническому состоянию суда, купленные за границей, оказались непригодными к длительному плаванию и нуждались в ремонте машин и даже замене котлов, как, например, на пароходе «Дон»⁵. Но российское правительство вынуждено было довольствоваться и этими судами, т.к. под давлением Англии никто не соглашался продавать России пароходы, пригодные для использования их в качестве вспомогательных крейсеров.

Ремонт, переоборудование и вооружение судов продолжались до июля 1904 г. Первыми оказались готовы к выходу «Санкт-Петербург» и «Смоленск», на которых все работы закончили к 15 июня, а 16 июня поступило приказание быть готовыми следовать по назначению⁶. Из балтийской группы вспомогательных крейсеров первыми вступили в строй «Дон» и «Урал», на которых работы были закончены 29 июня 1904 г.⁷.

Два других крейсера — «Терек» и «Кубань» — вступили в строй несколько позже. По мере готовности корабли комплектовались личным составом из числа матросов и офицеров, призванных из запаса, и частично из моряков Добровольного флота⁸.

Старшим командиром в балтийской группе крейсеров был назначен капитан 2-го ранга Маньковский⁹, а в черноморской — капитан 2-го ранга Скальский¹⁰. Таким образом, подготовка вспомогательных крейсеров к действиям на океанских коммуникациях закончилась к июлю 1904 г., и они спустя 6 месяцев после начала войны смогли приступить к выполнению поставленной задачи по нарушению океанских коммуникаций Японии и борьбе с военной контрабандой.

Правда, первая попытка пресечения перевозки военных грузов из Европы в Японию была предпринята отрядом контр-адмирала Вирениуса, который, возвращаясь с пути на Дальний Восток, в феврале 1904 г. задержал в Красном море три английских парохода, направлявшихся с грузами военной контрабанды в Японию¹¹. Однако правительство, опа-

саясь конфликта с Англией, являвшейся союзницей Японии, распорядилось отпустить задержанные суда и впредь не останавливать и не осматривать иностранные пароходы. Таким образом, правительство России, не проявив должной настойчивости, в самом начале войны отказалось, по существу, от решительных действий по недопущению подвоза военной контрабанды в Японию и тем самым дало японцам возможность беспрепятственно ввозить из Европы и США военные грузы.

Принимая решение о развертывании борьбы на океанских коммуникациях противника, военно-морское командование хотело достичь следующих целей¹²:

- ликвидировать или затруднить рыбные промыслы Японии, игравшие важную роль в ее экономике;
- прекратить подвоз в Японию грузов, объявленных военной контрабандой;
- отвлечь часть сил японского флота от Порт-Артура и Владивостока.

В соответствии с этими целями разрабатывался и план действий вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях Японии. Этот план в общих чертах сводился к следующему. Считая, что основными поставщиками военной контрабанды в Японию являются Англия и США, и учитывая направления океанских коммуникаций противника и их наиболее уязвимые места, русское командование приняло решение развернуть вспомогательные крейсера в западной части Индийского океана, в Южно-Китайском море и на акватории между северным побережьем острова Формоза и Курильскими островами.

14 февраля 1904 г. в печати было опубликовано заявление царского правительства о том, что русский флот будет вести боевые действия на океанских коммуникациях с целью недопущения подвоза в Японию грузов военной контрабанды. 28 февраля Морское ведомство в приказе № 42 опубликовало перечень грузов, отнесенных к военной контрабанде¹³. Оба этих документа были составлены в полном соот-

ветствии с международным правом, согласно которому суда, задержанные с грузами, объявленными военной контрабандой, подлежали конфискации или уничтожению. Для того чтобы командиры вспомогательных крейсеров при задержании торговых судов не нарушали нормы международного права, для них были разработаны специальные инструкции, утвержденные управляющим Морским министерством адмиралом Авеланом¹⁴.

В этих инструкциях командиры крейсеров предупредались о том, чтобы они при действиях на коммуникациях строго выполняли все требования международного права. Одновременно Главный морской штаб разработал боевые инструкции для черноморской и балтийской групп вспомогательных крейсеров, в которых были изложены основные положения плана крейсерских действий каждой из них, определены районы действий, время выхода и возвращения крейсеров, способы действий и указания по связи¹⁵.

Согласно этим инструкциям, первыми должны были выйти для борьбы на коммуникациях противника в районе Красного моря вспомогательные крейсера «Санкт-Петербург» и «Смоленск», находившиеся в Севастополе. Корабли, готовые к выходу в море, должны были иметь²⁵: полный запас топлива в угольных ямах и во всех трюмах; запас пресной воды не менее 500 т; смазочные масла не менее чем на 6 месяцев плавания из расчета 13-узлового хода; запасы провизии для офицерского состава не менее чем на 3 месяца, для команды — на 6 месяцев.

20 июня 1904 г. вспомогательный крейсер «Санкт-Петербург» под командованием капитана 2-го ранга Скальского вышел из Севастополя и направился в район назначенных действий¹⁷. 22 июня покинул Севастополь крейсер «Смоленск»¹⁸.

Боевые действия крейсеров начались 28 июня (11 июля). В первый же день «Санкт-Петербург» и «Смоленск», действуя совместно, задержали и осмотрели четыре парохода, при этом все английские, затем последовало задержание и осмотр не-

мецкого судна «Принц Генрих». Однако после жестких требований со стороны Лондона и Берлина 15(28) июля управляющий Морским министерством отдал приказ начальнику Главного морского штаба, в котором говорилось: «В дополнение данных вам указаний (имеется в виду не задерживать немецкие почтовые пароходы. — *Авт.*) предлагаю никаких пароходов как почтовых, так и грузовых, принадлежащих Франции и Германии, не трогать, а также не останавливать почтовых пароходов всех наций... Ни в коем случае никаких пароходов не топить, не сжигать, а грузов не портить»¹⁹. Это приказание еще больше ограничило возможности вспомогательных крейсеров в решении поставленной перед ними задачи.

24 августа (6 сентября) старшему из командиров вспомогательных крейсеров капитану 2-го ранга Скальскому была передана телеграмма управляющего Морским министерством адмирала Авелана с приказанием: «Прекратите крейсерские операции, никого не останавливайте, идите в Либаву»⁴⁸. Получив приказание о прекращении крейсерских действий «Санкт-Петербург» и «Смоленск» зашли в порт Дар-эс-Салам, погрузили уголь и 2(15) сентября через Красное море и Суэцкий канал направились в Либаву, куда прибыли: первый — 27 сентября (10 октября), второй — 30 сентября (13 октября) 1904 г.²⁰

Таким образом, после 102-дневного плавания «Санкт-Петербург» и «Смоленск» благополучно вернулись в базу. За это время вспомогательные крейсера осмотрели²¹: «Санкт-Петербург» — 10 пароходов, «Смоленск» — 9. Из осмотренных пароходов на четырех оказалась военная контрабанда, и они были задержаны и с призовыми командами отправлены в Либаву. Среди задержанных судов три — «Малакка», «Ардова» и «Формоза» — принадлежали англичанам, и одно, «Скандия», — немцам.

За время боевых действий вспомогательных крейсеров, несмотря на сложность обстановки, длительность плавания (свыше 100 суток) и тяжелые климатические условия, на них не было ни одного случая выхода из строя механизмов и оружия. Личный состав крейсеров показал себя с самой лучшей

стороны. Командир «Смоленска» в своем докладе писал: «Несмотря на тяжелые климатические условия, частые перегрузки угля при сильной жаре, высокое напряжение, связанное с постоянным ожиданием внезапной встречи с противником (ночью люди спали у своих орудий), нравственное состояние экипажа не оставляет желать ничего лучшего»²².

Согласно плану крейсерских действий, балтийская группа вспомогательных крейсеров в составе «Дон», «Урал», «Терек» и «Кубань» должна была действовать в районе от атлантического побережья Испании и до островов Зеленого Мыса²³. 16 июля крейсера «Дон» и «Урал» в сопровождении миноносцев «Рьяный» и «Прочный» вышли из Либавы и направились в Атлантический океан. Достигнув мыса Скаген, миноносцы повернули назад и вернулись в Либаву, а крейсера, выйдя в Северное море и обогнув Англию с севера, направились на юг. До 26 июля (8 августа) крейсера шли вместе, но затем на параллели Лиссабона они разделились. Крейсер «Урал» пошел к Гибралтару, а «Дон» последовал к северо-западным берегам Африки. По прибытии в назначенные районы корабли приступили к выполнению поставленной задачи.

Крейсер «Дон», направленный к северо-западному побережью Африки, действовал неудачно из-за неисправности котлов. По возвращении крейсеров «Урал» и «Дон» в базу им на смену должны были выйти «Кубань» и «Терек». Однако крейсер «Кубань» при выходе из дока получил повреждения и не мог выйти в море. За время крейсерства в районе Гибралтарского пролива крейсер «Терек» под командованием капитана 2-го ранга Панферова осмотрел 15 пароходов, из них 14 английских²⁴. Все осмотренные суда были отпущены. 13 сентября «Терек» благополучно вернулся в Либаву.

На этом, как сообщил в своем докладе начальник Главного морского штаба, «крейсерские операции судов особого назначения прекратились»²⁵. Это было сделано по настоянию вице-адмирала З.П. Рожественского, который считал, что действия вспомогательных крейсеров на пути следования 2-й Тихоокеанской эскадры могут помешать ее движе-

нию на Дальний Восток. Все вспомогательные крейсера, действовавшие на коммуникациях, за исключением «Дона», который находился в ремонте, были включены в состав 2-й Тихоокеанской эскадры²⁶, к которой они присоединились уже на пути следования ее на Восток.

25 ноября (8 декабря) 1904 г., когда 2-я Тихоокеанская эскадра находилась на пути к острову Мадагаскар, в Главном морском штабе было получено донесение от российского агента в Берлине полковника Шебеко об отправлении из Гамбурга на немецком пароходе «Самбия» 329 орудий для Японии²⁷. По приказанию управляющего Морским министерством для задержания «Самбии» был послан вспомогательный крейсер «Урал», находившийся в то время в районе Дакара. 2(15) декабря крейсер «Урал» под командованием капитана 2-го ранга Истомина вышел на поиск германского парохода²⁸. В течение нескольких дней «Урал» крейсерствовал на подходах к Гибралтарскому проливу, но обнаружить «Самбию» не смог. Это был последний выход русских вспомогательных крейсеров для действий на океанских коммуникациях противника до прибытия их на Дальний Восток.

С прибытием 2-й Тихоокеанской эскадры на театр военных действий вице-адмирал Рожественский решил использовать вспомогательные крейсера для обеспечения прорыва своей эскадры через Корейский пролив. Замысел Рожественского сводился к тому, чтобы действиями вспомогательных крейсеров на коммуникациях противника у тихоокеанского побережья Японии и в южной части Желтого моря отвлечь часть сил японского флота из Корейского пролива и тем самым облегчить прорыв 2-й Тихоокеанской эскадры во Владивосток. Согласно предписанию от 30 апреля (13 мая) 1904 г. № 380, крейсера «Кубань» и «Терек» должны были действовать в районе между островом Сикоку и Иокогамой, а «Урал» и «Рион» — в южной части Желтого моря²⁹. В этом предписании перед крейсерами ставилась задача «не стесняясь топить» все пароходы, на которых будет обнаружена военная контрабанда³⁰.

Боевые действия вспомогательных крейсеров на коммуникациях противника в Тихом океане, так же как и в Атлантическом и Индийском океанах, не дали желаемых результатов: они не достигли главной цели, которой стремился достичь вице-адмирал Рожественский, посылая крейсера на коммуникации Японии. Крейсер «Кубань», крейсировавший на путях сообщения противника, идущих к Иокогаме, до 23 мая (5 июня) не обнаружил ни одного судна и только при следовании к Сайгону осмотрел два парохода; на них не было обнаружено военной контрабанды и их отпустили³¹.

Крейсер «Терек» под командованием капитана 2-го ранга Панферова 23 мая (5 июня) потопил английский пароход «Айконд»³², на котором был обнаружен военный груз, а 9(22) июня — датский пароход «Принцесса Мария»³³, также перевозивший военную контрабанду в Японию. В обоих случаях команды судов были сняты и доставлены крейсером в безопасное место.

Вспомогательный крейсер «Рион», действовавший в южной части Желтого моря, задержал и осмотрел несколько пароходов. На двух из них, германском «Тетартос» и английском «Шилурнум», оказалась военная контрабанда. Экипажи задержанных пароходов были сняты, а суда затоплены вместе с грузами³⁴.

Крейсер «Днепр» потопил в 100 милях от Гонконга английский пароход «Сент-Кильда»³⁵ с военной контрабандой.

Таким образом, 4 русских вспомогательных крейсера, действуя на коммуникациях Японии в Тихом океане и Желтом море, в течение двух недель потопили 5 пароходов с военной контрабандой и несколько транспортов осмотрели и отпустили.

Расчет вице-адмирала З.П. Рожественского на то, что вспомогательные крейсера, действуя на морских коммуникациях на подходах к Японии, отвлекут на себя часть сил противника, не оправдался. Японское командование, хорошо осведомленное о направлении движения 2-й Тихоокеанской эскадры и времени прибытия ее в Корейский пролив, сосредоточило

все силы своего флота для боя с кораблями эскадры и не выделило ни одного корабля для борьбы с русскими вспомогательными крейсерами. Этого и следовало ожидать. Слишком малы были силы, выделенные для действий на коммуникациях противника, чтобы они могли отвлечь на себя часть сил японского флота перед решающим морским сражением.

После Цусимского сражения вспомогательные крейсера прекратили действия на коммуникациях Японии в Тихом океане и в разное время вернулись в Кронштадт³⁶. Лишь вспомогательный крейсер «Терек», который зашел за углем в Батавию, по распоряжению местных властей был разоружен³⁷.

Так закончились боевые действия русских вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях противника в период Русско-японской войны. За время крейсерства они осмотрели свыше 50 пароходов, преимущественно английских. Из них 5 потопили и 4 задержали, а остальные, не имевшие военной контрабанды, отпустили. Результаты более чем скромные. Поэтому действия вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях не оказали существенного влияния на перевозки военных грузов в Японию. В связи с этим они и не отвлекли на себя ни одного японского корабля с театра военных действий, на что рассчитывало русское морское командование, предпринимая действия вспомогательных крейсеров на океанских сообщениях противника.

Столь незначительные результаты действий вспомогательных крейсеров на коммуникациях объясняются многими причинами, из которых основными были следующие:

- серьезное противодействие нейтральных стран, особенно Англии, которые резко выступили против действий русских вспомогательных крейсеров на океанских сообщениях, потребовав от правительства России немедленного их прекращения;
- нерешительность и непоследовательность российского правительства при проведении крейсерских действий. Боязнь его испортить отношения с Германией и Францией и довести дело до военного конфликта с Англией обусловила вве-

дение ряда ограничений, которые лишили вспомогательные крейсера возможности успешно решать возложенные на них задачи;

- неподготовленность русского флота к действиям на океанских коммуникациях, выразившаяся в отсутствии необходимых сил и средств для решения поставленной задачи;
- запоздалое развертывание крейсеров на океанских сообщениях (через 6 месяцев после начала войны);
- недостаточное количество крейсеров, одновременно действовавших на коммуникациях противника;
- запаздывание информации от русских агентов о выходе пароходов с военной контрабандой, что не давало возможности командирам крейсеров воспользоваться своевременно этими сведениями.

Несмотря на то что боевые действия вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях не дали желаемых результатов, они представляют большой интерес с точки зрения оценки развития флота и военно-морского искусства и являются одной из положительных сторон боевой деятельности флота России в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Прежде всего поражает широта и смелость стратегического замысла военно-морского командования, которое впервые в истории развернуло вспомогательные крейсера на коммуникациях противника в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Ничего подобного мы не наблюдаем в использовании паровых кораблей в войнах прошлого на таких огромных пространствах и на таком большом удалении районов боевых действий крейсеров от своих баз, как это было в Русско-японскую войну. В условиях отсутствия баз флота в удаленных районах Мирового океана русские в целом успешно решили проблему снабжения вспомогательных крейсеров топливом путем фрахтовки угольных пароходов в нейтральных странах.

Командование удачно также выбрало районы боевых действий крейсеров с учетом характера коммуникаций против-

ника, напряженности движения на них транспортов, их важности, удаленности и уязвимости.

Заслуживают внимания способы обеспечения скрытности подготовки вспомогательных крейсеров к боевым действиям и их развертывание из Черного и Балтийского морей. Подготовка и выходы крейсеров на океанские коммуникации были произведены настолько скрытно, что о них узнали только тогда, когда они приступили к осмотру пароходов, направлявшихся из Европы на Дальний Восток. Скрытность была достигнута путем маскировки крейсеров под коммерческие суда, вооружения их в открытом море («Смоленск» и «Санкт-Петербург»), прохода узкостей в ночное время, следования кораблей к месту действий в стороне от обычных путей движения торговых судов, приема топлива в открытом море и проведения других мероприятий.

Большой интерес с точки зрения военно-морского искусства представляют методы использования вспомогательных крейсеров на коммуникациях, связь с ними командования, обеспечение крейсеров информацией о движении судов с военной контрабандой и управление ими. Выход крейсеров на коммуникации в целях маскировки производился поодиночке с интервалами по времени до двух суток. Одновременно в назначенном районе действовало по два крейсера. Поиск противника производился как отдельно (каждым крейсером самостоятельно), так и совместно двумя крейсерами, следовавшими на расстоянии друг от друга до 70 миль (в пределах надежной радиосвязи). В целях маскировки крейсера меняли районы действий, а в пределах района — места крейсерства, чтобы не дать противнику возможность определить местонахождение крейсеров и принять меры по уклонению от них. Изменение районов крейсерства иногда сопровождалось переходом кораблей на сотни и даже тысячи миль, как это было с «Санкт-Петербургом» и «Смоленском», когда они покинули Красное море и перешли к мысу Доброй Надежды.

В военно-морской исторической литературе, ввиду незнания документов по боевой деятельности русских вспомога-

тельных крейсеров в Русско-японскую войну, до сих пор считается, что тактика маневрирования районами боевых действий крейсеров при борьбе на коммуникациях и совместный поиск противника двумя крейсерами впервые была применена немцами в Первую и Вторую мировые войны. Анализ архивных источников показывает, что русские моряки задолго до Первой и Второй мировых войн успешно применяли эту тактику при действии вспомогательных крейсеров на океанских сообщениях в период Русско-японской войны.

В условиях ограниченных возможностей радиосвязи (не свыше 100 миль) и огромного удаления районов боевых действий крейсеров от Петербурга, где размещался Главный морской штаб, руководивший их действиями, русское командование нашло оригинальный способ поддержания связи с крейсерами, обеспечения их информацией о движении судов с военной контрабандой и управления крейсерскими силами в борьбе на коммуникациях. Этот способ заключался в использовании сети морских агентов, находившихся в наиболее крупных портах Англии, Германии, Франции, Бельгии, Испании и других стран. Эти агенты информировали Главный морской штаб, а последний — командиров крейсеров через старших агентов в Суэце и на островах Зеленого Мыса о выходе из европейских портов на Дальний Восток пароходов с военной контрабандой. Правда, информация агентов о выходе судов с военной контрабандой, как правило, запаздывала, и командиры вспомогательных крейсеров часто не могли воспользоваться ею. Начальник Главного морского штаба в одном из своих докладов писал по этому поводу: «До сих пор сведения, получаемые от разных агентов о контрабандных грузах, идущих на пароходах в Японию, настолько запаздывают, что не представляются возможности своевременно этими данными воспользоваться. Сведения посылаются только по выходе пароходов из порта, а было бы желательно получить данные еще во время начала погрузки пароходов»⁷⁸. Связь между морскими агентами, Главным морским штабом и командирами крейсеров поддерживалась через иностран-

ные телеграфные агентства с использованием дипломатического шифра. Эта связь была достаточно надежной. Имел место единственный случай, когда Главный морской штаб, с уходом крейсеров «Петербург» и «Смоленск» из Красного моря в район мыса Доброй Надежды, в течение 10 дней не мог установить с ними связи, чтобы передать приказание о прекращении крейсерских действий и возвращении в Айбаву.

Попытка реванша: подготовка 2-й Тихоокеанской эскадры

Переход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, закончившийся цусимской трагедией, пришелся на заключительный этап вооруженной борьбы на море.

Вопрос о необходимости усиления флота на Дальнем Востоке путем посылки эскадры с Балтийского моря не был чем-то неожиданным. Он неоднократно ставился еще до войны. Однако царское правительство и руководители Морского министерства, явно недооценивавшие флот Японии и переоценивавшие свои силы и возможности на Дальнем Востоке, не приняли должных мер к усилению флота на Тихом океане, хотя такая возможность у России была.

С началом войны, когда Тихоокеанская эскадра в результате внезапного нападения японцев потеряла несколько кораблей и была существенно ослаблена, вопрос об усилении флота на Дальнем Востоке вновь был поднят. Особенно решительно на этом настаивал вице-адмирал С.О. Макаров, который требовал срочно перебросить на театр военных действий эскадренные миноносцы и не возвращать назад отряд кораблей контр-адмирала Вирениуса, находившийся в то время в пути на Дальний Восток. Однако высказанные Макаровым предложения по этому вопросу не были приняты во внимание руководителями Морского министерства. Таким образом, правительство и высшее военное руководство не пожелало прислушаться к мнению людей, правильно оценивавших соотношение сил на Дальнем Востоке и настоятельно рекомендовавших усилить флот на Тихом океане.

Впервые решение о посылке эскадры с Балтийского моря на Дальний Восток было принято в апреле 1904 г.³⁸. Тогда же был решен вопрос и о составе эскадры. В нее должны были войти достраивавшиеся корабли по программе 1898 г., часть кораблей Балтийского флота и 7 крейсеров, которые намечалось купить за границей. Формирование эскадры и подготовка ее к походу были поручены начальнику Главного морского штаба контр-адмиралу З.П. Рожественскому. Однако и после этого все приготовления к отправке 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток велись крайне медленно. И только дальнейшее ослабление Тихоокеанской эскадры³⁹ после неудачного боя в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г. заставило правительство России принять некоторые меры к ускорению посылки эскадры на Дальний Восток.

Если бы 2-я Тихоокеанская эскадра прибыла на Дальний Восток до войны или в начале ее, то в этом случае объединение двух эскадр привело бы к изменению в соотношении сил на театре в пользу русского флота. Но это своевременно не было сделано. Решение о посылке 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, когда 1-я эскадра перестала существовать как организованная сила, а Порт-Артур, обстреливаемый японцами с суши, не мог быть использован в качестве надежной базы флота, теряло всякий смысл и неминуемо должно было привести к уничтожению флота по частям.

Во главе эскадры, как уже указывалось, был поставлен контр-адмирал З.П. Рожественский. В военно-морской исторической литературе Рожественский обычно освещается под общей рубрикой бездарных адмиралов. Как нам кажется, это слишком упрощенный подход к оценке личности Рожественского. Осуждая правительство и руководителей Морского министерства, в том числе и Рожественского как начальника Главного морского штаба, за бессмысленность посылки 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток при той обстановке, которая сложилась к тому времени на театре военных действий, мы не можем, однако, не согласиться с тем, что совершенный ею переход протяженностью в 18 000 миль

в крайне сложной политической обстановке и при полном отсутствии на пути следования эскадры баз действительно являлся беспримерным в истории военно-морского искусства. Вряд ли бездарный адмирал мог бы в таких трудных условиях обеспечить успешный переход целого флота, состоящего из нескольких десятков боевых кораблей и транспортов. Для этого нужно было обладать большими способностями военного руководителя.

Но дальше, по завершении этого поистине грандиозного перехода, следует также невиданное в истории русского флота поражение 2-й Тихоокеанской эскадры у Цусимы под командованием того же Рожественского. Таким образом, с одной стороны, вице-адмирал Рожественский, находясь во главе русской эскадры, обеспечил выдающийся успех, связанный с перебазированием крупного объединения флота на отдаленный театр военных действий, с другой — привел ее к разгрому в Цусимском сражении. В этом и заключается вся сложность объективной оценки личности Рожественского как командующего эскадрой.

Анализ материалов и документов по Русско-японской войне позволяет дать следующее объяснение этим, на первый взгляд, весьма противоречивым фактам и событиям, в центре которых оказался Рожественский. Судя по всему, вице-адмирал Рожественский был хороший моряк, способный организатор, обладал большой энергией, работоспособностью и силой воли, твердым характером и настойчивостью, являлся высокотребовательным начальником. Именно наличие этих качеств у Рожественского, как нам кажется, и обеспечило ему успех в руководстве переходом эскадры на Дальний Восток.

Однако для настоящего флотоводца наличие перечисленных качеств, которыми несомненно обладал Рожественский, еще недостаточно для того, чтобы добиться победы над сильным и хорошо подготовленным противником. Для этого необходимо, как показывает история, иметь еще высокую оперативно-тактическую подготовку и в совершенстве вла-

деть военно-морским искусством. Этого как раз и не хватало Рождественскому, как и большинству адмиралов того периода. Пожалуй, лишь С.О. Макаров имел и то и другое, и он по праву считался выдающимся русским флотоводцем конца XIX — начала XX в.

У вице-адмирала З.П. Рождественского было немало и других отрицательных качеств, очень мешавших ему успешно командовать флотом. К ним относятся: высокомерие, пренебрежительное отношение к подчиненным, в том числе и к своим ближайшим помощникам, страшное упрямство, нежелание выслушивать мнения других и учитывать их при принятии решения, считая, что все, кроме него, дураки и ничтожества, хамское отношение к матросам и офицерам, порой граничащее с ничем не оправданной жестокостью и желанием унижить их. Вот как характеризовал Рождественского один из офицеров его эскадры: «Командиры судов и офицеры эскадры Рождественского были возмущены и глубоко оскорблены его грубым, заносчивым и презрительным обращением с ними; такое обращение роняло их престиж в глазах подчиненных. Никакие соображения командиров не только не принимались адмиралом в расчет, но встречались презрительно, с ясными намеками на то, что в их головах нет ни капли мозга...»⁴⁰ Жестокость Рождественского вызывала страх у личного состава эскадры, но не чувство уважения к своему командующему, что отрицательно влияло на подготовку 2-й Тихоокеанской эскадры к предстоящему бою. Если указанные недостатки Рождественского как начальника, при наличии у него большой власти и относительно удовлетворительной организации и дисциплины на кораблях, не помешали переходу эскадры на Дальний Восток, то в бою с японским флотом они, наряду со слабой тактической подготовкой командующего эскадрой, сыграли очень отрицательную роль.

Подготовка 2-й Тихоокеанской эскадры к походу хотя и началась в апреле 1904 г., но проводилась очень медленно. Готовность эскадры задерживалась из-за слабой технической оснащенности и пригодности Либавы для ремонта морских

судов, а также и из-за неукomплектованности кораблей личным составом, как командным, так и рядовым. В связи с тем что кадровых офицеров не хватало, на 2-ю Тихоокеанскую эскадру было назначено большое количество молодых офицеров, досрочно выпущенных из Морского корпуса, а также призванных из запаса и переведенных из торгового флота. Еще хуже дело обстояло с рядовым составом. На большинстве кораблей матросы срочной службы составляли около 30%, остальные были новобранцы, недавно призванные во флот, и мобилизованные запасники пожилого возраста. Для укomплектования кораблей использовали также штрафников, отбывавших наказание в дисциплинарных батальонах⁴¹. И таких было немало. Например, на броненосце «Орел» число их достигало 80.

Приведенные данные показывают, насколько разношерстным был личный состав эскадры как по своему составу, так и по подготовке. Офицеры, призванные из запаса и переведенные из торгового флота, и большая часть рядового состава имели слабую подготовку, но, т.к. они были направлены на корабли только летом 1904 г., то за оставшееся до похода время (2–3 месяца) не смогли как следует изучить даже свои корабли. Из-за отсутствия необходимого времени на эскадре не было отработано совместное плавание и мало проведено практических стрельб¹⁰⁴. Например, на эскадренных броненосцах из артиллерии главного калибра не было проведено ни одной стрельбы. Низкий уровень боевой подготовки создавали не только командиры кораблей и офицеры эскадры, но даже рядовой состав. Поэтому моральное состояние экипажей кораблей было невысоким. Обращая на это внимание, командующий эскадрой писал: «Отправляясь из Балтийского моря, личный состав эскадры, знавший условия предстоящего плавания, не верил в способность эскадры дойти на Дальний Восток»⁴².

Недостаточно продуманно решен был вопрос и с организацией эскадры, которая к тому же неоднократно менялась, что крайне затрудняло налаживание службы на кораблях

и проведение боевой подготовки. Неправильно был организован и штаб эскадры⁴³, а также работа флагманских специалистов, которые выполняли свои обязанности каждый сам по себе, получая указания непосредственно от командующего эскадрой.

В период подготовки 2-й Тихоокеанской эскадры к походу нарушались самые элементарные требования сохранения военной тайны. О приготовлениях эскадры, ее вооружении и оснащении писалось в открытой прессе.

Русской эскадре предстояло совершить небывалый в истории переход протяженностью около 18 000 миль. Т.к. на всем этом пути Россия не имела ни одной базы, то обеспечение перехода эскадры приобретало особо важное значение и в конечном итоге определяло как возможность достижения этой цели, так и срок прибытия эскадры на место. Опыта в обеспечении такого перехода не было. Паровой броненосный флот в отличие от парусного нуждался в большом количестве угля и в специальном оборудовании для ремонта кораблей. Обстановка осложнялась тем, что Англия, путем грубого дипломатического нажима на правительства нейтральных государств, добилась отказа их от снабжения русской эскадры в пути и захода ее в порты этих стран. Кроме того, в состав 2-й Тихоокеанской эскадры входило большое количество кораблей старой постройки, имеющих небольшую дальность плавания и совершенно не приспособленных к таким дальним и длительным походам.

Учитывая все это, командование включило в состав эскадры для снабжения ее углем, продовольствием и пресной водой большое число транспортов, а для ремонта кораблей — плавучую мастерскую «Камчатка». Таким образом, впервые в истории был создан плавучий тыл для обеспечения перехода крупного соединения флота на отдаленный театр военных действий. В этом отношении русский флот намного опередил иностранные флоты, и в частности американский, который впервые применил плавучие базы только во Вторую мировую войну.

Создание плавучего тыла, обеспечивавшего переход эскадры на Дальний Восток в условиях враждебного отношения к России Англии, а также Германии, препятствовавшей поставкам угля для русской эскадры, сыграло решающую роль в обеспечении перехода и оказало существенное влияние на развитие военно-морского искусства в этой области.

7(20) октября корабли вышли в Северное море. 21 октября (3 ноября) эскадра прибыла в Танжер. Здесь произошло разделение отрядов. Главные силы, имевшие большую осадку, не могли пройти через Суэцкий канал, поэтому в сопровождении крейсеров и транспортов они направились в Индийский океан вокруг Африки. Отряд под командованием младшего флагмана контр-адмирала Д.Г. Фелькерзама в тот же день вышел в Суэц.

27 декабря 1904 г. (9 января 1905 г.) главные силы эскадры прибыли в бухту острова Носи-Бе (северо-западнее Мадагаскара), где соединились с отрядом Фелькерзама, прибывшим в этот район на 12 дней раньше.

В России началась буржуазно-демократическая революция. Резко изменилась обстановка на Дальнем Востоке. Падение Порт-Артура, гибель 1-й Тихоокеанской эскадры и поражение русской армии под Мукденом коренным образом изменили стратегическую обстановку на театре войны. В связи с этим перед 2-й Тихоокеанской эскадрой была поставлена новая задача — прорваться во Владивосток и в дальнейшем вести борьбу с японским флотом за господство на море⁴⁴. Эта задача была совершенно непосильна для эскадры, поэтому дальнейшее ее движение на Дальний Восток становилось авантюрой. Однако царь лично настоял на продолжении похода. Одновременно были приняты меры к усилению 2-й эскадры.

С этой целью в феврале 1905 г. из Либавы на Дальний Восток была послана 3-я эскадра под командованием контр-адмирала Н.И. Небогатова. В одном из своих частных писем вице-адмирал Рожественский, характеризуя 3-ю эскадру с точки зрения усиления его 2-й эскадры, писал: «Все

эти калеки, которые, присоединившись к эскадре, не усилят ее, а скорее ослабят. Гниль, которая осталась в Балтийском море, была бы не подкреплением, а ослаблением. Где я соберу эту глупую свору: к чему она, неученая, может пригодиться, и ума не приложу. Думаю, что будет лишней обузой и источником слабости»⁴⁵.

Длительная стоянка 2-й эскадры на Мадагаскаре могла быть использована для повышения боеспособности кораблей. И надо сказать, что Рожественский как-то пытался организовать это, но у него ничего не получалось, главным образом потому, что не хватало снарядов, и это не позволяло решить основную задачу — научить экипажи кораблей стрелять⁴⁶.

Выдержки из приказов вице-адмирала Рожественского показывают, что корабли 2-й эскадры по важнейшим видам боевой подготовки — маневрированию и артиллерийским стрельбам, от которых в первую очередь зависит успех в бою, были подготовлены неудовлетворительно. Судя по приказам вице-адмирала Рожественского, он очень низко оценивал боеспособность эскадры и совершенно не верил в ее силы и возможности решить поставленную задачу, тем более после гибели 1-й эскадры, когда обстановка на Дальнем Востоке коренным образом изменилась. Но путь назад был отрезан приказами из Царского Села и шапкозакидательской шумихой в прессе. Лейтенант Свенторжецкий, стоявший близко к Рожественскому и пользовавшийся особым доверием с его стороны, в одном из своих писем, высказывая мысль о невозможности решить поставленную перед эскадрой задачу, писал: «Я думаю, что адмирал этому верит, но он, конечно, молчит... Он сам никогда не подаст и тени мысли о возвращении эскадры в Россию. Он отлично знает, что вся Россия ожидает от него чего-то необычайного, ожидает победы и уничтожения японского флота... Адмирал знает, что вся пресса кричит о его будущих подвигах...»⁴⁷ Победы ждал, надеялся на нее прежде всего император, и Рожественский, хорошо понимая это и будучи главным инициатором посылки эскадры на Вос-

ток, конечно, не мог решительно потребовать от правительства возвращения ее в Россию. Но, когда эскадра прибыла на театр военных действий, вице-адмирал Рождественский понял, что наступил последний момент, когда еще можно спасти эскадру от неминуемой гибели, а вместе с этим и свою репутацию как начальника Главного морского штаба и командующего эскадрой. Он поставил вопрос о нецелесообразности дальнейшего движения эскадры во Владивосток и необходимости возвращения ее.

Находясь в районе Сайгона, Рождественский телеграфировал: «29 марта нахожусь в 300 милях от бухты Камранг, в которой полагаю ожидать приказаний, если не буду атакован и не допущен в бухту следящим за эскадрой японским флотом. Испрашиваю высочайшее повеление о дальнейшем движении соответственно положению дел на театре военных действий, и положению Владивостока особенно. Если надо идти дальше, то необходимо очень поспешить»⁴⁸.

Это первая телеграмма, в которой Рождественский, правда, еще очень робко, но достаточно ясно намекнул на нежелательность в сложившейся на театре военных действий обстановке продолжать движение во Владивосток.

Следует отметить, что когда принималось решение о посылке эскадры на Дальний Восток, вице-адмирал Рождественский, горячо его поддерживая, рассчитывал, что демонстрация внешне довольно внушительной русской эскадры заставит японцев прекратить военные действия и согласиться на мирные переговоры с Россией. В этом случае Рождественский, вставший во главе 2-й Тихоокеанской эскадры, оказался бы героем со всеми вытекающими из этого почестями, наградами и чинами. Продвигаясь на Дальний Восток, вице-адмирал Рождественский терпеливо ждал наступления такого момента, когда японцы заговорят о мире. Но время шло, а Япония вместо мирных переговоров непрерывно усиливала натиск на позиции русских как на суше, так и на море. И даже тогда, когда русская эскадра прибыла на театр военных действий, то Рождественский еще надеялся на мирный исход предпри-

нятой военной демонстрации. Именно поэтому он всячески затягивал свое пребывание у побережья французского Индокитая и выход во Владивосток.

Цусимская боль

Завершающим этапом похода 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток явилось Цусимское сражение, которое произошло в проливе 14(27) мая 1905 г. К моменту этого сражения соотношение сил флотов на театре военных действий сложилось следующим образом. Японцы имели 4 эскадренных броненосца и 8 броненосных крейсеров. Всего 12 кораблей. У русских было 8 эскадренных броненосцев, один броненосный крейсер и 3 броненосца береговой обороны, тоже 12 броненосных кораблей. По числу крейсеров японцы превосходили русских в 2 раза, а по эскадренным миноносцам и миноносцам в 7 раз. Таким образом, если оценивать соотношение сил флотов только по количеству кораблей основных классов, принимавших участие в Цусимском сражении, то надо сказать, что японцы имели большое преимущество перед русской эскадрой в крейсерах и многократное превосходство в минных силах — миноносцах и эскадренных миноносцах⁴⁹.

Но сила флотов определяется не только числом кораблей, но и их тактико-техническими данными. Главные силы японского флота (эскадренные броненосцы и броненосные крейсера) превосходили русские броненосцы, особенно старой постройки, в артиллерийском вооружении, бронировании и эскадренной скорости. Японские броненосные корабли превосходили русские в крупнокалиберной артиллерии в 1,43 раза, в артиллерии среднего калибра в 1,81 раз, по числу выстрелов в минуту в 2,59 раза, по массе металла, выпускаемого в минуту (масса выпущенных снарядов), в 2,69 раза и массе взрывчатого вещества, выбрасываемого в снарядах за одну минуту, почти в 15 раз.

Важным преимуществом японского флота являлось превосходство в эскадренной скорости на 3–4 узла, что позволя-

Эскадренный броненосец «Князь Суворов»

ло ему осуществлять во время боя маневр охвата головы русской эскадры. Таким образом, главные силы японского флота значительно превосходили русскую эскадру по всем важнейшим боевым и тактическим элементам: по ударной силе артиллерии, маневру и средствам защиты.

Но это только одна тактико-техническая сторона дела. Вторую, не менее (а может быть, и более) важную сторону составляет подготовка личного состава к бою. История русского флота знает немало примеров того, когда выдающиеся русские флотоводцы одерживали решающие победы над численно превосходящим противником, имевшим к тому же и более совершенные в техническом отношении корабли и оружие. Победы, например, Ф.Ф. Ушакова или Д.Н. Сенявина достигались главным образом за счет лучшей подготовки личного состава и более высокого военно-морского искусства русских флотоводцев.

Российский флот в Цусимском сражении не имел ни того ни другого. Личный состав эскадры, так же как и корабли, наспех набранный, был плохо подготовлен и обучен. Корабли не могли маневрировать в составе эскадры и вести огонь на больших дистанциях. А ведь огонь в сочетании с маневром играет решающую роль в достижении победы в бою. Это целиком было подтверждено и результатами Цусимского сражения, в котором исход боя в основном был решен артиллерийским оружием. Важным преимуществом японского флота было то, что он имел большой боевой опыт, приобретенный в период борьбы с 1-й русской эскадрой. В частности, японские корабли имели большую практику ведения боя на больших дистанциях и были хорошо натренированы в ведении сосредоточенного огня несколькими кораблями по одной цели.

2-я Тихоокеанская эскадра ничего этого не имела и, совершив длительный и тяжелый переход, вынуждена была сразу же вступить в бой с сильным и хорошо подготовленным противником. Вице-адмирал Рожественский как командующий эскадрой, который должен был повести ее в бой с превосхо-

дящим по силе противником, совершенно не отвечал своему назначению. Это был несомненно хороший организатор и волевой администратор, но не флотоводец. Он не обладал ни солидной тактической подготовкой, ни высоким флотоводческим искусством. Вступая в решающее сражение, вице-адмирал Рожественский уже не имел и тех положительных качеств, которые позволили ему обеспечить успешный переход эскадрам из Кронштадта на Дальний Восток. Это был больной, физически разбитый и морально подавленный человек, а не волевой энергичный командующий, который смог бы так же успешно повести свою эскадру в бой, как он это сделал при обеспечении ее перехода на театр военных действий. У вице-адмирала Рожественского не оказалось и достойных помощников, которые могли бы взять на себя руководство боем. Младший флагман Фелькерзам перед боем умер, а контр-адмирал Небогатов совершенно не подходил на эту должность.

Организация сил 2-й Тихоокеанской эскадры в бою была следующая. Броненосные корабли были разделены на три отряда по 4 корабля в каждом. Эскадренные миноносцы и транспорта были сведены в самостоятельные отряды. Наиболее существенным недостатком принятой Рожественским организации сил на сражение являлось включение в состав главных сил эскадры, наряду с новейшими броненосцами типа «Бородино», таких старых, не представляющих никакой ценности кораблей, как «Император Николай I» или броненосцы береговой обороны типа «Адмирал Сенявин», которые не усиливали боевую мощь эскадры, а скорее ослабляли ее, т.к. связывали действия первых двух отрядов своей малой скоростью хода и устаревшей артиллерией. Еще более серьезной ошибкой было включение в состав эскадры отряда транспортов, которые вообще стали обузой для боевых кораблей и заставляли командующего больше заботиться об их обороне, чем о нападении на противника. В целом организация сил русской эскадры была слишком громоздкая и не отвечала требованиям наилучшего использования главных сил в бою.

Японский флот был разделен на 8 боевых отрядов, из которых 1-й и 2-й представляли главные силы. В первый отряд входили 4 эскадренных броненосца и 2 броненосных крейсера. Этим отрядом непосредственно командовал адмирал Того, державший свой флаг на броненосце «Микаса». Второй отряд, во главе которого был поставлен младший флагман адмирал Камимура, состоял из 6 броненосных крейсеров. Таким образом, в состав первых двух боевых отрядов входили новейшие японские корабли, обладавшие примерно одинаковыми тактико-техническими данными. Будучи не связаны другими второстепенными силами, японские эскадренные броненосцы и броненосные крейсера могли свободно маневрировать и гораздо лучше использовать свою артиллерию и преимущество в скорости, чем русские новейшие броненосцы, обремененные старыми кораблями и транспортами.

Не лучше обстояло дело на 2-й Тихоокеанской эскадре и с планом сражения, которого, по существу, не было. Многочисленные приказы, в которых ставились задачи и давались указания на предстоящий бой, конечно, не могли заменить плана боя. Кроме того, из этих приказов невозможно установить главной цели, к которой должна была стремиться русская эскадра. Ей не ставилась задача нанесения удара по противнику в целях прорыва; она должна была прорываться во Владивосток, отбиваясь по возможности от атак неприятеля. При этом перед крейсерами и миноносцами ставились чисто пассивные и не свойственные им задачи.

Рожественский полностью отказался от активных действий, что не может быть оправдано, даже учитывая то большое неравенство в силах, которое имело место между русской эскадрой и японским флотом в Цусимском сражении. История военно-морского искусства учит другому. Чем слабее силы, тем четче должна быть организация сил в бою и управления ими, тем сильнее должно быть стремление вырвать инициативу из рук противника. У Рожественского этого не было. Неверие в свои силы, неверие в благополучный исход всего предприятия порождали чувство безнадежности

и угнетающе действовало на командующего русской эскадрой.

Неправильно был решен Рождественским и такой важный для управления силами в бою вопрос, как передача командования. В приказе по этому вопросу говорилось: «Если поврежден и неспособен управляться «Суворов», флот должен следовать за «Александром», если поврежден «Александр» — за «Бородино», за «Орлом». При этом «Александр», «Бородино», «Орел» имеют руководствоваться сигналами «Суворова», пока флаг командующего не перенесен, или пока в командование не вступил младший флагман...»¹³² Согласно этому приказу, при выходе флагмана из строя управление эскадрой фактически передавалось не младшему флагману или следующему за ним лицу, а командиру корабля, оказавшегося головным. Ну, а если командир головного корабля будет убит, а его помощники также выйдут из строя, то кто же в этом случае должен быть руководителем боя? Не исключена возможность, что при такой постановке вопроса во главе эскадры мог оказаться случайный человек, совершенно не подготовленный для этой цели. В бою так и получилось.

Сражение между русской эскадрой и японским флотом состояло из дневного боя 14(27) мая, ночных атак японских миноносцев, предпринятых ими 15(28) мая, и дневных боев отдельных кораблей 15(28) мая.

Накануне сражения главные силы русской эскадры (броненосные корабли) были разделены на 3 отряда по 4 корабля в каждом. Крейсера были сведены в два отряда — крейсерский и разведывательный. Миноносцам была поручена охрана броненосцев и транспортов, сопровождавших эскадру. Рождественский держал свой флаг на эскадренном броненосце «Князь Суворов».

Цусимский пролив встретил растянувшуюся на несколько миль эскадру холодным ветром. С севера шла крупная зыбь. Накануне сражения койки личному составу не раздавали. Командоры дежурили у орудий. Встречи с противником ждали с часа на час. Но ночь прошла спокойно.

В 8 часов на русских кораблях в честь коронации Николая II были подняты стеньговые флаги. В то же время с госпитального судна «Орел» сообщили о появлении японских крейсеров.

Около 9 часов эскадра перестроилась для боя в одну кильватерную колонну. Возглавлял ее 1-й броненосный отряд во главе с флагманским броненосцем «Князь Суворов», на котором находился Рожественский, за ним следовал 2-й броненосный отряд во главе с броненосцем «Ослябя», затем — 3-й броненосный отряд во главе с броненосцем «Император Николай I».

В 11 часов 10 минут на русской эскадре увидели крейсера вице-адмирала С. Дева. С броненосца «Орел» через 5 минут по ним открыли огонь, вслед за тем начали стрелять и остальные броненосцы.

Японский флот был разделен на 8 отрядов. В 1-й и 2-й отряды входили броненосные корабли. Это были главные силы Соединенного флота. Замысел японцев сводился к тому, чтобы охватить голову русской эскадры и, открыв сосредоточенный огонь по флагманским кораблям, лишить ее управления. Артиллерийский удар должен был завершиться ночными атаками миноносцев, на которые возлагалась задача развить успех дневного боя.

Рожественский считал, что японский флот намного сильнее русской эскадры. Таким образом, он заранее отказался от активных действий, полностью предоставив инициативу своему противнику. Повторилась та же печальная картина, что и в сражении 15(28) июля 1904 г.

Впрочем, иначе и быть не могло. И контр-адмирал В.К. Витгефт, и вице-адмирал З.П. Рожественский были представителями одной и той же школы, где исключением являлся такой талантливый флотоводец, как С.О. Макаров.

После 12 часов, воспользовавшись туманом, Рожественский попытался перестроить эскадру в строй фронта. Но туман скоро рассеялся, и приказ был отменен. К моменту встречи с главными японскими силами русская эскадра вновь двигалась в двух кильватерных колоннах.

В 13 часов 15 минут, следуя через Корейский пролив, русская эскадра справа по носу обнаружила главные силы противника. Они шли на пересечении курса. Как уже отмечалось, японцы намеревались охватить головные русские корабли. Однако Того не рассчитал своего маневра и прошел в 70 кабельтовых от головного корабля. Адмирал Рожественский, полагая, что японцы намерены атаковать левую колонну, состоявшую из старых кораблей, начал перестраивать эскадру в одну кильватерную колонну.

Главные силы японского флота, маневрировавшие в составе двух боевых отрядов, выйдя на левый борт, начали последовательный поворот на 16 румбов с целью охватить голову русской эскадры. Этот поворот, производившийся в расстоянии 38 кабельтовых от головного русского корабля и продолжавшийся в течение 15 минут, ставил японские корабли в чрезвычайно невыгодное положение. Делая последовательный поворот на обратный курс, японские корабли описывали циркуляцию почти на одном месте и, если бы русская эскадра вовремя открыла огонь и сосредоточила его на точке поворота японского флота, последнему могли быть причинены существенные потери.

Однако этот благоприятный момент не был использован Рожественским. Стремясь избежать охвата головных кораблей, командующий русской эскадрой повернул вправо и лег на курс, параллельный курсу японского флота. При этом оба японских отряда сосредоточили свой огонь на русских флагманских кораблях «Князь Суворов» и «Ослябя». По броненосцу «Князь Суворов» вели огонь 5 кораблей, а по «Ослябе» — 7.

Рожественский попытался сосредоточить огонь своих кораблей на флагманском броненосце «Микаса». Но сказалась неподготовленность русских артиллеристов к ведению огня по одной цели. Поэтому они вынуждены были перейти к рассредоточенному огню. Из-за неудачного маневрирования, а также из-за большого расстояния до неприятеля находившиеся в конце строя русские корабли 2-го и 3-го отрядов в это

время почти не могли вести огонь по противнику, т.к. передние корабли мешали их стрельбе.

С первых минут боя, находясь в исключительно тяжелых условиях вражеского обстрела, русские комендоры флагманских броненосцев показали свое умение. Эскадренный броненосец «Князь Суворов» вел огонь по броненосцу «Микаса», на котором держал свой флаг адмирал Того. По оценке самих японцев, «флагманский корабль адмирала Того «Микаса» получил более 30 снарядов. На нем была повреждена внутренность передней боевой рубки, передний и задний мостики, убита и ранена вся прислуга одного орудия, пробиты трубы, повреждены тела орудий, разбиты казематы и пробиты палубы»¹³⁵. По тем же данным, более 100 человек личного состава этого броненосца в бою 14(27) мая были убиты или ранены.

Превосходство японцев в артиллерии и слабость бронирования русских кораблей сказались сразу же. Флагманские броненосцы, находясь под сосредоточенным огнем противника, быстро получили серьезные повреждения.

В 14 часов 20 минут броненосец «Ослябя», принявший первый удар японской эскадры, вышел из строя. Один из участников боя писал: «Впечатление от опрокидывания этой гигантской высоты броненосца было ошеломляющим. С других кораблей было ясно видно, как с палубы люди карабкались на его борта, как они цеплялись, скользили, падали... сметались огнем вражеских снарядов»⁵⁰. Около 15 часов броненосец «Ослябя» затонул.

Если по «Ослябе» вели огонь все японские броненосные крейсера, то на броненосце «Князь Суворов» сосредоточили огонь 4 новейших эскадренных броненосца и крейсер, обрушившие на него град 12-дюймовых снарядов. Большая подводная пробоина вызвала крен корабля, наличие деревянных частей приводило к многочисленным пожарам, затруднявшим наблюдение и осложнявшим борьбу с японскими броненосцами.

Команда корабля, руководимая офицерами, мужественно боролась с водой и огнем. Однако через 45 минут после нача-

ла боя охваченный пламенем броненосец «Князь Суворов» со сбитыми мачтами, разбитыми кормовой башней и рулевым устройством в 14 часов 30 минут вышел из строя. Одним из снарядов, разорвавшимся в боевой рубке, были ранены Роже-ственский и командир броненосца.

Вот как описывают сами японцы последние часы русского флагманского корабля: «...корабль «Суворов», весь обгоревший и еще горящий, перенесший столько ударов, расстреливаемый всей (в полном смысле этого слова) эскадрой, имевший только одну, случайно уцелевшую пушку в кормовой части, все же открыл из нее огонь, выказывая решимость защищаться до последнего момента своего существования... Наконец в 7 часов 20 минут пополудни (точнее в 19 часов 30 минут), после двух атак наших миноносцев, он пошел ко дну... Наши воины отдавали должное его героическому сопротивлению»⁵¹.

После выхода из строя броненосца «Князь Суворов» во главе русской эскадры стал броненосец «Император Александр III», настойчиво пытавшийся выполнить приказ Роже-ственского — прорваться во Владивосток. На этот раз на него был направлен огонь 12 японских кораблей. Весь избитый, окутанный облаком дыма, с фонтанами огня, вырывавшимися то там, то здесь, сильно накренившись, он тоже вынужден был выйти из строя. Однако вскоре, кое-как справившись с пожаром и отстреливаясь, он снова вступил в строй, уступив свое место в главе колонны однотипному с ним броненосцу «Бородино».

В результате дневного боя 14(27) мая из четырех новых эскадренных броненосцев 1-го отряда три («Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино») погибли. Погиб флагманский броненосец 2-го отряда «Ослябя». Были потоплены вспомогательный крейсер «Урал» и транспорт-мастерская «Камчатка». Таким образом, боевое ядро 2-й Тихоокеанской эскадры было уничтожено в дневном бою.

Решающую роль в этом бою сыграло отсутствие управления русской эскадрой. Мало того что сам командующий

с 14 часов 30 минут перестал руководить действиями эскадры, Небогатов только через 5 часов получил указание о передаче ему командования. В этом бою не выполнил своей функции штаб, который во время сражения не изучал обстановку и не учитывал ее изменения, в том числе ошибок японского командования. При четкой работе штаба командующий русской эскадрой мог бы воспользоваться ошибками противника. Фактически русская эскадра только слепо следовала всем эволюциям флагманского корабля, имея лишь одну задачу — во что бы то ни стало прорваться во Владивосток. Поэтому она не вела активные действия, а только оборонялась, предоставив противнику возможность навязывать свою волю.

В 19 часов 12 минут Того приказал прекратить артиллерийский бой. С наступлением темноты на разрозненные корабли 2-й Тихоокеанской эскадры было послано до 60 японских миноносцев, которые должны были торпедными ударами закрепить успех, достигнутый в результате дневного боя. В результате ночных торпедных атак 2-го броненосного отряда, корабли которого во время боя включали прожекторы, был потоплен броненосец «Наварин», а броненосец «Сысой Великий», крейсера «Владимир Мономах» и «Адмирал Нахимов» получили повреждения.

К утру 15(28) мая 2-я Тихоокеанская эскадра как организованная боевая сила перестала существовать. Соединения и отдельные корабли ее были разбросаны по Корейскому проливу и не имели между собой связи.

Во время дневного боя 15(28) мая немало мужества проявили экипажи русских кораблей. Так, японский генеральный штаб дал следующую оценку гибели миноносца «Громкий»: «Неприятель храбро сражался. Когда нашим снарядам был сбит его флаг, он немедленно поднял его снова. Затем он ловко выпустил мину, которой «Сирануи» с трудом избежал; снаряды его ложились хорошо, и в «Сирануи» попало свыше 20 штук...»⁵²

Один из офицеров эскадренного миноносца «Громкий» в своем рапорте писал, что моряки «Громкого», находясь двое

суток под огнем врага без сна и пищи, мужественно сражались с более сильным противником.

Официальные документы и воспоминания участников сохранили многочисленные примеры величайшего героизма русских моряков, проявленного в этом сражении.

Неоднократно отмечались случаи, когда русские моряки, несмотря на серьезные ранения, не покидали своего поста или после того, как им оказывали первую медицинскую помощь, возвращались на свое место. Так, рулевой Копылов с эскадренного броненосца «Орел», которому осколком снаряда оторвало пальцы, замотав ветошью руки, стоял за штурвалом во время боя.

Японский флот, участвовавший в Цусимском сражении, был лучше, чем русский, подготовлен к боевым действиям. В его состав входили более новые, технически оснащенные и более быстроходные корабли. Личный состав японского флота был лучше подготовлен к бою. Однако и адмирал Того допустил ряд существенных ошибок. Во время сражения не была должным образом организована разведка. Увлечшись боем с транспортами, японские крейсера упустили русскую броненосную эскадру. В силу этого японский флот несколько раз терял своего противника.

Нельзя признать успешными действия японских миноносцев, несмотря на их большое количество. Торпедные атаки были малоэффективными. Только 6 японских торпед попали в русские корабли, при этом три из них — в один корабль. Многие корабли японского флота в сражении получили повреждения, три миноносца были потоплены. Из русской эскадры, насчитывавшей более 30 вымпелов, три крейсера были интернированы и лишь три корабля (крейсер «Алмаз» под командованием капитана 2-го ранга И.И. Чагина, эскадренные миноносцы «Бравый» под командованием лейтенанта П.П. Дурново и «Грозный» под командованием капитана 2-го ранга К. Андржеевского) прорвались во Владивосток.

В Цусимском сражении погибло 5045 человек, в том числе 209 офицеров, более 800 человек было ранено и контуже-

но⁵³. Хотя Цусимское сражение вошло в историю как черная страница царской России, в то же время оно показало мужество и величие подвига русских моряков. Через три океана они успешно провели эскадру, совершив 220-дневный поход. Несмотря на то что многие корабли были устаревших конструкций, что снаряды были с меньшим, чем у противника, весом взрывчатого вещества, что корабли имели слабое бронирование, русские моряки героически вели неравную борьбу с превосходящими силами противника.

В Цусимском сражении полностью выявилась несостоятельность высшего командования эскадры. Результаты Цусимского сражения особенно ярко вскрыли экономическую отсталость России, показали несостоятельность и бездарность высшего военного руководства, которое проявило полную беспомощность и беспринципность в вопросе подготовки и посылки 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. В этом заключалась главная причина невиданного поражения русского флота в Цусимском сражении.

Большая вина за поражение эскадры лежит лично на З.П. Рожественском, как начальнике Главного морского штаба и командующем 2-й Тихоокеанской эскадрой. Рожественский был одним из инициаторов посылки эскадры на Дальний Восток в условиях, когда она уже не могла изменить общего хода и исхода войны. Настояв на посылке эскадры и вызвавшись командовать ею, Рожественский вместе с тем не принял необходимых мер по подготовке ее к предстоящему морскому сражению. Сосредоточив все свое внимание на вопросах чисто административных и хозяйственных, связанных с обеспечением перехода эскадры на Дальний Восток, он упустил главное — боевую подготовку кораблей эскадры. Хорошо зная чрезвычайно слабую тактическую подготовку офицерского состава и неумение кораблей вести огонь на больших дистанциях, Рожественский как командующий должен был сосредоточить свое внимание на подготовке эскадры к бою, а не на решении хозяйственных вопросов.

Вице-адмирал Рожественский оказался не на высоте. Он совершил массу ошибок при подготовке эскадры к бою и в ходе Цусимского сражения. Он не учитывал опыт боевых действий 1-й эскадры в своей деятельности и ничего не сделал для того, чтобы познакомить с ним офицерский состав эскадры. Он разработал план боя, а в ходе сражения не организовал разведку, управление силами и передачу командования. Неправильно поступил Рожественский, соединив в одной кильватерной колонне новые и старые корабли. Это лишило его возможности в полной мере использовать боевые качества наиболее сильных кораблей. Не оправдало себя и маневрирование броненосных кораблей в одной длинной кильватерной колонне, т.к. затрудняло маневрирование и одновременное использование артиллерии всеми кораблями и в то же время облегчало противнику осуществление маневра охвата головы русской эскадры.

Цусимское сражение — это не только тяжелое поражение флота России, но и пример редкого мужества и героизма русских моряков. Первый в истории межтеатровый маневр огромного соединения паровых кораблей смело можно назвать подвигом российских моряков, особенно матросов, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть похода. Оказавшись по вине военных руководителей России в крайне тяжелом положении, матросы и офицеры русских кораблей самоотверженно сражались с превосходящими силами противника, проявляя при этом высокие образцы мужества и отваги. Японский флот действовал в более благоприятных условиях. Он хорошо подготовился к встрече с русской эскадрой и выбрал выгодную позицию для боя. Эта позиция обеспечила своевременное обнаружение японцами русских кораблей и сосредоточение ими главных сил на пути следования русской эскадры. Однако и адмирал Того допустил ряд серьезных ошибок. Он неправильно рассчитал свое маневрирование перед сражением, в результате чего не смог охватить голову 2-й Тихоокеанской эскадры при ее обнаружении. Совершив последовательный поворот в 38 кабельтовых от рус-

ской эскадры, Того поставил свои корабли под удар. Только неумелые действия Рожественского спасли японский флот от серьезных последствий этого неправильного маневра. Не организовал Того и тактическую разведку в ходе сражения, в результате чего неоднократно терялся контакт с русской эскадрой. Неправильно использовались крейсера в ходе сражения, поэтому японцы вынуждены были производить поиск русской эскадры главными силами. Недостаточно эффективно использовались также миноносцы, из которых часть вообще не смогла не только атаковать, но и обнаружить корабли русской эскадры.

В тактическом отношении Цусимское сражение показало, что:

- главным средством нанесения удара в бою была крупнокалиберная артиллерия, которая и решила исход сражения. Артиллерия среднего калибра, в связи с ростом дистанции боя, не оправдала надежд, которые возлагались на нее перед войной;

- увеличение пробивной способности бронестойких и разрушительного действия фугасных снарядов потребовало увеличения площади бронирования бортов корабля и удлинения горизонтальной брони;

- минные силы использовались главным образом для выполнения ночных торпедных атак, которые рассматривались в качестве одного из методов развития успеха дневного артиллерийского боя;

- торпедное оружие нуждается в увеличении массы взрывчатого вещества, скорости хода и дальности стрельбы;

- необходимо разработать новые, более совершенные, способы управления артиллерийским огнем на больших дистанциях и использования эскадренных миноносцев для выполнения торпедных атак в дневных условиях;

- боевое построение кораблей эскадры в одну кильватерную колонну при большом количестве кораблей не оправдало себя, т.к. затрудняло маневрирование, использование оружия и управление силами в бою;

- основным методом нанесения удара японцы избрали охват головы русской эскадры с одновременным сосредоточением огня нескольких кораблей на флагманских кораблях. Этот маневр увенчался успехом главным образом потому, что японцы имели значительное преимущество в скорости хода, а русская эскадра была связана направлением движения — на норд-ост;

- тактическая разведка должна вестись непрерывно как перед боем, так и в ходе сражения; для выполнения разведки лучше других кораблей подходили крейсера, обладавшие достаточно вооружением и большой скоростью хода;

- появление радио увеличило дальность связи до 100 миль, что расширило возможности управления силами в бою.

В иностранной военно-морской исторической литературе обычно замалчиваются ошибки и недостатки в действиях адмирала Того в Цусимском сражении. То ли потому, что он вышел победителем в этом сражении, не понеся особых потерь в кораблях, то ли потому, что в официальных японских источниках личность адмирала Того освещается чрезмерно тенденциозно: он представляется как самый выдающийся флотоводец эпохи парового флота. Очевидно, на этом основании ему совершенно необоснованно приписывается первенство в истории применения маневра охвата головы эскадры с одновременным сосредоточением огня на флагманских кораблях. В действительности же этот маневр за сто лет до адмирала Того блестяще осуществил знаменитый русский флотоводец Д.Н. Сенявин в Афонском сражении. Если же говорить о паровом броненосном флоте, то применительно к нему этот маневр впервые во всех деталях был разработан вице-адмиралом С.О. Макаровым и изложен им в инструкции для боя. Поэтому в военно-морской исторической литературе, особенно в зарубежной, часто встречающееся утверждение, что адмирал Того в Цусимском сражении первым применил маневр охвата головы с одновременным сосредоточением артиллерийского огня на флагманских кораблях, является ошибочным и не имеет под собой никаких оснований.

Цусимское сражение — заключительный этап вооруженной борьбы на море, который, несмотря на героизм моряков, закончился для России бесславно. После поражения у Цусимы российскому правительству ничего не оставалось делать, как только заключить мир с Японией.

ГЛАВА 5

Укрепление дальневосточных рубежей

Мероприятия по обороне Приморья

Важное значение в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. имели боевые действия, связанные с обороной дальневосточных границ России. С началом войны перед русским командованием встала задача обеспечить безопасность Приморья, Сахалина и Камчатки. Решение ее осложнялось крайним недостатком сил и средств. Это потребовало от войск и всего населения большого напряжения в борьбе с превосходящими силами противника.

В целях обороны Приморья был сформирован Южно-Уссурийский отряд. Ему надлежало прикрыть область от возможного вторжения противника из Северной Кореи и со стороны моря, а также служить подвижным резервом для гарнизона крепости Владивосток. В случае необходимости он мог быть использован для содействия войскам, находившимся в Маньчжурии. Отряд возглавлял генерал-майор А.Д. Анисимов.

Первоначально Южно-Уссурийский отряд состоял из 8 батальонов, 6 эскадронов и 32 орудий. В феврале 1905 г. отряду была поставлена задача — преградить путь японцам к Владивостоку и Никольску-Уссурийскому. Поэтому он был значитель-

но усилен и насчитывал 10 730 штыков, 230 сабель и 48 орудий. К концу апреля 1905 г. силы отряда исчислялись в 22 660 штыков, 306 сабель и 64 орудия. Одновременно началась постройка укреплений временного типа к югу от Никольска-Уссурийского с расчетом сдерживать противника со стороны Кореи и десант из заливов Гошкевича и Петра Великого.

Большое внимание уделялось усилению крепости Владивосток. Она была базой броненосных крейсеров «Рюрик», «Россия», «Громовой», легкого крейсера «Богатырь», вспомогательного крейсера «Лена», 10 номерных миноносцев, ледокола «Надежный» и нескольких вспомогательных судов¹.

К началу войны Владивосток не был готов к отражению неприятеля. Вооружение крепости не обеспечивало надежную ее защиту. Главная линия обороны проходила в 3–6 км от города. Господствующие высоты не были укреплены. Бетонных сооружений было мало. Берег Уссурийского залива и Русский остров вовсе не имели обороны. По штату крепость должна была иметь не менее 12 тыс. человек, а фактически в ней находилось 8650 человек. Из 400 орудий, бывших на вооружении, крепостных насчитывалось лишь 80. Японцы для взятия крепости планировали использовать 80 тыс. человек, 200 осадных орудий, эскадру крейсеров и миноносцев.

К марту 1904 г. гарнизон крепости стал увеличиваться и составил 17 тыс. человек. Но этих сил было еще мало на 63 км оборонительной линии. По-прежнему сказывался недостаток артиллерии, боеприпасов и продовольствия. Особенно интенсивно стали готовить крепость к обороне лишь после падения Порт-Артура. Фортификационные сооружения достигли значительного развития. Количество артиллерии увеличилось до 1500 орудий. Были сооружены дороги и произведена расчистка секторов обстрела. В мае 1905 г. численность гарнизона крепости достигла 52 356 человек².

Однако войскам, сосредоточенным в Южно-Уссурийском крае и Владивостоке, не пришлось участвовать в боевых действиях. Они остались в стороне от событий, происходивших в Маньчжурии.

Большую роль в обеспечении безопасности Приморья сыграли боевые действия русских войск в Северной Корее. В феврале 1904 г., когда стали поступать сведения о возможном появлении японских войск у русской границы, командование сформировало Уссурийский конный отряд под командованием полковника И.Д. Павлова. В начале февраля, с согласия корейского правительства, отряд Павлова перешел государственную границу и приступил к выполнению задачи. Командование постепенно усиливало отряд. Вскоре на его основе была сформирована Приамурская казачья бригада. Сначала ею командовал генерал-майор Н.И. Бернов, а затем В.А. Коссаговский.

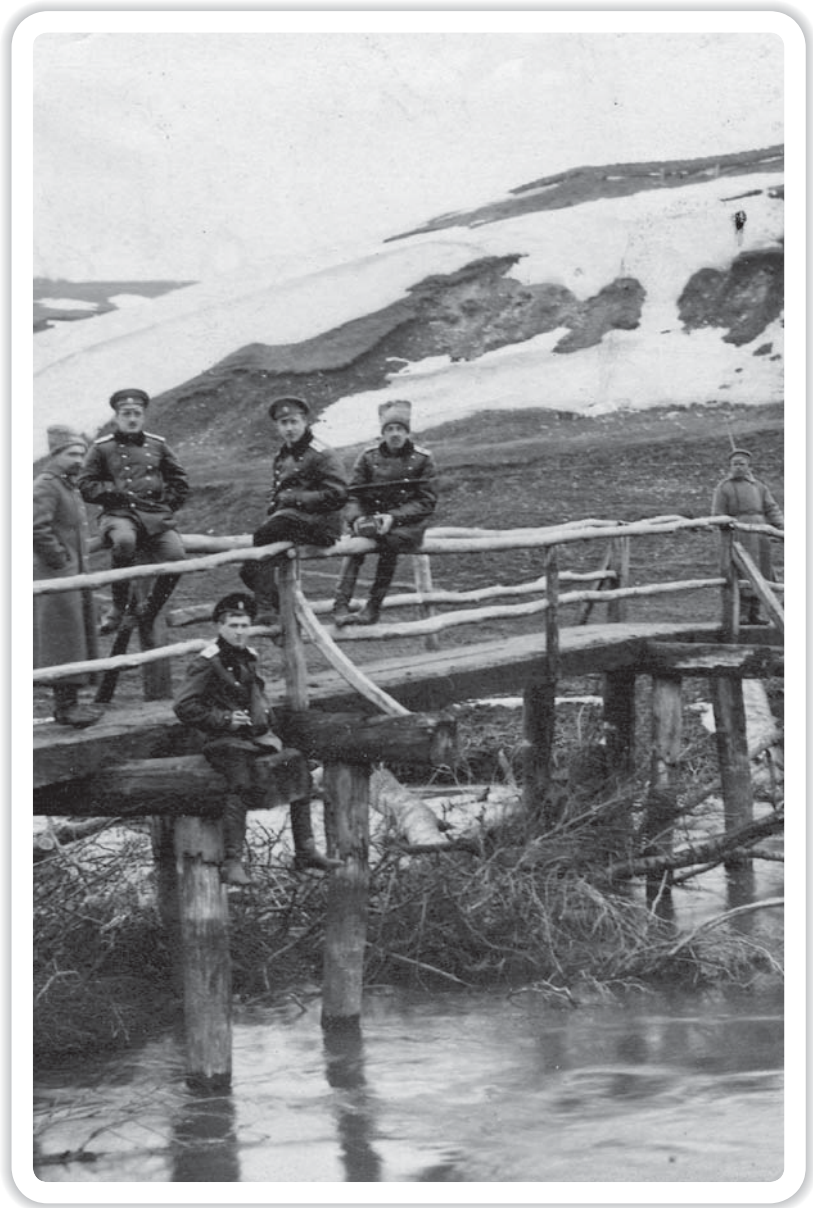
В связи с накапливанием японских войск в Северной Корее русские войска продолжали увеличивать там свою группировку. Командующим всеми войсками в Северной Корее 9(22) июня был назначен генерал-майор А.Д. Анисимов, ранее командовавший Южно-Уссурийским отрядом.

В течение весны, лета и начала осени 1904 г. в Северной Корее велись боевые действия между японскими и русскими войсками. Они носили ожесточенный характер.

23 июля (5 августа) 1905 г. японские войска начали наступление на шакорийские позиции, защищавшие г. Хериен. Все атаки японцев 18 и 19 августа (31 августа и 1 сентября) были отбиты, но превосходство в силах, которое позволяло японцам произвести охват флангов, заставило отряд отойти по направлению к г. Хериену.

Положение Корейского отряда в целом было невыгодным из-за отсутствия связи со своей базой и мостов через реку Тумень-Ула, смытых тайфуном. Но и японцы не пошли вперед. Они приостановили свое продвижение.

26 августа (8 сентября) на заставу 9-го Сибирского казачьего полка прибыл парламентар с известием о заключении перемирия между русским и японским правительствами (т.е. 23 августа (5 сентября) 1905 г.). Генерал-майор Анисимов, ссылаясь на отсутствие таких данных со стороны русского командования, отказался вести переговоры. 28 августа

Русские офицеры на мосту в Маньчжурии. 1905 г.

(10 сентября) им было получено разрешение вести переговоры. Японский парламентар предъявил требования: японские войска должны продвинуться на север и занять Хериен, откуда провести свою передовую линию до связи с правым флангом японских войск в Маньчжурии; русские войска должны отойти из Кореи на левый берег реки Тумень-Ула; нейтральной зоной должно стать пространство к северу от японских аванпостов. Генерал-майор Коссаговский нашел эти требования неприемлемыми. После долгих препирательств с японским командованием, длившихся до 4(17) октября, стало известно, что действительно с Японией подписано перемирие и боевые действия прекращались. Но русское командование Корейского отряда продолжало упорствовать, и японцам пришлось пойти на уступки.

22 октября (4 ноября) 1905 г. было выработано соглашение, по которому японские войска отводились назад на линию Пугонит — Хериен. После выполнения данных условий на этом участке фронта наступило полное затишье. Японские войска так и не смогли выйти на рубеж пограничной реки Тумень-Ула. Упорной обороной русские войска обеспечили безопасность Приморья с юга.

Оборона Сахалина

Сахалин оказался плохо подготовленным к обороне⁵. Ввиду недостатка войск на Южном Сахалине русскому отряду, располагавшемуся в районе поста Корсаковского, предписывалось, не оказывая упорного сопротивления, перейти к партизанским действиям. Было сформировано 5 партизанских отрядов, которые возглавили офицеры из маньчжурских армий. Для каждого из них назначали район действий. Продовольствие и боеприпасы были заготовлены на 2–3 месяца. Отрядам надлежало оборонять только Южный Сахалин. Единного командования отрядами не было. Они действовали самостоятельно согласно предписаниям, составленным накануне вторжения японских войск.

1-й отряд под командованием полковника Арцишевского насчитывал 415 человек, 8 орудий и 3 пулемета. В него входила также команда крейсера «Новик» под командованием лейтенанта Максимова в составе 60 человек и 4 орудий. Этот крейсер 7(20) августа 1904 г. вошел в залив Анива и был атакован преследовавшими его японскими крейсерами «Цусима» и «Читосе». После боя поврежденный «Новик» был затоплен командой, которая частично была оставлена на посту Корсаковском⁴. Районом действия отряда были назначены окрестности села Дальнего. Склады отряда располагались по реке Муравченко в 55 км от поста Корсаковского.

2-й отряд Гротто-Слепиковского в составе 178 человек с пулеметом должен был действовать в районе села Чеписаны до озера Тунайчи; 3-й отряд капитана Полуботко в составе 157 человек — в окрестностях села Севастьяновка; 4-й отряд Даирского в составе 184 человек — в районе реки Лютоги; 5-й отряд Быкова численностью 226 человек — в районе Найбучи. Кроме этих сил имелись незначительные посты в заливах Анива, Косунай, Сирароко.

22 июня (5 июля) 1905 г. японская эскадра из 53 судов, в том числе 12 транспортов, направилась к Сахалину, имея на борту дивизию Харагучи. Утром 24 июня (7 июля) под прикрытием огня двух кораблей японский десант начал высадку у деревни Мерея, расположенной на побережье залива Анива.

План обороны Северного Сахалина состоял в следующем: избегая решительных столкновений на побережье с превосходящими силами противника, отходить в глубь острова, развивая партизанские действия на флангах и в тылу наступающих японцев. Войскам Северного Сахалина было предписано оказать упорное сопротивление японскому десанту на участке побережья от села Арково-1 до поста Дуэ. Вооруженные силы Северного Сахалина были разделены на 4 отряда.

Арковский отряд под командованием полковника Болдырева численностью 1320 человек при 4 орудиях должен был оборонять Арковский береговой участок. В случае высадки превосходящих сил противника ему надлежало отступить че-

рез Камышовый перевал к селу Дербинское, по возможности задерживая противника.

Оборона Александровского берегового участка возлагалась на Александровский отряд под командованием полковника Тарасенко в составе 2413 человек при 4 орудиях и 6 пулеметах.

Дуйский отряд подполковника Домницкого численностью 1120 человек предназначался для обороны Дуйского участка побережья. В случае превосходства противника он должен был отступить через перевалы Верблюжий и Пиленгский к селу Рыковское. Рыковский отряд подполковника Данилова находился в селе Рыковское в качестве резерва. В его состав входило 150 человек. Все отряды, находившиеся под командованием генерал-лейтенанта Ляпунова, насчитывали 5176 человек.

Обособленность действий русских отрядов на Южном и Северном Сахалине, не объединенных общим командованием, а также отсутствие своевременной поддержки с материка позволили японцам оккупировать остров.

Оккупация Сахалина не оказала сколько-нибудь решающего влияния на ход и исход Русско-японской войны 1904–1905 гг. Однако, согласно Портсмутскому договору, Россия вынуждена была уступить Японии южную часть острова до 50-й параллели. Это была единственная часть русской территории, отторгнутая Японией в результате войны.

Защита Камчатки

Японские правящие круги планировали захватить не только Курильские острова и Сахалин, но и Камчатку. Свои агрессивные действия они пытались оправдать якобы необходимостью расширения окраин империи. Еще в 1893 г. с одобрения правительства 120 переселенцев на шхунах отплыли из Токио на острова Шумшу и Парамушир. Возглавил эту экспедицию «типичный патриот» Гундзи — лейтенант в отставке, основатель Патриотического общества⁵. Началось хищниче-

ское разграбление природных богатств этого региона. Японские колонизаторы вылавливали рыбу вблизи восточных и западных окраин Камчатки, истребляли морских котиков на Командорах. В 1903 г. русская канонерская лодка «Маньчжур» вынуждена была арестовать 12 японских шхун за незаконный лов рыбы и направить их во Владивосток.

Японское командование деятельно готовилось к нападению на Камчатку, чтобы сделать ее «землей микадо и население привести в верность Японии». На островах Шумшу и Парамушир строились дороги, прокладывались линии связи, создавались склады оружия и боеприпасов.

Начальником Петропавловского уезда был А.П. Сильницкий — исследователь Дальнего Востока, литератор и этнограф. Это был человек прогрессивных взглядов. Энергично борясь с казнокрадством, взяточничеством и злоупотреблениями местной администрации, он защищал население Камчатки от эксплуатации со стороны купцов. Сильницкий принимал меры по приведению края в готовность к обороне. Так, в апреле 1904 г. он объявил сбор жителей Петропавловска и поставил их в известность о приближавшейся угрозе вторжения японцев на Камчатку. Сход решил организовать дружину из 89 человек.

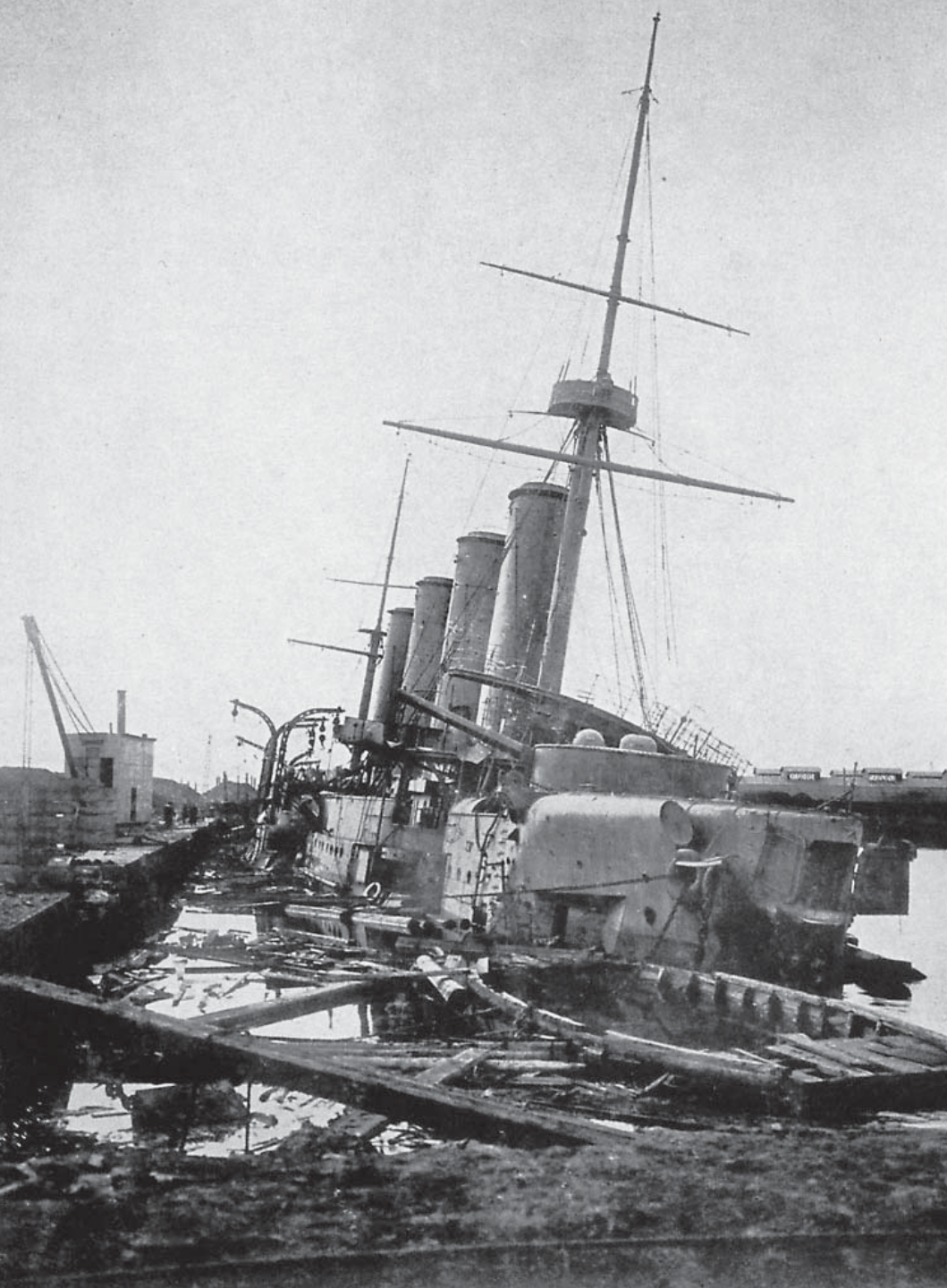
«Мысль о возможности защиты Камчатки собственными силами не была утопичной, — писал А.П. Сильницкий, — так как Камчатка — страна дикая и бездорожная». Противнику трудно будет вести боевые действия, особенно использовать свою артиллерию. В то же время защитники Камчатки, отличные охотники, хорошо знали местность. По подсчетам А.П. Сильницкого, их можно было набрать до 2 тыс. человек. При партизанском способе действий — это серьезная сила⁶.

В мае 1904 г. американский пароход «Редонда» привез неутешительные вести о почти проигранной войне. Но Сильницкий со своим помощником Викентьевым продолжал деятельно готовиться к встрече противника.

В 20-х числах мая четыре японские шхуны высадили отряд Гундзи численностью 150 человек у села Явино, жители

которого ушли в горы. Противник построил лагерь, выставил полевое орудие и принялся грабить богатое село. В Явине был поднят японский флаг. Русские произвели разведку, застав в японский лагерь одного из камчадалов под видом изголодавшегося жителя. По его возвращении на совете отряда было решено напасть на японский лагерь. 16(29) июля 1904 г., скрытно приблизившись к лагерю, отряд внезапно атаковал противника. Японцы бежали на шлюпках к шхунам. Лейтенант Гундзи был взят в плен. Японцы потеряли в бою 32 человека убитыми и ранеными. Потери русских составили 2 человека убитыми и несколько человек ранеными.

Попытки японцев высадиться в других пунктах Камчатки также были неудачны. Японское командование, опасаясь тяжелых боевых действий, отказалось от дальнейших попыток вторжения. За время обороны Камчатки в 1904 г. русские уничтожили 20 японских шхун и до 200 солдат и офицеров⁷. Защитники края энергично действовали против японских десантов. Они использовали свое преимущество в знании местности. Удачно применялись способы партизанской борьбы.

ГЛАВА 6

«Страшные Вы вещи говорите... но Вы правы! Нужны коренные реформы»

Окончание войны и ее уроки

В ходе вооруженной борьбы на сухопутном и морском театрах Япония добилась крупных успехов. Но это потребовало огромного напряжения ее материальных и моральных ресурсов. Экономика и финансы были истощены. Росло недовольство войной среди широких слоев населения.

Состояние действующей армии также не было достаточно прочным. Несмотря на одержанные победы, боевой дух японских войск постепенно ослабевал. Это хорошо видели русские. После отхода российских войск на Сынпингайские позиции число пленных японцев стало возрастать. Они уже не проявляли того фанатизма, как в 1904 г. «Многие из пленных, — писал Куропаткин, — откровенно признавались, что тяготеют войною. Во многих письмах с родины, находимых нами у убитых и пленных, тоже ясно сказывалось утомление войною: сообщалось о тяжелых налогах, которые возросли во время войны в чрезвычайной степени, о дороговизне предметов первой необходимости, об отсутствии зарплаток. Против расположения 1-го Сибирского корпуса однаж-

ды в плен сдалась японская рота полного состава, чего ранее не было».

Ухудшилось международное положение страны. Соединенные Штаты Америки, игравшие большую роль в развязывании войны, были обеспокоены успехами Японии. Ее усиление не отвечало их интересам. Поэтому они хотели, чтобы обе враждующие стороны возможно скорее примирились. Аналогичную позицию заняла Англия. Связанная союзом с Японией, она тем не менее стала отказывать ей в финансовой поддержке. Япония попала в почти безвыходное положение. Дальнейшее продолжение войны оказывалось невозможным. Оставалось одно — искать путь к заключению мира с Россией.

Победные сражения японских вооруженных сил на суше и на море стоили стране невероятных усилий. Они требовали большого напряжения всех материальных, финансовых и людских ресурсов. Можно сказать, что Русско-японская война истощила Японию во всех отношениях.

Первоначально призванный контингент численностью 425 тыс. человек оказался недостаточным. Всего за время войны было мобилизовано 1185 тыс. человек, или около 2% всего населения страны. Это в 5 раз превышало предвоенную численность японской армии. Одни лишь потери убитыми и ранеными (230 тыс.) превышали численность регулярной армии мирного времени. В армию была взята молодежь призыва 1906 г., а также пожилые люди, уже выведенные из запаса.

В отличие от Японии людские ресурсы России были лишь в незначительной степени затронуты войной. Россия отправила на Дальний Восток армию, составлявшую по численности 0,55% ее населения. Надо отдать должное командующему армией А.Н. Куропаткину: несмотря на ряд поражений и отступлений, ему не только удалось сохранить основные силы войска, но и постоянно наращивать их. Продолжение войны с большой вероятностью должно было привести к тяжелому поражению Японии на суше и к ее вытеснению с континента, с уже завоеванных ею позиций в Маньчжурии и Корее.

Понимая это, после сражения под Мукденом японские военные руководители потребовали от правительства скорейшего прекращения войны. В день мукденской победы начальник генерального штаба Ямагата Аритомо в докладе императору заявил: «Во-первых, враг имеет на своей территории еще значительные воинские силы, наши же силы истощены; во-вторых, враг еще не имеет недостатка в офицерах, мы же с начала войны имеем огромную убыль офицеров и сейчас восполнить этот дефицит не сможем»².

Положение Японии усугублялось тем, что ее финансы к концу войны были напряжены до предела. Общая сумма всех военных издержек, по разным оценкам, составила 1,5–2,0 млрд иен. Государственный долг по сравнению с довоенным вырос в 4 раза, составив к концу войны 2,4 млрд иен с перспективой уплаты ежегодных процентов до 110 млн иен, из которых 90 млн приходилось на проценты по военным займам. В совокупности это означало невозможность вести дальнейшие военные действия на континенте, что и обусловило стремление Японии как можно скорее выйти из войны, сохранив за собой свои новые завоевания.

Примечательно то, что японское правительство начало зондировать почву на предмет заключения мира с Россией, даже не дожидаясь окончания Мукденского сражения и отхода русских армий от Мукдена, начавшегося 26 февраля (11 марта) 1905 г.

Военный министр Масатаки Тераучи во время обеда, данного им в Токио 8 марта, неожиданно обратился через посредника к особо уполномоченному наблюдателю при японской армии американскому генералу Артуру Макартуру, в честь которого он давал прием, с предложением о возможности начать мирные переговоры с Россией при посредничестве президента США Теодора Рузвельта. 18 марта Т. Рузвельт дал сигнал, что он готов в качестве посредника принять участие в переговорах между Японией и Россией. Он понимал: во-первых, Япония уже не в состоянии продолжать широко-масштабную войну на суше; во-вторых, он будет полностью

информирован об условиях мирного соглашения как со стороны России, так и Японии; в-третьих, президент США будет главным действующим лицом в этих переговорах, что имело немаловажное значение для извлечения из них собственных выгод. Однако и европейские державы — Франция, Англия и Германия — не желали оставаться в стороне. Разгорелась жаркая дипломатическая баталия.

Тем временем события стремительно развивались. Цусимское сражение окончательно выявило победителя в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Однако, к изумлению иностранных послов в Токио, весть о победе была встречена со сдержанной радостью. Японское правительство не обошлось результатами Цусимы. Военный и экономический потенциал страны был на исходе. И нет ничего удивительного в том, что уже 31 мая японский посланник Такахира в США получил телеграмму от премьер-министра Т. Кацуры, в которой ему поручалось «выразить президенту (США. — *Авт.*) надежду японского правительства, что... имея в виду изменившееся в результате недавнего морского сражения положение, президент найдет для себя возможным немедленно и всецело по своей инициативе пригласить обоих противников встретиться для непосредственных переговоров». На вопрос Т. Рузвельта, каковы же будут условия Японии, без чего нельзя начинать переговоры с Россией, из Токио сообщили, что Япония не потребует «чего-либо безмерного» и «ограничится Сахалином», а контрибуция также будет умеренной. Президент дал согласие быть посредником на переговорах, к которому он был уже готов.

В России в это время правительство также обсуждало сложившуюся обстановку. 24 мая (6 июня) 1905 г. состоялось Особое совещание в Царском Селе. Обсуждались следующие вопросы:

1. Возможно ли удовлетворить при нынешнем внутреннем положении России те требования, которые ставит главнокомандующий для успеха действий нашей армии против японцев?

2. Имеющиеся боевые средства дают ли возможность воспрепятствовать японцам занять в ближайшем будущем Сахалин, устье Амура и Камчатку? Какой результат может дать при заключении мира успех нашей армии в Маньчжурии, если Сахалин, устье Амура и Камчатка будут заняты японцами? Следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира?

Доклад военного министра о состоянии армии в Маньчжурии был следующего содержания.

При наличии в трех маньчжурских армиях около 320 тыс. человек пехоты «в июле у нас может быть сосредоточено до 500 тыс. штыков», у японцев же налицо около 300 тыс. штыков; «в кавалерии мы в три раза сильнее японцев», «уступаем теперь лишь в количестве пулеметов»; в Приморской области против русских 60 батальонов японцы «могут отрядить армию в составе «около 80 тыс. человек» и «таким образом, — по мнению военного министра, — нельзя признать, чтоб мы были слабее японцев, а вернее, что в общей численности мы в настоящее время почти сравнялись с ними по силам».

30 мая (12 июня) В.Н. Ламсдорф официальной телеграммой сообщил в Вашингтон о принятии Россией предложения Т. Рузвельта начать переговоры. Администрация президента США деятельно принялась готовиться к мирной конференции. В душе приняв сторону Японии, Рузвельт отнюдь не желал ее усиления. По его твердому убеждению сильная Япония — это «страшная новая сила, завистливая, обидчивая и воинственная, которая в состоянии раздражения может одним разом захватить у нас Филиппины и Гавайи, если она получит превосходство на морях»; что «несомненным образом японские солдаты и моряки показали себя страшными противниками, и не может быть противника более опасного на свете». В этой перспективе его раздражала политика законодательного собрания штата Калифорния в отношении японских иммигрантов — «не впускать» их «на том основании, что они являются безнравственной, выродившейся... расой», — политика прямой провокации, удивительным образом сочетающаяся с ожиданием «получить преимущества

на восточных рынках» и с «тупым равнодушием к постройке флота».

27 июля (9 августа) 1905 г. в Портсмуте открылась мирная конференция. Японскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Дзютаро Комура, русскую — председатель совета министров С.Ю. Витте. 28 июля (10 августа) русская делегация первой вошла в зал и ожидала японскую делегацию. Комура вошел в зал, взял кресло и усадил своих людей. После него за стол переговоров села и русская делегация. Комура передал Витте условия мирного соглашения. Началась кропотливая и томительная процедура отработки формулировок и прений по каждому из отдельных пунктов условий. С.Ю. Витте приложил немало усилий и «хитрой» дипломатии, стремясь умерить радикальный настрой царя и его окружения, иногда и надавить на Петергоф — лично на Николая II, чтобы переговоры не зашли в тупик.

К 16(29) августа основные спорные пункты были урегулированы. Российская делегация вынуждена была согласиться с претензиями японской стороны: отказаться в пользу Японии от аренды Квантуна (Ляодунского полуострова) и уступить ей Южный Сахалин до 50-й параллели, но и Япония не требовала выплаты военных расходов, на которых она упорно настаивала.

Несмотря на то что С.Ю. Витте получил ироничную приставку к своей фамилии «Полусахалинский», следует отметить, что он действовал осмотрительно и добился определенных успехов. Согласование и подписание мирных условий проходило в весьма жесткой обстановке. Был момент, когда «главный миротворец» Т. Рузвельт, при негласном содействии английских дипломатов, попытался надавить на русскую делегацию, чтобы принудить ее отдать Японии весь Сахалин. В этом случае был бы закупорен выход России в Тихий океан, чего и желал президент США³. Но Северный Сахалин и устье Амура остались во владении России.

Несомненно, на ход переговоров повлияло то обстоятельство, что Россия находилась в ином положении, чем Япония.

У нее было достаточно сил и средств, чтобы выиграть войну даже после цусимской катастрофы⁴. Однако в стране нарастало революционное движение, социальное напряжение в обществе достигло критической точки, и правительство спешило развязать себе руки для борьбы с надвигающейся политической катастрофой.

Позиция японской делегации на Портсмутской конференции 1905 г. подорвала основы юридического права ссылаться на договоры 1855 и 1875 гг. в будущем. Тогда это помогло Японии отторгнуть от России Южный Сахалин, укрепиться на Курильских островах. Однако в дальнейшем, по мере изменения международной обстановки, это «аннулирование» прежних договоров создало запутанный клубок противоречий между двумя государствами.

После Второй мировой войны в результате поражения Японии Россия восстановила свои права на прежние свои территории — Курильские острова и Сахалин. Так сиюминутная выгода для Японии Портсмутского мира от 1905 г. обернулась крупными потерями впоследствии. Война 1904–1905 гг., в свою очередь, согласно формулировке в Приложении № 10 от 1905 г., перечеркнула прежние договоренности. С учетом того факта, что Япония напала на Россию в 1904 г. без объявления войны, апелляция к прежним договорам со стороны Японии с точки зрения международного права выглядит в наше время весьма проблематично.

14(27) октября 1905 г. Портсмутский мирный договор был одновременно ратифицирован императорами Японии и России — Мацухито и Николаем II.

Несмотря на то что война, как выразился С.Ю. Витте, окончилась «благопристойным» миром, это не могло заслонить факт поражения, понесенного Россией. Виною тому была внешнеполитическая деятельность российского правительства.

Япония сумела вовремя окончить войну. «Если бы переговоры сорвались и военные действия возобновились, — пишет американский историк Х. Бартон, — то для достижения скорой победы у Японии не было бы войск»⁵.

Война тяжелым бременем легла на плечи народов обеих стран. Она стоила обоим государствам больших жертв. Россия потеряла свыше 270 тыс. человек, в том числе более 50 тыс. убитыми. Потери Японии исчислялись в 270 тыс. человек, включая более 86 тыс. убитыми. Такую цену заплатили русский и японский народы за политику своих правительств в угоду монополиям.

Русско-японская война обострила до предела внутривнутриполитические противоречия в России. Они коснулись практически всех слоев населения. В стране быстро нарастал кризис. Произошел социальный взрыв. В январе 1905 г. началась первая русская революция. С большим трудом правительству удалось погасить нараставшее революционное движение, частично даже охватившее армию и флот. В 1907 г. ситуация была взята правительством под контроль. Революция завершилась, но ее последствия тяжело отразились на социально-экономическом развитии страны. Особенно много усилий пришлось приложить для того, чтобы восстановить военный потенциал государства, уменьшавшийся не только в результате революции, но и из-за понесенных потерь в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Последствия войны также негативно сказались на социально-экономическом положении Японии. Рост налогов, скачок цен на предметы первой необходимости понизили жизненный уровень народа, не прибавляла оптимизма и потеря кормильцев, погибших в войны. По мере того как тяготы и жертвы войны росли, одним из главных тезисов японской пропаганды стало утверждение, что победа в войне принесет неисчислимы блага Японии и оправдывает все трудности и лишения, понесенные народом. В результате ожидания грядущего величия и благоденствия широко распространились во всех слоях японского общества. Они подогревались смакованием в японской прессе совершенно нереалистических условий будущего мира с Россией (часть из них, впрочем, действительно вошла в японской проект мирного договора): контрибуции в 3 млрд иен, присоединения к Японии

Сахалина и Приморской области, передачи ей русских арендных прав в Маньчжурии, выдачи всех русских кораблей, находившихся в нейтральных портах, ограничения прав России иметь флот на Тихом океане и т.д.

Когда первые сведения о реальных условиях мирного договора достигли Японии, они вызвали там своего рода шок. О том, что Япония не может продолжать войну без риска потерять свои завоевания, знало только высшее руководство страны. Широкие массы постоянно слышали лишь сообщения о «великих победах» японских войск и при этом твердо усвоили, что для Японии «жизненно необходимы» Сахалин и русский Дальний Восток. Поэтому Портсмутский мир был воспринят значительной частью населения Японии как глупость или предательство. По иронии судьбы японским правящим кругам пришлось пожинать плоды собственной пропаганды.

Японские политики из числа крайних националистов постарались использовать недоумение и разочарование, охватившие японское общество, для того чтобы усилить свои позиции. Антирусская лига была немедленно переименована в Лигу борьбы с мирным договором. Уже 3 сентября 1905 г. Лига собрала в Осаке большой митинг, на котором была принята резолюция с требованием, чтобы правительство Кацура отказалось от мирного договора с Россией и продолжило войну. Такой же митинг Лига решила провести и в Токио.

Митинг был назначен на 5 сентября 1905 г. в парке Хибия, в центре города. С утра туда стал стекаться народ. Правительство, осведомленное о возбужденном настроении толпы, опасалось, как бы митинг не вышел за рамки, намеченные его организаторами. Поэтому приказом министра внутренних дел митинг был запрещен и к парку было стянуто множество полицейских.

Несмотря на это, гигантская толпа (не менее 100 тыс. человек) прорвалась в парк, и митинг все-таки состоялся, а затем его участники вступили в столкновение с полицией. Они осыпали полицейских градом камней, стали жечь полицейские будки и участки. Беспорядки быстро распространялись и вскоре охватили почти весь город. Возбужденные тол-

пы атаковали министерство внутренних дел, где, по слухам, укрывались премьер-министр и начальник полиции. Были даже использованы тараны, с помощью которых пытались проломить стены министерства. Беспорядки продолжились и на следующий день, 6 сентября. Лишь после введения чрезвычайного положения протест удалось подавить.

Уроки войны и ее влияние на развитие военного искусства

Отличительной чертой российской стратегии на протяжении всей войны была нерешительность, пассивность. Основным методом стратегических действий признавалась оборона. Это объяснялось не только особенностями характера лиц, стоявших у руководства армией и флотом, но и объективными условиями. Среди них немаловажную роль играла неразвитость коммуникаций. Средства и пути сообщений — одни из важнейших материальных факторов войны. Степень их развития оказывает существенное влияние на ход вооруженной борьбы различных масштабов. Особенностью Русско-японской войны было то, что театр военных действий находился на большом удалении от промышленных районов.

Сухопутные и морские коммуникации отличались огромной протяженностью. Нехватка транспортных средств, плохое состояние дорог сильно затрудняли снабжение русской армии в Маньчжурии и военно-морских баз на побережье Желтого моря. Это накладывало свой отпечаток на стратегическое решение русского командования.

Стратегическая инициатива постоянно находилась в руках японского командования. Однако его стратегия отличалась большой осторожностью. Главное внимание обращалось не на разгром живой силы русских, а на захват территории. Стратегическое наступление велось от рубежа к рубежу. Это позволяло Маньчжурской армии постепенно отходить к северу, сохраняя ее боеспособность и численный перевес над противником.

Необычайно возросший масштаб боевых столкновений вызвал ряд новых явлений в области военного искусства. Так, военные действия в Ляояне и на реке Шахэ свидетельствовали о зарождении армейской, а под Мукденом — фронтовой операции. Это обусловило возникновение задачи разработки теории их подготовки и ведения. В Мукденском сражении участвовали с обеих сторон 8 армий общей численностью около 600 тыс. человек при 2300 орудиях. Сражение длилось 16 суток и имело небывалый для того времени пространственный размах: боевые действия велись на фронте 155 км и до 50 км в глубину. Это была, по существу, первая в истории операция фронтового масштаба. Огромный размах боевых действий настоятельно требовал от командующих армиями широкого оперативно-стратегического кругозора, новых методов управления войсками. Однако они не были подготовлены к действиям такого масштаба и пытались решать новые задачи старыми, но отжившими свой век способами.

Постоянно нарушалась организационная система российских войск. Формировались многочисленные сводные отряды. Раздергивались корпуса, дивизии и даже полки. Им ставились различные задачи, не объединенные общим планом и единой целью. Назначались командиры, которые до этого не имели никакой связи с подчиняемыми им войсками. Под Мукденом импровизация при создании временных формирований доходила до абсурда. Так, один корпусной командир получил под свое командование 45 батальонов, не имевших никакого отношения к вверенному ему корпусу. Подобные наспех сколоченные отряды не имели штабов, что крайне затрудняло управление ими⁶.

Зачастую командиры дивизий, корпусов и даже командующий армией находились не на командном пункте, а непосредственно на передовых позициях, перемещаясь вдоль первой линии войск. Терялось управление армией. Сражение приобретало хаотичный, эпизодичный характер, поскольку приказы отдавались несвоевременно, без учета анализа хода боя и сражения⁷.

Автор воспоминаний о войне генерал-майор Ф.П. Рерберг (в то время полковник штаба 2-й Маньчжурской армии генерала О.К. Гриппенберга), несмотря на определенную тенденциозность в освещении деятельности А.Н. Куропаткина, вплоть до прямого обвинения его в предательстве, дал весьма верную и точную характеристику штабным чинам. Он писал: «Тотчас по назначении, Куропаткин начал готовиться в дальний путь; сборы были не легкие: надо было сформировать Полевой Штаб Маньчжурской Армии и снарядить и обеспечить всем необходимым для жизни Ставки. Не легко было и формирование полевого Штаба, по существу, ибо никакого мобилизационного плана, никаких на то соображений в мирное время Военным Министром подготовлено не было, и всю работу приходилось делать экспромтом, и мобилизация Штаба Куропаткина производилась не так, как то следовало в устроенной армии, а как у папуасов, т.е. способом кустарным: на должности люди назначались не соответственно их подготовки в мирное время, а по какому-то странному закону полного хаоса. <...> На деле оказалось, что вся прежняя служба и подготовка в специальностях, потребных в военное время, пошли на смарку. <...> Начальником полевого Штаба Армии он <Куропаткин> пригласил не начальника штаба одного из Военных Округов и не генерала, служащего на Дальнем Востоке, нет, он пригласил почему-то Командира Корпуса пограничной стражи, генерала Сахарова. На должность Генерал-квартирмейстера был приглашен не подготовленный в этом отношении один из квартирмейстеров, — а генерал, уже давно порвавший непосредственную связь с войсками, ничем не командовавший, а специализировавшийся на службе по передвижению войск — бывший когда-то Заведующим передвижением войск, а затем Начальником Военных сообщений Виленского Военного Округа, генерал-майор Владимир Иванович Харкевич; на должность Дежурного Генерала (как на смех) был назначен генерал, который никогда по части «Дежурства» не служил, а занимал должности: начальника военных сообщений, а затем — генерал-квартирмейстера

Киевского военного округа, генерал-майор Александр Александрович Благовещенский, ни один из опытных начальников военных сообщений не был приглашен на эту должность в армии, а на нее был назначен начальник канцелярии военного министра генерал-лейтенант Александр Федорович Забелин; вся санитарная часть, наперекор Положению, была изъята из ведения «Дежурного Генерала» и был назначен особый начальник санитарной части армии, и на эту должность был приглашен — губернатор — генерал Ф.Ф. Трепов; начальником транспортов армии, точно также, был назначен офицер, никакого дела с транспортной частью в мирное время не имевший, — полковник Ухач-Огорович; начальником Военно-дорожного управления армии также был назначен человек, совершенно к этому делу не подготовленный — строитель Либавской крепости, произведенный в генерал-майоры, наш знаменитый Иван Иванович Шевалье-де-ла-Серр, — человек знакомый с инженерным делом, но очень отсталый даже по своей специальности, отличный игрок в шахматы, знаток по уходу за дамами и за начальством, но полный невежда в смысле знания военного дела вообще». Как следует далее из воспоминаний Ф.П. Рерберга, в окружении командующего царили протекционизм, интриги и ревность к самостоятельным мыслящим офицерам, а назначенные начальники справлялись со своими обязанностями из рук вон плохо. Некомпетентность некоторых распоряжений доходила до того, что, например, командующий 2-й армией О.К. Гриппенберг самовольно покинул свой пост и отправился в Петербург искать правды. Глубокие противоречия внутри командования не могли не оказать отрицательного воздействия на все русские войска.

Помимо того, у командующего и его штаба не существовало каких-либо «соображений о сосредоточении войск на Дальнем Востоке и о формировании армий, об усилении Порт-Артура, о назначении ему орудий и снарядов, о производстве съемок местности к северу от Ляояна, о заказе для Дальнего Востока горной артиллерии и обозов и т.п. состав-

лено не было, если не считать довольно странного решения вопроса, выразившегося в заблаговременной отправке на Дальний Восток по одной бригаде от X и XVII армейских корпусов».

Опыт войны подтвердил необходимость отказа от «стратегии генерального сражения», т.к. исход современной войны не мог быть решен одним-двумя сражениями. Требовалось предельное напряжение экономических, моральных и военных возможностей страны.

Война показала, что при оснащении массовых армий большим количеством новейшей техники и при использовании технических средств связи (телефон, телеграф, радио) военные действия приобретают широкий размах и выходят за рамки боя и сражения.

В ходе Русско-японской войны сложились многие элементы фронтовых и армейских операций, были созданы объективные предпосылки для появления новой отрасли военного искусства — оперативного искусства. Действия нескольких армий велись по единому плану, под единым руководством и направлялись на решение общей оперативной задачи. Применялись такие формы оперативного маневра, как охват и обход. В этом отношении японское командование имело некоторое преимущество по сравнению с действиями русского руководства. Оно широко использовало маневры в ходе проведенных сражений. Для противодействия наступающему обороняющаяся сторона создавала оперативные резервы и готовила в тылу оборонительные позиции. В результате оборона приобретала оперативную глубину.

Если в начале войны оборона отличалась линейным построением и слабым инженерным оборудованием, то на подступах к Порт-Артуру, под Ляояном и особенно на реке Шахэ она приобрела новую форму. Оборонительные позиции протянулись на многие десятки километров. Они занимались войсками и оборудовались окопами, блиндажами, проволочными заграждениями и т.д. Создавалась система огня, которая играла важную роль в отражении атак массированных

сил пехоты. В целом подобная оборона обладала достаточной устойчивостью. Однако большинство военных теоретиков того времени считало, что полевая позиционная оборона — явление чисто случайное, присущее только данной войне.

Применение новых военно-технических средств оказало существенное влияние на характер боевых действий. Первостепенное значение получила борьба за огневое превосходство над противником. При этом ведущая роль перешла к артиллерии. Пехота не могла уже больше действовать сомкнутыми массами и решать исход боя штыковыми атаками. Достижение успеха стало возможным только при умелом сочетании огня, маневра и удара. Однако взаимодействие пехоты и артиллерии в ходе сражений было довольно слабым, что не позволяло в полной мере использовать огневую мощь скорострельных орудий.

Рост эффективности боевых средств потребовал снижения тактической плотности пехоты. Ширина фронта обороны дивизии в ходе войны возросла в 2,5 раза, а полоса наступления — более чем в 1,5 раза. Боевые порядки рассредоточились по фронту и в глубину. Стрелковые цепи стали разреженными. В практику вошли ночные боевые действия. Больше внимания уделялось маскировке.

Пехота, укрываясь от огня, начала зарываться в землю. Основным видом инженерного оборудования при полевой обороне стал стрелковый окоп. Под воздействием растущих огневых возможностей средств поражения постепенно возрастала и глубина тактической обороны. К концу войны оборонительная позиция включала в себя 3–4 линии окопов и различные заграждения, ее глубина достигала 4 км⁸.

Военное министерство России плохо подготовилось к ведению войны на Дальнем Востоке. Считая Японию слабым противником, оно не увеличивало силы в том регионе. Кадровая армия насчитывала 1 млн 100 тыс. человек. Кроме того, имелся резерв — 3,5 млн человек. И из этого числа войск на Дальнем Востоке находилось всего 98 тыс. человек, 148 полевых орудий и 8 пулеметов. По существу, эти силы были раз-

бросаны на огромной территории от Читы до Владивостока и от Благовещенска до Порт-Артура.

Низкая пропускная способность Транссибирской магистрали — всего три пары воинских эшелонов в сутки — ограничивала возможность подвоза людских пополнений, вооружения и военного имущества. Длительный переезд, более 30 суток, негативным образом сказывался не только на прибытии пополнений, но и на подготовке войск к боевым действиям. В ходе Русско-японской войны в России было проведено 9 мобилизаций и на театр военных действий было отправлено в общей сложности 1 млн 200 тыс. человек.

Япония уже в первоначальном периоде войны мобилизовала значительные вооруженные силы. Она сумела в первые месяцы боевых действий достичь крупных успехов, предопределивших ее победу. Затрачивая от одного до двух дней на транспортировку войск морем, японское командование быстрее получало пополнение с островов. За весь период войны оно мобилизовало 945 397 человек, из них пехоты — 516 178 человек. Эти данные показывают, что война с японской стороны велась главным образом сухопутными силами, причем японская пехота была вооружена совершенным по тому времени скорострельным стрелковым оружием.

Русско-японская война была первой войной, в которой сражались с обеих сторон главным образом сухопутные войска, вооруженные таким типом винтовок. Принятие скорострельных винтовок на вооружение обусловило необходимость увеличения запасов патронов. Японская пехота была обеспечена патронами хорошо — по 600 патронов на каждого солдата-стрелка. Кроме того, в обозе имелось еще по 780 винтовочных патронов на каждого стрелка. Эти показатели применительно к русской пехоте выражались в следующих цифрах: по 180 патронов на каждого солдата-стрелка; в запасе на каждого стрелка имелось по 346 патронов. Таким образом, японская пехота была лучше обеспечена материально в этом отношении, и это давало ей преимущество в боях и сражениях.

В Русско-японской войне произошли большие перемены в применении артиллерийских систем. Японская армия была вооружена скорострельным полевым орудием калибра 75 мм, которое было принято на вооружение в 1898 г. Русские полевые пушки имели калибр 3 дюйма (76 мм), принятые на вооружение в 1890 г. Японская армия использовала главным образом снаряды осколочного типа, которые взрывались в воздухе (шрапнель).

Но для того, чтобы поражать огневые сооружения, блиндажи, нужны были другого типа орудия и снаряды, которые разрушали бы защиту огневых точек и фортификационные полевые укрепления. 80% артиллерийских снарядов, которые использовала японская армия, были шрапнельными, а остальные — фугасного и бронебойного типов. Япония ввозила их из-за рубежа — из Англии, Германии. Импорт фугасных и бронебойных снарядов во время войны увеличился в три раза. Системы пушек менялись. Стали преобладать гаубицы, причем калибр таких орудий увеличился.

Во время Мукденского сражения русская армия имела 1219 пушек и 56 пулеметов, а японская армия — 1007 пушек и 256 пулеметов. Но, уступая в количестве пушек, японская армия выигрывала по качественным их характеристикам. Она применила в сражении 6 тяжелых орудий калибра 280 мм и 16 пушек калибра 190 мм. Кроме них японские войска использовали 175 гаубиц. Гаубицы применялись главным образом при подготовке к наступательным действиям. Эти мощные орудия обладали большой разрушительной силой, поэтому применялись против фортификационных сооружений русских войск, что свидетельствовало о больших переменах в военно-техническом обеспечении. Следует отметить, что Япония смогла выиграть войну в значительной степени благодаря импорту новейшей зарубежной военной техники. В основном для этой цели Англия и США предоставили Японии займы на общую сумму в 410 млн долларов, из которых до 40% использовались только на военные расходы.

Война выявила особенности вооруженной борьбы следующего характера. Ведущая роль в сражениях отводилась пехоте, вооруженной новейшими образцами винтовок и пулеметов. Она поддерживалась скорострельными полевыми пушками и тяжелыми орудиями также новых конструкций; тяжелые орудия особенно широко применялись при проведении операций. Осколочно-фугасный снаряд стал вытеснять шрапнель. Проявилась тенденция применения бронебойного снаряда. С увеличением огневой мощи и плотности огня начальный период сражения стал более продолжительным. Бой уже не был скоротечным, а выливался в многодневные боевые действия на фронте большой протяженности. Полевая фортификация приобрела большое значение, поэтому тактика прорыва укреплений фронтальным ударом стала почти невозможной. Умение обходить фланги и правильно использовать главные резервы очень часто определяли победу или поражение. Однако принцип «огневая подготовка решает исход битвы» еще не нашел отражения в тактике ведения боя, и рукопашным атакам во время штурма по-прежнему придавалось большое значение.

Качественно новые материальные факторы коренным образом повлияли на способы ведения вооруженной борьбы, и они, в свою очередь, потребовали от солдат новых качеств.

С этой точки зрения интеллектуальные качества японских солдат не соответствовали новому уровню развития материальной базы вооруженной борьбы. Японская армия комплектовалась в основном новобранцами из крестьян — из социальной среды с полуфеодальными отношениями. Как отмечают японские историки, высшее командование с большим скептицизмом относилось к боевым качествам своих солдат. Но при строгом контроле со стороны своих командиров японский солдат проявлял храбрость и исполнительность. Его отличали преданность микадо и презрение к смерти. Он смело и энергично атаковал под руководством офицера в дневное время, но проявлял растерянность в ночных и встречах боях. Однако если командир был убит или выпадал из

поля его зрения, то он терял инициативу и даже проявлял малодушие. По этой причине командный состав японской армии стремился обучать солдат действовать сплоченной командой, предпочитая атаку как основной тактический прием действий в бою¹⁰. Японский солдат оказался достойным противником русскому бойцу.

В целом Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась значимой вехой в эволюции военного искусства. Наступила эпоха скорострельных ружей и пушек, широкого использования пулеметов и тяжелых орудий. Менялись взгляды на стратегию и тактику, на строительство вооруженных сил, на роль военно-морского флота в будущей войне.

В Русско-японской войне, как ни в одной из предыдущих войн России, военно-морской флот играл исключительно важную роль. Это объясняется островным положением Японии, отсутствием общей сухопутной границы с Россией и необходимостью для Японии перебрасывать войска на материк. В связи с разделением воюющих сторон морями вопрос о господстве на море как для Японии, так и для России приобретал решающее значение и являлся ключевым вопросом войны.

Руководители российского военного ведомства и командование сухопутными силами на Дальнем Востоке не понимали, что от степени успеха действий сил флота почти целиком зависит успешность боевых действий армии в Маньчжурии. Они не понимали также и того, что исход войны с Японией во многом зависит от согласованности действий морских и сухопутных сил, от умелого и искусного стратегического и тактического взаимодействия между ними. Подготовка и весь ход Русско-японской войны как нельзя лучше подтверждают это.

Все это явилось результатом недооценки военно-морских сил руководителями военного министерства и вообще российским генералитетом, которые не понимали роли и значения отечественного военно-морского флота в военной мощи страны. В этом отношении показательно заявление генерала Куропаткина перед генералами Маньчжурской армии после

Цусимского сражения, которое содержало как неверие в свои силы, так и непонимание целей борьбы на Дальнем Востоке: «Поражение нашего флота окажет лишь то влияние, что, если России и суждено когда-либо господствовать в водах Тихого океана, то от этой мечты нам придется отказаться на более или менее продолжительное время... Нельзя в каких-нибудь 5–10 лет из глубоко сухопутной нации, без естественной природной школы моряков, сделаться вдруг первоклассной морской державой и добиваться господства на Тихом океане. Неудаче нашего флота нельзя и удивляться. Ведь японцы все природные моряки, все население Японии живет на море, флот их действовал в родных водах, имея подавляющее превосходство в минной флотилии, при этих условиях наша победа над японским флотом могла быть только результатом какого-нибудь счастливого случая». Для России, не имеющей «...никаких жизненных интересов в водах Дальнего Востока, Япония — победительница на море — не страшна. Ведь Япония и с самого начала войны вполне владела морем, и поражение нашего флота никакого существенного изменения в условиях нашей борьбы с нею не внесло»¹¹.

Приведенная точка зрения генерала Куропаткина, одного из наиболее образованных генералов, занимавшего высшие военные должности в России, вплоть до военного министра, показывает, что даже он не знал военно-морской истории своей страны, недооценивал роль и значение военно-морского флота в составе вооруженных сил России и столь пренебрежительно относился к его участию в войне с Японией. Не понимал он той исключительно большой роли, которую флот играл в войне. А ведь генерал Куропаткин был не одинок в этом. Такого же мнения о флоте был и генерал Сахаров, занимавший пост военного министра во время Русско-японской войны. Далекими были от понимания роли и значения военно-морского флота генералы Стессель и Фок, руководившие сухопутной обороной Порт-Артура. Они смотрели на флот не как на верного помощника сухопутных войск в обороне крепости, а как на обузу.

Непонимание высшими военными руководителями роли и значения военно-морского флота для России тормозило развитие его сил, а во время войны затрудняло использование его для решения поставленных задач и организации взаимодействия с сухопутными войсками. Причины этого лежали в той разобщенности армии и флота, которая существовала в России и особенно была характерна в последние десятилетия существования монархии. Одной из важных причин поражения русского флота в войне с Японией была слабая тактическая подготовка офицерского состава. Последняя явилась результатом непонимания руководителями флота значения тактической подготовки в условиях технического прогресса, который происходил в это время в военно-морском флоте. Военная история учит — чем сложнее боевая техника, тем, как правило, труднее тактически грамотно использовать ее в бою. С развитием боевой техники повышаются требования к тактической подготовке офицерского состава, что является объективным законом развития военно-морского искусства. В связи с непониманием руководителями российского флота этой закономерности в Морском корпусе и Морской академии, где готовился командный состав для флота, в тот период главное внимание обращалось на изучение техники и совершенно недостаточно отводилось времени на тактическую подготовку.

Таким образом, техника стояла на первом месте, а тактика флота на втором. Результатом этого явилась неотработанность приемов тактического маневрирования кораблями эскадры. Разработанный Макаровым способ маневрирования эскадры для охвата головы эскадры противника и нанесения сосредоточенного артиллерийского удара по главным целям оказался не под силу русскому флоту из-за слабой подготовки командного состава. Флот России ввиду неправильного учета опыта последних войн оказался совершенно неподготовленным к артиллерийским стрельбам на больших дистанциях. Командующие флотами, командиры соединений и кораблей в силу слабой тактической под-

готовки допускали серьезные ошибки, а порой проявляли элементарную неграмотность в вопросах тактики флота. Высшие руководители флота и Морского министерства продемонстрировали свою полную несостоятельность, не сумев вовремя создать и сосредоточить необходимые силы на Дальнем Востоке, подготовить их к решению поставленных задач, руководить ими и организовывать взаимодействие с сухопутными войсками. За все это российский флот заплатил дорогой ценой.

Русско-японская война, в которой впервые участвовали крупные паровые броненосные флоты, оснащенные разнообразной боевой техникой, оказала большое влияние на развитие боевых сил, оружия, технических средств флота и способы их использования.

Война, с одной стороны, подвела итоги развития парового броненосного флота и военно-морского искусства за предыдущие полвека, с другой — наметила дальнейшие пути усовершенствования военно-морского вооружения, форм и способов его использования в боевых действиях на море.

В Русско-японской войне военно-морской флот играл очень важную роль, и тем не менее не он один решал исход войны. Исход вооруженной борьбы решался совместными усилиями армии и флота. Японский флот, воспользовавшись пассивностью российского военного руководства, беспрепятственно перебросил свои армии на материк. Японские войска, высаженные на материк, бесперебойно получали снабжение и подкрепление морем под прикрытием флота и благодаря этому нанесли ряд поражений русской армии в Маньчжурии. Путем совместных действий армии и флота японцы захватили Порт-Артур и уничтожили 1-ю Тихоокеанскую эскадру. Падение Порт-Артура и поражение русской армии под Мукденом явились крупнейшими политическими и военными событиями, которые и предопределили поражение России в войне, а разгром 2-й Тихоокеанской эскадры у Цусимы завершил это поражение, сделал дальнейшее ведение вооруженной борьбы бессмысленным.

Таким образом, не генеральное сражение на море в сочетании с блокадой решило исход войны, а совместные действия армии и флота. Кроме того, генеральное сражение и блокада не являлись единственными методами борьбы на море. Появление и развитие минно-торпедного оружия привело к новым видам боевой деятельности флота — торпедным атакам кораблей в море и в базе, минным постановкам и боевому тралению. Эти действия, не имевшие ничего общего с генеральным сражением, вместе с тем оказывали существенное влияние на ход боевых действий на море и изменение обстановки в целом. На русских минах, поставленных в районе Порт-Артура, японский флот потерял (без морских боев и сражений) 1/3 своего состава.

До Русско-японской войны между генеральными сражениями существовала длительная оперативная пауза. Во время Русско-японской войны эта пауза заполнилась систематической боевой деятельностью сил флота, которая была направлена на поддержание благоприятных условий в операционной зоне своих сил, предотвращение возможных потерь кораблей от мин и торпед противника. Таким образом, в результате широкого использования минно-торпедного оружия, равно как и средств противодействия ему, во время Русско-японской войны зародился новый вид боевой деятельности — повседневная (систематическая) боевая деятельность сил флота, которая выражалась в несении дозорной службы, ведении систематической разведки, оборудовании районов морского театра военных действий и противоминной обороне на театре. Это явилось основной особенностью боевых действий на море в период Русско-японской войны, которая потребовала большого напряжения сил и оказывала существенное влияние на общую обстановку на море.

Зарождение повседневной боевой деятельности флота привело к росту значения легких сил, без которых главные силы флота (эскадренные броненосцы и броненосные крейсера) уже не могли решать возложенные на них задачи.

Русско-японская война внесла много нового в развитие боевых сил и оружия флота, что, в свою очередь, оказывало влияние на тактику ведения морского боя.

Выявилась необходимость более четкой классификации кораблей в зависимости от вооружения и стоящих перед ними задач. Важнейшие требования, выдвинутые войной к отдельным классам кораблей, сводились к следующему:

- для эскадренных броненосцев — к увеличению количества крупнокалиберных орудий, усилению бронирования, повышению живучести и увеличению скорости хода;
- для броненосных крейсеров — к усилению артиллерийского вооружения, значительному увеличению скорости хода;
- для легких крейсеров — к значительному увеличению скорости хода и дальности плавания;
- для эскадренных миноносцев — к усилению торпедного вооружения, созданию технической возможности производить минные постановки, увеличению скорости хода и улучшению мореходных качеств.

В конце Русско-японской войны впервые в истории были применены боевые подводные лодки. Однако из-за технического несовершенства и слабой подготовки экипажей подводные лодки использовались очень ограниченно, главным образом для несения дозорной службы и охраны своего побережья.

Опыт войны выдвинул ряд новых требований к оружию и техническим средствам флота. Увеличение дистанции боя и толщины брони потребовало дальнейшего повышения огневой мощи артиллерии и создания более совершенных приборов и методов управления артиллерийской стрельбой.

Широкое применение минного оружия в боевых действиях на море (за время войны было выставлено 6475 мин заграждения, из них 4385 было поставлено русскими) показало, что мина может быть успешно использована не только для обороны своего побережья, но и для активных целей, в том числе и для осуществления блокадных действий. Первое при-

менение радио как средства связи и управления силами в боевых действиях на море показало необходимость дальнейшего увеличения мощности радиоаппаратуры.

Морские бои Русско-японской войны в своей основе все еще содержали характерные черты боев парусного флота. Это нашло свое выражение как в характере боевого построения флота, так и в приемах ведения боя:

- Длинная кильватерная колонна, характерная для эпохи парусного флота, являлась основным боевым порядком и броненосного флота; бой носил характер артиллерийской дуэли и отсутствовало взаимодействие между главными и легкими силами флота в бою.

- Тактика в целом оставалась линейной, но в то же время появление дальнобойной и скорострельной артиллерии, торпедного оружия, мощной броневой защиты и радио как средства связи и управления силами в бою во многом изменило характер морского боя. Так называемое «генеральное сражение» распалось на ряд боев, разнесенных во времени и в пространстве, но объединенных между собой одной целью — уничтожение сил противника.

- Развитие боевой техники потребовало выработки новых способов действий, позволявших в наиболее полной мере использовать огневые возможности кораблей различных классов и их маневренность, а также объединение их усилий в бою путем заранее организованного взаимодействия.

Опыт борьбы за Порт-Артур показал необходимость создания более развитой системы базирования флота на театре. Этот опыт еще раз подтвердил, что оборона базы флота должна быть достаточно надежной как с моря, так и с суши. Выявилась необходимость выдвижения переднего рубежа сухопутной обороны базы на расстояние, исключавшее возможность обстрела кораблей, стоявших в порту, и самой базы дальнобойной артиллерией с суши. Использование против кораблей, находящихся в базе, минно-торпедного оружия потребовало создания надежной системы противоминной и противоторпедной обороны базы. Таким образом, развитие кораб-

лей и их оружия поставило вопрос не только о расширении системы базирования флота, но и о значительном увеличении района самой базы в сторону как суши, так и моря.

В Русско-японскую войну был получен некоторый опыт и в ведении боевых действий по нарушению коммуникаций противника. Основной силой, которую использовало русское командование для нарушения коммуникаций противника на театре военных действий, являлись крейсера, базировавшиеся во Владивостоке. Слабость крейсерских сил и отсутствие удобной системы базирования на театре не позволили русским крейсерам добиться существенных результатов. Однако Владивостокский отряд крейсеров сыграл положительную роль, т.к. он отвлекал на себя часть сил японского флота из-под Порт-Артура. Таким образом, опыт боевых действий владивостокских крейсеров показал возможность отвлечения сил неприятельского флота с главного театра военных действий путем создания угрозы морским коммуникациям противника на других направлениях. Вместе с тем боевые действия русских крейсеров показали, что при борьбе на морских коммуникациях успех может быть достигнут только в том случае, если:

- для этих действий выделены достаточные силы;
- эти силы обладают большим тактическим радиусом действия и имеют надежную систему базирования, в том числе и маневренного;
- боевые действия на морских коммуникациях проводятся не в отрыве от других действий флота, а в тесном взаимодействии с ними;
- они обеспечены соответствующей разведкой коммуникаций противника;
- эти действия будут носить не эпизодический, а систематический характер, что позволит держать морские коммуникации противника под постоянной угрозой их срыва или нарушения.

Русско-японская война дала также опыт в использовании вспомогательных крейсеров для действий на океанских

коммуникациях противника. Развернутые на коммуникациях в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах вспомогательные крейсера могли бы дать существенные результаты, если бы английское правительство путем грубого нажима и угроз не вынудило правительство России отозвать крейсера и, таким образом, свернуть их действия. Опыт использования вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях, касающийся оборудования и вооружения крейсеров, выбора районов действий, обеспечения скрытного выхода крейсеров на коммуникации, маневрирования районами их действий, способов поиска противника и обеспечения крейсеров топливом, был широко использован германским командованием при действиях их крейсеров на океанских коммуникациях Великобритании и других стран в Первую и Вторую мировые войны.

Таким образом, боевые действия русских вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях оказали существенное влияние на последующее развитие сил флота и военно-морского искусства. С этой точки зрения они представляют большой интерес.

Новым в развитии организационных форм корабельного состава военно-морских сил явилось создание в русском флоте оперативно-тактического корабельного объединения флота — эскадры, предназначенной для ведения боевых действий на Тихоокеанском театре военных действий; она строилась на принципе объединения однородных тактических групп: эскадренных броненосцев, крейсеров и эскадренных миноносцев. Создание однородных тактических групп кораблей позволило впервые в истории броненосного флота установить более или менее определенные задачи для каждой тактической группы в бою, а объединение их в составе эскадры обеспечило организацию взаимодействия между ними.

Русско-японская война предъявила новые, повышенные требования к службе штаба флота как органу управления. Если перед войной с Японией в штабах флота еще не было оперативных органов, то в ходе войны обстановка потребо-

вала их создания. По инициативе вице-адмирала С.О. Макарова при штабе командующего Тихоокеанским флотом был создан военно-морской отдел, который в основном и занимался оперативными вопросами. Придавая большое значение организации взаимодействия флота с сухопутными войсками, Макаров учредил при своем штабе должность «офицера по военно-сухопутным вопросам». Таким образом, в штабе Макарова роль оперативного органа была значительно повышена по сравнению с тем, что было до войны, и впервые в истории было положено начало созданию организационной формы взаимодействия флота с армией.

Показав основные причины небывалого поражения русского флота в войне с Японией, нельзя не указать, что в Русско-японскую войну, наряду с отсталым военно-морским искусством русского флота, отражавшим официальные взгляды руководства, неофициально существовало и передовое русское военно-морское искусство. Выразителем его были Макаров и наиболее прогрессивные офицеры флота. Теоретические основы передовой тактики нашли применение в практической деятельности С.О. Макарова на посту командующего Тихоокеанским флотом, а также в многочисленных смелых, инициативных и решительных действиях отдельных офицеров (например, при постановке минного заграждения «Амуром», на котором погибли два японских броненосца, и др.).

Представители прогрессивного направления развития русского военно-морского искусства и в эту войну дали ряд замечательных образцов умелой обороны базы флота, организации действий на коммуникациях противника с использованием броненосных и вспомогательных крейсеров, первого применения боевых подводных лодок с задачами несения дозорной службы и охраны своего побережья, активного использования минного оружия для борьбы с блокирующим флотом противника, создания сил, средств и организации боевого траления и ряд других. Все это было результатом творчества передовых офицеров русского флота, которые, несмо-

тря на все трудности, продолжали развивать отечественную технику и военно-морское искусство.

Последствия войны для Японии

Для Японии победа в войне с Россией стала важнейшим этапом ее превращения в великую державу. Она привела к существенным изменениям в международных отношениях и надолго предопределила развитие международной обстановки на Дальнем Востоке. Победа Японии в войне ознаменовалась все более усиливающимися агрессивными и экспансионистскими устремлениями по отношению к близлежащим материковым странам — Корее и Китаю. В ноябре 1905 г. был подписан японо-корейский договор об установлении японского протектората над Кореей. При этом японцы вели себя довольно бесцеремонно. Командующий японскими войсками в Корее генерал Хасэгава окружил дворец в Сеуле, где проходили переговоры, своими солдатами и не выпускал членов корейского правительства из зала заседаний до тех пор, пока они не подписали договор. В знак протеста два корейских министра покончили жизнь самоубийством.

Текст договора был составлен Ито Хиробуми, возглавлявшим японскую делегацию. Он, в частности, гласил: «Японское правительство через министерство иностранных дел в Токио будет впредь осуществлять контроль за внешними сношениями и делами Кореи и управление ими. Дипломатическим и консульским представителям Японии будет поручена защита корейских подданных и интересов Кореи в иностранных государствах... Японское правительство обязуется наблюдать за выполнением договоров, существующих ныне между Кореей и другими державами; корейское же правительство обязуется не заключать отныне никаких актов или обязательств, имеющих международный характер, иначе, как через посредство японского правительства»¹².

В феврале 1906 г. японское правительство учредило в Сеуле должность генерального резидента, который был уполномо-

мочен вмешиваться не только во внешние, но и во внутренние дела Кореи. В частности, в целях «охраны порядка и спокойствия в Корее» он мог отдавать распоряжения корейскому правительству о проведении тех или иных мер, а в случае необходимости применять японские войска в Корее, чтобы обеспечить их выполнение. Генеральный резидент (им был назначен Ито Хиробуми) получил также право наказывать за нарушение изданных им приказов и распоряжений штрафами и заключением в тюрьму.

Подобные действия японцев вызвали тревогу у корейской правящей верхушки, которая стала опасаться за свою власть. В июне 1907 г. корейский император втайне от японцев послал своих представителей на международную конференцию в Гаагу, чтобы попросить помощи в восстановлении независимости Кореи. Однако корейская делегация не была допущена на конференцию.

После этого японцы заставили императора Кочжона отречься от престола в пользу его сына Унчжи и вынудили корейское правительство подписать 24 июля 1907 г. новый договор, еще более урезавший корейский суверенитет. Теперь японский генеральный резидент фактически стал полновластным правителем в стране. Корейское правительство должно было руководствоваться его инструкциями абсолютно во всех вопросах внутреннего управления, а также было обязано по его рекомендации назначать японцев на государственные должности.

В августе 1907 г. японские власти приказали распустить корейскую армию, оставив лишь небольшой отряд личной охраны корейского императора. Однако корейская армия не подчинилась приказу о роспуске и подняла восстание. К военным присоединились тысячи патриотов-добровольцев. По всей стране началось антияпонское партизанское движение. По официальным японским данным, в 1907 г. в нем участвовало около 45 тыс., а в 1908 г. — около 70 тыс. корейцев. Японские власти зарегистрировали в 1907 г. 322, а в 1908 г. — 1451 столкновение между своими войсками и корейскими отрядами.

После того как восстание в Корее было в основном подавлено, Япония перешла к завершающему этапу полного подчинения этой страны своему господству. В апреле 1909 г. в Токио состоялось секретное совещание между премьером Кацура Таро, генеральным резидентом в Корее Ито Хиробуми и министром иностранных дел Комура Дзютаро, на котором обсуждался план аннексии Кореи. Окончательное решение по этому вопросу было принято японским правительством 6 июля 1909 г.

В октябре 1909 г. Ито Хиробуми, который к тому времени оставил пост генерального резидента в Корее (его сменил Сонэ Арасукэ) и был назначен председателем тайного совета, отправился в Маньчжурию для переговоров с министром финансов России В.Н. Коковцовым. 26 октября они встретились в Харбине, но переговоры не состоялись: в тот же день Ито был убит молодым корейцем, отомстившим таким образом за унижение своей родины.

В июле 1910 г. вместо Сонэ генеральным резидентом был назначен военный министр Тэраути Масатакэ, который завершил процесс аннексии Кореи. 22 августа 1910 г. он добился от главы корейского правительства подписания договора, согласно которому корейский правитель передал японскому императору свои суверенные права в Корее. Взамен за членами корейского императорского дома были сохранены их титулы, и им были назначены значительные пенсии.

Корея перестала существовать как независимая страна. Вместо нее возникла японская колония — генерал-губернаторство. Японцы проводили в Корее политику тотальной японизации: корейские дети должны были посещать японские школы, публичное использование корейского языка запрещалось. Одновременно из метрополии в Корею были направлены японские поселенцы. Аннексия Кореи стала важнейшим этапом японских колониальных завоеваний.

Помимо аннексии Кореи важнейшей целью внешней политики Японии после Русско-японской войны стало усиление позиций в Южной Маньчжурии.

Портсмутский договор предусматривал согласие китайского правительства на передачу Японии в аренду Порт-Артура и Дальнего (Дайрена), а также железной дороги между Куаньчэнцзы и Порт-Артуром со всем принадлежащим ей имуществом. Для реализации этих пунктов договора в Пекин приехал японский министр иностранных дел Комура Дзютаро. 22 декабря 1905 г. там был подписан японо-китайский договор, подтверждавший признание Китаем Портсмутского договора, а также содержащий дополнительные статьи, расширявшие права Японии в Южной Маньчжурии.

В июне 1906 г. японцами была создана полугосударственная компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), которая стала собственницей дайренского порта, ряда рудников, шахт и промышленных предприятий, земельных и лесных угодий. Благодаря ее деятельности японский капитал занял господствующее положение в Южной Маньчжурии, главным торговым партнером которой теперь стала Япония.

Интересно, что сразу же после окончания Русско-японской войны, в октябре 1905 г., американский железнодорожный магнат Э. Гарриман предложил создать синдикат для совместной с Японией эксплуатации ЮМЖД под японской юрисдикцией и даже подписал с премьером Капура предварительное соглашение по этому вопросу. Однако из-за разногласий в японских правящих кругах эта сделка была вскоре аннулирована, и в ст. 2 императорского указа об учреждении акционерной компании ЮМЖД от 7 июня 1906 г. прямо указывалось: «Акции компании распространяются по подписке, и ими могут владеть только японское и китайское правительство и подданные Японии и Китая»¹³.

Это явилось отправной точкой обострения японо-американского соперничества, которое на сорок лет вперед определило развитие внешнеполитических событий на Дальнем Востоке.

Переход Южной Маньчжурии в сферу влияния Японии в результате Русско-японской войны создал предпосылки для

дальнейшей японской экспансии в Китае, причем не только экономическими средствами. Показательно, что после начала китайской революции 1911–1913 гг., свергнувшей династию Цин, в Японии обсуждалась возможность интервенции в Китае «в целях сохранения мира на Дальнем Востоке». Главными сторонниками немедленного военного вмешательства были Кацура Таро и Ямагата Аритомо. Однако японское правительство решило воздержаться от активных действий и проводить выжидательную, или, как ее окрестили в Японии, «негативную» политику.

Это решение отражало интересы влиятельных японских торгово-промышленных кругов, стремившихся к расширению торговли с Китаем, чему военные действия могли серьезно помешать. Таким образом, уже тогда проявились различия в интересах тех группировок японского капитала, которые ориентировались на колониальный рынок и на государственные военные заказы, и тех, которые успешно включились в систему свободной международной торговли. Первые поддерживали политику военных захватов, другие же были больше заинтересованы в сохранении стабильности в мире и в регионе. В дальнейшем, после Первой мировой войны, эти различия заметно усилились, что сделало японскую внешнюю политику в первое послевоенное десятилетие весьма непоследовательной и противоречивой.

В 1913 г., когда у власти находился кабинет Ямамото Гоннохеэ, вопрос о военной интервенции в Китае вновь стал в повестку дня. Тогда во время столкновений в Нанкине пострадали трое японских подданных («нанкинский инцидент»), и сторонники вмешательства в гражданскую войну в Китае потребовали от правительства решительных действий.

Япония предъявила Китаю ультиматум, в котором требовала возмещения убытков, наказания виновных в «инциденте» (в том числе губернатора провинции) и принесения официальных извинений.

Когда ультиматум был отклонен, японцы устроили военную демонстрацию, в ходе которой японские военные ко-

рабли прошли по реке Янцзы вплоть до Нанкина. Китайское правительство было вынуждено выполнить японские требования и дополнительно предоставило Японии концессии на постройку нескольких железных дорог в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

В результате поражения России в Русско-японской войне на Дальнем Востоке сложилось новое соотношение сил. Эффективно возросла роль Японии и США, избавившихся от своего главного соперника. Вместе с тем Великобритания продолжала сохранять ключевые позиции в Китае и на Тихом океане. Возросшее международное влияние Японии во многом основывалось именно на англо-японском союзе.

Однако, несмотря на сокращение числа монополистических конкурентов, боровшихся за влияние на Тихом океане, какого-либо ослабления борьбы между ними не произошло. Она шла с прежней силой, только теперь в ее фокусе оказались противоречия не между Японией и Россией, а между Японией и США.

Усиление японской экспансии в Южной Маньчжурии и во всем Китае после Русско-японской войны внесло большие изменения в японо-американские отношения. Помогая Японии во время Русско-японской войны, Великобритания и США стремились ее руками добиться ослабления России на Дальнем Востоке и таким образом укрепить свои позиции в Китае и в Маньчжурии. Предполагалось, что платой Японии за эту «услугу» станет Корея, захватив которую, Япония ослабит противодействие США в Маньчжурии и Китае.

Однако после Русско-японской войны Япония фактически вытеснила США и Великобританию с маньчжурского рынка и стала еще активнее конкурировать с ними во всем Китае. В результате Япония стала превращаться в главного соперника и конкурента США на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Одновременно японо-американские отношения резко ухудшились в связи с дискриминационной политикой в отношении японских иммигрантов в США. В октябре 1906 г. власти штата Калифорния приняли постановление об исключе-

нии японских детей из общих школ и разрешили им учиться только в специальных школах для азиатов. В феврале 1907 г. американское правительство запретило въезд в США японским эмигрантам с Гавайских островов, где японцы составляли около 40% населения, а в мае 1907 г. в Сан-Франциско произошел японский погром.

В результате к лету 1907 г. японо-американские отношения обострились настолько, что в обеих странах стали серьезно рассматривать возможность войны между ними. Однако в то время ни Япония, ни США еще не были готовы к вооруженному столкновению, и поэтому они пошли на временное урегулирование отношений.

30 ноября 1908 г. между американским государственным секретарем Э. Руттом и японским послом в США Такахира Когоро состоялся обмен нотами, получивший название «соглашение Рут — Такахира». В нем, в частности, говорилось, что политика обеих стран направлена на «защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае» и что они «питают твердое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области».

Таким образом, это соглашение содержало взаимоисключающие положения, а именно согласие Японии с американской политикой «открытых дверей» в Китае и признание США принципа раздела Китая на сферы влияния, который отстаивала Япония. Не удивительно, что, хотя в обеих странах «соглашение Рут — Такахира» трактовалось как победа собственной дипломатии, оно не могло заложить основу долгосрочного урегулирования японо-американских противоречий.

В 1909 г. США предприняли новую попытку проникнуть в Маньчжурию. Государственный секретарь США Ф. Нокс под предлогом защиты принципа «открытых дверей» и обеспечения суверенитета Китая над Маньчжурией выдвинул план «интернационализации» ЮМЖД и КВЖД, согласно которому международный банковский консорциум с участием США,

Великобритании, Франции и Германии должен был предоставить Китаю заем для выкупа обеих дорог, управление которыми затем было бы передано международному комитету. Однако план Нокса вызвал решительное противодействие Японии и России и в итоге остался нереализованным. Он лишь вновь обострил японо-американские отношения и подтолкнул Японию и Россию к сближению на антиамериканской основе.

Несмотря на сохранение англо-японского союза, после Русско-японской войны стало намечаться охлаждение и в японо-британских отношениях. В основе его лежали те же причины, что и в ухудшении отношений между Японией и США — обострение экономического соперничества в Китае из-за усиления японской колониальной экспансии.

В отличие от США Великобритания, как и Япония, поддерживала принцип раздела Китая на сферы влияния. Однако это не предотвратило развития японо-британского соперничества, поскольку каждая из сторон при малейшей возможности старалась посягнуть на «чужую территорию». Кроме того, непрерывно росла японо-британская торговая конкуренция на китайском, а затем на индийском и иных рынках.

Несмотря на это, в то время союз был еще нужен обеим сторонам. Япония надеялась на получение британской финансовой и политической поддержки в случае столкновения с США, а Великобритания видела в союзе способ удерживать Японию от переориентации на Германию, что в условиях все большего обострения англо-германских противоречий было для нее очень актуально. Поэтому 13 июля 1911 г. англо-японский договор был перезаключен в несколько измененной редакции: из него были исключены положения о британском признании японских интересов в Корее, которая к тому времени уже не существовала на политической карте, а также введена специальная статья, которая должна была отвести подозрения в антиамериканской направленности обновленного союза. Последнее было сделано по настоянию британской стороны, которая видела в Соединенных Штатах важно-

го потенциального союзника в условиях, когда вероятность войны между Великобританией и Германией все более возрастала.

Перемены в политической интерпретации англо-японского союза отражали возросшую роль Японии в мире. Теперь его значение вышло далеко за региональные рамки и все больше связывалось с событиями в европейской политике. Потеряв после Русско-японской войны свою прежнюю антирусскую направленность, англо-японский договор стал для Великобритании важным средством сколачивания антигерманского блока, который должен был объединить в себе прежних непримиримых противников¹⁴.

В первое время после войны русско-японские отношения оставались враждебными. Победа над Россией укрепила в японских правящих кругах позиции сторонников продолжения военной экспансии. Они (в частности, Ямагата Аритомо и Тэраути Масатакэ) требовали увеличения армии и флота, рассматривая это как необходимое условие для сохранения за Японией завоеванных международных позиций.

В декабре 1905 г. правительство Кацура Таро ушло в отставку, и новый кабинет возглавил Сайондзи Киммоти, что было воспринято как победа умеренных сил. Тем не менее японское правительство разработало и стало немедленно осуществлять 15-летнюю (1907–1921) программу перевооружения армии и флота, обосновывая ее «возможностью реванша» со стороны России. Вскоре Япония значительно увеличила численность армии, а ее военно-морские силы к 1909 г. выросли почти вдвое.

Такие действия Японии, естественно, вызвали беспокойство в России. В марте 1906 г. Совет государственной обороны обсудил вопрос о военном положении на Дальнем Востоке и решил оборудовать базы в Забайкалье, Уссурийском крае и Сибири, а в декабре того же года он принял постановление «О приведении Приамурского военного округа в полную боевую готовность». В начале 1907 г. было решено создать Амурскую речную флотилию, укрепить Николаевск (с 1926 г.

Николаевск-на-Амуре) и начать строительство стратегической Амурской железной дороги.

Вместе с тем было понятно, что позиции России на Дальнем Востоке после поражения в войне были ослаблены. И в чисто военном отношении она была не в состоянии конкурировать с Японией без проведения очень основательной и дорогостоящей подготовки, которая потребовала бы от страны значительного напряжения сил. Перед Российской империей встала проблема определения приоритетов ее внешнеполитического курса.

Как известно, в то время в центре мировой политики находилось противостояние Великобритании и Германии, каждая из которых старалась привлечь другие державы на свою сторону. Англия и Франция, заинтересованные в укреплении союзных отношений с Россией, оказали поддержку последней в урегулировании мирных отношений бывших противников в Дальневосточном регионе.

Чтобы добиться своих стратегических целей, правительства Великобритании и Франции решили оказать давление на Японию, используя ее финансовые затруднения после войны. Франция даже отказала Японии в предоставлении нового займа, пока не будет подписано русско-японское соглашение.

Другой причиной, подталкивавшей Японию к сближению с Россией, было обострение японо-американских отношений. Японские правящие круги понимали, что русские внешнеполитические интересы ослабли в борьбе за господство на Дальнем Востоке, и пытались теперь использовать Россию в качестве противовеса экспансии США. Разумеется, Соединенные Штаты были не в восторге от такой перспективы, и американская дипломатия на этом этапе прилагала усилия, чтобы разжечь русско-японские противоречия.

Все же после длительных переговоров 30 июля 1907 г. в Петербурге была подписана русско-японская общеполитическая конвенция (так называемое «соглашение Извольский — Мотоно»). Соглашение состояло из двух частей — открытой

и секретной. В первой декларировались принцип территориальной целостности Китая и сохранение статус-кво на Дальнем Востоке. Секретная часть соглашения фиксировала раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния. Кроме того, Россия признала особые права Японии в Корее, а Япония — специальные интересы России во Внешней Монголии.

Хотя конвенция подтверждала статьи Портсмутского договора, Японии удалось добиться уступок в вопросе о линии разграничения сфер влияния в Маньчжурии, на которых ей не удалось настоять двумя годами ранее. На правительственном совещании, созванном 14(27) июня 1907 г. для обсуждения окончательного проекта соглашения с Японией, военный министр А.Ф. Редигер по этому поводу заявил, что «жертву эту следует признать совсем небольшой», если она поможет застраховаться от военной угрозы со стороны Японии. Совещание единодушно одобрило проект соглашения.

Почти одновременно были подписаны русско-японская рыболовная конвенция, которая предоставила японцам широкие права на промысел в российских водах (формально она просуществовала до 1928 г.), и торговый договор.

Русско-японские соглашения 1907 г. подверглись жесткой критике со стороны общественности, за то что при их заключении была проявлена «излишняя уступчивость». В Японии же по их поводу были организованы празднества. Но, так или иначе, обе державы добились на этом этапе своих целей: Россия уменьшила угрозу своим дальневосточным районам и развязала себе руки на западе, а Япония получила возможность разыгрывать «русскую карту» в своем противодействии американской экспансии¹⁵.

Агрессивная внешняя политика к материковым странам (Корея, Китай), все возрастающие японо-китайские противоречия, достаточно настороженное отношение к России стимулировали в Японии милитаризацию экономики страны, подняли удельный вес военных кругов в решении как внутрисполитических, так внешнеполитических задач.

После Русско-японской войны, несмотря на тяжелейшее финансовое напряжение, Япония продолжала вкладывать огромные суммы на военные нужды, что послужило стимулом развития промышленности. Частные компании брали выгодные военные заказы, получая при этом выгодные кредиты на льготных условиях. Расходы покрывались за счет доходов от эксплуатации колоний, но главным образом — за счет налогов. Военные налоги, несмотря на окончание войны, по-прежнему взимались с населения страны.

Одним из важных показателей экономического прогресса любой страны является увеличение объемов производства и потребления электроэнергии. В Японии этот показатель был весьма впечатляющим: за 1907–1914 гг. производство электроэнергии возросло более чем в 6 раз. С целью максимального использования гористого рельефа Японии и обилия горных рек упор был сделан на строительство гидроэлектростанций.

Производство стали увеличилось за период 1906–1913 гг. в 3,7 раза и достигло 255 тыс. т, а производство чугуна — в 1,7 раза (до 243 тыс. т). Благодаря этому рывку перед мировой войной Япония уже могла за счет внутреннего производства удовлетворить свои потребности в чугуне на 48% и в стали на 34%. При этом на частные компании приходилось лишь 34% выпуска чугуна и 15% выпуска стали, большая же часть производилась на государственных предприятиях.

Производство угля за 1905–1913 гг. увеличилось в 1,6 раза и достигло 22 млн т, из которых более 3 млн т шло на экспорт. Накануне войны в этой отрасли было занято около 170 тыс. человек и насчитывалось около 100 предприятий, но основную часть добычи давало несколько крупных шахт.

Производство меди за 1900–1910 гг. возросло почти вдвое, при этом из 50 тыс. т, произведенных в 1910 г., около 35 тыс. т было экспортировано, и по этому показателю Япония вышла на второе место в мире. Почти 2/3 добычи и производства приходилось на 8 крупных шахт, принадлежавших четырем богатым семьям.

Быстро продолжало развиваться машиностроение, и прежде всего важнейшая его подотрасль — судостроение. К 1913 г. в Японии насчитывалось уже 6 верфей, на которых можно было строить суда большого водоизмещения. В 1913 г. на японских верфях было построено судов общей грузоподъемностью около 70 тыс. т, из них 20 тыс. т пришлось на парусные суда, а 50 тыс. т — на суда с паровыми двигателями и двигателями внутреннего сгорания.

Годы после Русско-японской войны были отмечены также быстрым развитием железнодорожного и морского транспорта. Если в 1893 г. только 7% японского экспорта и 9% импорта перевозилось японскими судами, то в 1913 г. их доля во внешнеторговых перевозках поднялась до 52 и 47% соответственно.

Протяженность железных дорог за 1904–1914 гг. увеличилась в 1,5 раза и достигла 11 400 км, а общий тоннаж морского флота вырос в 2,3 раза и превысил 1,5 млн т. Однако если морской транспорт находился в руках частного капитала, то на железнодорожном транспорте вскоре после Русско-японской войны была проведена широкомасштабная национализация.

Учитывая исключительно важное военно-стратегическое значение железнодорожного транспорта, в 1906–1907 гг. правительство национализировало 17 частных компаний, в результате чего доля государственных железных дорог в их общей протяженности повысилась с 32 до 91%. При этом, чтобы не ущемить интересы частного капитала, государство выплатило компаниям огромную компенсацию — около 500 млн иен.

В дальнейшем развитие железнодорожного транспорта осуществлялось главным образом за счет государственных средств. Вскоре после национализации была проведена техническая модернизация, в результате чего пропускная способность железнодорожной сети существенно возросла. С учреждением Южно-Маньчжурской железнодорожной компании «Мантэцу» и национализацией железных дорог в Ко-

рее завершилось создание единой системы государственных железных дорог в метрополии и колониях, что дало значительный экономический эффект¹⁶.

Исходя из итогов Русско-японской войны 1904–1905 гг., японские правящие круги сделали вывод: военная сила выдвинула Японию в ряды первостепенных держав. «Поскольку лидеры правительства Мэйдзи, — писал Г. Норман, — преградили путь дальнейшей демократизации японского общества и экономики и решительно устремили свои взоры на путь, ведущий к реакции внутри страны и агрессии вовне, тенденция к дальнейшей милитаризации всех сторон жизни японцев была установлена бесповоротно»¹⁷. Экономика страны ориентировалась на военные нужды. К концу 20-х гг. XX в. почти вся промышленность, как государственная, так и частная, явилась базой милитаризации экономики. Государственная военная промышленность характеризовалась данными, указанными в *табл. 2*.

Почти все предприятия военного ведомства объединялись в крупнейшие арсеналы по отдельным районам: Токийский, Осацкий, Нагойский арсеналы и арсенал Кокура. Отделения арсеналов имелись в Корее и Маньчжурии.

Каждый комбинат (арсенал) включал в себя ряд крупных заводов. Например, в состав Токийского арсенала входили: завод взрывчатых веществ, оружейный завод, патронный завод, снарядный завод и др.

Таблица 2. Государственная военная промышленность Японии к концу 20-х гг. XX в.

Основные группы военных предприятий	Количество предприятий	Количество рабочих и служащих, тыс.
Заводы и фабрики военного министерства	40	71
Заводы и фабрики морского министерства	20	46
Металлургический завод «Явату», обслуживавший военное и морское министерства	1	22

Предприятия Морского ведомства также были объединены в крупные комбинаты-арсеналы: Йокосукский арсенал, Морской арсенал в Куре и Сасебо. Существовали и более мелкие производства — морские депо в Майдзурю, Оминато и др. На заводах морского арсенала в Куре работало около 21 тыс. человек, что свидетельствовало о величине этого военно-промышленного комбината. Число всех частных заводов (включая мелкие), оборудование которых приспособлялось для производства военной техники и вооружения, достигало 10 тыс. с количеством рабочих и служащих до 700 тыс. человек.

Всего на обслуживание армии и флота (включая государственные и частные) были ориентированы до 10 500 предприятий с числом рабочих свыше 1 млн человек. В случае объявления военного положения планировалось мобилизовать дополнительно 132 предприятия частной промышленности с количеством рабочих более 76 тыс. человек¹⁸.

Мобилизационные возможности частной военной промышленности были весьма внушительны.

Таким образом, военная промышленность — государственная и частная — приобрела ведущее значение в экономике страны, способствовала милитаризации всех сфер жизни японского общества после окончания Русско-японской войны. Результатом победы в войне 1904–1905 гг. явилось усиление позиций милитаристских кругов как во внешней, так и во внутренней политике страны. При верховном главнокомандующем — императоре приобрел особый вес Высший военный совет, в состав которого вошли военный и морской министры, начальники генеральных штабов этих ведомств и несколько маршалов, генералов, адмиралов, особо назначаемых императором. По своим функциональным обязанностям Высший военный совет оттеснил Военный совет маршалов и адмиралов, имевший совещательный голос при императоре¹⁹, и по указу микадо от 1907 г. приобрел статус высшего органа в государстве.

В последние годы эпохи Мейдзи после окончания Русско-японской войны в Японии установилась своеобразная двух-

партийная система, когда правительство по очереди возглавляли Сайондзи Киммото, слывший «либералом», и Кацура Таро, ставленник Ямагата Аритомо — известного поклонника и проводника милитаризма. Но те и другие правительственные «партии» проводили сходную политику модернизации и наращивания японских вооруженных сил. Это объяснялось повышенным вниманием к ним как к инструменту государственной политики, закрепившимся в сознании японских правящих кругов в результате победы в Русско-японской войне.

Различие между двумя «партиями» заключалось в том, какие группировки в японских правящих кругах они представляли. Т. Кацура, так же как и А. Ямагата, был профессиональным военным. Его правительства непосредственно представляли интересы военно-бюрократических кругов и связанных с ними производителей вооружения, зависивших от государственных заказов.

Что касается Сайондзи, то он происходил из придворной аристократии. В молодости он долгое время (1869–1880) жил во Франции, где стал свидетелем франко-прусской войны и Парижской коммуны. Он определенно тяготел к идеям западноевропейского либерализма (в отличие от германофила Кацура) и был приверженцем внедрения в Японии полноценной парламентской системы, хотя в практическом плане подходил к этому со свойственной ему осторожностью.

В 1903 г. Сайондзи возглавил партию Сэйюкай, сменив на посту ее председателя Ито Хиробуми. Сэйюкай была тесно связана с концернами «Мицуи» и «Сумитомо», а также с «Фурукава» и «Ясуда» (один из лидеров партии Хара Такаси в 1906 г. вошел в совет директоров «Фурукава»). Таким образом, приход к власти кабинетов Сайондзи означал внедрение прямого представительства крупной буржуазии (со всем спектром ее экономических и политических интересов) в структуры исполнительной власти, а также некоторое усиление влияния парламента в политической жизни страны.

После того как в декабре 1905 г. ушел в отставку руководивший страной с 1901 г. кабинет Кацура, возглавить прави-

тельство было поручено Сайондзи. 7 января 1906 г. он сформировал свой первый кабинет. В его состав были включены два представителя партии Сэйюкай, в том числе Хара Такаси, который занял пост министра внутренних дел. Министром иностранных дел был назначен Като Такааки, зять Ивасаки Яторо, главы концерна «Мицубиси», а министром финансов — Сакатани Есио, зять Сибусава Эйити, владельца крупнейшего в Японии банка «Дайити гинко». Это было зримым выражением связей нового кабинета с крупным капиталом.

Это была военно-полицейская система, которая установилась как система управления и угнетения. Она не являлась официальной властью, но сила военно-феодального империализма была признана в Японии. Подобный режим управления, поддержанный специфичным характером абсолютной монархии, усиливал те черты, которые способствовали развитию милитаризма, и, в свою очередь, военный аппарат обусловил становление империализма как в общественной, так и в экономической жизни Японии.

ГЛАВА 7

Вторая, Советско-японская война 1945 г.

В.П. Зимонин

Семь десятилетий прошло со дня окончания Второй мировой войны, главным завершающим событием которой явилась быстротечная, но беспрецедентная по пространственному размаху и достигнутым стратегическим результатам Советско-японская война. Она стала средством прекращения проведения Японией в течение многих десятилетий коварной, агрессивной политики по отношению к своему дальневосточному соседу и народам других стран.

Наращение критической массы противоречий

Ко времени принятия советским руководством решения о вступлении в военные действия на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны на стороне союзников в отношениях между Россией (СССР) и Японией по вине последней накопилось настолько много противоречий, что оставлять их в неразрешенном виде было уже невозможно.

Договоренности, по которым Россия в 1905 г. уступила по итогам Русско-японской войны Японии Южный Сахалин, также вероломно были нарушены Токио участием в 1918–1922 гг. огромной группировки японских войск в иностран-

ной интервенции, развернутой на излете Первой мировой войны против молодого социалистического государства. Японская интервенция на советском Дальнем Востоке — это четыре года грабежей и кровавых преступлений. В это время на советской территории находилось 11 японских пехотных дивизий (из 21 имевшейся в то время в японской армии) общей численностью до 175 тыс. человек, а на рейде Владивостока и в районе города — крупные боевые корабли и морская пехота. Помимо войск, осуществлявших операции совместно с воинскими частями других стран, Япония направила на советский Дальний Восток и в Сибирь соединения, действовавшие независимо от союзных войск и руководимые штабом Квантунской армии в Порт-Артуре и генеральным штабом армии в Токио. Лишь в 1922 г. войскам Красной армии и партизанским формированиям удалось изгнать японских интервентов, пытавшихся с опорой на белоказачьи формирования ликвидировать советскую власть на огромной территории азиатской части России, из Приморья, а оккупированный Северный Сахалин Япония вынуждена была вернуть Советскому Союзу только в 1925 г.¹

В самом начале 1930-х гг., когда Гитлер еще только рвался к власти, честолюбивые японские генералы приступили в многострадальной Маньчжурии к реализации грандиозных планов мирового господства, согласно которым одним из объектов агрессии являлся СССР. 25 июля 1927 г. премьер-министр, министр иностранных дел и колоний Японии генерал Г. Танака (кстати, активный участник Русско-японской войны 1904–1905 гг.) представил молодому императору Хирохито меморандум, цитируемый современными японскими военными историками в фундаментальной 110-томной «Официальной истории войны в великой Восточной Азии». «После подчинения Китая» авторы меморандума предписывали Японии «вновь скрестить мечи с Россией»². Именно Япония в полном соответствии с меморандумом Танаки, ставшим для нее дорожной картой подготовки и участия в новой мировой войне, разожгла первые очаги гигантского вселен-

ского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 г. (нападение Германии на Польшу) стал называться Второй мировой войной, и полыхали они неподалеку от границ СССР.

В этой связи следует упомянуть так называемую «политику умиротворения» агрессоров. Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. (ее с полным основанием можно назвать первым очагом будущего всемирного пожара) получила, как известно, лишь словесное осуждение со стороны стран Запада. На демонстративный выход Японии из Лиги Наций никаких реальных санкций не последовало. Очевидно, лидеров этих стран вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с единственной целью — сделать ее плацдармом для борьбы против СССР. Определенную уверенность в этом им давало то, что в течение нескольких лет Япония затягивала решение вопроса о заключении по инициативе СССР советско-японского пакта о ненападении, а в декабре 1932 г. и официально отказалась из-за нежелания Москвы пойти на установление дипломатических отношений с созданным японцами марионеточным государством Маньчжоу-го подписать такой пакт, который связывал бы руки японских лидеров в проведении враждебной политики в отношении Советского Союза³. Первая половина 1930-х гг. стала периодом резкого ухудшения японо-советских отношений.

Тем временем, воспользовавшись нерешительностью мирового сообщества и накопив силы, Япония осуществила в 1935 г. захват всего северо-восточного региона Китая, граничащего с СССР, и начала в июле 1937 г. тотальную войну против этой древней страны, что вновь было проглочено Западом. Никакой реакции не последовало и на агрессивную вылазку японцев против СССР у озера Хасан в июле 1938 г. В антисоветских целях в сентябре 1938 г. было заключено и позорное «мюнхенское соглашение» западных держав с Германией и Италией по расчленению и уничтожению союзника СССР Чехословакии, поддержанное Японией.

В Японии хорошо понимали необходимость мощного европейского союзника для агрессии против советского Дальнего Востока. Первым практическим шагом в организации общеконтинентального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 г. между Японией и Германией антикоминтерновского пакта, к которому 6 ноября 1937 г. (очевидный «подарок» советскому руководству к 20-й годовщине Октябрьской революции) присоединилась Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 г. — подвассальная Японии и граничащая с СССР Маньчжоу-го⁴, с чьей территории и развернулась спустя три месяца агрессия в районе монгольской реки Халхин-гол.

Важное значение для выработки основных направлений советской дипломатии имела серия вооруженных провокаций, осуществленных с санкции высшего военного командования на границах СССР или в их непосредственной близости. Главной целью этих вооруженных акций было определение уровня боеспособности советских войск, размещенных на Дальнем Востоке, и перспектив полномасштабной войны с Советским Союзом.

Японский военный фактор, с учетом этих и ряда других обстоятельств, не мог не присутствовать при выработке советским руководством политики безопасности в канун и начальный период Второй мировой войны. С учетом этого фактора очевидна в целом правильность и выверенность политического и военного курса руководства СССР вплоть до самого кануна Великой Отечественной войны, включая и вынужденное в тех условиях подписание договора о ненападении с Германией (в дни проработки и подписания этого договора советские и монгольские войска вели под командованием комкора Г.К. Жукова ожесточенные бои по разгрому соединений японской 6-й армии у реки Халхин-гол в дружественной СССР и граничащей с ним Монголии). Так вот, подписание Советским Союзом договора с Германией и разгром японских войск в Монголии привели к отрыву «обидевшей-

ся» на Берлин Японии от союза с Германией, к тому, что в Токио не стали безоглядно следовать в русле гитлеровской политики, что вместе с подписанием Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией 13 апреля 1941 г. помогло ему обеспечить более полутора лет для укрепления боеспособности страны и в конце концов избежать войны на два фронта.

Огромное значение для сдерживания антисоветских устремлений японского руководства играла масштабная военная и экономическая помощь со стороны СССР Китаю, против которого 7 июля 1937 г. Япония развязала тотальную войну. Значение принципиальной позиции СССР по отношению к агрессии Японии против Китая отмечали в свое время лидеры Гоминьдана и компартии этой страны. Так, в сентябре 1939 г. Чан Кайши в телеграмме И.В. Сталину писал: «С начала антияпонской войны Япония так и не смогла полностью использовать свои вооруженные силы против нас, так как значительная их часть была связана присутствием ваших сил на границах Северо-Восточного Китая»⁵. «Когда Япония напала на Китай, — писал Мао Цзэдун 28 сентября 1939 г., — а Англия, США и Франция стали проводить политику невмешательства, Советский Союз не только заключил с Китаем договор о ненападении, но и активно стал помогать Китаю в борьбе против японских захватчиков»⁶.

Значение этой помощи можно оценить еще глубже, если учесть, что к 1939 г. Китай потерял в войне более одной четверти своей территории, на которой проживало 170 млн человек, располагались важнейшие предприятия по производству угля (76%), чугуна (76%), нефти (99,8%), 84% железных дорог было захвачено японскими оккупантами⁷. Отмечая важность советской помощи Китаю, китайский историк Хэ Ли свидетельствует об «эффективности деятельности института военных советников из СССР», которыми были разработаны планы более 10 операций, подготовлены более 100 тыс. китайских военнослужащих, не говоря уж о том, что каждый десятый из воевавших в Китае советских летчиков погиб здесь в воздушных боях⁸.

Многосторонняя советская помощь соседнему Китаю обеспечивала его решимость оказывать упорное сопротивление агрессору, что, в свою очередь, ограничивало возможности Японии, не решившейся, с учетом уроков Хасана и Халхин-гола, повернуть агрессию против СССР даже с развертыванием против него фашистской агрессии.

Тем не менее военно-политическое руководство Японии отнюдь не отказалось от подготовки к развертыванию агрессии против СССР в случае появления для этого условий, что подтверждает тщательно готовившееся, как это показывали на допросах пленные японские генералы¹⁰, вплоть до конца 1943 г. японское вторжение на территорию советского Дальнего Востока, преследовавшее цель захватить огромное пространство до меридиана сибирского города Омска, что составило бы более 2/3 общей площади Советского Союза. Постоянно нарушался заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете, который был, как признавал министр иностранных дел Японии тех лет Ё. Мацуока, нужен лишь для прикрытия военных приготовлений против СССР. За четыре года со времени его подписания части и подразделения Квантунской группировки войск 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР. Японские военные корабли около 180 раз останавливали (нередко с применением оружия) и досматривали советские торговые и рыболовные суда, вводили некоторые из них в свои порты, а по крайней мере 8 — потопили. Общие убытки советского судоходства в 1941–1944 гг. в результате провокационных действий японских ВМС составили в ценах тех лет 637 млн рублей¹¹. Тем самым грубо нарушалась 1-я статья пакта о нейтралитете, которая гласила: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны»¹².

В течение всей войны Япония продолжала оказывать политическую и экономическую помощь гитлеровской Германии

в войне против Советского Союза, поставляла ей разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем¹³.

У дальневосточных границ СССР стояла крупная стратегическая группировка отборных японских войск, которую в течение многих лет усиленно готовили для выполнения главной задачи — нападения на Советский Союз. Вот почему Москва на протяжении всей войны против гитлеровской Германии была вынуждена сохранять у своих границ в Забайкалье и на Дальнем Востоке значительные вооруженные силы: от 30 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО общей численностью свыше 1 млн солдат и офицеров; 8–16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, от 3 до 4 тыс. боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов. В общей сложности все это составляло в разные периоды войны от 15 до 30% боевых сил и средств Вооруженных сил СССР¹⁴. Очевидно также, что, отвлекая столь значительную часть советских войск от фронта военных действий против Германии, особенно в наиболее тяжелые периоды войны, Япония оказывала активную и существенную помощь своему гитлеровскому союзнику. В свою очередь, при возможности использовать войска и силы флота, вынужденно размещенные на востоке страны, для военных действий на советско-германском фронте, СССР, безусловно, мог бы с гораздо меньшими потерями и в еще более короткие сроки разгромить вооруженные силы Германии и ее союзников в Европе.

Поэтому советское правительство имело полное основание в любой момент прекратить действие пакта о нейтралитете, но по понятным причинам не могло с самого начала войны на Тихом океане пойти навстречу предложениям союзников о прямом выступлении против Японии. С июня 1941 до июня 1944 г., т.е. до открытия второго фронта, Советский Союз один на один вел тяжелейшую борьбу с войсками главной группировки фашистского блока в Европе. Неся основную тяжесть войны, СССР, конечно же, не мог одновременно

пойти на открытие своего «второго фронта» — вступить в вооруженную борьбу против Японии. С другой стороны, ведя борьбу с основными силами фашистско-милитаристского блока в Европе и одновременно оттягивая на себя миллионную Квантунскую группировку японских войск, создавая тем самым препятствия для свободного использования их против Китая, США, Великобритании и других союзников, Советский Союз существенно облегчал их участь, обеспечивая им возможность оправиться от первых поражений первых месяцев войны на Тихом океане, восстановить за счет мобилизации экономики понесенные потери в кораблях, удерживать статус кво на сухопутном ТВД в Азии, создать ударные группировки для развертывания широких наступательных военных действий на Тихоокеанском ТВД. Коренной перелом в Великой Отечественной войне, произошедший на рубеже 1942–1943 гг., создал союзникам в войне на Тихом океане благоприятные условия для перехода к контрнаступлению, что заставило Японию перейти к оборонительной стратегии по всему периметру театра войны. Фактор присутствия крупного контингента советских войск на Дальнем Востоке и успехов Советского Союза в войне с Германией продолжал оказывать существенное влияние на политику и военную стратегию Японии и, соответственно, на положение союзников на всем протяжении борьбы против нее вплоть до 8 августа 1945 г., когда СССР по их просьбе объявил о своем вступлении в войну.

Стратегическая обстановка в регионе к началу боевых действий

С первых месяцев 1945 г. военно-политическое руководство Японии отчетливо осознавало всю бесперспективность продолжения войны. Тем не менее оно искало возможность любыми средствами ее затянуть, чтобы добиться «почетного мира». В конце января командующие стратегическими объединениями японских вооруженных сил на Азиатско-

Тихоокеанском театре войны (АТТВ) получили из Токио директиву, которая гласила: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»¹⁵.

Однако военно-стратегическая ситуация в 1945 г. в Европе и Азии, соотношение сил, денонсация 5 апреля советско-японского пакта о нейтралитете, разгром Германии вынудили Японию кардинально пересмотреть свои планы войны и принять 8 апреля 1945 г. «Общий курс подготовки к решительным операциям» («Кэцу»), исходящий из необходимости активизации подготовки именно к обороне Маньчжурии и Кореи. В соответствии с приказом генштаба японской армии, направленному 30 мая 1945 г. главнокомандующему Квантунской группировки войск О. Ямаде, стали ускоренно готовиться войска и плацдармы для войны против СССР и США на континентальной части театра войны в Маньчжурии, Корее и Китае. Согласовывались и увязывались планы взаимодействия между Квантунской группировкой, 17-м фронтом в Корее и экспедиционными силами в Китае, которые в мае — июне 1945 г. получили приказы «немедленно отправить в Маньчжурию 4 дивизии и части усиления», перебросить из ряда провинций Китая «части охраны железнодорожных и шоссейных коммуникаций»¹⁶.

Между тем защита «неприступной крепости» требовала еще более крупных сил и мобилизации ресурсов всей страны. Хотя Япония постоянно поддерживала на театре войны в целом существенное численное преимущество над противником в сухопутных войсках, в ставке и правительственных кругах заговорили о необходимости тотальной мобилизации всех, кто только способен держать в руках оружие. Пытаясь придать войне общенародный характер, Высший совет по руководству войной создал гражданский добровольческий корпус — по сути, японский вариант фольксштурма. В корпус обязали вступить все дееспособное население. К августу в нем насчитывалось уже 28 млн человек, а из зачисленных в него

военнообязанных были созданы боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии. В сельской местности шло формирование крестьянского трудового корпуса. Для отражения возможного вторжения противника на Японские острова началось поголовное обучение населения военному делу¹⁷.

21 июня японский парламент принял закон «О чрезвычайных мерах военного времени», санкционировавший любые действия властей по организации обороны и пресечению беспорядков, а на следующий день — закон «О добровольной военной службе», по которому в случае необходимости призыву подлежали все мужчины в возрасте от 15 до 60 и женщины от 17 до 40 лет¹⁸. В результате принятых мер к августу численность регулярных вооруженных сил выросла до 7,2 млн, а сухопутных войск — до 5,5 млн человек¹⁹.

Квантунская группировка японских войск в Маньчжурии, опиравшаяся на мощный военно-экономический потенциал Северо-Восточного Китая, была значительно усилена. В Корею и Маньчжурию в то время проводилась тотальная мобилизация местного населения и японских колонистов. Одних корейцев планировалось призвать 210 тыс. человек. Наряду с этим японское командование в Маньчжурии предусматривало возможность использования жандармских, полицейских, железнодорожных и иных военизированных формирований, а также вооруженных отрядов резервистов-переселенцев. Квантунскую группировку войск непосредственно обеспечивали силы японского флота, опиравшиеся на выдвинутые для действий в сторону материка базы в Северной Корее и на Ляодунском полуострове²⁰. В связи с относительной удаленностью Маньчжурии от метрополии и других японских фронтов на помощь Квантунской группировке в критический момент предусматривалось перебросить японские войска Суйюаньской армейской группы и Северо-Китайского фронта Экспедиционных сил в Китае²¹.

На Южном Сахалине и Курильских островах, которые, по оценке японского командования, также должны были войти в зону предстоявших действий советских войск, к 1945 г. дис-

лоцировалась часть соединений (около 80 тыс. человек, в том числе на Курилах — около 50 тыс. и на Сахалине около 29 тыс. солдат, офицеров и резервистов) 5-го фронта, штаб которого находился на острове Хоккайдо. Не исключалась возможность боевых действий и на самом острове Хоккайдо. Поэтому там держали три пехотные дивизии, отдельную смешанную бригаду, отдельный пехотный и отдельный танковый полки²².

Для действий на материке Япония могла использовать в качестве стратегического резерва сухопутные войска (2,3 млн солдат и офицеров) и крупные силы флота и авиации, находившиеся в собственно Японии²³. Разрабатывался и другой вариант: использовать Маньчжурию в качестве «последнего оплота империи». Туда должны были эвакуироваться император и его окружение, если бы японским войскам под ударами американо-британских соединений пришлось оставить метрополию.

Военное командование Японии считало, что вооруженная борьба на маньчжурском направлении будет упорной, длительной и кровопролитной для обеих сторон. По предварительным расчетам, первый этап военных действий в Маньчжурии должен был продлиться около трех месяцев, и считалось, что только прорыв приграничной полосы долговременных укреплений займет у советских войск не меньше месяца. Затем советским войскам потребуется еще три месяца, чтобы подтянуть тылы и подготовиться к операциям второго этапа (примерно шесть месяцев) по захвату остальной части Маньчжурии и Внутренней Монголии. Японское командование рассчитывало в течение этого времени перегруппировать силы, организовать контрнаступление и, восстановив положение, добиться «почетных условий мира». Немалые надежды возлагались на организацию партизанских действий на занятой противником территории. Мелкие группы диверсантов, по возможности из числа белоэмигрантов, а также смертники должны были проводить небольшие по масштабам, но систематические и с решительными целями «специальные операции»²⁴.

Поэтому на требование Потсдамской декларации лидеров США, Великобритании и Китая от 26 июля о безоговорочной капитуляции японское военно-политическое руководство ответило решительным отказом и пропагандистскими мероприятиями среди войск и населения страны, направленными на разжигание фанатизма, готовности к жесточайшей схватке до последнего солдата. Так, командование Квантунской группировки войск обратилось к личному составу с призывом: «Пусть нам придется есть траву и грызть землю, но мы должны жестоко и решительно сразиться с врагом»²⁵. Аналогичного мнения придерживался и главнокомандующий японскими Экспедиционными силами в Китае генерал Я. Окамура. «Капитулировать, не вводя в бой армию, численность которой составляет несколько миллионов человек, — подчеркивал он, — позор, которому нет равного во всей военной истории»²⁶.

В предвидении войны с Советским Союзом японцы заблаговременно оборудовали театр военных действий. Они создали целую систему оборонительных сооружений. К августу 1945 г. в Маньчжурии и Корее было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок — всего свыше 400 аэродромных точек с оперативной емкостью свыше 6 тыс. самолетов. Проведенные мероприятия придавали уверенность японскому командованию, по мнению которого, «противостоять превосходившим по силе и подготовке советским войскам» Квантунская группировка «способна была в течение года»²⁷.

В стане союзников по Антигитлеровской коалиции, в том числе в Вашингтоне, понимали всю сложность ситуации, и по поводу дальнейшего ведения войны там не было единого мнения. Дело в том, что после развертывания в апреле 1944 г. японского наступления в Китае для союзников здесь сложилась весьма сложная ситуация. Положительные в целом результаты вооруженной борьбы войск под руководством Компартии Китая давались нелегко. Потери убитыми и ранеными в 8-й и 4-й армиях за годы войны, например,

достигли почти 450 тыс. человек²⁸. Всего же за годы антияпонской войны Китай, по недавно опубликованным официальным данным, потерял более 35 млн человек убитыми, ранеными и умершими от голода и болезней, в то время как располагавшая на Китайском ТВД значительно меньшими вооруженными силами Япония потеряла убитыми и ранеными только 1,33 млн военнослужащих (примерно такое же количество японских военнослужащих капитулировало в конце войны на этом фронте под воздействием результатов разгрома советскими войсками японской Квантунской группировки войск в Маньчжурии и Северной Корее в августе 1945 г.). Жертвы эти, однако, могли бы быть гораздо меньшими, если бы не внутренние разногласия и обострение борьбы между КПК и Гоминьданом. Войскам КПК приходилось вести многолетнюю вооруженную борьбу на два фронта. С одной стороны, против японских войск и марионеточной армии, с другой — отражать карательные походы своих союзников по единому фронту — гоминьдановцев, нередко объединявших усилия с японскими агрессорами в борьбе против коммунистов. Так, в разгар войны более 60% японской армии и 95% марионеточных войск Ван Цзинвэя были брошены на борьбу с коммунистами²⁹.

В Китае нарастал острый политический кризис, который грозил вылиться в гражданскую войну. Единый антияпонский фронт практически прекратил свое существование; Гоминьдан и КПК готовились не к решающим битвам с японским агрессором, а к предстоящей борьбе за власть в стране.

Накануне Крымской (Ялтинской) конференции (4–11 февраля 1945 г.) США и их союзники имели на всем Тихоокеанском ТВД лишь 2458 тыс. человек против более семимиллионных (в т.ч. 3,7 млн — в метрополии) вооруженных сил Японии, и накопление сил и средств протекало крайне медленно. Так, на совещании военных делегаций на Крымской конференции 6 февраля начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл заявил, что переброска американских войск из Европы начнется через неделю после окончания войны в Ев-

ропе, а главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг сообщил, что «никакого твердого плана» окончательного нападения на Японию не существует³⁰. Великобритания в июле 1945 г. заявляла о своей готовности послать для высадки на Японские острова «самое большее три дивизии и позже, возможно, еще две» и разместить на Окинаве в октябре 1945 г. две и в начале 1946 г. десять эскадрилий авиации. В противоположность этому, по оценке У. Черчилля, в метрополии находилась «хорошо обученная, хорошо вооруженная и исполненная фанатичной решимости драться до конца» японская армия³¹. Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось исходя из опыта (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев) в лучшем случае на конец 1946 г., а по более глубоким расчетам — в 1947 г.³². Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских — свыше 0,5 млн, а японских — 10 млн человек³³. Учитывая, что общие потери американцев уже составили свыше 285 тыс. человек, из них около 99 880 убитыми³⁴ (несмотря на довольно низкие цифры потерь по сравнению с другими ведущими союзниками, эти потери были все же для США, не имевших общих границ с противниками и ведших войну вне пределов своей основной территории, весьма чувствительными), военно-политическое руководство США не спешило с началом проведения операций на Японских островах.

Огромный Маньчжуро-Корейский регион с его более чем миллионной группировкой войск, развитой промышленной структурой и богатыми сырьевыми ресурсами, с крупными стратегическими запасами являлся важной базой Японии, но одновременно и ее «ахиллесовой пятой», ибо был связующим звеном между метрополией и континентом. В Вашингтоне понимали, что с потерей столь важного плацдарма Япония лишится большей части необходимых для продолжения войны средств и вынуждена будет капитулировать. Решить

эту задачу в короткий срок могли только советские войска, сосредоточенные в непосредственной близости от Маньчжурии и Кореи. Вот почему среди видных военачальников было немало тех, кто связывал планы завершения войны на Тихом океане с обязательным вступлением в нее СССР. Руководители США и Великобритании понимали, что «если Россия так и останется нейтральной», то «огромная японская армия в Маньчжурии может быть брошена на защиту собственно Японии»³⁵.

Следует отметить, что на протяжении всей войны военно-политические лидеры США и Великобритании неоднократно отмечали в своих решениях, что после разгрома стран оси в Европе они во взаимодействии с другими государствами Тихоокеанского бассейна, а также с Россией, если это будет возможно, направят все ресурсы на достижение безоговорочной капитуляции Японии, причем в минимально короткий срок³⁶. Этому призваны были служить и договоренности глав трех великих держав в Тегеране о вступлении СССР в войну против Японии вскоре после разгрома Третьего рейха. Специальное соглашение, подписанное ими 11 февраля 1945 г. в Ялте, предусматривало вступление Советского Союза в эту войну через два или три месяца после капитуляции Германии.

Правительство Советского Союза имело полное моральное право в случае войны с Японией выставить не только определенные претензии к ней, но и рассчитывать на приятие их своими союзниками. Поэтому в ответ на новые просьбы о подключении к войне И.В. Сталин в беседе с послом США А. Гарриманом в октябре 1944 г. высказал ему, кстати по инициативе самого посла, некоторые свои конкретные предложения относительно послевоенных претензий СССР в этом регионе³⁷. Интересно, что президент США Ф. Рузвельт, узнав «об азиатских требования Сталина», был поражен их скромностью³⁸. На Крымской конференции этот вопрос обсуждался им и И.В. Сталиным 8 и 10 февраля 1945 г. В ответ на согласие вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии президент обещал поддержать требо-

вания советской стороны. 10 февраля и британский премьер У. Черчилль в беседе с глазу на глаз с И.В. Сталиным заверил его, что будет «приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане», а далее высказался за то, чтобы «потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены»³⁹. На следующий день главы трех государств подписали специальное соглашение, которое оставалось строго конфиденциальным вплоть до 5 июля, когда У. Черчилль принял решение проинформировать о нем премьер-министров британских доминионов.

Текст соглашения, подписанного Большой тройкой, гласил:

Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потре-

бует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

*И. Сталин
Ф. Рузвельт
Уинстон С. Черчилль
1945 г., 11 февраля⁴⁰.*

Военное ведомство США не сомневалось в правильности и выгодности для собственной страны принятого в Крыму решения. Военный министр Г. Стимсон писал 21 мая исполнявшему обязанности госсекретаря США Дж. Грю: «Вступление России (в войну против Японии. — *Авт.*) будет иметь далеко идущий военный эффект, который почти определенно приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни»⁴¹. А 18 июня участники заседания ОКНШ, посвященного выработке стратегии войны против Японии на завершающем ее этапе, приветствовали решение о вступлении СССР в эту войну⁴².

Континентальная часть ТВД советских войск охватывала территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи, площадь которой составляла 1,5 млн км² — что превышало площадь территорий трех главных виновников Второй мировой войны — Германии, Италии и Японии, вместе взятых. С севера на юг театр простирался на 1500 км, а с запада на восток — на 1200 км. Общая же протяженность границы, вдоль которой предстояло развертываться советским войскам, составляла более 5 тыс. км, что более чем в два раза

превышало протяженность советско-германского фронта. Обширной была и морская часть театра, на которой действовал советский Тихоокеанский флот. Она включала в себя бассейны Охотского, Японского и Желтого морей, а также акваторию северо-западной части Тихого океана. В меридиональном направлении ее протяженность составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км)⁴³.

Этот театр представлял собой сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности с большим количеством рек, озер и болот к востоку от хребта Большого Хингана. Объединения и даже соединения могли вести здесь наступательные действия лишь на отдельных направлениях, порой изолированных друг от друга сотнями километров.

Более 800 км приграничной полосы японской обороны, которую было необходимо прорывать в первые дни советского наступления, были укреплены сплошной линией мощных глубокоэшелонированных укреплённых районов⁴⁴.

Все это означало, что для успешного развития наступательных военных действий Ставке ВГК предстояло сконцентрировать здесь мощные силы, обладающие опытом ведения операций в аналогичных условиях на Европейском ТВД. В этих целях в течение нескольких месяцев, в том числе во время, уже ставшее для СССР мирным, была проведена грандиозная перегруппировка значительного контингента советских войск с мест их былых сражений на Восток.

Последняя точка во Второй мировой войне

План военных действий Вооруженных сил СССР предусматривал проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции, Южно-Сахалинской наступательной операции, Курильской десантной операции и десантной операции по овладению северной частью о. Хоккайдо⁴⁵.

Руководство военными действиями в Дальневосточной кампании осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советско-

го Союза А.М. Василевским. К тому времени это был один из опытейших военачальников. С июня 1942 г. он возглавлял Генеральный штаб, но почти всю войну провел в качестве представителя Ставки ВГК на фронтах, координируя их действия. В завершающий период Великой Отечественной войны маршал Василевский получил опыт проведения крупных операций в Восточной Пруссии в качестве командующего войсками 3-го Белорусского фронта. Все это позволило маршалу не только приобрести неоценимый опыт вождения войск, но и создало ему заслуженный авторитет как среди военачальников всех уровней, включая Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР И.В. Сталина, так и в среде солдат и офицеров. Однако наиболее ярко полководческий талант А.М. Василевского раскрылся именно в кампании на Дальнем Востоке.

Суть замысла Дальневосточной кампании состояла в том, чтобы одновременным вторжением советских войск из Забайкалья, Приморья и Приамурья в пределы Маньчжурии нанести сокрушительные удары по Квантунской группировке и освободить от японских оккупантов северо-восточные провинции Китая и Северную Корею. Предусматривались два глубоких и мощных встречных удара — с территории Монгольской Народной Республики и советского Приморья, что должно было поставить войска противника перед необходимостью вести оборону на два фронта. Намечались и несколько вспомогательных ударов из Забайкалья и Приамурья по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям. Для изоляции Квантунской группировки от экспедиционных сил, сосредоточенных в Китае, и от метрополии планировались вспомогательные удары на калган-бэйпинском направлении с выходом на побережье Желтого моря и вдоль восточного побережья Северной Кореи. Далее в зависимости от того, удастся ли разгромить японские войска в Маньчжурии и Северной Корее, намечалось освобождение от японцев Южного Сахалина и Курильских островов, а в случае продолжения их сопротивления планировалось высадить крупный десант

на о. Хоккайдо. Замысел, разработанный в Генеральном штабе, 27 июня был в целом одобрен Ставкой ВГК, утвержден ЦК партии и Государственным комитетом обороны. Лишь вопрос о высадке на Хоккайдо остался открытым⁴⁶. На следующий день командующие войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов, а также Приморской группой войск получили конкретные задачи.

7 августа командование войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов получило директиву Ставки ВГК. Она предписывала с 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных еще 28 июня. А 8 августа в Москве в 23 часа японскому послу было передано заявление советского правительства, в котором говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа считает себя в состоянии войны с ней. В заявлении далее указывалось, что этот шаг является «единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий». Это заявление было на следующий день опубликовано в советской центральной прессе.

С первых часов 9 августа ударные группировки советских фронтов атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. Начало Советским Союзом военных действий не оказалось неожиданным для японского командования, в адрес которого уже с апреля 1945 г. поступали разведданные о наращивании советской группировки войск⁴⁷. В 1 час 00 минут 9 августа поднятый по тревоге штаб Квантунской группировки получил из штаба 5-й армии, а вскоре и из других объединений донесения, из которых «стало ясно, что Советский Союз начал всеобщее наступление». «Внутри штаба, — отмечают японские военные историки, — царило возбуждение, подобное трепетанию огня в тигле». Начальник штаба генерал-лейтенант Х. Хата в отсутствие находившегося в Дайрене главнокомандующего генерала О. Ямады взял управление войсками на себя и тут же ввел в действие разработанный заранее на основе плана императорской ставки приказ на веде-

ние операций по отражению противника и до 6 часов 00 минут направил указания для войск каждого операционного направления действовать в соответствии с имевшимися оперативными планами, предполагавшими «срыв наступления противника и нанесение ему разом мощного удара, используя для этого всю огневую мощь». Вместе с тем он ввел в действие «План обороны военного времени» и «Закон об обороне Маньчжоу-го»⁴⁸. Таким образом, войска Квантунской группировки смогли достаточно организованно встретить начало советского наступления. Однако по командным пунктам, штабам и узлам связи японских войск был нанесен мощный удар советской авиации. В результате этого удара, в котором участвовали сотни бомбардировщиков и штурмовиков, связь между штабами и формированиями противника в Маньчжурии вскоре была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление своими объединениями и соединениями, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач. Боевые действия развернулись на фронтах общей протяженностью более 5 тыс. км.

Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся войсками Квантунской группировки для связи с Японией, силами авиации и торпедных катеров нанес мощные удары по японским военно-морским базам в Северной Корее и начал подготовку десантных операций в ее важнейшие порты. При содействии Краснознаменной Амурской флотилии и военно-воздушных сил советские войска успешно форсировали на широком фронте реки Амур и Уссури и, словив в упорных боях ожесточенное сопротивление японцев в приграничных укрепленных районах, начали развивать успешное наступление вглубь Маньчжурии⁴⁹.

Особенно стремительно наступали бронетанковые и мотомеханизированные соединения Забайкальского фронта, в составе которого находились дивизии, прошедшие войну с фашистской Германией, и кавалерийские соединения монгольской Народно-революционной армии.

В результате сокрушительных ударов, наносимых советскими Вооруженными силами, мощные японские укрепленные линии, созданные по Амуру, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были блокированы и обойдены. Стремительные действия всех родов советских наземных войск, авиации и кораблей Военно-морского флота сорвали японские планы применения бактериологического оружия⁵⁰.

Уже в первые шесть дней наступления советские и монгольские войска разгромили фанатично сопротивлявшегося противника в 16 укрепленных районах и продвинулись Забайкальским фронтом на 250–450 км, 1-м Дальневосточным фронтом — на 120–150 км и 2-м Дальневосточным фронтом — на 50–200 км⁵¹.

Командование войск продемонстрировало высокое военное искусство, а воины — массовый героизм и самоотверженность, о чем свидетельствовали боевые донесения. Вот что говорилось в одном из них о действиях войск 53-й армии: «Точно в установленный срок части и соединения армии подошли к Большому Хингану и тут же по горным верблюжьим тропам, по совершенно неизвестной местности, где никогда не проходили войска, начали форсировать его, не имея при этом ни точных географических карт этого района, ни проводников... Путь пришлось прокладывать через горы и заболоченные узкие долины. Потребовались огромные усилия, люди по несколько суток работали без сна и отдыха на устройстве дорог, проходов, взрывали скалы, засыпали овраги, на себе тащили через горы, по болотам и пескам машины, пушки, повозки, на руках переносили боеприпасы»⁵².

Наступление Красной армии в Маньчжурии развивалось настолько стремительно, что противник оказался не в силах сдержать натиск советских войск. В течение десяти дней общевойсковые объединения Красной армии при активной поддержке военно-воздушных и военно-морских сил смогли расчленить на части и фактически разгромить стратеги-

ческую группировку японских войск в Маньчжурии и Северной Корее.

К 20 августа советские войска продвинулись вглубь Маньчжурии, вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили японские войска на ряд изолированных группировок и завершили их окружение. С 19 августа войска противника почти повсеместно стали сдаваться в плен. Чтобы не дать противнику возможности эвакуироваться или уничтожить материальные ценности, в период с 18 до 27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Шэньяне, Чанчуне, Гирине, Люйшуне, Даляне, Пхеньяне, Хамхыне и других городах Китая и Кореи⁵³. С этой целью действовали также армейские подвижные передовые отряды, успешно выполнившие свои задачи.

Стремительное наступление советских и монгольских войск поставило Японию в безвыходное положение, расчеты ее командования на упорную оборону и последующее контрнаступление с решительными целями были сорваны. Миллионная Квантунская группировка войск была разгромлена.

Крупный успех советских войск в Маньчжурии, достигнутый в первые же дни войны, позволил советскому командованию 11 августа начать наступление на Южном Сахалине. Проведение операции было возложено на войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северную Тихоокеанскую флотилию. Южный Сахалин обороняла входившая в состав 5-го фронта со штабом на о. Хоккайдо усиленная 88-я японская пехотная дивизия, опиравшаяся на мощный Котонский укрепленный район протяженностью 12 км по фронту и до 30 км в глубину. Боевые действия на Сахалине начались с прорыва этого укрепленного района. Советским войскам пришлось действовать в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Наступление велось вдоль единственной грунтовой дороги, связывавшей Северный Сахалин с Южным и проходившей между труднодоступными отрогами гор и заболоченной долиной реки Поронай⁵⁴.

Успешный ход военных действий в Маньчжурии, Корее и на Южном Сахалине позволил советским войскам 18 ав-

густа приступить к проведению операции по освобождению Курильских островов и одновременно готовить крупную десантную операцию на Хоккайдо, необходимость в которой вскоре отпала. Для осуществления Курильской десантной операции привлекались войска Камчатского оборонительного района и корабли Тихоокеанского флота.

18 августа началась высадка войск на остров Шумшу, бои за который приняли ожесточенный характер. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска 23 августа завершили освобождение острова. К началу сентября войска Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы заняли всю северную гряду островов, включая остров Уруп, а силы Северной Тихоокеанской флотилии — остальные острова к югу от Урупа⁵⁵.

Сокрушительный удар по Квантунской группировке войск на Дальнем Востоке явился одним из определяющих факторов разгрома Японии. Он привел к самому крупному во Второй мировой войне поражению японских вооруженных сил и к наиболее тяжелым для них потерям. Последние превысили 720 тыс. солдат и офицеров, в том числе 84 тыс. убитыми и ранеными, более 640 тыс. пленными⁵⁶. Япония, лишившись крупнейшей военно-промышленной базы на азиатском субматерике и наиболее сильной группировки сухопутных войск, оказалась не в состоянии продолжать вооруженную борьбу. Удары Красной армии парализовали волю Японии к сопротивлению. То, чего союзники стремились, несмотря на обладание атомной бомбой, достичь через 1–1,5 года войны, было осуществлено в результате быстротечной кампании советских войск на Дальнем Востоке. Япония капитулировала. Разгром советскими Вооруженными силами японских войск в Маньчжурии и Корее, а также на Южном Сахалине и Курильских островах лишил Японию всех плацдармов и баз, которые она в течение многих лет создавала, готовясь к агрессии против СССР. Безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке была обеспечена. Пример того, что после принятия Японией капитуляции и полного прекращения ее

войсками сопротивления Красной армии СССР отказался от оккупации острова Хоккайдо, красноречиво свидетельствует, во-первых, об уважительном отношении Советского Союза к интересам союзников и, во-вторых, полностью отмечает утверждения о том, что советское государство стремилось к «кровавому разделу» чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица. Если бы основным мотивом вступления СССР в войну были территориальные приобретения, то их можно было бы достичь и без войны, точнее при отказе от нее и выступлении в роли посредника на переговорах — японское руководство прилагало к этому все усилия, не жалея взамен ни своих, ни чужих территорий.

2 сентября 1945 г. в 9 часов 04 минуты на борту американского линкора «Миссури», находившегося в Токийском заливе, от имени императора, японского правительства и императорской ставки министром иностранных дел М. Сигэмицу и начальником генерального штаба японской армии Ё. Умэдзу был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. В акте, в частности, говорится: «Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации». От имени всех союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией, акт подписал генерал Д. Макартур; от имени отдельных стран — адмирал Ч. Нимиц (США), генерал Су Юнчан (Китай), адмирал Б. Фрейзер (Великобритания), генерал-лейтенант К.Н. Деревянко (СССР), генерал Т. Блэйми (Австралия), полковник Н. Мур-Косгрейв (Канада), генерал Ф. Леклер (Франция), адмирал К. Хелфриг (Нидерланды) и вице-маршал авиации Л. Исит (Новая Зеландия)⁵⁷.

Подписав акт о капитуляции, Япония полностью приняла условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой 8 августа присоединился и СССР. Согласно акту, военные действия с ее стороны прекращались немедленно, все японские и находившиеся под контролем Японии вооруженные силы безоговорочно капитулировали, оружие, во-

енное и гражданское имущество сохранялись без повреждения. Японскому правительству и генштабу предписывалось немедленно освободить союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Все японские граждане, военные и морские официальные лица обязывались повиноваться Верховному командованию союзных держав и выполнять его приказы и указания. Подотчетной ему становилась также деятельность императора и правительства Японии по управлению государством. Верховный командующий союзных держав наделялся правом «предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления условий капитуляции»⁵⁸.

С подписанием акта закончилась Вторая мировая война, заключительным событием которой стала Дальневосточная кампания Вооруженных сил СССР в войне против Японии, принудившая азиатского агрессора к миру.

Победа далась нелегко: Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 12 031 — погибшими⁵⁹. Вместе с тем людские потери советских войск и сил флота были в 18,6 раз ниже, чем аналогичные потери японских вооруженных сил, и составили менее 0,1 процента от численности всего личного состава советских Вооруженных сил, принявшего участие в кампании⁶⁰, что говорит о высоком уровне боевого мастерства воинов армии и флота и превосходящем военном искусстве советских командиров и штабов.

Советско-японская война длилась менее четырех недель, но по своему размаху, мастерству проведения операций и результатам она относится к выдающимся кампаниям Второй мировой войны. Достигнутая за короткий срок крупная победа явилась ярким свидетельством могущества Вооруженных сил СССР, новым проявлением высокого отечественного военного искусства. За ратные подвиги в войне против Японии 308 тыс. генералов, адмиралов, офицеров, сержантов, старшин, солдат и матросов были награждены орденами и медалями, звания Героя Советского Союза были удостоены

ны 93 воина, а 6 человек были удостоены этого высокого звания во второй раз. Одним из ярчайших примеров самоотверженности советских воинов при выполнении своего воинского долга в период войны с Японией является то, что одиннадцать представителей сухопутных войск, пограничников, моряков-тихоокеанцев и амурцев повторили подвиг Александра Матросова, бросившись на амбразуры японских дзотов, чтобы, заставив их замолчать, дать возможность своим товарищам решить поставленную задачу. Более 300 соединений и частей армии и флота получили боевые награды, 25 из них стали гвардейскими. Почетные наименования Хинганских, Амурских, Уссурийских, Харбинских, Мукденских, Порт-Артурских, Сахалинских, Курильских и других были присвоены более 200 соединениям и частям⁶¹. Все это — убедительное свидетельство массового героизма советских воинов.

В войне против Японии вновь проявились лучшие традиции российского воинства — глубокая любовь к Родине, готовность отдать жизнь за ее интересы, интернационализм советского солдата, его готовность прийти на помощь другим народам, верность союзническому долгу. Как на исконно русской (Сахалин, Курилы), так и на сопредельных территориях (Китай и Корея) советские воины проявляли чудеса героизма во имя скорейшего окончания мировой войны, спасения от гибели миллионов солдат и населения воевавших сторон, восстановления исторической справедливости в отношениях с Японией, не жалея при этом ни своей крови, ни самой жизни.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. 3 сентября объявлено Днем победы над Японией.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Кн. 1. Вып. 1, с. 8.

² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. СПб., 1912. Кн. 1, с. 192–194.

³ Там же, с. 194–195.

⁴ *Костенко М.И.* Осада и сдача крепости Порт-Артур (Мои воспоминания). Киев, 1906, с. 32.

⁵ В штабе адмирала Е.И. Алексеева: из дневника Е.А. Плассона // Красный архив. Т. 4–5 (сорок первый — сорок второй), 1930.

⁶ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. СПб., 1912. Кн. 1, с. 190–191.

⁷ *Нирутака.* «Акацуки» перед Порт-Артуром (из дневника японского морского офицера). Пер. с япон. СПб., 1905, с. 13.

⁸ История русской армии и флота. М., 1913. Вып. 15, с. 42.

⁹ *Бубнов М.* Порт-Артур. Воспоминания о деятельности Первой Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907, с. 18–19.

¹⁰ Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Составлено японским Морским генеральным штабом (Токио). СПб., 1909. Т. 1, с. 55.

¹¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. СПб., 1912. Кн. 1, с. 239.

¹² Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Составлено японским Морским генеральным штабом (Токио). СПб., 1909. Т. 1, с. 67–68.

¹³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. СПб., 1912. Кн. 1, с. 248.

¹⁴ Там же, с. 269, 273.

¹⁵ Там же, с. 276.

¹⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10109. Л. 4.

¹⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Документы. СПб., 1911. Отд. III. Кн. 1. Вып. 1, с. 58.

¹⁸ См.: *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990, с. 91–94.

¹⁹ *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943, с. 243.

²⁰ Там же, с. 244.

²¹ Там же, с. 35.

²² Там же, с. 35.

²³ В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований // Морской сборник. 1886. № 3, с. 3.

²⁴ Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951, с. 295.

²⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. СПб., 1912. Кн. 1, с. 426.

²⁶ *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943, с. 513.

²⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Кн. 1. Вып. 2, с. 69.

²⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. Документы. СПб., 1911. Отд. III. Кн. 1. Вып. 2, с. 69.

²⁹ Там же, с. 72.

³⁰ См.: *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море, с. 98–99.

³¹ Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (1904–1905). Составлено японским Морским генеральным штабом (Токио). СПб., 1909. Т. 1, с. 98–100.

³² Там же, с. 103.

³³ Семенов В.И. Адмирал Степан Осипович Макаров. СПб.; М., 1913, с. 42.

³⁴ *Нирутака*. «Акацуки» перед Порт-Артуром (из дневника японского морского офицера). Пер. с япон. СПб., 1905, с. 80.

³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10109. Л. 251.

³⁶ См.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 3. Кн. 1, с. 116, 121.

³⁷ Морской атлас. М., 1958. Т. III. Ч. 1. Л. 33.

³⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. Сб. документов. М., 1941, с. 22–23.

³⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 28724. Л. 85.

⁴⁰ История отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Кн. 5, с. 104.

⁴¹ Там же, с. 108.

⁴² Цит. по: *Кинай М.* Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. Пер. с англ. СПб., 1918. Т. 1, с. 124.

⁴³ Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1906. Ч. 1, с. 375.

Глава 2

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 1, с. 209–210; Приложение, с. 160.

² *Шварц А.В.* Осада Порт-Артура. СПб., 1914, с. 55–74.

³ *Грандпре К.* Падение Порт-Артура. Пер. с франц. СПб., 1908, с. 21.

⁴ История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977, с. 168.

⁵ *Кинай М.* Русско-японская война. Официальные донесения. СПб., 1908. Т. 1, с. 152–153.

⁶ *Рашевский С.А.* Дневник // Исторический архив. 1954. Т. 10, с. 115–116.

⁷ Семенов В. Расплата. СПб., 1907. Т. 1, с. 135.

⁸ *Норриаард Б.В.* Великая осада Порт-Артура и его падение. Пер. с англ. СПб., 1906, с. 24.

⁹ Там же, с. 26.

¹⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 2, с. 1–9.

¹¹ *Лебедев Д.К.* Записки по истории русско-японской войны. СПб., 1913. Ч. 3, с. 59–61.

¹² Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 2, с. 3–31.

¹³ *Шишко Я.У.* Одиннадцатимесячное сидение в Порт-Артуре. М., 1905, с. 108.

¹⁴ *Егорьев В.* Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.; Л., 1939, с. 12.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ Там же, с. 125–130.

¹⁷ Там же, с. 166–194.

¹⁸ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990, с. 112.

¹⁹ История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977, с. 214.

²⁰ *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. М.: Воениздат, 1948, с. 147–148.

²¹ *Норриаард Б.В.* Великая осада Порт-Артура и его падение. Пер. с англ. СПб., 1906, с. 43.

²² История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977, с. 226.

²³ *Черемисов В.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Киев, 1907, с. 187.

²⁴ *Головизнин М.* Инженерные войска в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Пг., 1916, с. 575.

²⁵ История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977, с. 237.

²⁶ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 2, с. 567.

²⁷ Там же, с. 591.

²⁸ Цит. по: *Костенко М.И.* Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления. Киев, 1907, с. 304.

²⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 2. Приложение, с. 173–177.

³⁰ К Порт-Артурскому судебному процессу. Обвинительный акт. СПб., 1908, с. 67.

³¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 2. Приложение, с. 713.

³² Стенографический отчет Порт-Артурского процесса. СПб., 1910. Вып. 6, с. 564.

³³ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 2, с. 181–182, 184–186.

Глава 3

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. (Действия сухопутных войск). Сборник документов. М., 1941, с. 103–105.

² Цит. по кн.: История русской армии и флота. М., 1913. Вып. 14, с. 95–96.

³ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1, с. 268.

⁴ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 3. Ч. 2, с. 305.

⁵ *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938, с. 126.

⁶ *Шилов М.* Ляоянская операция // Военный вестник. 1940. № 4, с. 20.

⁷ Там же.

⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 3. Ч. 3. Приложение 36.

⁹ История русско-японской войны. СПб., 1907. Т. II, с. 445–446.

¹⁰ The Official History of the Russo-Japanese War. London. 1910. Pt. 5, p. 14.

¹¹ История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977, с. 284.

¹² The Russo-Japanese War. Tokyo, 1904. Vol. 2. Pt. 5, p. 681.

¹³ Цит. по ст.: *Шилов М.* Операция при Сандепу // Военный вестник. 1941. № 1, с. 6.

¹⁴ Цит. по кн.: *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1, с. 305.

¹⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 4. Ч. 2. С. 307.

¹⁶ Там же, с. 295.

¹⁷ *Шилов М.* Операция при Сандепу, с. 12.

¹⁸ Там же, с. 13.

¹⁹ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1, с. 346.

Глава 4

¹ ЦГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 26576. Л. 1, 4.

² Там же. Д. 26619. Л. 11.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 26628. Л. 168.

⁵ ЦГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 26388. Л. 49.

⁶ Там же. Д. 26614. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 26628. Л. 16.

⁸ Там же. Д. 26576. Л. 45.

⁹ Там же. Д. 26628. Л. 25.

¹⁰ Там же. Д. 26614. Л. 6.

¹¹ *Быков П.Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1942, с. 27–28.

¹² Там же, с. 66.

¹³ Там же. Д. 26628. Л. 16; Д. 26614. Л. 6.

¹⁴ Там же. Д. 2628. Л. 25–30; Д. 2614. Л. 6–10.

¹⁵ Там же. Д. 26614. Л. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 235.

¹⁸ Там же. Л. 212.

¹⁹ Там же. Л. 131.

²⁰ Там же. Л. 208, 251.

²¹ Там же. Л. 235–248, 214–225.

- ²² Там же. Л. 224, 225.
- ²³ Там же. Д. 26628. Л. 83.
- ²⁴ Там же. Л. 154–155.
- ²⁵ Там же. Д. 26614. Л. 110.
- ²⁶ Там же. Л. 70.
- ²⁷ Там же. Л. 88.
- ²⁸ Там же. Л. 121.
- ²⁹ Там же. Л. 225.
- ³⁰ Там же. Л. 118.
- ³¹ Там же. Л. 208, 251.
- ³² Там же. Л. 235–248, 214–225.
- ³³ Там же. Л. 224, 225.
- ³⁴ Там же. Д. 26628. Л. 83.
- ³⁵ Там же. Л. 25.
- ³⁶ Там же. Д. 26619. Л. 37.
- ³⁷ Там же. Д. 26628. Л. 16.
- ³⁸ Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951, с. 34.
- ³⁹ С началом формирования 2-й Тихоокеанской эскадры на Балтийском море Порт-Артурская эскадра официально стала именоваться 1-й Тихоокеанской эскадрой (приказ от 17.04.1904 г. № 81).
- ⁴⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. Документы. СПб., 1914. Отд. IV. Кн. 3. Вып. 4, с. 51.
- ⁴¹ Там же, с. 150.
- ⁴² Там же, с. 18.
- ⁴³ Там же, с. 19.
- ⁴⁴ Там же, с. 305.
- ⁴⁵ Из писем Рождественского жене. Цит. по: *Жерве Б.* Путь к Цусиме // Морской сборник. 1925. № 5, с. 76.
- ⁴⁶ Боезапас для практических стрельб 2-й эскадры находился на транспорте «Иртыш», который перед самым выходом потерпел аварию и был задержан. Находившиеся на нем снаряды были выгружены и отправлены на восток по железной дороге, о чем Рождественского даже не предупредили.

⁴⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. Пг., 1917. Кн. 6, с. 144–145.

⁴⁸ *Жерве Б.* Путь к Цусиме // Морской сборник. 1925. № 5, с. 77.

⁴⁹ Морской атлас. М., 1958. Т. III. Ч. 1. Л. 34.

⁵⁰ Новое время. 1906. 15 октября.

⁵¹ *Семенов В.* Расплата. СПб., 1907. Т. 1, с. 261.

⁵² Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Составлено японским Морским генеральным штабом (Токио). СПб., 1909. Т. 4, с. 158–159.

⁵³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии при МГШ. Пг., 1917. Кн. 7, с. 229.

Глава 5

¹ *Вишневецкий В.М.* Владивосток в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия истории. Владивосток, 1960. Т. 3, с. 82.

² Там же. Т. 2, с. 259.

³ РГВИА. Ф. 487. Д. 914. Л. 9, 11.

⁴ Дальний Восток. 1965. № 1, с. 158.

⁵ *Сильницкий А.* 77. 14 месяцев службы на Камчатке / Исторический вестник. СПб, 1909. Т. 11, с. 526.

⁶ Летопись войны с Японией. СПб, 1904. № 26, с. 479.

⁷ *Сильницкий А.* 77. 14 месяцев службы на Камчатке / Исторический вестник. СПб., 1909. Т. 11, с. 530.

Глава 6

¹ *Куропаткин А.* Отчет генерала Куропаткина. Итоги войны. Варшава, 1904. Т. 4, с. 408.

² Цит. по: История Японии. 1868–1998. М., 1998. Кн. II, с. 198–199.

³ *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. Изд. 2-е испр.и доп. М.; Л., 1955, с. 539, 544.

⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1, с. 230.

⁵ *Barton H. Japan's Modern Century*. N. Y., 1955, p. 250.

⁶ История Русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1907. Т. III, с. 729.

⁷ *Barton H. Op. cit.*, p. 250.

⁸ См.: *Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.* М., 1938, с. 314–317, 320.

⁹ *Ohe Shinoby. The Russo Japanese War in the World and Japanese History*. Tokyo, 1979, p. 11–12.

¹⁰ *Ibid.*, p. 12.

¹¹ Центрархив. Русско-японская война. Из дневника А.Н. Куропаткина. Л., 1925, с. 163–164.

¹² История Японии. 1868–1998. М., 1998. Кн. II, с. 218

¹³ Там же, с. 221.

¹⁴ Там же, с. 225.

¹⁵ Там же, с. 225–227.

¹⁶ Там же, с. 236–237.

¹⁷ *Норман Г. Возникновение современного государства в Японии*. Пер. с англ. М., 1961, с. 276.

¹⁸ *Южный А. Япония*. Изд. 2-е, доп. М., 1934, с. 82.

¹⁹ Совет маршалов и адмиралов, созданный при императоре в 1898 г., по его указанию обсуждал поставленные перед ними вопросы и высказывал свои мнения, относящиеся к деятельности армии и флота.

Глава 7

¹ См.: *Савин А.С., Носков А.М., Зимонин В.П. и др. Вооруженные силы Японии: История и современность*. М., 1985, с. 24; Военно-историческая конференция «100-летие начала Первой мировой войны» (военное искусство и военно-технические аспекты). М.: Клуб военачальников Российской Федерации, 2014, с. 81.

² *Дайтоа сэно кокан сэн си* (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110 томах. Токио, 1960-е — 1980-е гг. Т. 8, с. 138–139.

³ См.: *Тихвинский С.Л.* СССР и интервенция Японии в Северо-Восточном Китае в 1931 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 3, с. 44, 47; *Он же.* Заключение советско-японского Пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1, с. 23; Япония: Ежегодник. 2002–2003. М., 2003, с. 219–222.

⁴ War in Asia and the Pacific. 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by *Detwiler D.* and *Burdick Ch.* Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N. Y., 1966, p. VII.

⁵ Цит. по: Шицзе лиши. 1987. № 4, с. 9.

⁶ *Мао Цзэдун.* Избранные произведения: Пер. с кит. М., 1953. Т. 3, с. 79.

⁷ См.: *Хэ Ли.* Канжи чжаньчжэн ши (История войны сопротивления Японии). Шанхай, 1987, с. 117; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974. М., 1977, с. 129–132, 265; *Бутурлинов В.Ф., Вартанов В.Н., Зимонин В.П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989, с. 181–182.

⁸ *Хэ Ли.* Канжи чжаньчжэн ши, с. 273.

¹⁰ РГВА. Ф. 415/п. Оп. 5. Д. 68. Л. 166–167; Д. 72. Л. 18–20.

¹¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 5, с. 433–434.

¹² Цит. по: Советско-японский пакт 1941 / Военная энциклопедия. В 8 т. М., 2003. Т. 7.

¹³ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 5, с. 434.

¹⁴ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М., 1980. Т. 11, с. 184; *Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М.* Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М.: Воениздат, 1980, с. 21.

¹⁵ War in Asia and the Pacific, 1939–1949: A Fifteen-Volume Collection/Ed. by *D. Detwiler, C. Burdick.* N. Y.; L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (part 1), p. 180.

¹⁶ *Хаттори Т.* Дайтоа сэно дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1970, с. 851–854.

¹⁷ *Хаттори Т.* Япония в войне, 1941–1945: Сокр. пер. с япон. М., 1973, с. 538.

¹⁸ Там же, с. 538–539.

¹⁹ Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985, с. 288.

²⁰ См.: *Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М.* Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М.: Воениздат, 1980, с. 88.

²¹ См.: *Бутурлинов В.Ф., Вартанов В.Н., Зимонин В.П.* и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989, с. 237.

²² Центральный архив Министерства обороны (далее: ЦАМО). Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2, 3, 4, 8, 9 и др.

²³ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 5, с. 458.

²⁴ Там же, с. 393–394; РГВА. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 22, 115–122.

²⁵ Гундзи кэнкю. 1977. № 8, с. 27.

²⁶ Там же, с. 30.

²⁷ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 73, с. 383–397; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1975, с. 403.

²⁸ *Бутурлинов В.Ф., Вартанов В.Н., Воложанин И.Н., Зимонин В.П.* и др. Вооруженные силы Китая. История и современность. М., 1989, с. 62.

²⁹ История войны на Тихом океане. В 5 т.: Пер. с яп. М., 1958. Т. 3, с. 65.

³⁰ Протокол совещания (см.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 201, 203, 219).

³¹ *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974, p. 536–537.

³² См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. М., 1984, с. 476; История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М., 1980. Т. 11, с. 25, 213; *Command Decisions*, p. 501, 504; *The Entry of the*

Soviet Union into the War Against Japan, p. 65, 85–88; *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985, p. 511–530.

³⁵ Relations with China: Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949, p. VIII; The Japan Times. 1984. August 15; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948, p. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6, p. 545.

³⁴ См.: Америка. 1985. № 346, с. 16.

³⁵ In: *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan, p. 552–553; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6, p. 333.

³⁶ *Говард М.* Большая стратегия (сентябрь 1942 — июль 1943): Пер. с англ. М., 1980, с. 434.

³⁷ In: *Beloff M.* Soviet Policy in the Far East, 1944–1951. L., 1953, p. 23–24.

³⁸ *Rose L.* After Yalta: America and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973, p. 25.

³⁹ *Churchill W.* The Secod World War. Vol. 6, p. 334.

⁴⁰ Печатается по: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4–10 февраля 1945 г. М., 1984, с. 254–255; тексты в первых двух редакциях см.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 233–234.

⁴¹ Command Decisions, p. 503.

⁴² Ibid., p. 502–503.

⁴³ См.: *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002, с. 153; Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. / Отв. ред. *Г.Н. Севостьянов.* Кн. 1. М., 2004, с. 276.

⁴⁴ История Второй мировой войны, 1939–1945. В 12 т. М., 1980. Т. 11, с. 180.

⁴⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. М., 2013. Т. 5, с. 472.

⁴⁶ См. подробнее: *Зимонин В.П.* Последний очаг второй мировой. М., 2002, с. 160–165, 318–324; *Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебеньков Ю.М.* Победа на Востоке:

к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М.: Воениздат, 1980, с. 22; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1989, с. 18; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2, с. 243; *Славинский Б.Н.* Советская оккупация Курильских островов (август — сентябрь 1945 года): Документальное исследование. М., 1993, с. 126–127.

⁴⁷ *Хаттори Т.* Дайтоа сэно дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1970, с. 847; *Шикин И.В., Сапожников Б.Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975, с. 7.

⁴⁸ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 73, с. 395.

⁴⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. М., 2013. Т. 5, с. 496.

⁵⁰ См. об этом: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985, с. 161–239.

⁵¹ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М., 1980. Т. 11. с. 237.

⁵² Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985, с. 507.

⁵³ Военная история Отечества с древних времен до наших дней. В 3 т. М., 1995. Т. 2, с. 408.

⁵⁴ *Зимонин В.П.* Принуждение агрессора к миру: Советский союз и победная точка во Второй мировой войне. М., 2011, с. 122.

⁵⁵ *Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебенков Ю.М.* Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М.: Воениздат, 1980, с. 47; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 39.

⁵⁶ *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002, с. 330; Военно-исторический журнал. 1991. № 5, с. 69.

⁵⁷ См.: Акт о капитуляции Японии, 1945 / Военная энциклопедия. М., 1995.

⁵⁸ См.: Акт о капитуляции Японии, 1945 / Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1997.

⁵⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993, с. 223.

⁶⁰ Там же, с. 158.

⁶¹ *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002, с. 345.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Обмен нотами между российским и японским правительствами касательно возвращения полуострова Фын-Тянь (Ляодун) и мореплавания в Формозском проливе. Сентябрь — октябрь 1895 г.

Памятная записка, переданная 25 сентября (7 октября) 1895 г. и.о. японского министра иностранных дел посланникам России, Франции и Германии

Маркиз Саионзи, исправляющий обязанности министра иностранных дел, в ответ на памятную записку, переданную ему их превосходительствами посланниками Германии, Франции и России, имеет честь сообщить им от имени своего правительства нижеследующее:

Императорское правительство, приняв во внимание мнения, выраженные тремя Державами, и желая быстрым и окончательным образом разрешить вопрос касательно возвращения полуострова Фын-тянь (Ляодун), постановило:

- 1) сократить сумму вознаграждения до тридцати миллионов лан;
- 2) не делать из заключения с Китаем договора о торговле и мореплавании условия эвакуации означенного полуострова и совершить таковую эвакуацию в течение трехмесячного срока со дня полной уплаты Китаем упомянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 63–64.

**Конвенция о возвращении Ляодунского
полуострова, заключенная Китаем и Японией
в Пекине 8 ноября (27 октября) 1895 г.**

СТАТЬЯ I

Япония возвращает обратно Китаю на вечные времена и в полный суверенитет южную часть провинции Ляодун (Фын-тянь), которая была уступлена Японии согласно статье II Симоносекского договора от 17 дня 4 месяца 28 года Мейджи, что соответствует 23 дню 3 месяца 21 года Гуан-суй, вместе со всеми укреплениями, арсеналами и государственным имуществом, в ней находящимися, и в то же время обратно уступаемая территория окончательно эвакуируется японскими войсками, согласно постановлениям статьи III настоящей конвенции, а именно: южная часть Ляодунской провинции от устья реки Ялу до устья реки Ань-пин, оттуда до Фын-хуан-чэна, оттуда до Хай-чэна и оттуда до Инкоу, равно и все населенные места и города к югу от этой границы и все острова, относящиеся или принадлежащие к провинции Ляодун, расположенные в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря. Статья III упомянутого Симоносекского договора вследствие сего отменяется, равно как и постановления того же договора, касающиеся заключения конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли.

СТАТЬЯ II

В возмещение за обратную уступку южной части Ляодунской провинции китайское правительство обязуется уплатить японскому правительству 30 000 000 купинских лан в шестнадцатый день или ранее, 11-го месяца 28-го года Мейджи, что соответствует 30-му дню 9-го месяца 21-го года Гуан-суй.

СТАТЬЯ III

Через три месяца со дня уплаты Китаем Японии возместительной контрибуции в 30 000 000 купинских лан, оговоренных в статье II настоящей конвенции, обратно уступлен-

ная территория будет окончательно эвакуирована японскими войсками.

СТАТЬЯ IV

Китай обязуется не наказывать каким бы то ни было образом и не допускать наказания тех китайских подданных, которые были каким-либо образом скомпрометированы в связи с занятием японскими войсками обратно уступаемой территории.

СТАТЬЯ V

Настоящая конвенция подписана в двух экземплярах на японском, китайском и английском языках. Все эти тексты имеют одинаковый смысл и значение, но в случае каких-либо разногласий в толковании японского и китайского текстов сомнения будут разрешены обращением к английскому тексту.

СТАТЬЯ VI

Настоящая конвенция будет ратифицирована его величеством императором Японии и его величеством императором Китая, и ратификации оной будут обменены в Пекине через двадцать один день от настоящего числа.

В удостоверение чего оба уполномоченные подписали оную и приложили к ней печати своих гербов.

Учинена в Пекине, сего восьмого дня одиннадцатого месяца двадцать восьмого года Мейджи, что соответствует двадцать второму дню девятого месяца двадцать первого года Гуан-суй.

Подписали: *барон Гаяши Тадасу. Ли-Хун-Чжан.*

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 89–92.

Меморандум между Россией и Японией, заключенный и подписанный в Сеуле 2(14) мая 1896 г.

Представители России и Японии в Сеуле, по совещании между собою, в силу тождественных инструкций своих правительств, пришли к следующим заключениям:

1. Предоставляя собственному усмотрению и решению корейского короля вопрос о возвращении его в свой дворец, оба представителя дружески посоветуют его величеству возвратиться туда, как скоро исчезнет всякое сомнение в его безопасности.

Японский представитель дает со своей стороны заверение в том, что самые полные и действительные меры будут приняты для надзора за японскими «соси».

2. Министры, составляющие настоящий кабинет, были назначены по свободному выбору его величества и большею частью уже занимали министерские или иные высокие должности в течение последних двух лет, будучи известны за людей просвещенных и умеренных.

Оба представителя всегда будут стараться советовать его величеству назначать министров из лиц просвещенных и умеренных, а также выказывать милосердие к своим подданным.

3. Представитель России вполне разделяет мнение представителя Японии, что при настоящем положении вещей в Корее по-видимому необходимо содержать в некоторых местностях японскую стражу для охраны японской телеграфной линии между Фусаном и Сеулом, а также, что охрану эту, состоящую ныне из трех строевых рот, следует отозвать при первой возможности и заменить жандармами, распределенными следующим образом: пятьдесят человек в Тайку, пятьдесят в Кахыне и по десяти человек в каждом из промежуточных постов между Фусаном и Сеулом. Хотя распределение это может подлежать некоторым изменениям, но общее число жандармов никогда не должно превышать двухсот человек, которые впоследствии будут постепенно отозваны из местностей, где мир и порядок будут достаточно восстановлены корейским правительством.

4. Для охраны японских поселений в Сеуле и в открытых портах против возможности нападения со стороны туземной черни японские войска могут быть расположены в составе: двух рот в Сеуле, одной — в Фусане и одной — в Генсане, причем численность каждой роты не должна превышать двух-

сот человек. Эти войска будут размещены вблизи поселений (settlements) и имеют быть отозваны, как скоро опасность подобных нападений исчезнет.

Для охраны русской миссии и консульств русское правительство может также содержать стражу, не превышающую количества японских войск в тех же местностях; она будет отозвана, как скоро спокойствие внутри страны восстановится.

Сеул, 2-го (14-го) мая 1896 года.

Подписали: *К. Вебер, представитель России.*

Ф. Комура, представитель Японии.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 146–148.

Договор о союзе, заключенный Россией и Китаем 22 мая 1896 г. в Москве

Его величество император всероссийский и Его величество император китайский, желая укрепить счастливо восставленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового иностранного вторжения, решили заключить между собою оборонительный союз и назначили для этой цели своими уполномоченными:

Его величество император всероссийский — князя Алексея Лобанова-Ростовского, министра иностранных дел, статс-секретаря, сенатора и действительного тайного советника, и г. Сергея Витте, министра финансов, статс-секретаря и тайного советника, и Его величество император китайский — графа Ли-Хун-Чана, старшего государственного секретаря, Чрезвычайного посла и уполномоченного при его величестве императоре всероссийском, которые, обменявшись полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующих статьях:

СТАТЬЯ I

Всякое нападение Японии как на Русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи, бу-

дет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора.

В этом случае обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент, и если возможно помогать друг другу в снабжении их обоюдных сил.

СТАТЬЯ II

Как только обе высокие договаривающиеся стороны примут совместные действия, никакой мирный договор с противной стороной не может быть заключен одною из них, без согласия другой.

СТАТЬЯ III

Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов, которые встретят со стороны китайских властей всякое содействие, какое понадобится.

СТАТЬЯ IV

Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Гириинскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права его величества императора китайского. Постройка и эксплуатация этой железной дороги будут предоставлены Русско-Китайскому банку, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в С.-Петербурге и Русско-Китайским банком.

СТАТЬЯ V

Постановлено, что во время войны, предусматриваемой статье I, Россия будет свободно пользоваться железной дорогой, упомянутой в статье IV, для перевозки и снабжения своих войск. В мирное время Россия будет иметь то же право

транзита своих войск и припасов, лишь с теми остановками, которые вызываются требованиями транспортной службы.

СТАТЬЯ VI

Настоящий договор войдет в силу с того дня, когда контракт, обусловленный в статье IV, будет утвержден его величеством императором китайским. С тех пор он будет иметь силу и действие в течение пятнадцати лет. За шесть месяцев до истечения этого срока, обе высокие договаривающиеся стороны войдут в соглашение о продлении этого договора.

Учинен в Москве 22 мая 1896 г.

Подписали: *Лобанов. Витте. Ли-Хун-Чан.*

ПРОТОКОЛ, СОСТАВЛЯЮЩИЙ НЕОТЪЕМЛЕМУЮ ЧАСТЬ ДОГОВОРА

Уполномоченные обеих высоких договаривающихся сторон, установив статьи договора, заключенного сегодня между Россией и Китаем, подписали оный в двух экземплярах на китайском и французском языках и приложили свои печати.

Из двух текстов, надлежащим образом сверенных и признанных соответствующими, французский будет руководящим при толковании настоящего договора.

Учинен в Москве 22 мая 1896 г.

Подписали: *Лобанов. Витте. Ли-Хун-Чан.*

Борьба классов. № 1–2. Л., 1924, с. 102–104.

Соглашение между Россией и Японией о Корее Москва, 28 мая (9 июня) 1896 г.

Российский министр иностранных дел статс-секретарь кн. Лобанов-Ростовский и чрезвычайный посол е.в. императора Японии маршал маркиз Ямагата, обменявшись взглядами относительно положения дел в Корее, согласились о нижеследующих статьях:

1) Русское и японское правительства, в видах устранения финансовых затруднений Кореи, будут советовать корейскому правительству прекратить излишние расходы и уста-

новить равновесие между расходами и доходами. Если бы, вследствие неотложности некоторых реформ, оказалось необходимым прибегнуть к иностранным займам, то оба правительства окажут Корее общими силами свое содействие.

2) Русское и японское правительства попытаются совершенно предоставить Корее, насколько дозволит финансовое и экономическое положение страны, сформирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка без иностранной помощи.

3) В видах облегчения сообщений с Кореей, японское правительство сохранит управление телеграфными линиями, находящимися ныне в его руках.

России предоставляется установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее собственной границей.

Эти линии могут быть выкуплены корейским правительством, когда оно будет располагать необходимыми для сего средствами.

4) Если потребуется более точное и подробное определение вышеизложенного или возникнут иные вопросы, требующие переговоров, то на взаимных представителей обоих правительств будет возложено поручение прийти по таким предметам к полюбовному соглашению.

Учинен в Москве, 28 мая / 9 июня 1896 года.

Подписали: *Лобанов. Ямагата.*

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952, с. 295–296.

**Протокол по Корейским делам, подписанный
в Москве 28 мая (9 июня) 1896 г. между
Русским и Японским правительствами**

Российский министр иностранных дел, статс-секретарь князь Лобанов-Ростовский и чрезвычайный посол его вели-

чества императора Японии, маршал маркиз Ямагата, обменявшись взглядами относительно положения дел в Корее, согласились о нижеследующих статьях:

I. Русское и японское правительства, в видах устранения финансовых затруднений Кореи, будут советовать корейскому правительству прекратить излишние расходы и установить равновесие между расходами и доходами. Если бы, вследствие неотложности некоторых реформ, оказалось необходимым прибегнуть к иностранным займам, то оба правительства окажут Корее общими силами свое содействие.

II. Русское и японское правительства попытаются совершенно предоставить Корее, насколько дозволит финансовое и экономическое положение страны, сформирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка без иностранной помощи.

III. В видах облегчения сообщений с Кореей, японское правительство сохранит управление телеграфными линиями, находящимися ныне в его руках.

России предоставляется установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее собственной границей.

Эти линии могут быть выкуплены корейским правительством, когда оно будет располагать необходимыми для сего средствами.

IV. Если потребуется более точное и подробное определение вышеизложенного или возникнут иные вопросы, требующие переговоров, то на взаимных представителей обоих правительств будет возложено поручение прийти по таким предметам к полюбовному соглашению.

Учинен в Москве 28 мая (9 июня) 1896 года.

Подписали: *Лобанов. Ямагата.*

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 159–162.

Правительственное сообщение (касательно Кореи)

Печатаемые ныне соглашения между Россией и Японией состоялись в Москве и Сеуле, вследствие желания нашего устранить всякое недоразумение с японским правительством по поводу корейских дел. Соглашения эти являются прямым последствием китайско-японской войны и созданного последнею в Корее положения. Ими вовсе не нарушается основное начало корейской независимости, высказанное в 1-й статье Симоносекского мирного договора, заключенного между Японией и Китаем. Корейское правительство сохраняет за собою полную свободу действий по всем вопросам как внутренней, так и внешней политики. Россия и Япония в подписанных ими соглашениях свидетельствуют только о своей взаимной готовности содействовать корейскому королю в деле прочного обеспечения порядка, временно нарушенного вследствие сотрясений, вызванных китайско-японским столкновением. Единственным верным средством для достижения этой цели может служить сформирование туземных войск и полиции, упомянутых в протоколе 28-го мая (9-го июня) и коих не существует в стране.

Меморандум, подписанный в Сеуле нашим поверенным в делах, действительным статским советником Вебером и японским представителем г-ном Комура, хотя по времени он несколько предшествовал вышесказанному протоколу, является, однако, необходимым пополнением сего последнего. Меморандум этот ясно указывает на общую цель, которая преследуется обеими договаривающимися сторонами, а именно: очищение Кореи от всякого, хотя бы даже незначительного по численности войск иноземного занятия в ближайшем по возможности времени.

Секретные статьи приведенного протокола гласят

«I. Если спокойствие и порядок в Корее были бы нарушены или подверглись серьезной опасности вследствие какой-нибудь внутренней или внешней причины и если русское и японское правительства, по взаимному соглашению,

сочли бы необходимым прийти на помощь местным властям посредством посылки войск сверх того количества, которое необходимо для безопасности их подданных и для охраны телеграфных линий, то оба императорских правительства, желая предотвратить всякое столкновение между их военными силами, определяют район действий, назначенный для каждого так, чтобы между войсками обоих правительств оставалось пространство, свободное от всякой оккупации.

II. До формирования в Корее нужных войск, упомянутых в ст. II гласных постановлений сего протокола, предварительное соглашение, подписанное д.с.с. Вебером и г. Комура касательно права России и Японии содержать равное количество войск в королевстве, остается в силе; что касается личной безопасности короля, то установленный для этой цели порядок будет равным образом сохранен, впредь до формирования отряда туземных войск, специально предназначенного для этой службы».

Ответные пункты Корейскому послу

1) Король во время пребывания своего в русской миссии охраняется русской стражей. Он может оставаться в миссии, сколько сам сочтет нужным и удобным; если же впоследствии возвратится в свой дворец, то русское правительство может принять на себя нравственное ручательство за его безопасность. Русский отряд, находящийся ныне в миссии, останется там в распоряжении русского посланника и, в случае надобности, может даже быть усилен.

2) Для решения вопроса об инструкторах в Сеул будет отправлен в ближайшем времени высокопоставленный и опытный русский офицер, которому русское правительство поручит вступить в переговоры с корейским по сему предмету; сказанному офицеру будет, прежде всего, поручено заняться вопросом о формировании отряда телохранителей короля. Такое же опытное лицо будет командировано из России для изучения экономического положения Кореи и для выяснения необходимых финансовых мер.

3) Вопрос о присылке русских советников, для оказания содействия корейскому правительству, разрешается предшествующим пунктом. Подобными советниками, очевидно, будут служить, под руководством русского посланника, упомянутые выше доверенные лица по военной и финансовой частям.

4) Заключение займа корейским правительством будет иметься в виду, как скоро выяснится экономическое положение страны и потребности правительства.

5) Русское правительство соглашается на соединение своих сухопутных телеграфных линий с корейскими и окажет этому делу зависящее от него содействие.

Романов Б.А. Россия в Маньчжурии. Л., 1928, с. 144–145.

Контракт на постройку и эксплуатацию Китайской Восточной железной дороги

Между нижеподписавшимися, его превосходительством Сюй-Цзин-Ченом, полномочным министром его величества императора китайского в С.-Петербурге, действующим на основании Императорского указа от 22 года, 2-го месяца 20-го дня царствования Гуан-Сюй (16/28 августа 1896 г.), с одной стороны, и Русско-Китайским банком, с другой стороны, было установлено нижеследующее:

Китайское правительство внесет сумму 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей в Русско-Китайский банк и будет участвовать, пропорционально этому вкладу, в прибылях и убытках банка, на условиях, предусмотренных особым договором.

Китайское правительство, решив построить железнодорожную линию, устанавливающую прямое сообщение между городом Читой и русской Южно-Уссурийской железной дорогой, вверяет постройку и эксплуатацию этой линии Русско-Китайскому банку на следующих условиях:

1. Русско-Китайский банк учреждает для постройки и эксплуатации означенной железнодорожной линии компанию

под названием: «Общество Китайской Восточной железной дороги».

Печать, которой это Общество будет пользоваться, будет дана ему китайским правительством. Устав общества будет согласован с русскими уставами железнодорожных обществ. Акции Общества могут быть приобретаемы только китайскими или русскими подданными. Председатель этого Общества будет назначаться китайским правительством, но получать содержание от Общества. Он может иметь местопребывание в Пекине.

Председателю вменяется в особую обязанность наблюдать за строгим исполнением обязательств Банка и Общества железной дороги по отношению к китайскому правительству; независимо от сего, на него возлагаются сношения Банка и Общества железной дороги с китайским правительством и центральными и местными властями.

На председателе Общества Китайской Восточной железной дороги будет равным образом лежать обязанность по проверке всех расчетов китайского правительства с Русско-Китайским банком.

Для облегчения всех переговоров на месте Русско-Китайский банк будет содержать агента в Пекине.

2. Направление линии будет установлено представителями председателя Общества, назначенного китайским правительством, по взаимному соглашению с инженерами Общества и местными властями. При трассировке этой линии кладбища, могилы, равно как города и деревни, должны быть, по возможности, обходимы и оставляемы в стороне.

3. Общество обязано начать работы в течение 12-месячного срока, считая со дня санкционирования настоящего контракта императорским указом, и вести их таким образом, чтобы вся линия была окончена в течение 6 лет с того дня, когда направление линии будет окончательно установлено и необходимые земли будут отведены Обществу. Ширина колеи должна быть та же, как и на русских железных дорогах (5 русских футов соответствуют приблизительно 4 китайским футам и 2½ дюймам).

4. Китайское правительство даст приказание местным властям о содействии Обществу всеми мерами в получении по существующим ценам потребных для постройки железной дороги материалов, равно как рабочих, средств для водной и сухопутной перевозки, необходимого продовольствия для людей и лошадей и пр.

Китайское правительство обязуется, по мере надобности, принимать меры к облегчению этих перевозок.

5. Китайское правительство примет меры к обеспечению безопасности железной дороги и состоящих на ее службе лиц от всякого нападения.

Общество будет иметь право нанимать по своему выбору иностранцев или туземцев, как оно признает необходимым в интересах управления и т.п.

Преступления, процессы и пр. на территории железной дороги должны быть урегулируемы местными властями на основании постановлений трактатов.

6. Земли, действительно необходимые для постройки, эксплуатации и охраны линии, равно как и земли в окрестностях линии, потребные для добычи песка, камня, извести и пр., будут переданы Обществу бесплатно, если эти земли составляют собственность государства, если же они принадлежат частным лицам, то они будут отведены Обществу за единовременное вознаграждение или ежегодную наемную плату владельцам по существующим ценам.

Земли, принадлежащие Обществу, будут свободны от всяких поземельных налогов.

Обществу предоставляется право безусловного и исключительного управления своими землями.

Общество будет иметь право воздвигать на этих землях всевозможные постройки, а также соорудить и эксплуатировать телеграф для нужд линии.

Точно так же доходы Общества, все его поступления и тарифы для перевозки пассажиров и товаров, телеграфы и т.д. освобождаются от всяких пошлин и налогов. Исключением являются копи, относительно которых последует особое соглашение.

7. Все предметы и материалы, необходимые для сооружения, эксплуатации и ремонта линии, освобождаются от оплаты всякими таможенными пошлинами и сборами, а равно всякими внутренними пошлинами и налогами.

8. Общество ответственно за то, чтобы войска и русские военные материалы, отправляемые транзитом по этой линии, направлялись прямо с одной русской станции на другую, без остановки в пути под каким бы то ни было предлогом дольше, чем это вызывается крайней необходимостью.

9. Пассажиры, не состоящие в китайском подданстве, в случае желаня проехать за пределы территории дороги, должны быть снабжены китайскими паспортами. Общество ответственно за то, чтобы пассажиры, не китайские подданные, не оставляли территории железной дороги, если у них нет китайских паспортов.

10. Багаж пассажиров, равно товары, перевозимые транзитом от одной русской станции до другой, не будут подлежать таможенным пошлинам; равным образом они будут освобождены от всяких внутренних налогов и сборов. Общество обязуется отправлять эти товары, за исключением пассажирского багажа, в специальных вагонах, которые по прибытии на китайскую границу опечатываются китайской таможней и могут оставить китайскую территорию лишь после того, как таможня установит целость печатей; если будет доказано, что эти вагоны открывались без разрешения в пути, то товары конфискуются.

Товары, ввозимые из России в Китай по означенной железной дороге, а также вывозимые из Китая в Россию тем же путем, будут уплачивать соответственно ввозную или вывозную пошлину в размере на одну треть меньше пошлины, взимаемой в китайских морских таможнях.

Если товары отправляются внутрь страны, то они подлежат, кроме того, оплате транзитной пошлиной, равной половине взысканной с них ввозной пошлины, что освобождает их от всякого дополнительного обложения.

Товары, за которые не будет уплачено транзитной пошлины, будут подлежать оплате всеми установленными внутри страны заставными и лицензионными пошлинами.

Китайское правительство обязано учредить в двух пограничных пунктах линии свои таможи.

11. Тарифы на перевозку пассажиров, товаров, а также на нагрузку и выгрузку товаров устанавливаются Обществом. Но оно обязано перевозить бесплатно китайскую официальную почтовую корреспонденцию и за половину платы — китайские сухопутные и морские войска, а также китайские военные материалы.

12. Китайское правительство передает Обществу полное и исключительное право эксплуатации линии за его собственный счет и риск, с тем что китайское правительство ни в коем случае не является ответственным за какой-либо дефицит Общества на время постройки и затем еще в течение 80 лет с того времени, когда линия будет окончена и по ней будет открыто движение. По прошествии этого срока линия со всем относящимся к ней перейдет бесплатно к китайскому правительству.

По прошествии 36 лет со времени окончания сооружения всей линии и открытия по ней движения китайское правительство имеет право выкупить эту линию, возместив полностью все затраченные капиталы и все сделанные для означенной линии долги с выросшими процентами.

Если чистая прибыль превысит дивиденд, назначенный акционерам, и часть означенных капиталов и т.д. будет погашена, то на эту часть будет уменьшена выкупная стоимость.

Ни в коем случае китайское правительство не может вступить во владение этой линией ранее чем соответствующая сумма будет внесена в Русский Государственный банк.

По окончании сооружения дороги и по открытии по ней движения Общество внесет китайскому правительству сумму в размере 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей.

Царствования Гуан-Сюя

22-й год 2-й день 8-го месяца

(подписал) Сюй.

27 августа (8 сентября) 1896 г., Берлин

Подписали:

Русско-Китайский банк — *Ротштейн*.

Князь *Ухтомский*.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947, с. 430–434.

Правительственное сообщение по поводу уступки Китаем России в арендное содержание Порт- Артура и Та-лянь-ваня. 17(29) марта 1898 г.

15-го текущего марта в Пекине состоялось подписание уполномоченными России и Китая особого соглашения, в силу коего императорскому правительству уступлены в пользование на 25-летний срок, который, по обоюдному согласию, может быть затем продолжен, — порты Артур и Та-лянь-вань с соответствующими территориию и водным пространством; а равно предоставлена постройка железнодорожной ветви на соединение этих портов с великою сибирскою магистралью.

Соглашение это является прямым и естественным последствием установившихся дружественных отношений между обширными соседними империями, все усилия коих должны быть направлены к охранению спокойствия на всем огромном пространстве их пограничных владений на обоюдную пользу подвластных им народов.

Обусловленное дипломатическим актом 15 марта мирное занятие русскою военно-морскою силою портов и территории дружественного государства как нельзя лучше свидетельствует, что правительство богдыхана вполне верно оценило значение состоявшегося между ними соглашения.

Обеспечивая неприкосновенность верховных прав Китая и удовлетворяя насущным потребностям России, как соседней великой морской державы, соглашение это отнюдь не

нарушает интересов какого-либо иностранного государства; напротив того, оно дает всем нациям мира возможность в недалеком будущем войти в общение с этим замкнутым доселе краем на побережье Желтого моря; открытие же коммерческим флотам всех иностранных держав порта Та-лянь-ваня создает в Тихом океане новый обширный центр для торговых и промышленных предприятий этих держав, при посредстве великого сибирского сооружения, призванного отныне, благодаря дружественному уговору между Россией и Китаем, соединить крайние пределы двух материков Старого Света.

Таким образом, подписанное в Пекине соглашение имеет для России глубокое историческое значение и должно быть радостно приветствуемо всеми, кому дороги блага мира и успехи на почве взаимного общения народов.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 338–339.

Правительственное сообщение о независимости Кореи. 29 апреля (11 мая) 1898 г.

Со времени окончания китайско-японской войны все стремления императорского правительства направлены были к ограждению неприкосновенности и полной независимости Кореи.

На первых порах для водворения прочного порядка в области как военной, так и финансовой политики юное государство, естественно, не могло обойтись без посторонней поддержки, вследствие чего в 1895 году корейский король обратился к государю императору с настоятельною просьбой о командировании в Сеул русских инструкторов и финансового советника. Благодаря своевременно оказанной Россией помощи Корея вступила ныне на путь вполне самостоятельного государственного управления.

Обстоятельство это открыло для России и Японии возможность приступить к дружескому обмену мыслей в видах ясно-

го и точного определения обоюдных отношений этих государств к вновь созданному порядку вещей на Корейском полуострове.

Результатом этих переговоров явилось нижеследующее, по высочайшему повелению подписанное нашим посланником в Токио, соглашение, составляющее продолжение московского протокола 1896 года.

Основным положением состоявшегося соглашения оба государства окончательно подтверждают признание державных прав и полной независимости Корейской империи при взаимном обязательстве воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны. На случай же, если бы Корея встретила надобность в поддержке одного из договаривающихся государств, то Россия и Япония обязуются не приступать в Корее ни к каким мероприятиям без предварительного между собою соглашения.

Протокол

Действительный статский советник и камергер барон Розен, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора всероссийского, и барон Нисси, министр иностранных дел его величества императора Японии, на основании IV статьи протокола, подписанного в Москве, 28-го мая (9-го июня) 1896 года, статс-секретарем князем Лобановым и маршалом маркизом Ямагата, и надлежаще к сему уполномоченные, согласились о нижеследующих статьях:

СТАТЬЯ I

Российское и японское императорские правительства окончательно признают державные права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства во внутренние дела этой страны.

СТАТЬЯ II

Желая избежать всякого повода к недоразумениям в будущем, российское и японское императорские правительства взаимно обязуются, в случае, если Корея обратится за совета-

ми и помощью либо к России, либо к Японии, не принимать никаких мер к назначению военных инструкторов и финансовых советников без предварительного между собою соглашения по сему предмету.

СТАТЬЯ III

Ввиду широкого развития торговых и промышленных предприятий Японии в Корею и значительного числа японскоподданных, проживающих в этой стране, российское императорское правительство не будет препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Япониею и Корею.

Составлен в Токио в двух экземплярах 13-го (25-го) апреля 1898 года.

Подписали: *Розен. Нисси.*

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 345–348.

Соглашение между Россией и Великобританией о сферах железнодорожных интересов в Китае. С.-Петербург, 16(28) апреля 1899 г.

Нота Российского Министра иностранных дел Муравьева великобританскому послу Скотту от 16(28) апреля 1899 г.

Нижеподписавшийся российский министр иностранных дел, надлежаше на сие уполномоченный, имеет честь сообщить его превосходительству сэру Чарльзу Скотту, великобританскому послу в С.-Петербурге, нижеследующее:

Россия и Великобритания, будучи одушевлены искренним желанием избегать в Китае всяких поводов к столкновениям по вопросам, в коих их интересы приходят в соприкосновение, и принимая во внимание существующее в некоторых частях названной империи экономическое и географическое к ним тяготение, согласились о нижеследующем:

Россия обязуется не домогаться за свой счет или в пользу русских подданных или иных каких-либо железнодорожных концессий в бассейне Янцзы, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия в этой области ходатайствам о железнодорожных концессиях, поддерживаемым великобританским правительством.

Великобритания, со своей стороны, обязуется не домогаться за свой счет или в пользу британских подданных или иных каких-либо железнодорожных концессий на север от Великой Китайской стены, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия в этой области ходатайствам о железнодорожных концессиях, поддерживаемым российским правительством.

Обе договаривающиеся стороны, отнюдь не имея в виду какого-либо нарушения верховных прав Китая, а также существующих трактатов, не преминут довести до сведения китайского правительства о настоящем соглашении, которое, устраняя всякий повод к недоразумениям между ними, может лишь служить к упрочению мира на Дальнем Востоке и соответствовать первостепенным интересам самого Китая.

Текст дополнительных нот, обмененных между Муравьевым и Скоттом 16/28 апреля 1899 г.

В дополнение к обменным сего дня нотам касательно распределения сфер концессий на сооружение и эксплуатацию железных дорог в Китае, условлено изложить в настоящей дополнительной ноте соглашение, состоявшееся относительно линии Шань-хай-гуань — Нью-Чжуан, для постройки коей китайское правительство уже заключило заем у Шанхай-Гонконгского банка, действующего от имени «Британско-Китайского общества».

Общее соглашение, установленное вышеупомянутыми нотами, ни в чем не нарушит прав, приобретенных в силу контракта означенного займа, и китайскому правительству будет предоставлено назначить как английского инженера, так и бухгалтера-европейца для наблюдения за сооружением на-

званной железнодорожной линии и за расходом сумм, для сего назначенных.

Но само собой разумеется, что сие обстоятельство не должно создавать права собственности и иностранного контроля и что помянутая линия должна оставаться китайской, подлежащей контролю китайского правительства, и не может служить обеспечением или быть отчуждена какому-либо не китайскому обществу.

Что же касается ветви, направляющейся от Сяо-хей-шаня к Синь-минь-тину, то, помимо вышеприведенных оговорок, условлено, что ветвь эта будет сооружена самим Китаем, который может допускать европейских инженеров, необязательно английских, для периодического осмотра оной, проверки и засвидетельствования правильного исполнения работы.

Настоящее особое соглашение, естественно, никоим образом не умаляет права русского правительства поддерживать — если оно признает это нужным — ходатайства русских подданных и учреждений о концессиях на железные дороги, кои, исходя от главной маньчжурской линии и направляясь к юго-западу, пройдут по области, где будет построена китайская линия, примыкающая к Синь-минь-тину и Нью-Чжуану.

*Сборник договоров России с другими государствами
1856–1917. М., 1952, с. 315–318.*

Соглашение между Великобританией и Японией. 17(30) января 1902 г.

Правительства Великобритании и Японии, движимые исключительно желанием поддержать status quo и общий мир на Дальнем Востоке и будучи, кроме того, особенно заинтересованы в поддержании независимости и территориальной неприкосновенности Китайской империи и Корейской империи и в обеспечении равных условий в этих странах для торговли и промышленности всех народов, сим соглашаются о нижеследующем:

СТАТЬЯ I

Высокие договаривающиеся стороны, взаимно признав независимость Китая и Кореи, заявляют, что ими не руководят какие бы то ни было агрессивные стремления в той или другой стране. Имея в виду, однако, свои особые интересы, из коих интересы Великобритании касаются главным образом Китая, между тем как Япония, кроме своих интересов в Китае, особенным образом заинтересована в политическом, равно как и в торговом и промышленном отношениях, в Корее, высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут явиться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникающие в Китае или Корее и вызывающие вмешательство той или другой из высоких договаривающихся сторон для защиты жизни и имущества ее подданных.

СТАТЬЯ II

В случае, если Великобритания или Япония, в защиту своих обоюдных интересов, как то выше указано, будет вовлечена в войну с другой державою, то другая высокая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы.

СТАТЬЯ III

Если, при вышесказанных обстоятельствах, какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против таковой союзницы, то другая высокая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир в взаимном с нею согласии.

СТАТЬЯ IV

Высокие договаривающиеся стороны соглашаются в том, что ни одна из них не вступит, не посоветовавшись с другою, в отдельное соглашение с другою державою в ущерб вышеописанным интересам.

СТАТЬЯ V

Когда, по мнению Великобритании или Японии, вышеназванным интересам будет угрожать опасность, оба правительства сообщат о том друг другу с полнотой и откровенностью.

СТАТЬЯ VI

Настоящее соглашение войдет в силу немедленно со дня его подписания и останется в силе в течение пяти лет с этого дня.

В случае, если бы ни та ни другая из высоких договаривающихся сторон не заявила за двенадцать месяцев до истечения сказанных пяти лет о намерении прекратить его, оно останется в силе до истечения одного года со дня отказа от него той или другой из высоких договаривающихся сторон. Но, если, когда наступит срок, назначенный для прекращения его действия, одна из союзниц будет уже находиться в войне, то союз, *ipso facto*, останется в силе до заключения мира.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими обоюдными правительствами, подписали сие соглашение и приложили к нему свои печати.

Учинено в двух экземплярах в Лондоне 30 января 1902 года.

Подписали:

Лэнсдоун, его британского величества главный статс-секретарь по иностранным делам.

Хаяши, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора Японии при С. Джемском Дворе.

Дополнительная к соглашению дипломатическая нота

В отношении соглашения, заключенного нами сегодня от имени наших правительств, я имею честь сообщить Вам, что британское/японское правительство признает, что морские силы Великобритании/Японии должны, в меру возможности, действовать в согласии с морскими силами Японии/Великобритании во время мира, и соглашается, что должны быть предоставлены взаимные облегчения по ремонту и снабжению углем морских судов одной стороны в портах другой,

равно как и иные преимущества, способствующие благосостоянию и эффективности флотов обеих держав.

В настоящий момент японское и великобританское правительства каждое содержит на Дальнем Востоке морские силы, превышающие силы любой третьей державы. Великобритания/Япония не имеет намерения оставлять свои усилия поддерживать, по мере возможности, готовые к концентрации в водах Дальнего Востока морские силы, превышающие силы любой третьей державы.

British documents on the Origins of the War. Vol. H. L., 1927, p. 119; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 527–530.

Официальное сообщение. С.-Петербург, 7(20) марта 1902 г.

Договор, заключенный в минувшем январе между Англией и Японией, возбудил самые противоречивые толкования и разнообразные догадки, особливо ввиду того, что этим актом две из одиннадцати держав, еще недавно подписавших Пекинский протокол при завершении их совокупных действий в Китае, как будто отделялись от других и становились в особые отношения к Поднебесной империи, где общими усилиями водворен исконный порядок вещей и ныне восстановлена законная центральная власть.

Императорское правительство, оценив дружественные сообщения, сделанные России по этому поводу как японским, так и великобританским правительствам, отнеслось совершенно спокойно к заключению означенного договора. Начала, руководившие русскою политикой с самого возникновения смуты в Китае, оставались и остаются неизменными: Россия требует независимости и неприкосновенности соседнего дружественного Китая, а равно и Кореи; Россия желает сохранения нынешнего положения вещей и полного умиротворения на Крайнем Востоке. Постройкою великого сибир-

ского пути с ветвью, направленною к незамерзающему порту, через Маньчжурию, Россия содействует распространению всемирной торговли и промышленности в этих областях. В ее ли интересах всему этому ныне создавать препятствия?

Изъявленное Англиею и Япониею намерение способствовать достижению тех же самых целей, неукоснительно преследуемых Россией, могло лишь вызвать искреннее ее сочувствие, вопреки толкам некоторых политических сфер и органов иностранной печати, стремившихся представить в совершенно ином свете невозмутимое отношение императорского правительства к дипломатическому акту, в его глазах несколько не изменившему положения вещей на политическом горизонте.

Ныне, ввиду непрекращающейся агитации по поводу англо-японского договора, союзные дружественные правительства России и Франции сочли необходимым в ниже следующей тождественной декларации вполне определенно заявить державам, представители коих вместе с русским и французским уполномоченными подписали Пекинский протокол 25-го августа (7-го сентября) 1901 года, о взгляде их на означенный договор.

*Сборник договоров и дипломатических документов по делам
Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 531–535.*

**Тожественная декларация от 3(16) марта 1902 г.,
одновременно врученная представителями России
и Франции правительствам Австро-Венгерскому,
Бельгийскому, Великобританскому, Германскому,
Испанскому, Итальянскому, Китайскому, Нидерландскому,
Северо-Американскому и Японскому**

Союзные правительства России и Франции, получив сообщение об англо-японском договоре 17-го (30-го) января 1902 г., заключенном как в видах обеспечения status quo и об-

щего мира на Крайнем Востоке, так равно и с целью охранения независимости Китая и Кореи, долженствующих оставаться открытыми для торговли и промышленности всех наций, — с полным удовольствием усматривают в нем подтверждение существенных начал, кои, согласно неоднократным заявлениям обеих держав, составляли и составляют основу их политики.

Оба правительства полагают, что поддержание этих начал является вместе с тем обеспечением их собственных интересов на Дальнем Востоке.

Вынужденные, однако, с своей стороны, не терять из виду возможности либо враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае, могущих нарушить целость и свободное развитие Поднебесной Империи в ущерб их взаимным интересам, — оба союзные правительства предоставляют себе в таком случае озаботиться принятием соответствующих мер к охранению этих интересов. С.-Петербург, 3-го (16-го) марта 1902 года.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, с. 531–535.

Всеподданнейший доклад Е.И.В. Великого князя генерал-адмирала. 25 февраля 1898 г.

Высочайше утверждено.

Подписал: генерал-адмирал Алексей.

На совещании, бывшем 24 сего февраля под моим председательством и состоявшем из министра иностранных дел графа Муравьева, министра финансов тайного советника Витте, управляющего военным министерством генерал-лейтенанта Куропаткина, управляющего морским министерством вице-адмирала Тыртова 1-го, начальника Главного морского штаба вице-адмирала Авелана и начальника главного штаба генерал-лейтенанта Сахарова, были обсуждены вопросы по занятию нами Ляодунского полуострова, возбужденные те-

леграммой поверенного в делах в Пекине, причем совещание пришло к следующему заключению:

Требовать от китайского правительства в арендное содержание южную часть Ляодунского полуострова до линии, проведенной на приложенной при сем русской карте «Южная пограничная полоса Азиатской России, карта XVI» от Порта-Адамс, на западном берегу, — через Адаме Пик — до местечка Би-цзы-во, на восточном берегу этого полуострова.

Одновременно с этим совещание признало необходимым установить нейтральную зону, простирая ее от вышесказанной линии к северу до линии, идущей по прямому направлению от города Ин-цзы (Ин-коу), на западном берегу Ляодунского полуострова, через город Да-гу-шань к устью реки У-дао-хе, на восточном берегу полуострова.

В случае же необходимости сделать уступки в этих требованиях, допустить понижение вышеведенной северной границы нейтральной зоны до ее южной, отодвинув одновременно северную границу арендуемой территории к югу до линии, идущей от северной оконечности бухты Цзинь-чжоу (Кин-чау), на западной стороне Ляодунского полуострова, до мыса Робинсон, на восточной.

В арендуемой территории не должны быть допускаемы никакие китайские силы, за исключением полицейских чинов; на первое время, однако, по усмотрению русской власти, могут быть допущены китайские войска, но лишь в определенном размере и при неперемennom условии подчинения их той же русской власти. Китайские войска допускаются в нейтральную зону лишь с разрешения русской власти.

Совещание признало необходимым выговорить теперь же у китайского правительства право, при проведении от главной магистрали Сибирской железной дороги отдельной ветви на юг и в случае затруднительности направления ее к Порт-Артуру, иметь конечный пункт этой железнодорожной ветви в одном из наиболее для сего удобных мест Ляодунского побережья, начиная от города Ин-цзы (в Ляодунском заливе), до устья реки Ялу (в Корейском заливе).

Для поддержания, в случае надобности, приведенных выше требований военной силой, перевезти теперь же из Владивостока в Порт-Артур отряд войск, в составе 1 батальона пехоты, 4 орудий и взвода казаков, для чего изъять из ведения Добровольного флота пароход «Саратов», находящийся ныне во Владивостоке, с передачей его в распоряжение Морского министерства, без зачисления его в состав военного флота и с возмещением Добровольному флоту расходов, возникающих по нарушению принятых им на себя обязательств.

Перевезенные из Владивостока войска должны оставаться на пароходе Добровольного флота, в составе эскадры контр-адмирала Дубасова, до могущей явиться потребности высадить с эскадры десант.

Повергая вышеизложенное на ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ воззрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, испрашиваю, благоугодно ли будет соизволить на утверждение заключения совещания.

Алексей.

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1912. Кн. 2, с. 179–181.

Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину (1900–1901 гг.)

7-го [июля 1900 г.]

Дорогой Димитрий Сергеевич.

[...] Китайские дела все в том же мраке, как были, когда вы выезжали. Одно несомненно, что во всяком случае будет стоить много денег и много жизней. Главная беда в нашей неготовности: ни Сибирская дорога еще не кончена, ни Маньчжурская дорога уже совсем не кончена, ни коммерческого флота у нас нет, и потому при исполинской силе мы там сравнительно слабы. Я советовал на всякий случай сосредоточить побольше войск. Лучше деньги потерять, чем престиж. Мобилизовали, кроме Амурского, часть Сибирского округа, из России назначили около 25 тысяч человек. А доставить очень

трудно. В Стретенске на Шилке, точно узкое горлышко, приходится проходить каплями. Морем из России 25 тысяч доставим (последняя партия) только в начале октября. Таким образом, приходится действовать горстями. Теперь говорят: смотрите, как Китай силен. Это пропагандирует и воен[ное] ведомство. Китай так же слаб, как и был, только лучше вооружился. 100–150 тысяч наших войск, если бы были на месте, его разгромили бы. Не Китай силен, а сильны стихии, дистанции, океаны и моря, а мы на это не обратили внимания.

Бедный государь, видимо, тревожится, но замечательно себя сдерживает. Эта выдержка весьма ободряющим образом действует на окружающую атмосферу. Дай ему бог хладнокровно перенести наступившие события, а также дай ему бог, чтобы его не сбили дурными советами! [...]

Ваш С. *Bumge*.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 32–33.

Дорогой и милый Димитрий Сергеевич.

[...] Китайские дела сами по себе все в такой же неопределенности. Но в наших к нему отношениях в последнюю неделю были большие перипетии. Ал[ексей] Николаевич, как всегда, зарывается — сам начал вести переговоры с дипломатами, мобилизовал до 150 тысяч войск и все хочет лезть вперед, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и даже под шумок залезть в Корею. Гр. Ламздорф, конечно, всему этому не сочувствует и хочет действовать успокоительно, но куда довольно безуспешно. Ему оказывают мало внимания. Взявши Тянь-цзин, пришлось решать — идти ли в Пекин, или нет? Кур[опаткин], конечно, идти — и всех разгромить. Ламздорф — нет. Наконец, гр. Ламздорф пришел ко мне и объяснил, что его положение невозможно как для дела, так и лично для него, — что он хочет заявить, что здоровье его заставляет оставить (совсем) службу. Вследствие сего я прежде всего имел крупный разговор с Ал. Ник. Куро[паткиным], объясняя ему, что он в[оенный] м[инистр], а не м[инистр]

и[ностранных] д[ел] и не м[инист]р ф[инанс]ов, а потому или пусть он назначит вместо нас своих генералов, или пусть не выходит из своей роли. Я также старался разъяснить ему, что все подобные увлечения только приведут Россию к новым бедам. Что, не говоря о том, что китайская история будет стоить нам массу денег и много жертв, но, что самое главное, если мы из этого дела скоро не выпутаемся и ослабим Россию, то, несомненно, этим воспользуется Европа и поднесет нам самые неожиданные сюрпризы, — и что таким образом мы пустим насмарку все царствование Александра III. По-видимому, мой разговор ему был неприятен, но произвел впечатление, хотя, конечно, на несколько часов. Ему быть корпусным командиром на войне, а не министром. Хотя я сегодня имел всеподданнейший доклад, но тем не менее вчера написал его ве[личеству] длинное письмо, высказав мое мнение по разногласию — идти ли в Пекин или нет. В этом письме я напомнил весь ход событий — от коронации до Тяньцзиня — и пришел к заключению, что нам следует идти в Пекин только тогда, если все другие меры не приведут к успокоению, что несомненно, как только мы подойдем к Пекину, все оставшиеся христиане там будут избиты, а законная власть подвергнется той же участи или уйдет вглубь. Значит, мы получим стены и цели не достигнем. Тогда Кур[опаткин] скажет, нужно идти далее. Европа нас науськивает, а сама посылает туда горсти и только поддерживает наши фалды. Необходимо не зарываться, а стараться локализовать болезнь, и, установивши порядок в нашем районе (Маньчжурии), удалиться восвояси. Сегодня же во время доклада я решился прямо говорить о м[инист]ре и[ностранных] д[ел]. Я высказал ту мысль, что теперь необходим м[инист]р и[ностранных] д[ел], что положение гр. Лам[здорфа] невозможно. Если есть кандидат, нужно его немедленно назначить, а гр. Лам[здорфа] освободить, — если нет, то назначить гр. Лам[здорфа]. Затем я высказал мое мнение о гр[афе] — это не Бисмарк, не Салисбюри, но он никогда государя не подведет, и из всех дипломатов я его считаю наиболее соответствующим. В результате

его в[еличест]во сказал, что на днях назначит Лам[здорфа]. Это Кур[опаткину] будет неприятно, так как он думает, что совсем престиж Лам[здорфа] уничтожил.

[...] В городе многие говорят, что я ввел государя в Порт-Артур и что я виновник всего этого несчастья. Я даже побаиваюсь, что это говорили е[е] в[еличеству] Марии Федоровне. Я, конечно, беззащитен — не могу же я оглашать все имеющиеся у меня несомненные документальные доказательства. Кстати, я их теперь собрал — для истории — и покажу вам по приезде.

[...] Крепко жму вашу руку.

Ваш С. Вумте.

14 [июля 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 33–35.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

[...] У нас ничего нового нет. Теперь можно думать, что большинство дипломатического корпуса в Пекине живо. Думаю также, что Югович с большинством своих сотрудников будут спасены. Вопрос о движении к Пекину все еще окончательно не решен. Очевидно, во всяком случае, что, если мы пойдем, то не будем играть в этом движении доминирующей роли. Покуда все являются двойственные решения. О графе Ламздорфе еще решения не последовало, но я его ожидаю с дня на день. По-видимому, императрица Мария Федоровна не сочувствует движению в Пекин и вообще воинствующим тенденциям.

Ваш С. Вумте.

19 [июля 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 35.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Наконец, кризис с м-ром и.д. разрешился. Вчера его в[еличест]во объявил гр. Ламздорфу, что его назначает управ-

ляющим министерством и [ностранных] д[ел], с добавлением «не временно, а постоянно». Вчера же гр. Ламздорф просил назначить кн. Оболенского товарищем. Я всему этому очень рад. Вчера же государь несколько осадил пыл А.Н. Куропаткина, высказавши, что спешить идти в Пекин не следует. Вместе с тем он согласился, чтобы командующим отрядом граф Вальдерзе, т.е. немец, а значит, во всяком случае, не мы пойдем в голове. Кроме того, гр. Вальдерзе будет ехать дней 40, а к тому времени может быть (дай бог) дело совсем поуспокоится. Таким образом, вчера произошел хороший поворот, а то в последнюю неделю А.Н. Куропаткин совсем ошалел, все и всех хотел громить и страшно интриговал против назначения гр. Ламздорфа. Ему, очевидно, хотелось это трудное время быть хозяином положения. Признаюсь, я был в отчаянии и несколько раз словесно и письменно старался отвратить его величество от этого опасного пути. Под этим влиянием даже написал маленькую заметку, которая будет напечатана кн. Мещер[ским] в «Гражданине» в четверг (если получите «Гражданин», обратите внимание) и которая, наверно, вызовет бурю негодования у Ал[ексея] Николаевича, который, вероятно, будет требовать репрессалий. Но кн. Мещерский в данном случае рассчитывает на снисходительность нашего милого м[инист]ра внутренних дел, так как его товарищи вряд ли рискнут что-либо сами по себе предпринять. [...]

Ваш С. Витте.

25 [июля 1900 г.].

Дорогой Димитрий Сергеевич.

[...] Что касается китайских дел, то они все-таки еще путаные. Но, слава богу, назначение гр. Ламздорфа представляет в этом деле очень успокоительный факт. Я и гр. Ламздорф, серьезно говоря, более боимся Куропаткина, нежели китайцев. Он меня просто поражает своею государственною или недобросовестностью, или же ограниченностью. Не говоря уже о высылке массы войск, о громадных расходах, об ежедневных новых излишних мерах и по телеграфу и по пу-

тям сообщения и проч., — меня также возмущают все его реплики, все описания каких-то битв, в коих всегда у нас никто не убит и не ранен, или пострадали десятки человек, в то время когда китайцев убито сотни, всегда они бегут и бросают все оружие и доспехи. И, чтобы воевать или драться с таким противником, он поднял чуть ли не всю Россию, собрав более 200 тысяч войск. Если это глупость, то еще бог с ним, но я боюсь, что не затевает ли он чего-либо. В последнее время я имел с ним несколько раз неприятные объяснения, но без толку — говорит одно, а делает другое. Может быть, разгадкою его действий служит следующее. На днях он у нас обедал, и во время объяснений с ним после обеда он мне, между прочим, высказал, что в вопросе о нужном количестве войск компетентен лишь один главнокомандующий. Когда же я его спросил, кто же главнокомандующий, он ответил, что хотя многие (в том числе Ванновский, специально для сего сюда приехавший) и настаивают на необходимости назначения главнокомандующего, но что им и государем с самого начала дела решено, что главнокомандующий есть государь, а он его начальник штаба, и что теперь уже нельзя отменить это решение. Судите сами, что все это значит. После сего я понял жалобы гр. Ламздорфа, что он не имеет времени делать доклады — так как военный министр засиживается у государя, занимаясь военною игрою на карте. Конечно, это не игра, а расставление и перемещение войск в Китае. [...]

Ваш С. Витте.

31 [июля 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 37–38.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вот взяли и Пекин. Оказывается, что шли-шли, не встречая сопротивления, и дошли. Таким образом, история с Вальдерзе, вероятно, обратится в комический инцидент — конечно, прискорбный для г[ерманского] имп[ератора]. Французы очень не хотели принять Вальдерзе, покуда гр. Ламздорф не

шепнул им, что из этого командования ничего не выйдет, ибо до приезда его и войск или мы дойдем до Пекина, или явится китайское правительство и начнутся переговоры. Все миссии остались почти невредимы; итак, оказывается, что, в сущности, у китайцев никаких войск нет, что все это — выдумки военных и преимущественно А.Н. Куропаткина. В последние 10 дней он, впрочем, стал податливее, и, по моему настоянию, его величество отменил отправку двух бригад (16 батальонов) из России морем. В общем потери наши самые ничтожные. Но все-таки у нас и теперь назначено под ружье более 200 тысяч человек. Все умоляю, чтобы поуменьшили.

Теперь, собственно, с Китаем кончено. Начнутся тяжкие переговоры. Ужасно боюсь, что разыграются аппетиты. Очень хлопочу, дабы мы показали пример сговорчивости и искреннего исполнения нашего обещания, громогласно заявленно-го государем, что мы ничего не хотим, кроме восстановления порядка. Опять гр. Ламздорфу придется бороться с А.Н. Куропаткиным, который предъявляет невозможные требования, приводящие, в сущности говоря, к уничтожению Маньчжурии как провинции Китая. Это особенно опасно потому, что в таком случае японцы могут потребовать, да и потребуют, себе Корею. Вообще, в этом деле будет труднее всего раздаться с Японией. Она играла выдающуюся роль — шла за европейцев — и по справедливости захочет вознаграждения, и если свои вождедения направит на север Китая, то мы можем с нею столкнуться. [...]

Искренно вам преданный *С. Витте*.

6 [августа 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 38–39.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Неладно все идет у нас. Поход на Пекин явился неожиданностью для гр. Ламздорфа. А.Н. Куропаткин все уверял, что Пекин теперь брать нельзя, что можно начать улажение только в начале сентября и что к тому времени будет и достаточно

войск. Успокаивая все гр. Ламздорфа, который соответственно сему вел все переговоры, оказалось, что А[лексей] Николаевич устранил отдела адмирала Алексеева, коему все время Ламздорф давал инструкции, назначил Линеви́ча и давал ему инструкции (сам или по повелению?) идти в Пекин, по секрету от гр. Ламздорфа. Вы можете себе представить, как теперь гр. Ламздорф взбешен и в каком он глупом положении. Что даст нам Пекин? Граф Ламздорф смотрит на это как на большую ошибку, ожидает массу осложнений. Признаюсь, что если я не смотрю на это так пессимистически, то все-таки предпочитал бы, чтобы Пекин не был взят. Думаю, что тогда дело уладилось бы скорее. Но это не все. Несмотря на самые гласные формальные уверения, что нам ничего не нужно, кроме порядка, вдруг Гродеков объявляет, что правый берег Амура — наш. Государь благодарит, и это публикуется. Затем берут важнейший порт, Нью-чжан, и водворяют там русский флаг и русское управление. То же делают в Харбине. Все это возбуждает злобу и недоверие к нашим словам китайцев, ревность, злорадство Европы и тревогу в Японии. А тут А[лексей] Николаевич призывает к себе ежедневно иностранных военных агентов и, бог знает, что им рассказывает, что мы воюем, что мы хотим забрать весь север, что мы не допустим Японию в Корею и будем с ней воевать. Наконец, начинаются протесты англичан из-за Нью-чжана, и Япония говорит: вы берете Маньчжурию, мы в таком случае возьмем Корею. На это резолюция: в таком случае идти в Корею. При таких обстоятельствах я вчера снова решился написать его в[еличеств]у, что Куропаткин его ведет к беде. Что нельзя государю от м[инист]ра и[ностранных] дел говорить одно, а делать другое [sic]. Что мы не должны преследовать никаких корыстолюбивых целей. Что нам нужно только водворить в наших пределах порядок и уйти обратно. Что, громя мечом и огнем Китай, мы себе в нем приготавливаем вечных врагов. Что нам нужно как можно скорее покончить с беспорядками на В[осточно]-К[итайской] дороге и уйти обратно. Что если мы туда втянемся, то нам наверное

что-нибудь поднесут на западной или азиатской границе. Что все происходящее на Дальнем Востоке не встречает увлечения в русском самосознании. Что это очень опасно — могут развиваться внутренние психические эпидемии. Что это обыкновенно так бывает. В заключение я умолял государя приказать военному ведомству бесхитростно и без честолюбивых замыслов выполнять его программу, с самого начала начерченную, а не вводить нас все в большие усложнения. Так как письмо это очень решительное, то я прочел его Победоносцеву. Он мне сказал, что мой долг его послать. Я послал третьего дня вечером. Вероятно, вследствие моего письма е[го] в[еличество] в тот же вечер приказал гр. Ламз[дорфу] приехать на другое утро. Гр. Ламз[дорф] развивал ему то же, жалуюсь на Ку[ропатк]ина, то, что мы влезает в чреватые события. Особенно жаловался на факт и способ занятия Пекина. Его в[еличество] был милостив, но перебивал гр. Л[амздорфа], выражая, что все-таки азиатов нужно было проучить. В конце концов он согласился дабы гр. Ламздорф подтвердил, что несмотря на последние события государь остается верным своей первоначальной программе. Гр. Ламздорф особенно настаивал на том, что нельзя говорить одно, а делать другое, что слова государя священны, что нельзя говорить именем государя неосторожно, но раз что-либо сказано, должно быть исполнено. Государь просил гр. Л[амздорфа] приехать еще в субботу (сегодня четверг) во время доклада в[оенного] м[инист]ра и сказал, что все, что вы мне говорите, вчера написал мне м[инист]р ф[инанс]ов. На это гр. Л[амздорф] заметил (что совершенно верно), что ему неизвестно, что писал м[инист]р ф[инанс]ов. Сегодня герм[анский] и[мперато]р (Вильгельм) заявил, что он не хочет посредничества Ли Хунчана, так как он ему не верит (потому, конечно, что он к нам расположен). Мы послали за ним крейсер везти его в Таку, а герм[анский] и[мперато]р заявляет, что если Л[и] Х[ун]ч[ан] приедет в Тянь-цзин, он его предупредит, что он накажет китайцев, когда Вальдерзе приедет. Далее Куропаткин подал длинную записку г[осуда]рю о всех китайских событи-

ях и о причинах и следствиях: нужно оккупировать северный Китай. Записка гладко написана, но, по моему мнению, показывает полное незнание дела. Я ему составил ответ, думаю завтра передать го[суда]рю. Как видите, все неутешительно. Нет линии, нет твердости, нет слова, а Кур[опаткин] бесится. Все это наводит на грустные размышления. Государь уезжает в среду, не беря с собою ни Лам[здорфа], ни Кур[опаткина]. Я уеду [во] вторник вечером и приеду [в] Париж 19-го. Думаю, что государь будет рад от нас, а особенно от меня, отвязаться. Я уезжаю с спокойною совестью. Все, что я мог сделать, чтобы Россию не впутать в беды, я сделал, я все сказал, хотя это и не нравится. Затем не от меня зависит ход дела. Что будет, того, значит, не миновать. Тяжкое время!

Ваш С. Витте.

10 [августа 1900 г.].

Если бы еще не было такого разумного м[инист]ра и[ностранн]ых д[ел], то совсем бы была беда.

Я говорил и писал его в[еличест]ву, что не вижу цели взятия Пекина. Послы оказались целыми, в последнее время с ними установились сношения, и, наверное, при терпении кончилось бы тем, что или в Пекине все умиротворилось бы, или они были бы нам сданы. С этой целью можно было бы подойти к Пекину и взять их. Что же касается китайского п[равительст]ва, то, как я писал, оно ушло. Что же теперь идти далее? А между тем, войдя в Пекин и без нужды разгромив его, нелегко оттуда уйти. Но все-таки нужно ожидать благоприятного случая, чтобы уйти. Не ожидать же нам Вальдерзе и его погрома.

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 39–41.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вчера у нас, наконец, было совещание у его в[еличест]ва (я, гр. Ламздорф и Куропаткин). Были приняты решения, подтверждающие программу, с самого начала беспорядков заявленную его в[еличест]вом, т.е. полное бескорыстие, восста-

новление порядка, скорейшее возвращение домой и решение не соблазняться никакими соблазнами. Кур[опаткин], видя настояние его в[еличест]ва, во всем уступал, но я ему глубоко не верю. Он положительно сорвался с цепи и ежедневно без удержу юродствует. Как высказала императрица М[ария] Ф[едоровна], — хочет себе при жизни монумент Петра I.

[Во] вторник выезжаю и [в] воскресенье буду в Париже, буду стремиться скорее вернуться. Боюсь, очень боюсь, что Куропат[кин] в это время натворит.

Крепко кланяюсь.

Ваш С. *Vumte*.

13 [августа 1900 г.].

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 41.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Китайские дела, как вам это видно из газет, идут хорошо. По крайней мере, острый период окончился — от китайцев ничего серьезного, в особенности на севере, ожидать нельзя. Как я всегда говорил, у них никакого серьезного войска не оказалось. Таким образом, после взятия Мукдена (что, вероятно, последует на днях), вероятно, начнется демобилизация. Я это весьма прошу, и А.Н. Куропаткин обещает. Что касается переговоров, то они будут идти весьма и весьма долго. Очень жаль, что пошли в Пекин. Благодаря этому п[равительств]во (гидра, Куропаткину) ушло и, в сущности, не с кем говорить. Император, императрица — в руках шайки Двана, и извольте теперь их освободить. Куропаткин хотел сию гидру захватить, а вышло, как Ламздорф и я предсказывали, совершенно обратное. Это — неприятная сторона дела, которая, в конце концов, не грозит бедами, но крайне затянет все дело.

Я также не боюсь осложнений с е[вропейскими] державами, но остается черная точка — Япония. Боюсь, что она влезет в Корею, и хотя государь сказал, что он и тогда не двинется, но все-таки это будет очень неприятно. Это, по существу, не-

приятно и, пожалуй, может нас возбудить. Я советую сделать предложение о нейтрализации Кореи. [...]

Ваш С. Вумте.

Пятница [ранее 18 сентября 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 42.

Сегодня, дорогой Димитрий Сергеевич, получил ваше письмо. Я полагаю выехать отсюда в самом конце месяца, а, следовательно, если вы приедете сюда между 25 и 27, то меня застанете. Но о выезде моем с государем ничего не говорил. Уверен, что не встречу возражений. Но я не знаю, как будет с гр. Ламздорфом и Куропаткиным — скоро настанет момент формулировки наших условий по китайскому делу, и тогда мое участие почти по каждому пункту будет необходимо. Если мы будем врознь, будет большое замедление. Кур[опаткин] говорит, что в конце месяца выедет, гр. Ламздорф говорит, что ему надо ехать, но не знает, что скажет его величество. Таким образом, весь этот вопрос находится в неопределенном положении. [...]

Ваш С. Вумте.

15 [октября 1900 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 43–44.

Дорогой Димитрий Сергеевич.

Вот писал тебе, что у нас все тихо и что только что-то творит Безобразов. В последние дни то, что он творит, начало обнаруживаться из различных разговоров государя с Ер[моловым], гр. Ламзд[орфом], Гессе — и различных эпизодов. Безобразов, за спиною которого стоит Вонлярлярский, впутанный в целую массу промышленных дел (вероятно, теперь теряет деньги), и Альберт пришли к заключению, что со мною кашу не сварить, а потому находят, что нужно прежде всего очистить дорогу. Впрочем, кажется, Альберт в эту часть решения не посвящен. Так как Безобразов не менее двух раз в неделю сидит

у государя, по часам, то, конечно, он ему рассказывает всякую чепуху и всякие эфемерные планы. Эти разговоры и выливаются иногда в действия. Так, недавно вдруг государь встревожился, что будто я продал англичанам все ископаемые Сибири для того, чтобы этою ценою заключить с Ротшильдом заем. Сначала мы ничего не понимали, потом оказалось, что дело идет об одном английском об[щест]ве в Сибири, устав коего прошел в апреле. Государь два раза говорил об этом с Ермоловым, наводил через гр. Ламздорфа справки; встретив в них отпор и совершенно определительные объяснения, перестал говорить. Со мною же ни слова. Потом вдруг Безобразов объявил Ермолову высочайшее повеление (проект указа), чтобы все ископаемые Приамурского края передать В.А. Об-ву, с тем чтобы существующие там компании признать уничтоженными. После объяснения с Ермоловым опять дело затормозилось. Но тем не менее государь все Ермолова не отпускает. Время экономическое переживаем мы дурное, вследствие известных причин много крахов, а тут еще неурожай. На эту тему государю внушают, что, мол, нужно в корне переменить политику финансовую — что вот, мол, результаты моей политики. А как переменить? Конечно, не знают. Вопрос для него только в том, чтобы очистить себе дорогу и в мутной воде рыбу половить. Тут на спину мне валят и земства. Под моим, мол, влиянием уничтожена самодеятельность России, мол, я хочу чтобы государь был отдален от народа, а власть перешла к чиновникам и, следовательно, министрам. Государь со мною ничего не говорит. Отбарабаню доклады и баста, да во время докладов и времени для разговоров нет, но я чувствую, что он находится в каких-то смущениях. Выяснилось тоже, что то желание его, чтобы я ехал в Маньчжурию, а то желание, чтобы я не ехал, основано на том же источнике. Кажется, ему внушено, что если я поеду, то приобрету еще больший ореол и значение и что нужно меня с Востока совсем устранить. Как-то раз государь мне мельком сказал: не следует ли передать В[осточно]-К[итайскую] дорогу министерству путей сообщения; я, не зная, откуда сие идет, ответил, что — да, года

через три, может, это будет удобно. — Одним словом, Безобразов творит какую-то кашу, и благодаря характеру государя трудно выяснить правду. Государь же находится в смущении, и у него бродят какие-то мысли. [...]

Крепко тебе жму руку.

Твой С. Витте.

12 [июля 1901 г.]

Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5 (18), с. 45–46.

Письма И. Балашева Николаю II. 12 марта 1902 г.

[...] В заключение, позвольте мне, государь, высказать вашему величеству почтительнейший мой совет и усердную просьбу: приезжайте сами сюда. Вы многое увидите такое, что покажет вам наглядно разницу между «докладом» и «действительностью»; вы, между прочим, увидите, как построена интересующая вас железная дорога, которая уже теперь стоит 100 т. руб. верста, а будет, вероятно, стоить по окончании ее и все 120 т. При этом спросите, сколько подобные дороги обходятся в Америке и Канаде или хотя бы в нашей Финляндии; между тем большинство здешних работ исполнено крайне «легко», тогда как рабочие руки (китайцы), как известно, чрезвычайно дешевы. Теперь принято все валить на «боксеров», — даже, как рассказывают, уничтожение того, что никогда не существовало!

Ваше величество, у вас имеется под рукою человек, драгоценный по своей энергии, глубокому знанию дела, а главное, по своей неподкупности и прямоте: это — генерал фон Вендрих, которому покойный государь поручил в 1891 году трудное и неблагодарное дело, с которым он справился блестяще. Его после этого удалили, — конечно, те, кому он был «неудобен», но поверьте мне, государь, что для вас такие-то именно и нужны. Он скажет вам и докажет, что где хорошо по этой постройке и что и почему нехорошо и какого требует исправления. Притом здесь вопрос не в одной только технической

части, но еще в общем оборудовании дороги, ввиду эксплуатации громадной транзитной артерии для международного пользования. Здесь требуется дешевизна, быстрота и аккуратность доставки, иначе товары, естественно, будут продолжать идти морским путем, тем более, что последний делает непрестанные успехи по всем трем этим условиям.

Но это — дело особое; возвращаюсь к предмету этой записки: главное теперь — приезжайте сюда, чтобы самим убедиться в необходимости не медлить более присоединением Маньчжурии к вашим владениям, убедившись в этом, чтобы вы сами же и провозгласили это здесь, на месте.

Такой шаг упростит дело чрезвычайно и обеспечит сразу его успех, потому что покажет всем, что вы не намерены уступить в этом случае. Никто не станет противиться вам, так как никому нет расчета ссориться, я уже не говорю: воевать, — с Россиею из-за Маньчжурии; всякий знает, что она фактически давно уж ваша и останется вашею навсегда, если вы сами от нее не откажетесь. Это будет стоить, как выше сказано, разве только некоторого усиления здесь (и то лишь временного) сухопутных и морских сил, и в видах чисто предупредительных, причем лишние расходы окупятся немедленно же, вследствие умиротворения всего края и скорейшего перехода его во владение России.

Все вышесказанное будет гораздо виднее вашему величеству здесь, на месте, чем в Петербурге, и, смею утверждать, будет видно именно в том свете, в котором я его представляю, — не по собственному, конечно, измышлению, а согласно действительности, которую засвидетельствуют вам все, могущие иметь здесь, в глазах ваших, достаточный авторитет, как знакомые с делом по опыту.

Но пусть, государь, в таком случае, «дипломатия», — наша, как и иностранная, — ничего об этом не знает до поры до времени; пусть она будет поставлена лицом к лицу с уже «совершившимся фактом», — иначе все она испортит. Посмотрите, как подобный прием облегчает другим государствам Европы и Америки их политические предприятия. Кончаю выраже-

нием глубокой уверенности, что более удобного времени не было, да вряд ли и будет, для разрешения разом всех вопросов, интересующих нас на Дальнем Востоке. Нам очень пора покончить с ними теперь же, дабы мы могли обратить должное внимание на действия Англии в Персии и Германии — в Малой Азии, принимающие для нас все более и более опасные размеры и характер. Между тем заботы наши в здешних краях препятствуют нам приняться за разрешение главной нашей задачи, завещанной самой историей, — на Черном море и в проливах, и нельзя не видеть, что благоприятное ее разрешение становится с каждым годом труднее. Но так как последнее составляет для России самый главный вопрос тысячелетней ее политики, — сперва инстинктивной, а потом сознательной, — от которого она не может ни в каком случае окончательно отказаться, то спрашивается: какой нам расчет откладывать такую неминуемую работу, с тем чтобы впоследствии ее было труднее, а быть может, и совершенно невозможно исполнить.

Наши противники понимают это отлично, и нет сомнения, что все настоящее движение на «Дальнем Востоке», начиная от японской войны, затем занятия Киаочао и кончая последней китайскою смутою, было рассчитано и направлено главным образом на отвлечение нас от этого рокового вопроса на «Ближнем Востоке».

Не будь Россия занята теперь на этой окраине, руки были бы у нее развязаны и, благодаря войне англичан с бурами, ей удалось бы, вероятно, уже в настоящее время удалить их от границ Персии и Памиров, да, пожалуй, еще вытеснить и из Египта. Мы видим каждый день, как с ними легко справляются не только Германия и Америка, но и самые их колонии; одни мы, несмотря на союз с Францией (которой, кстати сказать, Англия тоже немало досаждала в последнее время), ничего не делаем, чтобы отбить ей когти, которыми она так часто и так больно нас язвила и впредь будет язвить, пока мы не решимся, наконец, обезопасить себя от нее раз навсегда. Мы имеем еще сейчас к этому полную возможность, если теперь

же повернем круто дело в Китае и утвердимся в нем крепко, пока она еще занята в Южной Африке (потом будет поздно), и так как развязка там близится к концу, ваше величество, изволите сами рассудить, что нам надо торопиться.

Вашего императорского величества верноподданный Иван Балашев. Порт-Артур. 12 марта 1902 г.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 133–135.

Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу. 7 мая 1903 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Государю императору благоугодно было назначить особое совещание для обсуждения исполнительской стороны некоторых мероприятий, намеченных высочайшей волею, по делам Дальнего Востока.

Имею честь об этом довести до сведения вашего сиятельства и сообщить, что вы призываетесь его императорским величеством в особое совещание, имеющее быть сегодня, 7-го мая, в 6 часов вечера, в Царском Селе в присутствии его императорского величества.

Прошу ваше сиятельство принять уверение и т.д.

Статс-секретарь *Безобразов*

7-го мая 1903 года, гор. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 135.

Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу. 8 мая 1903 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Для облегчения и упрощения возложенного на меня государем императором в особом совещании от 7-го сего мая поручения вы были столь любезны, что приобщились к общему жела-

нию всех присутствовавших на совещании лиц и хотели в возможно скором времени мне прислать письменное свое мнение. Об этом я имел счастье письменно доложить его императорскому величеству и жду обещанной вашей записки. От трех членов совещания письменное их мнение уже мною получено.

Прошу ваше сиятельство принять уверение и т.д.

Безобразов.

8-го мая 1903 г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 136.

Письмо А. Безобразова гр. Ламздорфу.

8 мая 1903 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

На основании вашего письма от 8-го мая позвольте принять к сведению и руководству нижеследующее:

1-е, что мнение ваше относительно нашего положения на Дальнем Востоке не расходится с принципиальной постановкой этого вопроса, имеющейся в записке, представленной свиты е.в. ген.-майором Вогаком, и что вы имеете только по этому предмету представить его величеству записку, «основанную на документальных данных и касающуюся последовательного развития политических событий».

2-е, что вы изволите быть согласны со всеми пунктами исполнения журнального постановления 26-го марта 1903 года, читанного мною в совещании, кроме редакции пункта № 2.

Эту редакцию, согласно выраженного вами желания, при сем препровождаю.

Примите, милостивый государь, уверение и т.д.

Безобразов.

8-го мая 1903 г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 136.

Приложение к письму от 8-го мая 1903 г.

Выписка из проекта дополнения журнального постановления 26-го марта, представленного в особое совещание 8-го мая 1903 года.

Общее положение.

Новые фактические данные, разъясняющие общую обстановку на Д. Востоке и окончательно устанавливающие важное политическое и стратегическое значение района реки Ялу, приводят к необходимости соответственно дополнить журнальное постановление от 26-го марта 1903 года.

Пункт 2-й.

Отказаться от принятия министерствами иностранных дел и финансов мер к получению от центрального китайского правительства концессии на разработку лесных богатств на правом берегу реки Ялу, как по малой вероятности, при теперешних обстоятельствах, получения этой концессии путем переговоров с Пекином, так и вследствие выяснившейся возможности приобрести таковую соответственными мероприятиями на месте, что однако не снимает с министерства иностранных дел обязанности оказывать полное посильное содействие этому делу и по возможности предупреждать получение этой концессии кем-либо, кроме имеющих право первенства на нее.

С подлинным верно:

Статс-секретарь *Безобразов*.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 137.

**Письмо А. Безобразова Николаю II.
11 мая 1903 г.**

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, Абаза и я — мы два раза были у гр. Ламздорфа и в течение 7 часов времени вели переговоры. Вся фактически повествовательная сторона во-

проса получила полное изложение и нравственная идейная сторона не менее полное освещение.

Граф Ламздорф никаких данных по существу нам противопоставить не мог; аргументацию же свою держал исключительно в сфере: а) точного исполнения приказаний вашего императорского величества, в) своей некомпетентности в вопросах военных и экономических и с) своих опасений осложнений от недостаточно полного и точного исполнения трактатов.

Против слов «политика уступок» он протестует, но против маскированных уступок, кажется, ничего не имеет, называя это не поражением, а успехом — своего рода шагами назад, чтобы затем лучше дать скачок вперед.

Вообще, форме дается все преимущество пред существом, и это, кажется, потому, что она прикрывает пустоту знания и убеждений.

В своем разговоре я позволил себе очень настойчиво проводить ясность постановок и суждения о вопросах по их существу; в аргументационной полноте я останавливался на границе, где мне пришлось бы гр. Ламздорфа обвинять в бездействии и непонимании дела. Я это сделал не потому, что желал бы сохранить с ним какие-либо личные отношения, но потому, что это мне не было приказано.

Граф Ламздорф несколько раз пробовал ставить дело на личную почву и обижаться против вторжения в дела его ведомства, причем ограничивал даже предмет ведения особых совещаний, в высочайшем присутствии разбирающих и устанавливающих принципиальные положения; прием этот, понятно, успеха не имел, и мне пришлось при этом разъяснить графу смысл и значение этого порядка, для всестороннего освещения вопросов государственной важности, именно в таких случаях, когда требуется особенная правильность и цельность в постановках.

Граф Ламздорф неоднократно во время наших переговоров давал понять и даже ясно говорил, что он имеет в виду поставить вопрос «о доверии», причем всякий раз я «это не

понимал», так как абсолютно доверять можно только господу богу, а для убежденных католиков — еще папе.

Вообще, насколько мог понять, мне кажется, что гр. Ламздорф остался очень недоволен нашим посещением, так как не имел успеха в своих стараниях доказать:

а) что он вообще безответствен в существе дипломатических неудач, как только точный исполнитель приказаний; б) что он не обязан знать и понимать существо дела, а только служит редакционным целям; в) что он многое упустил на Дальнем Востоке, что мог бы удержать, если интересовался бы реальной жизнью и заставил бы этим своих подчиненных работать; г) что он теперь неправ, что боится ясных постановок и злоупотребляет словами для затемнения дела.

Я лично вынес очень тяжелое настроение из этих разговоров, как совершенно ясное сознание необорудованности у нас целого ведомства для жизни и тех возрастающих трудностей, которые она представляет.

Со всеми остальными членами совещания затруднений пока нет никаких для ясной, простой и деловой постановки вопроса, обсуждавшегося в совещании. К изготовлению журнала приступил и надеюсь его представить на благовоззрение вашего императорского величества в скором будущем.

Статс-секретарь *Александр Безобразов*.

11-го мая 1903 г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925, с. 137–138.

Письмо А. Безобразова Николаю II.

23 мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, я имел с министром финансов разговор касательно денежных средств, которые потребуются для приведения численности наших войск на Дальнем Востоке в соотношение с потребностями общей

и частной охраны имперской границы. По военному существу этого вопроса, министр финансов принял к сведению сделанное ему сообщение, как разъяснение причины установившегося взгляда о необходимости на Дальнем Востоке постоянно держать известное более значительное количество войск как для местной нашей обеспеченности от разных случайностей, так и для усиления вашего положения на Западе, путем неотвлечения оттуда находящихся там сил.

Относительно финансовой стороны этого дела министр финансов высказал крайнюю нежелательность выходить из пределов ассигнованных на новые военные потребности добавочных средств (210 милл., разверстанных на 5 лет).

При этом министр финансов упомянул, что, по всем вероятностям, из намеченных к осуществлению на нашей западной границе военных обзаведений найдутся таковые, которые уступят в своей целесообразности тем мероприятиям, которые имеются так серьезно в виду на Дальнем Востоке и должны удовлетворить широкой постановке задачи государственных интересов.

Министр финансов здесь, как пример, назвал новую проектируемую стратегическую дорогу, идущую вдоль реки Нарева и Бобра, на которую ассигновано около 22 милл. рублей.

Военное значение этой дороги очень спорное в среде специалистов, а наглядная сторона дела много говорит против нее.

Во всяком случае, едва ли может быть сомнение, что мы вообще и во всех отношениях будем сильнее, если, вместо Наревско-Бобровской железной дороги, будем располагать большой живою силой на Западе и тем больше еще, если эту живую силу перенесли бы на Дальний Восток, где у нас теперь находится Ахиллесова пята нашей государственной защиты.

Статс-секретарь *Безобразов*.

23-го мая 1903 г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925, с. 139.

Записка А. Безобразова Николаю II. 23 мая 1903 г.

В записке своей от 16-го мая сего года, представленной на высочайшее благовоззрение, генерал-адъютант Сахаров счел необходимым сначала резюмировать записку свиты е.в. ген. майора Вогака. Хотя он не входил в обсуждение этих выводов, но их подчеркнул именно в том, что министра иностранных дел более всего смущало.

Поэтому теперь очень отраднo видеть, что граф Ламздорф уже не находит для себя удобным отрицать факты прошлого и в своей записке на высочайшее имя от 21-го мая обходит этот пункт осторожным молчанием.

В военном своем отделе записка генерал-адъютанта Сахарова проводит параллель между сосредоточением наших сил вперед и назад, при их настоящей числительности. При сосредоточении назад получаются как будто бы некоторые преимущества, хотя в обоих случаях нам приходится плохо.

Очевидно, что сосредоточение назад безопаснее, так как этим мы отходим от преждевременного столкновения с противником, но зато противник в течение 4 месяцев может свободно хозяйничать на юге, все у нас разрушить и подготовиться нас с успехом встретить, когда мы соберемся с силами.

Если противник поступит правильно и за нами пойдет только народным восстанием, опирающимся на партизанские его отряды, то думаю, что пройдет добрых 6 месяцев, пока мы доберемся до юга и будем иметь большие затруднения в коммуникационных линиях (железная дорога, понятно, будет основательно разрушена).

При этих условиях, для успеха, 300 тыс. войск для нас будет, кажется, мало, так как наступающему для верного успеха нужно всегда располагать преимуществом сил. Японо-китайская же армия теперь имеет более 400 т. челов., а тогда тем паче будет иметь эти силы, при коротких операционных и коммуникационных линиях.

О падении П.-Артура сомнения быть не может; наш престиж и международное положение сильно пострадают, и если против нас тогда сформируется чисто дипломатическая коалиция, то и тогда мы вынуждены будем уступить.

При достаточности же у нас войска на Д. Востоке все эти условия совершенно меняются: мы сосредоточиваемся вперед, отбрасываем первый эшелон неприятельского десанта и вообще командуем положением в материальном и нравственном отношениях.

Говоря о военной части записки генерал-адъютанта Сахарова, нельзя пройти молчанием то обстоятельство, что он говорит о временной оккупации Хунчуна и совершенно умалчивает о Фун-хуан-чен. Значение последнего пункта несравненно выше первого как в мирное, так и в военное время; этот пробел возможно только объяснить перед решением вопроса — бросить весь юг и искать неверное спасение на севере. — Может быть также, что генерал Сахаров не желал слишком определенно высказаться против мнения военного министра, который очень авторитетно высказался о вопросе до своей поездки на Д. Восток и как будто бы все дело бесповоротно предрешил.

Экономические и политические соображения записки генерала Сахарова имеют мало реальной почвы, но это совершенно понятно, так как эта сторона дела ему не может быть знакома, в чем он, впрочем, совершенно откровенно и признается.

Во всяком случае, записка генерал-адъютанта Сахарова есть серьезный вклад, разъяснение жгучего для нас вопроса и может быть резюмирована крайней для нас необходимостью быть в военном отношении лучше оборудованными.

Статс-секретарь *Безобразов*.

23-го мая 1903 года. г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925, с. 139–141.

Письмо А. Безобразова Николаю II.**29 мая 1903 г.**

Ваше императорское величество.

Имею счастье при сем вернуть данную мне для ознакомления записку графа Ламздорфа.

Изложенную в этой записке программу я позволю назвать великолепной во всех отношениях, и если она послужит основой для наших дальнейших отношений к Китаю, то, по-моему, ничего лучшего желать невозможно, кроме успеха в выполнении.

Когда ваше императорское величество изволили вчера читать эту записку, то я от переутомления не вполне мог ее оценить; сегодня утром я был занят переговорами с гр. Ламздорфом и только сейчас ее прочел, восчувствовал и тороплюсь доложить о своем крайнем разумении.

Мне кажется, что, на основании этой записки, ваше императорское величество можете милостивее отнестись к неудачной записке графа Ламздорфа, где он торопится уходить. Я даже думаю, что он решился подать первую только потому, что была вторая. Прием этот, понятно, одобрить невозможно, но что во второй записке есть пробуждение, — это несомненно пока начерчено на бумаге.

У меня, ваше императорское величество, кроме этого, на сердце, что я, кажется от той же причины недомогания, вчера очень неудачно представил вопрос об Абазе. Он меня за это ужасно бранил, что я будто бы ему дал положение какого-то искателя, тогда как он готов, по приказанию, на все и не думает о мелочах.

Благоволите, государь, когда это будет благовременно, милостивым словом успокоить Абазу.

Перед отъездом своим, который, надеюсь, состоится 1-го июня, представлю через Абазу на благовоззрение некоторые еще недоконченные детали по текущим надобностям дела.

Сегодня у ген. адъютанта Гессе будет собрание некоторых наличных членов товарищества, которым сделаю сообщение,

чтобы воля вашего императорского величества и положение дела им были ясны.

Статс-секретарь А. Безобразов.

29-го мая 1903 г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевиича. Л., 1925, с. 141–142.

Письмо А. Безобразова Николаю II.

29 мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, имею счастье донести, что сегодня, в 9 часов утра, был у графа Ламздорфа и сообщил ему телеграмму Гюнсбурга и проект ответа. Ламздорф начал с того, что хотел закинуться, принявши ответный проект за навязываемую ему редакцию; я его успокоил, сказавши, что здесь только выражается потребность и соображения к наилучшему ее удовлетворению. Тогда установилось соглашение, что он сегодня представит на благовоззрение то, что уже по этому поводу сделал, и то, что имеется им в виду еще сделать.

Хотя граф Ламздорф и хорохорился, но имел угнетенный вид.

К делу литья масла на волнения чувств Ламздорфа я приступил следующим образом: извинившись, что, может быть, вступаю по личной инициативе в область очень деликатных вопросов, я просил поверить в искренность доброжелательных своих стремлений и поэтому не отказать во взаимности. Затем сообщил свое наблюдение, что ваше императорское величество мне показались вчера очень гневными и непривычно суровыми, при этом я подметил недовольство по его адресу. Ничего не зная из случившегося и имея все-таки данные знать, что по существу ничего такого нет, что могло бы породить подобные явления, я все невольно приписываю какому-то недоразумению, которое после разъяснения само собою падет. Графу я тогда предложил свои слабые услуги, как услуги доброжелательного для него лица, с очень ограничен-

ными средствами, но с доброй волею, исходящей из искреннего желания не усложнить, а упростить обстоятельства.

Граф Ламздорф тогда начал мне говорить о своей *profession de foi*, которая сводится к тому, что он правдив, прямолинеен и глубоко предан своему монарху, беспрекословно исполнителен, но просит лишь об одном: чтобы воля была бы ему непосредственно высказана и ему было бы позволено в том же порядке высказать свое мнение; что он заметил, что за последнее время он утратил доверие, и тогда он считал своим долгом, зная доброту вашего императорского величества, облегчить государю освободиться от неугодного слуги; что он не имеет сознания, что не делал бы все посильно и что, может быть, если бы он много знал ранее, то поступил бы лучше, но он не знал, а злой воли у него не было.

Из всего слышанного мною я мог понять, что гр. Ламздорф напуган тем, что сделал, но себе ложно представляет положение: он думает, что предрешено его совершенно (его ведомство) отстранить от дел Д. Востока, тогда как предначертано только собрать на месте сведения и распоряжения в одном центральном пункте, сам же этот пункт находится под руководством государя, которого сознательный секретарь по политическим делам есть министр иностранных дел. Этих разъяснений я графу Ламздорфу дать не мог, так как этим бы обнаружил знакомство с его запиской.

Статс-секретарь А. Безобразов.

29-го мая 1903 г. С.П.-бург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925, с. 142–143.

Письмо А. Безобразова Николаю II. 2 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Завтра, 3-го июня, надеюсь с божьей помощью выехать и 16-го числа прибыть в Артур. Военный министр должен

там быть 17-го, так что я успею предварительно переговорить с адм. Алексеевым. Вчера кончил передачу журнала со-
вещения участвовавшим членам и уговоры с ними.

С гр. Ламздорфом пришел к нижеследующему исполни-
тельному конкрету: ему желательно получить перечень тех
минимальных требований, которые вызываются намечен-
ной целью, а именно — сохранением и сбережением нашего
нормального политического и экономического положения на
Дальнем Востоке. Эти требования должны составить существо
тех гарантий, которые предъявятся Китаю и для аргумента-
ционной поддержки которых министерство иностранных дел
располагает необходимыми средствами. С министром фи-
нансов я договорился, в присутствии Вонлярлярского, каса-
тельно вновь образовавшегося товарищества и согласования
совместного образа действий по фушунским копиям, судоход-
ству по Ляохе и вопросам текущих сношений. О том, что со
мною едет жандарм, министр финансов уже знал и отнесся
к этому довольно нервно; но я счел полезным его успокоить,
сказавши, что специалиста по полицейской части я везу с со-
бой для надобностей адмирала Алексеева, который, во вновь
намеченном своем положении, нуждается в сведущем в этом
отношении человеке.

При прощании я просил министра финансов за Моисея
Гюнсбурга от себя, чтобы он его представил бы в коммерции
советники, на что получил согласие; мне кажется, что рас-
считаться таким образом с Гюнсбургом — момент, для поль-
зы дела, выбран удачный.

С министром внутренних дел я имел свидание в присут-
ствии Абазы; разговор касался обстоятельств будущих осо-
бых совещаний по делам Дальнего Востока и организацион-
ных условий этого нового установления. То, что подлежало
разъяснению, согласно высочайшей резолюции на журналь-
ном постановлении 7-го мая, было нами обсуждено, и статс-
секретарь Плеве, по всем вероятностям, об этом и доложит ва-
шему императорскому величеству в свой очередной доклад.
В конечном выводе мы пришли к тому заключению, что чем

раньше удастся придать более законченную форму вновь намеченным порядкам, тем это более желательно для дел местных и настроения в центре. Статс-секретарь Плеве указал, что общественное самосознание нуждается в понятной и привычной форме для дел, независимо от правильного их направления по существу. По этой части я имею привести письменное мнение адмирала Алексева касательно той административной задачи, которую ему наметила высочайшая воля.

Таким образом, в общем и по всем отделам все обстоит пока благополучно, и молю бога, чтобы он мне помог и на месте выполнить посылку волю моего государя.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

2-го июня 1903 года. г. С.П.-бург.

*Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина
и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 143–144.*

Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II. 14 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Не знаю, правильно ли я поступил, так как не имел на то прямого разрешения, но я не нашел возможным умолчать перед генерал-адмиралом (вел. кн. Алексей Александрович. — *Авт.*) о мысли вашего величества отдать Корею японцам. Если я поступил неправильно, то каюсь и прошу меня простить. Я это сделал потому, что великий князь Алексей Александрович был до сих пор в курсе всего, а этот новый вопрос мог встретить в генерал-адмирале несочувствие.

Действительно, его высочество сразу указал, что, при водворении японцев в Корею, Квантун и Порт-Артур и весь наш тамошний флот будут заперты, а японцы, имея базы для своего флота как в Японии, так и в Корею, слишком легко отрежут наши владивостокские силы от выхода в море.

Я ответил, что это совершенно справедливо при недружественной к нам Японии, но что, водворившись в Корею, Япо-

ния не может иначе поступить, как стараться быть с нами в дружбе и согласии, потому что с севера, с запада и с юга японская Корея будет окружена нами, а при этих условиях она поймет, что находится совершенно в наших руках.

Генерал-адмирал тогда высказал, что если мы можем, действительно, с трех сторон окружить Корею, т.е. владеть не одним Квантуном, а и Маньчжурией, то тогда отдача Кореи японцам вполне возможна и целесообразна, но при условии, чтобы японцы не возводили против нас укреплений на корейском берегу.

Имею счастье при сем представить записку — программу наших отношений к Японии.

Очень боюсь, что я неправильно понял мысль вашего императорского величества. Записку я могу переделать на множество ладов, если получу на то указания. Мотивов решения вашего императорского величества я не выставил. Мне казалось, что мотивы здесь будут излишни, а нужна только суть будущего направления.

Ваше императорское величество изволите усмотреть, что я отметил сбоку карандашом один параграф. Возможно, что благоугодно будет не подчеркивать намерение исполнить договор 26-го марта, а, напротив, подарив Корею японцам, объявить в дальнейшем будущем, что мы остаемся в Маньчжурии, на что уже намекали и Алексеев, и гр. Ламздорф.

В этом случае отмеченное место нужно будет выпустить при переписывании.

Отдав Корею и не оговорив предварительно наше водворение в Маньчжурии, мы можем очутиться в затруднении и не «окружить» Корею. Поэтому я в конце поместил параграф об «экономическом водворении», который оставляет нам свободу действия.

Я прибавил также параграф о наших концессиях и об укреплениях.

Последнее вследствие слов генерал-адмирала, но иначе, чем его высочество говорил.

Вашего императорского величества верноподданный свиты вашего величества контр-адмирал *Алексей Абаза*.
14-го июня 1903 г.

Приложение к письму Абазы от 14-го июня 1903 г. Основы наших будущих отношений к Японии. Проект.

Россия отдает справедливость военным и морским успехам Японии. Россия готова признать за Японией значительную будущность, если отношения Японии к нам будут правильны.

Россия видит с сожалением, что нынешняя политика Японии, ее союз с Англией, постоянное бряцание оружием, протесты против законных действий России, тенденциозность прессы естественно ведут к противоположным результатам.

Россия принесла большие жертвы деньгами и людьми на Дальнем Востоке. Это было сделано не для одной своей пользы, а для пользы всех народов.

Естественно однако, что Россия заботится обеспечить возврат процентов на затраченный капитал.

Россия имела бесспорное право объявить Китаю войну в 1900 году, вследствие нападения китайцев на Благовещенск, но не только не сделала этого, а даже, по собственной инициативе, заключила договор 26-го марта 1902 года. Эти поступки России достаточны, чтобы определить ее миролюбие.

Россия готова довести до конца исполнение договора 26-го марта, если этому не воспрепятствуют обстоятельства и образ действий других держав.

Страстное и ничем не оправдываемое отношение Японии к нынешним действиям России может только замедлить исполнение договора 26-го марта.

Это же страстное и беспричинное отношение Японии к действиям России препятствует последней с желаемым сочувствием отнестись к жизненным интересам Японии, которые Россия никогда не намеревалась игнорировать.

При искренно доказанном желании Японии поддерживать хорошие отношения с нами Россия будет готова признать безусловное водворение Японии в Корею.

Границы японской Кореи могли бы быть определены по водоразделу бассейна Тумень-Улы к северу и по водоразделу бассейна Ялу к западу.

Северный и западный склоны этих водоразделов входят в пределы русских концессий, на которых русские люди уже начали проявлять деятельность, а следовательно, эти области должны остаться в русских руках.

При таком широком признании Россией стремлений Японии должно воцариться полное согласие, так что укрепление японцами берегов Кореи должно быть произведено лишь в таких пунктах, где укрепления эти будут служить против общих врагов России и Японии, а следовательно, по соглашению этих двух держав между собою.

Экономическое водворение России в Маньчжурии, рядом с водворением Японии в Корею, создаст общность торгово-промышленных интересов и облегчит обеим державам установление добрых соседских отношений, к обоюдной выгоде.

Тон наших переговоров с Японией должен быть всегда любезный, но спокойный и твердый, без тени заискивания.

Можно начать говорить с Японией о Корею, как только посланные бригады дойдут до Забайкалья.

*Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина
и Н.П. Линевица. Л., 1925, с. 144–146.*

Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II.

16 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

По вопросу о порто-франко во Владивостоке министр финансов говорил следующее:

Это вполне в зависимости от решения маньчжурского вопроса. Неопределенность положения России в Маньчжурии и отсутствие ясной программы действий вселяют недоверие к России. Желательно твердо и ясно сказать, чего Россия в Маньчжурии хочет. Беспешинный ввоз иностранного то-

вара в Приамурье и Маньчжурию может убить сбыт русского товара и лишит груза русские пароходы, которых бывает, однако, не более 20 в год. В общем лучше допускать иностранные капиталы, чем иностранные товары.

Если учредить порто-франко в Приамурье до Сретенска, то только на определенный срок. В Маньчжурии же лучше порта закрыть.

Вопрос о порто-франко следует рассматривать не только как подачку американцам, но как серьезный общий вопрос.

Теперешнее экономическое положение Приамурья невыносимое. С одной стороны, таможи в портах, а с другой — беспошлинный ввоз по всей сухопутной границе согласно договоров с Китаем. Границу на пять тысяч верст охранить трудно. Подвоз товара, конечно, должен усилиться по Ляо-хе и Сунгари к нам.

Сам министр финансов колеблется: следует ли, вопреки трактатов и трудности исполнения, закрыть сухопутную границу, или же, оставляя ее открытой, открыть также и наши порты.

Над этим долго работала комиссия и только что кончила занятия. Следовательно, весь материал налицо, и казалось бы возможным, если государю угодно, назначить особое совещание из «сановников», поручив этому совещанию обсудить вопрос о порто-франко и представить свое заключение не далее как в десятидневный срок. На совещании, вероятно, будет разногласие, и тогда государь решит.

В 10 дней можно все это сделать, а нужно делать скоро, чтобы дать ответ Америке.

Министра иностранных дел я еще не видел; его не было дома. Увижу его вечером, но ввиду спешности вопроса осмеливаюсь доложить пока только разговор с министром финансов. Согласно приказанию вашего величества, представляю памятную записку об ответах Америки и Японии.

Расшифровка двух телеграмм Безобразова оказалась невозможной. Я потребовал повторения. Разобрана только первая половина одной из телеграмм. Ее я имею счастье при сем представить.

Осмеливаюсь просить разрешения на отправку прилагаемой телеграммы лично от меня к Безобразову.

Так как общее направление дела поручено ему, то мне показалось, что он должен быть в курсе того, что здесь происходит.

По вопросу о порто-франко он может дать свое мнение, которое будет и своевременным, и ценным.

Вашего императорского величества верноподданный свиты вашего величества контр-адмирал *Алексей Абаза*.

16-го июня 1903 г.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925, с. 146–147.

Письмо контр-адмирала Абазы Николаю II.

16 июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Я сейчас вернулся от графа Ламздорфа, которого на этот раз застал. Граф Ламздорф ставит вопрос о порто-франко в связи с вопросом Маньчжурии. Он уже три года того мнения, что Маньчжурию следует взять, и теперь находит нужным прийти к твердому и ясному решению. Если решиться взять Маньчжурию, то, объявляя Японии об этом решении, будет своевременно подарить им Корею, но не следует ждать, пока Япония «попросит» Корею «после» взятия нами Маньчжурии. Япония «просить» не станет, а будет резко требовать, и тогда получится с нашей стороны не подарок, а уступка.

Все это граф Ламздорф говорил с собственного почина. Я же не поднимал вопроса ни о Корее, ни о Японии.

В частности, о порто-франко во Владивостоке граф Ламздорф думает, что это едва ли удовлетворит американцев, а нас может связать.

Последняя телеграмма Кассини, которую он тут же прочел, успокоительного свойства, так что может быть и нет надобности сейчас предлагать Америке эту комбинацию.

Во всяком случае, вопрос о порто-франко может быть лучше обсужден там на месте Алексеевым при участии посланников, в особенности Тессара, присутствие которого в Порт-Артуре в эти дни желательно.

Вашего императорского величества верноподданный свиты вашего величества контр-адмирал *Алексей Абаза*.

16-го июня 1903 г.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925, с. 147–148.

Докладные записки А. Безобразова Николаю II

I

Япония занимает в настоящее время к Корее положение, которое со стороны кажется сильнее, нежели оно на самом деле есть.

Признаки, по которым можно вообще судить об этом положении, суть нижеследующие:

- 1) численность проживающих в Корее японцев;
- 2) разные их там торгово-промышленные предприятия;
- 3) военные мероприятия;
- 4) степень возрастания японского влияния и уступки, делаемые ему остальными государствами;
- 5) единодушие общественного мнения, проявляемое в Японии по корейским делам.

Все эти признаки, внушительные на расстоянии, вблизи значительно умяляются.

По 1-му пункту. Численность японцев, проживающих в Корее, в точности неизвестна, но она не превышает 30.000 чел. В качественном отношении это в большинстве случаев подонки общества, которые не только не могут приобрести расположения коренного населения, но вызвали против себя общую ненависть. Чувство это высказывается при каждом удобном случае. Если же к этому прибавить то презрение, с каким японцы постоянно относятся к корейцам, и ту традицион-

ную жестокость, с какою они действуют во всяком покоряемом ими крае, то станет ясным, что даже привыкший к угнетению корейский народ должен стремиться поголовно восстать против своих притеснителей.

Конечная цель у японцев ясна: они рассчитывают упрощенным, кратчайшим способом сперва разорить страну, затем воспользоваться народным восстанием, чтобы ее обезлюдить, а потом заселить своими выходцами, т.е. сперва ограбить народ, а затем его убить. Насколько применение такой политической этики времен Тамерлана может удалиться, судить пока трудно, но следует сомневаться, чтобы легко удалось стереть с лица земли целый народ, как бы он ни был обесилен слабостью своего правительства.

По 2-му пункту. В Корее имеется много субсидируемых японским правительством частных предприятий, не дающих никакой коммерческой выгоды, а существующих исключительно для виду, как обстановка для японских правительственных агентов и как фикция для отвода глаз иностранцам.

Предприятия, доставляющие японскому правительству существенные выгоды, ниже перечисляются.

а) Сбыт денежных знаков (банкнотов и никелевой монеты), не имеющих никакого фактического обеспечения и потому вполне заслуживающих названия фальшивой монеты.

б) Покупка на эти деньги корейских товаров для вывоза их в Японию посредством японского же каботажа.

в) Насильственное навязывание корейскому правительству своих комиссионных услуг по невыгодным для него покупкам.

г) Скупка земель на те же, фабрикуемые японцами, денежные знаки.

д) Наконец, приобретение разных концессий.

В общем Япония сильно зарабатывает в Корее (фальшивой монетой и основанной на такой монете торговлей), если только можно назвать заработком этот способ ограбления целой страны на глазах у всего мира.

По 3-му пункту. Военные приготовления японцев в Корее имеют целью не только занять страну, но сделать из нее обеспеченный плацдарм для действий на континенте против России. Японцы, в своем национальном самомнении, насколько не останавливаются перед мыслью вытеснить нас со временем из Маньчжурии и стать во главе желтокожей расы. Поэтому нельзя надеяться, чтобы они успокоились, удовлетворясь занятием части или всей Кореи.

Если бы японцам удалось занять Северную Корею и укрепиться в бассейнах Ялу и Тумень, то их военное положение на полуострове было бы очень сильное. Под охраной такого надежного заслона они всегда могли бы отстоять свои позиции и удобно перейти в наступление против нас.

Наоборот, если эти стратегические позиции будут заняты нами, то все выгоды положения перейдут на нашу сторону.

Насколько отчетливо сознается в Японии вообще огромное значение, какое имеет для ее завоевательных целей на континенте обладание северной Кореей и бассейнами Ялу и Тумень, — сказать трудно, но кажется, что в военных сферах это понимают там лучше, нежели у нас.

Военное значение северной части Кореи имеет свое историческое прошлое, и только благодаря этой географической своей охране Корейское государство могло в разное время успешно бороться с иноземным вторжением. Непроходимость северной части страны охранялась в Корее законом и блюлась корейцами. С этой непроходимостью пытались бороться китайцы, построившие свою побережную Мандаринскую дорогу, с целью поддержания в крае своего господства. Эту же дорогой пользовались японцы для действий против Китая, и теперь еще эта дорога считается главным путем для их наступления на север со стороны их ближайшей базы Пеньян-Гензан. Следует иметь в виду, что путь этот находится под фланговым действием Ялу-цзянских позиций, и потому в будущем, если эти позиции будут нами сохранены, подобное наступление будет едва ли удобно и даже возможно.

По 4-му и 5-му пунктам. Рост японского влияния в Корее на счет влияния русского и других государств есть естественное последствие энергичного действия, которому не было противопоставлено никакое существенное противодействие. Поэтому России следует в Корее, не выступая единолично вперед далее сохранения за собою доминирующего положения в северной ее части, озаботиться образованием согласованных между собою частных коммерческих интересов других национальностей и выдвинуть их вперед, навстречу японским домогательствам.

В настоящее время есть случай, который, вероятно, больше не повторится. Именно, корейское правительство ищет заключить заем под обеспечение всех своих рудных богатств. Если через генерала Вогака поручить устроить этот заем американцу Понту, имеющему крупные золотопромышленные дела в Корее, причем условиться, чтобы американская эскадра пришла одновременно и совместно с нашей для поддержания прав этой концессии, то этим путем создалась бы та отрезвляющая для японцев обстановка, без которой они долго еще будут опьянены перспективой своих империалистических затей.

Следует принять во внимание, что, начиная при таких условиях деловую связь с Америкой, мы пойдем навстречу американским капиталам, которые ищут только удобного для себя помещения.

Если делу с Понтом мы сумеем придать вид хорошей для американцев приманки, то американский капитал войдет в наши дела со скромными требованиями, как вообще искательная часть является в дом именитого хозяина. Если же это привлечение сделать при менее внушительной обстановке, то запрос и вообще требовательность пропорционально возрастут.

Теперь есть случай импонировать, и этот случай очень желательно отнюдь не упустить.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

21-го июня 1903 г. С.-Петербург.

II

С начала прошлого столетия Англия одна пользовалась преимуществами всемирной торговли и через нее обогатилась.

Из континентальных государств выступила затем на путь активной колониальной политики Германия, и скоро кончается второе десятилетие почина, сделанного в этом направлении ее великим имперским канцлером. Прозорливость Бисмарка усмотрела в колониальных предприятиях единственный выход для Германии из трудного экономического положения, созданного тем усиленным вооружением, к которому Германия вынуждена была прибегнуть для целей своего внутреннего объединения и подъема своего международного значения. В настоящее время из числа всех великих держав, если не считать Америки, главным конкурентом Англии в деле колониальной политики является Германия.

Трудность задачи германской внешней политики заключается в настоящее время именно в том, что Германия должна проявлять одновременно одинаковую мощь как на суше, так и на море. Быть военной амфибией не по силам в настоящее время ни одному государству, даже при полном развитии его внутренних сил, вследствие тех огромных расходов, каких требует техника современного вооружения.

Политическая комбинация тройственного союза, вследствие противопоставления ей двойственного союза, не могла помочь Германии выйти из этого трудного положения, и поэтому господство на море и первенство в колониальных предприятиях сохранились пока за Англией.

Континентальная Европа для развития своей культурной жизни, очевидно, нуждается в крупном участии во всемирной торговле, и потому будущее экономическое благополучие возможно только при условии общего политического соглашения европейских континентальных государств между собою, в тех видах, чтобы, уменьшив расходы по сухопутным вооружениям, обратить их на вооружения морские.

Из всех континентальных государств Россия одна не имеет надобности в таком перераспределении своих вооружен-

ных сил. Поэтому если бы двойственному союзу удалось войти в соглашение с тройственным об уменьшении количества войск вдоль сухопутных границ, то Россия, не заботясь об усилении флота, могла бы выполнить свое обязательство, переведя соответствующее количество войск с нашей западной границы на Дальний Восток.

Такое континентальное политическое соглашение представило бы следующие выгоды России и Германии.

Россия могла бы:

1) создать на Дальнем Востоке колониальную армию, не увеличивая имперских расходов на вооружения;

2) иметь все экономические выгоды от большей обеспеченности там наших интересов;

3) действовать на Востоке по соглашению с западными нашими соседями;

4) самостоятельно создать благодаря этому выгодные и серьезные соглашения с восточными народами.

Германия могла бы:

1) свести до минимума риск всех европейских политических недоразумений;

2) усилиться на море военным флотом, что дало бы ей возможность обеспечить свой торговый флот и сообщения с колониями;

3) избавиться от тревожной перспективы постоянного возрастания военного бюджета, что очень важно для соображения внутренней политики, в особенности ввиду социалистического движения;

4) обеспечить своей обрабатывающей промышленности сбыт товаров в настоящем и развитие его в будущем.

Россия и Германия, как главари двух союзов, имея почву для соглашения живых своих интересов, найдут в этой политической комбинации и все данные для привлечения к ней и своих союзников. Таким образом, задача, намеченная Гаагской конференцией, может осуществиться вполне реальным образом для целей культурного развития народов.

Насколько возможно представить себе успешный ход дипломатических в этом направлении переговоров, он может начаться только взаимным личным соглашением двух монархов, причем ввиду того, что здесь затрагиваются жгучие интересы Англии, сохранение полной тайны, в особенности в первом периоде переговоров, относительно конечной цели соглашения есть *sine qua non* успеха.

Статс-секретарь *Безобразов*.

20 июля 1903 г. С.-Петербург.

III

В истории всех наших имперских окраин замечается одна общая характерная черта: время их преуспеяния всегда совпадало с деятельностью на месте сановников, которых верховная власть «признавала за благо» облачать «исключительными полномочиями». Таким образом, достигнутые результаты являлись каждый раз последствием оправдывавшегося личного доверия монарха.

Порядок этот, правильный и по существу, как исходящий из основного положения нашего государственного строя, должен быть признан целесообразным и в настоящее время, так как:

1) он дает возможность назревшую в государственной жизни потребность удовлетворять быстро и в желательной полноте;

2) менее всего вызывает перемен в установившейся практике государственного управления и не нарушает хода текущих дел;

3) как основанный на личном доверии государя и на его непосредственном руководительстве делом, может во всякое время быть легко прекращен, видоизменен и вообще приспособлен к обстоятельствам, т.е. обладает большою гибкостью;

4) наконец, этот порядок дает вообще наибольшее сближение центра с окраиной, притом путем не бюрократическим, а непосредственным перенесением на место объединенной власти ведомств.

Трудности, с которыми мы встречаемся теперь на Дальнем Востоке, во многом напоминают бывшие у нас и на других окраинах и благополучно пережитые нами, благодаря значению наместников.

Аналогию эту можно свести к нижеследующим пунктам:

1) Отдаленность края от центра государственного правления служит естественной преградой для правильного и согласованного между собой управления, исходящего одновременно из разных ведомств. От этого получается децентрализация в центре, а на месте — разъединение власти при фактической безответственности как правящих, так и исполнительных органов.

2) В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников.

Для этого нам следует объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично привести его в исполнение.

Особенность нашего положения на Дальнем Востоке, а именно:

а) что главный наш противник есть морская держава (Япония); б) что два наших опорных пункта суть приморские крепости; в) что наши владения имеют значительную береговую полосу со слабой охраной; г) что военные операции наши на Дальнем Востоке будут иметь характер совместного действия флота с армией, причем умелое пользование флотом требует специальной подготовки, — все это заставляет желать, чтобы личность наместника стояла в служебном отношении близко к нашему флоту. Можно высказать то общее положение, что наши окраины до сих пор жили на счет центра. Желательно, чтобы в этом отношении Дальний Восток составил исключе-

ние, что возможно только при ясной постановке там нашей экономической задачи.

Формулировать эту задачу можно нижеследующим образом:

а) изыскать средства, чтобы край не только вернул государству произведенные им на его нужды затраты, но б) чтобы и в будущем он давал государственному казначейству постоянный доход; в) открыть русской частной предприимчивости поле деятельности.

Всех этих результатов возможно достигнуть только при умелом привлечении к делу иностранных капиталов. Привлечение иностранцев к кооперативному с нами на Дальнем Востоке труду, с условием, чтобы они в выгодах своих и в занимаемом положении не выходили из второстепенной роли, возможно только при правильной организации нашего положения на Дальнем Востоке и умелой постановке финансовых вопросов.

Для этих целей предполагается открыть деятельность: в центре — особого комитета, а при наместнике — отдельного совета.

23-го июля 1903 г. С.-Петербург.

Статс-секретарь А. Безобразов.

Выводы из всего положения.

По имеющимся сведениям, возможность нашего соглашения с Японией встречает в настоящее время следующие затруднения:

1) Англо-японский союз и участие англичан во всех японских дипломатических переговорах.

Естественно, что при этой обстановке англичанам очень удобно мешать всякому соглашению Японии с Россией, а антагонизм этих двух держав составляет основу английской политики на Дальнем Востоке.

2) Япония в настоящее время считает, что она фактически владеет южной Кореей и что северную часть этого полуострова ей также удастся со временем самостоятельно захватить.

При этом понятии у японцев трудно их убедить, что та уступка, которую мы имеем в виду им предложить в Корею, будет ценным для них приобретением и что из-за него они должны сойтись с нами на Дальнем Востоке.

Поэтому единственным выходом из настоящего положения считаю:

во 1-х: наше военно-политическое усиление на берегах Тихого океана, во 2-х: изолировку Японии от содействия остальных держав, кроме Англии, которая одна, как показало прошлое, фактически помогать Японии не будет, в 3-х: когда все эти мероприятия и комбинации удадутся и японцы поймут свое положение, созданное обманной политикой Англии, тогда можно будет рассчитывать на перемену понятий в Японии и на возможность с нею сговориться, но уже на более скромных для нее основаниях, нежели настоящие, нами предполагаемые уступки.

Статс-секретарь А. Безобразов.

23-го июля 1903 г. С.-Петербург.

Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевиича. Л., 1925, с. 154.

Протест, подписанный командирами английского, итальянского и французского судов и отправленный японскому адмиралу Уриу. Рейд Чемульпо, 9 февраля 1904 г.

Сэр,

Мы, нижеподписавшиеся, командующие тремя нейтральными военными судами: Англии, Франции и Италии, узнав из полученного от Вас письма от 8 февраля о предполагаемой Вами сегодня в 4 часа дня атаке русских военных судов, стоящих на рейде Чемульпо, имеем честь обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство: мы признаем, что так как на основании общепризнанных положений международного права порт

Чемульпо является нейтральным, то никакая нация не имеет права атаковать суда других наций, находящихся в этом порту, и держава, которая преступает этот закон, является вполне ответственной за всякий вред, причиненный жизни или собственности в этом порту. Поэтому настоящим письмом мы энергично протестуем против такого нарушения нейтралитета и будем рады слышать Ваше мнение по этому предмету.

Bayly, Captain of H.M.S. "Talbot".

Borea, "Elba".

Senes, "Pascal".

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911, с. 167–168.

Капитан 1-го ранга Руднев — Николаю II. Донесение 5(18) февраля 1904 г.

Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» выдержали сильный бой с эскадрой из 6 больших крейсеров и 8 миноносцев. Крейсер «Варяг», лишенный возможности продолжать бой, вернулся соединенно с «Корейцем» на рейд Чемульпо, где, свезя команды на иностранные крейсера, пустили свои ко дну, чтобы не дать японцам. На «Варяге» убиты: мичман граф Нирод и 33 матроса, контужен в голову командир, ранены: мичманы: Губонин тяжело, Лабода и Балк легко, 70 матросов тяжело, много легко. На «Корейце» потерь нет. Доношу о беззаветной храбрости и отменном исполнении долга офицеров и команд.

Русский инвалид. 1904. 7 февраля. № 29.

Рапорт командира крейсера 1-го ранга «Варяг» управляющему морским Министерством 5 марта 1905 г.

16 декабря 1903 года, вследствие предписания Начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Старка, крейсер

ушел из Порт-Артура и, произведя на пути стрельбу из орудий, на другой день прибыл в Чемульпо. По постановке на якорь обменялись салютами с береговой корейской батареей. На рейде крейсер застал: мореходную канонерскую лодку «Гиляк», английский крейсер II класса “Sirius”, японский крейсер III класса “Chiyoda” и северо-американскую лодку “Vicksburg”.

24 декабря крейсер вернулся в Порт-Артур, совершив тяжелый переход в мороз при сильном NW ветре. Весь бак и левый борт были покрыты сплошным льдом.

28 декабря, по получении экстренного приказа, крейсер снова ушел в Чемульпо, чтобы нести там обязанности старшего станционеру и состоять в распоряжении нашего посланника в Сеуле, действительного статского советника Павлова.

29 декабря крейсер пришел в Чемульпо и застал на рейде: крейсер II ранга «Боярин», мореходную канонерскую лодку «Гиляк», английские: крейсер I класса “Cressy” и крейсер II класса “Talbot”, итальянский крейсер “Elba”, японский крейсер III класса “Chiyoda” и северо-американскую лодку “Vicksburg”.

Командиры крейсера II ранга «Боярин» и канонерской лодки «Гиляк» доложили о спокойствии на берегу, об отправке десанта в числе 26 человек в Сеул на смену посланного ранее с лодки «Гиляк» и об отправке провианта в запасе для десанта при миссии.

С ближайшим поездом выехал в Сеул к посланнику, с которым было решено ограничить численность десанта до 56 человек, а остальных отправить на крейсер «Боярин» обратно в Порт-Артур. Десант был назначен из состава команды эскадренного броненосца «Севастополь», под командой лейтенанта Климова.

По возвращении на другой день из Сеула отправил крейсер II ранга «Боярин» с частью десанта в Порт-Артур.

1 января 1904 года отправил мореходную канонерскую лодку «Гиляк» в Порт-Артур с бумагами и депешами послан-

ника. В тот же день пришел французский крейсер II ранга “Pascal”.

2 января американцы отправили в Сеул десант из 63 солдат, прибывших на транспорте “Zephyr”. В тот же день был отправлен французский десант в составе 1 офицера и 39 матросов.

3 января пришел германский крейсер “Hansa”, под брейд-вымпелом.

Корея объявила нейтралитет в случае войны России с Японией.

Ушел английский крейсер “Cressy”.

5 января пришла мореходная канонерская лодка «Кореец».

6 января ушел немецкий крейсер “Hansa”.

7 января пришел из Тонкина французский крейсер “Amiral de Gueydon”, но при входе на рейд, взяв неверный курс, коснулся мели, почему 17 января ушел в Нагасаки в док.

21 января японский крейсер “Chiyoda”, стоявший в глубине рейда, вышел вперед и стал рядом с английским крейсером, еще более усилив тщательный надзор за рейдами.

Вследствие доходивших тревожных слухов, телеграфировал в Порт-Артур, спрашивая приказание о дальнейших действиях, но ответа не получил. От посланника в Сеуле получил телеграмму, в которой посланник выражает свое желание повидаться со мною и переговорить.

Ввиду усиленной подготовительной деятельности японцев в Корею, я просил д.с.с. Павлова, подняв его флаг на крейсере, идти в Порт-Артур совместно с «Корейцем», который поднял бы консульский флаг. Посланник не нашел возможным оставить свой пост без приказания Министерства.

Почти весь январь стояла суровая погода, лед в большом количестве покрывал рейд, прекращая по временам сообщение или затрудняя его.

25 января японский крейсер “Chiyoda” без огней ночью ушел в море.

За несколько дней до этого японцы обрезали проволоки корейского телеграфа, чем лишили европейцев всякого сно-

шения, причем русские телеграммы принимались, но не отправлялись. Телеграф же Ычжоу — Сеул был перерезан после отъезда из Ычжоу японского консульского агента с чинами японской полиции. Российский посланник д.с.с. Павлов, не получая с И января никаких известий, обратился ко мне с предложением послать лодку «Кореец» в Порт-Артур с бумагами, по получении коих, 26 января в 3½ час. дня лодка пошла по назначению, но дойти до Порт-Артура ей не было суждено.

Перед уходом «Корейца» было получено письмо от посланника:

«Вместе с сим посылаю казака с корреспонденцией для отправки на «Корейце». Желательно, чтобы «Кореец» снялся с якоря и отправился в путь тотчас по получении корреспонденции. Сегодня вечером из секретного источника получено известие о том, что японской эскадре из нескольких военных судов предписано отправиться к устью Ялу и что высадка японских войск в значительном количестве в Чемульпо назначена на 29 января. Телеграмм никаких ниоткуда не получено. Павлов».

По выходе с рейда, у острова Иодольми лодка «Кореец» встретила японскую эскадру, часть коей, в числе 3 крейсеров и 3 транспортов, вошла на рейд, а 4 миноносца, маневрируя около лодки, выпустили 3 мины, не причинившие однако лодке вреда; кроме того, большой крейсер повернул на пересечку пути лодки. Командир «Корейца» не открывал огня (сделано два нечаянных выстрела), не считая себя вправе начать стрелять в пределах нейтрального порта. «Кореец» вернулся и, по сигналу с вверенного мне крейсера, стал за его кормой.

Кроме упомянутых судов, японская эскадра, под начальством контрадмирала Уриу, ушла в шхеры, не входя на рейд, вследствие чего численность ее осталась для нас неизвестной. Об этом событии немедленно донес рапортом посланнику и одновременно сообщил консулу для телеграфирования д.с.с. Павлову.

Японские крейсера расположились у своих транспортов, а миноносцы против наших судов. Транспорты немедленно начали выгрузку людей и вещей, один же из них ночью с полною водою вошел в гавань, которая освещалась с берега кострами. Высажено было около 3000 человек, расположившихся в Сеуле и Чемульпо, не встретив никакого сопротивления со стороны корейцев.

Сделав распоряжение о приготовлении к отражению минной атаки (без огласки), я поехал к английскому командиру для выяснения дальнейших действий и мер безопасной стоянки на рейде, причем предложил ему, как старшему, съездить на старшее японское судно, чтобы заставить командира его поручиться за свои суда в смысле непринятия каких-либо враждебных действий на рейде. Командир "Talbot" немедленно уехал и по возвращении на «Варяг» сообщил свой разговор: «Я приехал, как старший из командиров судов, стоящих на рейде, к вам, как старшему из японских командиров, предупредить:

1) Мы стоим на рейде нации, объявившей нейтралитет, следовательно рейд безусловно нейтральный и никто не имеет права ни стрелять, ни пускать мины в кого бы то ни было. Я вам объявляю, что в то судно, которое это сделает, все равно какой нации, я первый начну стрелять. (Японец был крайне удивлен, даже спросил: «Как, вы будете в нас стрелять? — Да, я буду, так как совершенно готов открыть огонь».)

2) Вы должны сделать распоряжение по своему отряду и сделать сказанное известным. (Японец согласился, но спросил: «А вдруг русские начнут стрелять?» Английский командир повторил о своем обязательстве взять на себя ответственность за суда интернациональной эскадры.)

3) Вы должны допускать все шлюпки свободно к берегу, где не должно быть никаких препятствий к высадке.

4) Вы можете высаживать войска, так как это дело ваше и до нас не касается.

5) В случае недоразумения с какой-либо нацией, прошу вас приехать ко мне на судно, я приглашу командира той нации и сам буду разбирать дело».

В заключение, на вопрос командира по поводу стрельбы минами в «Кореец», японец ответил, что не знает о случае, что это недоразумение и, вероятно, даже ничего не было.

Ночь прошла спокойно, хотя на всех судах люди спали у орудий.

На другой день, 27 января, утром в 7 час. 30 минут командиры иностранных судов: английского — “Talbot”, французского — “Pascal”, итальянского — “Elba” и американского — “Vicksburg” получили извещение с указанием времени сдачи уведомления от японского адмирала о начале враждебных действий между Россией и Японией и что адмирал предложил русским судам уйти с рейда до 12 час. дня, в противном случае они будут атакованы эскадрой на рейде после 4 час. того же дня, причем предложено иностранным судам уйти с рейда на это время, для их безопасности.

Эти сведения были мне доставлены командиром “Pascal” и вслед за ним подтверждены командиром “Elba”, с которым я поехал на “Talbot” для разъяснения. Во время заседания на “Talbot” мною было получено письмо (в 9 час. 30 мин. утра) через русского консула от японского адмирала, извещающего о начале враждебных действий между правительствами России и Японии. Контр-адмирал Уриу предлагал мне уйти с вверенными мне судами с рейда до 12 час. дня и в случае отказа обещал атаковать на рейде.

В заседании командиров были разобраны различные комбинации, затем, в секретном от меня совещании, решили: если я останусь на рейде — они уйдут, оставив меня с «Корейцем» и пароходом «Сунгари». Вместе с сим решили послать адмиралу протест против производства нападений на рейде. На запрос командиров о моем мнении я ответил, что сделаю попытку прорваться и приму бой с эскадрой, как бы она велика ни была, но сдаваться никогда не буду, также и сражаться на нейтральном рейде.

Вернувшись на крейсер, я собрал офицеров, объявил им о начале военных действий и каждому дал соответствующую инструкцию. Офицеры единодушно приняли решение: в слу-

чае неудачи прорыва — взорваться и ни в каком случае не отдавать крейсер в руки неприятеля. Впоследствии приготовили в минном погребе запальный патрон со шнуром Бикфорда. Производство взрыва я поручил ревизору мичману Черниловскому-Сокол. Решение идти на прорыв и принять бой вне рейда считал удобнее на следующих основаниях:

1) узкий рейд не давал возможности маневрировать;

2) исполняя требование адмирала, имелась слабая надежда на то, что японцы выпустят из шхер и дадут сражение в море; последнее было предпочтительнее, так как в шхерах приходится идти определенными курсами и, следовательно, нельзя использовать все средства защиты и нападения;

3) уничтожение крейсера на рейде, без попытки прорваться и принятия боя, совершенно не могло иметь места; предполагая возможную гибель крейсера так или иначе, конечно, надо было нанести неприятелю возможно больший вред, не щадя своей жизни.

По окончании обеда команды ее вызвали наверх; в кратких словах, объявив о начале войны, разъяснил обязанности каждого, особенно комендоров.

Обратился приблизительно в таких словах: «Сегодня получил письмо японского адмирала о начале военных действий и предложение оставить рейд до полдня. Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть; мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя, сражаясь до последней возможности и капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушите его без огласки, давая мне знать. Помолитесь Богу перед походом и с твердой уверенностью на милосердие Божие пойдем смело в бой за Веру, Царя и Отечество. Ура».

Музыка сыграла гимн.

Слова мои были встречены взрывом горячего энтузиазма.

В 11 ч. 20 м. крейсер снялся с якоря, имея в кильватере лодку «Кореец», и с музыкой двинулся вперед. На иностранных судах построились во фронт команды, караулы и офицеры, итальянцы играли русский гимн, и при нашем проходе все кричали «ура».

Японская эскадра, в числе 6 крейсеров: “Asama”, “Naniva”, “Takashiho”, “Chiyoda”, “Akashi”, “Niitaka” и 8 миноносцев, под общей командой контрадмирала Уриу, расположилась в строе пеленга от о-ва Риши к северному проходу, прикрывая оба выхода к морю. Миноносцы держались около своих судов.

Сведения о числе и названии судов были получены после боя с английского крейсера. Адмирал сигналом предложил сдаться, но ответа не получил, что японцы приняли за пренебрежение к ним.

В 11 ч. 45 м. с крейсера “Asama” грянул первый выстрел из 8 д. орудия, вслед за которым вся эскадра открыла огонь.

Произведя пристрелку при выходе с рейда, открыл огонь по “Asama” с расстояния 45 кабельтовых.

Один из первых снарядов японцев попал в крейсер, разрушил верхний мостик, произведя пожар в штурманской рубке, и перебил фок-ванты; при этом был убит младший штурман, определявший расстояние дальномером — мичман граф Нирод, и все дальномерщики станции № 1 убиты или ранены (по окончании боя нашли руку графа Алексея Нирода с дальномером; ребро и внутренности упали на орудие II). После этого выстрела снаряды начали попадать в крейсер чаще, причем недолетавшие снаряды разрывались при ударе о воду, осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки.

В данном случае выказалось преимущество железных шлюпок — они пробивались, но не давали осколков и не загорались.

Последующими выстрелами было подбито 6 д. орудие III; вся прислуга орудия и подачи убита или ранена и одновременно тяжело ранен плутонговый командир — мичман Губонин, продолжавший командование плутонгами и отказавшийся идти на перевязку, пока, обессилев, не упал.

Непрерывно следовавшими снарядами был произведен пожар на шканцах, который потушили стараниями ревизора мичмана Черниловского-Сокол; на нем одежда была разодрана осколками. Пожар был серьезен, так как горели патроны с бездымным порохом, палуба и вельбот № 1 (деревянный). Возгорание произошло от снаряда, разорвавшегося на палубе, причем подбиты: 6 д. орудия — VIII, IX; 75 м/м — № 21; 47 м/м — №№ 27, 28.

Другими снарядами почти снесен боевой грот-марс, уничтожена дальномерная станция № 2, подбиты орудия №№ 31, 32, а также произведен пожар в рундуках броневой палубы, вскоре потушенный. При проходе траверза о-ва Иодольми один снаряд перебил трубу, в которой проходят все рулевые приводы, и одновременно с этим осколками другого снаряда (разорвавшегося у фок-мачты), влетевшими в проход у боевой рубки, был контужен в голову командир крейсера, убиты наповал трое из прислуги пушки Барановского, квартирмейстер для передачи приказаний и стоявшие около командира по обеим сторонам штаб-горнист и барабанщик; ранен в спину тут же стоявший рулевой старшина Снигирев (не заявивший о ране до конца боя, оставаясь при исполнении своей обязанности; рана оказалась впоследствии средней тяжести). Одновременно ранен в руку ординарец командира квартирмейстер Чибисов (отказался идти на перевязку, говоря, что, пока жив, не покинет ни на минуту своего командира).

Управление крейсером было немедленно переведено на ручной штурвал в румпельное отделение, так как паровая труба к рулевой машинке также была перебита. При громе выстрелов приказания в румпельное отделение были плохо слышны, приходилось управляться машинами, и крейсер плохо слушался, будучи, кроме того, на сильном течении.

В 12 час. 15 м., желая выйти на время из сферы огня для управления по возможности рулевого привода и тушения возникавших в разных местах пожаров, — стали разворачиваться машинами и, так как крейсер плохо слушался руля и ввиду близости острова Иодольми, дали задний ход (крейсер поставило

в невыгодное положение относительно острова в то время, когда был перебит рулевой привод при установленном лево руля).

Расстояние до неприятеля уменьшилось, огонь его усилился и попадание увеличилось; приблизительно в это время снаряд большого калибра пробил левый борт под водою, в огромное отверстие хлынула вода и третья кочегарка стала быстро наполняться водой, уровень которой подходил к топкам. Кочегарные квартирмейстеры — Жигарев и Журавлев задраили угольные ямы, которые наполнились водой.

Подвели пластырь, вода все время выкачивалась, уровень стал понижаться, но тем не менее крейсер продолжал крепиться на левый борт.

Снарядом, прошедшим через офицерские каюты, которые были разрушены, пробита палуба и зажжена мука в провизионном отделении над броневой палубой.

Вслед за этим пробиты коечные сетки на шкафуте над лазаретом, причем осколки попали в лазарет, а койки в сетках загорелись; пожар был быстро потушен. Серьезные повреждения заставили выйти из сферы огня на более продолжительное время, почему и пошли на рейд, продолжая отстреливаться левым бортом и кормовыми орудиями.

В течение сражения одним из выстрелов 6" орудия XII был разрушен кормовой мостик крейсера "Asama" и произведен на нем пожар, причем "Asama" временно прекратил огонь. Кормовая башня его, по-видимому, повреждена и до конца боя более не действовала.

Один из неприятельских миноносцев утонул на глазах у всех. Впоследствии выяснилось, что крейсер "Takashiho" получил столь серьезные повреждения, что затонул по дороге в Сасебо, имея 200 раненых, взятых после боя с эскадры для доставки в госпиталь. Крейсера "Asama" и "Naniva" ушли в док для исправлений.

Также японцы свезли в бухту А-сан 30 убитых во время боя. (Сведения эти получены от наблюдавших иностранных офицеров, наших миссий в Японии и Сеуле, из японских и английских источников.)

При подходе крейсера к якорному месту и когда огонь японцев мог быть опасен для иностранных судов, они его прекратили и преследовавшие нас крейсера вернулись к эскадре за остров Иодольми.

Расстояние настолько увеличилось, что продолжать огонь нам было бесполезно, почему прекратили его в 12 час. 45 мин.

В начале 2-го часа, став на якорь на прежнем месте, приступили к осмотру и исправлению повреждений, подвели второй пластырь и развели оставшуюся команду по орудиям, в ожидании возможного нападения неприятельской эскадры в 4 часа на рейде.

По осмотре крейсера, кроме перечисленных выше повреждений, оказались еще следующие:

- 1) все 47 м/м орудия негодны к стрельбе;
- 2) еще пять орудий 6 дюймовых получили различные серьезные повреждения;
- 3) семь 75 м/м орудий повреждены в накатниках и компрессорах;
- 4) разрушено верхнее колено третьей дымовой трубы;
- 5) обращены в решето все вентиляторы и шлюпки;
- 6) верхняя палуба пробита во многих местах и сожжена;
- 7) разрушено командирское помещение;
- 8) поврежден фор-марс;
- 9) найдено еще четыре подводных пробоины, а также много других повреждений.

Машины сохранились, благодаря броневым крышкам, также и шахты подачи, хотя прислуга, стоявшая около них, вся пострадала.

В течение часового боя выпущено снарядов:

6 дюймовых	425
75 м/м	470
47 м/м	210
Итого	1105

С момента выхода с рейда мореходная канонерская лодка «Кореец» держалась соединенно, но ее выстрелы вначале

не могли быть действительны, вследствие недолета снарядов, и потому стрельба была прекращена. При сближении с эскадрой пушки лодки действовали исправно. «Кореец» не получил никаких повреждений и не имел никакой потери в людях — очевидно, все внимание японцев было обращено на «Варяг», по уничтожении коего предполагали быстро покончить с лодкой.

Подробности действий лодки изложены в рапорте командира.

Иностранные суда, несмотря на готовность к уходу с рейда, прислали немедленно шлюпки под флагом Красного Креста с врачами и санитарями для перевязки раненых.

Действие японских снарядов с лидитом, кроме большого разрушения судна, производит большой урон в личном составе; от дробления снарядов на мелкие куски получались ужасные раны и часто в большом количестве. Некоторые люди были покрыты сплошь впившимися мелкими кусками, доставать которые представлялось трудным и занимало много времени.

Оказалось убитых:

Мичман граф Алексей Нирод
и 30 нижних чинов.

Раненых:

Тяжело в ногу — мичман Губонин.

Легко — Лобода.

« — Балк.

Нижних чинов, более или менее серьезно, — 85.

Легко, не заявивших после боя, — более 100 человек.

Контужен и ранен в голову — командир крейсера.

Убедившись после осмотра крейсера в полной невозможности вновь вступить в бой и не желая дать неприятелю возможность одержать победу над полуразрушенным крейсером, я отправился на крейсер “Talbot”, где заявил о намерении уничтожить крейсер, за полной его непригодностью, и получил согласие на перевоз команды. По возвращении на крейсер сообщил собранию офицеров, которые единогласно

признали этот выход единственным. После чего приступили к перевозке раненых на присланных с иностранных судов шлюпках при офицерах, за невозможностью пользоваться своими шлюпками.

Командир французского крейсера “Pascal” капитан 2-го ранга Victor Senes прибыл на «Варяг» и лично содействовал перевозке раненых и команды. Когда команда покинула крейсер, старший и трюмный механики с хозяевами отсеков открыли клапана и кингстоны и отвалили с крейсера. Пришлось остановиться на потоплении, вследствие заявления иностранных командиров не взрывать судна, чтобы не подвергнуть опасности на узком рейде их корабли, а также уже потому, что крейсер все более и более погружался в воду.

Командир со старшим боцманом, удостоверившись еще раз в отсутствии людей на судне, последним покинул крейсер в 3 часа 50 минут, сев на французский катер, который ожидал его у трапа вместе с командиром крейсера “Pascal”.

«Варяг» постепенно наполнялся водой и, продолжая крениться на левый борт, в 6 часов 10 минут погрузился в воду.

После 4 часов сообщения с крейсером не было, вследствие настояния командиров, ожидавших входа японской эскадры на рейд. Командир мореходной канонерской лодки «Кореец», получив от меня извещение о предполагаемом затоплении крейсера, ввиду безысходного положения, по общему решению, взорвал лодку.

Капитан парохода «Сунгари», испросив мое разрешение, и по соглашению с агентами пароходства, сжег свой пароход.

Команда распределилась так:

На крейсере “Pascal”:

- 1) часть команды «Варяга» с большею частью тяжелораненых;
- 2) вся команда «Корейца»;
- 3) впоследствии охрана миссии, состоявшая из команды броненосца «Севастополь», фельдшера с «Полтавы», 11 казаков и 2 стрелков.

На крейсере “Elba”:

- 1) часть команды крейсера «Варяг»;
- 2) тяжело раненный мичман Губонин.

На крейсере “Talbot”:

- 1) часть команды «Варяга»;
- 2) команда парохода «Сунгари».

Американский авизо “Vicksburg”, хотя прислал своего врача для перевязки, но принять людей для спасения от кораблекрушения отказался за неимением подлежащего разрешения. Услуги врача были отклонены. Командир не был на заседаниях и отказался подписать протест. Впоследствии командиры судов получили от своих посланников полное одобрение и благодарность за их действия.

Ввиду того, что перевозка раненых заняла очень много времени при участии всего личного состава, с перевозкой остальной команды пришлось слишком спешить, вследствие требования командиров окончить погрузку до 4 часов дня. Были взяты судовые документы и командой малые чемоданы. Офицеры же, занятые отправкой раненых и исполнением своих обязанностей, не успели захватить решительно никаких вещей. Как я, так и офицеры, потеряли решительно все имущество.

С начала сражения — до вступления на чужие суда — офицеры и команда выказали стойкость, беззаветную храбрость и безупречное исполнение долга.

Подписал: Капитан 1-го ранга *Руднев*.

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911, с. 162–175.

А. Н. Куропаткин — Е. И. Алексею. Отношение. С.-Петербург, 27 января (9 февраля) 1904 г.

Полагаю, что японцы могут сделать отчаянную попытку после боя с нашим флотом высадить на Квантуне, особенно в Дальнем, четыре-шесть дивизий. Уход 3-й стрелковой бри-

гады ослабил наше положение в Квантуне. Простите за выражаемое мнение, что нам следовало бы прежде всего возможно быстро перевезти в Квантун батальоны 9-й стрелковой бригады, первоначально только с готовым обозом. Генерал-адъютант Куропаткин.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 20.*

**Е. И. Алексеев — Николаю II. Донесение.
Порт-Артур, 28 января (10 февраля) 1904 г.**

Всеподданнейше доношу, что ввиду полного отсутствия сведений из Кореи, вследствие перерыва сообщения, а также открытия военных действий можно считать вне всякого сомнения, что происходит высадка японских войск в Корею, что фактически нарушает нейтралитет этого государства. Считаю совершенно необходимым выдвинуть для разведки конные части как можно далее на левый берег Ялу, а также произвести разведку в Северной Корее, на правом берегу Тумень-Улы.

Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего на приведение означенных мер в исполнение. Генерал-адъютант *Алексеев*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 20.*

**Ген. Флуг — ген. Попову. Донесение.
Порт-Артур, 2(15) февраля 1904 г.**

Доношу, по иностранным известиям, из Сеула 100 тысяч японцев направляются к Ялу. После часового боя у Чемульпо «Варяг» сгорел и затонул, «Кореец» взорвался, команда спасена шлюпками с иностранных судов. Руководство сухопутными операциями японской армии вручено Кодама. В Порт-

Артуре перемен нет. Слухи из Цинвандао объясняются появлением японских судов на рейде, вероятно от шторма. Пока там спокойно. Начатая уже нашими агентами разведка Кореи прервана объявлением войны и теперь агентов нет. К Фынхуанчену направляется 3-я бригада; конная бригада с казачьей батареей под начальством Мищенко выдвигается на левый берег Ялу для связи с 3-й бригадой. В тылу ее будет расположена конно-охотничья команда 15-го полка. Побережье Бицзыво — Дагушань охраняется Верхнеудинским полком. На правый берег Ляохэ высылается разведка конными частями пограничной стражи. Сосредоточение пока идет по предположенному плану.

Генерал-майор Флуг.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 21.*

Приказ № 8 Маньчжурской армии. Ляоян, 10(23) февраля 1904 г.

Наместник на Дальнем Востоке приказал: считать границей района наших действий в Маньчжурии границу между Монголией и Маньчжурией до р. Лух, далее на Синьмыньтин и от него по железной дороге на Гоубаньцзы к Инкоу.

Изложенное объявляю к руководству.

Командующий войсками армии генерал-лейтенант *Линевич*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 25.*

Ген. Куропаткин — ген. Алексею. Отношение. С.-Петербург, 12(25) февраля 1904 г.

Важнейшими задачами на Маньчжурском театре действий представляются: 1) усиление обороноспособности Порт-Артура, ибо можно, по моему мнению, ожидать осады

и штурма четырьмя-пятью дивизиями, и 2) принятие энергичных мер, дабы наше вынужденное разбросанное расположение между рр. Ялу и Ляохэ не привело к поражениям наших войск по частям. Вам на месте виднее. Простите откровенное высказывание мыслей.

Генерал-адъютант *Куропаткин*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 25.*

Ген. Алексеев — ген. Линевичу. Предписание. Мукден, 12(25) февраля 1904 г.

В дополнение № 253 предлагаю вашему превосходительству:

Ввиду заявления Китая соблюдать строгий нейтралитет, необходимо подтвердить, чтобы наши войска не переходили железную дорогу Инкоу — Гоубаньцзы — Синьмыньтин.

Энергично продолжать конную разведку в Корее.

Направить в возможно непродолжительном времени к реке Ялу 10-й Вост.-Сиб. стрелковый полк и 1-ю батарею Вост.-Сиб. стрелкового-артиллерийского дивизиона, а также части, прибывающие в район сосредоточения в намеченные для сего пункты, причем из означенных частей оставить временно, впредь до выяснения обстановки, одну бригаду в Фынхуанчене на случай возможной угрозы противника нашему правому флангу, путем высадки на побережье Корейского залива.

Принять меры к преграждению доступа в Инкоу с моря, сильно занять имеющимися уже в районе сосредоточения войсками побережье Ляодунского залива на участке Инкоу — Гайчжоу — Сюнечен, с резервом в Хайчене.

Остальные войска, прибывающие с севера, сосредоточивать в Ляояне и Хайчене.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 25.*

Ген. Викт. Викт. Сахаров — ген. Алексею.
Предписание. С.-Петербург, 15(28) февраля 1904 г.

Государь император 14 февраля повелел сообщить вам согласно статье 25-й «Положения о полевом управлении» следующие высочайшие указания:

Открытие военных действий японцами застигло наши войска, предназначенные для борьбы с ними, немобилизованными и расположенными в пунктах квартирования на обширном пространстве Приамурского округа и Маньчжурии. При данной обстановке главнейшие усилия наши первоначально должны быть обращены на обеспечение сосредоточения войск, как находящихся в пределах наместничества, так и направляемых из Европейской России. В силу этого первою целью наших действий в первый период войны является удержание в своей власти Восточной Китайской железной дороги, служащей единственным путем подвоза подкреплений и запасов, и особенно Харбина, с потерей которого прерывается связь империи с Приамурским округом и войсками, обороняющими Приморскую область.

При открытии японцами наступательных действий удержание неприятеля на возможно большем удалении от линии железной дороги наиболее полно отвечает поставленной цели. Но до сосредоточения сил, достаточных для перехода к решительным операциям, войска, вверяемые вам, должны действовать осмотрительно, дабы не подвергнуться преждевременному поражению по частям, не упуская, однако, благоприятных случаев к ослаблению всеми мерами неприятеля.

Назначение достаточных, по условиям обстановки, сил для обороны Артура представляет вторую по важности задачу. С удержанием в наших руках этой крепости связаны судьбы находящейся здесь эскадры.

В пределах Приморской области надлежит иметь силы, необходимые для обороны Владивостока, охраны побережья и путей от него в глубь территории против возможных покушений японцев. По сосредоточении достаточных сил

на Маньчжурском театре надлежит перейти к решительным действиям, стремясь нанести противнику серьезное поражение и по возможности отрезать его от сообщений с его боевыми и транспортными судами.

Генерал-адъютант *Сахаров*.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 27–28.

**Ген. Линевч — ген. Кашталинскому.
Предписание. Ляоян, 15(28) февраля 1904 г.**

Прошу вас нарочным отправить генералу Мищенко следующую мою телеграмму: отряд на Ялу имеет только лишь демонстративный характер. Расположения его будут всегда на правом берегу, причем один полк будет находиться в Саходзе и другой в Гулуцзы. Вся кавалерия до вскрытия реки должна находиться в Ычжю, а после вскрытия переходит на правый берег Ялу к пехоте и располагается против Ычжю, имея наблюдение за правым и за левым флангами, а равно разъездами, и по направлению на восток для наблюдения за всеми северными дорогами. Свои разъезды конница отправляет по дорогам в направлении на Пеньян и на Гензан исключительно для наблюдения за движением противника. При появлении же противника перед Ялу в значительных силах пехоте предписываю вовсе не вступать с противником в бой, а немедленно отступать сначала к Фынхуанчену, а вслед за сим без задержания — к армии, к Ляояну. Коннице, как идущей быстро, разрешаю задержаться на Ялу, но без артиллерии, и затем тоже не вступать в бой, отходить по многим дорогам назад на Ляоян, задерживаясь на перевалах, не вступая в серьезный бой. Таким образом, авангард на Ялу в наступление через Ялу не должен переходить, а только лишь обязан демонстративно держаться на правом берегу Ялу и при появлении противника обязан, не вступая в бой, присоединиться к армии, с той целью, чтобы отнюдь без надобности не под-

ставлять свои части под удары. В настоящее время наша главнейшая обязанность — удержать Артур. Ввиду сего предписываю генералу Мищенко: со всем своим конным отрядом без промедления возвратиться в Ычжю и затем переходить на правый берег Ялу, оставив на левом берегу одни разъезды.

Линевич.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 28–29.

Ген. Алексеев — ген. Куропаткину. Отношение. 16(29) февраля 1904 г.

По поводу соображений вашего высокопревосходительства считаю необходимым высказать следующее. Удержание Артура действительно имеет для нас первостепенное значение, но усиление его гарнизона за счет полевых войск, сосредоточиваемых в Южной Маньчжурии, по моему мнению, представляет также серьезную опасность и должно иметь предел. Было время, когда считалось возможным десятью батальонами пехоты оборонять Артур вместе с Цзиньчжоуской позицией; совещание 24 июня 1903 года признало, что для этого достаточно 19 батальонов; ныне, несмотря на приведение крепости в большую готовность к обороне, ваше высокопревосходительство считаете необходимым пехотный гарнизон довести до 22 батальонов. Между тем до сих пор еще ничто не указывает вполне определенно, что Артур должен стать теперь же объектом неприятельских действий.

Флот наш хотя и ослаблен, но далеко не уничтожен, и одно присутствие его в Артуре является серьезной угрозой по отношению к попыткам противника произвести высадку на берегах Ляодунского полуострова; если бы даже наша эскадра была приведена в невозможность оказать противодействие десанту и последний состоялся, то он представил бы для нас непосредственную опасность только при производстве его в районе Инкоу — Гайчжоу — Сеньючен.

Ввиду данных вами генералу Линевичу указаний, им сделано распоряжение о возвращении отряда генерала Мищенко к Ялу и о приостановке дальнейшего отправления войск на Ялу. Не желая вновь колебать решения и.д. командующего армией, я не считал возможным отменить сделанные им распоряжения, указав лишь отправить 10-й полк с батареей на присоединение к своей бригаде в Фынхуанчен, а 15-й полк имею в виду отправить на Квантун с заменой обоим двумя полками 9-й бригады из Мукдена и Ляояна. Но вместе с тем я считаю невозможным отказаться от обороны участка побережья Инкоу — Гайчжоу — Сеньючен, потеря которого должна повести к немедленному и спешному отступлению из Южной Маньчжурии, совершенно не совместимому с обаянием нашего имени на Дальнем Востоке. В таком случае было бы лучше прямо отнести дальнейшее сосредоточение к Телину, куда и отвести все войска из ныне занятого района Южной Маньчжурии. В заключение позволяю себе высказать, что признаю весьма важным скорое прибытие вашего высокопревосходительства к армии.

Генерал-адъютант *Алексеев*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 29.*

Ген. Кашталинский — ген. Линевичу. Донесение. 18 февраля (2 марта) 1904 г.

Генерал Мищенко из Ченчжоу от 16 февраля просит телеграфировать: Прочтя № 228, осмеливаюсь по долгу службы доложить: оставление японцам возможности беспрепятственно [перейти] через Ялу и беспрепятственно же двигаться на линию железной дороги отдаст все шансы в их руки; они явятся к железной дороге одушевленные, без потерь и усталости, в кратчайший срок, в превосходных силах и будут хозяевами положения. По сему докладываю о совершенной необходимости встретить их на Ялу тремя бригадами, с артиллерией, кон-

ницей, упорным боем задержать их на переправе, затем замучить боем же на каждом перевале, заставив их за каждый успех платить тысячными потерями. Тогда они дойдут до Ляояна не ранее двух месяцев и встретят там нашу свежую пятидесятитысячную армию. Как можно отдавать грозные позиции Ялу и проходов горных к Ляояну, Мукдену, Хайчену без боя, где один батальон может остановить дивизию. Артур теперь же может быть усилен 2-й стрелковой и Сибирской резервной бригадами, и 30 тысяч достаточно для защиты Артура и Квантуна от двойных сил противника. Необходимо, чтобы Нерчинский полк с первой стрелковой бригадой наблюдал и защищал переправы у Пектона и Чхосана на Ялу; 3-я же и 9-я бригады с моим отрядом — от Чхосана до Саходзы. Докладывая об изложенном, [сообщаю], что все приказания вашего превосходительства относительно отхода в Ычжю и на дальнейшие действия будут в точности исполнены, если не последует новых распоряжений. Постараюсь, возможно ранее, дать знать о противнике. Все меры осторожности будут соблюдены. *Мищенко.*

Донося вашему превосходительству об изложенном, с своей стороны, вполне присоединяюсь к мнению генерала Мищенко, тем более что об этом я имел честь лично доложить по возвращении из поездки на Ялу наместнику.

Генерал *Капиталинский.*

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 30.*

Ген. Алексеев — ген. Викт. Викт. Сахарову. Отношение. 27 февраля (11 марта) 1904 г.

Во исполнение высочайших указаний, переданных в телеграмме вашего превосходительства от 15 февраля № 1043, в настоящее время отчасти осуществлены, отчасти приводятся в исполнение следующие мероприятия:

1) Непосредственная охрана линии Китайской Восточной железной дороги усилена настолько, насколько позволяют

имеющиеся средства и наличный состав чинов Заамурского округа пограничной стражи, причем для обороны наиболее важных сооружений установлены позиционные орудия. Если условия охраны дороги потребуют усиления пограничной стражи, то будут привлечены к этому делу формируемые в полосе отчуждения вольные дружины.

2) Предложено составить проект укрепления Харбина, имея в виду гарнизон около 30 батальонов и назначение коменданта с правами коменданта крепости третьего класса, с соответствующими управлениями для приведения в исполнение проекта укреплений.

3) Для удержания противника вдали от линии дороги направлен в Корею конный отряд генерала Мищенко и выставлен на Ялу и в Фынхуанчене Восточный авангард в составе одной стрелковой бригады. Эти части, не вступая в упорный бой, одним своим присутствием заставят неприятеля быть осторожным и потерять время на сосредоточение достаточных сил.

4) При движении противника от Ялу в глубь Маньчжурии предположено широкое развитие партизанских действий на его сообщениях. Отходящие же от Ялу наши части при благоприятных обстоятельствах могут оказать более упорное сопротивление на перевалах Фэншуйлинского хребта, особенно при условии заблаговременного укрепления их.

5) Для того, чтобы обеспечить наше выдвинутое положение на Ялу, приняты меры к сильному занятию района Инкоу — Гайчжоу — Хайчен, дабы не допустить высадки противника в Ляодунском заливе. Инкоуский форт вооружается крепостными орудиями, высланными из Артура.

6) Район правого берега Ляохэ наблюдается отрядом пограничной стражи.

7) Гарнизон укрепленного района Артур — Цзиньчжоу усилен одним полком пехоты...

Генерал-адъютант *Алексеев*.

Разведывательная сводка штаба Маньчжурской армии. 14(27) марта 1904 г.

Сведения о силах и расположении японских войск в Корее

С 9 февраля появились слухи, что корейцы получили приказание оказывать нам сопротивление. Впоследствии слухи эти не подтвердились; наши разъезды свободно перешли границу и двинулись без сопротивления со стороны корейцев к Пеньяну. Но, благодаря присутствию японцев в Корее, в общем, как видно из всех донесений, отношение к нам жителей недоброжелательное, и при встрече с нашими разъездами и отрядами корейские власти бегут. Начиная с 11 по 16 февраля упорно циркулировали слухи о движении японцев к Пеньяну, причем указывалось, что, кроме Пеньяна, японские войска сосредоточиваются в Гензане (около 5 тысяч), в Сеуле (около 10 тысяч), в Чемульпо (около 5 тысяч). Впоследствии, по слухам, указанные цифры сильно увеличились, причем некоторыми донесениями указывалось, что японцы ставят себе задачей занять Южную Корею, после чего они вряд ли предпримут дальнейшее наступление в Маньчжурию.

В общем до 16 февраля все донесения о силах и передвижении японцев и о занятии ими Пеньяна носят характер слухов, проверить которые, за отсутствием соприкосновений с противником, не было возможности. Достоверно было только, что севернее Пеньяна японцев нет и что они если и двигаются, то с большой осторожностью.

16 февраля наши разъезды вошли в соприкосновение с японцами в 1½ верстах от Пеньяна, причем было обнаружено, что Пеньян занят пехотой, к которой придана небольшая часть кавалерии. Перед городом, кроме старых окопов, спешно возводили новые. Недостаток энергии со стороны японцев при стычке наших разъездов с японцами показал, что кавалерии в Пеньяне очень мало, но точно установить число войск, состав их и принадлежность к частям в этом первом столкновении не удалось.

Во всяком случае это первое столкновение с противником точно установило, что к 16 февраля японцы далее Пеньяна не продвинулись и что Пеньян был занят сравнительно незначительным гарнизоном. В это же время получено было известие, что 13 февраля японцы высадили в Чемульпо 30 тысяч человек и 34 орудия.

Со стороны Южно-Уссурийского отряда получено было известие от 16 февраля, что 6 февраля три партии японцев, по 800 человек каждая, высадились ночью в Шенгджине и тотчас двинулись в Маошань (Мусан); при них было 50 лошадей, артиллерии же не было. Последующие донесения не подтвердили этого известия, но сообщали, что в Северной Корее много японских шпионов, что телеграф в Кенгшенге захвачен японцами и что в этом же городе идет заготовка риса. Наконец, 23 февраля от пограничного комиссара Смирнова получено донесение, что 1) в Кенгшенге высадилось 500 человек японцев, встреченных весьма дружелюбно корейцами, которые доставляют им продовольствие; 2) из Шенгджина в Кенгшенг идет отряд японцев в 2 тысячи человек и 3) от Гензана к северу крейсируют японские военные суда, прикрывая пароходы, доставляющие припасы войскам.

Вследствие этих сведений был выслан из Новокиевского на разведку в Северную Корею есаул Левицкий, который донесением от 27 февраля опроверг все слухи. До Кенгшенга японцев не обнаружено; корейские власти всюду встречали русских весьма любезно; высадки на всем побережье от Шенгджина произведено не было, а по донесению прибывшего лазутчика в Шенгджине 17 февраля был всего один японский офицер на телеграфе, а в Гензана было очень мало японцев.

Что касается конного отряда генерала Мищенко, то, вследствие отхода его от Пеньяна назад, к р. Ялу, достигнутое соприкосновение с противником было вновь потеряно, и лишь к 24 февраля передовые японские части были обнаружены уже на линии р. Чинчангана, которая была занята по левому берегу японскими сторожевыми постами. Одновременно с этими разведками было подтверждено сведение, что возле

Пеньяна действительно производятся земляные работы по укреплению города и на Чинчангане и р. Пакчене заготавливаются материалы для мостовых работ.

С 24 февраля и по настоящее время разведка отряда генерал-майора Мищенко обнаружила, что, кроме Пеньяна, занят город Анчжю гарнизоном около 10 тысяч с артиллерией и начаты работы по укреплению города. Вместе с тем были получены сведения, относящиеся приблизительно к 17 февраля, о расположении японских войск: в Хайчжю более 10 тысяч, в Сеуле около 80 тысяч, в Гензане 6 тысяч и в Пеньяне 7 тысяч, Шунан занят кавалерией, в Чемульпо стоит около 30 больших и малых японских судов.

Ввиду нерешительных действий японской кавалерии генерал Мищенко неоднократно высказывал предположения, что ее мало.

По последним известиям, от 6 марта, генерал Мищенко считает достоверным, что в Анчжю расположена одна дивизия с кавалерией и артиллерией, а в Пеньяне вся первая армия.

Состав ее по частям и численности генерал Мищенко не указывает. По сообщению же барона Розена от 4 февраля (сведения, собранные военным и морским агентами), 1-й японской армией командует маршал Куроки, и она имеет следующий состав: гвардия, 2-я, 4-я и 12-я дивизии, с двумя полками артиллерии и двумя полками кавалерии, не находящимися в составе дивизий. Сведения о нахождении в составе армии гвардейской, 2-й и 12-й дивизий подтверждаются из многих источников, вместо же 4-й называют 6-ю. (Начальниками 2-й и 3-й армий называют маршала Нодзу и генерала Оку.)

Телеграммой из Петербурга генерал-майор Ванновский передает извлечение из полученной из Сеула телеграммы, в котором говорится, что около 11 марта нового стиля Япония сосредоточит в Северной Корее 150 тысяч и Пеньян предполагается сделать базой всех операций на севере.

В той же телеграмме передан и предполагаемый план действий в Корее японцев, состоящий в следующем: сосре-

доточить у Пеньяна значительную армию с авангардами по р. Чинчангану и здесь выжидать наступления русских; если же это наступление не последует, то в свою очередь начать движение к р. Ялу. Возможно, что одновременно с этим будет двинута от Гензана по побережью на Владивосток особая колонна.

Вместе с тем наш военный агент во Франции, со слов полковника Маршана, сообщает, что одновременно с утверждением 1-й японской армии на берегах Ялу, 2-я армия в пять дивизий, около 60–70 тысяч войск, должна произвести быструю высадку у Ньючжуана (Инкоу) с целью энергичного наступления на Дашичао — Хайчен — Ляоян и далее к Мукдену, где должно произойти соединение ее с 1-й армией, которая одновременно поведет быстрое наступление от р. Ялу к Мукдену. В то же время в направлении к Порт-Артуру и Владивостоку будут высланы заслоны.

И.д. генерал-квартирмейстера генерального штаба
полковник *Орановский*.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 39–40.

Ген. Алексеев — Николаю II. Донесение. 15(28) марта 1904 г.

В составленном в конце 1903 года и одобренном плане стратегического развертывания наших войск Дальнего Востока в случае войны с Японией принималось, исходя частью из теоретических соображений, частью из имевшихся в то время сведений о боевой готовности японской армии, что к половине второго месяца от начала мобилизации не менее половины японской армии может быть сосредоточено у р. Ялу. Усиленные приготовления к войне, предпринятые Японией в последние месяцы, предшествовавшие действительному разрыву, и в том числе сбор и зафрахтование большого числа транспортов давали основание предполагать, что

сосредоточение японской армии к Ялу произойдет еще ранее срока, предусмотренного вышеупомянутым планом. Таким образом, с началом военных действий можно было ожидать, что к 15 марта на Ялу будет сосредоточено от 6 до 8 дивизий японской армии. Поэтому и все наши усилия по сосредоточению армии были направлены к тому, чтобы к 15 марта собрать в Южной Маньчжурии силы, достаточные для отпора неприятельскому вторжению и обеспечения Порт-Артура и укрепленного района от атаки десанта. Начало военных действий застало наши вооруженные силы Дальнего Востока в весьма слабой степени готовности: мобилизована, да и то не вполне, была только одна 3-я стрелковая бригада, остальные войска, разбросанные по всей обширной территории Приамурского округа и Маньчжурии, состояли на мирном положении и, уволив в запас людей старшего срока службы, не успели даже получить всех своих новобранцев.

С соизволения вашего 18 января, за 9 дней до начала военных действий, было приступлено к перевозке 3-й стрелковой бригады в район Ляоян — Хайчен, и в то же время началось образование в Фынхуанчене продовольственного магазина. Благодаря этой мере в 1-й день мобилизации у нас в Южной Маньчжурии было сосредоточено необходимое количество войск, 4 сотни казаков, 16 пеших и 6 конных орудий. Присутствие этой силы имело для нас благоприятное значение, но дальнейшие условия сосредоточения, по-видимому, складывались не в нашу пользу. Последовавшее распоряжение об экстренном формировании из войск Дальнего Востока новой 9-й бригады, прибытие из Европейской России укомплектования разных наименований, необходимость выдвижения вторых бригад, 31-й и 35-й, из Приморской области в Харбин навстречу своим пополнениям, объявление в сибирских губерниях мобилизации пятью днями позже, сравнительно с областями Дальнего Востока, а главное выяснившаяся в последнее, предшествовавшее войне, время неготовность Китайской Восточной дороги к усиленному воинскому движению — все это настолько нарушило составленные пла-

ны перевозок по мобилизации и сосредоточению, что их пришлось в кратчайший срок переработать совершенно заново. По первоначальному плану к 15 марта, т.е. к 43-му дню мобилизации, считая таковую со дня, назначенного для сибирских губерний, в Южной Маньчжурии могло быть сосредоточено не более 40 батальонов, 24 сотен и 136 орудий. С этими силами надлежало дать отпор неприятельской армии, появление коей ожидалось к Ялу в числе 70–90 батальонов при 250–300 орудиях, не теряя из виду, в случае надобности, отражать высадки в Ляодунском заливе и сохранить достаточно сильное ядро для подкрепления того или другого фронта. Однако, благодаря постоянно принимаемым мерам к ускорению передвижения войск, часть коих направляется походным порядком, успех сосредоточения превзошел все ожидания, так как к утру 15 марта в Южной Маньчжурии в полевой армии уже имеется $54\frac{3}{4}$ батальонов, $38\frac{1}{2}$ эскадронов и сотен, 152 орудия и сверх того из района сосредоточения было еще отправлено 4 батальона для усиления гарнизона Квантунского укрепленного района.

Присутствие в Южной Маньчжурии такой серьезной силы действительно обеспечивает как возможность отпора с нашей стороны, так и выручку Артура, если бы неприятель избрал его объектом отдельной операции. Значительное число конницы дает возможность вести энергичную разведку и задерживать дальнейшее наступление неприятеля действиями на его сообщения. Квантунский укрепленный район, усиленный вновь возведенными укреплениями и батареями, обороняемый не входящим в состав полевой армии гарнизоном в 25 батальонов пехоты, которые в скором времени усилятся еще пятью третьими батальонами, ныне может быть признан вполне обеспеченным от атаки открытой силой, особенно при наличии минных заграждений у наиболее недоступных мест его побережий. Последовавшее уже усиление, благодаря передаче через Байкал и по Уссурийской дороге, подвижного состава Китайской Восточной дороги значительно увеличивает провозоспособность последней и дает основание рассчиты-

вать на дальнейший непрерывный подвоз подкреплений, которые к 1 апреля доведут силы Маньчжурской армии до 80 батальонов пехоты, не считая войск Квантунского укрепленного района. Такая сила уже вполне обеспечивает успех действий против японской армии и полное спокойствие Маньчжурии и даст возможность в случае надобности угрожать Китаю...

Генерал-адъютант *Алексеев*.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 41–43.

Телеграмма С.О. Макарова — управляющему морским Министерством Авелану. 18 марта 1904 г.

Просил бы теперь же напечатать мою книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики» для раздачи ее командам, дабы они ознакомились со взглядами своего начальника. Книга нужна теперь, а не в будущем году; не допускаю мысли, что Министерство не может теперь же найти 500 рублей, и отказ в напечатании понимаю, как неодобрение моих взглядов на ведение войны, а посему, если моя книга не может быть напечатана теперь, то прошу заменить меня другим адмиралом, который пользуется доверием высшего начальства.

Подписал: Вице-Адмирал *Макаров*.

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2, с. 26.

Телеграмма наместника Е.И.В. Алексеева — управляющему морским Министерством Авелану. 21 марта 1904 г.

Из разговоров с адмиралом Макаровым — отказ издать его тактику он считает обидным служебному самолюбию и признаком недоверия. При настоящем положении, признаю не-

обходимым устранить это вероятное недоразумение — вашим согласием исполнить его просьбу.

Подписал: Генерал-адъютант *Алексеев*.

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2, с. 26.

**Телеграмма временно
исполняющего делами командующего
флотом Тихого океана — заместнику Е.И.В.
31 марта 1904 г.**

В 10-м часу, во время маневрирования эскадры на порт-артурском рейде в виду неприятельского флота, броненосец «Петропавловск», под флагом Командующего флотом, со взрывом взлетел на воздух; через две минуты броненосец потонул. Погибли: Командующий флотом, Начальник штаба, большинство офицеров и команды. Великий Князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, командир Яковлев, лейтенанты — Унковский, Дукельский, Иениш, мичманы — Владимир Шмидт, Шлиппе, 52 матроса — спасены шлюпками. Подобраны тела: капитана 2 ранга Васильева, мичманов — Акимова, Бурачка, доктора Волковича. Из числа миноносцев, высланных вчера на ночную экспедицию, миноносец «Страшный», за ненастной погодой отделившись от отряда, при возвращении в Порт-Артур был окружен четырьмя неприятельскими миноносцами и в бою с ними погиб в 6 час. 30 мин. утра. Спасены 5 человек. После гибели «Петропавловска» временно вступил в исполнение обязанностей Командующего флотом. При перестроении эскадры в строй кильватера на линию входного створа, наиболее обследованного и протраленного, броненосец «Победа» получил взрыв мины в середину правого борта, как полагают, от поставленной ночью японцами мины или от мины с подводной лодки. Броненосец, имея крен, самостоятельно вошел

в гавань; залиты водой две угольных ямы; убитых и раненых нет.

Подписал: Контр-Адмирал *Князь Ухтомский*.

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2, с. 139.

Справка о предполагаемых причинах гибели эскадренного броненосца «Петропавловск»

Согласно запроса Вашего Высокоблагородия, доношу, что вопросы — какие части броненосца «Петропавловск» и какие взрывчатые вещества на нем дали внутренний взрыв, а равно и самые причины внутреннего взрыва, последовавшего тотчас за взрывом неприятельской мины, — были мной уже разобраны в собрании старших минных офицеров броненосцев.

Все присутствовавшие минные офицеры единогласно высказали следующее:

1) По описанию очевидцев первоначального взрыва, он произошел под носовой частью броненосца, у отделения подводных минных аппаратов и находившегося под ним отделения мин заграждения.

2) Взрыв мины у броненосца, вероятно, вызвал непосредственной детонацией взрыв всего минного погреба мин заграждения, хранившихся со вставленными запальными стаканами. Детонационный взрыв произошел вследствие устройства минного погреба, стеллажи которого были расположены у бортов, причем мины, лежащие на них, соприкасались плотно с наружным бортом.

3) Кроме того, возможно, что взрыв минного погреба последовал не тотчас за взрывом неприятельской мины, а после взрыва своей мины в подводном аппарате. Последняя, при взрыве неприятельской мины, могла взорваться непосредственно от действия своего ударника, на который отразился удар взрыва.

4) Так как от центра зарядного отделения мины, вложенной в аппарат, до мин заграждения, лежащих на верхних стеллажах расположенного внизу погреба, было на броненосце «Петропавловск» всего около 5 фут, то детонация на минный погреб могла быть и от взрыва мины в подводном аппарате, передавшись по железу корпуса броненосца.

5) Прилегающие рядом погреба 12-ти дюймовых снарядов, с сухим пироксилином, могли тоже принять детонацию от столь сильного взрыва, каким был взрыв минного погреба. Разрушив переборки, снаряды зажгли своим взрывом соседние пороховые погреба.

6) Сотрясения и удары при взрывах указанных всех отделений не могли не передаваться через изоляционное отделение на близкие к погребам кочегарные помещения, что, вероятно, вызвало взрыв котлов, обусловивши столь быструю гибель броненосца.

Подписал: И.д. Флагманского минера Лейтенант *Савинский*.

Русско-японская война. 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911. Вып. 2, с. 166.

Из «Отчета о деятельности управления Генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 годов» (СПб, 1907)

Состав 3-й Маньчжурской армии в период Мукденской операции с 3-го по 25-е февраля 1905 года

Месяц и число.	Состояло.	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Прибыло	Батальон.	Эскадр. сот.
Февраль								
3	17 армейский корпус.	32	12	96	3			
	16 армейский корпус.	32	3	96	4			
	5-й сибирский корпус ¹⁾	24	4	88	3			
	6-й сибирский корпус.	32	3	96	3			
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.		–	18				
	Итого.	120	22 ³⁾	394	13			
8	17 армейский корпус.	32	12	96	3			
	16 армейский корпус.	24	3	72	4			
	5-й сибирский корпус.	24	4	88	3			
	6-й сибирский корпус.	32	3	96	3			
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–			
	Итого.	112	22	370	13			
16	17 армейский корпус.	32	12	96	3			
	5-й сибирский корпус.	24	4	88	3			
	6-й сибирский корпус.	16	3	48	3			
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–			
	Итого.	72	19	250	9			

Орудий.	Инжен. р.	Убыло					Осталось				
			Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.		Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
		Командированы на охрану жел. дороги 2-я бриг. 41 п. див. и 4, 5 и 6 батареи 45 арт. бригады						32	12	96	3
			8	–	24	–		24	3	72	4
								24	4	88	3
								32	3	96	3
								–	–	18	–
		Итого ²⁾	8	–	24	–		112	22 ³⁾	370	13
		В стратегический резерв Главнокомандующего: 16 армейский корпус. 72 пех. дивизия						32	12	96	3
								24	4	88	3
			24	3	72	4		16	3	48	3
			16	–	48	–		–	–	18	–
		Итого ⁴⁾	40	3	120	4		72	19	250	9
		Во 2-ю армию конный отряд ген.-м. Степанова: 51 др. Черниг. п., 2 и 6 эск. 52 др. Нежинского полка						32	4	96	3
								24	4	88	3
								16	3	48	3
			–	8	–	–		–	–	18	–
			Итого ⁵⁾	–	8	–	–		72	11	250

Месяц и число.	Состояло.	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Прибыло	Батальон.	Эскадр. сот.
Февраль								
17	17 армейский корпус	32	4	96	3	Прикомандиров. 147 пех. Самарск. п. (1 арм. корп.)		
	5-й сибирский корпус	24	4	88	3		4	–
	6-й сибирский корпус.	16	3	48	3			
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–			
	Итого.	72	11	250	9	Итого ⁶⁾	4	–

1) Из состава 5 сибирского корпуса 215 пех. Бузулукский и 241 пех. Орский полки с 5-ю батареею 28 артиллер. бригады находились в составе Ляхийского отряда.

2) Отношение генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем начальнику штаба 3 армии от 3 февраля 1905 г. № 1510.

3) 5 февраля отряд полковника Стаховича из 2 эск. 51 др. и 6 эск. 52 др. п. (всего 8 эск.) командирован для производства разведки в районе Факумынь-Джан-у-тай-мынь. (Отношение начальника штаба Главнокомандующего начальнику штаба 3 армии от 4 февраля 1905 г. № 1546). Отряд присоединился к армии 12 февраля.

4) Предписание Главнокомандующего Командующему 3 армией от 8 февраля 1905 г. № 1771.

Орудий.	Инжен. р.	Убыло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Осталось	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
---------	-----------	-------	-----------	--------------	---------	-----------	----------	-----------	--------------	---------	-----------

		Отправлены во 2-ю армию (отряд г.-м. Де-Витта):						20½	2	80	3
	–	12 пех. Великол. полк.	4	–	–	–		24	4	80	3
		138 пех. Болховск. полк.	4	–	–	–		16	3	48	3
		140 пех. Зарайск. полк.	3½	–	–	–		–	–	18	–
		4 и 7 батар. 35 арт. бригады	–	–	16	–	Батал. 147 п. Самарского п.	1	–	–	–
		1 и 3 эск. 52 др. Нежинск. п.	–	2	–	–					
		3 бат. 147 пех. Самарск. п.	3	–	–	–					
		5 батар 40 арт. бригады.	–	–	8	–					
	–	Итого ⁶⁾	14½	2	24	–	Итого.	61½	9	226	9

5) Словесное приказание по телефону Главнокомандующего вр. Командующему армией 16 февраля 1905 г.

6) Об отправлении во 2 армию 3 пех. полков, 16 ор., 2 эск. — записка начальника штаба Главнокомандующего начальнику штаба 3 армии от 17 февраля 1905 г. без №. Словесно по телефону Главнокомандующий сообщил:

а) вместо выделенных во 2-ю армию войск в состав 3-й армии назначается из 1 арм. корпуса 147 пех. Самарский полк;

б) об усилении отряда ген.-м. Де-Витта тремя батальонами того же 147 пех. Самарского полка и еще одной батареею из артиллерии 3 армии.

Месяц и число.	Состояло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Прибыло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
Февраль										
19	17 армейский корпус.	20½	2	80	3	Во время боя 19 февраля к 5-му сибирск. корп. временно прикомандированы из 2 армии:				
	5-й сибирский корпус.	24	4	80	3	34 пех. Севский полк.	4	–	–	–
	6-й сибирский корпус.	16	3	48	3	Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	–	–	–
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–	53 пех. Волынск. полк.	4	–	–	–
	Батал. 147 п. Самарск. п.	1	–	–	–	57 пех. Модлинск. полк.	4	–	–	–
						29 арт. бригады	–	–	40	–
Итого.	61½	9	226	9	Итого.	13	–	40	–	
20	17 армейский корпус.	20½	2	80	3					
	5-й сибирский корпус.	24	4	80	3					
	6-й сибирский корпус.	16	3	48	3					
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–					
	Батал. 147 п. Самарск. п.	1	–	–	–					

Убыло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Осталось	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
					17 армейский корпус.	20½	2	80	3
					5-й сибирский корпус.	24	4	80	3
					6-й сибирский корпус.	16	3	48	3
					1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–
					Батал. 147 п. Самарск. п.	1	–	–	–
					Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	–	–	–
					10 армейского корпуса	4	–	–	–
					8 армейского корпуса	8	–	40	–
Итого.					Итого.	74½	9	266	9
Отправлено во 2-ю армию ¹⁾ :					17 армейский корпус.	20½	2	80	3
34 пех. Севского полка.	2	–	–	–	5-й сибирский корпус.	24	4	80	3
Отправлено в распоряжение Главномандующего:	2	–	–	–	6-й сибирский корпус.	14	3	48	3
217 пех. Кромского полка.	2	–	–	–	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	–	–	18	–
34 пех. Севского полка.	2	–	–	–	Батал. 147 п. Самарск. п.	1	–	–	–

Месяц и число.	Состояло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Прибыло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
Февраль										
20	Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	—	—	—					
	10 армейского корпуса	4	—	—	—					
	8 армейского корпуса	8	—	40	—					
	Итого.	74½	9	266	9					
22	17 армейский корпус.	20½	2	80	3					
	5-й сибирский корпус.	24	4	80	3					
	6-й сибирский корпус.	14	3	48	3					
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	—	—	18	—					
	Батал. 147 п. Самарск. п.	1	—	—	—					
	Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	—	—	—					
	Итого.	60½	9	226	9					

1) О возвращении 34 пех. Севского полка телеграмма Командующего 2 армией 19 февраля № 75.

2) О высылке двух батальонов 3 армии и 10 батал., 40 оруд., временно прикомандированных к армии, в стратегический резерв Главнокомандующего, приказание отдано словесно генерал-адъютантом Куропаткиным по телефону вр. Командующему армией ночью 20 февраля.

Убыло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Осталось	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
53 пех. Волынский полк.	4	–	–	–	Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	–	–	–
57 пех. Модлинский полк.	4	–	–	–					
29 арт. бригады.	–	–	40	–					
Итого ²⁾	14	–	40	–	Итого.	60½	9	226	9
После боя 22 февраля 9 и 10 п. полки, вследствие значительных потерь, переформированы в 3 бат. каждый; остатки 11 и 12 роты 140 п. Зарайского полка (80 чел.) распределены по другим частям	2½	–	–	–		18	2	80	3
						24	4	80	3
						14	3	48	3
						–	–	18	–
						1	–	–	–
						1	–	–	–
Итого ³⁾ .	2½	–	–	–	Итого.	58	9	226	9

3) О переформировании 9 и 10 пех. полков донесено Главнокомандующему вр. Командующим армией 23 февраля в 8 час. 30 мин. веч.

10 полк переформирован первоначально в 9 рот и только затем в видах удобства наличный состав разделен на 12 рот.

Месяц и число.	Состояло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Прибыло	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
Февраль										
23	17 армейский корпус.	18	2	80	3					
	5-й сибирский корпус.	24	4	80	3					
	6-й сибирский корпус.	14	3	48	3					
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	—	—	18	—					
	Батал. 147 п. Самарск. п.	1	—	—	—					
	Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	—	—	—					
Итого.	58	9	226	9						
24	17 армейский корпус.	18	2	80	3					
	5-й сибирский корпус.	14	4	56	3					
	6-й сибирский корпус.	14	3	48	3					
	1, 2 и 4 батар. 4 мортирн. п.	—	—	18	—					
	Батал. 147 п. Самарск. п.	1	—	—	—					
	Сводн. бат. 58 п. Прагск. п.	1	—	—	—					
Итого.	48	9	202	9						

1) Приказ Главнокомандующего 22 февраля № 4. Требовалось отправить 16 батальонов. За невозможностью исполнить это — командировано 10.

2) Записка Главнокомандующего непосредственно начальнику общего резерва 3 армии, полковнику Воробьеву от 23 февраля 10 час. веч. и 24 февраля (обе без номера).

Убыло.	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.	Осталось	Батальон.	Эскадр. сот.	Орудий.	Инжен. р.
Отправлено в стратегический резерв Главнокомандующего:						18	2	80	3
213 пех. Оровайск. полк.	4	–	–	–		14	4	56	3
214 пех. Мокшанск. полк.	4	–	–	–		14	3	48	3
216 пех. Инсарск. полка.	2	–	–	–		–	–	18	–
6, 7 и 8 батар. 28 арт. брига.	–	–	24	–		1	–	–	–
						1	–	–	–
Итого ¹⁾ .	10	–	24	–	Итого.	48	9	202	9
Отправлено в стратегический резерв Главнокомандующего:						18	2	80	3
1 и 2 бат. 242 п. Белебеев. п. ²⁾ .	2	–	–	–		10	4	56	3
Отправлено в отряд ген. Мылова в Тава три саперные роты ³⁾ .	–	–	–	3		14	3	48	3
Отправлено в 10-й корпус 1 и 3 батал. 244 п. Борисовского полка ⁴⁾ .	2	–	–	–		–	–	18	–
						1	–	–	–
						1	–	–	–
Итого.	4	–	–	3	Итого.	44	9	202	9

3) Телеграмма генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем 23 февраля от 6 час. веч. без номера.

4) Телеграмма начальника штаба Главнокомандующего 24 февраля 9 час. утра № 2471 Командующему 3-й армией и ответ ему телеграммой от 1 ч 50 м. дня 24 февраля.

Вечером 24 февраля два батальона 219 п. Юхновского полка были отправлены в 1 арм. корпус. Но так как утром 25 числа оба батальона присоединились к 6 сиб. корпусу, то по ведомости они не показаны на убыль.

Таким образом 25 февраля 3 армия имела в своем составе 44 батальона, 9 эск. и сот., 202 ор., 3 сап. и 3 телегр. роты.

За весь период Мукденской операции армия последовательно выделила из своего состава (не считая бывших в прикомандировании один день и откомандированных) 75½ батал., 13 эск., сот., 168 оруд., 7 сап. рот, т.е. 63% пехоты, ок. 43% артиллерии, ок. 55% инженерных войск и ок. 60% конницы.

Генерал-квартирмейстер, генерал-майор
Алексеев.

Генерал-квартирмейстеру при главнокомандующем

ПОЛЕВОЙ ШТАБ
3-й Маньчжурской армии.
По управлению
ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА.
10 февраля 1905 г.
№ 1255
ст. Суятунь.

Уведомляю Ваше Превосходительство, что вопрос, возбуждаемый в настоящее время, был поставлен главной задачей разведки, производящейся штабом армии в течение последних 1–2 недель.

Благодаря этому, уже вчера получены кое-какие сведения, могущие до некоторой степени осветить положение дел в ближнем тылу неприятельского расположения. Прибывший сегодня разведчик, заслуживающий, по-видимому, совершенного доверия, также сообщает по сему некоторые достаточно определенные сведения. Сущность всех этих сообщений сводится к следующему:

Главная масса неприятельских войск является, вероятно, общим резервом их армий и расположена в настоящее время

к западу от линии железной дороги. Часть этих сил разсосредоточена в ближнем тылу линии Сандепу — Лидиутунь — Татай. Войска расположены по 1–2 батальона в многочисленных, находящихся здесь, деревнях, при чем сами эти деревни не укрепляются ими, а части войск по сменно уходят отсюда на работы по усилению главной позиции (указанной выше линии).

Остальные силы общего резерва расположены в ближних окрестностях г. Ляояна, большая же часть из них, по-видимому, находится к западу от него по обоим берегам р. Тайцзыхе и далее у с. Сяобейхе.

Последние войска расположены уже сравнительно большими группами по 1–2 полка. Особенно значительные силы сосредоточены, по-видимому, у с. Сяобейхе и к западу от него на правом берегу р. Аунхе.

Завтра или послезавтра ожидается прибытие двух разведчиков, командированных на ст. Янтай в район с. Шилихе. О доставленных ими сведениях буду иметь часть безотлагательно сообщить вам. Сегодня отправлены по вашему указанию еще два разведчика для сбора сведений в том же районе, но разведка эта потребует для своего исполнения не менее 9–10 дней.

Подписал:

генерал-квартирмейстер, генерал-майор

Алексеев.

Скрепил:

старший адъютант, генерального штаба подполковник

Кортацци.

С подлинным верно:

генерального штаба подполковник

Изместьев.

Инструкция офицеру, ведающему тыловой тайной разведкой

Цель тыловой тайной разведки заключается: во-первых, в приискании надежных агентов резидентов, которые согласились бы служить нам, в случае отхода наших армий на се-

вер, а во-вторых — борьба со шпионами противника в нашем тылу.

А. Задача агентов резидентов заключается в следующем:

1) следить за проходом японских войск через эти селения и ближайšie к ним районы и направлением движения;

2) доносить:

а) о числе прошедших или остановившихся войск;

б) составе этих войск, т.е. сколько пехоты, кавалерии, пушек;

в) номер полков, дивизий, армий, к которым эти войска принадлежат, что можно установить расспросом;

г) место расположения квартир Командующих армиями, если удастся это узнать;

д) о направлении движения колонн;

е) о местонахождении складов с продовольствием и боевыми запасами.

3) доставлять брошенные японцами конверты, письма, газеты, ярлыки, с указанием, где и когда найдены; также если представится случай погоны, металлические номера резервных полков, клейма на подкладке мундирной одежды, бирки от ружей и т.п.

4) с целью борьбы со шпионами, резиденты должны посещать возможно чаще постоянные дворы, курильни опиума и вообще следить за пришлым населением того пункта, где они находятся. В случае обнаружения шпиона резидент обязан сообщить об этом в ближайшую войсковую часть или представителю русской власти, отнюдь не принимая участия в аресте.

Б. На офицера, ведающего тыловой разведкой, возлагается обязанность наблюдение за дорогами, идущими по Монголии на Бодунэ и Цицикар, путем высылки конных или пеших лазутчиков.

В. Офицер, ведающий тыловой разведкой, имеет в своем распоряжении одного китайца-переводчика. Плата резидентам в настоящее время устанавливается от 60 до 100 рублей в месяц, при отходе же армии она увеличивается в зависимости от ценности доставленных сведений.

За поимку японского шпиона выдаются резидентам наградные деньги до 100 рублей.

Д. На ведение тыловой разведки офицеру отпускаются авансовые выдачи, в израсходовании которых он ежемесячно должен доставлять отчет, с приложением оправдательных документов.

Е. Пункты, в которых необходимо иметь резидентов, намечаются следующие: Шиулиганцза, Лунуан, Фулунчен, Чаудиаден и Куанчендзы.

Подлинную подписал:
генерал-квартирмейстер, генерал-майор
Алексеев.

С подлинной верно:
старший адъютант, генерального штаба подполковник
Изместьев.

**Вр.и.д. начальника 2-й отдельной
кавалерийской бригады**

ПОЛЕВОЙ ШТАБ
3-й Маньчжурской армии.
ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА.
Отделение разведыват.
Июля 13 дня 1905 г.
№ 1575
д. Людяпуза.

По имеющимся сведениям, японцы на крайнем своем левом фланге занимают следующее расположение: 7-я дивизия в окрестностях Канпинсяна; авангард ее (полк) у Санвайза; в 12–15 верстах западнее Канпинсяна — конный отряд генерала Акиамы (7, 13, 14, 15 и 16 кавалерийские полки, два батальона пехоты, 18 орудий и 12 пулеметов), у д. Молихэ шайка хунхузов Чжоубаши, а еще западнее, т.е. уже на монгольской территории будто бы, японо-хунхузский отряд Итоухе (Ваталаохэ), к коему присоединился монгольский князь Таобаль.

С целью проверки сведений о переходе части японо-хунхузских сил границы Монголии и присоединения к ним монголов, Командующий армией приказал произвести разведку возможно небольшим отрядом конных милиционеров, двинув их западнее расположения отряда генерал-адъютанта Мищенко.

Руководство этой разведкой Командующий армией приказал возложить на изъявившего на это согласие подполковника 52-го драгунского Нежинского полка барона Маннергейма.

В виду этого предложите названному штаб-офицеру вступить во временное командование всеми тремя сотнями милиционеров, с которыми и двинуться для выполнения вышеизложенной задачи, причем ему предоставляется самому определить численность отряда, необходимого для разведки, а остальную часть всех трех сотен не переводить через границу Монголии.

Если же имеющиеся сведения о нарушении границы Монголии противником подтвердятся, то приказано произвести всеми тремя сотнями милиции более глубокое освещение в направлении на Канпинсян — Факумынь, как с целью выяснения сведений об усилении левого фланга армии Ноги за счет армии Нодзу, и о прибытии в Факумыньский район подкреплений с юга, так и с целью действий против тыловых учреждений японцев (склады, обозы, телеграфы, телефоны и т.п.).

В этом случае благоволите усилить туземные сотни кадровыми русскими чинами, а также и офицерским составом в числе, которое найдете необходимым.

Как в том, так и в другом случае благоволите оказать подполковнику барону Маннергейму полное содействие по снабжению достаточным количеством перевязочных материалов, конных носилок, подрывными средствами из подрывных выюков и патронами в количестве 90 000, а также назначением на каждую сотню по одному фельдшеру.

Для того, чтобы во время движения по Монголии милиционеры не возбуждали неудовольствия местного населения,

приказано возложить их довольствие на начальника высылаемого отряда с тем, чтобы стоимость была удержана из их жалованья, что предварительно им должно быть объявлено.

С этою целью подполковнику барону Маннергейму будет выдан из штаба армии серебряною монетою соответствующий аванс.

Приложение: схема¹.

Подлинное подписал: начальник штаба генерал-лейтенант *Мартсон*.

С подлинным верно:
старший адъютант, генерального штаба подполковник *Измествев*.

Инспектору артиллерии 3-й Маньчжурской армии.

Инспектору инженеров 3-й Маньчжурской армии.

Начальнику воен. сообщений 3 армии.

Дежурному генералу 3-й армии.

Начальникам штабов корпусов 5, 17 и 4.

Начальнику санитарной части 3 армии.

ПОЛЕВОЙ ШТАБ

3-й Маньчжурской армии.

ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА.

Отделение разведыв.

Апреля 27 дня 1905 г.

№ 1094

д. Людяпуза.

В виду все чаще и чаще повторяющихся случаев поимки японских шпионов, Командующий армией приказал обратить самое серьезное внимание на жителей деревень и импаней, в которых расквартированы войска, а, в особенности, штабы и управления.

Коменданты и ведающие полицейской частью должны знать местных жителей их районов и следить за их отлуч-

¹ Не приводится.

ками, прибегая в крайности к обыскам. Кроме того тем же лицам необходимо вменить в обязанность обращать самое серьезное внимание на бродящих по дорогам нищих, калек, под личиной которых, как обнаружено, в последнее время скрываются японские шпионы.

Всем жителям должно быть внушено, что за укрывательство шпионов они будут приговорены к смертной казни, и, наоборот, за каждого пойманного шпиона им будет выдаваться денежная награда. Размеры денежного вознаграждения определяются на первое время в 100 рублей.

Подлин. подписал: генерал-квартирмейстер, генерал-майор *Алексеев*.

С подлин. верно: старший адъютант, генерального штаба подполковник *Измestьев*.

Инструкция для службы связи в 3-й Маньчжурской армии.

В штаб армии назначается особый офицер генерального штаба, который, без крайней необходимости, не отвлекается от исполнения своих обязанностей другими служебными поручениями.

В своей деятельности офицер, заведывающий службою связи, подчиняется старшему адъютанту оперативного отделения.

В помощь офицеру, заведывающему службою связи, назначается строевой офицер, прикомандированный к штабу армии, и три телефониста для безотлучного дежурства при телефоне.

К обязанности заведывающего службой связи относятся:

- 1) прием поступающих в штаб донесений, ведение им входящего журнала и первоначальная группировка сведений;
- 2) заведывание командой ординарцев, как состоящих при Командующем армией, так и присылаемых из корпусов; ведение им очереди дежурства и исполнения поручений.

Примечание: для ближайшего заведывания ординарцами один из них назначается старшим.

3) заведывание телефоном;

4) заведывание летучею почтою, связывающей штаб армии со штабами корпусов и отдельных отрядов;

5) рассылка диспозиций, приказаний с ведением по этой важной отрасли службы отчетности.

Примечание: в отношении рассылки приказаний и диспозиций офицер, заведывающий службою связи, исполняя общие указания старшего адъютанта оперативного отделения, обязан изыскивать все способы к скорейшему и вернейшему доставлению приказаний.

6) Передача приказаний по телефону.

Офицеру, заведывающему службою связи, подчиняется начальник всякого телеграфа, состоящего при штабе армии.

Передача приказаний по телефону должна получить возможно полное и широкое применение. Дабы гарантировать правильность принятия телефонограмм и возможность контроля, телефонограммы обязательно записываются в корпусных штабах в книги с отметкою: а) фамилии передававшего; б) фамилии принявшего; в) время окончания передачи.

Принявший телефонограмму, по возможности, повторяет ее дословно для проверки. Особое внимание должно быть обращено на тщательную передачу и запись названий населенных пунктов и фамилий начальствующих лиц.

При пользовании телефонами штаба армии название местных урочищ и фамилии начальником передавать азбукою Морзе по фоническому вызову.

При телефонах в штабах корпусов должен дежурить безотлучно телефонист, который для приема приказаний более важных приглашает офицера.

Во время походных движений все усилия заведывающего службою связи должны быть обращены на скорейшую установку, после исполнения перехода, телефона и телеграфа между штабами армии и корпусов.

В достижение этой важной цели штабы корпусов должны с своей стороны принять возможно быстрые и энергичные меры.

Штабы корпусов устанавливают посты летучей почты к штабу армии немедленно по совершении перехода. Для этой цели часть, назначенная на линию летучей почты, следует при авангарде.

Немедленно по прибытии на ночлег штабы корпусов представляют в штаб армии сведения о порядке размещения корпуса; времени, к которому будет выставлено охранение, на какой линии, от какой части; какие меры будут приняты корпусом для разведки.

Доставившие эти сведения офицеры должны будут получить в штабе армии приказание.

Если диспозиция или приказание на следующий день не может быть изготовлена благовременно, то обязательно в части войск сообщается только час выступления и место сбора.

При исполнении переходов каждый корпус высылает в штаб армии по два конных ординарца-офицера с четырьмя нижними чинами.

Каждая колонна высылает в соседние колонны развитого кавалерийского офицера с таким числом нижних чинов, что бы через каждые три версты марша обязательно посылать в свою колонну донесения о положении дел с дозором из двух нижних чинов, из коих один должен быть разведчик. Сверх того, должно быть две пары для экстренных сообщений.

Движение таких пар, отвечая целям связи, способствует освещению промежуточного между колоннами пространства.

Посылка офицеров с такими дозорами в соседние корпуса обязательна и во время боя.

При движении в горах, когда посылка дозоров может встретить затруднения, должны быть применены гелиографы и сигнализация флагами.

В каждом кавалерийском и казачьем полку армии должен быть во всегдашней готовности дежурный разъезд под начальством офицера, снабженный фуражом, деньгами, для посылок по приказанию начальствующих лиц.

Во время боя места корпусных штабов обозначаются флагами и связываются с штабом армии летучею почтою и, по

возможности, почтою. При оставлении первоначально назначенного места пребывания, начальник оставляет на нем офицера, заведывающего службою связи или его помощника с несколькими всадниками. Когда определится вновь избранное место для наблюдения, офицеру этому сообщаются об этом подлежащим штабом, который ставит об этом в известность непосредственно подчиненные ему штабы.

При первой возможности перемещаются посты летучей почты и перекладывается телефонный провод.

Перечень Важнейших телеграмм и телефонограмм в период Мукденских боев

Число.	ТЕЛЕГРАММЫ	Число.	ТЕЛЕФОГРАММЫ
8 февр.	Шифрованная депеша н. штаба Главнокомандующего о назначении атаки неприятельских позиций на 12-е февраля.	10 февр.	Переговоры Командующих 2-й и 3-й армии о выдвигении 8 бат. 3-й армии к Каудзитаю с началом операции 2-й армии против Сандепу.
11 февр. 9 ч. 40 м.	От офицера для связи об отсрочке наступления 2-й армии на неопределенное время.	16	Приказание Главнокомандующего Командующему 3-й армией о снятии с позиций осадной артиллерии.
12 февр. 12 ч. 30 м.	Шифрованная об отсрочке наступления на неопределенное время.	18	Приказание, переданное генерал-квартирмейстером начальнику штаба 5-го корпуса о загибе правого фланга 5-го кор. на Ланьшанпу.
16	От Командующего 2-й армией, указания 2-й отдельной кавалерийской бригаде, направляемой в состав 2-й армии.	19	Приказание Главнокомандующего, при отводе 17-го корпуса на новые позиции, оставить на прежних сильные аръергарды.
21	Шифрованная депеша начальникам штабов корпусов о заблаговременном вывозе запасов, в виду возможности отхода армии к Хунхэ.	20	Переговоры Главнокомандующего с Командующим армией относительно отвода 3-й армии к Мукдену в тет-де-пон.

Число.	ТЕЛЕГРАММЫ	Число.	ТЕЛЕФОНОГРАММЫ
		24	Приказание Главнокомандующего оказать поддержку войскам генерала Церпицкого.
		24	Диспозиция об отходе армии от Мукдена. Продиктована в корпуса в 8 ч. 10 м. веч.

Вообще суть всех диспозиций немедленно сообщалась по телефону.

		7-й арм. корпус.								5-й сиб. корпус.							
Инжен. рот.	Парков.	Батальонов	Штыков пехоты.	Эск. и сот.	Шашек.	Орудий.	Пулеметов.	Инжен. рот.	Парков.	Батальонов	Штыков пехоты	Эск. и сот.	Шашек.	Орудий.	Пулеметов.	Инжен. рот.	Парков.
3	4	32	18 161	12	1885	112	–	3	4	–	–	–	–	–	–	–	–
3	7	32	24 596	2	245	118	–	3	5	24	21 330	4	512	102	–	3	7
3	6	32	28 134	12	1885 ²⁾	118	–	3	5	24	20 755	4	512	102	–	3	7
3	6	32	23 952	4	1860	162	–	3	5	24	20 008	4	481	88	–	3	5
		22	17 042	12	1725	78	2	3	4	28	16 468	4	461	72	–	3	5
–	–	25	19 228	12	1787	78	2	3	3	5	19 078	4	350	72	–	3	5
–	–	32	20 353	12	1877	78	2	3	3	5	19 192	2	184	72	–	3	5
–	–	32	21 525	12	1958	78	2	3	4	32	19 146	2	182	72	–	3	5
–	–	32	20 700	12	1518	78	2	3	4	32	19 281	4	360	72	–	3	5
–	–	32	21 468	16	1966	78	2	3	4	32	19 028	2	202	88	–	3	6
–	–	32	23 287	15	1879	78	2	3	4	32	20 074	2	125	88	–	3	6
–	–	32	22 642	15	1542	78	2	3	4	32	20 242	2	– ⁷⁾	88	–	3	6
–	–	32	22 965	16	1487	78	2	4	4	32	20 021	1	128	88	–	3	6
–	–	32	27 397	16	1471	102	2	4	4	32	21 822	1	122	112	–	3	6

	1-й арм. корпус.							6-й сиб. корпус.						
	Батاليонов	Штыков пехоты	Эск. и сот.	Шашек.	Орудий.	Пулеметов.	Инжен. рот.	Парков.	Баталионов	Штыков пехоты.	Эск. и сот.	Шашек	Орудий.	Пулеметов.
10 августа 1905 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25 августа 1905 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10 сентября 1905 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25 сентября 1905 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

**Сравнительная таблица числительности офицеров
генерального штаба в 3-й Маньчжурской армии
в течение кампании (по 1 сентября 1905 года)**

Наименование частей	Числен. офиц. ген. штаба при выст. в поход		ПРИБЫЛО			УБЫЛО					Осталось к 1 сентября		
	Занимающие штатные должности	Прикомандированные.	Назначен. на должности	Прикомандированием	ВСЕГО	С назначением на другие должности	Откомандированными	Эвакуированными	Умершими	Пленными	ВСЕГО	На штатных должностях	Прикомандированных
Штаб армии*)	22	-	6	5	11	3	-	6	-	-	9	19	5
17 арм. корп.	9	1	3	3	6	3	2	2	-	-	7	-	2
5 сиб. корп.	8	1	4	1	5	1	1	3	-	-	5	8	1
6 сиб. корп.**)	8	-	1	-	1	1	-	1	1	-	3	6	-
2 св. стр. корп.	2	-	6	-	6	1	-	-	-	1	2	6	-

		7-й арм. корпус.								5-й сиб. корпус.							
Инжен. рот.	Парков.	Баталонов	Штыков пехоты.	Эск. и сот.	Шашек.	Орудий.	Пулеметов.	Инжен. рот.	Парков.	Баталонов	Штыков пехоты	Эск. и сот.	Шашек.	Орудий.	Пулеметов.	Инжен. рот.	Парков.
-	-	32	27 062	19	2099	102	2	4	4	32	25 368	1	109	122	-	3	6
-	-	32	26 189	19	2299	102	36 ⁹⁾	4	4	32	24 882	1	122	112	-	3	6
-	-	32	25 786	19	2533	102	34	4	4	32	24 432	1	112	112	16	3	6
-	-	32	24 859	19	2327	102	34	4	4	32	24 241	1	90	112	16	3	6

Наименование частей	Числен. офиц. ген. штаба при выст. в поход		ПРИБЫЛО					УБЫЛО					Осталось к 1 сентября	
	Занимающие штатные должности	Прикомандированные.	Назначен. на должности	Прикомандированием	ВСЕГО	С назначением на другие должности	Откомандированными	Эвакуированными	Умершими	Пленными	ВСЕГО	На штатных должностях	Прикомандированных	
4 арм. корп.	9	-	1	-	1	2	-	-	-	-	2	8	-	
19 арм. корп.	8	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	1	
9 арм. корп.	8	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	1	
Итого.	74	4	21	9	30	11	3	12	1	1	28	70	10	

*) Считая в том числе начальника штаба армии; лиц, состоящих для поручений при Командующем армией, и в управлениях: военных сообщений и дежурного генерала армии.

**) Сведения по 6 сибирскому корпусу взяты по день перечисления его во 2 армии, т.е. 18 марта 1905 года.

**Список офицеров генерального штаба
3-й Маньчжурской армии, состоявших на лицо
во время заключения перемирия¹.**

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
ШТАБ АРМИИ				
Занимающие штатные должности				
1	Генерал-лейтенант Мартсон	8 января 1905 г.	Начальника штаба армии в течение всего периода кампании	8 месяцев
2	Генерал-лейтенант Биргер	15 января 1905 г.	Начальника 41 пех. дивизии с 15 января по 31 мая 1905 г. и генерала для поручений при Командующем 3 армией с 31 мая 1905 г. по день заключения перемирия.	8 месяцев
3	Капитан Разгонов	15 ноября 1904 г.	Помощником старш. адъютанта штаба 2 армии с 15 ноября 1904 г. по 25 февраля 1905 г., и.д. начальника штаба 5 стр. бригады с 25 февраля 1905 г. по 11 мая 1905 г., обер-офицера для поручений управления генерал-квартирмейстера 3 ар. с 11 мая 1905 г. по 7 июля 1905 г., и.д. штаб-офицера для поручений при Командующем 3 армией с 7 июля 1905 г. по день заключения перемирия.	10 месяцев
4	Генерал-майор Алексеев	3 декабря 1904 г.	Генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии в течение всего периода кампании.	9 месяцев

¹ Приказы по штабу, срочные донесения и сведения, получаемые от корпусов. Дело отчетного отделения № 1.

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
6	Подполковник Иогансон	8 января 1905 г.	Штаб-офицера для поручений при полевом дорожном управлении с 8 по 30 января 1905 г., старшего адъютанта при управлении генерал-квартирмейстера с 1 февраля по день заключения перемирия.	8 месяцев
7	Подполковник Юзефович	8 января 1905 г.	Штаб-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера с 8 января по 13 августа 1905 г., старшего адъютанта при том же управлении с 14 августа 1905 г. по день заключения перемирия.	8 месяцев
8	Подполковник Измestьев	8 января 1905 г.	Помощник старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера с 8 января по 15 июня 1905 г., старшего адъютанта с 15 июня 1905 г. по день заключения перемирия.	8 месяцев
9	Капитан Мыслицкий	29 августа 1904 г.	Обер-офицера для поручений при штабе 5 сибирского корпуса с 29 августа 1904 г. по 10 июня 1905 г., помощника старшего адъютанта при управлении генерал-квартирмейстера с 10 июня по 7 июля 1905 г., и.д. штаб-офицера для поручений при управлении с 7 июля 1905 г. по день заключения перемирия.	1 год
10	Капитан Ушаков	26 октября 1904 г.	Обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии с 26 октября по 7 декабря 1904 г., обер-офицера для поручений управления генерал-квартирмейстера 3 Маньчжурской армии с 7 декабря 1904 г. по 13 августа 1905 г., и.д. штаб-офицера для поручений с 13 августа 1905 г. по день заключения перемирия.	10 месяцев

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
11	Капитан Кондратьев	В марте 1904 г.	Обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии с марта по 11 декабря 1904 г., обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии с 11 декабря 1904 г. по день заключения перемирия.	1 год 5 месяцев
12	Капитан Преображенский	8 января 1905 г.	Помощника старшего адъютанта с 8 января 1905 г. по день заключения перемирия	8 месяцев
13	Капитан Готовский	13 января 1905 г.	Обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера с 13 января 1905 г. по день заключения перемирия.	8 месяцев
14	Капитан Заболотный	24 апреля 1905 г.	Помощника старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера с 3 мая 1905 г. по день заключения перемирия.	4 месяца
15	Капитан Сапожников	В марте 1904 г.	Старшего адъютанта 1-й в. сиб. стр. дивизии с марта 1904 г. по 23 июля 1905 г., обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 3 Маньчжурской армии с 23 июля по день заключения перемирия.	1 год 5 месяцев
16	Генерал-майор Ходорович	28 января 1905 г.	Начальника этапов армии с 28 января по 28 февраля 1905 г., начальника военных сообщений с 28 февраля 1905 по день заключения перемирия.	7 месяцев

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
17	Полковник Монкевиц	28 января 1905 г.	Начальника канцелярии начальника военных сообщений с 28 января 1905 г. по день заключения перемирия.	7 месяцев
18	Подполковник Кальницкий	31 января 1905 г.	Штаб-офицера для поручений при управлении начальника военных сообщений с 31 января 1905 г. по день заключения перемирия.	7 месяцев
19	Генерал-майор Кононов	29 января 1905 г.	Дежурного генерала с 29 января 1905 г. по день заключения перемирия.	7 месяцев

Прикомандированные

20	Полковник Ванновский	1 июня 1904 г.	Командира дивизиона 51 драг. Черниговского полка с 1 июня 1904 г. по 1 января 1905 г., в распоряжении Командующего 3 армией с 15 января 1905 г. по день заключения перемирия.	1 год 4 месяца
21	Капитан Буравцов	16 июля 1904 г.	В распоряжении штаба наместника с 16 июля по 13 августа 1904 г. и.д. старшего адъютанта 1 сибир. пех. дивизии с 23 августа по 15 ноября 1904 г., обер-офицера для поручений при штабе отряда генерала Ренненкампа с 15 ноября по 23 декабря 1904 г., и.д. старшего адъютанта 15 пехот. дивизии с 24 декабря 1904 г. по 29 июля 1905 г., в распоряжении начальника штаба 3 Маньчжурской армии с 27 июля 1905 г. по день заключения перемирия.	1 год 1 месяц

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
22	Полковник Болотов	20 июля 1905 г.	В распоряжении начальника штаба 3-й Маньчжурской армии	2 месяца
23	Подполковник Сегеркранц	7 июля 1905 г.	В распоряжении начальника штаба 3-й Маньчжурской армии	2 месяца
24	Капитан Кареев	11 июля 1905 г.	В распоряжении начальника штаба 3-й Маньчжурской армии с 11 июля 1905 г. по день заключения перемирия	2 месяца

17 АРМ. КОРПУС.

Занимающие штатные должности.

25	Генерал-майор Тизенгаузен	3 июля 1904 г.	Начальника штаба 17 армейского корпуса с 3 июля 1904 г. по день заключения перемирия	1 год 3 месяца
26	Подполковник Дитерихс	3 июля 1904 г.	Обер-офицера для поручений с 3 июля 1904 г. по 7 июля 1905 г., штаб- офицера для поручений с 7 июля по день заключения перемирия	1 год 3 месяца.
27	Капитан Бреслер	22 апреля 1905 г.	Старшего адъютанта штаба корпуса с 23 апреля 1905 г. по день заключения перемирия	4 месяца
28	Штабс-капитан Изергин	11 июля 1904 г.	В распоряжение начальника штаба корпуса с 11 июля 1904 г. по 23 июля 1905 г., обер-офицера для поручений при штабе корпуса с 23 июля 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 2 месяца
29	Полковник Цейль	8 июля 1904 г.	Начальника штаба 3 пех. див. с 8 июля 1904 г. по день заключения перемирия	1 год 2 месяца
30	Капитан Габаев	8 июля 1904 г.	Старшего адъютанта 3 пехотн. дивизии с 8 июля 1904 г. по день заключения перемирия	1 год 2 месяца

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
31	Подполковник Егорьев	15 марта 1904 г.	В тыловых учреждениях с 15 марта 1904 г. по 5 мая 1905 г., начальника штаба 35 пехотн. дивизии с 5 мая 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 6 месяцев
32	Штабс-капитан Мочульский	6 июля 1905 г.	И.д. обер-офицера для поручений при штабе 17 армейского корпуса с 25 июля 1905 г. по день заключения перемирия	2 месяца
33	Причисленный к генеральному штабу штабс-ротмистр Тиличев	2 июля 1905 г.	И.д. старшего адъютанта 2 отдельной кавалерийск. бригады с 25 июля 1905 г. по день заключения перемирия	2 месяца

5 СИБ. КОРПУС.

Занимающие штатные должности.

34	Генерал-майор Ставрович	10 октября 1904 г.	Начальника штаба 5 сибирского корпуса с 3 декабря 1904 г. по день заключения перемирия	11 месяцев
35	Подполковник Орлов	6 августа 1904 г.	Штаб-офицера для поручений при штабе 5 сибирского корпуса с 6 августа 1904 г. по день заключения перемирия	1 год 1 месяц
36	Капитан Михеев	9 апреля 1904 г.	Старшего адъютанта штаба 1 пех. сибирской дивизии (за отсутствием начальника штаба исполнял должность такового) с 9 апреля 1904 г. по 29 апреля 1905 г., обер-офицера для поручений при штабе 5 сибирского корпуса с 29 апреля 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 5 месяцев

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
37	Капитан Диденко	12 октября 1904 г.	Старшего адъютанта штаба 61 пехотной дивизии с 12 октября 1904 г. по 15 мая 1905 г., старшего адъютанта штаба 5 сибирского корпуса с 15 мая 1905 г. по день заключения перемирия	11 месяцев
38	Полковник Панов	28 января 1904 г.	Исполнял различные должности по 13 августа 1905 г., начальника штаба 54 пехотн. дивизии с 13 августа 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 7 месяцев
39	Капитан Щолоков	В августе 1904 г.	Старшего адъютанта 54 пех. дивизии с августа по 1 октября 1904 г., заболел, эвакуирован в Харбин и затем служил в тыловых учреждениях с 1 октября 1904 г. по 1 июня 1905 г., старшего адъютанта 54 пех. дивизии с 1 июня 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 1 месяц
40	Подполковник Жуков	16 июля 1904 г.	Служил в тыловых учреждениях с 16 июля 1904 г. по 3 мая 1905 г., начальника штаба 61 пехотн. дивизии с 3 мая 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 2 месяца
41	Штабс-капитан Пионтовский	22 апреля 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 61 пех. дивизии с 22 апреля 1905 г. по день заключения перемирия	4 месяца
Прикомандированные				
42	Капитан Гейдеман	16 июля 1905 г.	И.д. обер-офицера для поручений при штабе 5 сибирского корпуса с 16 июля 1905 г. по день заключения перемирия	2 месяца

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
----	---------------	-----------------------------	--	---------------------------------

6 СИБ. КОРПУС.

Занимающее штатн. должности

К 18 марта 1905 г.¹

43	Генерал-майор Постовский	29 августа 1904 г.	Начальника штаба 6 сибирского корпуса с 29 августа 1904 г. по день перечисления	Перечислены во 2-ю армию
44	Подполковник Гиссер	29 августа 1904 г.	Штаб-офицера для поручений при штабе 6 сибирского корпуса с 29 августа 1904 г. по день перечисления	
45	Подполковник Сытин	29 августа 1904 г.	Старшего адъютанта штаба 6 сиб. корпуса с 29 августа 1904 г. по день перечисления	
46	Капитан Мыслицкий	29 августа 1904 г.	Обер-офицера для поручений при штабе 6 сибирского корпуса с 29 августа 1904 г. по день перечисления	
47	Капитан Грундштрем	29 августа 1904 г.	Обер-офицера для поручений при штабе 6 сибирского корпуса	
48	Капитан Яковлев	3 января 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 55 пехотн. дивизии с 3 января 1905 г. по день перечисления	

2 СВОДИ. СТРЕЛК. КОРП.

Занимающие штатн. должности.

49	Генерал-майор Де-Витт	В июле 1904 г.	Командовал полком и затем бригадой до 8 мая 1905 г., начальником штаба 2 сводн. стрелк. корпуса с 8 мая 1905 г. по день заключения перемирия	1 год 1 месяц
----	--------------------------	-------------------	--	------------------

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
50	Подполковник Ремезов	4 сентября 1904 г.	Старшего адъютанта военно-окружного управления Маньчжурской армии с 4 сентября 1904 г. по февраль 1905 г., штаб-офицером для поручений при штабе 17 армейского корпуса с февраля 1905 г. по 30 апреля 1905 г., штаб-офицером для поручений при штабе 2 сводн. стрелк. корпуса с 30 апреля 1905 г. по 7 июля 1905 г.	1 год
51	Капитан Папкевич	16 апреля 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 2 сводн. стрелк. корпуса с 7 мая 1905 г. по день заключения перемирия	4 месяца
52	Капитан Цыгальский	23 марта 1905 г.	В распоряжении начальника штаба армии с 23 апреля по 21 мая 1905 г., обер-офицером для поручений при штабе 2 сводн. стрелк. корпуса с 21 мая 1905 г. по день заключения перемирия	5 месяцев
53	Подполковник Владимиров	3 июля 1905 г.	В распоряжении начальника штаба Главнокомандующего с 13 июля по 13 августа 1905 г., начальником штаба 3 стрелк. дивизии с 13 августа по день заключения перемирия	2 месяца
54	Полковник Вирановский	24 февраля 1905 г.	Начальника штаба 4 стр. дивизии с 24 февраля 1905 г. по день заключения перемирия	6 месяцев

4 АРМ. КОРПУС.

Занимающие штатн. должности.

55	Генерал-майор Клембовский	13 марта 1905 г.	Начальника штаба с 13 марта 1905 г. по день заключения перемирия. До назначения начальником штаба командовал на театре военных действий полком	8 месяцев
----	---------------------------	------------------	--	-----------

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
56	Подполковник Тихменев	11 марта 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 30 пехотн. дивизии с 11 марта по 13 августа 1905 г., штаб-офицера для поручений при штабе 4-го корпуса с 13 августа 1905 г. по день заключения перемирия	6 месяцев
57	Капитан Попов	13 марта 1905 г.	Старшего адъютанта штаба корпуса с 13 марта 1905 г. по день заключения перемирия	6 месяцев
58	Капитан Болдырев	13 марта 1905 г.	Обер-офицера для поручений при штабе корпуса с 13 марта 1905 г. по день заключения перемирия. До назначения в корпус состоял на театре военных действий	8 месяцев
59	Штабс-капитан Махров	12 апреля 1905 г.	В распоряжении начальника штаба армии с 12 апреля по 23 июля 1905 г., обер-офицера для поручений при штабе корпуса с 23 июля 1905 г. по день заключения перемирия	5 месяцев
60	Полковник Меницкий	11 марта 1905 г.	Начальника штаба 30 пех. дивизии с 11 марта 1905 г. по день заключения перемирия	6 месяцев
61	Подполковник Тигранов	13 марта 1905 г.	Обер-офицера для поручений при штабе корпуса с 13 марта по 22 июля 1905 г., начальника штаба 40 пех. дивизии с 22 июля 1905 г. по день заключения перемирия	6 месяцев
62	Капитан Муханов	21 марта 1905 г.	Старшего адъютанта с 21 марта 1905 г. по день заключения перемирия	5 месяцев

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
----	---------------	-----------------------------	--	---------------------------------

19 АРМ. КОРПУС.

Занимающие штатн. должности

63	Генерал-майор Суликовский	1 августа 1905 г.	Начальника штаба 19 армейского корпуса	На 1 месяц
64	Капитан Виберг	1 августа 1905 г.	Штаб-офицера для поручений при штабе 19 армейского корпуса	
65	Капитан Жданов	1 августа 1905 г.	Обер-офицера для поручений при штабе 19 армейского корпуса	
66	Капитан Бармин	2 августа 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 19 армейского корпуса	
67	Полковник Кадомский	27 июля 1905 г.	Начальника штаба 17 пехотной дивизии	
68	Капитан Дорошкевич	27 июля 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 17 пехотной дивизии	
69	Полковник Сушков	2 августа 1905 г.	Начальника штаба 38 пехотной дивизии	
70	Капитан Георгиевский	2 августа 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 38 пехотной дивизии	
Прикомандированный.				
71	Штабс-капитан Кривенко	1 августа 1905 г.	И.д. обер-офицера для поручений при штабе 19 армейского корпуса	

№№	Чин и фамилия	Когда прибыл на театр войны	Какие занимал должности и в течение какого срока	Сколько времени пробыл на войне
----	---------------	-----------------------------	--	---------------------------------

9 АРМ. КОРПУС.

Занимающие штатн. должности.

72	Генерал-майор Перекрестов	В августе 1905 г.	Начальника штаба 9 армейского корпуса	½ месяца
73	Подполковник Приходкин	В августе 1905 г.	Штаб-офицера для поручений при штабе 9 армейского корпуса	
74	Капитан Ревшин	В августе 1905 г.	Обер-офицера для поручений при штабе 9 армейского корпуса	
75	Капитан Запольский	В августе 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 9 армейского корпуса	
76	Капитан Штубендорф	В августе 1905 г.	Обер-офицера для поручений при штабе 9 армейского корпуса	
77	Полковник Острянский	В августе 1905 г.	Начальника штаба 5 пехотн. дивизии	
78	Капитан Ступин	В августе 1905 г.	Старшего адъютанта штаба 5 пехотной дивизии	
79	Подполковник Назаров	В августе 1905 г.	И.д. начальника штаба 44 пехотной дивизии	
Прикомандированный.				
80	Штабс-капитан Арпсгофен	В августе 1905 г.	И.д. старшего адъютанта штаба 44 пехотной дивизии	

**Список офицеров генерального штаба
3-й Маньчжурской армии, в течение периода кампании
выбывших из состава армии¹**

№№	Чин и фамилия	Какую занимал должность	По какой причине выбыл	Сколько времени пробыл на войне	Когда выбыл
----	---------------	-------------------------	------------------------	---------------------------------	-------------

Занимающие штатные должности:

1.	Генерал майор Эйхгольц	Генерала для особых поручений при Командующем армиею.	Назнач. в распоряжение Командующ. 2-й армией.	Перечислены во 2-ю армию	30 января 1905 г.
2.	Полковник Бабиков	Старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера.	Тоже.		
3.	Подполковник Краснокутский	Старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера.	Тоже.		
4.	Подполковник Ромейко-Гурко	Для особых поручений при Командующем армией.	Эвакуирован.	Сведений нет.	В марте.
5.	Генерал майор Ерофеев	Начальн. военных сообщений армии.	Тоже.	1 месяц.	25 февраля.
6.	Полковник Парский	Старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера.	Тоже.	7 месяцев.	18 июня.
7.	Подполковник Кортацци	Старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера.	Тоже.	3 месяца.	25 февраля.
8.	Подполковник Немов	Штаб-офицера для поручений при Командующем арм.	Эвакуирован.	1 г. 3 мес.	18 июня.

¹ Приказы по штабу, срочные донесения и сведения, получаемые от корпусов. Дело отчетного отделения № 9.

№№	Чин и фамилия	Какую занимал должность	По какой причине выбыл	Сколько времени пробыл на войне	Когда выбыл
9.	Штабс-капитан Свечин	Обер-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера.	Тоже.	1 г. 2 мес.	13 апр.

17-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС.

Занимающее штатные должности.

10.	Подполковник Черепенников	Штаб-офицера для поручений при штабе корпуса.	Назначен на должн. н-ка штаба 22 пех. д.	Перечислен в 1-ю арм.	1 февраля.
11.	Подполковник Ремезов	Штаб-офицера для особых поручений при штабе корпуса.	Назначен на должн. шт. офицера для особых поручений при штабе 2 св. стрелк. корп.	Перечислен в тыл.	7 июля.
12.	Капитан Трофимов	Старшего адъютанта штаба 17 армейского корпуса.	Назначен на должн. старшего адъютанта штаба 15 пех. див.	Перечислен во 2 армии.	23 июля.
13.	Полковник Пукалов	Начальника штаба 35 п. дивизии.	Эвакуирован.	1 г. 3 мес.	15 апр.
14.	Подполковник Незнамов	Старшего адъютанта штаба 35 п. див.	Тоже.	11 месяц.	26 мая.

Прикомандированные.

15.	Полковник Дрогомиров.	В распоряжении командира 17 арм. корпуса.	Откомандирован в штаб 1 арм. корпуса.	Перечислен в 1 арм.	В январе.
-----	-----------------------	---	---------------------------------------	---------------------	-----------

№№	Чин и фамилия	Какую занимал должность	По какой причине выбыл	Сколько времени пробыл на войне	Когда выбыл
16.	Полковник князь Вадбольский	И.д. начальн. штаба конного отряда ген. Степанова.	Откоман. к месту штатн. служения.	1 год 4 мес.	В августе.

5-й СИБ. КОРПУС.

Занимающие штатные должности:

17.	Полковник Коцебу	Начальн. штаба 54 п. дивизии.	Назначен командиром полка.	1 г. 6 мес.	16 июля.
18.	Капитан Якушев	Обер-офицера для поручений при штабе 5 сиб. корпуса.	Назначен в тыл армий.	7 месяцев.	16 апр.
19.	Полковник Хамин	Начальника штаба 61 пех. дивизии.	Эвакуирован.	5 месяцев.	11 марта.
20.	Капитан Лукирский	Старшего адъютанта штаба 5 сиб. корп.	Тоже.	8 месяцев.	16 мая.

Прикомандированные:

21.	Причисленный к генеральному штабу штабс-капитан Перлик	Старшего адъютанта штаба 54 пех. див.	Назначен в штаб Владивостокской крепости.	Переведен во Владивосток.	10 февр.
-----	--	---------------------------------------	---	---------------------------	----------

6-й СИБ. КОРПУС.

Занимающие штатные должности:

22.	Капитан Надежный	Старшего адъютанта штаба 72 пех. дивизии.	Назначен на должность начальника штаба отдела обороны Владивостокской креп.	Переведен во Владивосток.	В феврале.
-----	------------------	---	---	---------------------------	------------

№№	Чин и фамилия	Какую занимал должность	По какой причине выбыл	Сколько времени пробыл на войне	Когда выбыл
23.	Полковник Бицютко	Начальника штаба 55 пех. дивизии.	Эвакуирован.	5 месяцев.	31 марта.
24.	Полковник Гулевич	Начальника штаба 72 пех. дивизии.	Умер, сломав себе ногу.	Нет сведений.	—

2-й СВОДНЫЙ СТРЕЛКОВЫЙ КОРПУС.

Занимающие штатные должности:

25.	Полковник Максимовский	Начальн. штаба 3-й стрелк. бригады.	В плену.	1 месяц.	25 февр.
26.	Полковник Новицкий	Начальника штаба 3-й стрелк. дивизии.	Назначен командиром полка.	6 месяцев.	21 июля.

4-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС.

Занимающие штатные должности:

27.	Полковник Бендерев	Начальника штаба 40 пех. дивизии.	Назначен командиром полка.	6 месяцев.	19 июля.
28	Капитан Энгельке	Обер-офицера для поручений при штабе корпуса.	Числился в списках, но в армию не прибывал.		

Генерал-квартирмейстеру при Глав-
нокомандующем
ПОЛЕВОЙ ШТАБ
3-й МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ.
УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера.
Отделение разведыв.
Мая 12 дня 1905 г.
№ 1409.
д. Чандзявацзы

Старшина милиции, живущий в районе Ляоянвопын — Ганган — Бамианчен, предлагает 500 всадников и 500 пехотинцев в распоряжение штаба армии для совместных действий против японцев. Из этой тысячи человек только сто имеют германские магазинки, остальные же вооружены старыми китайскими ружьями.

По заявлении старшины, все население деревень (около 100) крайне озлоблено японскими репрессалиями, а потому видит в них общего с нами врага. Старшина просит дать ему в ближайшем будущем тот или другой ответ. Услуги свои он предлагает при условии платы каждому милиционеру по 30 рублей в месяц.

Подписал: вр.и.д. генерал-квартирмейстера, полковник
Парский.

С подлин. верно:
старший адъютант, генерального штаба подполковник
Изместьев.

М. Г.

В настоящее время в д. Дали-ху живет глава общества «Джи-шунь-шэ». Он говорит, что чинами общества состоят жители более чем ста окрестных деревень. Свыше 1000 милиционеров давно знакомых с военным делом, находятся в этом обществе. Так как в этой местности бродят японские хунхузы, которые грабят окрестности, то члены общества единогласно изъявили желание перейти на сторону русских. Но как поступить, когда нет человека, который бы сообщил об этом,

кому следует. Теперь об этом стало известно мне. Глава общества просит сообщить об его просьбе дальше. Я доложил об этом деле генералу Каульбарсу, который посоветовал мне обратиться в 3-ю армию. Покорно прошу вас по получении письма, оказать содействие в этом деле. Когда вы доложите о желании главы и членов общества, прошу сообщить об этом первому. *Чжао-вэнь-пу.*

С подлин. переводил:

студент А. Зинкевич.

С подлин. верно:

старший адъютант, генерального штаба подполковник
Изместьев.

**Его Высокопревосходительству, Командующему
3-й Маньчжурской армии**

ДОКЛАД
ПОЛЕВОГО ШТАБА
3-й МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ.
Управление генерал-
квартирмейстера
по разведывательному отделению.
Декабря 2 дня 1904 года.

Представляю Вашему Высокопревосходительству общие соображения по организации разведки в армии:

1. Полученные из расспросов данные о порядке сбора сведений о противнике указывают, что исключительные по силе, составу и бдительности меры охранения японцев представляют для нашей кавалерии трудно прорываемую завесу, за которою тщательно скрыты силы противника. Поэтому кавалерийская разведка в армии не могла дать до настоящего времени важных сведений о численности и группировка сил противника.

2. Наиболее ценные сведения о противнике получаются от агентов, коих желательно иметь: а) постоянных, живущих преимущественно в тылу расположения неприятеля, и б) пе-

риодически посылаемых для выполнения отдельных поручений.

3. Дело это требует, во-первых, тщательной организации, и, во-вторых, большого числа разведчиков, что вызывает крупные расходы.

Не следует останавливаться перед этими расходами, не взирая на то, что часть их может быть окажется и напрасною. Во время полученные и правильные сведения вполне окупят понесенные расходы.

4. В качестве разведчиков приходится пользоваться, главным образом, китайцами, но не теми, кои имеют шандунский выговор. Эти последние легко обнаруживаются японцами и сурово преследуются ими.

5. В портовых городах, как например, Инкоу, можно найти иностранцев.

6. С китайцами, принимающими на себя службу разведки, надлежит заключать условие, брать заложниками их семьи, помещать в условие, что в случае гибели разведчика его семья получает единовременное пособие, размер которого определяется по соглашению и может достигать 3500–4000 рублей (для лучших разведчиков выше).

7. Плата постоянным разведчикам, как показал опыт, определяется от 200 до 300 рублей в месяц, с выдачею за особо ценные сведения наградных. Не рекомендуется выдавать сразу крупные суммы, по получении коих китаец покидает опасное ремесло и предпочитает обратиться в мелкого торговца.

8. За выполнение отдельных поручений платится, смотря по важности, от 50 до 100 рублей.

9. В распоряжение старшего адъютанта разведочного отделения необходимо назначить одного строевого офицера из знающих китайский язык, для исключительного заведывания китайцами-разведчиками. Этот офицер ведет их опрос и запись и последнюю в обработанном виде представляет старшему адъютанту, не отрываемому от дела продолжительными и иногда малоценными опросами. В помощь офицеру назначается переводчик.

10. Необходимо обеспечить разведочное отделение особым помещением или особым вагоном, куда воспретить доступ посторонним лицам.

11. Желательно дать войскам настоятельное указание, чтобы деятельность охотничьих команд, высылаемых почти каждую ночь и несущих потери, имела целью не только тревожение неприятеля и уничтожение постов и застав, а захват пленных. Это должно служить одною из главных целей ночных предприятий охотников. Чем шире разовьется на всем фронте армии эта мера, чем чаще и регулярнее будет производим захват пленных, тем обильнее будет в нашем распоряжении материал. Как бы не были сдержанны в своих ответах пленные, их показания, в связи с наружными отличиями одежды, дадут сведения:

- а) какие части войск находятся перед фронтом армии,
- б) приблизительная их численность,
- в) степень обеспеченности продовольствием, теплою одеждою,
- г) настроение войск,
- д) организация (в известной мере) резервных войск,
- е) характер занятия позиции,
- ж) число офицеров в войсках.

12. Полезно иметь китайцев, понимающих по-японски. Приставляя их к пленным, можно через их получить кое-какие сведения из подслушанных разговоров.

13. Необходимо организовать в дни боев и при исполнении походных движений разведку в районе расположения и движения войск, с двоякою целью:

а) для борьбы с китайцами сигнальщиками, служащими у японцев. Только широкое наблюдение особо выделенными частями может парализовать вредную деятельность этого вида шпионов. Расход для этой цели конницы, оправдывается бесспорною пользою, которую принесет уничтожение сигнализации. По прибыти жандармского полужэскадрона эта служба отчасти ляжет на него.

б) Для наблюдения за тылом. Опыт указал, что особенно из некоторых войсковых частей отлучается под различными

предлогами значительное число нижн. чинов в тыл, где они собираются даже в артели, возвращаясь в свои части только после боя. Против этого явления, ослабляющего ряды армии, должны быть приняты энергичные и крутые меры. Расход на этот предмет, также по преимуществу конницы, уменьшить самовольные отлучки и мародерство. По прибытии жандармского полуэскадрона служба военной полиции в тылу должна быть возложена главным образом на него. Но и тогда в помощь жандармам необходимо будет назначать часть кавалеристов.

Угодно ли будет Вашему Высокопревосходительству приказать принять эти соображения в основание организации разведки.

Подлинный подписал:
генерал-квартирмейстер, генерал-майор
Алексеев.

С подлинным верно:
старший адъютант, генерального штаба подполковник
Изместьев.

Ведомость показывающая, какие задачи ставились лазутчикам

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
Декабря 1904 г.	13	10	1) Семи лазутчикам указано установить, поскольку то представляется возможным, имеется ли по линии р. Шилихэ вторая укрепленная позиция противника, выяснить ее характер, ее протяжение	Сводки №№ 9, 10, 11, 12, 13, и сведения от китайцев лазутчиков за 22–27 декабря.

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
			2) Двум — приказано выяснить количество пулеметов, собранных японцами у д. Шилихэ. Посылка преследовала цель проверки сведений, полученных штабом Главнокомандующего о прибытии туда значительного их количества.	
			3) Двое — посланы к д. Тадусампу с тем, чтобы один из них направился к югу от этой деревни вдоль р. Шахэ до впадения ее в Тайцзыхэ, а другой к северу по Шахэ на Хунлинпу, а если возможно, до Линшинпу. Оба должны были выяснить, имеется ли на названном участке укрупненная позиция, количество войск на ней и расположение их.	
			4) Два лазутчика с той задачей.	
Январь 1905 г. Февраль.			Сведений нет вследствие утери дел.	
Март.	4	2	В Факумынь и Чантуфу для определения, каких армий войска занимают эти пункты.	
Апрель.	3	3	Два — к Чженьчзяньтуню с целью проверки сведений о занятии этого пункта смешанным японо-хунхузским отрядом. Один — в направлении на Кайюань — Телин — Мукден для выяснения сил противника, находящихся к западу от железной дороги.	Сводка № 30.

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
Май.	6	6	Один — в Факумынский район для определения сил противника, сосредоточенных между Факумынем и Каньписяном.	
			Два — в район Чантуфу — Цзиньцзяньтун для выяснения протяжения и характера укрепленной позиции противника.	Сводки №№ 35, 37.
			Два — вглубь Монголии для проверки полученного сведения о нахождении в г. Ляоянчжоу кавалерийского отряда противника.	
			Один — в Синминтин для выяснения, какие резервные части армии Ноги находятся между Синминтином и Каньпинсяном.	Сводки №№ 33, 35, 37.
Июнь.	18	12	Один — в Телин с приказанием в течение недели следить за подходом укомплектованных и новых частей, а затем через Кайюань пройти обратно.	
			Три — пройти по маршруту Цзиньцзяньтунь — Факумынь, определить укрепленные позиции на этом пути.	
			Пять — в район Чантуфу — Тундзягоу для выяснения, какие именно части противника расположены в нем, а также какие деревни в указанном районе приведены в оборонительное состояние.	Сводки №№ 36, 37, 38, 39, 40, 41.

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
			Три — пройти маршрут Ляоянвопюнь и далее через Дунляохэ до впадения ее в Ляохэ. Определить на реках этих вновь построенные противником мосты, а также выяснить укреплены ли вообще все переправы.	
			Трое — в район Каньпинсянь — Сяотайцзы с поручением следить за малейшим передвижением войск в этом район в северном и западном направлении. Попутно проверять сведения о находившихся в этом районе войсках противника.	Сводки №№ 44, 45, 46, 47, 49.
Июль.	20	15	Восемь лазутчиков в район Чантуфу — Кайюань — Веюаньпумынь для выяснения расположения частей армии Нодзу; посылка в этот район была усилена вследствие получения сведений от 2 армии, что армия Нодзу уведена вперед.	Сводки №№ 50, 51, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 63.
			Один лазутчик резидентом в Чантуфу.	
			Один лазутчик резидентом в Цзиньцзяньтунь. Десять лазутчиков в район Молихэ — Факумынь для проверки сведений о переходе 6-й дивизии к Молихэ.	

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
			Три лазутчика — пройти маршрут Чантуфу — Тунцзян-коу — Сяотайцзы — Каньпин — Цзиньцзяньгунь, с целью проверить, произошли ли какие либо изменения в укреплениях на этом пути и в расположении войск.	
			Два — та же задача по маршруту Пабаотунь — Цзиньцзяньгунь — Синтайцзы — Каошантунь — Чантуфу и Пабаотунь — Янцзявоту — Факумынь — Сяотаза.	
Август.	33	15	Пять лазутчиков в район Чантуфу — Кайюань для выяснения, какие силы противника сгруппированы в этом районе.	
			Десять лазутчиков в район Молихэ — Синлунчжуан — Ляоянвопынь.	
			Два лазутчика в Телин и Мукден с целью выяснения слухов о прибытии на театр военных действий частей нового формирования.	
			Один лазутчик для сбора сведений о противнике по маршруту Чантуфу — Кайюань — по р. Цинхэ в Таулу и обратно в Чантуфу — Мацзунхэ Сыдягоу — Синтайцзы.	Сводки №№ 59, 60, 61, 62, 63–69.

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
			Один лазутчик для сбора сведений о противнике по маршруту Пабаотунь — Цзиньцзяньтунь — Сяотоза — Гуанцзятунь — Дафаншен.	
			Один лазутчик с той же целью Цзиньцзяньтунь — Сяотайца — Факумын — Тундзяндза.	
Август.	33	15	Один лазутчик по маршруту Чантуфу — Тученпу — Чангоуца — Кайюан — Сыфантай.	
			Один лазутчик Пабаотунь — Цзиньцзяньтунь — Сяотайца — Факумынь.	
			Один лазутчик Ляоянвопынь — Каньпиньсян — Синлужуан — Молихэ.	
			Один лазутчик по маршруту Эршшунпу — Чантуфу — Тунцзянкоу — Сяотайцзы.	
			Один лазутчик Дава — Сыфантай — Чантуфу — Мачентай — Кайюань — Каохэ.	
			Один лазутчик Пабаотунь — Цзиньцзяньтунь — Тунцзянкоу — Сяотайца — Чинюньпу — Цзиньцзяньтунь.	Сводки №№ 59, 60, 61, 62, 63–69.

Месяц и число	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Возлагавшиеся на них задачи	Исполнение задач
			Три лазутчика в Синминтин с целью отсюда пройти по линии тыловых складов до железной дороги.	
			Четыре лазутчика в район Пакашу — Лицзятай — Уфанлоу для перекрестной поверки лазутчиков 1-й армии.	
Сентября.			Всем высланным лазутчикам была дана общая задача следить порайонно за происходящими изменениями в расположении противника, при чем каждым трем давалась общая задача. Двое назначались ходоками.	Сведения добытые ими в сводки не помещались. Изменений в группировке сил противника не происходило.

Тыловая разведка

Время отправления.	Число высланных лазутчиков	Число вернувшихся лазутчиков	Куда направлены.	Какие даны инструкции.	Отметка о выполнении данных поручений.
Июль	10	10	<p>К ю.-з. от Пабаоху.</p> <p>К западу от Пабаоху.</p> <p>К ю.-з. от Куанченцзы на дороге между Шиулиганцза и Чженцзянтунь.</p> <p>В Лунуан — Фулунчен и Чаудиаден.</p>	Обязаны пройти в указанном направлении по 100–200 верст, дать описание пройденных путей, с указанием расстояний между населенными пунктами; собрать сведения об имеющихся запасах и пригодности поселений для размещения войск. Давать знать о появлении японских разъездов или агентов и их действиях; собирать все циркулирующие о деятельности японцев и их шпионов слухи. Давать сведения о появлении и деятельности хунжуских шаек и их численности.	Все доставленные сведения сводились к полному отсутствию каких бы то ни было подготовительных действий японцев. Было несколько донесений о появлении японских шпионов, но проследить за ними не удалось. Китайское население уходило вглубь Монголии, вывозя имеющиеся запасы продовольствия.
Август	20	15	<p>От Шиулиганцза на Чженьцзянтунь.</p> <p>К с.-з. от Фулунчена.</p> <p>К западу от Шиулиганцзы.</p> <p>К с.-з. от Куанченцзы по дорогам между Шиулиганцза и Фулунченом.</p> <p>К с.-з. от Фулунчена в направлении ставки кн. Удая.</p> <p>К з. от Шиулиганцзы.</p> <p>К ю.-з. от Куанченцзы.</p> <p>К с.-з. от Гунн-я-фу.</p> <p>К з. от Шиулиганцзы.</p> <p>К ю.-з. от Куанченцзы.</p>		

Описание военных действий 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии 18 апреля (1 мая) 1904 г.

После дневной бомбардировки Тюренченской позиции 17 апреля чувствовалось, что наступление неприятеля близко. Штаб 3-й дивизии перебрался в тыл Тюренченской позиции и расположился в узле дорог на Тензы, Потэтынзы и Тюренчен у р. Хантуходзы в поле; телеграф из Тюренчена переведен на одну версту ближе. Жестокая бомбардировка 17 апреля, продолжавшаяся до 5 часов вечера и вынесшая из строя до 85 человек, доставила много хлопот, принудила очистить д. Тюренчен и в ожидании боя отправить в тыл обозы. Письменной диспозиции на 18 апреля отдано не было, а распоряжения на случай боя переданы были начальникам участков. Начальнику Тюренченского участка полковнику Цыбульскому, вызванному в штаб дивизии, отданы следующие приказания: 1) ночью усилить охранение на Матуцео, 2) в окопах держать до утра только дежурные взводы, 3) 2-ю батарею 6-й артиллерийской бригады поставить на новую позицию правее старой китайской импани, 4) обозы 1-го разряда и перевязочный пункт поставить на дороге в Тензы.

Начальник отряда у Потэтынзы полковник Громов в 11 часов 50 минут вечера доносил следующее о сосредоточении японцев у Хусанских высот: с высоты вновь избранной артиллерийской позиции у Потэтынзы можно было наблюдать выше Ичжоуского утеса переправу значительных масс пехоты и примерно трех батарей не на вьюках, слышен был стук колес на правом берегу Ялу...

Расположение войск Тюренченского отряда в ночь на 18 апреля было следующее:

В центре, левее Телеграфной горы, за своими окопами были расположены 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 9-я и 12-я роты полка; ближайшей поддержкой им служили 7-я и 8-я роты того же полка. Правее Тюренчена в передовой линии была расположена 6-я рота 11-го полка и 8-я рота 24-го полка под общей

командой подполковника Яблочкина. В частном резерве их находились 5-я и 8-я роты 11-го полка. В общем резерве Тюренченского участка находились 1-я, 5-я, 10-я и 11-я роты 12-го полка и охотничьи команды 10-го и 12-го полков, расположившиеся вблизи штаба. Тут же стала и пулеметная рота. Позиция у Потэтынзы была занята девятью ротами 22-го полка и 7-й ротой 11-го полка, находившейся в береговых окопах у р. Эйхо. Вечером 17 апреля полковник Громов отодвинул батарею на 200 сажен к югу, в горы, дабы предохранить ее от жестокого шрапнельного огня, которым она была обстреляна утром.

У Чингоу стояли три роты 22-го полка и два орудия 3-й батареи 6-й артиллерийской бригады, охраняя переправу и дорогу из д. Цуан-санди. Для связи с Потэтынзским отрядом и сего последнего с Чингоуским были выставлены посты от охотничьей команды 12-го полка.

Около 11 часов вечера в штаб дивизии вновь явился командир 12-го полка полковник Цыбульский и доложил, что есть все данные предполагать завтра штурм позиции; что силы японцев, несомненно, превосходны; что полк понес уже значительные потери от бомбардировки 17-го; что снаряды осадных орудий прямо невыносимы для пехоты и что он не ручается, что спокойно ответит войска с своих позиций, что окопы невозможно занимать, так как завтра японцы специально будут их обстреливать.

После обсуждения этого вопроса с начальником моего штаба я послал следующую телеграмму в Санчен начальнику отряда.

«При сегодняшней (17 апреля) бомбардировке Тюренчена 6 осадными орудиями и по крайней мере 6 батареями полевых орудий, продолжавшейся с 10 часов 20 минут утра, с краткими перерывами, до 5 часов 30 минут вечера, причем выброшено на Тюренченскую позицию не менее 2000 снарядов, Тюренченский отряд не понес больших потерь благодаря лишь тому, что артиллерийский огонь японцев был исключительно направлен на батареи у Тюренчена и частью на места,

где предполагались резервы, которые и понесли значительные потери. Половина отряда занимала береговые окопы, сегодня по окопам не стреляли, вероятно не заметив перехода в окопы. После 3 часов начали стрелять исключительно из осадных орудий, причем забросали положительно огромную площадь тыла позиции, очевидно, предполагая отступление обозов и отряда. Сегодня ночью, очевидно, полевые батареи будут переброшены на острова, и нужно думать, что обстреляют все окопы, которые, вероятно, им хорошо известны. При таких условиях отряд будет играть пассивную роль и нести большие потери, которые даже трудно предугадать. Соглашаясь с мнением начальника участка обороны, я полагал бы своевременным занять следующие за Тюренченом возвышенности этой же ночью, оставив в передовой линии охранение, которое с рассветом отойдет.

Стратегического положения не касаюсь, так как оно вашему превосходительству известно лучше меня.

2-я батарея и сегодня понесла большие потери и через 15 минут замолчала. Подробности о потерях донесу дополнительно. Прошу немедленного указания. Генерал Кашталинский».

В ответ на это я получил следующую телеграмму от начальника штаба Восточного отряда.

«Срочно генералу Кашталинскому.

Начальник отряда приказал людей с занимаемых мест никуда не уводить и только в случае бомбардировки, в начале ее, разрешил, оставив сторожевое охранение, отвести людей сажень на 100, на 200 далее на ближайшие возвышенности с целью скрыть, но не уходить. Полковник Орановский».

Таким образом, бой 18 апреля должен был быть упорным, так как в случае наступления превосходных сил предстояло успеть отодвинуть войска из Шахедзы и, главное, успеть эвакуировать 9-й госпиталь, лазарет, этап № 8 с его запасами и значительные запасы зерна, закупленные в Шахедзах.

Никаких распоряжений из штаба отряда о том, чтобы убирать тыл, я не получил.

В 3 часа ночи я получил донесение из 12-го полка о том, что на островах слышен стук колес, шум переправы и грохот перевозимых по мостам орудий. Видно было, что японцы готовились к штурму.

Ровно в 5 часов утра, с восходом солнца, раздался первый залп неприятеля по Тюренченской позиции. Эта позиция обстреливалась как с фронта, с островов, так и с двурогой горы, на которой была ночью поставлена батарея, место для которой видел еще 16 апреля начальник штаба дивизии подполковник Линда после занятия Хусанских высот.

Ход боя. Вслед затем, около 5 с половиной часов утра, шрапнельный огонь был направлен к стороне Потэтынзы. Ход боя пока по донесениям и опросам командира 12-го полка и оставшихся в живых батальонных и ротных командиров представляется в следующем виде.

Центр

С рассветом сторожевые роты 2-я, 3-я, 4-я и 6-я отошли в свои окопы. В начале 6-го часа утра были замечены на левом берегу Эйхо редкие цепи японцев, за которыми шли густые колонны пехоты. По ним был сначала открыт сильный залповый, а затем и пачечный огонь. Роты в окопах терпели сильный урон от шрапнельного продольного огня. Полковником Цыбульским постепенно были влиты в боевую линию 5-я, 10-я и 11-я роты.

Около 8 часов утра японцы под прикрытием сильного флангового огня вылезли на берег и вскоре роты боевой линии стали, не ожидая штыковой схватки, отходить из окопов на следующие возвышенности.

Увидев отступающие части 12-го полка, я в 9 часов утра приказал занять для поддержки отступающих тыловую позицию, на которой были поставлены 4 орудия в центре, справа пулеметная рота, 7-я и 8-я роты 12-го полка и слева — части рот боевой линии: 2-я, 3-я и 5-я роты 12-го полка.

Для продольного обстреливания долины р. Хантуходзы были поставлены 3 орудия 2-й батареи 6-й артиллерийской

бригады (четвертое орудие было подбито 17 апреля и оставлено при зарядных ящиках).

Расстроенные боем 4-я, 6-я, 9-я, 10-я и 12-я роты 12-го полка и 1-я рота, находившаяся при знамени, отошли в резерв за тыловую позицию. Около 4 часов утра на позиции батальона 11-го полка приехал начальник отряда генерал Засулич со штабом и затем в начале 6-го подъехал к штабу дивизии. Узнав о движении сильных японских колонн, начальник отряда послал старшего адъютанта штаба дивизии генерального штаба капитана Кржеминского к резерву в Тензы с приказанием немедленно привести остальные два батальона 11-го полка и 3-ю батарею 3-й артиллерийской бригады, после чего уехал с позиции к резерву. Это было в 7 часов 25 минут утра. Подкрепления эти из резерва могли прибыть не раньше 11 часов утра. Расстановку войск на второй позиции делал я лично в сопровождении моего начальника штаба. К 10 часам к левому флангу подобрались около 4 сборных рот 12-го полка.

Наступление японских колонн с Тюренченских высот было остановлено сильным огнем 2-й батареи и пулеметов. Бой в центре затих. Еще в 9 часов утра для наблюдения была послана охотничья команда 10-го полка на правый фланг к д. Дзиньпао. Не получая донесений от полковника Громова и имея в виду, что у Чингоу стоит целый батальон и 2 орудия с конными охотниками, я не беспокоился за левый фланг; лишь около 10 часов утра, случайно узнав, что 22-й полк отступил, я немедленно двинул к Чингоу охотничью команду 12-го полка, от которой и получил первые донесения об обходе японцев.

Бой на правом фланге Тюренченского участка велся в таком порядке: около 6 часов утра был открыт огонь по наступавшим японским колоннам, которые обстреливались в течение часа 5-й и 6-й ротами 11-го полка и пешей охотничьей командой поручика Остапенко. Около 8 часов утра подполковник Яблочкин узнал, что 6-я рота 12-го полка уже отошла с передовых позиций, почему, согласно полученным указа-

ниям полковника Цыбульского, приказал 6-й роте и пешим охотникам отходить, причем сообщил 8-й роте 24-го полка, чтобы она отходила на Тензы.

В это время японцы занимали уже Тюренченские высоты; в 9 часов 15 минут получено личное приказание полковника Цыбульского остановиться и прикрыть отход рот 12-го полка. Отход этот прикрыла 6-я рота 11-го полка, имея в резерве 5-ю. 6-я рота стреляла около 25 минут, находясь сама под сильным огнем японцев. Здесь были ранены командир батальона подполковник Яблочкин, командир роты капитан Булгаков и поручики Бужинский и Сычев.

Остановив наступление японцев и не получая дальнейших приказаний, батальон в 10 часов утра начал отходить в Тензы, кроме 8-й роты, занявшей позиции в тылу.

Бой у Потэтынзы.

Еще 16 апреля расположение 22-го полка и 3-й батареи было осмотрено начальником штаба дивизии и позиция для обороны бродов признана вполне соответствующей своей цели. Вечером 17 апреля войска были отодвинуты к югу, как сказано выше в донесении полковника Громова № 52. Ход боя у Потэтынзы излагаю по показаниям штабс-капитана 7-й роты 11-го полка Антоновича, который участвовал в этом деле. «В береговых окопах у Эйхо находилась только 7-я рота 11-го полка, которая не спала целую ночь. Дальнейшего охранения впереди роты выставлено не было. Около 5 часов утра японцы открыли шрапнельный огонь с батарей на островах по окопу и батарее. Наша батарея стала ей отвечать, но скоро замолчала. В это же время с Хусанских высот двинулась, прикрываясь цепью, японская колонна. Роты на позиции открыли огонь, но уже около 6 часов утра огонь прекратился, и я узнал, что роты уходят в горы. Тогда и 7-я рота 11-го полка, понесшая потери и потерявшая ротного командира, вышла из окопов и отступила через горы в долину Тензы, куда и прибыла только к 5 часам вечера». Донесения об отступлении 22-го полка я утром не получил.

Около 11 часов утра, ожидая подхода 11-го полка, я поехал осмотреть намеченную его позицию на высоте 84,1 и здесь ко мне подскочил лазаретный фельдшер 6-й дивизии на буланой лошади и спросил, куда двигаться лазарету, прибавив, что начальник штаба отряда приказал двигаться на Лошагоу. Я сказал, что туда и двигаться. Фельдшер прибавил, что 22-й полк разбит, что в Лошагоу японцы, что батарея взята и знамя потеряно.

Я немедленно вызвал охотничью команду 12-го полка, занявшую перед тем по моему указанию тыловую позицию для прикрытия отхода 12-го полка, и приказал ей на рысях отправиться на наш левый фланг для выяснения, что там происходит.

Сведения эти я передал подъехавшему вскоре начальнику моего штаба. Вскоре было получено донесение поручика Янчиса, что японская колонна силой около полка движется от Чингоу на Лауфангоу, а за ней видны 3 эскадрона кавалерии. В это время подошел уже 11-й полк и 3-я батарея, ставшие в резервном порядке в ложине восточнее высоты 84,1. Немедленно командир полка, командир 3-й батареи, начальник штаба и генерального штаба капитан Кржеминский поехали на указанную мной вершину 84,1. Я, страдая страшной головной болью вследствие полученной накануне контузии, остался внизу. Когда возвратились посланные мной лица, я приказал командиру 11-го полка занять позицию фронтом на северо-запад; командир батареи подполковник Муравский вернулся к своей батарее. Я с капитаном Кржеминским поехал к ущелью по дороге на Чингоу, так как считал этот фланг более угрожающим для всего отряда. Вся эта дорога уже обстреливалась в это время огнем засевших на вершинах японцев. Встретив подполковника Муравского, я приказал ему идти обратно к резерву в Тензы. Отъехав небольшое расстояние, я встретил генерального штаба капитана Ярона, который передал приказание начальника отряда «отступить».

Здесь я встретил роту 22-го полка, которой приказал занять высоту фронтом на север против обходящих колонн, но

как только я отъехал, то, как мне доложил капитан Кржеминский, рота с началом огня японцев отступила.

Одновременно я послал начальнику моего штаба, оставшемуся при арьергарде, письменное приказание вывести оставшиеся войска с арьергардной позиции.

Начальник штаба подполковник Линда лично на позиции, обстреливаемой уже шрапнельным огнем от Тюренчена, установил порядок отхода войск. Вначале были отведены стоящие в резерве роты 12-го полка, затем отведены пулеметная рота, батарея штабс-капитана Сапожникова и остальные роты 12-го полка. Последней должна была отойти 5-я рота 12-го полка, которой было отдано приказание стоять до особого распоряжения. Рота эта понесла 75% потерь.

Кроме сего 2 орудия 3-й батареи 3-й бригады с прикрытием полуроты 11-го полка были поставлены на позиции для обстреливания ущелья в долину р. Хантуходзы с приказанием «остаться до конца». Взвод этот под командой храброго поручика Костенко честно выполнил свою задачу и потерял половину людей и всех лошадей. Поручик Костенко убит.

Пулеметная рота, следуя в походной колонне, благополучно миновала гору 84,1, но при выходе в лощину была обстреляна зашедшими в тыл японскими цепями, почему по инициативе командира роты стала на позицию: за ней в походной колонне двинулась батарея подполковника Муравского (6 орудий); пропустив зарядные ящики карьером по обстреливаемой долине, он благополучно их отвел. В орудиях, пущенных также карьером, сразу было перебито несколько лошадей и много прислуги, вследствие чего батарея остановилась. Тогда подполковник Муравский поставил ее на ближайшей позиции и стал обстреливать японцев, но вскоре был убит, а с ним перебита и половина прислуги. На арьергардной позиции фронтом на восток последней осталась 5-я рота 12-го полка, 2 орудия 3-й батареи и в прикрытии к орудиям полурота 3-й роты 11-го полка, которым было приказано стоять на позиции до конца и умереть на орудиях.

О силе нашего ружейного огня свидетельствуют следующие данные о расходе патронов. В 12-м полку уже на первой позиции был расстрелян в ротах первой линии весь боевой комплект и потребовались патронные двуколки. Патронные двуколки направились на позицию в 5 часов утра по моему приказанию. На второй позиции патроны были пополнены уже из двуколок. В 11-м полку в короткий период боя — с 11 часов утра до часу дня — также был расстрелян весь боевой комплект и на позиции были притянуты ротные и батальонные двуколки, совершенно опорожненные к концу боя. Пулеметная рота к концу боя расстреляла почти весь запас своих лент с патронами (до 40 000 патронов). Считая, что дралось не менее 5000 бойцов (в 11-м и 12-м полках) и полагая даже по 150 патронов на винтовку, выйдет, что за бой 18 апреля 2-я бригада 3-й дивизии вместе с пулеметами выпустила до 800 000 патронов.

Тяжкие потери 11-го и 12-го полков и потеря орудий и пулеметов объясняются слишком быстрым обходом левого фланга позиции как от д. Потэтынзы, так и от д. Чингоу. Два батальона 22-го полка, оборонявшие броды у Потэтынзы, слишком быстро очистили позиции, и об уходе их я не имел сведений до 11 часов утра, когда японский обход был уже глубоким. Первое донесение от полковника Громова, посланное неизвестно откуда в 12 часов 15 минут утра, получено вечером, около 4 часов дня, 18 апреля, когда бой кончился. Донесение гласило:

«Согласно полученному распоряжению прошел от Потэтынзы к Чингоу, причем дорога по правому берегу Эйхо была занята, пришлось отходить горами. Подойдя к Чингоу, заметил отступающий взвод артиллерии. Приказал отступить Чингоускому отряду; нахожусь теперь на дороге на Тензы; дорога на Лошагоу оказалась занятой, отступаю на Тензы». Подписал полковник Громов.

Приводя это совершенно неясное и запоздалое донесение, должен сказать, что путь отступления отряда у Потэтынзы на Чингоу — Лошагоу был указан много ранее, согласно

указанию штаба отряда. В день же боя я, не получая никаких донесений от полковника Громова, не давал ему уже никаких новых распоряжений. Батальон 22-го полка, оборонявший позицию у Чингоу, почти не защищал ее. Ввиду следования 22-го полка при отступлении от Ялу к Феншуйлинскому перевалу особой колонной, я не имел возможности разобратить подробности дела у Чингоу, но, по рассказу раненого командира взвода 3-й батареи 6-й артиллерийской бригады поручика Шеляпина, стоявшего с двумя орудиями на позиции Чингоу, дело представляется в следующем виде. Два орудия у Чингоу и батальон 22-го полка были поставлены на позиции д. Чингоу, выбранной полковником Громовым весьма неудачно, так как из окопов нельзя было обстреливать долину, по которой на левом берегу Эйхо должен был наступать неприятель. С восходом солнца 18 апреля японские цепи стали обстреливать с левого берега Эйхо орудия, причем были выведены из строя 4 человека прислуги и ранен командир взвода поручик Шеляпин. Батальон, открывший было огонь, стал быстро отступать, а за ним ускакали и два орудия, избрав путь из Чингоу на Тензы в тылу позиции у Потэтынзы; в горах он встретил роты 22-го полка, идущие вразброд, и, вероятно, в это время уже началось общее беспорядочное движение 22-го полка через горы в долину к селению Тензы. Должен также указать, что отряд, стоявший у Амбихэ и отошедший, как я узнал после, еще 16 апреля к д. Хунсилаз в 22 верстах от штаба отряда, видимо, не вел 17 апреля разведки и наблюдения неприятеля и ничего не донес штабу отряда о движении японцев, несмотря на то, что в составе этого отряда, кроме охотничьей команды, возвращенной к полку еще 16 апреля, по моему приказанию, находились еще 1-я и 2-я сотни Уссурийского полка.

Слишком быстрое отступление отрядов от Чингоу и Потэтынзы, о чем не было донесено ни мне, ни в штаб отряда, позволило японской колонне быстро наступать в обход моего левого фланга. С другой стороны, отлично сознавая, что раз японцы утвердились 17 апреля на правом берегу Ялу и что

отступить без боя теперь уже невозможно и быстрое отступление Тюренченского отряда позволило бы японским колоннам, при их огромном превосходстве в силах, проникнуть в долину Тензы и этим поставило бы весь Восточный отряд в опасное положение быть отрезанным от Фынхуанчена и даже быть окруженным, я считал необходимым упорно удерживаться на тыловой позиции, не обращая внимания на обход японцев, дабы, пожертвовав частью отряда, дать возможность отойти спокойно Шахедэскому отряду и дать время убрать наш тыл. Потери Тюренченского отряда 18 апреля и людьми и материальные велики, но они сделаны сознательно ради пользы общего дела. Полагаю, что японцы не могут особенно гордиться этой победой 40-тысячной армии против 8-тысячного отряда, из которых в сущности на позициях дрались только 6 батальонов 12-го и 11-го полков.

В этом тяжелом бою все чины Тюренченского отряда, виденные мной, вели себя согласно долгу и присяге. Пехота и артиллерия соперничали в умысле умирать, и Тюренченский бой имеет целый ряд эпических сцен, которые станут достоянием истории 11-го и 12-го полков и батарей, участвовавших в бою.

Начальник генерального штаба подполковник *Линда*. Феншуйлинский перевал.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 56–62.

Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II. Из отчета № 16. 15(28) мая — 22 мая (4 июня) 1904 г.

...В начале истекшей недели получены известия о взятии неприятелем после 5-дневного упорного боя и 16-часового кровопролитного штурма Цзиньжоуской позиции, прикрывавшей доступ на Квантунский полуостров.

Даже японские донесения указывают, что этот успех достигнут ценой огромных потерь. По официальным сведениям

ям, генерал Оку, штурмовавший позицию у Цзиньчжоу, потерял 3–4 тысячи человек. Цифра, конечно, неверная и, быть может, показывающая лишь потери убитыми. Источники неофициального происхождения определяют убыль 2-й японской армии во все время боев у Цзиньчжоу в 12–15 тысяч человек.

Отсутствие подробного донесения от генерала Стесселя не дает возможности определить, вынуждены ли были наши войска сразу же отойти в Порт-Артур, или же они еще замедляют на передовых позициях приближение неприятеля к крепости, действия под которой приобретают в данный период кампании первенствующее значение для обеих сторон.

Квантунский отряд

О событиях, происшедших в районе действий Квантунского отряда и закончившихся занятием японцами Цзиньчжоуской позиции, от генерал-лейтенанта Стесселя получено лишь 20 мая весьма краткое донесение, по которому нельзя составить представления о ходе боя и даже о составе и силе тех войск, которые были сосредоточены нами на позиции. Обильны по числу и обширны донесения командующего 2-ю японскою армиею, но и они касаются более свойств позиции и тех препятствий, которые устроены были русскими впереди нее, чем описаний действий подчиненных ему войск. Последняя сторона донесений представляется отрывочной, умышленно затуманенной.

Из японских донесений видно, что ряд боев, сопровождавших приближение неприятеля к Цзиньчжоуской позиции, начался еще 8 мая, но где происходили эти бои, какие передовые пункты и позиции оборонялись русскими войсками, — сведений не имеется. 9-го, по-видимому, продолжался бой за передовые позиции, которые были избраны японцами для расположения своей артиллерии.

10 и 11 мая производились разведки и установка артиллерии на высотах, тянувшихся к северо-востоку от позиции. Решительный бой начался 12-го числа и продолжался до 8 ча-

сов вечера 13-го, причем 12-го же в бухту Цзиньчжоу прибыла флотилия из двух канонерских лодок 1-го класса, двух 2-го класса и шести миноносцев, но сильный ветер и волнение помешали им принять в тот же день участие в сражении.

Сильная с фронта Цзиньчжоуская позиция, укрепленная нашими войсками, усиленная искусственными препятствиями, минами и фугасами, имеет крупный недостаток — поражаемость в тыл и левый фланг с мелкосидящих судов, если атакующий имеет возможность прибегнуть к их содействию. При последнем условии упорная оборона позиции представляется крайне трудной, и задача, которую может принять на себя находящийся на позиции отряд, должна быть ограничена лишь более или менее продолжительным замедлением наступления противника, избравшего целью своих действий Порт-Артур.

Во всяком случае уже 12 мая японцы произвели атаку, отбитую защитниками.

В полночь 13-го перед позицией развернулись: 4-я дивизия на правом фланге, примыкая к берегу залива, 1-я в центре и 3-я на левом фланге. В бурную погоду японцы начали приближаться к позиции, и в 5 часов утра начался бой за передовой пункт позиции — городок Цзиньчжоу, в скором времени очищенный занимавшими его, по всем признакам, ничтожными силами.

В 6 часов утра открыли огонь свыше 100 орудий, развернутых перед фронтом позиции, и тяжелая артиллерия канонерских лодок, подошедших на дистанцию хорошего выстрела. Этот огонь «совершенно уничтожил наши батареи на позиции», говорит в своем донесении генерал Стессель, и открыл своей пехоте возможность приблизиться на 400–700 шагов к укреплениям. Но, прежде чем настала эта минута, наша артиллерия и орудия канонерки «Бобр», находившейся в бухте Хунуэза, сделали свое дело, «нанеся японцам громадные потери».

Можно предполагать, что, надвинувшись на дистанцию 400–700 шагов ранее 11 часов утра, японская пехота произ-

вела немало попыток к овладению позицией, но была отбиваема с большими потерями.

Ввиду этого до 5 часов вечера японцы продолжали обстреливание позиции с моря и с высот, и только в 7 часов вечера двинули 4-ю дивизию в охват позиции слева по мелкой воде (глубина выше пояса) Цзиньчжоуского залива, обеспечивая это движение огнем флотилии. Этот маневр решил дело. Не имея возможности использовать свои фугасы и мины или отбросить обходящего контратакою, лишившись содействия артиллерии, генерал Стессель «приказал постепенно очищать позицию». Оставшиеся еще целыми орудия взорваны и испорчены.

В 7 часов вечера, по японским сведениям, неприятель достиг центра позиции, очищаемой нашими войсками.

Настойчивость, с которою японцы вели атаку, свойства местности, заблаговременность подготовки позиции — все это говорит за то, что успех куплен атакующими очень дорогою ценою, далеко превышающей ту цифру, которую выставил командующий 2-й армией в своем донесении (3½—4 тысячи).

По донесению генерала Стесселя, из рядов защитников было из строя убитыми и ранеными до 3 офицеров и 800 нижних чинов. Если эта цифра определяет действительные наши потери, то можно сказать, что они невелики и вполне окупаются достигнутыми результатами. По свидетельству самого противника, отступление произведено в полном порядке, и полевая артиллерия, занимая арьергардные позиции, положила предел дальнейшему движению японцев, принужденных отказаться от преследования.

Сведения генерала Стесселя ничего не говорят о событиях 14 и 15 мая, и неизвестно, до каких пунктов достигли японские войска и какие ближайшие задачи ставит себе Квантунский отряд.

Описание подвига фейерверкера 3-й батареи 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в бою 17 августа под Ляояном

В 5 с половиной часов утра 17 августа 1904 года на передовых позициях г. Ляояна, уд. Цофантунь, 3-я батарея 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, занимавшая позицию в окопах на седловине между сопками, выкатила орудия на гребень для поддержки наших стрелков, но была расстреляна японскими пехотными частями, подошедшими к ее позиции еще ночью на 500 шагов. Первым же залпом было убито 4 человека, а потом вскоре выбыла из строя почти вся прислуга. Видя невозможность стрелять, командир батареи подполковник Покотило приказал прикрытию скатить орудия. В это время против японской дивизии оставалась только на позиции $\frac{1}{2}$ роты прикрытия от 11-й роты 22-го полка под командой капитана Геждеу. Одно орудие, остававшееся на позиции около двух часов, и сделало все дело.

Штабс-капитан Костров начал осыпать шрапнелью, без установки, лощину и иногда переносил огонь, с установкой трубки, на передовую сопку, только что нами оставленную и занятую японцами всего в 400 саженьях от позиции. Орудие и ободрившаяся пехота стреляли безостановочно, и бесчисленные атаки японцев были отбиты. Их густые цепи были отброшены к японским колоннам, которых было очень много. Через долину сюда же двигались большие батальонные колонны. Тревожен был первый час этого отчаянного сопротивления одной роты и орудия; ясно было, что главное направление атаки было избрано именно на эту седловину. Штабс-капитан Костров был ранен, остался в строю и продолжал командовать, пока не был ранен еще раз и не унесен с поля битвы. Орудие осталось без руководителя-офицера, но наши молодцы не потерялись. Взводный фейерверкер Андрей Петров тотчас же вступил в командование орудием, а затем подбежал к генерал-майору Данилову, все

время остававшемуся невдалеке от этого орудия, и просил его указаний о целях и о питании орудия патронами. Узнав, что офицеров никого при орудии уже нет, командующий дивизией сказал ему: «Пошлю сейчас же от пехоты за патронами к ящику и в соседнюю 4-ю батарею. А ты сам можешь ли стрелять?» — «Точно так». — «Так продолжай». Орудие опять начало стрелять, по-прежнему поражая врага, то вниз по атакующим, то вверх по передовой сопке. Сам фейерверкер Петров был два раза ранен, но не покинул орудия, а несколько раз обращался к генералу Данилову за помощью. Наконец, около 12 часов дня, он, не имея более патронов, совершенно обессиленный от ран и оглошший от шума выстрелов, с вполне утомившейся и обессиленной прислугой, прекратил огонь. Орудие командующий дивизией приказал убрать, а на его место был поставлен вновь сформированный взвод той же батареи поручика Шеляпина. Но цель была почти уже достигнута этим одним орудием и полуротой его прикрытия. Скоро прибыли два батальона 21-го стрелкового полка, и позиция укрепилась за нами окончательно. Орудие в течение 4 часов времени выпустило 1000 патронов.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 172–173.

**Ген. Куропаткин — Николаю II.
Донесение. Ляоян,
19 августа (1 сентября) 1904 г., 12 ч. 15 мин.**

Сего числа произведена частями армии Куроки переправа на правый берег Тайцзыхэ, в местности Сакан — Канквантун, где река делает излучину. Уже в 5 часов утра нашими передовыми частями конницы и разъездами установлено, что переправилась дивизия пехоты с артиллерией и конницей; переправилась в брод, каковых ниже еще не открылось. Япон-

цы оттеснили наши кавалерийские части и продвинулись в двух направлениях: в направлении на запад — к передовой позиции 17-го корпуса у Сыквантуня — и направлении к Янтайским копиям. Переправившиеся части образовали завесу, скрывавшую переправу дальнейших частей. Боя 17-й корпус сего числа не вел. Ныне армия Куроки настолько многочисленна, что выход ее на сообщения Ляояна с Мукденом может иметь самые тяжелые последствия. Один 17-й корпус не в силах остановить движение Куроки в обход наших позиций у Ляояна. Поэтому потребовалось немедленное усиление войск правого берега Тайцзыхэ в зачет войск левого берега. Такая мера могла быть приведена в исполнение только при оставлении нами передовых позиций под Ляояном и переходе войск на главную позицию, значительно более короткую. Несмотря на настоятельную надобность в усилении наших войск на правом берегу, очищение наших передовых позиций днем представлялось опасным, ввиду вероятных огромных потерь. Я решил держаться до вечера и только с наступлением темноты начал уборку с крутых высот артиллерии и отвод на главную позицию войск; такое решение вело к новому бою за передовые позиции. Бой велся с большим напряжением, с развитием до 8 часов вечера; с 8 часов вечера до 12 часов ночи, когда составляется настоящее донесение, наступило полное затишье. Как и вчерашнего числа, бой окончился для нас вполне успешно, ибо мы сохранили за собой без исключения все свои передовые позиции; особенно упорный бой велся на правом фланге 1-го Сибирского корпуса. В 9-й дивизии генерал-майора Кондратовича артиллерийская борьба велась с огромным расходом патронов, несмотря на предупреждения начальствующих лиц о бережливом их расходовании; мы выпустили за два дня до 100 тысяч орудийных патронов. Японцы выпустили не менее двойного числа.

Осыпаемые целый день шрапнелью, наши войска с редким упорством отстаивали порученные их обороне позиции. Подготовив атаку артиллерийским огнем, японцы несколько

раз штурмовали позиции 1-го корпуса. Некоторые из самых передовых наших укреплений после упорной обороны их переходили в руки японцев, но каждый раз мы вновь овладевали ими ударом в штыки, причем японцы оставляли массу убитых после штыковой схватки. Перед некоторыми участками позиции войска успели выкопать в гаоляне большое число волчьих ям; местами эти ямы были завалены японскими трупами доверху. Потери японцев должны быть огромны, но и наши потери, не приведенные еще в известность даже приблизительно, тоже значительны. Наиболее пострадавшие батальоны 1-го Сибирского корпуса продолжали сражаться, уменьшившись в составе до 300 бойцов. Ранен генерал-майор Мрозовский; контужен, но остался в строю, генерал-лейтенант барон Штакельберг; в наши руки досталось значительное количество японского оружия.

Предстоит очень трудная задача отвести ночью по труднопроходимым, размытым от дождя дорогам три с половиной корпуса войск. Если противник перейдет в наступление, то неизбежны еще значительные потери. Общее распределение войск, применяемое мной, будет следующее:

2-й 3-й, 4-й корпуса и бригада 10-го корпуса останутся на левом берегу Тайцзыхэ для упорной обороны главной укрепленной Ляоянской позиции;

начальником этих войск мной назначен генерал Зарубаев; на правый берег переводятся 1-й Сибирский, 10-й армейский корпуса, которые вместе с 17-м корпусом и свободными от охраны флангов и тыла частями 5-го корпуса, а также с начавшими прибывать частями 1-го армейского корпуса, составят силу на правом берегу Тайцзыхэ, достаточную не только для обороны, но и для наступления. Мы устроили через р. Тайцзыхэ шесть мостов, которые и допускают относительно быстрый переход войск с одного берега на другой...

Генерал-адъютант *Куропаткин*.

Донесение ген. Куроки японскому Главному штабу

Передовая колонна правой армии, вытеснив отряд русских, заняла вечером 15 августа линию от Иншупуцзы на левом берегу Тайцзыхэ до Шанмяоцзы. В этот день Тайцзыхэ вышла из берегов, и мы не имели возможности перейти ее в брод. Мосты были разрушены русскими, и, таким образом, главные силы правого крыла не могли быть переправлены через реку. Наша вторая колонна действовала против неприятеля на высотах севернее Сунчиасая. Левое крыло перешло в наступление против неприятеля на холмах северо-западнее Сунчиасая и заняло линию высот южнее Цзяочао через холмы 240 метров высоты до Сяолинцзы. Здесь наши войска расположились на бивуаках против неприятельских войск, которые занимали возвышенность западнее Цзяочао и Тасиминлина. Третья колонна, выступив в 10 часов утра, оттеснила неприятеля и заняла холмы от Суфантая до Хсиантжанцзы.

16 августа первая колонна, находившаяся на тех же позициях, которые она заняла накануне, начала готовиться к переправе на левый берег Тайцзыхэ. Часть правого крыла второй колонны, отбросив неприятельские разьезды, заняла Шичиадзы после 8 часов утра. Левое крыло той же колонны утром, после 6 часов, утвердилось в Тасиминлине. Третья колонна заняла высоты южнее Сучиагоу и произвела разведки неприятельским силам, расположенным на высотах Яючи и Мындяфань.

17 августа третья колонна атаковала неприятеля на холмах Яючи и Мындяфань. После отчаянного сражения, в конце концов, наши войска заняли высоты севернее Сюддягоу, но в продолжение ночи неприятель, значительно увеличив свои силы и пуская в ход полевые прожекторы, открыл жестокий огонь по нашим позициям, вследствие чего сражаться нам пришлось при самых тяжелых условиях. Левое крыло той же колонны заняло в 6 часов вечера высоты восточное Ваньбаотая и затем начало оказывать поддержку другим войскам. Главные силы первой колонны перешли в брод через

Тайцзыхэ, близ Лентоувана, а за ними переправилась и большая часть второй колонны.

18 августа наша колонна у Беньсиху перешла Тайцзыхэ в окрестностях Волунцзуна, вытеснила неприятельскую пехоту из Вейнинена и заняла Беньсиху. Первая колонна и большая часть второй колонны переправились через Тайцзыхэ без сопротивления со стороны неприятеля. Вечером они заняли высоты от Квантуна до Шунчуана, но артиллерии нашей пришлось выждать окончания постройки понтонного моста через реку. Третья колонна и левое крыло второй колонны удерживали прежнюю позицию. Неприятель делал попытки производить контратаки, но без результата. Артиллерийское сражение продолжалось до утра 19 августа.

19 августа с рассветом наша первая колонна и главные силы второй открыли действия против неприятеля, расположившегося на холмах к северу от Хейянтая. Русские войска занимали также местность севернее этих холмов.

В полночь неприятель начал покидать холмы Мындяфана, и наша третья колонна заняла высоты к северу от Яючи и холмы севернее Мындяфана между 7 и 11 часами утра. Часть нашей колонны, занимавшей Пеншифу, отгеснила неприятеля к северу после ожесточенного сражения, начавшегося в 8 часов утра. До 3 часов дня мы заняли высоты севернее Сияншаоцзы. В 5 часов вечера неприятель снова двинулся к югу, но был отбит.

...

20 августа с рассветом наша правая колонна атаковала неприятеля, наступая на его правый фланг, и после упорного сражения заняла линию от окрестностей каменноугольных копей до высокого холма западнее Таяо. Тем не менее неприятель постепенно усиливал на этом пункте свои войска и в полдень он располагал приблизительно 60 орудиями. Главные силы второй колонны пытались атаковать неприятеля на высотах Сыквантуня, но наши войска осыпались градом снарядов, а в 10 часов утра большой отряд неприятеля произвел контратаку.

Вследствие этого мы оказались не в состоянии достигнуть своей цели и смогли лишь удержаться на холмах к северо-западу от Хейянтая. Вслед за тем неприятель при поддержке приблизительно 50 орудий атаковал оба фланга позиции, занятой нашей второй колонной.

21 августа неприятель двинулся против нашей армии, но был отбит на всех пунктах. Несмотря на это, русские по-прежнему удерживали значительными силами холм 131 метр высотой и местность, прилегавшую к нему с севера. Одновременно значительные силы неприятеля стали концентрироваться к юго-востоку от Янтая и в окрестностях Инченцзы. В этот день первая и вторая колонны ограничивались защитой занятых позиций, так как они ожидали прибытия подкреплений от третьей колонны. В нескольких местах военные действия приостановились.

С рассветом 22 августа третья колонна прибыла к Квантуну форсированным маршем. В 10 часов утра все неприятельские войска, занимавшие 131-метровый холм, отступили, а мы, заняв холм, медленно пустились в преследование.

Наша Пеншихунская колонна заняла окрестности Пинтайцзы и вслед затем, оставив там часть своих сил для наблюдения за Мукденской дорогой, быстро двинулась по направлению Янтая и достигла в полдень высот к северо-западу от Санцзяцзы, которые расположены севернее Янтайских угольных копей. В 6 часов вечера после сражения мы заняли Ямыньцушань. После полуночи на 23 августа наша первая колонна в окрестностях Сяоталингоу столкнулась с неприятелем, несколько превосходившим ее силами; последовала ожесточенная рукопашная битва. В 6 часов утра мы отбили неприятеля, заняли линию от Таянгоу до Лилинтао, где мы оказали поддержку нашей колонне Пеншиху, которая сражалась уже с рассвета. В 1 час 30 минут дня мы окончательно заняли Юменьшань. Наша вторая колонна заняла Сантаоупу.

Главные силы третьей колонны достигли окрестностей Лотатая в 8 часов утра и вступили в сражение с неприятелем. Неприятельские войска, с которыми нам пришлось сражать-

ся на левом берегу Тайцзыхэ, состояли главным образом из тех отрядов, которые отошли после сражения 13 и 14 августа. Против нашей второй колонны русские выставили приблизительно одну дивизию, а против третьей колонны — по крайней мере полторы дивизии. Неприятель, сражавшийся с нами на правом берегу реки с 19 августа, состоял из 3-й, 9-й, 35-й и 54-й дивизий и по крайней мере еще трех с половиной дивизий; кроме того, участвовали 2-я и 22-я бригады, отличающиеся от других войск; пехота же из числа московских войск была распределена в арьергарде и против нашего правого крыла. Этих войск было также не менее трех дивизий.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 198–200.

**Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II.
Отчет № 30. 20–27 августа (2–9 сентября) 1904 г.**

...Большая часть войск правого берега (р. Тайцзыхэ) располагалась в окрестностях Ляояна; 17-й корпус занимал позиции у Сыквантуня; отряд из 13 батальонов, под начальством генерал-майора Орлова, был расположен в верстах 9 к северу от Сыквантуня для обеспечения армии слева и для прикрытия Янтайских каменноугольных копей.

Отряд генерала Любавина, из трех полков конницы и одного полка пехоты, находился к северу от Беньсиху, на дороге к Мукдену через перевал Тунцзяфынлин. Неприятель не тревожил днем 19 августа наши войска, совершавшие передвижения, указанные командующим армией. Уже в этот день, по-видимому, было принято решение парировать обход Куроки переходом против него в наступление и выработана диспозиция, сущность которой изложена ниже.

С наступлением же темноты японцы атаковали позицию 17-го корпуса у Сыквантуня, но после горячего боя были отбиты. Ночью они повторили атаку, направив главный удар на участок, занятый 137-м пехотным Нежинским полком. Стре-

мительность атаки и силы, введенные в бой, обеспечили им на этот раз успех; нежинцы были сбиты и отброшены в направлении к Сахутуню. Отступление этого полка вызвало очищение позиции другими частями 35-й дивизии, бывшей в боевой линии, отошедшими на линию Сахутунь — высота с отметкой 131.

В течение ночи с 19 на 20 августа японцы сильно обстреливали внутренность Ляоянской позиции, город и железнодорожную станцию. Потери наши во время ночного боя были незначительны, но суматохи, как выражается командующий армией, было много.

Успех, одержанный японцами у Сыквантуня, в связи с продвижением части их к северу в направлении к Янтайским копям ухудшил условия перехода в наступление нашей армии, но не мог, конечно, повлиять на решение генерал-адъютанта Куропаткина.

Напротив, этот успех требовал скорейшей контратаки. Изменившаяся несколько обстановка в общем не вызывала необходимости перемены в намеченном направлении удара, но, казалось бы, требовала усиления войск ударного крыла за счет войск, выполнявших задачи оборонительного характера.

Ляоянская операция была проиграна нами; возможность оказать содействие осажденному Порт-Артуру отдалась, противник получил право торжествовать победу, хотя и купленную им, по собственному сознанию, ценой тяжких жертв.

Потерянное сражение вызвало к жизни новую операцию, крайне трудную и опасную: вывод войск из боя и сосредоточение их в руках командующего армией при условиях исключительных. Фронт армии тянулся почти параллельно железной дороге на протяжении 20 верст, имея путь отступления на продолжении своего фронта; треть армии занимала еще Ляоян с переправами в тылу через Тайцзыхэ; распустившиеся, вследствие сильных дождей последних дней, дороги крайне замедляли движение обозов и артиллерии; 12 000 раненых ожидали эвакуации; грозные силы неприятеля, заняв-

шего позиции между р. Тайцзыхэ и Янтайскими копиями, смелым ударом в западном направлении могли разрезать армию на две части и поставить отряд генерала Зарубаева в безвыходное положение и крайне затруднить отступление войск, находившихся в непосредственном распоряжении командующего армией.

В ночь на 23 августа войска, расположенные в Ляояне (2-й и 4-й Сибирские корпуса), под прикрытием темноты перешли на правый берег р. Тайцзыхэ, причем им было приказано упорно оборонять правый берег р. Тайцзыхэ, с целью замедлить дальнейшее наступление противника с юга и выиграть время для отвода обозов к северу.

Обеспечение тыла и левого фланга отряда генерала Зарубаева приняли на себя 1-й, 3-й Сибирские, 17-й и 10-й корпуса, которые 21 августа заняли позиции к югу от железнодорожной ветки, от станции Янтай к Янтайским копиям.

21 августа японцы хотя и находились в непосредственной близости нашим войскам, но вся их деятельность в столь трудные для нашей армии минуты, к счастью, выразилась только стрельбой из гаоляна. Видимо, противник был ослаблен и крайне утомлен боями предыдущих дней. Маршал Ояма в своем донесении говорит: «Громадных усилий стоила нашим войскам борьба против неприятеля, занявшего несколько линий, сильных укреплений и сражавшегося с отчаянным мужеством».

Отход наших войск из Ляояна на правый берег р. Тайцзыхэ был совершен в полном порядке. Японцами были сделаны только незначительные попытки преследовать, которые были остановлены нашими арьергардами.

В течение 22 августа неприятель усиливал свое расположение против нашего левого фланга, распространяясь от Янтайских копей к северу.

В этот же день было обнаружено движение частей противника, переправившихся через Тайцзыхэ, западнее Беньсиху, к Мукдену, и находившийся на этом направлении отряд генерала Любавина отошел к перевалу Тунцзяфынлин.

Вместе с тем днем 22 августа японцы перешли на правый берег Тайцзыхэ и со стороны Ляояна и его окрестностей.

Наши же войска в ночь на 23 августа начали отступательное движение к Мукдену. Для прикрытия этого движения Маньчжурской армии 22 августа были заняты арьергардные позиции: одна у д. Манютун и другая южнее — у Талиенгоу.

У д. Манютун был оставлен 4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, и 19 сотен Сибирской казачьей дивизии были расположены левее.

С наступлением темноты японцы перешли в наступление против этой позиции.

На подкрепление было послано два полка 9-й стрелковой дивизии при двух батареях (состав этой бригады был всего 3000 человек). При содействии конницы, действовавшей частью в пешем строю, позиция была нами удержана.

Ввиду важности позиции у д. Манютун, которую нужно было занимать, пока не пройдут арьергарды всех корпусов, генерал Штакельберг направил туда остальные два полка 9-й стрелковой дивизии.

Другая арьергардная позиция у села Талиенгоу занималась тремя полками 1-й стрелковой дивизии до тех пор, пока арьергарды всех корпусов не перешли через железнодорожную ветку Янтай — Янтайские копи, после чего эта позиция была оставлена.

С юга противник мало тревожил отступавшие войска, и движение их было совершено в порядке, несмотря на испортившиеся от новых дождей дороги. Местность, почти сплошь покрытая гаоляном, тоже представила немало затруднений. Каждая колонна двигалась как бы в закрытом дефиле, и войска быстро теряли между собой связь. Обозы сильно замедляли движение арьергардов, особенно 4-го Сибирского корпуса, арьергард которого прибыл на станцию Янтай только в 10 часов утра.

23 августа миновал для Маньчжурской армии кризис, явившийся результатом событий 20 и 21 августа.

Деятельностью командующего армией и энергией выполнения войсками его распоряжений армия, хотя и с больши-

ми затруднениями, искусно вышла из опасного положения, в котором находилась, угрожаемая противником как с фронта, так и левого фланга, двигаясь притом очень узким фронтом.

Общие потери наши в период Ляоянской операции не приведены еще в известность.

Принимая во внимание, что до 12 000 раненых эвакуировано по железной дороге, что большая часть раненых в отряде генерала Орлова осталась на поле сражения, можно предположить, что убыль армии убитыми и ранеными достигает 18 000 человек. Относительно утраты в материальной части сведений не получено.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 203–205.

**Ген. Викт. Викт. Сахаров — Николаю II.
Доклад об операциях Маньчжурской армии.
22 сентября (5 октября) — 3(16) октября 1904 г.**

По сведениям штаба Маньчжурской армии к половине сентября силы трех японских армий, действующих в Маньчжурии, состояли из 180 батальонов, 53 эскадронов и 648 орудий (144 000 штыков, 6360 сабель и 648 орудий), считая и войска, находящиеся в тылу и на охране сообщений.

Согласно телеграмме командующего Маньчжурской армией 19 сентября № 1277, японские войска были расположены к северу от линии р. Тайцзыхэ между Сяобейхэ (к западу от Ляояна) и Санцзяцзы (к востоку от Ляояна), еще восточнее японцами были заняты Цзянчан и Сяосыр. Главные силы японцев находились на правом берегу р. Тайцзыхэ, к северу от линии Ляоян — Беньсиху, причем особенно сильно была занята местность у Янтайских копей и в узле дороги д. Бяньюпуза. Противник укреплял позиции: у д. Бяньюпуза, у Янтайских копей, южнее ветки к этим копиям и у ст. Янтай.

В частности, согласно приказу войскам Маньчжурской армии 15 сентября № 8, до двух дивизий японских войск находилось между дд. Сандепу и Хоуцанпу на западе, до четырех дивизий в окрестностях г. Ляояна, до двух дивизий у Янтайских копей и до двух дивизий между дд. Бяньюпуза и Беньсиху.

Согласно тому же приказу, генерал-адъютант Куропаткин к половине сентября имел в своем распоряжении 257 батальонов, 143 эскадрона и сотни и 760 орудий, не считая войска для охраны сообщений и тыла.

В телеграмме 16 сентября № 9574 генерал-адъютант Куропаткин считает боевую силу Маньчжурской армии, без 6-го Сибирского корпуса, в 150 000 штыков, а считая и этот последний, можно полагать общее число штыков в 175 000.

Принимая же в расчет, что вышеприведенная боевая сила трех японских армий в 144 000 штыков исчислена в том предположении, что японцы успели пополнить весьма значительный некомплект после ляоянских боев, что вряд ли могло иметь место, вернее будет считать, что у японцев к этому времени было всего не более 120 000–125 000 штыков.

Таким образом, мы имели перевес над противником в 77 батальонов (около 50 000 штыков), 90 эскадронов и 112 орудий.

Телеграммой 19 сентября № 1217 командующий армией признавал свои силы, увеличенные 6-м Сибирским корпусом, отданным в его распоряжение, достаточными для перехода в наступление, которое он предполагал начать 22 сентября.

19 сентября генерал-адъютант Куропаткин отдал приказ по армии, объявляя о своем намерении перейти в наступление.

Диспозиция для наступления была отдана в приказе по армии 15 сентября № 8, сущность коего состояла в следующем: Западный отряд, под начальством генерала Бильдерлинга, в составе 10-го и 17-го корпусов, — всего 64 батальона, 40 эскадронов и сотен, 190 орудий, — должен был наступать на юг от Мукдена по обеим сторонам железной дороги.

Восточный отряд, под начальством генерала Штакельберга, в составе 1-го, 2-го, 3-го и 1-й бригады 4-го Сибирских корпусов, — всего 73 батальона, 34 эскадрона и сотни и 164 орудия, — должен был наступать от Фушуна и Фулина частью на фронт, частью на правый фланг армии Куроки. Общий резерв: 4-й Сибирский и 1-й армейский корпуса, — всего 56 батальонов, 20 сотен и 230 орудий, — должен был следовать за серединой общего фронта наступления, в одном переходе за передовыми корпусами. Для охраны флангов были выделены особые отряды из состава 5-го Сибирского корпуса: на правый фланг 18 батальонов, 25 сотен и 64 орудия и на левый — 14 батальонов, 18 сотен и 32 орудия. Для охраны тыла был оставлен 6-й Сибирский корпус, в составе 32 батальонов, 8 сотен и 96 орудий.

Таким образом, из общего числа 257 батальонов, 143 эскадронов и сотен и 760 орудий непосредственно для атаки противника и в общий резерв было назначено лишь 193 батальона, 94 эскадрона и сотни и 584 орудия, в тылу же и на флангах оставлено 64 батальона, 49 сотен и 176 орудий, т. е. $\frac{1}{4}$ всех сил. Вследствие чего не было использовано превосходство наших сил как пехоты, так и артиллерии. Охрана тыла оставлением у Мукдена целого корпуса не вызывалась обстоятельствами; назначение же на фланги значительных сил объясняется недостаточностью разведки расположения противника и чрезмерным опасением обходов.

Первоначально целью действий Маньчжурской армии, как то видно из приказа по армии 15 сентября № 8, ставилось: атаковать расположение противника и овладеть правым берегом р. Тайцзыхэ. К 20 сентября корпуса Маньчжурской армии были расположены: 1-й, 2-й и 3-й Сибирские — от Фулина до Фушуна; 10-й армейский — на левом берегу р. Хунхэ, к югу от Мукдена, на укрепленной позиции; за ним на правом берегу реки, между железной и Мандаринской дорогами, стоял 17-й корпус; 4-й Сибирский — у г. Мукдена; 1-й армейский — к северу от г. Мукдена, и 6-й Сибирский подходил к Мукдену. На флангах расположения находились отряды: генерала Дем-

бовского, генерала Коссаговского — на правом и генерала Ренненкампфа и полковника Мадритова — на левом.

Наступление началось 22 сентября.

В течение 22 и 23 сентября армия переправилась на левый берег р. Хунхэ и продвинулась вперед главными силами: на правом фланге до р. Шахэ, а на левом — верст на 25 к югу от р. Хунхэ. Авангарды были выдвинуты верст на 6–7 вперед. Отряд генерала Дембовского, обеспечивавший правый фланг, прошел верст 30 на юг от Мукдена по правому берегу р. Хунхэ; отряд генерала Ренненкампфа, обеспечивавший левый фланг, занял д. Санцзяцзы. 1-й армейский и 4-й Сибирский корпуса, составлявшие общий резерв армии, переправились 23 сентября через р. Хунхэ и расположились восточнее Мандаринской дороги, верстах в 6 от реки. В то же время командующий армией решил 24 сентября перевести три бригады 6-го Сибирского корпуса на левый берег р. Хунхэ и поставить их за правым флангом Западного отряда, оставив одну бригаду этого корпуса для обеспечения тыла на линии Телин — Мукден.

22 и 23 сентября боевых столкновений не было. На 24-е предположено было главными силами сохранять занятое расположение, укрепляя выбранные позиции, авангардами же и конницей производить разведки расположения противника.

24 сентября на фронте армии значительных столкновений не произошло. Наши войска сблизилась с неприятельскими позициями на расстояние 6–12 верст.

3-й Сибирский корпус (левофланговый) вошел в связь с отрядом генерала Ренненкампфа, занимавшим д. Санцзяцзы. Авангарды всех трех корпусов Восточного отряда находились на высоте д. Тунгоу. Подготавливался обход позиции у д. Бяньюпуза с востока. Рекогносцировки этой позиции выяснили, что она трудно доступна с фронта, но сходится с востока. На правом фланге армии рекогносцировками выяснено отсутствие значительных сил противника на правом берегу р. Хунхэ, поэтому главные силы отряда генерала Дембовского

были переправлены на левый берег р. Хунхэ и расположены на высоте главных сил всего Западного отряда, верстах в 10 к северо-востоку от Чжантана. Занятые нашими войсками позиции укрепились.

В расположении корпусов командующий армией нашел нужным сделать некоторое изменение, а именно: 4-й Сибирский корпус, бывший в резерве, продвинул вперед и эшелонировал его к юго-западу от Эрдагоу, расположив главные силы за левым авангардом 10-го корпуса. Изменение это вызвано было желанием оказать в случае надобности содействие частями этого корпуса как Западному, так и Восточному отрядам.

25 сентября, вследствие движения 3-го Сибирского корпуса в обход позиций противника у д. Бяньюпуза, неприятель без боя очистил эту деревню, и она была занята нами. Войска 1-го и 2-го Сибирских корпусов укрепили позиции против фронта противника. На фронте и на флангах были небольшие стычки с передовыми частями противника. По Мандаринской дороге замечено было движение к северу 5 батальонов японцев. 1-й армейский корпус из резерва продвинут несколько вперед, так что голова его вышла на высоту д. Эрдагоу.

На 26 сентября предположено было продолжать наступление, для чего Восточному отряду продвинуться на юг, и если не будет встречено серьезного сопротивления, то остановиться в 6–10 верстах к северу от д. Бенсиху. Корпусам Западного отряда было предписано продвинуться к югу на линию их авангарда (на 8–10 верст), выдвинув последние соответственно вперед; 4-й Сибирский корпус приказано выдвинуть к югу от д. Фындяпу для связи с Восточным отрядом и обеспечения его действий.

Части 1-го армейского и 6-го Сибирского корпусов командующий армией приказал продвинуть вперед за главными силами 10-го и 17-го корпусов. Отряд генерала Дембовского оставался на занятой им позиции в 12 верстах к северо-востоку от д. Сандепу.

К вечеру 26 сентября положение нашей армии было следующее: отряд генерала Ренненкампа, продвигаясь вперед вдоль р. Тайцзыхэ, имел удачное дело у перевала Уйньянин, но при дальнейшем движении к Бенсиху, не доходя до этого пункта верст 8, встретил превосходные силы противника, остановившие его наступление. 3-й Сибирский корпус вышел на дорогу Бяньюпуза — Санцзяцзы; головные части этого корпуса пошли на подкрепление отряда генерала Ренненкампа. 2-й Сибирский корпус, составляя общий резерв Восточного отряда, сосредоточился у д. Бяньюпуза. Главные силы 1-го Сибирского корпуса дошли до д. Сяшичауза. Конный отряд генерала Самсонова имел бой у Тумынлинского перевала.

В центре нашего расположения отряд генерала Мищенко, поддержанный пехотой авангарда 4-го Сибирского корпуса, занял высоты к востоку от д. Панлясанцзы; авангард 4-го корпуса занял высоты к востоку отд. Сяолиухецзы; главные силы этого корпуса расположились у д. Хаматань. Левый авангард 10-го корпуса занял высоты к северу д. Санцзяцзы (авангард этот командующий армией подчинил командиру 4-го Сибирского корпуса). В Западном отряде после довольно горячего боя авангарды расположились: 10-го корпуса — восточное и в д. Фендиятунь, 17-го корпуса у дд. Кедегоу — Елтхайцзы и Таду-сампу. Отряд генерала Дембовского оставался на прежней позиции. На 27 сентября предписано было укрепляться на занятых Западным отрядом позициях и разведывать о противнике для дальнейшего наступления.

27 сентября, около трех часов пополудни, обнаружилось наступление значительных сил противника (около дивизии) между Мандаринской дорогой и д. Тумынцзы. Встреченный огнем авангардов 10-го и 17-го корпусов, противник остановился и до вечера ограничивался артиллерийской канонадой. В Восточном отряде положение оставалось без перемен; отряд полковника Мадритова отгеснил противника и преследовал его в направлении на Цзянчан. Отряд генерала Коссаговского обнаружил присутствие японских войск с артиллерией у д. Сяобейхэ на крайнем нашем правом фланге.

На 28 сентября предположено было атаковать Восточным отрядом позиции противника на перевалах Тумынлин и Хоелин. Равным образом предполагалось и наступление Западного отряда, но 28 числа японцы перешли сами в наступление.

Таким образом, к вечеру 27 сентября расположение нашей армии представляло линию в 40 верст, занятую 17-м, 10-м армейскими, 1-м, 3-м и 4-м Сибирскими корпусами, за ними во второй линии стояли 6-й Сибирский, 1-й армейский и 2-й Сибирский корпуса. Хотя на 28 сентября и предположено было наступление, но в сущности оно уже было невозможно, так как войска наши растянулись в тонкую линию, равномерно по всему фронту; противник же, решив сам перейти в наступление, сосредоточил свои силы против нашего центра, усилив в то же время части, оборонявшие горные перевалы на пути наступления нашего Восточного отряда.

28 сентября с рассветом обнаружилось наступление японцев в значительных силах на авангарды 4-го Сибирского и 10-го армейского корпусов. Горячий бой шел целый день. Нам удалось отчасти удержать занятые позиции. В Восточном отряде 3-й Сибирский корпус атаковал Хоелинский перевал; часть позиций противника осталась в наших руках, но мы не могли овладеть командующей высотой. 1-й Сибирский корпус потерпел неудачу при атаке Тумынлинского перевала.

Идея наступления была оставлена, приходилось думать только об отражении атак противника, который с прежним упорством наступал и 29 сентября.

Ночь на 29 сентября и весь день 29-го наша армия вела упорные бои в центре и на левом фланге. Понеся большие потери, войска Западного отряда отошли сперва на позицию за р. Шилихэ, а потом за р. Шахэ. В Восточном отряде шел горячий бой за перевалы, успехом для нас не увенчавшийся. На 30 сентября была поставлена задача: вследствие отступления Западного отряда всей армии отойти на линию р. Шахэ, где и принять бой.

30 сентября бой продолжался. Противник настойчиво атаковал наши фланги и 4-й Сибирский корпус. Атаки были от-

биты. Ввиду обнаружившегося обхода нашего правого фланга 6-й Сибирский корпус был притянут к правому флангу 17-го.

На 1 октября всем корпусам было приказано оставаться на занятых позициях и принять на них бой. В ночь на 1 октября японцы атаковали 10-й корпус, но с помощью 1-го корпуса нам удалось отстоять позиции, а войсками 6-го Сибирского корпуса парализовать обход правого фланга Западного отряда.

1 октября упорный бой шел на всем фронте; часть сил Восточного отряда была передвинута в общий резерв. 2 октября японцы прекратили свои атаки и весь день прошел в перестрелках, но на рассвете 3 октября вновь возобновился яростный бой за так называемую «сопку с деревом» (Путиловскую).

Высота эта после ряда упорных боев осталась за нами.

Дальнейшие действия противника не имели серьезного значения и ограничивались авангардными делами.

В результате, потеряв, по подсчету командующего армией, около 45 000 человек, мы должны были прекратить наступление и, продвинувшись вперед только на несколько верст, заняли позиции менее выгодные, чем занимали раньше. Японцы же, вызванные нами к переходу в наступление, создали еще новый ряд укрепленных позиций на пути к Ляояну, чем затруднили наши будущие действия.

Причинами постигшей нас неудачи надо считать:

1. Недостаточную разведку сил и расположения противника. Начав наступление 22 сентября, мы до 27-го ничего не знали, что делает противник, и его переход в наступление был для нас совершенной неожиданностью. В то же время против нашего Восточного отряда оказались силы значительно большие, чем то предполагалось ранее.

2. Чрезвычайную нерешительность и медленность наших действий, что дало возможность японцам сосредоточиться против нашего центра, выдвинув против нашего левого фланга сильный заслон, остановивший его наступление.

3. Оставление без всякой надобности $\frac{1}{4}$ наших сил в тылу и на флангах. Впоследствии 6-й Сибирский корпус был при-

тянут в боевую линию, но войска, охранявшие правый фланг, никакого участия в деле не принимали. Весь 5-й Сибирский корпус был израсходован непроизводительно.

4. Преждевременное израсходование общего резерва, отчасти вызванное обстоятельствами, отчасти происшедшее вследствие неверного распределения наших сил в самом начале (слабость центра и большой промежуток между Восточным и Западным отрядом).

5. Отсутствие сосредоточения с нашей стороны; расположение войск к вечеру 27 сентября в одну линию длиной 40 верст, за которой в трех разных местах стояли три корпуса.

6. Отсутствие управления и руководства боем, вследствие чего корпуса действовали каждый самостоятельно, без связи с другими, поэтому подвергались поражению по частям.

7. Бездеятельность нашей конницы (143 эскадрона), как до боя, так и в бою, что доказывается незначительностью понесенных ею потерь (всего 200 человек).

8. Уменьше японцев чрезвычайно искусно пользоваться годами горной местности, которые мы игнорировали.

9. Отсутствие с нашей стороны маневрирования и фронтальные атаки.

10. Недостаток твердого и решительного намерения наступать, атаковать и разбить неприятеля, что проявилось как в распоряжениях, так и в исполнении. Потерпев частную неудачу, мы легко отказываемся от наступления и переходим к обороне.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 269–274.

Приказ № 54 17-му армейскому корпусу. 24 ноября (7 декабря) 1904 г.

При атаке села Линшинпу 3 минувшего октября несколько нижних чинов из числа принимавших в ней участие, будучи ранены, заползли в артиллерийский окоп, в котором и засе-

ли, полагая выждать наступления наших войск или отступления японцев. Среди этих нижних чинов оказались рядовые 7-й роты 12-го пехотного Великолуцкого полка Иван Ищенко и Ахтем Харзаматов и один из рядовых 6-й роты (по имени Матвей), фамилия коего осталась неизвестной.

Первый из нижних чинов был ранен в шею, бедро и колено, второй был ранен сравнительно легко — в мягкие части левого бедра. Кроме них в окопе было около 10–12 нижних чинов, многие из них, тяжелораненые, умирали.

Когда раненые собрались в окопе, Харзаматов, как легко раненный, оказал им посильную помощь; он собрал с находящихся вблизи убитых шинели и накрыл ими раненых, страдавших от стужи, затем сделал перевязку своему рядовому товарищу Ищенко, собрав для этого с убитых перевязочные пакеты; он же вырыл колодец, откуда находящиеся в окопах доставали воду.

Впоследствии, когда приходили японцы, снимали с раненых шинели и зарывали колодец, Харзаматов опять доставал шинели и возобновлял колодец.

Такая совместная жизнь в окопе продолжалась 43 дня, с 3 октября по 15 ноября включительно. В это время к окопам несколько раз подходили японцы, не обращавшие на наших раненых никакого внимания и не подававшие им никакой помощи. Впоследствии у оставшихся в живых явилось опасение плена, и при посещении японцами окопа они притворялись мертвыми. Питались раненые сухарями, отбираемыми с убитых, а после одного ночного дела, когда японцы были отбиты, рядовой Ищенко дважды вылез из окопа и нашел японские мешки с запасом риса и галет, которых товарищеской артели хватило на несколько дней. Когда эти запасы истощились, пришлось питаться сырым гаолянном, собираемым с полей.

Неоднократные попытки бросить окопы и подползти к своим пришлось оставить: слабость и страдания от ран препятствовали этому. Предприятие это затруднялось также постоянной стрельбой между нашими и японскими позициями.

Такая мученическая жизнь продолжалась до 14 ноября. В живых к этому времени осталось только трое. В ночь с 14 на 15 ноября к окопу подобралось 8 японцев, один из них нечаянно наступил на ногу рядовому 6-й роты (по имени Матвею), который от боли застонал. Обнаружив раненого, японцы потащили его с собой. Несмотря на его мольбу, товарищи были бессильны помочь ему, а рядовой Ищенко был даже подозрительно осмотрен одним из японцев, оттащившим его за ногу в сторону. Тем не менее он был оставлен на месте.

Происшествие это встревожило рядовых Харзаматова и Ищенко, и они, опасаясь быть открытыми, в следующую же ночь решили ползти к своим. Зажившие раны мало этому препятствовали, но истощение от долгой голодовки и крайняя слабость делали это предприятие трудным. Проползти надо было 300–400 шагов.

В ночь с 15 на 16 ноября рядовые Харзаматов и Ищенко приступили к осуществлению своего замысла. Когда они после долгих усилий уже приближались к своим, их обнаружил секрет, давший по ним несколько выстрелов. Затем началась залповая стрельба с нашей стороны. Рядовые Харзаматов и Ищенко прилегли между грядками гаоляна, а когда стрельба стихла, продолжали ползти дальше и скоро благополучно добрались до передовых окопов, занятых 9-м пехотным Ингерманландским полком. Там их пригнали, накормили, а затем доставили в санитарный поезд.

Объявляю по войскам корпуса об этом беспримерном подвиге рядовых Харзаматова и Ищенко. Оба они предпочли страдать от ран, холода и голода, лишь бы не попасть японцам в плен; оба они до последней минуты не покидали друг друга и оказывали взаимную помощь в тяжелом положении; наконец, оба они, не расставаясь, пошли на явную опасность, когда возможность попасть в плен стала почти очевидной. Особо отмечаю подвиг рядового Харзаматова, который, как легко раненный, мог много раньше присоединиться к своим; он предпочел, однако, остаться с товарищами, которым нужна была помощь, может быть, и бесхитростное, простое, но

сердечное слово последнего утешения. Харзаматов, говорит об этом просто, почти не сознавая всей высоты своего подвига, но да будут всем ведомы его доблесть и самоотвержение, и да гордится им та часть, которая числит его в своих рядах.

Приказ этот предлагаю прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах временно командуемого мною корпуса.

Временно командующий корпусом генерал-лейтенант Волков.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 262–263.

Ген. Стессель — ген. Алексееву. Доклад. 1(14) декабря 1903 г.

С 1 января 1903 года по 1 декабря 1903 года, т.е. за небольшой период в 11 месяцев, резко изменилась вся физиономия крепости, а главным образом изменилась ее боевая готовность.

К 1 января 1903 года только приморский фронт имел крепостной характер, а на сухопутном фронте было несколько незначительных укреплений старой китайской постройки, совершенно не подходящих к типу современной крепости и мало пригодных для обороны. В настоящее время на сухопутном фронте воздвигнут целый ряд долговременных укреплений, дающих полное право считать Порт-Артур крепостью не только приморской, но и сухопутной.

Боевая готовность крепости по части инженерной.

По высочайше утвержденному плану обороны Порт-Артура его укрепления должны состоять:

а) на приморском фронте протяжением около 8 верст — из 22 долговременных батарей;

б) на сухопутном фронте протяжением около 21 версты — из центральной ограды, 8 фортов, 8 укреплений, 7 долговременных батарей, 4 редутов и 1 тылового капонира; к этим со-

оружиям в период мобилизации должно быть прибавлено еще 23 промежуточных батареи.

По указаниям военного министра, посетившего Порт-Артур в 1903 году, в системе укреплений предположено сделать следующие главнейшие изменения:

Не распространять оборону далее форта лит. П, почему форт лит. Д, батарея лит. Е, временное укрепление Угловое не будут сооружаться в ближайшем будущем.

Батарею № 22 обратить в опорный пункт, вооружив его 9-дм. пушками и устроить открытую батарею на 10 противотурмовых орудий между батареями № 20 и № 21.

Прикрыть укреплениями голову водопровода и лощину между фортом III и укреплением № 3.

Возвести укрепления у кумирни и на высоте с леском, между временным укреплением № 5 и фортом VI.

А. ПРИМОРСКИЙ ФРОНТ

На Приморском фронте в настоящее время имеется 21 батарея. 9 батарей — №№ 2, 6, 7, 9, 13, 15, 16, 19, 21 — долговременного типа, вооружены по нормальной табели.

9 батарей — №№ 1, 3, 4, 5, 12, 14, 17, 18, 20 — временного типа, подлежат переделке в долговременные и вооружены по переходной табели.

батареи — Артиллерийская, Тигрового хвоста и Нижняя Золотой горы — временного типа, подлежат упразднению, но оставлены до окончания постройки долговременных батарей и вооружены по переходной табели.

батареи — №№ 8, 10, 11 и 22 — пока не существуют, так как постройка их не начата.

Постройка долговременных батарей (девяти) окончена, и они находятся в полной боевой готовности, хотя оборудование этих батарей не совсем закончено; часть помещений для боевого комплекта остается без ставен и броневых дверей, что препятствует перенесению боевого комплекта в эти помещения; для дальномеров не построены павильоны.

Временные батареи (одиннадцать) построены весьма солидно и находятся в полной боевой готовности. Помещений для боевого комплекта в этих батареях недостаточно, и число их должно быть увеличено.

На приморском фронте окончены постройкой два питательных погреба для боевых припасов долговременного типа (бетон), на Тигровом полуострове и за батареей № 17.

Таким образом, на приморском фронте почти половина всех долговременных сооружений закончена, а временные сооружения, если и не могут вполне заменить долговременные по силе сопротивления неприятельским выстрелам, то весьма мало отличаются от них по степени боевой готовности. Однако временные батареи обладают всеми недостатками, присущими такого рода постройкам: вооружение на деревянных основаниях; прислуга мало укрыта и не имеет помещений для жилья; помещения для снарядов недостаточно прочны и легко могут быть разрушены снарядами крупного калибра морской артиллерии; одежда внутренней отлогости батарей сильно страдает от выстрелов из собственных орудий, от влияния погоды и времени.

Замена этих батарей долговременными является поэтому насущной потребностью.

Б. СУХОПУТНЫЙ ФРОНТ

Все вооружения сухопутного фронта по степени боевой готовности можно сгруппировать следующим образом:

Сооружения, постройка которых окончена: укрепление № 3, форт IV, укрепления № 4 и № 5, батареи лит. А, лит. Б, лит. В, лит. Г и 2 питательных погреба для боевых припасов.

Все эти сооружения долговременные, кроме батареи лит. Г временного типа, которая подлежит переделке в долговременную.

Сооружения, постройка которых не окончена, но которые могут уже иметь серьезное значение при обороне крепости: форты I, II, III, батарея лит. Д и центральная ограда.

Все эти сооружения долговременные, кроме центральной ограды, которая — временного типа.

Форт II хотя и не окончен, но легко может быть приспособлен к обороне и будет иметь значение форта.

Форты I и III тоже могут быть приспособлены к обороне и представят весьма серьезные преграды, но останутся открытыми с горки.

Для увеличения обороноспособности этих укреплений необходимо заготовить материалы для устройства искусственных препятствий, чтобы в период мобилизации поставить их.

Батарея лит. Д готова вчерне и в случае необходимости может быть вооружена; вооружение подвозится, и производится подготовка к постановке его.

Центральная ограда готова вчерне, т.е. вырыт ров и насыпан вал; в местах проездов через ограды ров не прокопан; одежда контрэскарпа рва состоит из каменной кладки, сложенной насухо, в некоторых местах уже в настоящее время обвалившейся. Необходимо теперь же совершенно закончить центральную ограду, так как в период мобилизации для этого может не хватить рук, а в том виде, как она есть, центральная ограда не может выполнить своего главного назначения — предохранить внутреннее пространство крепости от проникновения мелких партий противника.

1. Сооружения, постройка которых еще не окончена и которые при обороне не могут иметь серьезного значения: форт V. Этот форт представляет собою груды камней, и для приспособления его к обороне потребуется не менее 2 недель.

2. Сооружения (долговременного типа), к постройке которых только что приступлено: форт VI, батарея Соляная, редут № 4 и форт лит. П.

3. Сооружения (долговременного типа), к постройке которых еще не приступали: укрепления № 1 и № 2, редуты № 1, № 2 и № 3.

На местах, где должны быть укрепления № 1 и № 2 и редуты № 1 и № 2, имеются старые китайские укрепления вре-

менного типа, которые могут быть приспособлены для обороны и заняты войсками.

Таким образом, на сухопутном фронте крепости в настоящее время уже имеются весьма солидные сооружения, составляющие остов будущей крепости, а именно:

а) На восточном фронте — форт I, батарея лит. А, батарея лит. Б и форт II.

б) На северном фронте — форт III, укрепление № 3, батарея лит. В и форт IV.

в) На западном фронте — форт IV, батарея лит. Г, укрепление № 4, батарея лит. Д и укрепление № 5.

Все это дает полное право уже в настоящее время считать Порт-Артур не только приморской, но и сухопутной крепостью, овладение которой открытой силой едва ли возможно.

Наиболее слабые места сухопутной оборонительной линии — крайний правый фланг, центр (долина р. Лунхэ) и крайний левый фланг.

Для усиления правого фланга необходимо ускорить окончание постройки форта I и возвести опорный пункт на месте, предназначенном для батареи № 22.

Для усиления центра — ускорить работы по постройке форта II и укреплений у кумирни Мяошань и у головы водопровода. Для усиления левого фланга ускорить постройку форта VI, Соляной батареи и редута № 4, не менее важно привести форт V в состояние, более пригодное для обороны.

На основании всего изложенного можно предполагать, что при благоприятных условиях и при достаточных денежных отпусках к концу будущего 1904 г. все строящиеся укрепления будут совершенно закончены, а те, постройка которых только теперь начинается, будут окончены вчерне; все это в значительной степени увеличит обороноспособность и боевую готовность крепости...

И.д. коменданта крепости генерал-лейтенант *Стессель*.

Из журнала № 4 заседания Совета обороны крепости Порт-Артур. 9(22) августа 1904 г.

...2) По предложению начальника укрепленного района всесторонне был рассмотрен вопрос о недостатках крепости Порт-Артур, затрудняющих ее оборону. По обсуждении этого вопроса совет обороны пришел к следующим выводам:

I. К началу военных действий лишь незначительная часть фортификационных сооружений крепости была закончена. В наиболее законченном виде находился приморский фронт, но и здесь только часть батарей была долговременного типа, а остальные батареи — временные. На сухопутном фронте из долговременных сооружений были закончены: батарея лит. А, батарея лит. Б, форт IV, батарея лит. В, укрепление 4-е, остальные сооружения не были закончены, а некоторые даже не были начаты. Таким образом, крепость пришлось создавать уже после объявления войны, возводя во многих пунктах, вместо долговременных, укрепления временного и даже полевого типа.

II. Форты расположены слишком близко к порту и городу, почему не защищают их от бомбардирования даже полевыми орудиями. Казематированных помещений внутри крепости совершенно не имеется.

III. Крепость подвержена обстрелу как с суши, так и с моря. Лишь небольшая часть морского фронта защищена береговыми батареями.

IV. Впереди крепости находятся высоты, дающие возможность противнику скрыто ставить батареи и передвигать войска.

V. Голова водопровода находится впереди линии фортов (на 1 версту) и прикрыта только полевым укреплением, введенным во время войны. Опреснитель не защищен тоже от неприятельских выстрелов с суши.

VI. Благодаря условиям местности, форты поставлены в одну линию, и вся оборонительная линия слишком тонка и легко может быть прорвана; крепостные позиции совершенно не имеют тыла.

VII. Все орудия на сухопутном фронте крепости поставлены открыто, у противника же все орудия укрыты, почему определение мест расположения неприятельских батарей весьма затруднительно, а наши орудия легко подбиваются противником; таким образом, борьба выходит неравная и очень для нас тяжелая.

VIII. К началу войны батареи сухопутного фронта не были вооружены, результатом чего явилось большое количество утомительных и сложных работ по вооружению крепостной артиллерией.

IX. Оборона рвов очень слабая, исключительно ружейная.

X. Большинство фортов плохо применены к местности, будучи лишены обстрела ближних подступов.

XI. Число орудий, определенное для крепости нормальной табелью, совершенно недостаточно, а калибры и системы орудий совершенно не отвечают условиям современного боя. У флота взято и поставлено на верки крепости около 110 орудий, но и при этих условиях весьма трудно бороться даже со слабой осадной артиллерией противника.

XII. Боевыми припасами крепость снабжена недостаточно: для производства более интенсивной стрельбы приходится для некоторых орудий просить снаряды у флота, который сам в них нуждается.

XIII. Воздухоплавательного парка нет, что сильно затрудняет определение расположения батарей противника и корректирование стрельбы по закрытой цели; у противника имеются воздушные шары.

XIV. Крепостной железной дороги нет; фунтовые дороги очень кружны; круговой дороги нет. Все это сильно затрудняет сообщение между фортами и доставку грузов на форты.

XV. Телеграфного сообщения между фортами нет; телефонная сеть проводилась во время войны, почему имеет воздушные провода, которые рвутся при каждой бомбардировке. Часто в самый критический момент телефоны перестают действовать, и экстренные приказания приходится посылать с конными посыльными.

XVI. При длине сухопутного фронта в 21 версту, а морского в 8½ верст, и при той слабости фортификационных сооружений крепости, о которой было упомянуто выше, гарнизон в две дивизии надо считать для обороны крепости совершенно недостаточным. Почти полное отсутствие общего резерва не дает возможности действовать активно, чем сильно облегчается борьба противника с крепостью и ослабляется оборонноспособность крепости.

[Подписи членов совета.]

Особое мнение генерал-майора Фока

По пункту XI:

Можно бы было прибавить, что для вооружения крепости был взят весь арсенал, который образовался из старых крепостных орудий, а также из китайских орудий, взятых нами за последнюю кампанию. Поэтому на крепостных верках можно видеть орудия всех систем и калибров, какие только существуют в целом мире; они поставлены без всякой системы по мере их открытия. На каждой батарее и форте можно видеть орудия самых разнообразных систем и калибров; при таких условиях управлять огнем чрезвычайно трудно. Крепостные артиллеристы не могли из несуществующих укреплений производить какую-либо учебную стрельбу, поэтому многие из них познакомились со своими орудиями только при производстве первых выстрелов против неприятеля. Кроме того, крепостные артиллеристы не могли успешно бороться с неприятелем, так как плохо были ознакомлены со впереди лежащей местностью, а карты местности в 100-саж. масштабе не существовало, так как это почему-то признавалось излишним, а между тем без этой карты при нынешней стрельбе по невидимой цели обойтись совершенно невозможно.

По пункту XIII:

Крепостная ограда разделяется на две части долиной р. Лунхэ, через которую построен только один плохой деревянный мост, который находится под продольным обстре-

ливанием с горы Высокой; таким образом, необходимо занимать войсками эту гору, что ослабляет оборону главной огады и заставляет нести чувствительные потери в людях. Не занимать этой горы невозможно, потому что с потерей горы Высокой флот и город будут безнаказанно обстреливаться не только орудийным, но даже и ружейным огнем. Существующие сообщения пригодны только для мирного времени, потому что они совсем не укрыты не только от огня, но даже от взоров неприятеля. Некоторые из военных дорог проведены даже по скатам гор, обращенным к неприятелю.

Главный недостаток крепостной огады, делающий ее совершенно непригодной для обороны, это то — что не только батареи на виду, но и все траншеи лепятся около батарей (как бы ласточкины гнезда), опоясывая вершины сопков. Подошвы сопков свободны от траншей, поэтому обстрела из них нет никакого, а противник, пользуясь готовым мертвым пространством, подступает к самым укреплениям и, устраивая наскоро траншеи, обстреливает их ружейным огнем и делает невозможным какие-либо исправления по ночам; тем более что для противодействия противнику и обстреливания подступов к крутым скатам у нас не имеется полевых гладкостенных мортир, которые в данном случае могли бы оказаться очень полезными. Если бы не было случайно выстроенного Водопроводного редута, хотя и весьма слабой профили, то форты № 2 и № 3 едва ли могли бы удержаться.

Траншеи широки, а главное мелки и сделаны для стрельбы с колена, так как грунт каменистый, поэтому это не укрытие, а западня для стрелков.

Генерал-майор Фок.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 311–313.

Разведывательная сводка штаба крепости Порт-Артур. 24 августа (6 сентября) 1904 г.

Японцы передавали китайцам, что у них за неделю вы- было под Артуром из строя 30 000 человек, теперь наступать они не могут, так как осталось мало людей и они боятся. Ан- гличане очень недовольны, что японцы не взяли до сих пор Порт-Артура. Солдаты не хотят воевать, многие начальники уехали в Дальний и, говорят, поедут потом в Японию. Через пять дней, говорят, придет подкрепление.

Переводил прапорщик *Малченко*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 315.*

Мичман Романов — ген. Стесселю. Донесение. Форт № 5, 10(23) сентября 1904 г., 5 час.

Японцы выбиты из всех окопов Высокой горы штыками и пироксилином. Среди японцев поднялась страшная паника, они побросали все оружие и бежали, оставили массу трофеев, их преследовали и били штыками до самой ложины. Очень мало кому из японцев досталось дойти живыми. Почти всех перебили. Комендант горы Высокой полагает, что потери одними убиты- ми у японцев более 3 тысяч. Трусами японцев покрыта вся Вы- сокая гора. Теперь не слышно там ни одного ружейного выстре- ла со стороны японцев. Наши стреляют по убегающим залпами. На форту № 5 целый день держались под шрапнельным огнем. Из нашей команды ранен один комендор и остался в строю, а из прочих команд около 15 человек. Орудия не повреждены. Сей- час на предгорье Высокой горы опять, по-видимому, собирают- ся японцы идти на штурм Высокой горы.

Мичман *Романов*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 318.*

**Ген. Стессель — Николаю II. Донесение.
10(23) сентября 1904 г.**

...Имею счастье всеподданнейше донести, что 4-дневные штурмы японцев геройскими войсками вашего величества отбиты с громадной потерей. До 5 часов утра 10 числа японцы производили сильную бомбардировку и штурмовали северный и северо-западный фронты крепости и передовые полевые укрепления. 6-го числа все штурмы их, повторяемые один за другим, были отбиты; в их руках остались два полевых редута у кумирни и водопровода, совершенно разрушенные бризантными бомбами; самый водопровод они разрушили. Последний штурм на Высокую гору, лежащую перед фортом № 4, отбит сегодня в 5 часов утра. На Высокой горе они уже заняли блиндажи, втащили туда пулеметы и поражали наших. Распоряжением генерала Кондратенко туда был командирован лейтенант флота Подгурский, который вместе с минерами и охотниками, по указанию полковника Ирмана, бросил в блиндажи бомбы, заряженные 18 фунтами пикрилина, и взорвал. Японцы в паническом страхе бежали. 5-го полка штабс-капитан Сычев с охотниками преследовал их. Полковник Ирман указывает на лейтенанта Подгурского, как главного виновника совершенного очищения от неприятеля Высокой горы. Потери японцев свыше 10 тысяч...

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 318.*

**Разведывательная сводка штаба крепости
Порт-Артур. 23 ноября (6 декабря) 1904 г.**

Перевод японского письма

8(21) ноября получил ваше письмо. Вчера во время исполнения мною служебных обязанностей на станции Чжанлинцзы, откуда отправляют больных и раненых в полевой госпиталь Цинни, из центра было принесено 7 раненых ниж-

них чинов 19-го полка 9-й дивизии. По словам одного из них, наша передовая линия подходит очень близко к неприятельской — самое близкое 20 метров и дальше — 50 метров, так что даже слышим разговор неприятеля. Днем тихо, но ночью идет бой. Действительно — ужасно!

Если наша пехота приближается, то неприятель осыпает градом снарядов, которые причиняют нам большой ущерб, выводя из строя много убитых и раненых. Во всяком случае русские солдаты, действительно, сражаются мужественно, забывая о смерти. У неприятеля пехоты 8–9 тысяч и 10 000 матросов. Все матросы свезены на берег и пополняют артиллерию. Поэтому силы неприятеля около 20 000 человек. 8(21) ноября ночью неприятель освещал прожектором и очень много нам мешал. Благодаря тому, что неприятель в минуту выпускает до 600 пуль, и особенно благодаря их скорострельным орудиям, потери наши большие. Например, в одной из рот 19-го полка из 200 человек осталось 15–16 человек. Ввиду того, что рота несет страшные потери, ее пополняют в 8-й раз, и в настоящее время она состоит почти из 100 человек, весь же 19-й полк имеет приблизительно около 1000 человек. В настоящее время наш 25-й полк отправился к Порт-Артуру. 7-я дивизия готовится к сражению.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 340.*

Журнал военного совета крепости Порт-Артур. 16(29) декабря 1904 г.

Председательствовал ген.-лейт. Стессель, присутствовали: комендант крепости ген.-лейт. Смирнов, начальник 4-й Вост.-Сиб. Стрелк. Дивизии ген.-лейт. Фок, начальник артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса ген.-майор Никитин, командующий 7-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизией ген.-майор Надеин, командир Квантунской крепостной

артиллерии ген.-майор Белый, командир 1-й бригады 7-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии ген.-майор Горбатовский, командующий отрядом броненосцев и крейсеров контр-адмирал Вирен, начальник береговой обороны контр-адмирал Лощинский, начальник штаба 3-го Сибирского армейского корпуса полк. Рейс, командир 4-й Вост.-Сиб. стрелк. арт. бригады полк. Ирман, начальник инженеров крепости полк. Григоренко, командир 7-го Вост.-Сиб. стрелк. арт. дивизиона полк. Мехмандаров, начальник штаба крепости подполк. Хвостов, командиры полков: 13-го подполк. Гандурин, 14-го полк. Савицкий, 15-го полк. Грязнов, 25-го подполк. Поклад, 26-го полк. Семенов, 27-го полк. Петруша, начальник штаба 4-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии подполк. Дмитревский и и.д. начальника штаба 7-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии кап. Головань.

Ген. Стессель обратился к присутствующим с предложением высказать свое мнение о возможности и способах дальнейшей обороны крепости в зависимости от изменившейся с падением форта № 3 обстановки и действительного состояния крепости. На это было высказано следующее:

Кап. Головань. При обычном способе действия японцев, после каждого достигнутого успеха употребляющих довольно продолжительное время, чтобы прочно устроиться на занятой позиции, и действующих вообще методически, нам держаться еще возможно.

Подполк. Дмитревский. Пехоты на позиции остается не более 12 тысяч, из коих значительный процент больных. Вполне здоровых, считая все роды оружия, на позиции наберется едва ли больше 10 тысяч. Санитарное состояние гарнизона весьма плохое. Опыт указывает, что на слабосильных, находящихся в полковых околотках, даже в крайности рассчитывать нельзя. Японцы ведут правильную осаду, бороться с которой можно только при помощи артиллерии больших калибров, а снарядов таких калибров у нас мало, и, следовательно, противодействовать работам нельзя. Борьба с артиллерией противника также невозможна. Орудия износились. Таким образом, шансы неравны. Задача была отстаивать кре-

пость до выручки. Крепость долго держалась, но теперь она по частям отмирает. Обороняться можно еще, но сколько времени — неизвестно и зависит от японцев. Они энергично подвозят снаряды и даже подводят войска, хотя и не очень много. Медленной инженерной атаки они могут и не вести, а если есть достаточно сил, то могут прорвать 2-ю линию. Средств для отбития штурма у нас почти нет.

Подполк. Поклад. Если мы держимся, то только переводя силы с одного места на другое. Нравственный дух, к сожалению, расшатан даже среди гарнизона, но держаться необходимо на 1-й позиции, так как на 2-й линии держаться невозможно, ибо на ней нет ни окопов, ни мест для жилья, а на устройство их нет людей.

Подполк. Хвостов. Согласен с картиной положения крепости, нарисованной подполк. Дмитриевским; держаться же нужно до последней крайности. Самое страшное — это вымирание гарнизона. Люди идут в госпитали, а из госпиталей прибывающих нет. Но, чтобы исполнить долг, нужно держаться до последней крайности. Сколько времени удастся — зависит от японцев и их сил.

Подполк. Гандурин. Согласен с высказанным подполк. Дмитриевским и Хвостовым. У нас сил не хватает для занятия линии. На позиции много больных, которые почти не могут двигаться. Все люди готовы умереть, но едва ли это принесет пользу. Это может только ожесточить врага и вызвать резню.

Подполк. Григоренко. К активным действиям мы уже не способны. Ввиду характера противника, следует обороняться, постепенно отходя сначала на 2-ю, а затем на 3-ю линию.

Полк. Петруша. Положение тяжело, но только относительно. Едва ли мы вполне зависим от японцев; если нам тяжело, то им не легче; если нас мало, то и их мало. Они понесли очень тяжелые потери, и дух их также подорван. Безусловно, отказаться от дальнейшей обороны еще несвоевременно.

Полк. Савицкий. Для нас самый опасный враг не японцы, а цинга, которая, постоянно похищая людей из строя, может заставить прекратить оборону.

Полк. Мехмандаров. Средств состязаться с артиллерией противника у нас нет, орудий большого калибра тоже почти нет, но обороняться возможно. Форт № 3 не устоял благодаря оплошности гарнизона, не занявшего гребень после взрыва. Японцев гнали на штурм шашками, и им также тяжело.

Мы еще можем защищаться противостурмовыми орудиями.

Полк. Грязнов. Настроение людей хорошее, но состав слабый. Никому не известно, сколько крепости придется держаться. Содействие артиллерии слишком слабое. Солдат сумеет умереть, если будет какая-нибудь надежда на выручку.

Полк. Семенов. Следует продолжать оборону. Мы растянуты, но сократить линию обороны не можем. Безусловно, продолжать оборону, стараясь вернуть в строй цинготных. Большую помощь окажут пулеметы, которые делает Моллер и чертежи которых уже готовы. Дух полка хорош, но замечается переутомление. Желательно не переводить роты с одного места на другое, так как это уменьшает стойкость.

Полк. Ирман. Мы имеем 10 тысяч штыков, и, следовательно, нужно обороняться, но при этом необходимо сократить линию обороны. Как это выполнить, нужно обсудить особо.

Полк. Рейс. Основное назначение крепости Порт-Артур служить убежищем и базой для Тихоокеанского флота. Роль эту, насколько зависело от гарнизона, Артур выполнял, пока существовал флот, теперь, по разным причинам, флота более нет, и, следовательно, значение Артура как убежища падает само собой. Значение Артура как сухопутной крепости совершенно ничтожно, так как лежит далеко от всех операционных направлений, но, благодаря своему значению убежища флота, он блистательно выполнил и назначение сухопутной крепости, притянув к себе в то время, когда северная армия наша сосредоточивалась, до 150 тысяч японцев, из коих выведено из строя не менее 100 тысяч.

Теперь сосредоточение армии, конечно, уже закончено, да и Артур не может уже отвлекать на себя значительных сил, так как для борьбы с остатками его гарнизона японцам до-

статочно держать лишь небольшой отряд. Таким образом, падший Артур в настоящее время на общее положение дела на театре войны никакого влияния оказать не может и является вопросом самолюбия, как национального, так в частности Артурского гарнизона.

Положение крепости таково: из 35 тысяч пехоты осталось около 11 тысяч, из коих значительный процент переутомленных и недомогающих; большое число орудий подбито; снарядов крупных и средних калибров осталось мало. Занятие японцами редутов 1-го и 2-го, капониров и даже форта № 2 не имело особого значения, так как сзади их мы имели оборонительную линию Китайской стены, за которой и держались целые месяцы. С падением форта № 3, если японцам удастся поставить орудия на форту № 3, то Китайская стена будет обстреливаться продольно, а отчасти и с тыла, и держаться за ней едва ли будет возможно; с оставлением же ее в руках японцев окажется участок полигона от Курмашинского манажа до укрепления № 3, то есть около 2 верст, да и положение 3-го укрепления и Курганной батареи становится весьма трудным.

Правда, сзади есть еще так называемая 2-я линия, но она представляет собой в сущности тыловую артиллерийскую позицию, для упорной же обороны пехотой непригодна, так как состоит из системы отдельных горок, не имеющих никаких приспособлений как для жилья, так и для боя. Конечно, если неприятель, как полагают некоторые, пойдет на 2-ю линию сапой, то на ней можно держаться довольно долго, столько, сколько потребуется времени для ведения сапы; но если, что более вероятно, японцы поведут на эту линию более или менее энергичную атаку, подготовив ее сильным артиллерийским огнем, то линия эта может быть прорвана очень скоро.

За 2-й линией у нас уже нет ничего, за что можно было бы уцепиться, а между тем очень важно не допустить неприятеля после штурма ворваться в город и перенести бой на улицы, так как это может повести к резне, жертвами которой сделаются, кроме мирного населения, еще 15 тысяч больных и ра-

ненных, которые своей прежней героической службой и сверхчеловеческой выносливостью заслужили внимание к своей участи.

Если бы было какое-нибудь основание надеяться, что крепость будет в состоянии продержаться до прибытия выручки, то, конечно, следовало бы стоять до последней возможности, но, к сожалению, на близость выручки нет никаких указаний, — скорее есть признаки, что она еще очень далека. Таким признаком является то, что мы уже два месяца не имели никаких известий из армии. Блокада держится только с юга, к стороне Чифу; следовательно, если бы хоть кусочек западного побережья Ляодуна был в наших руках, то шаланды могли бы беспрепятственно прийти, если же этого нет, то, значит, наша армия еще далеко.

При таких условиях вопрос состоит лишь в том, что лучше — оттянуть ли сдачу крепости на несколько дней или даже часов или спасти жизнь двух десятков тысяч безоружных людей. То или другое решение вопроса, конечно, есть дело личного взгляда, но казалось бы, что последнее важнее, и потому, раз 2-й линии будет угрожать серьезная опасность, этой линией следует воспользоваться как средством для возможности начать переговоры о капитуляции на возможно почетных и выгодных условиях.

Ген. Горбатовский. Время сдачи не может повлиять на условия сдачи, но держаться необходимо. Мы очень слабы, резервов нет, но держаться необходимо, и притом держаться на передовой линии. Было бы обидно после сдачи узнать, что помощь близка. Защищать 2-ю линию с данным числом войск трудно, так как она слишком длинна и не имеет закрытий.

Ген. Надеин. Держаться на 1-й линии возможно дольше. На 2-й линии, не имея резервов, держаться нельзя.

Ген. Белый. Если в полевой армии сила измеряется числом штыков и шашек, а артиллерия является вспомогательным родом орудия, то здесь артиллерия приобретает преобладающее значение. В крепости и материальное и нравственное значение артиллерии громадно. Положение артиллерии та-

ково: если действия ее кажутся многим недостаточно энергичными, то это потому, что артиллерия наступающего всегда должна быть сильнее, иначе он бы и не атаковал. Атакующий может концентрировать свою артиллерию, а мы нет. Цели для стрельбы теперь представляются все реже и реже. В числе артиллеристов очень много больных и калек, а пополнять некому. Убыль в каждом бою продолжается. Специалистов-наводчиков почти не осталось, что отражается на качестве стрельбы. Орудий крепостных осталось мало, и они износились. Снарядов еще хватает для обороны. Придавать особое значение падению форта № 3 нельзя, пока там не поставлены орудия. При имеющихся средствах держаться еще можно на 1-й линии.

Ген. Никитин. Преждевременно заключать, что крепость отмирает. После ряда грандиозных штурмов неприятель отказался от них и начал вести правильную осаду. Правильную, но медленную, иногда даже слишком медленную. Еще 17 октября они подошли вплотную к некоторым фортам и сидят там до настоящего времени, поэтому можно ожидать, что и на 2-ю линию они не пойдут открытой силой. Они уже не способны на штурм и дальше не пойдут без траншей. На 2-й линии мы можем держаться еще месяц, но только не нужно набивать людей в траншеи. Артур не выполнил своего назначения, потому что суда в нем еще есть, хотя они и затоплены и не могут действовать, и мы должны их охранять. Если Куропаткин не двинется вперед, то значит, сосредоточение еще не кончено, и мы должны отвлекать от него силы японцев, а если он идет, то тем более. Снаряды еще есть. Нужно усилить выделку вспомогательных средств обороны — бомбочек и металлических мин. Личный состав количеством не слаб и, вероятно, не слабее японцев. Надо обратить внимание не на больных, а на здоровых, улучшив их питание. Переходить на 2-ю линию преждевременно и до последней возможности следует держаться на 1-й линии. Мы должны бороться потому, что по принципу, по идее, выручка будет. Сократить фронт обороны нельзя.

Адм. Вирен. Присоединяется к мнению, что можно и должно продолжать защиту.

Адм. Лощинский. Тоже. Нужно сосредоточить огонь, чтобы мешать противнику ставить орудия на занятых им пунктах.

Ген. Фок. Японцы будут продолжать правильную инженерную осаду, и теперь время атак их всегда совпадает только с успехом их минных работ. Поэтому полагаю, что первый удар их направлен будет на укрепление № 3. Особенно беспокоит теперь то обстоятельство, что японцы ведут мину против редута № 1 к люнету у исходящего угла Китайской стены и, кажется, уже закончили работу. Было бы весьма желательно помешать им контрминой, потому что если они захватят эту часть Китайской стены, то положение сделается очень трудным.

У нас две задачи: японцы могут одновременно атаковать укрепление № 3 и угол Китайской стены, а что для нас важнее — вопрос. С потерей укрепления № 3 у нас есть еще Курганная батарея, которую нужно штурмовать, так как идти ходами сообщения слишком долго; но возможно, что Курганную батарею заставят очистить огнем с 3-го укрепления. С падением же Курганной батареи придется бросить и большую часть 2-й линии, а весь Старый город окажется под обстрелом. Китайская стена еще важнее, но если японцы поставят орудия на форту № 3, то вся она будет лишена всякого подвоза и гарнизон ее будет нуждаться во всем, начиная с воды. Весь вопрос в том, удастся ли помешать японцам поставить орудие на форту № 3, и для этого нужно употребить все усилия. Существенно важно держаться Китайской стены, остальные позиции ничего не стоят; с потерей ее — сопротивление можно считать только часами. Успех обороны фортов зависит от успеха наших контрминных работ. Оборонять форты пехотой собственно нельзя.

Ген. Смирнов. Каждая крепость создается для известной потребности, и этим определяются возлагаемые на них задачи. Сообразно этим задачам вырабатывается инструкция коменданту, получающая высочайшее утверждение и опреде-

ляющая способ и предел обороны крепости. Вообще признается, что крепость можно сдать тогда, когда исчерпаны все средства обороны, и вопрос о средствах обсуждается в совете обороны, но окончательное решение принадлежит коменданту. Для Порт-Артура особой инструкции не существует, и задачи его определяются самим положением вещей. Задачи эти — прикрытие флота и отвлечение сил. Сосредоточение армии, вероятно, еще не кончилось, и мы еще выполняем 2-ю задачу; поэтому относительно сдачи и речи не может быть. Средства, которыми мы располагаем, сильно уменьшились.

Когда устраивают крепости, то их делают на большой или на малый гарнизон; тип крепости второго рода — крепость-форт, первого — крепость-плацдарм, причем большие крепости обыкновенно состоят из ряда концентрических линий обороны, которые последовательно будут соответствовать уменьшающейся численности гарнизона. Если число защитников уменьшилось втрое и число орудий наполовину, а продовольствие с года на месяц, то это нужно считать положением нормальным для крепости малой. Сейчас, относя больных и раненых к населению, численность последнего достигает до 20 тысяч, а продовольствия осталось на 1½ месяца. Полигон остается прежний. Гарнизон не отвечает протяжению линии фортов, хотя еще есть две запасные полевые позиции, которые в крайности можно очистить, — это Лаотешань и Сигнальная горка. Если защитников останется еще меньше, то следует перейти к внутренним линиям. Китайская стена очень важна, так как имеет приспособления для жилья и укрытия и дает возможность пользоваться бомбочками, чего мы лишаемся с ее потерей, поэтому ее лучше держать до последней возможности, ослабив оборону остальных участков.

План обороны должен стремиться к сокращению полигона. На 2-й линии мы можем держаться еще неделю. Затем мы можем держаться на 3-й линии, которую составляют внутренняя ограда позиции Хоменка, Большая и Опасная гора; наконец, если гарнизон сократится хотя до 3 тысяч, то

с ними можно оборонять внутренность Старого города. Я не буду утомлять внимания подробностями организации такого переноса обороны, но сдача может быть вызвана только истощением продовольствия.

Ген. Фок. Практически этого выполнить нельзя. Став на 3-ю линию, мы отдаем госпиталь и город на полное истребление. Тогда уж лучше сдать город, и тем, которые не желают сдаваться, с охотниками идти на Лаотешань и там обороняться.

Ген. Стессель. Держаться нужно на 1-й линии, пока это будет возможно. Жить на 2-й линии, где нет помещений, в теперешнее морозное время нельзя: люди не выдержат и начнут уходить в казармы, и проверить это очень трудно. Если сумеем удержать Китайскую стену, укрепление № 3 и Курганную батарею, то держаться можно; если же собьют с этой линии, то следует переходить прямо на линию позиции Хоменка, где есть поблизости помещения для жилья, держа наверху только часовых. Если от 1-й линии японцы пойдут сапой, то, конечно, продержаться долго. Оборудование нескольких линий теперь совершенно невозможно. Артиллерия должна употребить все усилия, чтобы помешать поставить орудия на форту № 3, иначе на Китайской стене держаться нельзя. На 2-й линии нужно держаться пока возможно, отнюдь не допуская неприятеля в город и не перенося борьбу на улицы, чтобы не вызвать резни раненых, которые заслужили внимание к своей участи.

Верно: ген.-майор *Рейс*.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 345–351.

Приказ войскам Квантунского укрепленного района Порт-Артур. 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)

Так как условия капитуляции заключены, то для передачи фортов японцам предписываю исполнить следующее:

1) Завтра к 9 часам утра должны быть выведены гарнизоны всех фортов, батарей и укреплений, между Лунхэ и укреплением № 5, т.е. пехота, скорострельная артиллерия в запряжке, прислуга крепостных и прочих орудий.

2) Остается для передачи комендант форта с двумя нижними чинами.

3) По очищении указанных фортов морские команды выделить от сухопутных и тотчас передать в ведение их морского начальства по принадлежности.

4) Начальникам участков и фронтов обязывается наблюдать за полнейшим порядком всего изложенного.

5) Казачья сотня, а затем охотничьи, конные команды под общим начальством ген. штаба кап. Романовского тотчас занимают позади в Новом и Старом городах заставы для наблюдения за исполнением всех установлений, за полным порядком и благочинием в городе и не допускают безобразий, памятуя, что всякий безобразный поступок какого-либо негодяя может вызвать резню на улицах и истребление больных и раненых.

6) Приведение всего этого в исполнение возлагаю на коменданта крепости, в помощь ему назначается начальник 7-й дивизии ген.-майор Надеин.

7) Прошу адмиралов и командиров экипажа усилить всю наблюдение за морскими командами, назначая для сего офицеров с патрулями; необходимо не допускать производства беспорядков.

8) Коменданту города и полицеймейстеру иметь за порядком самый строгий надзор.

9) Гарнизоны очищаемых фортов отвести в казармы и никуда не расходиться.

Ген. Стессель.

**Адм. Вирен, адм. Григорович, адм. Лощинский —
Вел. князю Алексею Александровичу Романову
(генерал-адмиралу). Донесение. Порт-Артур,
20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.)**

Хотя в заседании всех старших начальников под председательством генерал-адъютанта Стесселя, бывшем 16 декабря, было решено огромным большинством голосов продолжать защиту крепости елико возможно, ввиду имеемого еще запаса снарядов на некоторое сопротивление и провизии более чем на месяц, тем не менее вчера, 19 декабря, генерал-адъютант Стессель послал письмо с парламентаром командующему японской армией относительно капитуляции крепости, не предупредив об этом ни коменданта, ни нас — морских начальников, сообщив только лишь о совершившемся факте для уничтожения судов, орудий и прочего, дав для этой цели в наше распоряжение одну ночь. Ввиду этого, не имея другого выхода, вынуждены были немедленно уничтожить все, что не должно было достаться трофеями неприятелю. Шесть исправных эскадренных миноносцев отправлены в нейтральные порты, один из них к консулу в Чифу, согласно желанию генерал-адъютанта Стесселя, со знаменами сухопутных войск, флагом Квантунского экипажа, георгиевскими рожками с канонерских лодок «Бобр» и «Гиляк» и секретными бумагами.

Вирен, Григорович, Лощинский.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 354–355.

**Приказ войскам Квантунского укрепленного района
Порт-Артур. 21 декабря 1904 г. (3 января 1905 г.)**

Предписываю сегодня же сдать все оружие в Новую тюрьму, счетом от каждого полка, начиная 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 5-й полки, затем 7-я дивизия, три запасных батальона, креп.

артиллерия, саперная, ж.-д., минные роты, пограничная стража, полевая артиллерия. Все это должно быть сложено к 12 часам дня 22-го числа. С 12 часов 22-го числа туда сложить оружие, взятое у японцев. Морякам сдавать оружие по распоряжению командира порта в порт сегодня же. Дружинникам в арсенал сегодня же. Для казаков будет назначено время. Подтверждаю строжайше, чтобы ни единого ружья не оставалось в казармах. Каждый полк доносит тотчас по начальству о сдаче. Караул поставить 20 чел. от казаков.

Сегодня в 2 часа дня очистить все форты и перейти в казармы. Остаются для сдачи указанные в приказе № 984, т.е. коменданты и 2 нижних чина.

Генерал *Стессель*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 355.*

**Ген. Куропаткин — ген. Викт. Викт. Сахарову.
Донесение. Д. Сахетунь, 18(31) января 1905 г.**

Сообщаю дословно на мое имя депешу генерал-лейтенанта Смирнова из Порт-Артура от 20 декабря: «Генерал-адъютант Стессель вступил в переговоры о сдаче крепости без предупреждения и вопреки моему и большинства начальников заключению. Генерал-лейтенант Смирнов». Ввиду такой депеши, прошу не отказать уведомлением: полагается ли по выяснении условий сдачи Порт-Артура и обстоятельств, сопровождающих эту сдачу, принять какие-либо меры к привлечению генерал-адъютанта Стесселя к указанной в законе ответственности за сдачу крепости.

Генерал-адъютант *Куропаткин*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 355.*

Официальные донесения японских главнокомандующих

Донесение от войск гарнизона Ляодунского полуострова ночью 13-го января (31-го декабря).

Неприятельские войска, отброшенные из района Инкоу 12-го января (30 декабря), бежали в беспорядке на север от Такаокан.

Судя по числу убитых и раненых, 62 и 6, оставленных противником и разбросанных по полю сражения, а также по количеству оружия, потери русских были не менее чем 200 человек.

Отряд наших войск отбросил противника 13-го января (31 декабря) от Ньючванга и принудил его отойти в замешательстве.

Донесение из главной квартиры Маньчжурских армий Токио, утро 18-го января (5 января) 1905 года

14-го января (1-го января) один из наших отрядов окружил часть неприятельских войск у Санчахе, к западу от Ньючванга и обратил их в бегство. Противник потерял свыше 300 убитых и раненых. Военная добыча, в том числе оружие, досталась нам в большом количестве.

Со слов штабного офицера вышеупомянутого отряда в рядах противника, ввязавшегося с нами в бой, находилось много солдат китайской регулярной армии.

16 января (3 января) отряд от 500 до 600 человек неприятельской конницы при 10 орудиях, который был обращен в бегство со стороны Ньючванга, направился на северо-восток через Ляотуонглу. Вечером того же дня наш кавалерийский отряд имел у Ляохеше столкновение с казаками. Отряд доносит, что некоторые солдаты этих русских частей были одеты в китайское платье, другие имели кроме того еще китайские шапочки, а большое число людей были одеты совершенно по-китайски, причем имели косы. Войска эти, по-видимому, очень утомлены.

**Положение в районе Хеиенчанга.
23 января (10 января). Получено в Токио
после полудня 24-го января (11-го января)**

23-го января (10 января) часть наших войск вытеснили около одного эскадрона неприятельской кавалерии из пункта к северо-западу от Вейцзыю (северо-восточное Хеиенчанга) и заняла его; нам досталось несколько лошадей и оружие.

Другой отряд наших войск атаковал и обратил в бегство противника в районе Чанг-ченга. Неприятель потерял свыше 20 человек, а пять русских, в том числе есть офицеры, взяты в плен. Мы овладели некоторым количеством оружия и лошадьми.

**Положение на Шахэ. 25 января (12 января).
Донесение от главной квартиры Маньчжурских
армий, полученное в Токио после полудня
27-го января (14-го января)**

25-го января (12-го января) противник, расположенный на правом берегу Хуньхе, приступил к военным действиям, причем из района к югу от Чангтара, на Хейгоутай и Чандзепао двинулись силы, численностью не менее армейского корпуса. 26-го января (13-го января) наши войска перешли в наступление и оттеснили в направлении на Лиутяокоу из района Чандзепао отряд противника, силою около одной дивизии. С 26-го января (13-го января) другая часть наших войск ввязалась в ожесточенный бой в районе Хейгоутая, с противником, численностью свыше одной дивизии.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 44–47.

**Ген. Куропаткин — Николаю II. Донесение.
Д. Сахетунь, 18(31) января 1905 г., 15 ч. 35 мин.**

Командующий 2-й Маньчжурской армией донес мне, что «вчерашнего числа он заболел и службу исполнять не может» и просил указать, кому сдать командование армией. Мною сделано распоряжение вступить во временное командование 2-й армией командиру 8-го армейского корпуса генерал-лейтенанту Мылову, сдав командование 8-м корпусом начальнику 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Иванову.

Генерал-адъютант *Куропаткин*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 397.*

**Ген. Гриппенберг — Николаю II. Донесение.
Д. Матурань, 18(31) января 1905 г., 18 ч. 35 м.**

Истинная причина, кроме болезни, заставившая меня просить об отчислении меня от командования 2-ой Маньчжурской армией, заключается в полном лишении меня предоставленной мне законом самостоятельности и инициативы и в тяжелом сознании невозможности принести пользу делу, которое находится в безотрадном положении. Благоволите, государь, разрешить мне приехать в Петербург для полного и откровенного доклада о положении дел здесь.

Генерал-адъютант *Гриппенберг*.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 398.*

**Ген. Куропаткин — ген. Бильдерлингу.
Циркулярное письмо № 1723. 7(20) февраля 1905 г.**

Предварительно решения, какое развитие должны получить наши начинаемые наступательные действия, я считаю

необходимым еще раз очертить общую обстановку предстоящих действий, в настоящее время отличающуюся от той, в которой мы находились в начале минувшего месяца. В то время наши намерения для противника были неизвестны; фронт Уанчжуанцзы — Сандепу был почти не укреплен, за исключением опорных пунктов Сандепу и Лидиутунь; к укреплению его японцы приступили лишь после перевода на этот фронт 10-го и 8-го корпусов. Армия Ноги, хотя и свободная после взятия Порт-Артура, могла подойти только своими головными частями и то не укомплектованными. Наша железная дорога в тылу была в безопасности.

После же неудачного наступления к Сандепу намерения наши, надо предположить, обрисовались противнику более чем с достаточной ясностью. Японцы в значительной мере укрепили не только фронт Уанчжуанцзы — Сандепу — Хегоутай, но и против фронта 1-й и 3-й армий, а по некоторым сведениям ими получены и поставлены на позиции осадные орудия. По сведениям от пленных около половины января прибыли 1-я и 9-я дивизии.

Произведенные японцами вместе с хунхузами нападения на наши железнодорожные мосты вынудили меня принять обширные меры, дабы обезопасить от нападений железную дорогу; для сего выделены из наших сил бригада пехоты с тремя батареями и Донская казачья дивизия с двумя казачьими батареями, а также передано в охрану дороги 10 эшелонов пополнений, которые большею своею частью должны были поступить на пополнение рядов армий.

Группировка японских войск на фронте после нашего наступления в общем не изменилась; против 1-й армии по-прежнему остаются, по-видимому, 12-я, гвардейская, 2-я и 10-я дивизии и 2-я, 5-я и сводная гвардейская резервные бригады; против 3-й армии — 3-я и 4-я полевые дивизии и 3-я и 6-я резервные бригады; против 2-й армии в настоящее время вероятно, находится 8-я дивизия, части 1-й, 8-й, 4-й и 11-й резервных бригад. В резерве, в районе Шилихэ — Янтайские копи — Ляоян — Тадусампу, — 5-я, 6-я и 9-я дивизи-

зии, а по некоторым сведениям также и 7-я полевая дивизия. Куда японцами будут направлены остальные дивизии армии Ноги, а равно какое назначение получат вновь сформированные дивизии, — неизвестно.

Они могут быть направлены немедленно для усиления армий Ойямы; могут быть сосредоточены на среднем Ялу для действий на наш крайний левый фланг или в направлении на Гириин, или, наконец, часть сил их может быть высажена в бухте Гашкевича для движения в тыл, в направлении на Нингугу — Гириин или же в направлении на Владивосток.

Прибытие этих подкреплений к армиям Ойямы настолько уравнивает их силы с нашими, что японцы, может быть, окажутся в силах перейти к наступательным операциям, пользуясь при этом растянутостью наших позиций. Группировка их вполне способствует переходу в наступление в любом направлении даже и в настоящее время.

Направление этих подкреплений на наш левый фланг заставит значительную часть наших резервов направить к Фушуну или Инпани, и мы будем вынуждены к пассивным действиям. Наконец, направление на Гириин — Нингугу заставит нас часть подходящих резервов задержать у Харбина и направить в угрожаемый район.

Принимая во внимание проявленную японцами энергию, можно ожидать, что прибытие этих подкреплений в том или ином направлении не замедлится.

В настоящее время мы имеем в 1-й армии, не включая Цинхэченский отряд, 104 батальона, в общем 89 200 штыков; в 3-й армии — 72 батальона, 64 358 штыков; во 2-й армии — 126 батальонов, 99 900 штыков; 13 в общем резерве — 50 батальонов, 41 795 штыков.

Против нас, если считать, что к армиям Ойямы прибыли все 4 дивизии армии Ноги, японцы могут выставить: против 1-й армии для оборонительных действий — 2-ю, 10-ю и 12-ю дивизии, сводную гвардейскую, 5-ю и 2-ю резервные бригады — 60 батальонов, 54 000 штыков; против 3-й армии — 3-ю и 4-ю дивизии, 3-ю и 6-ю резервные бригады —

40 батальонов, 36 000 штыков; против 2-й армии к концу второго дня могут быть сосредоточены 8-я, 1-я и 9-я дивизии, 1-я, 8-я и 11-я резервные бригады — всего 68 батальонов, 61 000 штыков; кроме того в резерве на линии Шилихэ — Янтайские копи — гвардейская, 5-я, 6-я, 7-я, 11-я дивизии — 60 батальонов, 54 000 штыков.

Резерв этот может поддержать или войска, действующие против 2-й армии, составив силу в 128 батальонов — 115 000 штыков, или же, удерживая наступление 2-й армии, японцы могут направить главный удар на наш центр, образовав группу в 100 батальонов — 90 000 штыков.

Дальнейшие подкрепления японцев будут состоять в указанных выше 3 вновь сформированных дивизиях, которые могут быть направлены или для усиления армии Ойямы, или в направлении на наш левый фланг и тыл, в направлении на Нингуту — Гириин или на Владивосток.

В подкрепление к нам ожидаются: 3-я стрелк. бригада, прибывающая в Мукден полностью к 25 февраля; 4-я стрелк. бригада — к 5 марта; к 10 марта — пластунская бригада, а всего 22 батальона. К 10 марта заканчивается прибытие 47 000 маршевых команд. 2 марта начинают прибывать в Харбин части 4-го арм. корпуса. К 10 же марта во Владивостоке и Никольске будут закончены формирование 4-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизии и развертывание 2-й и 8-й Вост.-Сиб. стрелк. дивизий, что в общем, вместе с развернутым в полк Хабаровским батальоном, даст в этом районе 44 батальона. Но с нашим усилением равномерно усиливается и противник. Имея охватывающую базу, владея морем, он имеет большую свободу маневрирования.

Наконец, по отношению времени года в конце февраля наступят в занимаемом нами районе теплые дни, реки вскроются, почва размякнет, делается тяжелой для передвижения артиллерии и обозов, но вместе с тем явится возможность быстро окапываться.

Кроме того следует также иметь в виду, что победа, даже частная, поднимет дух наших войск и отнимет уверенность у японцев; победа нам крайне необходима для улучшения

внутренних дел России, и в этих видах переход ныне же к решительному бою представляет известные выгоды.

Приступая при очерченной, с полной откровенностью, обстановке к наступательным действиям, оставляя без изменений данные мною армиям в предписании от 6 января за № 32 директивы, я желал бы выслушать мнение вашего высокопревосходительства, признаете ли вы возможным при данной обстановке обратить наше наступление в решительное сражение и с этой целью после взятия Сандепу немедленно продолжать дальнейшее наступление 2-й армией к Лидиутуню и далее совместно с 3-й армией в направлении к Шахэ, с целью овладения этой позицией, а затем и Хоутхайской сопкой, отбрасывая вместе с тем японцев от Ляояна, или вы сочтете необходимым действовать более осторожно, т.е. заняв Сандепу и Лидиутунь, укрепив их, пополнить убыль, получить в подкрепление 3-ю, а быть может, и 4-ю стрелковые бригады и только затем приступить к дальнейшим, но уже решительным операциям.

Мнение ваше благоволите прислать в самом непродолжительном времени, дабы я мог его иметь в виду при предстоящих операциях.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Генерал Куропаткин.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 399–401.

**Сводка мнений командующих 1-й, 2-й и 3-й армиями,
присланных ими в ответ на циркулярное письмо
ген. Куропаткина № 1723. 13(26) февраля 1905 г.**

В вопросе о времени перехода в наступление командующие 1-й и 2-й армиями стоят за немедленное начало активных действий; общим мотивом при этом, главным образом,

является скорое наступление теплого времени и связанное с ним вскрытие р. Хунхэ и оттаивание прилежащих к ней болот. Вместе с тем «всякое промедление в наступлении может невыгодно отразиться на численном перевесе нашем», — пишет командующий 1-й армией. Такого же мнения держится и барон Каульбарс, который находит, что при настоящем положении японцам наиболее выгодно, отказавшись от трудных операций на Владивосток и Нингуту, ограничиться лишь легкими приобретениями (Сахалин, Командорские острова, Камчатка) и прибывающие подкрепления направлять в армию Ойямы, положение которой при нашем превосходстве сил не может считаться вполне обеспеченным. Ввиду этого выигрыш во времени, замедление в начале наступления, не принесет никакой пользы, так как подкрепления, прибывающие из Европейской России, еще долго будут уравновешиваться быстрым усилением противника.

Временно командующий 3-й армией имеет основную идею: неуклонное, безостановочное и непрерывное приведение раз выработанного плана в исполнение, что требует всесторонней подготовки и принятия во внимание целой совокупности данных. «Можно отсрочить, — пишет генерал Бильдерлинг, — начало самой операции, но затем, обеспечив успех значительным превосходством сил, ломить безостановочно». Вот основание его мнения, что «время для перехода в наступление должно зависеть от воли главнокомандующего».

В вопросе о развитии наступательных действий командующий 1-й армией и временно командующий 3-й армией стоят за самое решительное продолжение операции по занятию Сандепу и даже Лидиутуня. При этом генерал Линевиц имеет в виду опасность в замедлении активных действий и отсрочке «решительного сражения»; генерал Бильдерлинг идет дальше и находит, что занятие Сандепу и Лидиутуня «как отдельная операция, без непосредственной и непрерывной связи с дальнейшим наступательным планом, не имеет даже значения». «Широко задуманный и по возможности хорошо предусмотренный план», по мнению генерала Бильдерлин-

га, «должен сам по себе развиваться при твердом намерении всех исполнителей довести его до конца». Командующий 2-й армией хотя и не касается в своем письме вопроса о характере действий после взятия Сандепу, однако мнение его о необходимости «возможно усилить 2-ю армию» указывает, по всей вероятности, на желание вести наступление самостоятельно в самых широких размерах.

Генерального штаба капитан граф *Игнатьев*.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 401–402.

**Описание военных действий частей
2-го Сибирского армейского корпуса.
31 января — 27 февраля
(13 февраля — 12 марта) 1905 г.**

...С 13 по 22 февраля, в течение десяти дней, войска вверенного мне корпуса вели упорный бой с японцами на р. Шахэ. Доблесть всех родов войск была выше всякой похвалы. Не только стрелки, уже неоднократно доказавшие свою непоколебимую стойкость при обороне вверенных им позиций, но и полки 1-й Сибирской пехотной дивизии, дравшиеся в составе корпуса впервые, показали себя с самой лучшей стороны. Артиллерия наша, выдержав четырехдневный бой с превосходящей по численности и по калибрам артиллерией противника, принимала самое деятельное участие в отражении всех атак стрельбой на картечный выстрел.

Служба казаков телеграфной роты, обслуживавших до 50 телефонных, телеграфных и гелиографных станций, саперных рот, принимавших, помимо специальных работ, участие в отражении неприятельских атак, служба медицинского персонала и парков заслуживают полного одобрения.

Общий успех на всей позиции был в течение 10 дней упорного боя. Ни одно из укреплений главной позиции не было уступлено японцам, несмотря на их яростные атаки. При на-

чале последних в корпусном резерве было всего два батальона Сретенского полка. Все остальное было отдано в помощь соседям на Гаутулинскую позицию и позицию 11-го Вост.-Сиб. стрелкового полка.

Несмотря, однако, на столь малый резерв, быстрое перебрасывание частей войск с неатакованных участков на атакуемые и накопление резервов днем дали возможность парировать все попытки японцев ворваться на позицию в разных местах.

Всего на правый участок позиции в подкрепление было послано $10\frac{1}{2}$ батальонов и снято для образования резерва 7 батальонов; на левый боевой участок послано $6\frac{3}{4}$ батальона, снято 4 батальона.

Таким образом, вместо 18 батальонов, которыми я располагал при начале атак, всего к 22 февраля одновременно приняло участие в бою до 38 батальонов, а общее число батальонов, принимавших участие в жонглировании, простирается до 65 батальонов.

Потери наши были велики, но противник, безусловно, понес в 2–3 раза больше.

Всего у нас убито офицеров и зауряд-прапорщиков 16; ранено офицеров и зауряд-прапорщиков 34; контужено 14; всего выбыло из строя 64.

Нижних чинов: убито 350, ранено 1334, контужено 59, не вернулось 11. Всего выбыло 1754 человека. В том числе: частей 2-го Сибирского корпуса: выбыло 60 офицеров и 1581 нижний чин; частей 4-го Сибирского корпуса: выбыло офицеров 4 и нижних чинов 173. Кроме того не показано число убитых и раненых Читинского, Нерчинского полков и 6-й Вост.-Сиб. стрелковой артиллерийской бригады.

Эти потери на укрепленной позиции ясно свидетельствуют об упорстве боя.

Все 27 атак японцев на нашу позицию были отбиты. Насколько настойчивы и яростны были атаки противника, насколько горяч был бой на позиции у Кандолисана, свидетельствует показание одного раненого, что горные орудия, по-

ставленные японцами на берегу р. Шахэ, открывали огонь по своим же солдатам, чтобы остановить отходящие после отбитых атак части и чтобы огнем своих орудий поднять измученные войска на новые и новые атаки.

Телеграмма из Токио в газете «Новое время» от 2(15) марта описывает этот бой в следующих выражениях: «Офицер гвардии Микадо описывает начало великого боя, состоявшее из ряда ожесточенных ночных атак. Один раз русские с изумительным мужеством произвели три контратаки; бились врукопашную. Русские, получив значительные подкрепления, открыли фланговый огонь по японцам, которые понесли большие потери и должны были отступить. Затем русские, в составе 10 батальонов, произвели атаку. Завязался ужасный бой. Были пущены в ход штыки и шашки. Один японский капитан убил трех русских, но затем был сам заколот штыком, пронизавшим ему горло. В конце концов, русские были отражены».

Весть об отходе была тяжела для всех. Войскам приходилось теперь расстаться со своими неприступными позициями, обильно политыми кровью, и покинуть свои горные землянки, в которых они провели более месяцев с твердой верой в победу над врагом. И этой победы — частной в общем ходе дел — они, безусловно, достигли.

Одно слово — и войска двинулись бы стремительным потоком вперед, добывая уставшего и разбившегося о нашу позицию врага. Но было отдано приказание, — войска повиновались и отошли в полном порядке.

После 10-дневного упорного боя на р. Шахэ войскам введенного мне корпуса пришлось совершить 14-дневный отступательный марш до д. Сязантай. С 22 февраля по 1 марта марш совершался при непосредственном соприкосновении с противником. Уже 23 февраля после небольшого арьергардного дела у д. Тундятунь выяснилось, что японцы на этот раз будут неотступно нас преследовать. Действительно, на следующий же день по занятии нами позиции на р. Хунхэ корпус был атакован японцами. После полученного отпора 25 фев-

раля японцы в этот день нас не преследовали. Но уже 26 наш аррьергард на перевале южнее д. Лацзыгоу снова вошел в соприкосновение с противником.

Точно так же 27 февраля корпус занял позицию на р. Фанхэ у д. Суятунь, а 1 марта было горячее дело у этой деревни. И на этот раз после отбитых нами атак японцев на нашу передовую позицию они не рискнули в течение остального дня повторить свои атаки на главную позицию.

Потери наши — до 600 человек на р. Хунхэ и до 850 человек на р. Фанхэ лучше всего свидетельствуют о большом напряжении этих кратковременных, но горячих боев, и после каждого боя японцы временно приостанавливали свое преследование.

На марше войска сохраняли полный порядок.

Не только все обозы 2-го корпуса были своевременно отведены назад без всяких потерь, но и обозы чужих корпусов, как-то: 3-го, 4-го и 6-го Сибирских, 1-го и 17-го армейских, парки, транспорты и повозки тыловых учреждений — всего до 5000 повозок получили возможность уйти по нашей корпусной дороге, несмотря на три труднопроходимых перевала у дд. Сандагоу, Лацзыгоу и Фэнсуйлин...

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 449–450.

Ген. Соболев — ген. Сахарову. Из письма.

29 марта (11 апреля) 1905 г.

...Как на одну из главных причин (поражения под Мукденом) можно указать на страшную запутанность в командном отношении, господствовавшую в армии. Все было так перепутано, что до сих пор еще не все распутано. Ген. Церпицкий в последних боях не имел под своей командой ни одной части своего корпуса. Это он сам говорил. То же и многие другие. Когда выяснилось, что мукденские операции окончились и все перемешалось, корпусные командиры 2-й и 3-й армий иска-

ли свои войска, бывшие в разных отрядах. Многие начальники ездили с одним конвоем, ибо части их были рассыпаны по полкам, батальонами и даже ротами по разным отрядам. Шли толпы, составленные из разных армий, корпусов и дивизий.

За все время войны я одни сутки, и то не полные, имел в своих руках корпус в полном составе. В бою 25 февраля под Хоулином у меня было 14 батальонов...

Л. Соболев.

*Русско-японская война 1904–1905 гг.
Сборник документов. М., 1941, с. 471.*

Официальные донесения японских главнокомандующих

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий Токио, 31 января (18-го января)

[...] Вчера 30-го января (17-го января) после полудня, две роты неприятельской пехоты, которые двинулись со стороны Чангтана на Яцупао (около 2 ½ миль к северо-западу от Чен-танпао), еще другие войска, в составе двух батальонов пехоты и одного полка кавалерии, пытались совместно атаковать Туйтайцзы, но были отбиты нашими войсками. По словам пленных, кавалерийский генерал Мищенко, который отличился своими отважными действиями на наш левый фланг, ранен в ногу 27-го января (14-го января) в районе Эрпао.

Донесение о сражении у Хейгоутай, полученное в Токио от главнокомандующего Маньчжурскими армиями 1-го февраля (19-го января).

Недавнее сражение на Хуньхе, которое продолжалось от 25-го по 29-е января (12-го по 16-е января) названо сражением у Хейгоутая.

Армия, организованная с целью атаковать противника, наступавшего в окрестности Хейгоутая, сосредоточилась

в районе Татая около полудня 25-го января (12-го января). В этот день отряд наших войск, расположенный в Хейгоутае, был окружен войсками противника, силою приблизительно в одну дивизию, и после упорного сопротивления отошел под прикрытием темноты в сторону Кученцзы.

26-го января (13-го января) командующий вышеупомянутой армией приступил к операциям против Хейгоутая; он приказал своей правой колонне занять позицию по линии Сумапао — Тоупао, левой колонне расположиться влево от нее; весь артиллерийский корпус развернулся на западной окраине Лоукя. Шел сильный снег и было очень холодно; вследствие этого кругозор был весьма ограничен, и наши операции значительно замедлились. Атака была в действительности начата не раньше полудня. Вскоре после этого получилось сведение, что со стороны Чангтана подходят еще неприятельские силы, численностью около одной дивизии; они окружили Чентанпао и выделили против нас один или два батальона. Тогда одному отряду наших войск, расположенных в районе Кученцзы, было немедленно приказано отеснить эти войска противника.

Левая колонна нашей армии развернулась по линии Сумапао — Вукяцзы, а противник занял линию Хейгоутай — Тоупао. Неприятельская позиция в Тоупао почти представляла собою вид крепости, так сильно она защищена была пулеметами. Таким образом, было очевидно, что успех атаки Хейгоутая зависит от предварительного овладения Тоупао; поэтому наши силы были направлены, главным образом, на этот пункт. Правая колонна, тесня перед собой около двух батальонов противника на восточной окраине Ляокяо, развернулась по линии Лаокяо — Сумапао и стала энергично теснить противника, наступая по обнаженной местности, совершенно открытой для неприятельского огня. Неприятельские батареи в 30 орудий были расположены вокруг Хейгоутая, умело обстреливали косвенным огнем наши войска и наносили нам тяжелые потери. Наши попытки к атаке не дали успешных результатов даже и при наступлении ночи.

27-го января (14-го января) противник, теснивший нашу правую колонну, отошел, после чего отряд, в районе Кученцзы, был двинут в атаку на Хейгоутай: таким образом он составил центральную колонну армии, левый фланг которой упирался в Сумапао.

В то же время части войск, расположенной около Лангтунгоу, было приказано занять линию Лиутяокоу — Ликявопенг и охранять, таким образом, тыл правого фланга и дер. Чентанпао. Другие войска были посланы в Хсиуерпао, имея задачей очистить этот пункт от противника и охранять тыл нашей армии.

Вышеназванная часть в районе Лантунгоу выступила в 10 час. 45 мин. утра и энергично наступала вперед на восток от дер. Татай под жестоким огнем неприятеля, который силою около дивизии занимал линию дер. Лиутяокоу — Ликявопенг. Таким образом, оказалось возможным обеспечить тыл правой колонны нашей армии.

Наша армия сражалась весьма храбро при атаке Хейгоутая, но вследствие постоянного подхода подкреплений, в особенности орудий, получаемых противником, мы несли большие потери и наши действия очень медленно подвигались вперед. Нас, однако, ничто не утрашило, войска были настойчивы и постепенно, шаг за шагом, одолевали противника.

Наша левая колонна была атакована во фланге и с тылу русскими войсками, силою около дивизии, которые подошли со стороны Неучу и Хунанлashedцзы; ее также обстреляли с тыла неприятельская пехота и конная артиллерия, проникшая в район Пахуангти. Левый фланг колонны понес большие потери в офицерах и нижних чинах и был вынужден временно отойти к Санчиенпао.

В течение ночи армия наша была атакована со всех сторон. В особенности сильно наши войска были атакованы с фронта и с тыла неприятельскими частями, силою каждая в один полк в районе Сумапао. После жестокого рукопашного боя нам повсюду удалось отбросить неприятеля.

Наш отряд, который двинулся по направлению на Хсиуерпао, встретив сопротивление превосходных сил противника, остано-

вился по линии Чукьявопенг — Хсиешао. Другой отряд, который 28-го января (15-го января) двинулся из района Лангтунгкоу, произвел умелую атаку на противника, причем правый фланг нашего корпуса занял Лиутяокоу в 9 час. 30 мин. утра, а левый фланг овладел Ликьявопенгом в 3 часа дня. Тем временем атаку продолжали различные части нашей армии, высланные против Хейгоутая. В стороне центральной колонны, однако, остатки неприятельских сил, которые производили атаку нашей позиции в течение предыдущей ночи, все еще оставались в деревне Су-мапао и обстреливали наши войска с тыла. Вследствие этого, часть наших войск была отряжена, чтобы атаковать эти неприятельские силы, которые и были, наконец, уничтожены нашими войсками. В этом бою мы захватили свыше 200 пленных.

Вместе с тем наша левая колонна, видя свой фланг и тыл обеспеченными тем, что один из наших отрядов появился в тылу и на фланг ее по направлению на Хсиуерпао, отважно двинулась в атаку на Вукяцзы и овладела этим пунктом. В то же время отряд, двинувшийся в сторону Хсиуерпао атаковал и разбил неприятельские силы; он овладел этой деревней в 3 часа утра.

Согласно первоначальным распоряжениям, наши войска в Лангтунгкоу должны были выступить оттуда в 11 час. утра и поддержать атаку на противника в Хейгоутае, которую надлежало произвести крайнему левому флангу нашей армии. Но так как тылу этих войск угрожали большие силы противника, стоящие по линии Пахуангти и Хаерпао, то упомянутые войска вынуждены были прежде всего ввязаться в бой с этими неприятельскими силами. Часть наших войск и была поэтому отправлена для этой цели и наконец им удалось, действуя совместно с отрядом в Хсиуерпао, отогнать от Пахуангти противника, который и отступил по направлению на Хункиявопенг. Эти неприятельские силы состояли приблизительно из одного полка пехоты, одной бригады кавалерии, 12 полевых орудий и двух или трех пулеметов.

До 29-го января (16-го января) все наши силы производили в течение трех дней и ночей, ожесточенные атаки на про-

тивника, но не могли достигнуть желанного результата. Тогда было решено произвести новую ночную атаку, причем всем войскам было внушено напрячь все силы для достижения поставленной задачи.

Различные отряды в состав армии, направленной для атаки Хейгоутая, сделали несколько попыток продвинуться вперед, даже рискуя быть уничтоженными, но понесли только тяжелые потери от неприятельского артиллерийского огня, в особенности от пулеметов. Но наши войска, неустрашимые ничем, горячо продолжали атаки и в 5 час. 30 мин. утра, противник стал поддаваться назад перед нашими бешеными атаками. Тогда один отряд за другим из числа наших войск ринулись в Хейгоутай и в 9 час. 30 мин. утра мы окончательно завладели этим пунктом. Наши войска пустились преследовать противника и дошли до Тутайцзы через Янтайцзы. Часть левого отряда заняла Хунанлашедцзы. Отряд в Хсиуерпао также отбросил находившегося против него противника и ему удалось занять линию вдоль Хуньхе, связывающую Читайцзы и деревню в пяти километрах к северу от нее.

В 5 час. утра того же дня отряд, находившийся в районе Татай, действуя совместно с другим отрядом, расположенным в окрестностях Ликьяопенг, отогнал небольшие силы противника и занял район Фейдзяхедцзы. Главные силы этого отряда немедленно стали преследовать отступающего противника, перешли на правый берег Хуньхе и дошли до пункта в 1000 метрах расстояния к югу от дер. Чантан.

Таким образом на правый берег Хуньхе были отброшены все силы противника.

Части неприятельских войск, участвовавших в бою с нашими войсками, состояли из 1-го сибирского корпуса, сводного армейского корпуса, 2-й и 5-й стрелковых бригад, частей 8-го армейского корпуса, 61-й сибирской резервной дивизии и нескольких охотничьих команд; общее число войск составляло не менее 7 дивизий пехоты и дивизии кавалерии. Все эти силы отступили в окрестности Сыфантая и Ниеньюпао.

Общее число наших потерь доходит до 7000 человек, а потери русских огромны. По словам пленных, 4 пехотных полка русских, которые действовали против нашего левого фланга, почти уничтожены и в некоторых русских ротах осталось от 20 до 30 человек. Мы оцениваем потери русских не менее чем в 10 000 человек.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 52–58.

Положение на Шахэ. С 31-го января по 2-е февраля (с 18-го по 20-е января)

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио 1-го февраля (19-го января).

В расположении нашего правого фланга незначительные силы противника атаковали наши позиции 31-го января (18-го января), но были сразу же отбиты. Вечером 31-го января (18-го января) наш левый фланг был также атакован неприятельской пехотой, численностью около одного полка, но и эти войска неприятеля были отбиты. Главные силы противника в этом направлении были расположены в Ние-нюпао и в окрестностях Сыфантая, а один отряд находился в Чантан.

1-го февраля (19-го января) противник занят был возведением окопов в Сыфанта, Чангкия-вопенг и Чантан. Неприятельская кавалерия расположена в Цзьюше, Пиенпаоцзы и Юепаоцзы.

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио 3-го февраля (21-го января).

1-го февраля (19-го января) незначительные силы противника атаковали наши передовые посты в различных пунктах правого фланга нашей армии, но были все отбиты.

2-го февраля (20-го января) около 6 час. утра противник открыл огонь с северной окраины дер. Ташан и с запада от дер. Лиучянгунь по близлежащим позициям у Фансина и Пугсаово (около 2 километров к югу от Лиучянгуна) и вскоре после того около 3-х рот неприятельской пехоты окружили и атаковали нашу позицию у Фансина, но были отбиты нашими войсками.

Потери противника неизвестны, но один убитый был оставлен на месте боя, а 2 человека захвачено в плен.

По направлению центра нашей армии, неприятельская артиллерия, расположенная на позиции около 2 километров к северо-востоку от Шахе-пу, обстреляла 2-го февраля (20-го января) высоты к югу от этого пункта, а другие силы артиллерии вблизи высот к западу от Манпушана стреляли по Пейчанлинцзы и Яотунь. С ночи 1-го февраля (19-го января) беспрерывно происходят стычки между разъездами обеих враждующих армий.

Противник, расположенный против левого фланга нашей армии, сегодня с утра поддерживает ожесточенный огонь по окрестностям Чентанпу, а наша находящаяся там артиллерия отвечает на огонь противника.

По сведениям из достоверного источника, противник проложил линию железной дороги от Суятуня (около 5 миль к северу от Ламатуня) до Сухупу и по ней вращается несколько поездов.

Около 8 час. утра, того же дня, тяжелые и полевые орудия противника сосредоточили свой огонь по району Ятцзыпу и вскоре после этого около одной дивизии неприятельских войск двинулись на Вангкявопенг (деревня к юго-востоку от Чантаня). Одна бригада пыталась произвести атаку на нас, но была отбита.

Войска противника, отброшенные 1-го февраля (19-го января) по направлению на Лиутяокоу оставили на поле сражения около 160 или 170 убитых. Захвачено также некоторое количество винтовок и других предметов.

По словам пленных, в бою ранены командиры 2-го и 4-го пехотных полков. По достоверным сведениям, 26-го января

(13-го января) один из наших выдвинутых пикетов, в составе 1 офицера и 28 нижних чинов, в том числе и унтер-офицеры, были окружены неприятелем. Наши солдаты сражались отчаянно, но так как большая часть из них была ранена, то они были захвачены русскими и зверски умерщвлены.

**Донесение главной квартиры Маньчжурских армий,
полученное в Токио после полудня
3-го февраля (21-го января).**

В течение дня 2-го февраля (20-го января) в стороне нашей правой армии не происходило ничего замечательного, за исключением того, что артиллерия противника обстреливала некоторые из наших позиций.

В стороне центральной армии, около одной роты неприятельской пехоты двинулась приблизительно в 12 час. 30 мин. ночи на наши передовые посты со стороны Мукденской дороги и с местности к западу от этой дороги. Часть неприятельских войск двинулась в атаку около 5 час. 40 мин. утра в районе Манкияюенцзы. Но оба отряда противника были нами отброшены. Прошлою ночью нам сдались в плен 4 человека русских.

По направлению левой армии неприятельские войска, в составе 1-й и 5-й стрелковых бригад, вели со вчерашнего утра атаки в районе Лиутяокоу, но в результате были совершенно отброшены к Чангтоу. Потери противника в этом бою должны быть сравнительно велики и составляют не менее чем 700 человек, так как наблюдалось, что убитых было вынесено свыше 300 человек.

Из числа убитых русских, оставленных ими на месте боя после сражения у Хейгоутая, нами до сих пор, только в окрестностях Сумапао, предано земле свыше 900 трупов.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 58–61.

Потери японцев

Получено 12 марта (27-го февраля)

Сводка всех донесений, начиная с 26-го февраля (13-го февраля) по сегодняшний день, представленных главным врачом в каждой армии, показывает, что общее число наших убитых и раненых доходит до 41 222 человек.

Потери противника. Военнопленные

Получено вечером 11 марта (26 февраля)

Число военнопленных, установленное приблизительно, дошло вчерашнего дня 10-го марта (25-го февраля) до 20 000 человек. Но это число все еще возрастает и мы ожидаем, что оно дойдет до 30 000 чел. Мы доносим о вышеизложенном в видах выяснения способов передвижения и для принятия иных мер.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 123.

В районе Хсинкинга

Получено 13 марта (28 февраля)

Потери противника еще не точно установлены, но ими на поле сражения оставлено свыше 800 трупов. По словам военнопленных 71-я дивизия почти совершенно уничтожена.

Что касается военной добычи, то расследование еще не закончено. Но уже известно, что в это число входит каменноугольная копь, свыше 400 вагонов для узкоколейной дороги и около 2000 винтовок. Русские предали огню свои запасные магазины в Мачунтане, Маниулупу и в других пунктах; но несмотря на это мы захватили несколько тысяч коку фуража и большое количество боевых припасов и другого военного материала.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 125.

Преследование после Мукденского сражения 11 марта (26 февраля)

Донесение главной квартиры наших Маньчжурских армий, полученное в Токио 11 марта (26 февраля)

По всей линии

Почти все войска наши, наступавшие на правый берег Хуньхе, энергично преследовали противника по всем направлениям и нанесли ему огромные потери; мы вчера 10-го марта (25-го февраля) после полудня заняли линию приблизительно в 12½ милях к северу от реки, а сегодня 11-го марта (26 февраля) все еще продолжаем преследовать неприятеля.

Наш отряд, который выступил на север сегодня утром из района Пухе, встретил большую колонну отступающих русских, окружил ее и вынудил сдаться после рукопашного боя.

В районе Мукдена все еще находится много русских войск, одни оказывают сопротивление, другие сдаются нашим войскам. Мы теперь усиленно заняты рассеиванием этих войск.

Убитые русские лежат горами на каждом поле сражения, но мы еще не имели досуга, чтобы похоронить убитых.

Пока мы не имеем возможности дать точные сведения о цифре потерь, понесенных противником в различных местах, но число убитых и раненых, а также военнопленных чрезвычайно велико, а количество военной добычи необыкновенно грандиозно. Мундирная одежда, припасы, фураж и т.д. лежат целыми горами и нелегко сделать всему оценку.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 127–128.

Положение в районе Хайлуна 28 марта (15 марта)

Положение на фронте

Донесение главной квартиры Маньчжурских армий, полученное в Токио после полудня 1 апреля (19 марта)

Наша разведочная партия, которая под начальством офицеров наступала к Хайлуну, встретила неприятельскую кавалерию, численностью около 300 человек, в 2 часа ночи 28-го марта (15-го марта) в Шанченцзу (около 30 миль с юго-запада от Хайлуна). Противник, отступивший к Хайлуну, состоял из 4000 чел. пехоты и кавалерии, и, кроме того, в названном пункте было еще около 2000 чел. русской кавалерии. Между Ингеченом (около 37½ миль к северу от Хинкина) и Шанченцзу, в различных пунктах, собраны большие запасы зерна и фуража. В районе Гирина и Чанчуня в положении противника больших перемен не произошло.

Сражение в Японском море 27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая). Общие донесения (Донесения адмирала Того)

(1).

Получено в Токио 27-го мая (14-го мая), до полудня

Получив донесение, что показались неприятельские боевые суда, Соединенный флот немедленно вышел, чтобы атаковать и уничтожить эти суда. Погода хорошая и ясная, но волнение на море большое.

Получено 27-го мая (14-го мая), ночью

Соединенный флот сегодня встретил и дал сражение неприятельскому флоту по близости Окиношима и нанес ему поражение. Мы потопили не менее четырех из его судов и серьезно повредили остальные. Наши минные истребители и миноносцы произвели смелые атаки на противника после наступления ночи.

Получено 29-го мая (16-го мая), утром

С 27-го мая (14-го мая) главные силы нашего Соединенного флота продолжали преследование оставшихся судов неприятеля. Встретив 28-го мая (15-го мая) в районе Скал Лианкорта группу русских судов, состоящую из броненосцев «Николай I» и «Орел» и судов береговой обороны «Адмирал Синявин» и «Адмирал Апраксин» и крейсера «Изумруд», мы немедленно атаковали их. «Изумруд» отделился от остальных и бежал. Другие же 4 судна скоро сдались. Наш флот потерь не имел.

Со слов пленных, русские боевые суда, потопленные в сражении 27-го мая (14-го мая), были броненосцы «Бородино» и «Александр III», крейсер «Жемчуг» и еще три других судна. В плен взято около 2000 ч. русских, в том числе контр-адмирал Небогатов.

Дополнительная записка

В дополнение к упомянутым в предшествовавших донесениях потерям неприятеля, о следующем уроне противника доносят офицеры, не стоящие в прямом подчинении Главнокомандующего, а также с наблюдательных вышек:

«Адмирал Нахимов» (крейс., 8524 тон.) потоплен.

«Дмитрий Донской» (крейс., 6200 тон.)

«Владимир Мономах» (крейс., 5593 тон.) взят в плен и потоплен.

«Светлана» (крейс., 3727 тон.) потоплен.

«Адмирал Ушаков» (судно береговой обороны) потоплено.

«Камчатка» (суд. имеющ. спец. наз. 7207 тон.) потоплено.

«Иртыш» (7507 тонн).

Большое (название неиз.) взято в плен.

Три минных истребителя — потоплены.

Один истребитель — взят в плен.

Таким образом, общую потерю противника можно классифицировать так:

	Потоплено	Взято в плен	Всего
Броненосцев	2	2	4
Судов вооруженной обороны	1	2	3
Крейсеров	5	0	5
Судов специального назначения	2	1	3
Истребителей	3	1	4

Не выяснено, включены ли в это число потопленные три судна, о которых говорили русские пленные.

Кроме 2000 чел., взятых в плен главными силами Соединенного флота, в других направлениях захвачено еще свыше 1000 ч. пленных.

Получено 30-го мая (17-го мая), после полудня

Морское сражение, происшедшее после полудня 27-го мая (14-го мая) до 28-го мая (15-го мая) включительно, будет именоваться «морское сражение в Японском море».

Получено 30-го мая (17-го мая), после полудня

Главные силы Соединенного флота, как уже донесено было в предшествовавших телеграммах, окружили и обстреляли после полудня 28-го мая (15-го мая) у Скал Лианкорта главные силы остатков неприятельского флота. Ввиду того, что противник сдался, мы прекратили стрельбу и занялись распоряжениями по поводу этих судов, когда около 3-х часов дня мы заметили, что к юго-западу от нас «Адмирал Ушаков» уходит на север. Я немедленно отдал приказание преследовать его нашими судами «Ивате» и «Якумо». Они предложили «Адмиралу Ушакову» сдаться, но так как этот совет был отвергнут, то они атаковали его и пустили ко дну вскоре после 6 часов вечера. Из команды спасено было свыше 300 человек.

Около 5 часов дня неприятельское судно «Дмитрий Донской» было обнаружено к северо-западу от нас. Тогда 4-й боевой отряд и 2-й отряд миноносцев догнали это судно и по-

вели на него бешеную атаку до наступления ночи. Но так как судно все еще держалось на воде, то отряд миноносцев атаковал его и ночью, минами, но результат атаки неизвестен. На следующее утро 2-й отряд миноносцев обнаружил, что судно выброшено на юго-восточном берегу острова Уллондо. Выше названный отряд вместе с «Касугой» занялись в настоящее время этим поврежденным русским судном.

К вечеру 28-го мая (15-го мая) миноносец «Сазанами» захватил в плен неприятельский миноносец «Бедовый» к югу от Уллондо. На нем находился, как оказалось, вице-адмирал Рожественский, главнокомандующий русской эскадры, контр-адмирал Энквист, офицеры их штабов и другие, всего свыше 80 человек. Они перешли на «Бедовый» после того, как флагманское судно «Князь Суворов» было пущено ко дну в бою 27-го мая (14-го мая).

Все эти лица взяты в плен. Оба адмирала тяжело ранены.

«Читозе», направляясь утром 28-го мая (15-го мая) на север, обнаружил русский миноносец и потопил его.

Мною получено донесение с «Ниитака» и «Муракумо», что они нанесли поражение одному минному истребителю противника, вследствие чего он выбросился на берег в районе бухты Чукпиэн (Уллондо) около полудня 28-го мая (15-го мая).

Подводя итоги полученным до сего времени донесениям и показаниям военнопленных, выяснилось, что пущены ко дну в бою 27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая) русские боевые суда «Князь Суворов», «Александр III», «Бородино», «Дмитрий Донской», «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах», «Жемчуг», «Адмирал Ушаков», один вспомогательный крейсер и два миноносца. Захвачено в плен 5 судов, а именно:

«Николай I», «Орел», «Адмирал Апраксин», «Адмирал Синявин» и «Бедовый». По словам военнопленных, неприятельский броненосец «Ослябя» пошел ко дну, получив серьезные повреждения, 27-го мая (14-го мая) между 3-мя и 5-ю часами дня. Они говорят еще, что потоплен и броненосец «Наварин».

В дополнение вышеизложенного сообщаю: 3-й боевой отряд доносит, что он наблюдал, как поврежденный неприятельский миноносец «Бедовый» был пущен ко дну в бою 27-го мая (14-го мая).

тельский крейсер «Алмаз» почти тонул при закате солнца 27-го мая (14-го мая). Но ввиду того, что на этот счет существует еще некоторое сомнение, о судьбе крейсера будет донесено впоследствии после производства расследования, одновременно с донесением о результатах атак наших миноносцев и миноносок, от которых еще не поступало донесений.

Что касается повреждений, полученных различными судами нашего флота, то ко мне еще не поступало никаких подробных донесений, но в сфере моего личного наблюдения ни одно из наших судов не получило сколько-нибудь серьезных повреждений, так как все продолжают производить боевые операции. Не было также еще достаточно времени для выяснения размера наших потерь. Могу лишь сказать, что только в 1-м боевом отряде убито и ранено свыше 400 человек офицеров и нижних чинов.

Его Императорское высочество лейтенант принц Хигаши-Фушими невредим, но в бою 27-го мая (14-го мая) легко ранен вице-адмирал Мизу...

(3).

Получено 30-го мая (17-го мая), после полудня

Сообщаю, что донесение о потоплении броненосцев «Ослябя» и «Наварин» имело полное основание.

Дополнительная записка

Поступило окончательно достоверное донесение, что утром 28-го мая (15-го мая) пущен ко дну броненосец «Сысой Великий». Следовательно, общие потери противника выражаются так:

Пущено ко дну

Броненосцы:

«Князь Суворов»	13,516 тонн
«Император Александр III»	13,516 тонн
«Бородино»	13,516 тонн
«Ослябя»	12,674 тонн
«Сысой Великий»	10,400 тонн
«Наварин»	10,206 тонн

Крейсера:

«Адмирал Нахимов»	8,524 тонн
«Дмитрий Донской»	6,200 тонн
«Владимир Мономах»	5,593 тонн
«Светлана»	3,727 тонн
«Жемчуг»	3,103 тонн

Суда береговой обороны:

«Адмирал Ушаков»	4,126 тонн
------------------------	------------

Суда специального назначения:

«Камчатка»	7,207 тонн
«Иртыш»	7,507 тонн

Миноносцы:

Три миноносца.

Захвачено в плен

Броненосцы:

«Орел»	13,516 тонн
«Император Николай I»	9,594 тонн

Суда береговой обороны:

«Генерал-адмирал Апраксин»	4,126 тонн
«Адмирал Синявин»	4,960 тонн

Миноносцы:

«Бедовый»	350 тонн
-----------------	----------

Таким образом, мы можем так классифицировать общие потери противника:

	Пущено ко дну	Взято в плен	Всего
Броненосцев	6	2	8
Крейсеров	5	–	5
Судов береговой обороны	1	2	3
Судов специального назначения	2	–	2
Миноносцев	3	1	4
Всего:	17	5	22

Общее количество тонн водоизмещения 153 411 тонн

В дополнение к вышесказанному есть основание предполагать, что и крейсер «Алмаз» (3285 тонн) пущен ко дну.

Число пленных доходит до свыше 3000 ч., в том числе вице-адмирал Рожественский, контр-адмирал Небогатов и контр-адмирал Энквист.

Получено 31-го мая (18-го мая)

Захваченные боевые суда, отправленные на морскую станцию Сасебо, закончили высадку своих команд вчера, 30-го мая (17-го мая), к вечеру, и теперь перешли в нашу полную собственность.

Вице-адмирал Рожественский перевезен в морской госпиталь. В моем прежнем донесении было сказано, что контр-адмирал Энквист находится в числе пленных с захваченного военного судна «Бедовый». Но впоследствии выяснилось, что это донесение ошибочно; ошибка вызвана беспроволочным телеграфом. Поэтому прошу вычеркнуть из донесения все, что касается пленения контр-адмирала Энквиста.

Получено 31-го мая (18 мая), после полудня

[...] «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах», кроме тяжелых повреждений, полученных ими днем, они так серьезно пострадали ночью вследствие минных атак, что потеряли всякую дальнейшую способность к бою и к плаванию, так как руль уже не слушался. Когда они носились волнами в районе Цусимы, на следующее утро они были обнаружены нашими превращенными в крейсера судами «Шинано-Мару», «Явата-Мару», «Тайнан-Мару», «Садо-Мару» и т.д. Когда наши суда собирались уже захватить суда противника, они все пошли ко дну. Оставшиеся в живых люди с русских боевых судов были спасены в числе 95 человек и приняты на борт наших судов или в частные дома на берегу. Установлено, со слов оставшихся в живых с броненосца «Наварин», что это судно затонуло вследствие 4 мин, пущенных нашими миноносками после сумерек 27-го мая (14-го мая).

Согласно донесению командира «Ниитака» неприятельский крейсер «Светлана» был обнаружен судами «Ниитака» и «Отова» на высоте бухты Чукпиэн 28-го мая (15-го мая) около 9-ти час. утра и пущен ко дну нашими судами.

Есть основание предполагать, что «Аврора» и «Алмаз» потоплены нашими миноносками ночью 27-го мая (14-го мая). В прежнем донесении «Жемчуг» был включен в число судов, пущенных ко дну, но так как на этот счет существует некоторое сомнение, я беру назад свое донесение до окончания более точного расследования. Сведя вместе все, о чем я доносил в прежних телеграммах и что пока изложено в настоящем сообщении, я могу сказать, что 8 броненосцев, 3 броненосных крейсера и 3 вооруженных судна береговой обороны, составлявших главные силы противника — все пущены ко дну или захвачены в плен; что же касается крейсеров 2-го ранга и других судов, которые служили флоту в виде судов вспомогательного характера, то и они большей частью уничтожены. Таким образом флот неприятеля как бы на деле уничтожен этим единственным сражением.

Что касается потерь, понесенных нами, я имею возможность донести, что согласно последним сведениям мы не потеряли судов, за исключением миноносок №№ 34, 35 и 69, пущенных ко дну неприятельским огнем во время ночной атаки 27-го мая (14-го мая). Большая часть команды этих миноносок подобрана экипажем соседних судов. А ущерб, нанесенный миноносцам и другим большим судам, сверх ожидания, так незначителен, что ни одно из этих судов не выведено из строя и вполне годно для военных действий на будущее время.

По отношению потерь наших офицеров и нижних чинов, то судя по началу, я ожидал, что списки потерь будут очень длинные. Но в действительности последние сведения обнаружили, что наши потери сравнительно малы. Я теперь считаю их не свыше 800 человек. Донесения об убитых и раненых будут безотлагательно переданы по телеграфу, по мере поступления; так что заинтересованные семейства могут уте-

шаться тем, что замедление в доставлении сведений будет по возможности непродолжительным.

В настоящем бою, который велся обеими сторонами почти всеми силами их флотов, не только район действий был чрезвычайно обширен, но и погода стояла туманная, так что даже там, где не мешал дым орудий или угля, видеть можно было не далее 5 ри (12½ миль). Не было возможности даже днем удержать в поле зрения все операции вверенных мне эскадр. К тому же сражение продолжалось 2 дня и две ночи и наши эскадры стали преследовать рассеянного противника по всем направлениям, имея специальные задачи в связи с окончанием боя. Относительно подробностей о действиях всех сил я буду иметь возможность представить детальные донесения не ранее истечения нескольких дней.

В «Нанива», флагманское судно отряда Уриу, тоже попал снаряд ниже ватерлинии у кормы, так что около 5 час. 10 мин. вечера судно было вынуждено уйти чиниться.

К этому времени противник был приведен в полное замешательство, как на юге, так и на севере. В 5 час. 30 мин. дня наша эскадра броненосных крейсеров, отделившись от наших главных сил, атаковала неприятельские крейсера с юга. Тогда неприятельские боевые суда стали группами уходить на север. Для преследования их двинулись отряды Уриу и Того и крейсерская эскадра. Во время этого преследования были обнаружены русские броненосцы «Князь Суворов» и чинившееся судно «Камчатка», которое было выведено из строя. Крейсерская эскадра и отряд Того сейчас же атаковали их и в 7 час. 10 мин. вечера «Камчатка» была пущена ко дну. Минный отряд Фуджимото, входивший в состав крейсерской эскадры, атаковал тогда «Князя Суворова». Он оборонялся до крайности, стрелял из небольшого орудия на корме, но в него попали две мины и он окончательно затонул в 7 час. 20 мин. вечера. Закончив эту задачу, наши отряды и крейсерская эскадра получили по беспроволочному телеграфу распоряжение сосредоточиться у Уллоondo, поэтому все суда ушли на всех парах в северо-восточном направлении.

Действия отрядов миноносцев и миноносок

Ночная атака, произведенная ими 27-го мая (14-го мая), была начата яростно и отважно всеми отрядами наших миноносцев и миноносок, как только закончился дневной бой. С самого утра этого дня господствовал сильный юго-западный ветер, производивший большое волнение. Видя, что управление небольшими судами вследствие этого было чрезвычайно затруднено, я приказал всем вверенным мне отрядам миноносок укрыться в бухте Миура еще до начала дневного боя. К вечеру, однако, ветер значительно стих, но волна в море была еще велика и миноноски, действующие в открытом море, подвергались большой опасности. Но все отряды миноносцев и миноносок, опасаясь упустить этот редкий боевой случай, собрались для действий до заката солнца, невзирая на сильный ветер и волнение. Они соперничали друг с другом в атаках на противника. Минный отряд Фуджимото сильно теснил авангард противника с севера; отряд миноносцев Яджима и миноноски отряда Кавазе теснили — с северо-восточного направления; отряд миноносцев Иошиджима атаковал неприятельский тыл с востока, а отряд миноносцев Хироze (Джунтаро) — с юго-востока. Отряды миноносок под командой начальников Фукуда (Мазатеру), Отаки, Кондо (Тсунематсу), Аояма и Кавада с юга стали преследовать главную эскадру противника, а равно и группу крейсеров, шедших в тылу главной эскадры с левой ее стороны.

На закате мы поспешно развернули наши эскадры с целью окружить неприятеля с трех сторон. Желая, очевидно, избежать грозившей ему опасности, противник, с наступлением ночи, бежал в замешательстве на юго-запад, но затем как будто переменял курс на восток. После первой атаки отряда миноносцев Яджима на голову противника в 8 час. 15 мин. вечера, все минные отряды одновременно бросились на противника, окружили его как рой и продолжали свои атаки с близких дистанций. С заката солнца противник до крайности оборонялся артиллерийским и ружейным огнем и прожекторами, но наконец не выдержал нашей ата-

ки. Суда противника потеряли друг друга из виду и пытались уйти в одиночку, но наши атакующие суда пустились их преследовать. Это повело к полному расстройству и смятению противника и в результате поврежденные минами неприятельский броненосец «Сысой Великий», броненосные крейсера «Адмирал Нахимов» и «Мономах» были совершенно выведены из строя. С нашей стороны миноноска № 69 (головная) из минного отряда Фукуда, миноноска № 34 (головная) отряда Аояма и миноноска № 35 отряда Кавада были пущены ко дну артиллерийским огнем противника во время ночной атаки. Миноносцы «Харусаме», «Акутсуки», «Иказучи» и «Югири» и миноноски «Саги», № 68 и № 33 получили повреждения вследствие неприятельского огня или столкновений и некоторое время были лишены возможности принимать участие в деле.

Потери личного состава сравнительно велики, в особенности в отрядах миноносок Фукуда, Аояма и Кавада. Но команды 3 затопленных миноносок спасены соседними судами «Каригане», № 31, № 61 и другими.

По рассказам пленных, жесточенность минной атаки этой ночи почти не поддается описанию. Наши миноносцы и миноноски пошли с такой поспешностью в атаку друг за другом, что неприятель не имел времени приготовиться к обороне, а дистанция между атакующими и обороняющимися была так мала, что наши суда вошли даже в мертвое пространство неприятельской артиллерии, которая поэтому и не могла в них стрелять.

В дополнение к изложенному, неупомянутые выше отряд миноносцев Сузуки (Кантаро) и отряды миноносок отправились в разные стороны в поисках противника. 28-го (15-го) мая в 2 часа ночи отряд миноносцев Сузуки обнаружил два неприятельских судна, идущих на север, в расстоянии 27 морских миль на северо-восток от Карасаки, выпустил мину и затопил одно из этих судов. По словам пленных, это судно был броненосец «Наварин»; в него последовательно попали две мины в обе стороны корпуса. Другие отряды всю ночь иска-

ли противника по всем направлениям, но им не удалось найти неприятельских судов.

Общее описание действий 28-го мая (15-го мая)

На рассвете 28-го мая (15-го мая) туман предыдущего дня совершенно рассеялся. К этому времени наши эскадры броненосцев и броненосных крейсеров достигли пункта в расстоянии 20 морских миль к югу от Уллоondo. Другие боевые отряды и отряды миноносцев, производившие ночную минную атаку, шли различными путями к условленному месту встречи. В 5 час. 20 мин. утра, в то время когда я собирался отдать приказание нашей крейсерской эскадре построиться на восток и запад на широких интервалах, с целью отрезать неприятелю путь отступления, крейсерская эскадра, следовавшая позади в расстоянии 60 морских миль, обнаружила русские суда и донесла, что в восточном направлении наблюдается несколько дымков. Вскоре после этого эскадра приблизилась к противнику и донесла, что неприятельская эскадра состоит из четырех броненосцев (два впоследствии оказались судами береговой обороны) и двух крейсеров и что она идет на северо-восток.

Было очевидно, что эта эскадра составляет остатки главных сил противника. Поэтому наши эскадры броненосцев и броненосных крейсеров переменили курс, постепенно повернули на восток и стали сильно напирать на путь движения противника. Боевые отряды Того и Уриу также присоединились к крейсерской эскадре наблюдая за тылом противника. В 10 час. 30 мин. утра неприятельские суда были совершенно окружены в 18 морских милях к югу от Такешима. Эти суда русских были броненосцы «Николай I» и «Орел», суда береговой обороны «Генерал-Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сивявин» и крейсер «Изумруд». Другой крейсер отстал далеко на юг и, наконец, совсем скрылся.

Неприятельские суда получили серьезные повреждения и не могли состязаться с нашими превосходными силами; так что вслед за открытием артиллерийского огня с наших

броненосцев и крейсеров контр-адмирал Небогатов, командующий неприятельской эскадрой, и подчиненные ему офицеры выразили желание сдаться. Я принял это предложение и предоставил офицерам сохранить оружие. Но неприятельский крейсер «Изумруд», пользуясь своей быстроходностью, еще до сдачи скрылся на юг, но когда ему преградил путь боевой отряд Того, ушел на восток. «Читозе», придя из бухты Абуратани, после того как он по пути в то же утро затопил один русский миноносец, сейчас же пустился преследовать «Изумруд», который, однако, успел уйти на север.

Еще раньше этого события отряд Уриу, идя в северном направлении, обнаружил в 7 час. утра в западном направлении русское боевое судно. Тогда отряду в составе «Отова» и «Ниитака», под начальством капитана Арима, командира первого из этих судов, было приказано атаковать русское судно. Наши суда подошли к противнику в 9 час. утра и убедились, что это «Светлана», которую сопровождает миноносец. Немедленно стали преследовать противника и атаковали его, причем бой продолжался около часу времени. В 11 час. 6 мин. «Светлана» была пущена ко дну у бухты Чукпиэн. Второе же судно, «Ниитака», действуя совместно с нашим миноносцем «Муракумо», подошедшим к месту боя, преследовали неприятельский миноносец «Быстрый», который сел на мель и разбился в безымянной бухте около 5 морских миль к северу от бухты Чукпиэн. Оставшиеся в живых с обоих русских судов команды были подобраны на борт наших судов особого назначения «Америка-Мару» и «Касуга-Мару».

Главные силы нашего Соединенного флота, получив предложение противника о сдаче, все еще находились в районе места сдачи, занятые распоряжениями относительно четырех сдавшихся русских судов. В это время около 3 час. дня мы заметили «Адмирала Ушакова», идущего с юга. «Ивате» и «Якумо» ринулись вперед навстречу русскому судну. Тогда оно попыталось укрыться на юге, но после 5 час. дня его догнали и предложили сдаться. Противник не ответил, но сразу открыл огонь. Тогда мы стали отвечать огнем же и в конце

концов потопили судно. Около 300 человек оставшихся в живых спасены нами.

Наши миноносцы «Сазанами» и «Кагеро» открыли около 3 час. 30 мин. дня в пункте, лежащем около 40 морских миль к юго-западу от острова Уллондо, два русских миноносца, идущих с востока. Наши суда стали преследовать противника на всех парах, догнали его в 4 час. 45 мин. и открыли по нем огонь. Второй броненосец противника поднял белый флаг в знак сдачи. «Сазанами» овладел миноносцем, который оказался «Бедовый», и нашел на нем адмирала Рожественского с его штабом, все эти лица, вместе с командой миноносца, были взяты в плен миноносцем «Сазанами». «Кагеро» продолжал преследование до 6 час. 30 мин. вечера другого русского миноносца, которому, однако, удалось уйти на север. Отряд Уриу и отряд миноносцев Яджима, находясь в поисках противника на западе, усмотрел в 5 час. дня идущий на всех парах в северном направлении «Дмитрий Донской». Отряды стали немедленно преследовать русское судно, и, дойдя в 7 час. вечера до 30 приблизительно морских миль к югу от острова Уллондо «Отова» и «Ниитака» вместе с миноносцами «Асагири», «Ширакумо» и «Фубуки», которые шли со стороны бухты Чукпиэн, очутились впереди противника. Они стали теснить русский крейсер с запада и обстреляли его, взяв его под перекрестный огонь. Стрельба продолжалась до наступления ночи. Судно противника, хотя сильно поврежденное, не было, однако, пущено ко дну; с наступлением ночи мы потеряли его из виду. По окончании стрельбы «Фубуки» и отряд миноносцев Яджима несколько раз снова атаковали русское судно. Хотя результат атаки и не был тогда известен, но на следующее утро «Дмитрий Донской» был усмотрен затопленным у юго-восточного берега острова Уллондо. Оставшиеся в живых на «Дмитрии Донском» высадились на этот остров и впоследствии были взяты на борт судов «Касуга» и «Фубуки».

В то время как главная часть Соединенного флота была занята преследованием противника на севере, на юге — на

месте боя предыдущего дня — тоже происходило несколько захватов. Рано утром суда особого назначения «Шинано-Мару», «Тайнан-Мару» и «Явата-Мару», посланные для освещения места боя, обнаружили приблизительно в 30 морских милях к северо-востоку от Карасаки неприятельский броненосец «Сысой Великий», который начал погружаться в воду, вследствие повреждений, полученных во время минной атаки предшествовавшей ночи. Безотлагательно были приняты необходимые меры для захвата судна и с него сняты оставшиеся в живых. Судно затонуло в 11 час. 5 мин. утра.

Миноносец «Ширануи» и судно особого назначения «Садо-Мару» встретили около 5 час. 30 мин. дня приблизительно в расстоянии 5 морских миль восточнее Котосаки на о. Цусима «Адмирала Нахимова», который начал тонуть, и одновременно усмотрели «Владимира Мономаха», имевшего значительный крен, приближавшегося к этому же месту. «Садо-Мару» приняла меры к захвату обоих судов. Но оба уже наполовину погрузились в воду и после снятия команд на наше судно затонули, одно за другим, около 10 час. утра.

В это же приблизительно время русский миноносец «Громкий» тоже появился у этого пункта, но внезапно переменял курс на север, желая скрыться. «Ширануи» стал его преследовать и, действуя совместно с миноноской № 63, заставил замолчать орудия противника и овладеть миноносцем на высоте Ульзана около 11 час. 30 мин. дня, захватив в плен всю команду. Это судно также было сильно повреждено и затонуло впоследствии в 12 час. 43 мин. дня.

После сражения наши канонерки и суда специального назначения произвели осмотр берегов вблизи места сражения и спасли много людей из экипажа неприятельских судов, пущенных ко дну. Число пленных вместе с командой 5 захваченных в этом сражении судов доходит почти до 6000 человек.

Вышеизложенное представляет собою лишь схематический очерк морского сражения за время с полудни 27 мая (14 мая) до полудни 28-го мая (15-го мая). Позже часть наше-

го флота направилась далеко на юг в поисках противника, но не находила ни одного неприятельского судна.

Неприятельский флот, пытавшийся пройти Японским морем, составляли 38 судов; лишь несколько крейсеров, миноносцев и судов особого назначения избегли участи быть захваченными нами или пущенными ко дну. За этот двухдневный бой наш флот потерял лишь три миноноски. Есть суда, получившие более или менее значительные повреждения, но ни одно из них не выведено из строя для дальнейшей службы.

В этом бою силы противника были более или менее одинаковы с нами, и русские офицеры и нижние чины — нужно отдать им справедливость — сражались с крайней энергией в интересах своей родины. Тот факт, что, несмотря на упорство боя со стороны противника, наш Соединенный флот мог одержать победу и добиться такого чудесного успеха, как описано выше, следует приписать славным добродетелям Его Величества нашего Императора, а никаким человеческим силам. В особенности я не могу не вознести благодарности за незримое покровительство духов наших императорских предков, благодаря которому у нас получились такие незначительные потери, постигшие наш флот, в отношении судов и людей. Даже наши офицеры и нижние чины, которые шли так отважно на врага и сражались так яростно, теперь, когда стали известны результаты сражения, затрудняются, по-видимому, как выразить свои чувства по поводу этой удивительной победы.

Дополнительная записка

Неприятельские суда, появившиеся на месте боя, были следующие:

8 броненосцев:

6 пущено ко дну: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Ослябя», «Сысой Великий», «Наварин».

2 захвачено: «Орел», «Император Николай I».

9 крейсеров:

4 пущено ко дну: «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Светлана».

3 ушли в Манилу и разоружены: «Аврора», «Олег», «Жемчуг».

1 ушел во Владивосток: «Алмаз».

1 ушел в бухту Владимир, выбросился на берег и разбился: «Изумруд».

3 судна береговой обороны:

2 захвачено в плен: «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Синявин».

1 пущено ко дну: «Адмирал Ушаков».

9 миноносцев:

1 взят в плен: «Бедовый».

4 пущено ко дну: «Видный», «Быстрый», «Громкий» и неизвестный.

1 ушел в Шанхай и разоружился: «Бодрый».

1 затонул по пути в Шанхай: «Блестящий».

1 пропал без вести.

1 ушел во Владивосток: «Бравый».

1 вспомогательный крейсер:

1 пущен ко дну: «Урал».

6 судов особого назначения:

4 затоплено: «Камчатка», «Иртыш», «Анадырь», «Русь».

2 ушли в Шанхай и разоружились: «Корея», «Свирь».

2 госпитальных судна:

2 задержано («Орел» и «Кострома», последнее из них впоследствии было отпущено).

Всего 38 судов:

Пущено ко дну 20. Захвачено в плен 5.

Уничтожено или затонуло после того, как были захвачены, 2.

Задержаны или разоружились 6.

Задержано 2 (одно отпущено).

Спаслись 2.

III.

Японские потери

Список потерь японцев в недавнем морском бою, о которых поступили донесения до полудня 31-го мая (18-го мая).

[...]

Вышеприведенное может быть суммировано:

113 убито, 424 ранено, итого 537. Не было вовсе потерь на судах: «Итсукушима», «Чиныен», в 7-м боевом отряде, 9-м, 15-м, 16-м, 19-м и 20-м отрядах миноносок, на «Муракумо», «Араре», «Кумано-Мару» и «Маншу-Мару».

IV.

*Различные сведения**Императорское благоволение*

По приказанию Его Величества Императора, адмирал ви-конт Ито, начальник главного морского штаба, прислал следующую приказ адмиралу Того, главнокомандующему Соединенного флота:

Его Величеству Императору угодно было уполномочить адмирала Того, главнокомандующего Соединенного флота предоставить следующие льготы контр-адмиралу Небогатову и другим офицерам, которые сдались с броненосцами «Император Николай I» и «Орел» и судами береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Синявин»:

1. Контр-адмиралу Небогатову разрешается отправить Царю донесение о морском сражении, вместе со списком потери судов и людей.

2. Русским офицерам, захваченным в плен с упомянутых выше судов, разрешается вернуться на родину на «честное слово».

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 4–14, 26–38.

Получено 31-го мая (18 мая) ночью

Согласно рапорту командира крейсера «Кассуга», сегодня после полудня присоединившегося к флоту с людьми, оставшимися в живых с «Дмитрия Донского», на этом последнем судне утром 29-го мая (16-го мая) прекратили работы по откачиванию воды и затопили судно, открыв кингстоны. Команда высадилась на остров Улландо. Среди нее были оставшиеся в живых с затопленного неприятельского боевого судна «Ослябя» и с миноносца «Видный»; этот миноносец принял на борт вице-адмирала Рожественского, главнокомандующего русского флота и весь его штаб с неприятельского флагманского корабля, незадолго до того времени как он пошел ко дну, после полудня 27-го мая (14-го мая). Снимая этих офицеров, «Видный» был поражен снарядом с одного из наших судов. Он затем подобрал еще свыше 200 оставшихся в живых с броненосца «Ослябя». Это обстоятельство и затруднило ему дальнейшее плавание, поэтому он передал вице-адмирала Рожественского и его штаб на миноносец «Бедовый», а сам бежал на север. Встретив утром 28-го (12-го мая) «Дмитрий Донской», он передал на крейсер всю команду и был затоплен. Со слов оставшихся в живых с «Ослябя», снаряд попал в башню судна в начале боя 27-го мая (14-го мая). Этим снарядом был убит адмирал Фелькерзам. Вследствие жестокого и сконцентрированного огня наших боевых судов «Ослябя» затонул среди своих судов после 3-х часов того же дня. Со слов оставшихся в живых с «Дмитрия Донского», наблюдалось, как пошли ко дну в самый разгар боя в полдень 27-го мая (14-го мая) два русских миноносца. Если это сведение верно, то число неприятельских потопленных миноносцев, о которых поступили донесения, доходит до 6.

NB. Есть слух, что русское правительство официально обнародовало, что «Видный» прибыл во Владивосток, имея на борту вице-адмирала Рожественского.

Подробное официальное донесение.**(Донесение адмирала Того).****Обнародовано после полудня 14(1) июня**

Милостью неба и с помощью богов нашему Соединенному флоту удалось почти уничтожить 2-ю и 3-ю эскадры противника в сражении, имевшем место в Японском море 27-го и 28-го мая (14-го и 15-го мая).

Как только противник появился в южных водах, наш флот, исполняя приказание свыше, остановился на плане атаковать неприятеля в смежных наших водах и, сосредоточив свои силы в Корейском проливе, стал спокойно выжидать приближения противника. Когда противник после временной стоянки у берегов Аннама постепенно стал подходить на север, я расставил несколько разведывательных судов вдоль нашего южного кордона за несколько дней до ожидаемого прихода противника в смежные с нами воды. Тем временем различные боевые отряды нашего флота оставались на своих базах, делая окончательные приготовления для боя, готовые выйти в любой момент. В 5 часов утра 27-го мая (14-го мая) «Шинано-Мару» — одно из наших южных разведочных судов, донесло по беспроволочному телеграфу, что противник появился в пункте, обозначенном цифрой 203 и что он, по-видимому, направляет курс к восточному протоку пролива. Эта новость была встречена всем флотом с энтузиазмом и различные отряды флота немедленно приступили к враждебным действиям вдоль линий, отведенных каждому из них по заранее составленному плану. В 7 часов утра «Изуми», который был расположен разведчиком на левом фланге внутреннего кордона, также донес, что противник уже достиг пункта в 25 милях к северо-западу от Укушима и продолжает путь в северо-восточном направлении. Между 10-ю и 11-ю часами утра крейсерская эскадра (под начальством вице-адмирала Катаока), отряд Того (контр-адмирал Того) и отряд Дева (вице-адмирал Дева) вошли в соприкосновение с неприятелем между Ики и Цусимой; невзирая на повторную стрельбу русских, наш флот поддерживал непрерыв-

ную связь с противником до Окиношима, донося мне постоянно и ежеминутно по телеграфу о положении неприятеля. Несмотря на густой туман, ограничивавший поле зрения до 5 морских миль, полученные таким путем сведения давали мне возможность на расстоянии нескольких десятков миль составить в своем уме ясную картину положения врага. Таким образом, я, не видя еще противника собственными глазами, уже знал, что боевые силы его состоят из всей 2-й и 3-й эскадр, что их сопровождает 7 судов специального назначения, что неприятельские суда построены в две колонны; что его главные силы находятся в голове правой колонны, имея в тылу суда специального назначения, что противник идет со скоростью около 12 узлов, что он продолжает путь на северо-восток и т.д.

Благодаря этой осведомленности я был в состоянии принять в своем уме решение, встретить противника с главными силами моего флота у Окиношима около 2-х часов дня и атаковать голову неприятельской левой колонны.

Главные силы моего флота (т.е. эскадра броненосцев под командой адмирала Того и эскадра броненосных крейсеров вице-адмирала Камимурэ), отряд Уриу (вице-адмирал Уриу) и различные отряды миноносцев прибыли около полудня к пункту приблизительно в 10 милях севернее Окиношима; для того, чтобы появиться слева от противника, они переменили курс на запад. Около 1 час. 30 мин. дня к нам подошли один за другим отряд Дева и эскадра крейсеров, продолжая все время оставаться в соприкосновении с противником.

В 1 час. 45 мин. дня я обнаружил противника с левого нашего борта в нескольких милях к югу. Как я и ожидал, противник шел главными силами из 4 броненосцев, типа «Бородино», в голове своей правой колонны; а за авангардом левой колонны, состоящей из «Ослябя», «Сысоя Великого», «Наварина» и «Адмирала Нахимова», шли «Николай I» и 3 судна береговой обороны. Между этими двумя колоннами и охраняя фронт шли «Жемчуг» и «Изумруд». В тылу можно было едва различить в тумане, на протяжении нескольких миль, длин-

ную линию судов: «Олег», «Аврора», крейсеров 2-го и 3-го ранга «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», судов специального назначения и т.д.

Тогда я отдал приказ изготовиться к бою, а в 1 час. 55 мин. дня я подал судам, находившимся в поле моего зрения, такой сигнал: «От исхода этого сражения зависит участь империи. Пусть каждый сделает все от него зависящее до последней возможности».

Эскадра броненосцев повернула временно в юго-западном направлении, чтобы противник подумал, что она собирается пройти мимо него в противоположном направлении. Но в 2 час. 5 мин. дня она неожиданно повернула на восток и, переменяв фронт, стала косвенно напирать на голову противника. Вскоре к тылу нашей эскадры броненосцев подошла эскадра броненосных крейсеров; а отряды Дева, Уриу, крейсерская эскадра и отряд Того, согласно заранее составленному плану, пошли на всех парах на юг и двинулись на тыл неприятеля. Такова была обстановка в начале сражения.

Действия наших главных сил

Авангард противника, вследствие того, что на него сильно напирала наша эскадра броненосцев, слегка изменил свой курс вправо и в 2 часа 8 мин. неприятель первый открыл стрельбу. Мы некоторое время выдерживали огонь, не отвечая на него, а затем, подойдя на расстояние 6.000 метров, сосредоточили ожесточенный огонь на двух судах, бывших головными в неприятельских колоннах. Противник был, по-видимому постепенно оттеснен к юго-востоку и обе линии, правая и левая, постепенно повернули на восток, вследствие чего неприятельский флот очутился построенным в неправильную одиночную колонну, идущую параллельно с нашим флотом. «Ослябя», бывший в голове левой колонны, вскоре потерпел поражение и вышел из боевой линии в виду начавшегося на нем пожара. К этому времени, к тылу эскадры броненосцев, подошла вся наша эскадра броненосных крейсеров и сосредоточенный огонь всего нашего флота стал

все более действенным по мере уменьшения дистанции. Неприятельское флагманское судно «Князь Суворов» и «Император Александр III», второй в линии, также вышли из строя, так как на борту этих броненосцев вспыхнул большой пожар. Смятение в построении противника стало все более и более очевидным и на нескольких судах, которые составляли резерв неприятеля, вспыхнули пожары. Дым, разносимый западным ветром, покрыл всю поверхность моря и вместе с туманом окутал совершенно неприятельский флот, так что наша броненосная эскадра вынуждена была временно прекратить огонь. Наш флот также пострадал более или менее тяжело. В «Азама» у ватерлинии на корме попало три снаряда. На этом судне был поврежден руль и открылась серьезная течь. Вследствие этого судно временно должно было оставить боевую линию, но вскоре, после производства временного исправления, снова стало в линию.

Таково было в общих чертах положение боя между главными силами враждующих сторон около 2 час. 45 мин. дня, но к этому времени уже был решен исход боя этого дня. Наши главные силы напирала на противника с севера, направляя временами огонь на неприятельские суда, как только мы могли обнаружить их в дыму и тумане. Около 3 часов дня наши суда были уже впереди неприятельского флота и шли в юго-восточном направлении, когда противник внезапно переменял курс на север; казалось, что он намеревается обойти наш тыл и уйти на север. Поэтому суда нашей эскадры броненосцев безотлагательно повернули на 16° влево и на всех парах двинулись на северо-запад, имея головным «Ниссин». Эскадра броненосных крейсеров также переменяла фронт и, быстро повернув, пошла следом за нашими броненосцами. Таким образом мы снова оттеснили неприятеля на юг и подвергли его ожесточенному огню. В 3 час. 7 мин. неприятельское судно «Жемчуг» подошло к тылу нашей эскадры крейсеров, но нашим губительным огнем оно было повреждено очень сильно. «Ослябя», выведенный уже из строя, затонул в 3 час. 10 мин. «Князь Суворов», который был оставлен экипажем,

потерял одну мачту и две трубы, кроме иных тяжелых повреждений; он был уже негоден для дальнейшей службы, так как дым окутал все судно. Между прочими судами противника возникло смятение, они повернули на восток и несли при этом огромные потери. Суда нашей эскадры броненосцев поэтому одновременно повернули на 16° вправо и в сопровождении крейсерской эскадры энергично пустились преследовать противника, произведя по временам минные атаки на его суда. Таким образом, бомбардировка нашими главными силами продолжалась до 4 час. 45 мин. дня, причем мы все время теснили противника на юг без сколько-нибудь стоящих упоминания особых событий.

Особого упоминания заслуживает впрочем, интересный инцидент, происшедший в этот именно период боя; это были отважные минные атаки на поврежденное судно «Суворов» нашего судна «Читозе» и минного отряда Хирозе (под начальством капитана Хирозе) приблизительно в 3 час. 40 мин. дня и минного отряда Сузуки в 4 час. 45 мин. дня. Хотя результат первой атаки не был известен, но мы наблюдали, что одна из мин, выпущенная во время второй атаки, попала в заднюю левую сторону корабля, вследствие чего получился крен в 10° . Во время этих минных атак соседние неприятельские суда обстреляли ожесточенным огнем «Ширануи» отряда Хирозе и «Асашиво» отряда Сузуки; в оба миноносца попало по одному снаряду. Некоторое время их положение было опасное, но к счастью эти миноносцы имели возможность спастись.

Около 4 час. 40 мин. дня, противник, потеряв, по-видимому, надежду пробиться на север, стал постепенно уходить на юг. Тогда главные силы нашего флота, имея впереди эскадру броненосных крейсеров, стали преследовать отступающего противника. Вскоре он скрылся из виду в дыму и тумане. Мы прошли на всех парах на юг более 8 миль, спокойно обстреливая неприятельские крейсера 2-го ранга, суда особого назначения и другие, которые выжидали исхода боя вправо от нас.

В 5 час. 30 мин. наша эскадра броненосцев снова переменяла свой курс на север в поисках главных сил противника,

а крейсерская эскадра атаковала неприятельские крейсера, взяв курс на северо-запад. Обе эскадры, имея различные задачи, не видели друг друга до вечера.

Приблизительно в 5 час. 40 мин. вечера наши броненосцы атаковали неприятельское судно особого назначения «Урал», которое находилось близи левого борта, и затопили его. Направляясь далее на север в поисках противника, наша эскадра обнаружила группу из 6 приблизительно судов, остатки сил русских, которая пыталась укрыться в северо-восточном направлении. Наша эскадра немедленно приблизилась к противнику и повела бой, идя параллельно с ним, а затем, опередив русских, преградила им путь. Противник, взявший курс на северо-восток, постепенно повернул на запад и наконец двинулся на северо-запад. Бой в параллельном построении продолжался с 6 час. вечера до заката солнца, и в то время, когда сила неприятельского артиллерийского огня стала немного ослабевать, все более очевидным становилось действие наших орудий, из которых стрельба производилась чрезвычайно спокойно. Один броненосец, по нашему предположению «Александр III», первый вышел из строя и отстал. Приблизительно с 6 час. 40 мин. вечера на одном броненосце, типа «Бородино», мы наблюдали серьезный пожар, а в 7 ч. 23 м. судно внезапно было окутано дымом взрыва и моментально затонуло. По всей вероятности огонь охватил пороховые погреба. Тем временем суда нашей эскадры броненосных крейсеров, которые преследовали в северном направлении неприятельские крейсера, были очевидцами, как броненосец, типа «Бородино», выведенный из строя и с большим креном, подошел к «Нахимову» и затем перевернулся и пошел ко дну в 7 час. 7 мин. вечера. Со слов пленных — это и был «Александр III», а броненосец, за которым наблюдала эскадра наших броненосцев, был «Бородино».

Время подходило уже к закату солнца. Тогда наши отряды миноносцев и миноносок подошли к противнику с трех сторон, готовые произвести атаки. Поэтому наши броненосцы постепенно ослабили натиск на противника и затем (в 7 ч.

28 мин. вечера) переменили курс в восточном направлении. В это же время я приказал «Татсута» передать всему флоту мое распоряжение идти на север и собраться у Уллоondo к следующему утру. Дневной бой был закончен.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2, с. 14–23.

Отношение графа Ламздорфа В.Н. Коковцову

Весьма секретно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

Принося искреннюю признательность мою за сообщенные при письме от 13 сего февраля № 87 документы, поспешаю уведомить ваше превосходительство, что я не только не встречаю никаких возражений по содержанию телеграммы вашей к агенту министерства финансов в Лондоне, но всецело присоединяюсь к тем указаниям, которыми вы снабдили д.с.с. Рутковского.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ламздорф.

Февраля 14 дня 1905 г. № 345.

Красный архив. М., 1924. Т. 6, с. 8.

Журнал военного совещания под личным председательством его императорского величества 24 мая 1905 г. в Царском Селе

Присутствовали: е.и.в. великий князь Владимир Александрович, е.и.в. великий князь Алексей Александрович, генерал от инфантерии Рооп, генерал от инфантерии Лобко, генерал-адъютант Гриппенберг, генерал от инфантерии Гродеков,

генерал-адъютант барон Фредерике 1-й, генерал-адъютант Алексеев, генерал-адъютант Авелан, генерал-адъютант Сахаров, генерал-адъютант Дубасов⁹⁰.

Государь император открыл заседание и сообщил членам совещания, что им сделан был запрос главнокомандующему о том, как отразилась на настроении армии потеря нашего флота и какие изменения она должна вызвать в дальнейших действиях армии. От главнокомандующего получены по сему поводу две телеграммы, которые и разосланы членам совещания накануне.

Его величество предложил на обсуждение следующие четыре вопроса:

1. Возможно ли удовлетворить, при нынешнем внутреннем положении России, тем требованиям, которые ставит главнокомандующий для успеха действий нашей армии против японцев?

2. Имеемые боевые средства дают ли возможность воспрепятствовать японцам занять в ближайшем будущем Сахалин, устье Амура и Камчатку?

3. Какой результат может дать при заключении мира успех нашей армии в северной Маньчжурии, если Сахалин, устье Амура и Камчатка будут заняты японцами?

4. Следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира?

5. Военный министр прочел следующий доклад о мерах, принятых военным министерством для дальнейшего усиления действующей армии:

Генерал от инфантерии Линевиц в телеграмме от 21 сего мая на высочайшее вашего императорского величества имя ходатайствует о скорейшем отправлении на Дальний Восток молодых солдат, назначенных для укомплектования действующих армий и для развертывания стрелковых частей, об отправке затем не только 2 назначенных уже для сего корпусов (19 и 9), но и еще 2 корпусов по возможности по три дивизии в каждом, и, наконец, о высылке для образования в тылу армии резерва укомплектований, в числе 80 000 человек, кото-

рые должны состоять из молодых солдат или на половину из молодых солдат и из запасных, последних из младших сроков службы.

По поводу изложенного ходатайства имею счастье доложить вашему императорскому величеству нижеследующее:

Всего назначено для отправления на Дальний Восток для вышеозначенных целей молодых солдат пехоты 135 000 человек (кроме того 15 000 артиллеристов, 1100 кавалеристов и 3200 сапер), из коих 80 000 для пополнения убыли в действующих армиях и 55 000 для развертывания стрелковых частей. Отправка их из Европейской России начата 16 мая и оканчивается

11 июня, а прибывают они в Харбин с 18 июня и по 14 июля. Таким образом, ежедневно прибывает в среднем по 5000 человек.

В настоящее время приводится на военное положение предназначенный для отправления на Дальний Восток в первую очередь 19-й армейский корпус. Для укомплектования его назначены в войсках Варшавского военного округа люди срока службы 1901 года; главным же образом призванные из запаса нижние чины младших сроков службы из запасных частей. Конечным сроком прибытия этих укомплектований, по планам перевозки, назначено 20 мая; поставка лошадей для частей этого корпуса началась от населения также 20 мая. Таким образом, приведение его в военный состав можно считать в настоящее время законченным. Снабжение же корпуса всею материальною частью еще не закончилось.

Отpravку 19-го корпуса на Дальний Восток предположено начать с половины июня.

Приведение в военный состав следующего по очереди отправления на Дальний Восток 9-го армейского корпуса предположено начать в середине июня, когда для этой цели придется объявить 8-ю частную мобилизацию, так как, за истощением запасных частей, этот корпус необходимо укомплектовать призывом нижних чинов запаса.

Отправка 9-го корпуса на Дальний Восток может начаться примерно 10 июля.

При 8-й частной мобилизации будут призваны из запаса и люди для укомплектования 13-го и 21-го корпусов. По составленным уже и вводимым ныне в действие мобилизационным расписаниям и маршрутам укомплектования они поступают пока в запасные части. Если же последует ныне окончательное указание о назначении поименованных корпусов на Дальний Восток, то главным штабом будут даны военным округам все необходимые указания о присоединении сих корпусов к частям, приводимым на военное положение путем передачи в них означенных укомплектований.

К отправке последних двух корпусов можно приступить в начале августа.

Одновременно с мобилизацией 13-го и 21-го корпусов необходимо будет приступить к развертыванию двух бригад Казанского военного округа, 58-й и 59-й, для замены выбывших частей.

Так как 13-й и 21-й корпуса состоят из 2 дивизий каждый, то с отправкой их, для удовлетворения ходатайства генерала Линевича в полной мере, будет еще недоставать 2 дивизий. Назначить для сего еще один армейский корпус нормального состава не представляется возможным, так как все остающиеся в Европейской России корпуса предназначены по планам сосредоточения на западной границе в первую линию. Из резервных частей останутся в Европейской России только 50-я бригада Петербургского округа и 57-я Казанского округа. Первая из них имеет только три полка и назначена в число войск, обороняющих Балтийское побережье, а последняя предназначена для усиления войск Туркестанского округа, которым нельзя уже будет придать полевых войск из Европейской России за назначением последних двух корпусов на Дальний Восток. К тому же посылка войск, развернутых из слабых по кадровому составу резервных частей, очевидно, не удовлетворит запросу главнокомандующего.

Дабы хотя отчасти пополнить последний пробел, можно было развернуть л.-гв. Стрелковый полк, согласно действующему мобилизационному расписанию, в 8-батальонную бри-

гаду. Хотя и при этом два батальона мирного состава были бы развернуты в 8 батальонов военного состава, но зато в данном случае представилось бы возможным укомплектовать эту бригаду людьми гвардейских частей, подлежащими очередному увольнению в запас осенью сего года. Таких людей имеется до 6½ тысяч, и к ним пришлось бы добавить всего 1½ тысячи человек, призванных из запаса гвардейской пехоты. К этой бригаде мог бы быть придан гвардейский стрелковый артиллерийский дивизион с добавлением к нему 3-й батареи к имеющимся двум.

Приведенные выше мероприятия по мобилизации 9-го, 13-го и 21-го корпусов по развертыванию двух резервных бригад в четыре пехотные дивизии исчерпывают весь запас людей, которые будут призваны по 8-й частной мобилизации, и, таким образом, не разрешен будет вопрос об отправке на Дальний Восток 40 000 нижних чинов запаса, т.е. половины требуемых главнокомандующим 80 000 человек для укомплектования армий. Что же касается другой половины, т.е. 40 000 молодых солдат, то выделение их встречает крайние затруднения ввиду ограниченности в войсках остающегося числа этих людей. В настоящее время, за исключением показанных выше 135 000 молодых солдат, уже назначенных для отправки на Дальний Восток, остается в пехотных частях:

а) в Европейской России:

в полевых войсках (без 9, 19, 13 и 21 корпусов) 27 000 молодых солдат

в резервных частях, развернутых и неразвернутых 16 000

в крепостных войсках 10 400

Итого 53 400 молодых солдат

б) во всех пехотных войсках Кавказа 16 600 молодых солдат

в) « Туркестана 8400

Итого всего 78 400 молодых солдат

Из полевых войск Европейской России уже выделены наиболее способные к походу люди, а остающиеся принадлежат к наиболее слабым; части, развернутые из резервов, имеют

весьма слабые кадры, и выделение из них молодых солдат еще более ослабит их; задача крепостных войск, с уменьшением числа наших армейских корпусов в Европейской России, становится особо важною, а потому ослаблять состав крепостных войск крайне нежелательно; наконец, нежелательно трогать и войска Кавказа и Туркестана ввиду неясности политического положения.

Ввиду только что изложенного образование резерва укомплектований в тылу действующих армий могло бы быть исполнено только посредством нового призыва людей из запаса, т.е. объявлением 9-й частной мобилизации. При этом взамен недостающего числа дивизий, которое генерал Линевич просит выслать лишь если возможно, можно было бы увеличить размер собственно укомплектований, доводя его вместо 80 000 человек до 100 000 или 120 000 человек.

Значение последней меры усматривается из того, что японцы, имея, в общем, на театре войны меньшее, чем у нас, число батальонов, имеют больше штыков. Так, по сведениям к 20 мая в наших 3 маньчжурских армиях состояло 433 батальона с 320 000 штыков; у японцев же, по имеющимся сведениям, насчитывается 296 батальонов с 333 000 штыков; давая нашим армиям возможность иметь постоянно налицо штатное число людей, а, может быть, и несколько более того, мы скорее достигнем перевеса в силах, чем посылая новые части со всеми их обозами и учреждениями.

Дабы при 9-й частной мобилизации получить преимущественно людей младших сроков службы, необходимо будет поднять главным образом уезды, в которых мобилизации еще не было. Эти уезды имеются только в следующих трех районах: а) на северо-востоке Казанского округа, б) на Кавказе с областью войска Донского и в) на западе Европейской России, в Варшавском и отчасти в Виленском округах. Первый из этих районов предназначен для укомплектования войск Туркестана, а второй для войск Кавказа, почему эти районы крайне нежелательно трогать. Что же касается западного района, то призыв запасных в нем признается мини-

стерством внутренних дел невозможным при современном внутреннем положении дел в губерниях этого района. Между тем призыв именно в западном районе представляется необходимым, так как в прочих местностях Европейской России все уезды уже подняты, притом многие по два и даже по три раза, и в них остались преимущественно люди старших сроков службы, а также многосемейные, освобожденные от назначения в войска при бывших частных мобилизациях.

Затем, однако, и призыв запаса при 9-й мобилизации не решает окончательно вопроса об укомплектовании армий в предвидении энергичного продолжения войны. Дабы обеспечить действующим армиям достаточно многочисленный контингент молодых и сильных людей, военное министерство возбудило вопрос о возможно раннем призыве новобранцев срока сего года. Если бы этот призыв удалось пополнить в начале лета, то в октябре месяце, когда по установленному порядку призыв только начинается, мы имели бы уже около полумиллиона вполне обученных молодых людей, а кроме того, можно было бы и до осени выделить вновь некоторое число нижних чинов из войск без опасения крайнего расстройств последних. Однако изложенное предложение встретило также самое категорическое возражение министра внутренних дел, который не признал возможным произвести призыв даже в конце лета, т.е. в августе месяце, ввиду производимых населением в это время полевых работ. А между тем призыв новобранцев хотя бы на один или два месяца ранее срока имел бы очень большое значение для разрешения крайне серьезного вопроса об укомплектовании действующих армий.

Этими мерами, по мнению военного министра, исчерпывается источник дальнейшего усиления армии, если признается невозможным более ранний призыв новобранцев и призыв запасных из западного района. При этом военный министр указал на возможность для охранения государства от внутренних беспорядков мобилизовать остальную половину второочередных казачьих полков, еще не призванных на службу.

В общем, при сравнении наших сил с японскими можно сказать, что пехоты у нас в трех маньчжурских армиях около 320 000 в 433 батальонах. Через неделю начнет прибывать 53-я пехотная дивизия, что даст еще около 14 тысяч. В июле у нас может быть сосредоточено до 500 000 штыков; у японцев теперь, по доставленным сведениям штабом главнокомандующего, против наших армий сосредоточено 288 батальонов. Численность батальонов больше наших, почему можно считать, что у них — около 300 000 штыков. В кавалерии мы в три раза сильнее японцев. В артиллерии мы им уступаем теперь лишь в количестве пулеметов, которые посылаются по мере изготовления, равно как и артиллерийские запасы.

Что касается Владивостока и Приморской области, то главнокомандующий усилил там войска до 60 батальонов, из которых 40 составляют гарнизон Владивостока. Мелкие части он не принимает в расчет в своих соображениях. Из общего числа 385 000 японцев, о которых говорит главнокомандующий, надо считать, что около 300 000 расположены против трех маньчжурских армий, а следовательно, против Владивостока они могут отрядить корейскую армию в составе около 80 тысяч. Таким образом, по мнению военного министра, нельзя признать, чтобы мы были слабее японцев, а вернее, что в общей численности мы в настоящее время почти сравнялись с ними по силам.

Великий князь Владимир Александрович высказал, что он убежден, что главнокомандующий генерал Линевиц доложил его величеству свое мнение с полною откровенностью и со знанием дела. Но, несмотря на это, нельзя быть уверенным в безусловном успехе с нашей стороны. Если же нам суждено вынести еще удар, то условия мира могут тогда оказаться настолько тяжелыми, что ни один русский не захочет их принять. Переговоры о мире могут — и даже, вероятно, должны будут — затянуться, поэтому в это время необходимо, если и нельзя удовлетворить желаний генерала Линевица полностью, отправить ему скорее еще два просимых им лишних корпуса. На Сыпингайской позиции, он говорит, что мо-

жет удержаться; по его словам, Владивосток обеспечен продовольствием на 15 месяцев; по всей вероятности, он может продержаться долгое время, как наместник говорил, около 3 месяцев. Великий князь прибавил: «Если вашему величеству угодно начать переговоры о мире, то я считаю, что тем не менее все-таки надо дать главнокомандующему просимые им два корпуса и еще два корпуса добавочных, чтобы он был во всеоружии в ожидании окончательных переговоров».

Государь император подтвердил безусловную необходимость такой отправки на подмогу действующей армии.

Великий князь, продолжая, сказал: «Мы не знаем, какие условия могут быть нам поставлены для мира; может быть, самые тяжелые, на которые нельзя будет согласиться. Но Россия сгинуть не может, ее стереть с лица земли нельзя; она всегда останется незыблемою; Россия всегда будет Россией, я в это верю, глубоко верю, что она выйдет из этого тяжелого положения, в котором она находится, — может быть, с новой жертвою, но это нас пугать не должно. Россия всегда останется великой державой».

Военный министр заявил, что он получил от нашего военного агента в Лондоне письмо со сведениями, полученными им от сведущего лица в Токио, и прочел следующее извлечение:

«Лицо, сообщившее мне эти сведения, показало мне письмо от 24 марта с.г., полученное им из Токио. Привожу ниже следующие наиболее интересные справки и отрывки из этого письма: «Получить какие-либо сведения о мирных условиях, к которым стремятся японцы, очень трудно. В возможность близкого мира здесь не верят, причем утверждают, что и в Петербурге к миру совершенно не склонны. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что Япония не начнет первая говорить о мире и что она не пожелает посредничества, решив ожидать первых предложений непосредственно от России».

Не следует ли России сделать эти предложения, хотя бы только с тем, чтобы они были отвергнуты? Тогда ответственно

ность за продолжение войны падет всецело на Японию... Вероятно, притязания Японии, само собой разумеется, очень возросли после Мукденского боя. Вот в чем, как можно думать, заключаются эти притязания:

1. Уступка Японии всей русской области на Ляодунском полуострове, причем, однако, сильно побаиваются протеста держав по этому поводу.

2. Водворение китайской администрации во всей остальной Маньчжурии, открываемой для всемирной торговли при условии: а) оставления в некоторых пунктах японского гарнизона, содержимого за счет Китая, б) отдачи в пользование Японии всех минеральных богатств края и в) предоставления Японии права продолжить в Маньчжурии железную дорогу из Кореи.

3. Плата денежной контрибуции, равной сумме всех внешних и внутренних займов, заключенных за время войны, что составит к маю сего года около 600–700 миллионов иен. В Японии очень распространено, однако, мнение, что Россия ни в каком случае не согласится на уплату контрибуции, а потому весьма многие рекомендуют правительству быть очень сдержанными в этом смысле и постараться найти нужные выгоды в новом торговом договоре. Мелькнула также мысль о том, что Россия может уступить Японии свои права на получение уплаты по китайскому займу, заключенному после боксерского восстания...

Что же касается собственно Маньчжурской железной дороги, то японцы считают ее безусловно собственностью российского правительства и потому полагают себя вправе распорядиться ею по своему усмотрению. Некоторые требуют отобрания от России всей Маньчжурской дороги, другие же считают возможным ограничиться одною южной веткою от Харбина. Вероятнее всего, что решение этого вопроса будет зависеть, главным образом, от того, какая часть линии окажется во власти маршала Оямы. Вероятно, также и то, что японцы, установив на занятой дороге свое управление, постараются вернуть ее Китаю за приличное вознаграждение.

Слух о том, что Маньчжурскую железную дорогу предполагают нейтрализовать, отдав ее в международное управление, представляется совершенно невероятным: дорога эта потребует еще больших расходов на постройку и на эксплуатацию; кто же даст эти деньги?.. Весною японцы предпримут, вероятно, экспедицию против Сахалина, так как общественное мнение и депутаты требуют возвращения этого острова Японии. Непривычные и несклонные к колонизации в холодном климате японцы, можно думать, ограничатся захватом там только необходимых им рыбных промыслов... В отношении Владивостока японцы, вероятно, потребуют обращения его в коммерческий порт, со срытием укреплений, с закрытием военного адмиралтейства и с передачей всех военных судов Японии. Надо, однако, полагать, что это требование вряд ли будет предъявлено Японией, если мирные переговоры будут начаты ранее, чем действия против Владивостока дадут какие-либо осязательные результаты.

Наконец, Япония может согласиться на перемирие, но, вероятно, потребует для этого возвращения в Европу 2-й эскадры и отхода сухопутной армии за Харбин, быть может даже в Забайкалье...

Очень многое из изложенного в этом письме из Токио теперь уже потеряло свое значение; тем не менее некоторые соображения, мне кажется, не лишены интереса, так как исходят от лица, стоявшего очень близко к японцам и до известной степени пользовавшегося их доверием».

Генерал Рооп, признавая требования главнокомандующего относительно усиления армий правильными, но трудноисполнимыми, заметил, что утешительно все-таки, что генерал Линевиц настаивает на необходимости, предварительно посылки новых войсковых частей, сплотить их подготовительными упражнениями и обучением, так как это показывает, что есть время выждать эти подкрепления. В общем уже отправлено на Дальний Восток 13 корпусов, и требуется еще 5, так что всего останется для охраны государства 6 корпусов, но если надо воевать, то следует удовлетворить

требования Линевича. Он просит молодых солдат, а не стариков. Военный министр сказал, что для 2 корпусов потребуются 8-я частная мобилизация, а еще для 2 корпусов — 9-я частная мобилизация. Не лучше ли перейти прямо на общую мобилизацию, вместо частных, которые в глазах населения являются несправедливыми?

Генерал Рооп добавил: «Думаю, что общая мобилизация даст понять Японии, что Россия ставит вопрос о войне ребром и не пойдет на уступки, не согласные с достоинством России. Но может ли внутреннее положение России позволить это? Военный министр указал на опасения министра внутренних дел в случае мобилизации в западных губерниях, но он же указал на прекрасную меру — призыв, для сохранения внутреннего порядка, второочередных казачьих полков. Главный вопрос — в своевременном доставлении войск по железным дорогам. Военный министр доложил вашему величеству, что в настоящее время имеется возможность отправлять ежедневно 10 поездов, но из них могут быть отданы под войска только 6 сквозных; следует подробно выяснить этот вопрос».

Военный министр доложил, что сейчас действительно имеется в распоряжении военного ведомства 10 поездов ежедневно, и притом сквозных; но что из них выделить 8 под войска нельзя, а лишь при крайнем напряжении можно для этой исключительной цели дать по 6 поездов в сутки.

Генерал Рооп сказал, что если Сыпингайские позиции могут быть удержаны, то они могут быть тем не менее обойдены движением неприятеля на Цицикар или Нингуту. Чем сильнее позиция, тем упорнее желание врага ее обойти. Ляоян и Мукден доказали, как неосторожно весь успех основывать на силе позиции. В заключение генерал Рооп признал почти все требования генерала от инфантерии Линевича удовлетворимыми, но при крайнем напряжении.

Генерал-адъютант Алексеев сказал: «Не может быть сомнения в том, что увеличение действующей армии возможно; весь вопрос в сроке доставки войск. Главнокомандующий

находит необходимым иметь 550 000 человек и второй железнодорожный путь. У нас теперь существуют недочеты в провозоспособности Забайкальской ж.д., на которой легко может образоваться пробка. Нельзя забывать, что наша база на расстоянии 10 000 верст, а у японцев — 48 часов. Посему мы не можем соперничать с ними ни в сроке сосредоточения войск, ни в присылке пополнений. Генерал Линевиц требует четыре корпуса по 3 дивизии каждый, т.е. 12 дивизий. Такое количество Забайкальская дорога не может перевезти своевременно; после 16 месяцев весьма напряженной работы масса паровозов может сдать сразу, и мы окажемся в трудном положении. Россия может выставить и два миллиона войск, никто этого не оспаривает, но, самое важное, срочность — не обеспечена. Отстоять позиции мы можем, но перейти в наступление будем не в силах. Сыпингайским позициям придается слишком большое значение, но одним удержанием их не исчерпывается нужный для нас успех. Не следует забывать о Владивостоке, о значении коего для общего хода кампании ничего не упоминается в телеграмме главнокомандующего. В августе я докладывал о неготовности его к обороне. От овладения с моря Русским островом, при отсутствии флота, этим ключом Владивостока, он не обеспечен; положение его в смысле обороны будет очень тяжелое. Сахалина удержать мы никоим образом не можем, а также устью Амура угрожает опасность. Лучше готовиться к продолжению войны до последнего напряжения, но все же необходимо предвидеть, что предстоит нам в случае новых неудач, и узнать, на какие условия мира мы можем теперь рассчитывать. Я был свидетелем наших неудач при Ляояне и Шахэ и должен высказать с полною откровенностью вашему величеству свое мнение, что дух войск, под влиянием постоянных отступлений и тяжелых потерь, нравственно подорван, и едва ли удержимся мы на Сыпингайской позиции».

Генерал Гродеков сказал: «Доставить четыре корпуса мы могли бы к 1 октября, но японцы не будут этого ожидать. Имея теперь большую армию в порядке, мы имеем большой

козырь в наших руках при решении вопроса о мире. Генерал Линевиц и армия, как явствует из телеграммы главнокомандующего, в подавленном настроении; после потери флота положение для них тяжелое. Я согласен с мнением великого князя Владимира Александровича, что пока армия цела, надо торопиться выяснить условия мира. Не надо забывать, что на Сахалине и в Николаевске продовольствия очень мало, а при предполагаемом усилении местных частей (Сахалина на 6000 и Николаевска на 5000) продовольственный вопрос станет еще тяжелее.

Сахалин находится в критическом положении, море во власти Японии. В китайских портах были заготовлены запасы муки для Сахалина, которые должны были быть доставлены по приходе эскадры адмирала Рожественского, но теперь на них рассчитывать нельзя. Гражданское население Владивостока, числом до 15 000, обеспечено хлебом лишь до июня. Хотя военное ведомство ассигновало огромную сумму на заготовку довольствия для владивостокского гражданского населения, но это довольствие придется доставлять из Европейской России и из Сибири, так как в Приамурском крае лишнего хлеба нет, а вывоз продовольствия из пределов Маньчжурии воспрещен. С большею вероятностью можно сказать, что довольствие во Владивосток своевременно не дойдет. Теперь, пока у нас в кулаке есть сила, следует этим воспользоваться и приступить к зондированию мирных условий».

Великий князь Алексей Александрович сказал: «Я не позволю себе входить в соображения касательно сухопутных войск, но должен сказать, что в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное; нет сомнения, что японцы обратят туда все свое внимание, и положение армии будет тяжелое, так как она не в состоянии будет помочь. Миноноски нельзя принимать в соображение. Пока нам не нанесен решительный удар, надо зондировать почву относительно условий мира. Южная часть Сахалина с рыбными промыслами могла бы быть уступлена в случае необходимости».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Конечно, условия мира могут быть и слишком тяжелы, неприемлемы; поэтому, не теряя времени, надо сейчас начать прощупывать почву для переговоров и тем временем непременно продолжать усиливать армию. Это — следует, ибо армия будет нам сильной опорной точкой в вопросе мира и для внутреннего успокоения государства».

Генерал-адъютант барон Фредерике сказал: «По моему глубокому убеждению, переговоры надо вести открыто, так как если условия мира нельзя будет нам принять и они всем будут известны, то последует реакция, война станет национальной. Немедленное начатие переговоров о мире должно благоприятно отозваться на внутреннем положении страны и безусловно облегчит мобилизацию».

Генерал Рооп заявил, что по второму предложенному соещанию вопросу следует иметь в виду, что Владивосток не может удерживаться долго вследствие недостатка также и запаса снарядов.

Генерал-адъютант Алексеев возразил, что расход снарядов в эту войну превзошел всякие расчеты. Что же касается отправки войск на Сахалин, то это окажется невозможным, так как устье Амура, вероятно, будет блокировано японским флотом.

Генерал Гродеков сказал: «В прошлом году, по моим сведениям, в Охотск, в Камчатку и для Колымского округа не было доставлено вовсе ни пороху, ни свинца, без чего невозможна добыча пушнины. В нынешнем году повторится то же. Населению этих местностей может угрожать голодная смерть».

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Несмотря на тяжелые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена. Мало того, Россия, продолжая борьбу, непременно должна победить своего врага. Наше движение на восток есть движение стихийное — к естественным границам; мы не можем здесь отступать, и противник наш должен быть опрокинут и отброшен. Для достижения этого надо посылать на театр действия самые лучшие войска. Что касается Владивосто-

ка, то его нетрудно взять с моря, и он более трех месяцев, вероятно, не продержится; но, несмотря на это, войну следует продолжать, так как мы в конце концов можем и должны возвратиться обратно все взятое противником. Финансовое положение Японии, конечно, хуже нашего: она делает последние усилия; наши же средства борьбы далеко не исчерпаны. Для обеспечения успеха нашей армии нам необходимо начать немедленно укладку второго пути и упорядочить наши водные сообщения. Я уверен, что после последних поражений условия мира, предложенные Японией, будут чрезвычайно тягостны, и потому, по моему глубокому убеждению, для того, чтобы изменить эти условия в нашу пользу, необходимо продолжать борьбу до полного поражения противника».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Всем сердцем разделяю сокровенные чувства, высказанные адмиралом Дубасовым, но я полагаю, что мы в таком положении, что мы все сбиты с толку; так продолжать жить мы не можем. Мы все будем охотно и с радостью умирать, но нужно, чтобы от этого была польза для России. Мы должны сознаться, что мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру и на Квантунг; мы поторопились; не зная броду, мы сунулись в воду; мы должны остановиться; со временем мы дойдем, но теперь мы находимся в таком, если не отчаянном, то затруднительном, положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы. Необходимо немедленно сделать попытку к выяснению условий мира. С глубоким убеждением, всем сердцем преданный вашему величеству и России, я повторяю, что надо теперь же приступить к переговорам о мире, и, если условия будут неприемлемы, то мы пойдем все в ряды войск умирать за ваше величество и за Россию. Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России».

Государь император выразил свое полное согласие с высказанным великим князем мнением.

Генерал Рооп сказал: «Я не могу согласиться с тем, чтобы немедленно просить мира. Попытка предложить мирные

условия есть уже сознание бессилия. Ответ будет слишком тягостный. Заключение мира было бы великим счастьем для России, он необходим, но нельзя его просить. Надо показать врагам нашу готовность продолжать войну, и, когда японцы увидят это, условия мира будут легче».

Государь император изволил сказать: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет еще гораздо труднее и тяжелее».

Генерал-адъютант Алексеев заметил на возражение генерала Роопа, что осведомиться о почве для переговоров о мире и узнать возможные условия — не значит просить мира. Япония понимает, что с Россией надо ей считаться и в будущем, и она сама пойдет навстречу; Сыпингайские же позиции не обеспечивают нас, а если суждено еще испытание, если мы их не удержим, — тогда что будет?

Великий князь Владимирович добавил: «Не на посрамление, не на обиду или унижение могу я предлагать идти, а на попытку узнать, на каких условиях мы могли бы говорить о прекращении кровопролитной войны. Если они окажутся неприемлемыми, мы будем продолжать драться, а не продолжать начатую попытку».

Генерал Рооп возразил: «В вопросе о мире и войне необходимо считаться с мнением народа. Кроме того, по статье 6-й положения о Государственном совете, он может привлекаться к суждению о мире и войне. Война может быть только тогда успешна, когда существует единодушное национальное, как в данном случае теперь у японцев. С другой стороны, если 135 миллионов будут противиться желанию мира, то положение будет хуже еще, чем оно есть. В этих вопросах надо считаться с общественным мнением. Переговоры о мире, если их начать сейчас, не улучшат внутреннего положения. Недовольство возрастет. Начать переговоры без уяснения, готов

ли народ на все жертвы для продолжения войны или жаждет мира, — весьма рискованно. Если Япония будет знать, что Россия ищет мира, то, конечно, условия ее будут для России настолько тягостными, что они окажутся неприемлемыми, и мы потерпим лишь унижение».

Военный министр сказал: «При нынешних условиях кончать войну — невозможно. При полном нашем поражении, не имея ни одной победы или даже удачного дела, это — позор. Это уронит престиж России и выведет ее из состава великих держав надолго. Надо продолжать войну не из-за материальных выгод, а чтобы смыть это пятно, которое останется, если мы не будем иметь ни малейшего успеха, как это было до сего времени. Внутренний разлад не уляжется, он не может улечься, если кончить войну без победы. Не знаю настроения народа, не знаю, как он отнесется к этому вопросу, но получаемые мною письма и запросы отовсюду говорят о продолжении борьбы для сохранения достоинства и военной чести России».

Генерал-адъютант барон Фредерике сказал: «Я всею душою разделяю мнение военного министра, что мира теперь заключать нельзя, но узнать, на каких условиях японцы готовы бы теперь прекратить войну, по моему глубокому убеждению, — следует».

Великий князь Владимир Александрович прибавил: «Я вполне, — как и всякий военный, я в этом уверен, — понимаю военного министра. Нам нужен успех. Но до сих пор мы все время ошибались в наших расчетах и надеждах, и в самые критические моменты эти надежды рвались, и мы не имели ни одного успеха».

Генерал-адъютант Гриппенберг возразил: «Ваше императорское величество, под Сандепу успех был, но нам приказали отступить, а японцы были в критическом положении: они считали сражение проигранным и были крайне удивлены, что мы отступили».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Мы еще не отдали врагу ни одной пяди русской земли. Мы должны

продолжать посылать войска. Переговоры о мире ни к чему нас не обязывают, а для войны оборонительной у нас вполне достаточно сил».

Великий князь Алексей Александрович заметил, что переговоры о возможности мира должны вестись в тайне.

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Каковы бы ни были условия мира, они все-таки будут слишком тяжелы для престижа России. Это будет поражение, которое отзовется на будущем России как тяжелая болезнь».

Генерал Лобко сказал: «Я далек от полного знакомства с военным положением и с нашими шансами на успех, но все-таки я должен сказать, что, по-моему, удовлетворить требованиям главнокомандующего, несмотря на внутреннее положение страны, безусловно следует. Что же касается до заключения мира, то возвращение в Россию армии, угнетенной и не одержавшей ни одной победы, ухудшит, а не улучшит внутреннее положение страны. Это положение может стать настолько серьезным и тревожным, что с ним нельзя будет совладать. Население, в состав которого вольются чины этой армии, неудовлетворенной, без славы и без почета, нельзя будет удержать от мысли, что государственный режим недостаточно тверд. Я думаю, что успех войны возможен, только когда есть полное народное воодушевление, когда силы и мысли всего народа сосредоточены на одном предмете и организованы вокруг одной воли, как мы видим это теперь в Японии. Есть ли в настоящий момент это воодушевление в России, мы не знаем, и пока мы не получим убеждения, что Россия готова вести войну со всякими жертвами, что она этого действительно желает, до тех пор мы не можем решить, должны ли мы продолжать войну. Главное в том, чтобы поддержать бодрость духа в народе. Правительство сейчас через свои органы и сотрудников не имеет для сего средств. Если народ чувствует упадок духа и тяготится продолжением войны, если дух армии потрясен, то нужен мир, но мир этот, повторяю, ухудшит внутреннее положение страны».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Легко сказать: узнать мнение России, ее населения, но как это сделать? Земским Собором, который будет состоять в большинстве из болтунов?»

Генерал Рооп заметил: «Если Земский Собор будет состоять из болтунов, то толку из него, конечно не будет. Но семилетнее управление краем с 10-миллионным населением дало мне уверенность, что в среде его имеются люди, высоко понимающие интересы государства и истинно преданные России. Именно через таких людей узнать можно, нужна ли война или мир. Такое единодушие, как у японцев, нужно и нам для примирения, а теперь у нас этого-то и нет».

Генерал Лобко сказал: «Мнение великого князя Владимира Александровича, сколько я понимаю, сводится не к тому, чтобы прекратить войну теперь же, а чтобы не вести ее с завязанными глазами, не пытаюсь узнать об условиях заключения мира; и против этого мнения я ничего не имею возразить. Добавлю только, что в истории России уже бывали примеры, когда вопросы войны и мира решались мнением народа».

Великий князь Владимир Александрович в заключение сказал: «Возвращаюсь еще раз к тому же вопросу — если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну».

Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 3, с. 191–204.

**Письмо Нижегородского губернатора П. Унтербергера
при докладной записке министру финансов.
27 мая 1905 г.**

Конфиденциально.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В печати появились предполагаемые условия мира с Японией. Так как значение их для России неразрывно связано с нашими владениями на Дальнем Востоке и с государствен-

ной обороной наших окраин, то я, основываясь на опыте многолетней службы в Восточной Сибири и знании местных условий края, составил краткую записку, касающуюся этого предмета, которую и позволяю себе представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга *П. Унтербергер*.

Записка о предполагаемых условиях мира с Японией

Япония, по сведениям, проникавшим в печать, намерена предъявить следующие главные условия мира: 1) уступку ей острова Сахалина, 2) разоружение крепости Владивостока и лишение России права держать в Тихом океане военный флот, 3) уплату контрибуции в 2 миллиарда рублей, 4) уступку Японии железной дороги от Порт-Артура до Харбина и 5) признание протектората Японии над Кореей.

Я остановлюсь пока на разборе первых трех пунктов, которые имеют для России прямое и первенствующее значение.

Уступка о. Сахалина, независимо от лишения нас его естественных богатств, имела бы главным последствием, что последний свободный пролив — Лаперуза — из северной части Японского моря в океан очутился бы в руках японцев и что близость о. Сахалина к устью реки Амура всегда будет парализующим образом действовать на наши судоходство и торговлю по названной реке. Ввиду же той громадной важности, какую играет в жизни Приамурского края Амурская речная система, обстоятельство это имеет для нас огромное значение, ибо мы всецело подпадем под экономическую зависимость от Японии.

Переходя к вопросу о разоружении Владивостока и лишению России права содержать в Тихом океане военный флот, то очевидно, что исполнение этого требования равносильно полной парализации нашего развития, значения и силы на

берегах Тихого океана, чем завершится только полное подчинение интересов нашего населения Приамурского края интересам Японии. Мы не в состоянии будем бороться ни с какими притязаниями этой нации, как бы они ни были для нас тяжелы.

Уплата, наконец, контрибуции в 2 миллиарда, не говоря о том тяжелом бремени, которым она ляжет на народное благосостояние, будет иметь последствием, что Япония не только покроет ею все свои долги, но будет еще иметь миллиард для создания еще более сильного флота и более сильной армии, и тогда борьба с ней, для восстановления нашего потерянного самостоятельного положения на берегах Тихого океана, может оказаться делом непосильным.

Теперь является вопрос: находимся ли мы в таком положении, из которого не было бы другого выхода, как заключение подобного, разоряющего нас во всех отношениях мира? Ответ на это совершенно определенный: нет. Не нужно смущаться заграничной прессой, да и частью нашей, которые твердят, что мы находимся в положении безусловной необходимости заключить мир, хотя бы на условиях вышеизложенных. Для финансовых кругов, ссудивших Японию деньгами на ведение войны, несравненно удобнее, чтобы займы эти заплатила Россия, против которой в Европе есть возможность принятия репрессивных мер, если бы она отказалась платить свой долг; наоборот, при желании Японии уклониться от исполнения своих денежных обязательств, заставить ее к этому будет несравненно труднее.

Переходя к разбору вопроса по существу, оказывается, что, если последующими военными действиями в руки японцев перешли бы Владивосток, Южно-Уссурийский край, Николаевск и Хабаровск, и наша маньчжурская армия должна была бы отступать к Забайкалью, то и тогда мы не находились бы в положении необходимости заключить мир во что бы то ни стало. Для того чтобы нас принудить к этому — неприятель должен был бы зайти в сердце России или занять прочно территорию, потеря которой нам была бы более тяжела, чем

условия предложенного мира. Приморская и Амурская области еще не представляют такой территории. Области эти пока не только не приносят нам дохода, но, напротив того, требуют на свое содержание ежегодной доплаты не одного десятка миллионов. Если мы с таким положением пока миримся, то делаем это в расчете, что затраченные средства будут возвращаться, когда там окрепнут и разовьются поселения и явится возможность в широкой степени эксплуатировать естественные богатства страны; но это еще вопрос более или менее отдаленного будущего. Ввиду этого оставление этих областей временно в руках неприятеля не влечет за собою для государства каких-либо особо серьезных последствий. Впрочем, занявши их, неприятель не достигает еще какой-либо конечной цели войны, и тогда явится вопрос: что же он будет делать дальше? Направляться за нами в Забайкалье и далее, это идти на верную неудачу, держать же неопределенное время полумиллионную армию будет тяжелым финансовым бременем, разоряющим страну. Тогда может случиться, что японцы выведут свою армию обратно, заняв лишь некоторые из более важных прибрежных пунктов. Но в таком случае мы вновь займем оставленные нами местности и постараемся вытеснить неприятеля из занятых им пунктов, дабы тем обеспечить себе более благоприятную почву для переговоров о мире. Если это, по каким-либо обстоятельствам, нам не удастся, то и тогда выгоднее для нас оставить эти области, впредь до более благоприятного будущего, в руках неприятеля, но без санкционирования этого миром, да еще с уплатою двух миллиардов контрибуции. Не подлежит сомнению, что, если мы и заключим с Японией мир на условиях, приведенных выше, то это будет лишь временное перемирие и не пройдет нескольких лет, как Япония новыми набегами постарается отнять у нас Приамурские области, причем уплаченные ей два миллиарда только облегчат ей этот захват.

Из всего вышеизложенного вытекает по моему мнению:

1. В настоящей войне с Японией мы не находимся, и вряд ли когда-либо будем находиться в необходимости заключить

мир во что бы то ни стало, так как для этого неприятелю нужно занять жизненные центры государства, которые слишком отдалены от театра военных действий.

2. Условия мира, приведенные в начале записки, неприемлемы, как в высшей степени невыгодные и разорительные для России, в особенности первые три пункта.

3. Неприемлемость таких условий остается в полной силе и в том случае если нам, по обстоятельствам, пришлось бы отступить в Забайкалье и временно оставить в руках японцев Приамурские области.

4. Если бы нам не удалось затем вернуть Приамурские области, то это не изменило бы по существу положения, так как мир, на приведенных выше условиях, до такой степени парализовал бы наши действия на Дальнем Востоке, что мы не могли бы рассчитывать на успешное сопротивление какому-либо новому нашествию японцев. Разница была бы лишь в том, что в последнем случае временное затишье мы окупили бы ужасающей суммой в два миллиарда рублей, которой японцы заплатили бы свои долги, улучшили бы материальное положение наиболее пострадавшей от войны части населения, подняли бы промышленность и вооружились бы как на суше, так и на море еще сильнее, чем в настоящую войну.

Поэтому нужно ясно сознавать, что задолженность Японии, все больше и больше увеличивающаяся, есть наш главный союзник в войне, причем финансовую тяжесть последней мы при двухмиллиардном бюджете легче вынесем, чем Япония при 360-миллионном.

При дальнейшем энергичном продолжении войны наши усилия должны быть впереди всего и направлены на увеличение провозоспособности железной дороги и на скорейшую прокладку по ней второго пути, а также на развитие всех остальных путей в тылу, дабы иметь возможность в кратчайший срок подвозить для армии все необходимое и в то же время не останавливать и снабжение нужнейшими предметами населения Сибири. Организация для этого дальнего тыла,

с объединением в данном деле всех ведомств, самая насущная и самая неотложная потребность и к ней следует приступить немедленно, не теряя ни одного дня.

Генерал-лейтенант *Унтербергер*.

25 мая 1905 г.

Красный архив. М., 1924. Т. 6, с. 9–12.

Письмо В. Н. Коковцова графу Ламздорфу.

20 июня 1905 г.

Письмом от 16 сего июня за № 1061 ваше сиятельство уведомили меня о предстоящем свидании русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира, прося меня сообщить мои по этому вопросу соображения, а равно те данные по вверенному мне ведомству, которые могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Вследствие сего считаю своим долгом высказать вашему сиятельству, что при настоящем положении дела изложение соображений моих по предмету предстоящих переговоров представляется чрезвычайно затруднительным. Проектирование министерством финансов тех или иных условий мира по относящимся к ведомству его предметам по необходимости находится в коренной зависимости от тех руководящих предположений политического свойства, которые лягут в основу предстоящих переговоров с Японией и которые по существу дела могут быть намечены только вашим сиятельством на основании непосредственных преуказаний е.и.в. и всесторонней осведомленности о настоящем политическом положении. Если бы вашему сиятельству угодно было сообщить мне эти предположения, то министерство финансов могло бы с большим успехом выполнить свойственную ему при решении данного вопроса задачу, могущую заключаться лишь в разработке собственно финансовой его стороны и других подробностей, имеющих отношение к ком-

петенции финансового ведомства. При настоящих же условиях, когда эти основные предположения мне неизвестны, всякие мои соображения по предмету предстоящих переговоров, очевидно, не могут не отличаться значительной гадательностью. Тем не менее, принимая во внимание, что вы изволили признать необходимым ознакомиться с моим мнением, имею честь сообщить вам нижеследующее.

Прежде всего я должен оговориться, что изложенные мною ниже взгляды я высказываю в том предположении, что в настоящее время для России не признается необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало. Я не имею данных для суждения о том, действительно ли дело стоит так, но в указанном предположении меня не может не убеждать то соображение, что в противном случае едва ли было бы целесообразно снабдить наших уполномоченных особо подробными инструкциями, затребовав предварительно отзывы подлежащих ведомств. Кроме того, за то же говорят, по видимому, и энергичные меры, которые принимаются военным ведомством к усилению состава наших сухопутных армий в Маньчжурии, и которые, насколько знаю, выразились в том, что после Мукденского боя армии наши уже получают поддержку в количестве 135 тысяч человек, 15 июня должен был двинуться 19 корпус, а затем еще и 9 и некоторые другие войсковые части. Я не могу, конечно, не иметь в виду, что с чисто финансовой точки зрения продолжение войны становится для нас все более и более затруднительным. Об этом я по долгу службы неоднократно доводил до высочайшего его императорского величества сведения, представив его величеству после Мукденского отступления подробную записку, рассмотренную в особом совещании под председательством его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и доложив затем еще раз кратко после Цусимского боя. Вообще, как министр финансов, не могу не признать, что продолжение войны при нынешнем положении дел на театре войны и в особенности внутри страны представляется весьма трудным, и что с финансовой точки зрения заключение мира

крайне желательно. Но само собой разумеется, решение вопроса о войне или мире, от которого должны зависеть жизненные интересы и достоинство России, не может быть поставлено в зависимость исключительно от соображений финансового характера. А при таких условиях нельзя не видеть в предполагаемом свидании с японскими уполномоченными великодушную попытку е.и.в. узнать требования японского правительства в тех целях, чтобы скорее даровать мир своему народу, — однако отнюдь не ценою каких угодно политических и экономических уступок Японии, а лишь на условиях, не нарушающих чрезмерно насущных интересов России.

Переходя к существу дела, имею честь сообщить, что, по моему мнению, при предстоящих переговорах главную целью должно быть заключение с Японией такого соглашения, чтобы устанавливаемый этим соглашением мир был искренним и как можно более продолжительным. Для этого в условиях мирного договора не должно быть поставлено чрезмерных требований той стороне, против которой повернулось военное счастье, т.е. требований такого характера, которые заставили бы эту сторону в силу жизненных ее интересов стремиться к новой войне в будущем. Кроме того, в мирном договоре не должно, конечно, заключаться постановлений, по существу или по форме унижительных для чести или достоинства той или другой стороны.

Для того чтобы нам добиться мира на условиях, соответствующих указанным основаниям, необходимо взвесить, в чем заключались причины, не внешние, а внутренние, нынешнего вооруженного столкновения между Россией и Японией. С русской точки зрения, они заключались главным образом в опасении нападения Японии после ее утверждения на азиатском материке и вообще враждебных действий последней по отношению к России. Стремление наше воспрепятствовать Японии стать твердой ногой на материке Азии было основано именно на этом опасении. Отсюда — вытеснение нами Японии после победы ее над Китаем с завоеванного ею Ляодунского полуострова, преждевременный захват

Порт-Артура, неудачное устройство, под видом лесной концессии, заслона в северной Корее и т.п.

В настоящее время нападение на нас Японии и утверждение на азиатском материке ее вооруженных сил и политического престижа представляются однако совершившимися фактами. При таком положении дальнейшие взаимные отношения между обеими державами будут зависеть от того, как намерена Япония использовать достигнутые успехи. Имеет ли она в виду ограничиться закреплением результатов войны или намерена посягнуть на жизненные, собственно русские интересы на Дальнем Востоке. Заключенный при последних условиях мир, очевидно, прочностью отличаться не будет. Если же русские интересы, понимая их в смысле нашего отказа от поступательной политики на Дальнем Востоке при сохранении непрерывной связи Сибири с Тихим океаном, будут соблюдены, то, казалось бы, не должно быть препятствий к тому, чтобы достигнуть искреннего мирного соглашения на продолжительный, если не безгранично-долгий срок.

С экономической и культурной точек зрения к жизненным интересам России на Дальнем Востоке необходимо, по моему мнению, в настоящее время причислить, независимо от неприкосновенности русских границ и державных прав России относительно Владивостока, Уссурийского края и других местностей, а равно отсутствия ограничений для содержания флота на Дальнем Востоке, — сохранение в нашем полном распоряжении или в крайнем случае под нашим исключительным влиянием рельсовой линии, соединяющей Владивосток с Сибирской железною дорогою, а равно пароходные сообщения, связывающие эту линию с русскими владениями по Сунгари. Если бы, по условиям мирного соглашения, эти сообщения, и в особенности указанный рельсовый путь, были изъяты из нашего распоряжения, то, на мой взгляд, такое соглашение не могло бы служить залогом прочного мира, а, напротив, заставило бы каждую из сторон по-прежнему относиться к намерениям другой с недоверием и опасением и истощать свои экономические силы на приготовления

к новому вооруженному столкновению. То же самое имело бы место и в том случае, если бы мирный договор предоставил японскому правительству право держать в течение продолжительного времени свои военные силы после заключения мира в районе Китайской Восточной железной дороги, т.е. в пределах двух северных провинций Маньчжурии, ибо присутствие здесь японских войск не могло бы не служить постоянным поводом к возникновению между нами и Японией нежелательных недоразумений.

Но если, таким образом, удержание за нами сообщений Сибирской железной дороги с Приморским краем имеет первостепенное для наших интересов значение, то, с другой стороны, нельзя не признать, что и здравый смысл, и результаты военных действий требовали бы отказа от наших прав на арендуемую нами у китайского правительства часть Ляодунского полуострова и участок южной ветви Китайской Восточной железной дороги, от Порт-Артура и Дальнего примерно до южной границы Гиринской провинции или в крайности до пересечения этой ветви с верхним течением Сунгари. При этом необходимо было бы, однако, настоять на том, чтобы означенный участок Южно-Маньчжурской ветви перешел в собственность Китая путем досрочного выкупа, ибо оккупация японцами территории, по которой проходит эта железная дорога, или передача ими этой территории Китаю по принципам международного права отнюдь не создает еще для Японии или для Китая права собственности на это частное акционерное предприятие. Само собою разумеется, что при установлении подлежащей уплате Китаем выкупной суммы за железную дорогу стоимость последней могла бы быть сокращена в виду разрушений, произведенных на ней военными действиями; сокращение это, однако, не могло бы быть особенно значительным, так как главнейшие сооружения, как-то: земляное полотно, выемки, устои мостов и т.п., несомненно, в общем пострадали не особенно сильно.

Из полученной от Китая выкупной суммы могло бы быть нами уплачено Японии вознаграждение за содержание на-

ших пленных. Эта уплата, по существу справедливая, по моему мнению, безусловно не имела бы обидного для достоинства России значения. Вместе с тем я считал бы, однако, совершенно недопустимым уплату нами контрибуции в виде вознаграждения за расходы Японии по ведению войны и полагал бы, что включение в мирный договор подобного рода условия, не соответствующего достоинству России и не оправдываемого достигнутыми Японией успехами, крайне затруднило бы, к ущербу для обеих сторон, сохранение между ними сносных отношений в будущем.

Что касается Корейского полуострова, то мне представляется, что и по существу дела, ввиду фактического занятия этой страны японцами, и по форме ввиду выраженного нами еще до войны согласия признать преимущественное положение японцев в этой стране, — нам будет крайне трудно ставить в настоящее время какие-либо препятствия установлению здесь преобладающего влияния Японии. Но если японское правительство действительно искренне желает возобновить с нами добрососедские отношения, то оно могло бы — в целях возможного устранения всяких поводов к недоразумениям — принять на себя обязательство не вводить в смежные с нашим Приморским краем области северной Кореи своих военных сил и не возводить здесь никаких укреплений.

Далее, считаю долгом обратить внимание на частные интересы русских подданных, потерпевших вследствие настоящей войны. Для возможного ограждения этих интересов я признавал бы, во-первых, необходимым оговорить, буде это не разумеется само собою, что собственность русских подданных и предприятий в Дальнем и Порт-Артуре, в том числе и собственность Общества Китайской Восточной железной дороги, по окончании войны должна быть немедленно возвращена по принадлежности. Затем подобную же оговорку надлежало бы сделать также и относительно горнопромышленных концессий, принадлежащих русским подданным в районе Маньчжурии, занятом японскими войсками,

а именно было бы необходимо установить: в случае, если бы после войны за японцами остались какие-либо полномочия по управлению этой частью Маньчжурии, — что права русских подданных будут восстановлены немедленно по окончании войны, и во всяком случае, — что если бы японцы за время оккупации страны эксплуатировали какую-либо принадлежащую русским подданным концессию, то за это собственникам должно быть уплачено соответственное вознаграждение.

В заключение позволяю себе сообщить вашему сиятельству, что с внешней стороны разработки инструкции для наших уполномоченных я считал бы особенно полезным преподание этим уполномоченным определенных указаний относительно того, на какие требования Японии им ни в каком случае невозможно согласиться.

Донесение агента министерства финансов в Вашингтоне Г. Виленкина В. Н. Коковцову

Ваше высокопревосходительство, Владимир Николаевич!

За последние десять дней общественное мнение Соединенных Штатов всецело поглощено переговорами президента Рузвельта с графом Кассини и японским посланником Такагирой относительно заключения мирного договора, и третьего дня Рузвельт официально заявил, что Россия и Япония изъявили согласие на его предложение и что местом конференции избран Вашингтон. Американская печать не скрывает своего удовольствия по поводу того, что этим выбором американское национальное чувство польщено и газеты полны панегириками по адресу президента Рузвельта.

Здесь полагают, что уполномоченные соберутся не ранее половины августа и что самые переговоры затянутся не менее двух месяцев; так, по окончании испанско-американской войны в 1898 году уполномоченные обеих стран собрались в Париже 1 октября, переговоры же закончились лишь 10 декабря, а между тем главные пункты соглашения между Со-

единенными Штатами и Испанией были уже улажены предварительным протоколом; задачи же, которые пришлось им разрешить, не были так сложны, как те, которые придется урегулировать России и Японии.

Весьма характерно, что с момента вмешательства Рузвельта здешняя печать, а вместе с нею и общественное мнение сразу переменили свои взгляды и стараются повлиять на Японию не настаивать на большом денежном вознаграждении; еще две недели тому назад здешняя пресса находила, что если Япония потребует 2 миллиарда долларов, то требования ее вполне нормальны; теперь же та же пресса убеждает Японию быть скромной в своих требованиях и ограничиться суммой, составляющей действительный размер произведенных ею военных расходов, что, по словам газет, не должно превышать 500 млн долларов и из этой суммы вычесть стоимость тех приобретений, которые достанутся ей от России, как-то Дальний, Порт-Артур.

Не подлежит сомнению, что столь разительная перемена в настроении здешней печати объясняется главным образом влиянием президента Рузвельта, который в данном случае может оказать веское давление на Японию; по словам здешних дипломатов, ни один из монархов или государственных людей Европы, включая сюда Англию, не пользуется таким влиянием на Японию, как Рузвельт, и если бы нам удалось заручиться его полным содействием, то требования Японии могли бы быть низведены до минимума. С другой стороны, американцы поняли, что если бы Японии удалось достичь своей цели, то это сразу оказало бы влияние на европейский денежный рынок, что, в свою очередь, отразилось бы и на американских ценностях, так как Франция, а за нею и Англия прежде всего начали бы реализовывать американские бумаги, чтобы запастись наличными деньгами.

Согласие России на предложение Рузвельта и, с другой стороны, назначение сюда послом барона Розена, пользующегося особыми симпатиями американцев, служат самыми лучшими факторами для восстановления дружественных от-

ношений между Россией и Соединенными Штатами и с наступлением осеннего сезона, когда финансовый мир вернется в Нью-Йорк из европейских курортов или летних резиденций, наступит благоприятный момент для привлечения нью-йоркского денежного рынка в Россию, и этого момента мы не должны упустить.

Ввиду того, что в настоящую минуту на здешнем рынке полное затишье, которое продолжится до половины сентября, к какому времени было бы весьма важно приготовить план действий, то я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство уведомить меня, не найдете ли вы полезным разрешить мне приехать в Петербург, чтобы лично доложить вашему высокопревосходительству о беседах, которые я имел за последнее время с здешними банкирами, и их взглядах на возможность помещения русских ценностей на нью-йоркской бирже и привлечения американских капиталов в русские предприятия.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Григорий Виленкин.

Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову.

28 июля 1905 г.

Предъявлены требования. Преобладание Японии в Корее, эвакуация Маньчжурии, уступка Сахалина, Квантуна, южной ветви до Харбина, уплата контрибуции в размере стоимости войны, выдача судов в нейтральных портах, ограничения морских сил, льготы в морских промыслах. Ответ понятный вам по существу скоро последует.

Витте.

**Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову.
30 июля 1905 г.**

Субботу утром передается наш ответ. Согласие на преимущества Корею, но военные мероприятия не должны угрожать нашим соседним областям. Параллельная эвакуация Маньчжурии обеими сторонами; уступка Квантуна, части южной ветви, фактически захваченной японцами, с выкупом этой части Китаем передачей выкупной суммы Японии; предоставление льгот морских промыслов; сильно мотивированный категорический отказ уплате контрибуции, но согласие возместить расходы лечению, содержанию пленных; отказ выдаче судов нейтральных портах, уступке Сахалина, вместо которой предлагается предоставить эксплуатацию промыслов острова; отказ ограничить морские силы по воле Японии с заявлением, что ближайшем будущем Россия сама не предполагает держать значительного флота. Полный текст сообщается министру и.д.

Витте.

Красный архив. М., 1924. Т. 6, с. 30.

**Журнал совещания 21 сентября 1905 г.
для рассмотрения вопросов, вытекающих
из договора с Японией, заключенного
в Портсмуте. 23 августа (5 сентября) 1905 г.**

Присутствовали: председатель комитета государственной обороны е.и.в.в.кн. Николай Николаевич; председатель комитета министров д.т.с. статс-секретарь гр. Витте; министр финансов статс-секретарь Коковцов; военный министр генерал-лейтенант Редигер; морской министр вице-адмирал Бирилев; начальник генерального штаба генерал-лейтенант Палицын и товарищ министра иностранных дел шталмейстер выс. двора князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

Статс-секретарь граф Витте заявил, что заключенный в Портсмуте договор составлен был в общих выражениях, причем многих вопросов уполномоченные вовсе не касались, чтобы не усложнять дела. Это дает повод к различному пониманию некоторых постановлений договора. Поэтому государь император повелел, во избежание недоразумений и переписки между ведомствами, собраться представителям заинтересованных в исполнении договора министерств и условиться о том, как понимать различные постановления договора. — Ввиду сего граф Витте предлагает членам совещания заявить, есть ли у них какие-либо сомнения относительно статей договора.

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что во второй статье договора, где постановлено ограничение военных мероприятий на корейской границе, не обозначено, какого района касается это ограничение, например, распространяется ли оно на Ново-Киевский район или только на берег реки Тумына.

Статс-секретарь граф Витте пояснил, что во время переговоров район этот в точности не определялся, имелась в виду ближайшая к границе местность. Поэтому казалось бы желательным, в особенности в первое время по вступлении договора в силу, не возводить укреплений в полосе, прилегающей к самой границе, на расстоянии от нее приблизительно верст десяти.

Великий князь Николай Николаевич выразил эту мысль таким образом, что, следовательно, мы не должны принимать таких мер, при которых корейская граница оказалась бы «под обстрелом наших батарей».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, каково будет на основании Портсмутского договора положение Кореи относительно Японии и положение русско-подданных в Корее?

Статс-секретарь граф Витте высказал следующее: «во исполнение высочайших указаний, я во время переговоров исходил из того положения, что наши права в Корее должны

быть одинаковы с правами других держав. И в инструкции, которую я был снабжен от министерства иностранных дел, проводится та мысль, что вопрос о положении Кореи есть вопрос международный, который может быть решен только в зависимости оттого, как к нему отнесутся другие державы. Взгляд Англии мы теперь знаем из текста нового англо-японского договора, но казалось бы желательным, чтобы министерство иностранных дел запросило по сему предмету и другие правительства, в особенности североамериканское».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий сообщил, что министерство иностранных дел имеет в виду назначить своего представителя в Корею и, может быть, предварительно обратиться к державам с запросом тотчас по ратификации договора.

Статс-секретарь граф Витте: «Во всяком случае суверенитет Кореи договором нисколько не поколеблен и, если другие державы пошлют в Корею посланников, то и мы можем послать. Окончательное выяснение этого вопроса не может замедлиться. Он по необходимости будет возбужден самим корейским правительством, представитель которого уже обращался ко мне и к министру иностранных дел по этому вопросу».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий: «Русское правительство никогда не признавало мероприятий Японии, имевших целью уничтожение независимости этого государства. Лучшим доказательством такого взгляда служит пребывание здесь до настоящего времени посланника, которому русское правительство выплачивает содержание с тем, чтобы впоследствии взыскать его с корейского правительства».

Статс-секретарь граф Витте: «Независимость Кореи никак не могла быть уничтожена договором между Россией и Японией, так как это вопрос международный».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, насколько англо-японский договор может касаться дальнейшей политики России и был ли он принят во внимание при портсмутских переговорах.

Статс-секретарь граф Витте: «Из частных источников мне было известно в Портсмуте, что между Англией и Японией идут переговоры. Опасаясь каких-либо неожиданностей с этой стороны, я тогда же запросил министра иностранных дел. Он ответил, что сносился уже с послом нашим в Лондоне, но что получить точных сведений о переговорах не оказалось возможным. В бытность мою во Франции, а затем и в Германии я убедился, что и французская, и германская дипломатия столь же мало осведомлена о ходе лондонских переговоров. Самый текст договора я получил от графа Бенкендорфа перед отъездом из Парижа. Что касается влияния англо-японского договора на русскую политику, то это слишком большой и сложный вопрос, чтобы говорить о нем здесь».

Генерал-лейтенант Палицын: «Согласно договору русские и японские войска должны тотчас по ратификации начать эвакуацию Маньчжурии, но о Корее ничего не сказано. Это может вызвать недоразумения. Я уже телеграфировал главнокомандующему, что наши войска должны быть выведены из Кореи на левый берег Тумына, но японские войска могут ли остаться?»

Статс-секретарь граф Витте: «Ход переговоров по этому вопросу был следующий: японские уполномоченные представили план эвакуации и требовали, чтобы подробные правила по сему предмету были приложены к самому договору. Этот проект я отверг на том основании, что ни я, ни мои сотрудники по военной части окончательного заключения в Портсмуте дать не могли, требовалось сношение с военным министерством и с главнокомандующим, что затянуло бы дело. Соответственно этому японцы взяли свой проект обратно и предложили нам представить план эвакуации. Я счел возможным высказать им только главные основания, а именно общий срок эвакуации и равномерность отвода войск, требуя, чтобы подробности были выработаны на месте командующими армиями. Тогда японцы представили свой проект, в котором было прямо сказано, что все японские войска из Маньчжурии отходят на арендованную территорию и в Ко-

рею. В переговорах с бароном Комурой я высказал, что не могу согласиться на такое постановление в договоре, так как отвод японской армии в Корею может встревожить все державы и служить угрозой миру на Дальнем Востоке. Барон Комура согласился вычеркнуть упоминание о Корее, но категорически заявил, что никакого вмешательства в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее, не будет допущено. Я более не настаивал, потому что это общий международный вопрос, в котором одинаково заинтересованы другие державы. И вот объяснение того, что в договоре об этом не упомянуто. Перед отъездом из Америки, когда отношения наши с японцами приняли более спокойный характер, я спросил барона Комуру в частной беседе, предполагают ли японцы держать в Корее большое количество войск, на что он ответил, что на это у них нет средств и что там, конечно, будет оставлено возможно меньшее количество вооруженных сил. В заключение считаю долгом высказать свое мнение, что нам надлежит, до выяснения обстоятельств, держать в южноуссурийском крае возможно большее количество войск».

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что для наших войск, расположенных в южноуссурийском крае, будет весьма неудобно присутствие японских войск в северной Корее, не только в стратегическом, но и в хозяйственном отношении. Дело в том, что весь скот для продовольствия войск южноуссурийского района идет из Кореи. Подвоз его будет до крайности затруднен, если там будут находиться японские войска. Поэтому было бы желательно путем дипломатических сношений повлиять, чтобы японцы отвели свои войска из северных районов Кореи в более южные, тем более что и топографические и климатические условия северной Кореи являются для квартирования войск крайне неудобными.

Статс-секретарь граф Витте разъяснил, что возбуждение теперь подобного вопроса несвоевременно, но что когда будет назначен в Японию наш посланник, и если он сумеет установить с японским правительством хорошие отноше-

ния и внушить к нам доверие, тогда, вероятно, все подобные вопросы будут улаживаться без особых затруднений.

Генерал-лейтенант Палицын, обращаясь к вопросу об уступке Японии, по ст. 6 договора, южноманьчжурской железнодорожной ветки от Куанчэнцзы до Порт-Артура, просит разъяснения, кому будет принадлежать самая станция Куанчэнцзы, каковой вопрос уже поднят был и главнокомандующим.

Статс-секретарь граф Витте: «Вопрос о принадлежности станции на Портсмутской конференции не обсуждался. С точки зрения технической очень трудно решить теперь, насколько эта станция необходима или возможно построить другую; об этом придется говорить в связи с обсуждением вопроса об установлении прямого сообщения между японскими и нашими линиями. Но из того, что о принадлежности станции Куанчэнцзы на конференции не возбуждалось вопроса, логический вывод тот, что станция эта остается за теми, кто ею владеет, т.е. за нами. Самый факт владения ею дает нам некоторые права. Главнокомандующему надлежало бы ответить на его запрос, что когда он приступит к передаче японцам железнодорожной линии, то такая передача должна быть произведена только до станции, судьба коей будет выяснена в зависимости от технических и других соображений».

Совещание вполне соглашается с таким мнением и предлагает министру финансов ответить генералу Линевичу по соглашению с военным министром.

Статс-секретарь Коковцов обращает внимание на другую сторону этого вопроса. Станция Куанчэнцзы, по его мнению, не представляет большого значения для дороги, потому и принадлежность ее японцам или нам не имеет решающего значения; она может быть перенесена к северу или к югу в зависимости от технических соображений. Гораздо больше значения имеет город Куанчэнцзы, но о нем не может быть речи, так как он должен быть передан Китаю. Центром тяжести всего вопроса надо признать то, что от станции Куанчэнцзы идет торговый тракт на Гири. Главнокомандующий

упоминал об этом, а также о праве нашем на железнодорожную ветку между Куанчэнцзы и Гирином. По этому поводу статс-секретарь Коковцов считает долгом напомнить, что договор на постройку этой ветки действительно был заключен, но не утвержден китайским правительством. Вопрос о том, кому будет принадлежать эта ветка, является самым существенным, вот почему и японцы обратили на него серьезное внимание. Казалось бы поэтому, что, не придавая решающего значения вопросу собственно о станции Куанчэнцзы, нам следует безотлагательно озаботиться ограждением наших интересов в смысле принятия мер к обеспечению за нами возможности соединить с Восточно-Китайскою железнодорожною магистралью город Гирин, как центр целой огромной области, представляющей выдающееся экономическое и политическое значение.

Статс-секретарь граф Витте соглашается с этим мнением и излагает ход переговоров по сему предмету в следующих выражениях: «Японцы предъявили требование об уступке им всей линии до Харбина и твердо стояли на этом во все время переговоров. Я доказывал, что наиболее справедливым пунктом раздела линии был бы тот, который отделяет фактическое владение японцев от нашего, и указывал на Гунчжулин, как на более подходящий пункт. После долгих споров японцы предложили взять реку Сунгари в том месте, где она второй раз пересекается железною дорогою к югу от Харбина, как самый естественный раздельный пункт. Когда же я предложил Куанчэнцзы, они сейчас возбудили вопрос о том, кто будет строить железнодорожную ветку на Гирин. Я ответил, что не знаю, есть ли там ветка. Барон Комура заявил, что нет. Тем не менее я запросил по телеграфу и после получения отрицательного ответа продолжал переговоры по этому предмету. Японцы настаивали, чтобы мы им предоставили постройку ветки, соглашаясь на этом условии признать Куанчэнцзы раздельною станцією. Я ответил, что это — дело Китая. Если Китай разрешит им строить ветку, то мы не встретим к тому возражений, но давать такого разрешения не можем. Осо-

бенного значения этой ветке при переговорах я не придавал, во-первых, потому что если японцы будут ее строить, то и за нами сохраняется право строить всякую другую ветку на соеднение нашей дороги с Гирином, во-вторых, потому что с переходом южно-маньчжурской линии к японцам наш путь в Гирин будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера. В отыскании такого пути и постройке соответствующей железнодорожной ветки заключается главная наша задача в этом вопросе».

Совещание единогласно признало правильность такого взгляда, причем было, между прочим, высказано мнение, что наиболее естественный путь в Гирин лежит через город Нингугу или же по реке Сунгари и что выяснение этого вопроса надлежит поручить Китайской Восточной железной дороге, а затем уже обратиться по сему предмету к министру иностранных дел, для сношения с китайским правительством.

Генерал-лейтенант Палицын обращает внимание совещания на ст. 7 договора о том, что железные дороги в Маньчжурии должны эксплуатироваться исключительно с экономической, а не стратегической целью, и что изъятие из этого правила, сделанное для линии, проходящей по Ляодунскому полуострову, дает Японии более выгодное стратегическое положение, чем России.

Статс-секретарь граф Витте: «При переговорах мы исходили из того положения, что концессия наша относительно способа эксплуатации Маньчжурской железной дороги находится в полной силе. Уже по этой концессии мы обязаны пользоваться дорогою в коммерческих, а не военных целях, а в случае необходимости перевозить и военные запасы во Владивосток, везти их транзитом, не выгружая в Маньчжурии. Но это обстоятельство касается наших отношений с Китаем, а не с Япониею. Японцы сначала очень настаивали на всевозможных ограничениях наших прав пользования дорог, подозревая, что когда зайдет речь об участке, который отходит, я потребую тех же ограничений для них, на основании строгой взаимности. Такое требование было им очень неприятно,

но им пришлось уступить; и тогда они прежнюю более резкую редакцию этой статьи смягчили. — Что касается права их пользоваться для военных южным участком дороги, пролегающим по арендованной территории, и устраивать там стратегическую базу, то я на это указывал при переговорах. Японцы мне на это ответили, что мы имеем возможность устроить такую же базу в южно-уссурийском крае, лежащем ближе к Харбину и другим центральным пунктам, чем Ляодунский полуостров. Вообще новое положение вещей вызывает необходимость постепенно оборудовать двойной путь на наших дорогах окраины и вообще принять необходимые меры в пределах империи. Что касается запасов и складов, имеющих в Харбине и других пунктах вдоль железной дороги, то казалось бы, что они могут остаться. Подвозить же новые запасы, имеющие чисто военный характер, надлежит с большою осторожностью и даже в первое время вовсе таковых не подвозить, а затем руководствоваться обстоятельствами и тем, как будут действовать сами японцы». Вице-адмирал Бирилев указывает на то, что редакция 9 статьи о свободе Лаперузова и Татарского проливов не вполне и возбуждает сомнение в том, могут ли японцы, а также можем ли мы строить какие-либо укрепления по берегам этих проливов?

Статс-секретарь граф Витте разъясняет, что ограничение права относительно острова Сахалина совершенно ясно и несомненно. «Что же касается воспрещения японцам строить укрепления на южном берегу Лаперузова пролива, т.е. на острове Иезо, то редакцию этого ограничения по необходимости пришлось оставить несколько неясною, потому что если бы мы возбудили вопрос о более точном ее изложении, то японцы тотчас потребовали бы категорического ограничения нашего права относительно территории Приморской области, омываемой Татарским проливом. Между тем для нас, по заключению моих сотрудников по военно-морской части, гораздо важнее сохранить свободу действий на нашей территории, чем добиться воспрещения японцам строить укрепления на Иезо ценою отказа от такой свободы действий. Поэто-

му я и решил оставить редакцию этой статьи, поскольку она не касается Сахалина, несколько неопределенной».

Вице-адмирал Бирилев возбуждает вопрос — имеем ли мы право занимать и устраивать другие базы по Тихоокеанскому побережью, кроме Владивостока?

Статс-секретарь граф Витте поясняет, что никакого ограничения в этом отношении в Портсмутском договоре нет.

По вопросам о захвате японцами до войны нескольких коммерческих судов, а равно о желательности для нас устройства вдоль реки Тумына, на корейской территории, нейтральной полосы, возбужденных вице-адмиралом Бирилевым, статс-секретарь граф Витте высказал мнение, что обсуждение их подлежало бы отложить до тех пор, когда в Японии будет наш посланник.

Статс-секретарь Коковцов, обращая внимание совещания на первую дополнительную статью, а именно на ту часть ее, где говорится о праве обеих договаривающихся держав иметь стражу для охраны их железных дорог в Маньчжурии, возбуждает вопрос о том, из каких войсковых частей будет состоять эта стража; будет ли эта обязанность возложена по-прежнему на заамурский округ пограничной стражи или же на какие-либо другие войска?

Статс-секретарь граф Витте: «С точки зрения переговоров с Японией этот вопрос не имеет значения; мы можем содержать на линии железной дороги войска какого угодно оружия, лишь бы количество их соответствовало договору, причем я высказываюсь за то, чтобы была оставлена по-прежнему пограничная стража. Но с точки зрения нашего внутреннего управления этот вопрос имеет существенное значение, и я намерен поставить его гораздо шире. Независимо от 15 человек на километр, нам необходимо иметь целый штат военных в качестве служащих на железной дороге — начальников станций, стрелочников, кондукторов и проч., которые носили бы партикулярное платье, но представляли бы стройную организацию и могли бы при первой необходимости составить определенную воинскую часть. Японцы давно поль-

зуются этим средством. До войны было в Маньчжурии и Сибири множество японских офицеров, которые не гнушались различными промыслами для достижения военных задач. То же самое было на Мадагаскаре, когда там стояла эскадра адмирала Рожественского. Я считал бы очень важным выработать и у нас соответствующую систему».

Великий князь Николай Николаевич замечает, что мысль эта бесспорно представляет громадное значение и что ее следует иметь в виду, так как при надлежащей постановке и правильном развитии подобная система может дать большие результаты. Но в настоящий момент едва ли своевременно возбуждать этот вопрос, так как он зависит от того, какую общую директиву благоугодно будет его императорскому величеству преподать для дальнейшего направления нашей политики на Дальнем Востоке.

По вопросу о том, кому должна быть подчинена железнодорожная стража, военный министр высказал следующую мысль: «Возложение охраны дороги, по-прежнему, на пограничную стражу представляется весьма желательным. Она привыкла к этому делу, приспособилась к местности и обстоятельствам, притом же зарекомендовала себя во время войны очень хорошо в боевом отношении. Но не будет ли правильнее и удобнее передать пограничную стражу в ведение военного министерства. Командование военной частью затруднительно и несвойственно министерству финансов. Высшая организация отдельного корпуса пограничной стражи в настоящее время приспособлена для задач, имеющих преимущественно на западной границе. Гораздо правильнее было бы подчинить заамурский отдел высшему начальнику — генералу, который, в свою очередь, был бы подчинен ближайшему генерал-губернатору. В противном случае хорошие боевые качества этой части войск, приобретенные во время войны, могут в мирное время утратиться. По этим соображениям я полагаю бы, оставив охрану железной дороги по-прежнему на обязанности пограничной стражи, заведение этой стражей передать в военное министерство».

Статс-секретарь граф Витте: «Хотя я теперь не министр финансов и пограничная стража мне не подчинена, но я должен заметить, что передача ее в военное ведомство представляла бы большие неудобства. Все стороны жизни пограничной стражи тесно связаны с железною дорогою. Начальник дороги — военный; надо стремиться к тому, чтобы и остальные служащие были по преимуществу военные, хотя бы и не носили военного платья, и чтобы весь штат был объединен под одну сильную власть. Необходимо иметь в виду, что вся материальная часть, касающаяся обмундирования, расквартирования, пайка и др. — зависит ныне от железной дороги и происходит на совершенно иных основаниях, чем в остальных воинских частях. Здесь приходится считаться с особенностями службы пограничной стражи, разбросанной на большом пространстве по два, три человека. Поэтому насколько справедливо предложение военного министра с точки зрения командной, настолько неудобно в хозяйственном отношении; пришлось бы все переделывать, что едва ли желательное. Притом, если пограничная стража будет подчинена военному ведомству, а состав железнодорожных служащих останется в подчинении железнодорожной администрации, то это создаст повод для бесконечных недоразумений и пререканий между отдельными лицами в ущерб общему делу. Во избежание такого положения необходимо было бы принять ныне одну из схем, предлагавшихся до войны, и установить, что пограничная стража во всем, что касается ее хозяйства (житья-бытья), должна оставаться по-прежнему в заведывании железнодорожной администрации и министерства финансов, что же касается военной части, то в этом отношении она должна быть в известной мере подчинена местной высшей военной власти — генерал-губернатору или наместнику».

Статс-секретарь Коковцов заявил по этому поводу следующее: в экономическом отношении пограничная стража находится в полной зависимости от железной дороги, которая составляет ей квартиры и отопление. Если она перейдет в воен-

ное заведывание, то всю заботу об этом должно будет взять на себя военное министерство. Другое, не лишенное важности, соображение состоит в том, что железная дорога руководствуется уставом на основании договора с Китаем. Не будет ли передача стражи в военное ведомство истолкована как нарушение этого договора? Наконец, как показал опыт войны, военное ведомство имеет и ныне сильное влияние на боевую подготовку пограничной стражи и на ее военно-учебную часть, несмотря на то, что во всех остальных отношениях она подчиняется министерству финансов. Вопросу о подготовке всего корпуса пограничной стражи и в особенности заамурского ее округа в боевом отношении всегда придавалось особое значение, и принятые в этом отношении до настоящего времени по министерству финансов меры обеспечивают за военным ведомством всю необходимую сферу влияния. По соглашению бывшего министра финансов статс-секретаря Витте с бывшим военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным установлен по этому предмету особый порядок, который и дал уже благие результаты. Хотя строевое обучение чинов пограничной стражи и боевая подготовка корпуса, как передового авангарда нашей армии, занимающего нашу границу, и отражается некоторым ущербом на непосредственных задачах пограничного надзора по предупреждению контрабанды, тем не менее собственно на военную подготовку стражи до сего времени никаких жалоб со стороны военного ведомства не поступало. В частности же боевая организация заамурского округа на виду у всех. Этот округ выполнил с честью выпавшую на его долю задачу: целый ряд оказанных государем императором этому округу милостей служит наглядным доказательством того, что подведомственность округа министерству финансов не отразилась каким-либо ущербом на его службе, как на охране дороги, так и на полях сражения.

Ввиду высказанных соображений, статс-секретарь Коковцов, оставаясь при убеждении о необходимости сохранить нынешнюю организацию пограничной стражи, просил совещание решить этот вопрос окончательно в ту или другую сто-

рону, так как для министерства финансов важно знать в точности, какие у него будут в этом отношении впредь права и обязанности.

Генерал-лейтенант Редигер высказал по этому вопросу еще следующие соображения: если мы имеем право содержать по 15 человек на километр, то не все эти люди будут расставлены по километрам, а возможно большую часть их необходимо будет собрать в Харбин в виде его гарнизона и вместе с тем в виде резерва всей обороны железной дороги. Можно надеяться, что в Харбине удастся иметь примерно 6–8 тысяч человек, что составит почти дивизию. Неудобно и ненормально, чтобы такая большая воинская часть находилась вне ведения военного начальства. В случае какой-либо опасности, когда прежде всего мосты будут разрушены и другие пути сообщения затруднены, этот гарнизон или отряд должен будет самостоятельно отстаиваться до прихода подкреплений. Это будет авангард. Поэтому необходима возможно большая милитаризация пограничной стражи, что невозможно без подчинения сильной военной власти. Будет ли она целиком передана в военное министерство или будет принято какое-нибудь среднее решение, зависит, конечно, от дальнейшего обсуждения.

Великий князь Николай Николаевич высказывает предположение о том, не найдут ли возможным министерства военное и финансов войти между собою в соглашение, чтобы то количество войск, которое нужно фактически для охраны железной дороги от нападения хунхузов и т.п. (охрана пути), было поставлено в ведение министерства финансов, а весь излишек войск, который предназначен для других военных задач, был бы подчинен военному министерству.

Статс-секретарь Коковцов высказывает по сему предмету, что выделение большого резерва будет затруднительно. С уходом войск пограничной страже придется нести тяжелую службу. Опыт последнего времени доказал необходимость постепенного увеличения состава пограничной стражи, который со времени постройки железной дороги доведен

до 25 тысяч. Притом, если железная дорога в опасности, то достижение других стратегических задач затруднено. Охрана железной дороги является первою стратегическою задачею, которая требует достаточного контингента. Из-за нескольких тысяч человек, которых возможно было бы выделить, едва ли представляется целесообразным заводить отдельное хозяйство и отдельное командование.

Совещание постановляет оставить пограничную стражу в нынешнем положении, но предложить министрам финансов и военному войти между собою в соглашение относительно усиления влияния военного начальства на пограничную стражу в командном отношении, если в этом встречается действительная надобность.

Шталмейстер князь Оболенский заметил в виде справки, что количество стражи в 15 человек на километр является максимальным, что необходимо иметь в виду при расчетах. Китайское правительство уже обращалось к нам с протестом против такого количества стражи, указывая на то, что самое назначение ее, нарушая права и обязанности Китая по охране дороги и противореча духу железнодорожных соглашений, может дать повод к недоразумениям.

Придавая вопросу объединения власти при положении нашем в северной Маньчжурии, созданном Портсмутским договором, весьма важное значение, генерал-лейтенант Палицын высказался: не следует ли вообще дорогу и пограничную стражу подчинить военному ведомству, тем более что кроме пограничной стражи на дороге в настоящее время имеется 6 батальонов железнодорожных войск. Если это неудобно, то и тогда ради сохранения указанного выше не только дорога, но и все на ней находящееся должно быть объединено в министерстве финансов.

Статс-секретарь Коконцов высказывает мнение, что вопрос о войсках заамурского округа, в виду самого положения железной дороги, которую они призваны охранять, представляется крайне щекотливым и что при разрешении его необходимо соблюдать большую осторожность.

Затем статс-секретарь Коковцов обращает внимание совещания на статью 6 договора, в силу коей Россия уступает Японии южно-маньчжурскую железную дорогу «со всеми правами, привилегиями, имущественною собственностью и угольными копиями, принадлежащими железной дороге или разрабатываемыми в ее пользу (...)», и проект определенных указаний о том, как министерству финансов поступать впредь относительно затрагиваемых этою статьею концессий, и в частности относительно Фушунских копей. История этих копей такова. Еще до войны было образовано для их разработки китайское общество Хуан-Син-Ли, которое выпустило паи. Поэтому концессия на разработку Фушунских копей принадлежит частной китайской компании. ³⁴ акций этой компании были приобретены русско-китайским банком. Но так как банк по уставу не имеет права заведывать концессией, то бывший тогда министром финансов статс-секретарь Витте образовал маньчжурское горно-промышленное общество, которое и является почти полным собственником Фушунских копей. Дело усложняется еще тем, что в составе товарищества есть иностранные капиталисты. Во время войны Фушунские копи снабжали всю армию углем. Теперь они находятся в японских руках. Является весьма важным выяснить, как должно министерству финансов отнестись к этому вопросу: надлежит ли добиваться восстановления прав маньчжурского горно-промышленного общества или же надо поставить крест на все это дело.

Статс-секретарь граф Витте высказывает мнение, что вопрос этот должен быть рассмотрен юристами при участии представителей от министерств финансов и иностранных дел. А затем, если такая комиссия придет к заключению, что имеются достаточные основания для восстановления прав общества, то весь материал, выработанный комиссией, мог бы быть передан министерству иностранных дел для надлежащего сношения с японским правительством через посредство посланника в Японии.

Статс-секретарь Коковцов, возбуждая вопрос о положении Китайской Восточной железной дороги, высказывает следу-

ющие соображения: «С самого начала войны возникал вопрос о том, правильно ли нахождение железной дороги в руках частного общества и не следует ли изменить такой порядок. Я в то время разъяснял невозможность и несвоевременность какого-либо изменения. Во время войны дорога вполне оправдала себя, находясь в заведывании частного общества. Между тем вопрос о судьбе дороги возник и до войны и во время ее и теперь вновь возбуждается. В виду сего весьма важно для руководства министерства финансов выяснить, каково должно быть административное положение дороги. Вопрос возникал с двух сторон: не передать ли дорогу министерству путей сообщения или же в военное министерство. Проект передачи дороги в министерство путей сообщения объясняется тем, что министерство уже заведывает дорогами, примыкающими с двух сторон к Китайской дороге. Но если обратить внимание на особенности казенной эксплуатации железных дорог вообще, то станет ясным нежелательность передачи Китайской дороги министерству путей сообщения и возникает даже вопрос о желательности присоединения к Китайской железной дороге Уссурийской ветви, состоящей в ведении министерства путей сообщения. Что касается передачи ее военному министерству, то к этому нет решительно никаких оснований. Не касаясь тех всем известных обстоятельств, что находившаяся некогда и притом в течение многих лет в эксплуатации военного министерства Закаспийская железная дорога оказалась столь неудовлетворительно оборудованною и управляемою, что ее пришлось изъять из ведения военного министерства и передать в управление путей сообщения; справедливость побуждает заявить, что нахождение Китайской Восточной железной дороги в заведывании министерства финансов ни в чем не затруднило военного министерства; дорога провезла все поезда, какие требовались, всех людей и грузы, какие отправлялись, и приспособилась во всех отношениях к военным потребностям. Поэтому требование передачи дороги в военное ведомство является непонятным. Между тем самое возбуждение подобных вопро-

сов мешает правильному ходу дела и притом вопрос этот затрагивает отношения с Китаем. Поэтому если мы дорожим соблюдением договоров и экономическим положением дороги, то казалось бы необходимым оставить ее в нынешнем положении, тем более что дороге суждено в ближайшем будущем осуществить важные экономические задачи в северном Китае, если только мы не станем нарушать правильного течения дел возбуждением вопросов, выдвигаемых действительно жизнью».

Статс-секретарь граф Витте: «В настоящее время нельзя и думать о передаче дороги в другое ведомство. Об этом сейчас же узнают за границу и выведут заключение, что мы имеем какие-либо особые замыслы. Тот факт, что железная дорога находится в руках частного общества, значительно облегчал переговоры в Портсмуте. Когда японцы указывали на то, что в Харбине у нас учреждена правительственная власть, я возражал, что это не правительственная власть, а законные распоряжения частного общества, действующего на основании концессии, полученной от китайского правительства, и что подобные же права может приобрести всякая другая компания, насколько они будут ей даны Китаем. Поэтому возбуждать теперь вопрос о передаче дороги в другое ведомство неудобно с точки зрения международной. Но необходимо принять меры, чтобы дорога, хотя и находящаяся в руках частного общества, соответствовала всем военным целям, потому что не подлежит сомнению, что эта дорога наиболее стратегическая из всех наших дорог. Так, например, можно назначить от военного ведомства второго члена правления дороги, можно также назначить на линии особых офицеров для заведывания передвижением войск».

В заключение вице-адмирал Бирилев заявил, что предстоит послать транспорт для доставления в разные порта Японии комиссаров по приему пленных и просил совещание высказать мнение, надлежит ли послать военное судно, придав этому первому после войны появлению русского флага известную торжественность или же это является неудобным.

Совещание признало более осторожным ограничиться на первый раз посылкою коммерческого судна под коммерческим флагом, если одно из таких успеет прибыть из Шанхая, в противном же случае послать посылное судно или транспорт под военным флагом.

Таким образом, особое совещание пришло к следующим заключениям:

1. Ограничение военных мероприятий на корейской границе, упомянутое в статье 2 договора, не распространяется на весь Южно-Уссурийский район, а касается лишь ближайшей к границе полосы, с таким соображением, чтобы граница не оказалась под обстрелом наших батарей.

2. Независимость Кореи договором не уничтожена и по-прежнему может признаваться императорским правительством; но взгляд других держав на этот вопрос желательно проверить путем зависящих сношений министерства иностранных дел.

3. Русско-подданные будут пользоваться в Корее всеми правами и преимуществами, какие там принадлежат другим иностранцам.

4. Новый англо-японский договор был обнародован после Портсмутского договора, поэтому при переговорах наших с японцами не мог быть принят в соображение.

5. Японское правительство отказалось включить в договор обязательство относительно количества своих войск в Корее. Поэтому, впредь до выяснения обстоятельств, нам надлежит держать в южноуссурийском крае достаточное количество войск.

6. Неудобство для нас нахождения, в особенности в северной части Кореи, японских войск может быть устранено только путем переговоров будущего нашего посланника с японским правительством, если между нами установятся доверчивые отношения.

7. Вопрос о том, кому будет принадлежать раздельная станция Куанчэнцзы на южно-маньчжурской железной дороге, при переговорах не возбуждался. Станция эта находится

ся в наших руках, и вопрос о ней подлежит решению последующими переговорами.

8. Вопрос о праве сооружения железнодорожной ветки от Куанчэнцзы на Гири́н не имеет для нас существенного значения в виду того, что, с переходом южно-маньчжурской линии в руки японцев, наш путь на Гири́н будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера через Нингуту или по реке Сунгари.

9. Допуская некоторую неопределенность в редакции части статьи 9 договора о воспрещении укреплять берега Лаперузова и Татарского проливов, имелось в виду оставить за нами известную свободу действий относительно мероприятий на материке. Что же касается Сахалина, то возведение на его побережье каких бы то ни было укреплений для обеих сторон воспрещено.

10. Право императорского правительства устраивать базы на всем нашем Тихоокеанском побережье вне вод Татарского пролива договором не затронуто и не ограничено.

11. Вопрос о захваченных японцами до объявления войны коммерческих судах надлежит отложить до восстановления с Японией правильных дипломатических сношений.

12. Охрана Китайской Восточной железной дороги должна быть по-прежнему возложена на заамурский округ пограничной стражи, с оставлением его на прежних основаниях в заведывании министерства финансов, но с предоставлением военному начальству необходимой доли участия в надзоре за строевым обучением чинов округа и их боевою подготовкою.

13. Необходимо выработать и ввести у нас систему замещения некоторых должностей на Китайской Восточной железной дороге военными чинами, не носящими военной формы, но составляющими строго организованные кадры на случай мобилизации.

14. Для выяснения прав маньчжурского горно-промышленного общества на Фушунские угольные копи, захваченные японцами, надлежит поручить рассмотрение этого во-

проса опытным юристам при участии представителей министерств финансов и иностранных дел, и в случае благоприятного их отзыва передать выработанный ими материал в министерство иностранных дел для сношений с японским правительством.

15. Возбуждение вопроса о передаче Китайской Восточной железной дороги из ведения министерства финансов в другое министерство ныне несвоевременно. Но необходимо принять меры, чтобы дорога соответствовала всем военным целям, как дорога стратегическая, для чего в случае надобности можно было бы усилить в правлении дороги представительство от военного министерства и назначить на линии офицеров для заведывания передвижением войск.

16. Для доставления в порта Японии русских комиссаров по приему военнопленных послать, в видах предосторожности, не военное судно, а транспорт или посыльное судно под военным флагом.

Журнал этот подлежит представлению через министра иностранных дел на высочайшее благовоззрение.

Подлинный подписан: *граф С. Витте, В. Коковцов, А. Редигер, А. Бирилев, Ф. Палицын, князь В. Оболенский.*

С подлинным верно: Делопроизводитель совещания ст. сов. *Плансон.*

Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 7 (1924), с. 12–27.

Российская академия наук
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Международное содружество общественных объединений —
обществ дружбы с народами зарубежных стран
Научно-экспертное бюро исторических исследований

Золотарев Владимир Антонович
Соколов Юрий Федорович

ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ: от поражения к Победе

**К 110-летию окончания Русско-
японской войны 1904–1905 гг.
и к 70-летию окончания Советско-
японской войны 1945 г.**

Общественно-патриотические проекты
Клуба православных предпринимателей (КПП)
Руководитель, советник президента КПП *М.Р. Прокопюк*
Члены КПП Р.К. Шарифов, Ю.В. Смыслов,
А.А. Маркин, И.В. Березин, Я.Ю. Синицкая

Ответственный за выпуск
член-корреспондент МАИСН *О.П. Ермилина*
Редактор, корректор *В.М. Фрадкина*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*

Институт экономических стратегий
Телефон издательского центра: (495) 234 4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Русский биографический институт
E-mail: whoiswho@whoiswho.ru
www.whoiswho.ru

РПП ИНЭС Р1506
Тираж 3000 экз.

Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф.

3802 Войны с Японией: от поражения к Победе. К 110-летию окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. и к 70-летию окончания Советско-японской войны 1945 г. / С.Л. Тихвинский, предисл. — М.: ИНЭС, РУБИН, 2015. — 652 с.: CD. — (Военная история Российского государства / Под ред. В.А. Золотарева)

ISBN 978-5-93618-232-7

Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась одним из крупнейших событий всемирной истории — первым жестоким вооруженным столкновением двух держав с участием массовых армий и применением разнообразной сухопутной и морской боевой техники и оружия. Она явилась, по существу, предвестницей двух мировых войн первой половины XX в.: воевали две страны, но в политических и экономических итогах войны были заинтересованы ведущие государства Запада — Великобритания, Германия, США, Франция.

Этот геополитический аспект, а также выявленные закономерности влияния новой материальной базы вооруженной борьбы на развитие стратегических и оперативных форм, методов и способов боевых действий по-прежнему обуславливают актуальность исторического исследования Русско-японской войны.

На основе исторических документов и материалов авторы раскрывают причины обострения международных противоречий в Дальневосточном регионе на рубеже XIX–XX вв. и перерастания их в войну. Подготовка к ней сторон, сражения на сопках Маньчжурии, оборона и падение Порт-Артура, бои на море...

В книге также убедительно показаны причины поражения России, несмотря на массовый героизм солдат, матросов и офицеров, дан всесторонний и глубокий анализ всех аспектов войны — военных, политических, экономических, а также уроков боевых действий на суше и на море, их влияния на развитие военной науки и материальной базы вооруженной борьбы.

Труд иллюстрирован большим количеством малоизвестных документов.

Специальная глава посвящена 70-летию окончания Второй мировой войны. Она повествует о Дальневосточной кампании советских Вооруженных сил 1945 г., крупнейшей в истории войны, успешно проведенной Маньчжурской стратегической наступательной операции — триумфе советского военного искусства, о деятельности видных отечественных полководцев, военачальников, чьи имена золотыми буквами вписаны в боевую летопись нашего Отечества, о вкладе Советского Союза в разгром Японии. Необходимо выразить историческую надежду на то, что в наших отношениях с восточным соседом — Японией — будет вечный, справедливый и взаимовыгодный мир.

УДК 355/359(520)

ББК 63.3(2)622.13:63.3(2)521